This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ВГ
Ан В- 7050к

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

P[illegible]SSIA

№ 1714

13149
13

2.0
П-43

ПРОСТАЯ РѢЧЬ

О

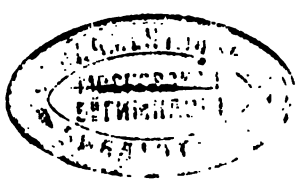
МУДРЕНЫХЪ ВЕЩАХЪ

СОЧИНЕНІЕ

М. П. ПОГОДИНА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ,

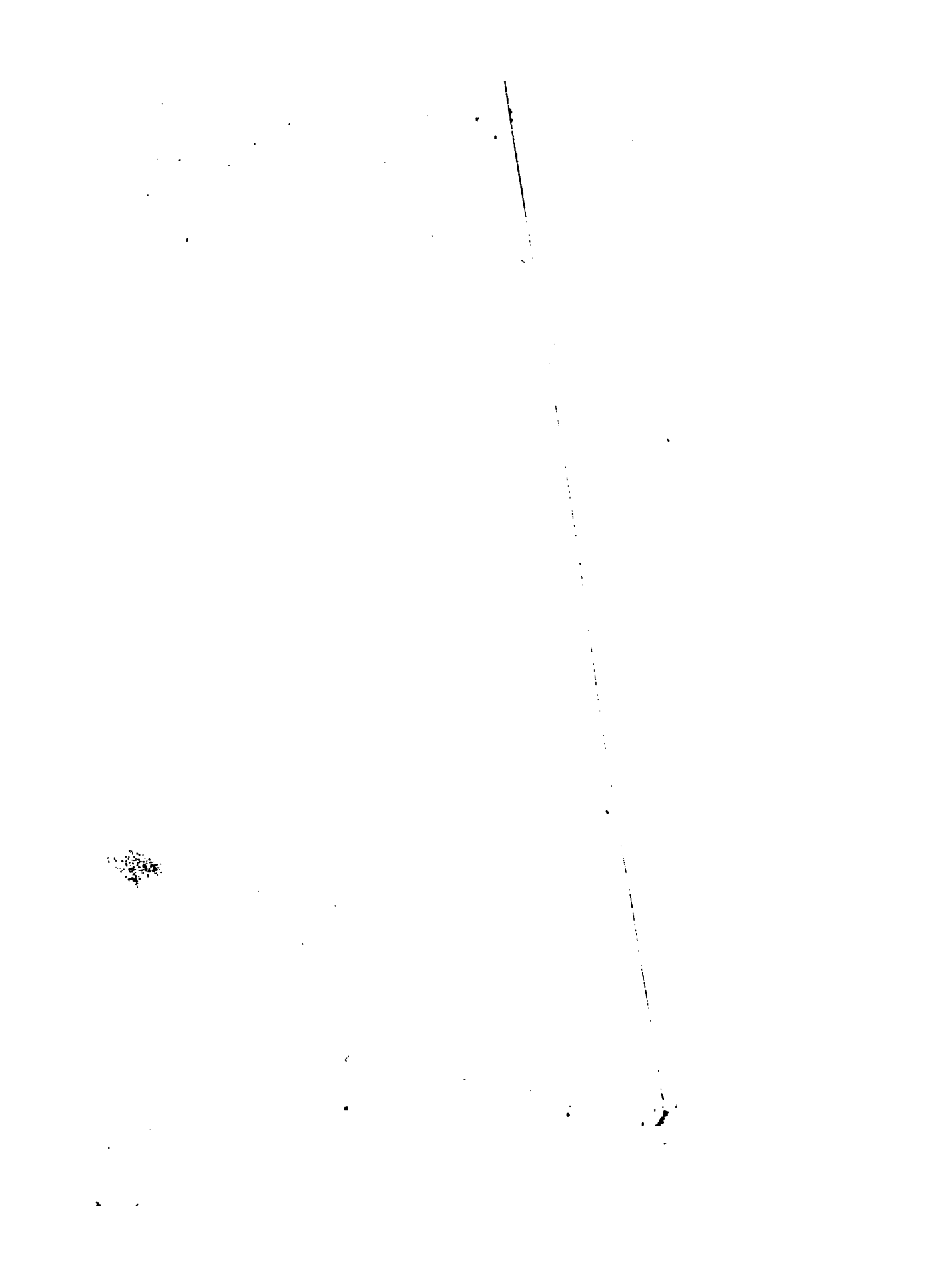
исправленное и умноженное.



МОСКВА,
Типографія Э. А. Вильде на Тверскомъ бульварѣ, домъ Полянова.
1875.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

НРАВСТВЕННО-ДУХОВНЫЕ АФОРИЗМЫ.



ПРОСТАЯ РѢЧЬ
О
МУДРЕНЫХЪ ВЕЩАХЪ.

Жизнь, смерть, начало, конецъ, добро, зло, счастіе, несчастіе, душа, безсмертіе, другой міръ, вѣра, вѣчность, вселенная, человѣкъ, Христосъ, Богъ!... о какихъ высшихъ предметахъ осмѣливаюсь я повести рѣчь свою!

Но какіе другіе предметы ближе ихъ къ человѣку? Какіе предметы должны больше всего занимать насъ? Съ какими вопросами тѣснѣе соединено настоящее бытіе наше, и будущая участь, какая бы ни была она—ничтожество, по мнѣнію модныхъ философовъ, или вѣчная жизнь, по ученію христіанскому!

Напрасно особыя науки, — философія, богословія, — присвоили себѣ исключительно эти предметы, ставя ихъ крайней цѣлію своихъ изслѣдованій. Напрасно, потому что они должны сопутствовать всякому человѣку, грядущему въ міръ, занимая его умъ, питая сердце, направляя волю, — однимъ словомъ, составляя сущность его жизни: всякій человѣкъ долженъ думать о томъ, для чего онъ живетъ; и только по этимъ понятіямъ онъ можетъ устроивать свою жизнь такъ, а не иначе; безъ этого знанія, чѣмъ же онъ будетъ? куклою, животнымъ.

Раздѣленіе знаній и изслѣдованій, какъ раздѣленіе труда, раздѣленіе занятій, принесло пользу въ свое время, но вмѣстѣ послужило препятствіемъ къ развитію большинства. Сдѣлавшись достояніемъ науки, взятые изъ жизни въ школу, эти вопросы подчинялись ея отвлеченнымъ условіямъ и требованіямъ, уподобились почти алгебраическимъ буквамъ въ понятіи ученыхъ, привилегированныхъ спеціалистовъ, въ

родѣ Египетскихъ жрецовъ, потеряли свою жизненность или обмерли, и подъ хламомъ такъ называемыхъ свѣдѣній, наполнившихъ библіотеки, безъ приложенія, утратили для многихъ свое настоящее назначеніе, смыслъ свой для жизни. Онѣ сдѣлались трупомъ подъ ножемъ прозектора, который можетъ дѣлать надъ ними изслѣдованія съ различными успѣхами, но съ трудомъ можетъ вообразить по немъ живаго, мыслящаго человѣка, и еще менѣе научить его, какъ ему жить,—да и самъ не научается.

Наука сама по себѣ, жизнь сама по себѣ. Жизнь осталась лицомъ къ лицу одной физической нужды, и ограничилась изысканіемъ средствъ въ потѣ лица, для ея удовлетворенія, а потомъ, увлекшись, забывшись, и для искусственнаго умноженія нуждъ, себѣ на голову. Изъ-за средствъ потерялась изъ виду цѣль.

Можетъ быть, иначе и нельзя было: можетъ быть, это естественный ходъ вещей, послѣдовательность ступеней въ таинственной лѣстницѣ исторіи, непостижимый теперь для насъ порядокъ, допущенный въ высшемъ домостроительствѣ Божіемъ.

Въ наше время наступаетъ пора распространенія знаній, простѣйшаго ихъ положенія, облегченія общаго къ нимъ доступа.

И человѣчество должно привѣтствовать эту новую эру съ благодарностію усердымъ проповѣдникамъ,—но да будутъ прокляты тѣ, которые начинаютъ все-народную, общедоступную проповѣдь съ отрицаній, сомнѣній, осужденій, и обращаютъ человѣческія мысли на лѣво, а не на право, о которыхъ сатанѣ нечего просить, чтобъ ихъ сѣять (просѣвать), яко пшеницу, которые не помнятъ словъ Спасителя: «кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше-бы, если-бъ мельничный жерновъ повѣсить ему на шею и потопить его въ глубинѣ морской»

«Надобно придти и соблазнамъ; но горе человѣку тому, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ».

Давно началъ я записывать въ особой тетради мысли и выраженія о

духовныхъ предметахъ, приходившія мнѣ на умъ,—особенные случаи, встрѣчавшіеся со мною самимъ въ продолженіи жизни, и слышанные отъ другихъ, на кои имѣются строго-критическія доказательства.

Лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ зародилось во мнѣ желаніе огласить ихъ простою рѣчью, внѣ всякихъ школьныхъ правилъ, справокъ и предубѣжденій, какъ представлялись мнѣ эти вопросы среди чтеній, размышленій, наблюденій, опытовъ, или созрѣли внутренно, безъ непосредственнаго моего въ томъ участія.

Нѣсколько разъ, въ теченіи этого долгаго времени, при разныхъ случаяхъ, почему-бы то ни было меня поражавшихъ, вызывавшихъ на размышленіе, представлявшихся мнѣ какъ-бы знаменіями, порывался я къ перу, и принимался писать, но мысль внезапно останавливалась, я бывалъ недоволенъ своими приступами, не находилъ силъ справиться съ задачей, не могъ продолжать, и откладывалъ задуманную бесѣду до другаго времени.

Года три тому назадъ, разбирая въ своемъ «Русскомъ» возмутительный Петербургскій процессъ по дѣламъ печати, гдѣ поносилось между прочимъ за религіозныя вѣрованія, яко бы наслѣдованныя отъ Московскихъ просвиренъ, имя одного изъ моихъ покойныхъ друзей, Ивана Васильевича Кирѣевскаго, человѣка высоко-образованнаго и высоко-нравственнаго, я долженъ былъ коснуться нѣкоторыхъ мыслей этого рода, и помѣстилъ въ статьѣ выписки изъ моей тетради. Пересматривая ее тогда, я подумалъ, не лучше ли передать ее, какъ она есть, собрать написанныя начала или приступы, и всѣ разсѣянныя замѣтки и отрывки, указать нѣкоторые вопросы и недоумѣнія, коими для мыслящихъ могутъ быть замѣнены иныя положенія, приведя все только въ нѣкоторый наружный порядокъ по предметамъ, не заботясь ни о какой системѣ, ни о какой полнотѣ. И въ самомъ дѣлѣ! Систематизировать потребовало бы много времени, которое у меня, 72-хъ почти лѣтъ, уже на исходѣ, — да и было бы мнѣ уже не подъ силу. Притомъ систематическихъ сочиненій много, и онѣ при

всѣхъ достоинствахъ имѣютъ свою невыгоду, оставаясь непривлекательными или недоступными для большинства, какъ для дѣтей бываютъ иногда учебныя книги. Нужды нѣтъ, что собраніе мое представитъ какую-то смѣсь съ недостатками всякаго рода, повтореніями, уклоненіями, вставками, отступленіями, съ одной стороны съ пробѣлами, а съ другой съ представленіями одной и той-же мысли въ разныхъ только видахъ и оборотахъ; нужды нѣтъ, что собраніе мое будетъ состоять изъ разноцвѣтныхъ и разношерстныхъ, такъ сказать, лоскутковъ, сшитыхъ на живую нитку. Дѣло не въ искусствѣ, не въ авторствѣ, не въ формѣ, а въ содержаніи: цѣль моя не строить, не предлагать системы, а произвести извѣстное впечатлѣніе, привлечь вниманіе, содѣйствовать душевному настроенію, возбудить бо́льшее уваженіе къ жизни, благоговѣніе предъ ея высокими задачами, удержать сколько нибудь отъ дерзкаго умничанья и легкомысленнаго отрицанія нашу несчастную молодежь.

Окончаніе Древней Русской Исторіи до Монгольскаго ига не оставило мнѣ тогда времени на приведеніе въ исполненіе этого плана.

Въ предпрошедшемъ году лекціи нашего почтеннаго богослова Н. А. Сергіевскаго возбудили во мнѣ желаніе прочесть съ каѳедры простую рѣчь — и опять намѣреніе не состоялось за новою работою, которая потребовала всего моего времени.

Но вотъ я говѣю теперь: надо отрѣшиться отъ злобы дня. Какое занятіе лучше, цѣлесообразнѣе, размышленія о высшихъ человѣческихъ вопросахъ, — и я вздумалъ посвятить все свободное время на приведеніе въ порядокъ моихъ отрывковъ и замѣтокъ. Дѣло пошло на этотъ разъ успѣшно. На страстной недѣлѣ я переписалъ, разумѣется, на черно, и кое гдѣ исправилъ старую тетрадь, — мнѣ вдругъ захотѣлось, не отлагая вдаль, приготовить ее къ изданію какъ можно скорѣе, что теперь и исполняю, занявшись ею на досугѣ въ Емсѣ.

1872 года. Сентября 2 дня.

Прежде всего я передамъ написанные мною въ разное время приступы или начала безъ концовъ, и укажу на случаи, которые производили во мнѣ особенное впечатлѣніе, и напоминали о задуманномъ дѣлѣ,—присоединяя по мѣстамъ новыя замѣчанія, которыя вспадаютъ на умъ...

Случилось мнѣ однажны возвращаться домой поздно вечеромъ по пустынному Дѣвичьему полю. Полный мѣсяцъ катился прямо предъ моими глазами, пробиваясь сквозь кучи легкихъ, тонкихъ, облаковъ! Вотъ онъ, кажется, падаетъ, сейчасъ упадетъ, сорвется... ну если.... въ забытьи становилось страшно.... Нѣтъ, онъ не сорвется, не упадетъ! Тысячи лѣтъ уже онъ совершаетъ свой путь по одной и той же линіи, не уклоняясь отъ нея ни на волосъ, — и всѣ эти миріады звѣздъ, которыхъ быстротечный свѣтъ достигаетъ до насъ, вѣками носятся въ своихъ безграничныхъ пространствахъ, не мѣшая одна другой, не забѣгая ни на единую черту въ чужую орбиту. Кто-же указалъ имъ ихъ пути? Что держитъ ихъ на вѣсу? Гдѣ, въ чьихъ рукахъ, этотъ камертонъ, по которому онѣ движутся тысячелѣтія безъ малѣйшей ошибки, въ гармоніи, слышной для Платоновъ?

Міры держатся силою притяженія, — нашелъ славный Ньютонъ великую научную истину. А притяженіе то кто сообщилъ имъ? Да и что такое притяженіе, что въ немъ есть? Сила, духъ, идея?

А мы, муравьи, копышемся въ своихъ кучкахъ, топыримся и мечтаемъ, что значимъ что-то въ этой безграничной вселенной.

Но мы въ самомъ дѣлѣ значимъ что-то въ сравненіи съ настоящими муравьями, какъ и муравьи — гиганты въ сравненіи съ инфузоріями (наливчатыми, микроскопическими животными, у которыхъ есть одинакожъ свои сложные организмы). . . . . .

Однажды, въ срединѣ Кавказа, передъ Сурамскимъ переваломъ, ночью, въ ожиданіи лошадей на станціи, среди тишины тишайшей, невозмутимой, я смотрѣлъ на синее великолѣпное небо, разстилавшееся необозримымъ шатромъ надъ моей головою. усыпанное яркими, сверкающими звѣздами. Мнѣ слышалось, что оно какъ будто *пѣло*... гармонія ощущалась въ душѣ, — и были для меня понятными слова боговдохновеннаго пророка, что небеса повѣдаютъ славу Божію. . .

Сгорѣлъ огромный балаганъ на масляницѣ, передъ Зимнимъ дворцемъ; нѣсколько сотъ человѣкъ погибло, и могущественнѣйшій въ Европѣ Государь, со средствами столичной полиціи, съ силами всей гвардіи, на берегу рѣки, среди широкой площади, *не могъ* подать помощи ни одному несчастному, не могъ спасти ни одной жизни, и долженъ былъ слышать стоны людей, погибавшихъ въ страшныхъ мученіяхъ. Какъ это могло случиться?... Что значитъ сила человѣческая?....

Вскорѣ послѣ этаго плачевнаго происшествія, на одной почти недѣлѣ сгорѣла биржа въ Лондонѣ, опера въ Парижѣ и Зимній дворецъ въ Петербургѣ. Три главные народа въ Европѣ лишились въ одно время своихъ славныхъ памятниковъ, на коихъ сосредоточиваются ихъ завѣтныя, задушевныя чувства,—для Француза зрѣлища, для Англичанина деньги, для Русскаго царская идея. Отстроить дворецъ къ слѣдующему году, сказалъ Императоръ Николай Павловичъ:

Англичане скинулись по гинеѣ; Французы устроили заемъ.—и пожара какъ не бывало! Суетное, легкомысленное племя! Ты не видишь здѣсь страшныхъ знаній, ты не понимаешь этихъ горныхъ напоминаній — подумать о томъ, о чемъ ты думать отвыкло: такъ-ли ты живешь, какъ тебѣ жить надо? То ли дѣлаешь, что тебѣ дѣлать надо!...

Покушеніе на жизнь Государя 4-го Апрѣля въ Петербургѣ, внезапная кончина Наслѣдника, вырваннаго какъ будто изъ среды семейства въ глазахъ у всѣхъ окружающихъ, покушеніе Березовскаго на жизнь Государя въ Парижѣ, поразило меня сильно....

Удивительныя событія нашего времени столь же мало обращаютъ на себя вниманіе ослѣпленнаго поколѣнія:

Парижъ, городъ, который полторы тысячи лѣтъ возвеличивался постоянно, и сдѣлался дѣйствительно столицею міра,—гдѣ наука, искусство, промышленность, достигли высокой степени совершенства, гдѣ на всякомъ шагу поражали путешественника обиліе, богатство, роскошь, соединенные съ особеннымъ изяществомъ, утонченностью, любезностью,—городъ, которому всѣ страны свѣта спѣшили приносить свою дань, гдѣ можно было, кажется, найдти птичье молоко,—этотъ Парижъ, въ одинъ мѣсяцъ очутился въ такой нуждѣ, что крысы и кошки были ему въ сласть! Неужели это не чудо?

И сама Франція, передовое могущественнѣйшее государство въ Европѣ,—улыбнется бывало Наполеонъ какому нибудь посланнику на поздравленіи въ день Новаго года, или взглянетъ косо на другаго, и во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ кабинетахъ поднимутся толки, конца не было догадкамъ, спорамъ, предположеніямъ!—Франція, считающая сорокъмиліонокъ своего народа,—и какого народа? талантливаго, пылкаго, самолюбиваго въ высшей степени, на все способнаго, храбрѣйшаго,—поражена такъ въ два-три мѣсяца, что изъ перваго класса диспа-

даетъ на эту пору не во второй, не въ третій, а развѣ, говоря по нашему, въ четырнадцатый. Три арміи, по двѣсти тысячъ каждая, сдаются въ плѣнъ непріятелю, чего не случалось никогда во всеобщей исторіи. Треть всей страны разорена, опустошена, выжжена; тысячи народа безъ хлѣба, безъ пристанища, должны ходить по міру; всѣ дѣла остановились. Наконецъ въ крайности заключенъ миръ самый унизительный: богатыя, преданныя до самоотверженія провинціи отняты: враги остались хозяйничать на неопредѣленное время; наложена страшная неслыханная контрибуція въ пять милліардовъ, которыхъ, говорятъ, во всей Европѣ мудрено собрать вдругъ наличными деньгами. Неужели это можно объяснить самонадѣянностью Наполеона, легкомыслiемъ Граммона, оплошностію Лебефа? Тѣ же люди были около Наполеона впродолженіи 18 лѣтъ—и побѣждали и властвовали! Судьба ихъ была тѣсно связана съ его судьбою; какимъ образомъ могли они, не спросясь броду, сунуться въ воду, и поставить на карту свою будущность? На всѣхъ нашло затменіе! Въ томъ-то и дѣло, что на всѣхъ нашло затменіе! Не даромъ вѣдь говорятъ: кого хочетъ наказать Богъ, у того отнимаетъ умъ, dementat.—Казалось, испита была вся чаша горечи, которая можетъ достаться въ наказаніе государству, народу;—нѣтъ, это было только начало «болѣзнемъ». На днѣ чаши оставалась еще желчь, ядовитая желчь—и Французы, которые не имѣли силы бороться съ врагами, нашли силу воевать между собою, и вотъ три мѣсяца они дерутся не на животъ, а на смерть. Война объявлена не только настоящему порядку вещей, но и прошедшему, съ которымъ разрывается всякая связь, и всѣ историческіе памятники разрушаются съ какимъ-то остервененіемъ и вмѣстѣ съ наслажденіемъ. Тюльери сожженъ до тла, Люксенбургскій дворецъ въ развалинахъ, Лувра, съ его сокровищами, едва осталась третья часть. Вчера получено извѣстіе, что горитъ Ратуша, Префектура полиціи, Ломбардъ. О статуяхъ Генриха IV и Людовика XIV и говорить нечего. Наконецъ Вандомская колонна, гигантскій памятникъ всесвѣтныхъ побѣдъ, которыми такъ

любили хвалиться Французы, обложенная навозомъ, повалена усиліями механики, вдоль улицы Мира, rue da la Paix, — (какая страшная иронія!),—у героя, стоявшаго на высотѣ ея, въ порфирѣ и лавровомъ вѣнцѣ, отлетаетъ голова, и тулозище раскалывается на двое при неистовыхъ рукоплесканіяхъ толпы. Кости его, изъ почетной гробницы Дома инвалидовъ, хотятъ бросить въ могилу подлаго, презрѣннаго убійцы. Какія поразительныя явленія, знаменія, и вмѣстѣ уроки для современниковъ, для всѣхъ, имѣющихъ очи видѣти и уши слышати!...

Когда вышла Штраусова книга о жизни Іисуса Христа,—прочитавъ первую главу, гдѣ авторъ, разбирая явленіе ангела въ алтарѣ Захаріи, отцу Іоанна Крестителя, прикладываетъ къ этому сказанію Шлецерову буквенную, щепетильную критику лѣтописныхъ сказаній: съ которой стороны явился ангелъ, могъ ли увидѣть его народъ, стоявшій внѣ алтаря и проч., я началъ было писать письмо: Вы не вѣрите чудесамъ, такъ зачѣмъ же вы принимаетесь разсуждать объ Евангельскихъ чудесахъ? Вы не признаете бытія ангеловъ, такъ зачѣмъ же толковать, съ какой стороны невозможный ангелъ могъ быть видѣнъ, или слышанъ народу?...

Вы не признаете чудесъ, но вы сами, человѣкъ, развѣ не чудо? Откуда вы взялись, какъ въ каплѣ сѣмени зародились вашъ умъ, совѣсть, воля? И вотъ вы написали книгу... Какъ происходили ваши мысли, какъ онѣ находили себѣ выраженія? . . . . . .

Въ 1856 году, изъ Гейльброна я ѣздилъ нарочно къ Юстину Кернеру разспросить о явленіяхъ, разсказанныхъ имъ въ die Seherin von Prevorst, передать ему извѣстные мнѣ случаи, свидѣтельствующіе объ явленіяхъ и силахъ міра невидимаго, и послѣ начать имъ рѣчь, но не нашелъ его дома: онъ отъѣхалъ наканунѣ именно туда, откуда я выѣхалъ для его посѣщенія (въ Вильдбадъ, въ Вюртембергскомъ королевствѣ)... и намѣреніе мое не исполнилось.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, услышавъ мелькомъ объ образованіи въ Университетѣ между студентами общества для распространенія новѣйшихъ попытокъ матеаріалистовъ, я началъ къ нимъ посланіе.

Пишу, не знаю къ кому, и лишь зная объ чемъ. До слуха моего, въ уединенной кельѣ, дошли извѣстія о какихъ-то отрицательныхъ сочиненіяхъ религіознаго и политическаго содержанія, кои ходятъ по рукамъ между студентами, переводятся ими, и сообщаются другъ отъ друга. Преданный Университету отъ всей души, любя студентовъ, къ которому принадлежалъ самъ, между которыми находится теперь мой сынъ, я рѣшился сказать нѣсколько словъ молодымъ друзьямъ, хотя и неизвѣстнымъ.

Въ послѣднее время судьба кинула меня на поприще вопросовъ общественныхъ: не обинуясь говорилъ я искренно свое мнѣніе о современныхъ опасныхъ для насъ обстоятельствахъ, *не смотря ни на какія лица*; не обинуясь скажу и теперь вамъ, что не менѣе опасно,—хоть и въ другомъ отношеніи—о взятомъ вами направленіи. Предметъ этотъ слишкомъ важенъ, но, къ сожалѣнію, онъ все еще не занимаетъ подобающаго ему мѣста въ системѣ государственнаго управленія. Принимая его къ сердцу, я боюсь, чтобъ другіе *осѣдомленные*, не разумѣя дѣла, не принялись говорить съ вами иначе, т. е. дѣйствовать по своему, и не принеслибъ вреда вмѣсто пользы, чтобъ не возрастили зла вмѣсто его искорененія.

Прежде всего я похвалю ваше стремленіе къ истинѣ: блаженни алчущіе правды, яко тіи насытятся, сказалъ Тотъ, Кого надобы вамъ спрашивать и слушать чаще, читая Евангеліе. *)

Вашъ возрастъ самый опасный: умъ вступаетъ въ права свои, кровь кипитъ, сердце волнуется, страсти зарождаются, вопросы встрѣчаютея

---

*) Большая часть отрицательныхъ сочиненій въ наше время, по всѣмъ отраслямъ жизни, замѣчу здѣсь кстати, принадлежитъ, кажется, Евреямъ, въ которыхъ дѣйствуетъ какъ будто тайная, не вѣдомая имъ самимъ, роковая сила, влекущая ихъ въ борьбѣ съ Христіанствомъ и его началами.

на каждомъ шагу: какъ, почему, зачѣмъ, на что? Обыкновенные отвѣты неудовлетворительны, и вотъ для юныхъ искателей.

Сомнѣнья тучей обложилось
Священной истины чело.

Чистое сердце ваше оскорбляется ежедневными явленіями зла. Кажется все не такъ, все должно быть перемѣнено, и какъ легко сдѣлать все это!

И вотъ являются можетъ быть благонамѣренные, но ограниченые учители, руководители, или отчаянные, не излѣчимые мечтатели. Они обѣщаютъ все, и давно уже обѣщали все ихъ прародители, но разберите, что же исполнилось изъ ихъ обѣщаній?

Куда пришла Франція послѣ всѣхъ кровавыхъ опытовъ съ 1789 года? А сколько было тамъ умныхъ людей! Какіе таланты! Были истинные геніи по всѣмъ путямъ человѣческой жизни! Сколько книгъ написано, одна другой лучше, читаешь ихъ съ увлеченіемъ, восторгомъ, и какіе же плоды?

Нынѣшніе эмигранты сулятъ, если отдать имъ въ руки управленіе, такую республику, отъ которой съ ужасомъ отворачиваются самые либеральные граждане, и хватаются за желѣзную руку Лудовика Бонапарта, надѣясь въ ней найти опору.

Эти эмигранты имѣли власть въ своихъ рукахъ, что же они сдѣлали? Они могли говорить въ своей палатѣ все, что имъ было угодно, что же они сказали?

Еслибъ было у кого изъ нихъ слово-дѣло, ясное, простое, способное осчастливить гражданское общество, или по крайней мѣрѣ помочь добру и помѣшать злу, слово, оно заставило бы сердце биться у всякаго образованнаго мыслящаго человѣка на обоихъ полушаріяхъ, нашло бы вездѣ себѣ много друзей, явныхъ и тайныхъ, не менѣе сильныхъ, исполнителей; но нѣтъ, не было такого слова дѣла, да и нѣтъ его...

Не нашли его всѣ глубокомысленные философы Франкфуртскаго сейма, которые столько времени посвятили на разсужденіе объ основныхъ правахъ гражданина, Grundrechte.

Не сказали его ни Маццини, ни Герценъ.

Луи Бланъ съ работниками въ Луксембургѣ, разсуждая о droit du travail, представилъ смѣшное зрѣлище,—одно пустозвонство!

Хороши проповѣди и отца Анфантена въ Египтѣ.

Читаешь Жоржъ-Занда, Прудона,—прекрасно, краснорѣчиво, трогательно, и вздохнешь, и задумаешься, и улыбнешься, но въ концѣ концевъ опять спросишь: да что-же это все? Если и не то, что общія мѣста, а умныя вещи, но безъ приложенія: ничего съ ними не подѣлаешь!

Вспомните извѣстіе о смерти Кабе въ Икаріи, о тѣхъ явленіяхъ, коими отравлены были послѣдніе его дни въ основанныхъ имъ фаланстеніяхъ *).

Вотъ Коссидьеръ такъ благоразумно поступилъ, открывъ винный погребокъ въ Лондонѣ.

Немногому путному въ этомъ отношеніи научаетъ насъ и Америка съ свободою, часто необузданною. Живутъ Американцы вольнѣе, но счастливѣе-ли? Ихъ братоубійственная война представляетъ страшное зрѣлище даже для Стараго свѣта, который прожилъ подольше Новаго, и видѣлъ много всякаго зла на своемъ вѣку.

Болѣзни, язвы, раны, злоупотребленія общества, увидѣть, описать, легко, и плакать надъ ними также. Во всѣ времена являлись добрые, сострадательные люди и писатели, которые живо чувствовали ихъ, принимали къ сердцу и описывали красно и трогательно. Почитайте хоть одного Руссо: — но лѣкарства то какія и кѣмъ найдены и указаны? Чирья вырѣзаются, по вѣрной, хотя и неблагозвучной русской пословицѣ, а болячки вставляются. Такова исторія многихъ преобразованій въ родѣ нашей замѣны откупной сестемы акцизною, съ которою народъ спивается до нельзя.

*) И Мормонское общество разрушилось въ Америкѣ.

Другіе преобразователи не только жаловались, но брались исправить, и начинали съ истребленія, что-же вышло?

Посмотрите на портреты передовыхъ, такъ называемыхъ, дѣятелей нашего времени, начерченные мастерскою кистью Герцена. А ихъ приверженцы и послѣдователи — что за лица? Какіе задатки для спасенія народовъ отъ этого озлобленнаго отребья? Герценъ оказалъ великую услугу, познакомивъ насъ съ этими героями.

Поляки просто жалки! Какая путаница, какая ералашь! Сами не знаютъ, чего хотятъ, а рвутся, очертя голову, на пропалую. Никакая побѣда не пошла бы впрокъ такимъ политическимъ вѣтрогонамъ.

Что же сказать о нашихъ выходцахъ и эмигрантахъ? Они могутъ писать все: что-же они пишутъ для насъ, дѣлаютъ и говорятъ?

Нетерпѣніе похвально въ своемъ основаніи, но бываетъ пагубно въ своихъ приложеніяхъ. Старайтесь исправлять себя, дѣлаться въ середу лучше, чѣмъ были во вторникъ, какъ училъ Карамзинъ! А кто изъ насъ можетъ сказать даже, что въ середу не сталъ онъ хуже, чѣмъ былъ во вторникъ? Мы хотимъ все учить другихъ, кроемъ чужую кровлю, воздѣлываемъ чужое поле, а свое, глядишь, покрывается терніемъ и волчцами, и мы поступаемъ сами въ число больныхъ, иногда отчаянныхъ, вмѣсто того, чтобы дѣлаться лѣкарями, какъ бы намъ хотѣлось или мечталось.

Выходитъ ежегодно изъ нашихъ Университетовъ чуть-ли не тысяча студентовъ, оканчивающихъ курсъ,—(а сколько уже вышло ихъ со времени основанія Университетовъ!)—что если бы изъ этой тысячи хоть одна сотня начинала дѣйствовать такъ, какъ вы теперь требуете, положимъ, отъ правительства, отъ общества, но, спрашиваю я васъ, скажите, положа руку на сердце:—бываетъ-ли такъ, и не начинаетъ ли эта сотня, съ немногими исключеніями, черезъ годъ, черезъ два, черезъ пять лѣтъ, выть съ волками по волчьи, а потомъ и превращаться въ волковъ..., образованныхъ, патентованныхъ, и тѣмъ болѣе опасныхъ и вредныхъ?

Подумайте-ка объ этомъ, друзья мои, вмѣсто занятій дрянными переводами книгъ, которыя выросли не на нашей почвѣ, и такъ пристали къ Русскимъ студентамъ, какъ къ коровѣ сѣдло.

Еслибъ триста человѣкъ, 14 декабря, изъ которыхъ большая часть, судя по свидѣтельствамъ, были люди истинно благонамѣренные, чистые, любившіе отечество искренно, умные, способные, избрали себѣ взявшись рука за руку, другой образъ дѣйствій, и нейдя на площадь, поступили-бы въ канцеляріи, департаменты, на службу, съ благими своими намѣреніями; изъ нихъ черезъ немного лѣтъ вѣдь вышло-бы двадцать, тридцать губернаторовъ, министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта, и какое поприще открылось бы для нихъ дѣйствій, сколько добра могли-бъ они сдѣлать! Это было бы такое общество, какихъ желать можно. Далеко бы мы ушли.... Міръ ихъ праху! Помяни ихъ Господи во царствіи Твоемъ!

Точно тоже должно сказать и объ ихъ преемникахъ, которые, хотя все мельче и мельче, слабѣе и слабѣе, продолжаются одни за другими, —такъ или иначе, и погибаютъ безсѣдно...

Что-же дѣлать намъ, спросите вы? Сидѣть, сложивши руки? Сидѣть, сложивши руки, все таки лучше, чѣмъ махать ими безъ толку и тратить силу по пустому. Но есть занятія пополезнѣе: учиться, учиться и учиться, не мудрствуя лукаво! Друзья мои! друзья мои! за работу, за работу! за ученье!

Нѣтъ въ мірѣ царства столь пространна,
Гдѣбъ можно было столь добра творить.

На всякомъ мѣстѣ можно у насъ сдѣлать много, много добра: учитель, исправникъ, лѣкарь, священникъ, староста, офицеръ, смотритель, не говоря уже о высшихъ должностяхъ,—а какъ исправляется большая часть этихъ должностей, и все вслѣдствіе недостатка въ истинномъ образованіи*).

*) Вотъ описывается жизнь нашихъ Русскихъ выселенцевъ въ Америкѣ. Сколько трудовъ принимаютъ они на себя! Какую нужду терпятъ! Какимъ униженіямъ подвергаются! Читать грустно и тяжело! Ну, да еслибы они съ такимъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ притязаній честолюбія, взяли на себя дома должность волостныхъ писарей! Сколько добра они могли-бы сдѣлать для народа, для общества, для себя даже и въ матеріальномъ смыслѣ! Что-же мѣшаетъ имъ? Позди. примѣчаніе.

Учись и дѣлай каждый свое дѣло!....

Я становлюсь на точку Карамзина, но.... но какія же точки тверже, особенно въ наше время?. . . . . .

Явились сочиненія Герцена за границей. Пока онъ былъ дома и писалъ въ Отечественныхъ запискахъ, въ Современникѣ, я считалъ его одною изъ тѣхъ жалкихъ посредственностей, которыя вырастаютъ у насъ ежегодно по журналамъ, какъ грибы послѣ дождя, съ охотой смертною и участью горькою.

Помню, какъ однажды въ профессорской комнатѣ Перевощиковъ указалъ намъ описаніе среднихъ вѣковъ, предложенное Герценомъ въ какой-то статьѣ О. З., и какъ мы всѣ хохотали надъ нимъ, стараясь представить ихъ положеніе по данному Герценомъ чертежу...

Но когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, я познакомился съ его сочиненіями за границею, я увидѣлъ, что онъ выросъ до высоты, для всѣхъ его товарищей недосягаемой, явилъ силу слова, до него неизвѣстную, сообщилъ наблюденія, мысли, какихъ никому въ голову не приходило, образовалъ свой родъ сочиненія, занялъ высокое мѣсто въ Европейской литературѣ силою таланта необыкновеннаго.

Между тѣмъ онъ шелъ по пути разрушенія, по пути, иже вводяй въ пагубу; онъ судилъ объ основахъ общества легкомысленно, относился къ религіи болѣе чѣмъ легкомысленно; дерзко шутилъ съ огнемъ, и, не ограничиваясь собою, пытался распространить свой образъ мыслей, старался о пропагандѣ.

Мнѣ жаль было, что такой необыкновенной талантъ въ одномъ отношеніи пропадаетъ для отечества, а въ другомъ приноситъ вредъ вмѣсто пользы.

По ходу его мыслей, я увидѣлъ впослѣдствіи, что онъ началъ склоняться на правую сторону.

Я былъ увѣренъ, что Герценъ находится въ процессѣ развитія, что онъ не останется на теперешнемъ своемъ мѣстѣ, и что ему предлежитъ еще много метаморфозъ.

Обращеніе его сдѣлалось моимъ искреннимъ, горячимъ желаніемъ, потому что я чуялъ въ его брани, въ его хулѣ, въ его увлеченіяхъ, въ его заблужденіяхъ, среди его отчаянныхъ парадоксовъ, звуки теплой любви къ отечеству и доказательства ума, таланта сильнаго.

Нѣсколько разъ пытался я писать къ нему, при разныхъ замѣчательныхъ у насъ событіяхъ нынѣшняго царствованія, письмо, и начать этимъ письмомъ задуманную рѣчь. Мнѣ хотѣлось сообщить Герцену нѣкоторыя явленія изъ міра невидимаго, имъ отвергаемаго, явленія, подлинность которыхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но всякій разъ что нибудь мѣшало мнѣ, письмо не выработывалось, и я оставлялъ намѣреніе... *)

« .... Вы принимаете весь міръ, всю природу, человѣка со всѣми его способностями, comme un fait accompli. Вамъ нѣтъ дѣла ни до начала, ни до конца. Вы хотите разбирать только сущее, настоящее, не считая нужнымъ заботиться о прочемъ. Это очень удобно и покойно. Шутка—вселенная un fait accompli! Можно признать теперь соединеніе Молдавіи и Валахіи съ Княземъ Кузою, comme un fait accompli, да и то хочется спросить: почему согласилась Россія, отъ чего уступила Турція, что имѣли въ виду Англія, Франція, и проч. и проч? Движеніе звѣздъ, дѣйствія ума человѣческаго, творенія искусства, сіяетъ солнце и оживотворяетъ природу, свѣтитъ мѣсяцъ, листъ зеленый нарождается со всякимъ лѣтомъ—все это faits accomplis! А когда оно началось, когда кончится, объ этомъ нечего и думать...

Размышленія объ этихъ предметахъ, скажете, не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. А развѣ это не великій результатъ: убѣжденіе къ невозможности достичь какихъ нибудь положительныхъ результатовъ о всѣхъ высочайшихъ вопросахъ? Не можете понять ничего, ну такъ сознайтесь въ ограниченности человѣческаго разума, почувствуйте

*) Послѣ я встрѣтился съ Герценомъ въ Монтре, куда посылали меня врачи послѣ усиленныхъ трудовъ надъ біографіей Карамзина, въ 1866 г. См. мою статью объ этой встрѣчѣ, и по поводу смерти Герцена въ 1869 г. Заря № 2.

смиреніе, а у васъ вѣдь господствуетъ гордость, а у вашихъ послѣдователей спѣсь глупаго мѣщанина во дворянствѣ!...

Назидательны послѣднія, предсмертныя размышленія Герцена *). Но онъ все еще оставался въ прежнемъ безусловномъ невѣріи, и все еще носился въ воздушныхъ пространствахъ общаго! Онъ все таки думалъ, кажется, сочинить государство на свой ладъ, и старая закваска въ немъ не выдохлась. Грустно, что онъ упалъ на полдорогѣ, и не дошелъ ни до какой пристани на землѣ...

А въ какомъ омутѣ онъ погрязалъ и тонулъ, въ какой атмосферѣ задыхался,—и сколько времени! Надо было имѣть крѣпкую голову, чтобы не очумѣть и не свихнуться, а онъ выходилъ на прямую дорогу....

Наконецъ вотъ одинъ изъ первыхъ моихъ приступовъ:

Съ чего начать мнѣ простую рѣчь о мудреныхъ вещахъ? Совершенствованіе, просвѣщеніе — самая сладкая, любимая мечта моей юности! Съ какимъ восторгомъ представлялъ я себѣ то время, когда человѣкъ, на лонѣ природы, въ мирѣ съ самимъ собою, съ своей совѣстью, со всѣмъ его окружающимъ, въ кругу своего семейства, будетъ наслаждаться жизнію, проводя ее въ изысканіяхъ таинъ мірозданія, таинъ исторіи, въ твореніяхъ мысли и чувства, поклоняясь Творцу духомъ и истиною! И я былъ увѣренъ, что оно наступитъ! Содѣйствовать приближенію этого времени—какое счастіе! Дайте мнѣ хоть орангутанга, думалъ я въ восторгѣ, идя однажды съ Дмитріемъ Веневитиновымъ и бесѣдуя о золотомъ вѣкѣ, и если я успѣю выдвинуть его на нѣсколько шаговъ впередъ на его пути, то я не пожелаю ничего болѣе. Это было въ двадцатыхъ годахъ. Текло время, занимался я Исторіею, и опыты жизни опровергали мечту о постепенномъ усовершенствованіи людей, государствъ и народовъ. Нѣтъ,

*) Мнѣ было пріятно найти у него нѣкоторыя свои мысли, давно высказанныя.

думалъ я, это оттого; что просвѣщеніе не полное, что одна часть воздѣлывается на счетъ другой,—и писалъ о счастіи въ своихъ повѣстяхъ, разсуждалъ въ Афоризмахъ, внушенныхъ философіею Шеллинга.

Такъ ли я думаю теперь, спросятъ меня, послѣ того, какъ я долго прожилъ, читалъ, думалъ, испыталъ, видѣлъ, слышалъ? Утвердился ли я въ убѣжденіяхъ своей молодости? Увы! Гдѣ это усовершенствованіе? Можетъ быть—въ лицахъ недѣлимыхъ! Усовершенствована Астрономія, Физика, Химія, Философія—но не человѣкъ, еще менѣе родъ человѣческій. Каинъ убилъ Авеля дубиною, а Шаспо (Франція), Крупъ (Германія), Армстронгъ (Англія), валятъ людей тысячами изъ своихъ пушекъ и ружей...

Мы называемъ просвѣщеннымъ человѣкомъ того, кто отличается познаніями, сочиненіями въ Математикѣ, Словесности, Богословіи, имѣетъ много свѣдѣній о тѣхъ или другихъ предметахъ, но великій Баконъ является въ жизни человѣкомъ низкимъ, продажнымъ, раболѣпнымъ, неблагодарнымъ, и подвергается суду верховнаго судилища, но Гегель умираетъ отъ несваренія желудка, но Гете находитъ удовольствіе въ титулѣ Тайнаго Совѣтника, по свидѣтельству Гумбольта, который, шутя, и самъ признается въ этомъ малодушіи: и я это люблю, сказалъ онъ въ Москвѣ К. К Яниш (послѣ Павловой), совѣтуя ей на пакетѣ, передаваемъ для Гете, прописать этотъ чинъ. Байронъ кичился больше своимъ происхожденіемъ отъ Норманскихъ бароновъ, чѣмъ своею поэзіей! Неужели это свидѣтельствуетъ о большомъ вліяніи умственнаго образованія!

Между умомъ и сердцемъ такая-же бездна, черезъ которую нѣтъ моста, какъ прежде, какъ всегда, и если они соединяются иногда, то не наукою, а чѣмъ то инымъ... наука, могущественная въ своей сферѣ, имѣетъ здѣсь вліяніе, но не рѣшительное, условное...

Обращаюсь къ тетради, и передамъ теперь набросанныя мысли и выраженія, раздѣливъ ихъ на группы по предметамъ.

Бытіе — кто мы, что мы, откуда, куда, для чего?

Быть, жить, существовать, — что же такое жизнь, откуда взялась, чѣмъ сохраняется, какъ прекращается, куда дѣнется?

Какая тайна глубже, непостижимѣе, тайны бытія?

Однакоже мы есмы, живемъ, существуемъ!

Отвергнемъ ли мы наше существованіе по той только причинѣ, что мы не понимаемъ его?

Нѣтъ, этого никто не дѣлаетъ, да и не можетъ дѣлать, т. е. сказать, что его нѣтъ. Это было бы безуміемъ.

Такъ не безумно ли отвергать многое другое, потому только, что его не понимаемъ, не видимъ, или не можемъ ощупать руками?

Быть, не быть; бытіе, *небытіе* — что непостижимѣе?

Ничто, — что это такое? Можетъ ли быть, существовать ничто? Это было бы ужь не ничто, а нѣчто.

Откуда же взялось все?

Говорятъ: Все было всегда.

А это «всегда» что значитъ?

Развѣ это также не тайна, не непостижимость?

Что понять легче: ничто или все?

Безпредѣльность — что это такое? Изъ какихъ пространствъ она составилась?

Какъ можетъ быть что нибудь безъ предѣловъ?

Но нельзя вообразить себѣ и *предѣловъ*; что же за ними?

Опять тайна и непостижимость!

Безпредѣльность непостижима, а точка постижимѣе-ли?

Что такое начало? Что такое конецъ? Гдѣ начало, гдѣ конецъ? А до начала-то что? А послѣ конца-то что? Когда начало, когда конецъ?

Или: все не имѣетъ ни начала, ни конца? Это еще мудренѣе.

Міръ и все, что есть въ немъ, и на немъ, откуда онъ? А безъ него, что же было на его мѣстѣ? *Пустота*, пустота безпредѣльная, которой опять ни понять, ни вообразить не возможно.

И вдругъ, въ этой безпредѣльной пустотѣ, зародилось гдѣ-то, и наполнило ее всю, явилось какое-то вещество. Возникла въ немъ какая-то сила. Произошла жизнь. Жизнь зажила. Началось твореніе наиразнообразнѣйшее.

Не довольно ли этой непостижимости, чтобы потеряться, потонуть въ безднѣ мысли, и склониться главою въ недоумѣніи!

Какія чудеса представляетъ вселенная! Изъ чего это все? Изъ ничего.

Неужели это понятно? Изъ ничего произошло и происходитъ все!

Когда же и гдѣ начало всему изъ ничего?

Нѣтъ и начала.

А это понятнѣе?

Какъ помѣщается время въ вѣчности?

Міръ, говорятъ, произошелъ самъ собою.

Міръ существовалъ всегда.

Что понятнѣе, что мудренѣе?

Отъ чего міръ сотворился, произошелъ такой, а не другой? Почему всѣхъ тварей произошло столько-то и въ такихъ-то видахъ?

Какое разнообразіе, какая сложность,—и все это заключалось въ первоначальномъ... въ чемъ? Въ какомъ сѣмени? Въ какомъ пространствѣ?

Оно не имѣло предѣловъ, и времени для него не было.

Да что же это такое? Пустота всезаключающая!

Вѣдь это непостижимо, а между тѣмъ нельзя обойтись безъ такого предположенія: какъ иначе опредѣлить, выразить ничто?

И такъ все это только слова! Есть еще подобное слово: *хаосъ*, къ которому можно приложить тѣже вопросы: откуда взялся, когда и *проч.* и *проч.*

Откуда взялась матерія, вещество? Какой духъ оживилъ ее? Откуда явился онъ? Какъ въ этой пустотѣ, по какимъ часамъ, годамъ, вѣкамъ, періодамъ начала образовываться такая-то своеобразная вселенная! Будетъ ли конецъ ей? Общій, частный? Началась онъ точкою въ одномъ мѣстѣ, или вдругъ занято было все чѣмъ-то, которое начало развиваться?

Когда? Почему? Отчего завтра, а не послѣ завтра?

Какой конецъ?

Атомъ — что такое, а изъ атомовъ, говорятъ, состоитъ все! Какъ атомы сливаются между собою, чтобы составить все?

Какъ мгновенія сливаются между собою, чтобы составить время?

Эти міры не ужели только блестки, не заключаютъ въ себѣ ничего, не чувствуютъ, не мыслятъ? Да и на что бы ихъ столько? Къ чемубъ такая роскошная мебель?

Какъ они разставились и размежевались, какъ распредѣлились разстоянія въ этой безпредѣльности и безконечности, такъ что и упасть ничему некуда, да и не возможно!

Безначальность, во времени, непостижима.

Вѣчность, еще болѣе.

Ограниченность пространства непостижима.

Безпредѣльность пространства непостижима.

Безконечная дѣлимость вещества непостижима.

Все это для насъ непостижимости, какую-бы систему мы ни приняли, съ какой-бы стороны ни подошли къ нимъ, какъ-бы ни оборотили вопросы. Все это тайны, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ, и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, лишь только задумаешься ...

Ясно-ли, что ума нашего не хватаетъ на эти представленія? Ясно-ли, что умъ нашъ, или, пожалуй, мозгъ, имѣетъ какіе-то предѣлы, дальше которыхъ, внѣ времени и пространства, не можетъ двигаться, впечатляться, т. е. понимать, воображать; не можетъ составлять никакихъ понятій ни о безначальности, ни о безконечности, ни о безпредѣльности, ни о дѣлимости?...

Мы знаемъ, слѣдовательно.... только предѣлы его собственные!

Да, *умъ* человѣческій *ограниченъ*,—а въ этомъ-то слѣпая, дерзская кичливость, особенно въ наше время, и не хочетъ согласиться.

Есть модное слово—*сила*. Что это такое? Нѣчто духовное или вещественное? Ни того, ни другаго, вообразить мы не можемъ... Слѣдовательно, опять это только слово безъ смысла, одинъ звукъ, которымъ заглушается наше невѣжество.

Какимъ образомъ слѣпыя силы могли дойдти до того, чтобъ сочинить голодъ и жажду въ человѣкѣ, и подготовить средства ихъ утоленія, и устроить желудокъ съ безпрестанными требованіями (которыхъ удовлетвореніе, прибавимъ кстати, и должно составить внѣшнее содержаніе, рамку всей исторіи человѣческаго рода), раздѣлить родъ человѣческій на два пола, мужскій и женскій, сообщить имъ такую-то

наружность, снабдивъ одинъ полъ красотою, другой силою, со взаимными нуждами и вожделѣніями, которыми обезпечивалось бы продолженіе, то есть, существованіе человѣческаго рода!

Какъ это случилось, что откуда-то взявшаяся без-умная сила сотворила такіе сложные организмы, распредѣлила занятія между ихъ частями, поставила ихъ во взаимныя отношенія, одно другому содѣйствующія и отнюдь немѣшающія,—нигдѣ ни сучка; ни задоринки!

Строеніе женщины съ ея удивительными отправленіями—очищеніемъ, зарожденіемъ, плодоношеніемъ, кормленіемъ, какое чудо! Капелька, заранѣе помѣщенная въ ея тайникахъ, оживотворяется какимъ то движеніемъ, и изъ этого сѣмячка происходитъ Ньютонъ съ его бинномомъ, Рафаель съ его идеалами, Моцартъ съ Донъ-Жуаномъ, образуется Петрова воля, Вольтерова острота, Наполеоновъ умъ, сердце Карамзина! ..

Все твореніе, съ человѣкомъ включительно, приписывается движенію какой-то силы или силъ. Хорошо,—но почему же эти зиждущія силы, сотворивъ одного человѣка, одну пару, Адама съ Еввою, перестали творить людей, и предоставили одной этой парѣ, сотворенной или согворившейся, продолженіе человѣческаго рода? Почему не могли онѣ сотворить больше паръ? Почему не могли сами творить безпрестанно во времени, то есть, продолжать такое твореніе? Какъ избрали онѣ, или какъ избралось мѣсто, точка на земномъ шарѣ, гдѣ первый человѣкъ могъ зародиться? Почему могла оказаться удобною только одна точка, а не многія? Какъ же онъ зародился? въ какомъ видѣ? Такою-же капелькою, какою зарождается теперь? Но теперешняя капелька оживляется, развивается въ теченіи девяти мѣсяцевъ въ утробѣ матерней, и питается отъ ея жизненныхъ силъ! Но вѣдь все таки нужны двѣ капельки, совершенно различныя, изъ которыхъ должны

были произойти мужчина и женщина! И онѣ должны были быть оживотворены, и въ этихъ капелькахъ должны были быть помѣщены зародыши всѣхъ человѣческихъ способностей, съ различіемъ мужскихъ отъ женскихъ! Надо-же имъ еще сообщить способности соединяться, рождать!...

Строеніе человѣка не есть-ли чудо? Да и всякій его органъ, отдѣльно взятый, не есть-ли чудо?

Какъ слѣпая сила могла сочинить человѣка, составить его тѣло изъ милліоновъ клѣточекъ, устроить ему глазъ съ зрительнымъ нервомъ изъ безчисленнаго множества нитей, соединенныхъ между собою неразрывными узами,—одна другой мудренѣе,—и такое же ухо, горло, языкъ со вкусомъ, осязаніе, обоняніе, мозгъ со тьмою составныхъ частицъ, подвижныхъ, самосознательныхъ, устроить дыханіе, питаніе, кровообращеніе, пищевареніе, произвожденіе,—съ сердцемъ, печенью, легкими и проч.?

Отправленіе каждаго органа не есть-ли чудо, а ихъ совокупность и взаимное дѣйствіе!

Сколько хитрости надо предположить въ этихъ слѣпыхъ, безумныхъ силахъ, чтобы онѣ могли выработать такую сложную, изъ разнообразныхъ частей, колесъ, рычаговъ, винтовъ, пружинъ, состоящую машину, съ особеннымъ урокомъ для каждой, машину, имѣющую полное право на названіе малаго міра!

Натворивъ столько всякой всячины, бывъ такъ могущественны и умны, какъ-же эти силы перестали двигаться, остановились, какъ будто лишенныя способности творить, предоставляя все, ими натворенное, на произволъ случая, остались безъ занятія, ограничились сохраненіемъ statu quo, обмерли, изчезли? куда дѣлись?

Вселенная сотворилась движеніемъ силы. Въ чемъ-же сила-то сама

заключалась? Какой былъ ея первоначальный видъ, и какимъ образомъ она вышла изъ него? Чѣмъ подвиглась?

Сила! Да отчего же ей вздумалось сотворить такую вселенную, а не иную? Откуда явилась у ней такая возможность! Да и сама-то она откуда взялась? Какъ вздумала сочинять, и изъ чего начала творить вселенную?

Все это только слова, которыя ровно ничего не значатъ, и которыхъ никакъ понять не можемъ, какъ-бы ихъ не обвертывали!

Сила сотворила все,—кто-же этому всему предначерталъ планъ, сообщилъ разнообразіе?

Одни говорятъ: сила; другіе говорятъ: силы. Если силы, то сколько-же ихъ? Какъ опредѣлилось ихъ число? Явились онѣ вдругъ, или по очереди? Отчего же явилось столько-то, а не столько,—напримѣръ, пять, а не десять? Какія онѣ? одинакія или разныя? Въ послѣднемъ случаѣ отчего разность?

Онѣ были всегда, не имѣли начала. Какую-же имѣли форму, въ какихъ отношеніяхъ находились между собою?

Сила, по общему употребленію языка, есть нѣчто отвлеченное, духовное; она дѣйствуетъ въ чемъ нибудь: нужно, чтобъ прежде было что нибудь, т, е. вещество.

Какое-же было это вещество? Гдѣ оно находилось? Вездѣ. Откуда явилось? Когда? Существовало всегда. Въ какомъ видѣ или количествѣ? Какимъ образомъ возникла или зародилась въ немъ сила?

По какимъ законамъ, въ какой послѣдовательности вещество развивалось?

А что сказать о природѣ на землѣ и о чудесномъ разнообразіи въ трехъ ея царствахъ: ископаемыхъ, прозябаемыхъ и животныхъ? Взгляните, напримѣръ, на яйце: въ кипѣ химической лабораторіи Берцеліуса

или Либиха можно видѣть яйце, которое у курицы образуется въ сутки, заключается въ непроницаемую скорлупу, и составляется изъ двухъ различныхъ веществъ—бѣлка и желтка, со множествомъ ихъ удивительныхъ свойствъ!

Почему число произведеній такое-то, а не иное?

Опять тѣ же вопросы неразрѣшимые, предъ которыми нельзя не поникнуть со страхомъ (хорошо, еслибъ философы могли выговорить) Божіимъ!

Были средоточія силъ, или въ какой степени силы дѣйствовали изъ этого средоточія, равно,—или увеличиваясь въ своемъ дѣйствіи, актѣ творенія?

Или—сила была разлита во всемъ веществѣ, то есть, повсюду, безъ предѣловъ? Вещество имѣло силу. А потомъ начала она сгущаться въ извѣстныхъ пунктахъ, образуя пустоту около себя.

Образовать пустоту — это что такое?

Или силы были, жили, представлялись, воплощались твореніемъ, то есть, все творилось собственною внутреннею силою, которая слѣдовательно должна была также найдти себѣ мѣсто, гдѣ-бъ могла развиться, выразиться наконецъ человѣкомъ?

Тайны, поражающія мыслящаго наблюдателя своею непостижимостію, возбуждающія его благоговѣніе къ міровой Премудрости, какимъ бы именемъ она ни называлась, въ какомъ бы видѣ ни существовала!

Какимъ образомъ можно понять, допустить, чтобъ вещество, какое-бы ни было, но все таки вещество, могло имѣть или произвести такія свойства, какія имѣетъ умъ, съ его памятью, воображеніемъ, творчествомъ? Нѣтъ, это не тоже, не вещество! Это что-то другое...

Какія хитрости употребила эта сила, уложивъ мозгъ подъ черепомъ, проведя къ нему милліоны различныхъ путей отъ всѣхъ органовъ и частей тѣла, соединивъ въ немъ всѣ впечатлѣнія, сообщивъ ему способность осмысливать ихъ, и передавать кому-то для дальнѣйшихъ распоряженій съ полученнымъ матеріаломъ? Неужели это была сила безсознательная, дѣйствовавшая, куда кривая ни вынесетъ?

Мы знаемъ пути, по которымъ впечатлѣнія внѣшняго предмета доходятъ черезъ пять нашихъ чувствъ до мозга; мы знаемъ, какое движеніе происходитъ въ мозгу, въ милліонахъ его клѣточекъ, отъ того или другаго впечатлѣнія.

Но какъ это движеніе осмысливается? Вѣдь это явленіе совершенно уже иное! Кѣмъ и къ кому доносится потомъ этотъ возникшій смыслъ? Еще новое явленіе! Кто-же, чѣмъ, заставляетъ этотъ мозгъ двигаться уже по своему распоряженію, безъ настоящихъ впечатлѣній, и производить новыя мысли, какъ-бы играя на фортепьяно? Кто берется импровизировать, сочинять новыя увертюры?

Умъ — что это за чудо! Какъ онъ можетъ заключать въ себѣ все дѣйствительно-прошедшее и настоящее, творить ежеминутно еще свое новое настоящее, прошедшее и будущее, возобновлять отсюда и оттуда, что заблагоразсудится ему по выбору, производить вновь разныя сочетанія и выводить заключенія, и въ то-же время оставаться какъ будто ничѣмъ!

А *воля* и *сердце*, дѣйствующія единовременно съ умомъ!

Умъ—что это за вмѣстилище безпредѣльное представленій, понятій, образовъ, съ способностью творить міры новые, несуществующіе, или существующіе, въ связи съ сердцемъ чувствующимъ, съ волею рѣшающей! Какъ было возможно пріурочить всѣ это отправленія къ мозгу, и поставить ихъ въ исключительную его зависимость — отказывается понять всякая мысль!

Зарожденіе мыслей въ головѣ есть необъяснимое чудо, не меньше всѣхъ прочихъ чудесъ, мысли принадлежатъ, кажется, собственно человѣку, онъ думаетъ,—и онѣ налетаютъ или изникаютъ откуда-то, и онъ не понимаетъ, какъ будто постороній, какимъ образомъ это происходитъ. Только постучитъ, кажется, и вотъ является цѣлый полкъ, и становится во фрунтъ, какъ рнемы на зовъ опытнаго стихотворца; творится цѣлый міръ, новый, безпрестанно смѣняющійся, какъ море, которое волнуется....

Любовь! Есть-ли она? Кажется, нельзя въ томъ сомнѣваться, (хоть она въ наше время изсякаетъ). Какъ-же она сотворилась? По какому предусмотрѣнному плану? Съ какою цѣлію? Или тоже случайно? Что за назначеніе ея на землѣ, если принять систему какого-то безличнаго, господствующаго, во всемъ мертвенно-живаго механическаго закона?

А *совѣсть*! Это еще что такое? Какой законъ, или какая сила ухитрилась поселить въ человѣкѣ такое странное, антиматеріальное чувство?

Наконецъ сознательная воля, врожденное любопытство, желаніе совершенствоваться, стремленіе куда-то, къ чему-то, какъ будто тоска по отчизнѣ,—исключительныя принадлежности человѣка, — не могутъ никакими намеками, никакими софизмами, быть объяснены изъ матеріальныхъ теорій.

Что сказать еще объ *языкѣ* и его происхожденіи? Какъ объяснить это явленіе? Языковъ есть несмѣтное количество, словъ есть милліарды, по числу языковъ, и всѣ эти различныя слова производятъ одинакія впечатлѣнія въ умахъ каждаго народа — и у Англичанина, и у Эскимоса, и у жителя Огненной Земли! А Меццофантіево языкознаніе!

Есть одинъ кругъ понятій у всѣхъ народовъ, у одного уже, у дру-

гаго шире, по мѣрѣ развитія и образованія, къ которому всѣ они однако-жъ способны, болѣе или менѣе.

Вѣдь вотъ что модные философы заставляютъ дѣлать свою неизвѣстную силу, которую между тѣмъ лишаютъ смысла!

Сила безсознательная произвела міры, землю, человѣка, но такъ что никакой сознательный умъ не можетъ сочинить, вообразить лучше, правильнѣе, ни одной милліонной доли ихъ миніатюры, не можетъ прибавить никуда ни единой іоты! Такъ ли это?

Сила производитъ изъ соотвѣтственныхъ матеріаловъ снѣгъ, дождь, громъ, изливаетъ лаву.—а какимъ образомъ произведетъ она пальму, розу, ананасъ, кипарисъ, одаритъ ихъ разнымъ видомъ, вкусомъ, запахомъ? Какъ она поселитъ въ сердцѣ симпатію, вызоветъ смѣхъ, изъ влечетъ слезы, доставитъ удовольствіе, сдѣлаетъ добро и зло?

Я понимаю, что слѣпая сила можетъ произвести изверженіе Везувія посредствомъ подземнаго огня, и создать новый островъ на морѣ изъ готоваго впрочемъ матеріала, но наши философы хотятъ, чтобъ эта си и построила для нихъ и домъ на изверженномъ островѣ, раздѣлила на нѣсколько этажей съ полнымъ комфортомъ, и развела садъ въ англійскомъ вкусѣ для ихъ прогулокъ, и устроила гроты для ихъ оргій!

Все происходитъ по *законамъ*! Такой отвѣтъ нисколько не разрѣшаетъ вопроса, и не удовлетворяетъ любопытства. Точно—все происходитъ по законамъ, но откуда взялись эти законы, съ чего начались? Когда? Какимъ образомъ? Какою силою? Въ чемъ состоятъ? Какъ сложились и обнаружились? По очереди? По одиночкѣ! Вмѣстѣ, суммою? Есть-ли предѣлы для существованія этихъ законовъ? Чѣмъ они держатся и условливаются? Развиваются, или нѣтъ? Есть-ли предѣлы

развитія, или оно безконечно? Кто, или что можетъ положить предѣлы развитія?

А до законовъ-то что было?

Законъ, законы, все это только слова, какъ сила и силы, которыми утѣшается наше невольное невѣжество, и прикрываются, отстраняются неизбѣжные вопросы, оставаясь во всей своей силѣ.

И со всѣхъ сторонъ, куда ни оглянешься, окружены мы вопросами, тайнами и непостижимостями.

Жизнь, Смерть.—О чудесе! Что сіе еже о насъ бысть таинство!

Что на землѣ не есть чудо? А на небѣ?

Какая часть, частица природы, не заключаетъ въ себѣ тайнъ, предъ которыми безпрестанно долженъ останавливаться пытливый умъ, разбирающій иногда по складамъ какія нибудь простыя или ослзательныя явленія? (1).

Ничего основнаго понять нельзя, первыя причины остаются въ неизвѣстности, и покрывало съ Изиды поднять никто изъ смертныхъ не былъ въ состояніи. Всѣ науки описываютъ и объясняютъ, такъ или иначе, съ грѣхомъ пополамъ, явленія наглядныя, подлежащія чувствамъ, (или считаютъ себя понимающими), проникаютъ иногда въ связь между нѣкоторыми явленіями, но далеко не между всѣми, и опредѣляютъ взаимное дѣйствіе, объ чемъ впрочемъ не прекращаются споры, доходятъ иногда до причинъ ближайшихъ, то есть пятыхъ, десятыхъ, и наконецъ предъ первыми становятся въ тупикъ или попадаютъ въ просакъ.

Всѣ философіи только что смѣняются — круговращеніе! И что же такое Философія, спрашиваешь себя наконецъ. Она *зайкается* на первомъ

словѣ, или начинаетъ предположеніемъ, выводитъ изъ него слѣдствія, дѣлаетъ заключенія, то есть, строитъ домъ на пескѣ, который и стоитъ только до перваго вихря, очищая мѣсто другому, такому-же скудельному зданію, избушкѣ на курьихъ ножкахъ. [2]

Во всѣхъ системахъ принимается, предполагается нѣчто; и на этомъ нѣчто строится уже система, слѣдовательно, всякая такая система есть условная. А нѣтъ ничего такого сущаго, твердаго, вѣрнаго, положительнаго, что должно бъ безусловно принять за основаніе.

Сколько системъ было на свѣтѣ! И всѣ эти системы смѣняются какъ смѣняются листья каждую осень. Всякій молодецъ на свой образецъ. Этого мало: они спорятъ между собою, и бьютъ другъ друга наповалъ. Хоть бы начинали такъ: *Кажется* мнѣ вотъ что. Нѣтъ, каждый думаетъ, что онъ нашелъ истину....

Исторія всѣхъ наукъ представляетъ однѣ и тѣ-же явленія: чѣмъ болѣе кто занимается какою бы то ни было наукою, тѣмъ яснѣе видитъ, пройдя извѣстный путь ея, что онъ упирается въ глухой переулокъ, въ тайну. Чѣмъ болѣе кто знаетъ, тѣмъ яснѣе понимаетъ, что не знаетъ ничего главнаго, перваго, основнаго, а знаетъ только поверхностныя явленія, отношенія, условія, взаимныя вліянія. Мы не понимаемъ вполнѣ даже собственныхъ дѣлъ своихъ, условій своего сочиненія, то есть Исторіи, состоящей изъ событій человѣческой жизни.

Всѣ наши поскудныя объясненія, изъ которыхъ съ каждымъ, если кому удается найдти какое, мы носимся, кудахча, какъ курица, снесшая яйце, всѣ наши науки, которыми мы такъ кичимся, въ какой пропорціи относятся къ чудесамъ міра сего? — (А тотъ!) — Какъ пылинка къ солнцу, какъ капля къ океану. И есть люди, особенно въ наше время, которые бываютъ очень довольны своими открытіями,

и, снеся по яйцу, чаще по болтуну, удостоиваются апотеоза предъ рукоплещущей толпою!

Судя по тѣмъ малымъ успѣхамъ, какъ бы, кажется, уму не смириться! Если онъ такъ несостоятеленъ даже относительно того, съ чѣмъ онъ могъ-бы кое какъ справиться, то какъ же ему топыриться къ недосягаемому, и, при сознаваемой ежеминутно невозможности, какъ ему можно отвергать съ дерзостію его существованіе! Щепкой онъ хочетъ сдвинуть гору, — не можетъ, — и вмѣсто того, чтобъ, отерши съ себя потъ, сознаться въ безсиліи, онъ отрицаетъ и даже произноситъ хулу: не дерзкая ли это и вмѣстѣ безразсудная гордость! [3]

Солнце ударило въ окно, подъ которымъ мнѣ случилось спасть. Я проснулся и увидѣлъ предъ собою столбъ атомовъ, кружившихся въ предѣлахъ его лучей. Иные между ними падали, какъ звѣздочки блестящія. Не такъ ли кишатъ и вращаются міры въ безпредѣльной вселенной? Что же значитъ человѣкъ въ этой безднѣ? Онъ обнимаетъ, правда, своею мыслію, летаетъ надъ всѣми миріадами міровъ, но оборотится на себя, и не находитъ ни единаго слова въ объясненіе своей сущности, чувствуетъ только свое ничтожество. Не не въ этомъ ли чувствѣ и заключается его величіе? При всемъ могуществѣ, въ сознаніи ничтожества, въ смиреніи!

Науки должны бы, подходя къ первымъ причинамъ, къ причинѣ причинъ, къ завѣсѣ, отдѣляющей Святая Святыхъ, восклицать: Двери, двери! Премудростію вонмемъ! [4]

(Удивительная способность человѣка, отвергая все высшее, вѣровать въ собственныя догадки и фантазіи, и довольствоваться ими; отрицать все; съѣхавши на нѣтъ, успокоиваться, да и другихъ успокоивать, даже негодовать, зачѣмъ не успокоиваются!)

Всѣ чудеса эти мы должны допускать, признавать, принимать, comme faits accomplis, потому что онѣ предъ нами, около насъ, у насъ, въ насъ. И человѣкъ не можетъ не чувствовать предъ ними благоговѣнія, если онъ еще не одеревенѣлъ, не окаменѣлъ, не ожесточился, не сроднился заднимъ числомъ съ своимъ Дарвиновымъ прародителемъ, подобно нашимъ несчастнымъ аки-философамъ. Умъ человѣческій долженъ преклониться предъ этою премудростію и непостижимостью со страхомъ! [5]

Не такой-ли страхъ (Божій) древній Соломонъ почиталъ началомъ премудрости?

Мудрѣйшіе люди на свѣтѣ были всегда убѣждены въ ограниченности разума, и сознавались въ своемъ невѣжествѣ. Я знаю, что ничего не знаю, говорилъ Сократъ. Другой мудрецъ сказалъ даже: ничего нельзя узнать, ничему нельзя научиться, ни въ чемъ нельзя удостовѣриться: чувства ограниченны, разумъ слабъ, жизнь коротка. [6]

Что же остается дѣлать человѣку, спросили-бы мы его? Онъ, разумѣется, отвѣчалъ-бы: не знаю *.

Настоящій матеріалистъ, знакомый вполнѣ съ міромъ матеріи, долженъ бы быть самымъ благочестивымъ человѣкомъ; по преимуществу онъ долженъ-бы, кажется, дѣлаться самымъ пламеннымъ идеалистомъ!

И геній науки положительной, Ньютонъ, снимаетъ дѣйствительно шляпу, произнося имя Божіе. [7]

Поверхностное знаніе въ философіи природы, говоритъ Баконъ, ведетъ къ атеизму, глубокое знаніе приводитъ къ Богу.

Вселенная, природа земная, человѣкъ—какимъ образомъ безсознательная сила, или совокупность безсознательныхъ силъ могла сотво-

*) А наши мыслители разрѣшаютъ смѣло: что хочешь? — Молодцы! За словомъ въ карманъ не полѣзутъ.

рить все сущее разнообразіе? Кто начертилъ имъ планъ, кто сдѣлалъ рисунокъ, назначилъ количество матеріаловъ, почему число ихъ было ограничено такъ или иначе?

Изъ милліоновъ клѣточекъ состоятъ разные органы въ человѣкѣ, которые взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, подвергаясь въ тоже время множеству другихъ вліяній. А тамъ еще безпредѣльные міры, миріады звѣздъ, отстоящихъ одна отъ другой на неизмѣримыя разстоянія, и опять-таки взаимно дѣйствующія одна на другую, что земля замѣчаетъ на себѣ по солнцу и лунѣ. И все это сотворилось само собою по неизвѣстному никому плану, котораго милліардную долю, іоту единую, величайшіе геніи сочинить, прибавить, убавить не могутъ!

Отчего-же теперь ничего не устроивается, само собою? Напротивъ,— какъ глупымъ дѣтямъ не въ помощь отцовское богатство, такъ мы изъ готовыхъ матеріаловъ, со всевозможными средствами, не можетъ устроить себѣ ничего порядочно, даже въ нашемъ мелкомъ смыслѣ!

Какая цѣлесообразность явствуетъ во всѣхъ произведеніяхъ природы и ея дѣйствіяхъ! Птицы летаютъ, рыбы плаваютъ, черви ползаютъ, человѣкъ находитъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ нуждъ, полы соотвѣтствуютъ одинъ другому во всѣхъ отношеніяхъ...

Взгляните на полевую лилію, которой самъ Соломонъ долженъ уступить въ великолѣпіи и изяществѣ: она заключалась въ крошечномъ сѣмячкѣ со всѣми своими яркими цвѣтами и ихъ оттѣнками, съ правильнымъ, геометрическимъ рисункомъ своихъ очертаній, со всею силою и дѣлимостію своего благоуханія,—а вотъ изъ этого другаго одинакаго, кажется, сѣмячка, вырастетъ, возвысится къ небу пальма и распространитъ свои зонтообразныя вѣтви далеко кругомъ. По какому чудному закону совершается это произрастеніе, и цвѣтъ голубой не явится нигдѣ вмѣсто желтаго, или алой вмѣсто зеленаго, круглой листокъ не попадетъ между продолговатыми?

Въ ефемерномъ (мгновенномъ, живущемъ мгновеніи) насѣкомыхъ, въ былинкѣ едва примѣтной для глаза, примѣчается таже премудрость, какъ и въ солнечной системѣ.

Кому приписать всю эту цѣлесообразность? Неужели можно успокоиться на мысли: все это сдѣлалось само собою изъ какого-то безсмысленнаго, невѣсть откуда взявшагося хаоса, на который снизошла откуда-то особая невѣдомая, невѣдущая ничего, слѣпая сила, сотворила все въ удивительномъ порядкѣ, съ удивительнымъ разнообразіемъ, означила всему предѣлы, nec plus ultra, и успокоилась, исчезла!

Звѣзды, которыя въ пять тысячъ извѣстныхъ лѣтъ не прислали еще намъ свѣта, хотя свѣтъ проникаетъ въ секунду около 300 тысячъ верстъ,—солнце, которое, бывъ къ намъ ближе всѣхъ звѣздъ, отстоитъ почти на 150 милліоновъ верстъ, (а за нимъ сколько еще видимаго, а дальше невидимаго), и всѣ эти безсчисленные міры, которые носятся въ безпредѣльномъ пространствѣ вселенной, и составляютъ одно цѣлое, въ стройномъ порядкѣ, въ совершенной гармоніи,—вездѣ все въ мѣру, и ничего черезъ край, — одну великую эпопею, одинъ тьмоголосный хоръ, въ которомъ не слышится ни одной фальшивой нотки.... И все это произошло само собою!

Какое великолѣпное зданіе! Что за соотвѣтсвенность во всѣхъ частяхъ! Гдѣ-же зодчій? Зодчаго нѣтъ. Гдѣ матеріалы? Матеріаловъ нѣтъ. Не можетъ этого быть: зданію нельзя выстроиться безъ матеріаловъ, безъ мысли творческой!

Глина не горшечникъ, и горшечникъ не автоматъ.

Вотъ лексиконъ, собраніе всѣхъ словъ языка: встряхните его — не выйдетъ-ли Державинская ода «Богъ?» Пушкинская «Деревня?» Нѣтъ— не выходитъ!

Раздаются звуки фортепіано! Оно само играетъ? Нѣтъ, не можетъ оно играть само: играетъ Листъ, Рубинштейнъ.

Всѣ чудеса вселенной могутъ-ли быть преходящими, мимолетными явленіями, происшедшими невзначай, существующими безъ цѣли, зависящими отъ случая, могущими уничтожиться всякую минуту? И въ чемъ могло-бы состоять уничтоженіе? Гдѣ помѣстились-бы развалины, и что стало-бы съ ними? На чемъ онѣ будутъ держаться, или куда упадутъ? Неужели вѣчно будутъ только что падать, и, совершивъ въ теченіи вѣковъ столько-то правильныхъ круговращеній, будутъ другіе вѣка носиться неправильно, разлагаться на новый, сложный хаосъ?

Одно созерцаніе міроздания, наблюденіе надъ движеніемъ свѣтилъ въ безпредѣльномъ пространствѣ небесъ, взглядъ на чудеса природы побуждаетъ предположить существо высочайшее, міроправящее, — это и свидѣтельствуютъ намъ всѣ дикіе народы съ своими различными представленіями о Божествѣ. [8]

А почему являются отрицатели? Отрицатели являются уже въ обществахъ образованныхъ, гдѣ сложились разныя, болѣе или менѣе гадательныя и ученыя, системы, вѣрованія, противъ которыхъ и возстаютъ такъ называемые мыслители, esprits forts, соблазнившись собственно ученіями катехизическими, забывая или упуская изъ виду природу, произведшую первыя мысли и убѣжденія, отстраняя Откровеніе.

Вы, отрицатели, предполагаете много силъ въ природѣ, признавая ихъ однакожъ для себя непостижимыми: почему же не хотите предположить еще одну, всесовершенную — Бога!

Вселенная безъ Бога понятнѣе-ли?

Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ, замѣчаетъ мудрый, нѣсть Бога, а новые безумцы идутъ еще дальше: ничто не имѣетъ цѣли! Природа

или сила, человѣкъ, живутъ, дѣйствуютъ, творятъ чудеса—умри, и всѣ концы въ воду или въ землю, куда нибудь, и все какъ не бывало, поп avenu!

Міръ существуетъ. Случайно произошелъ онъ? Если произошелъ случайно, то можетъ и погибнуть случайно; но онъ не погибаетъ, да и не примѣтно, чтобъ могъ погибнуть самъ собою: такъ прочно, кажется, онъ устроенъ! Въ чемъ-же состоятъ условія его сохраненія? Чѣмъ или кѣмъ, какою силою, какою премудростью, онъ держится и сбхраняется?

Всѣ дѣйствія и всѣ явленія имѣютъ свои причины: должна быть и разумная причина всѣхъ причинъ—Богъ. [9]

Если творящей силѣ нельзя отказать въ сознаніи, то кольми паче нельзя не приписать сознанія силѣ сохранящей, управляющей?

Если творящая сила была сознательною въ началѣ, то и остаться должна сознательною. [10]

Если есть Богъ, то Онъ что нибудь дѣлаетъ, хранитъ, ведетъ, управляетъ, то есть *Промыслъ*, есть путь, есть цѣль для земли, для вселенной.

Создавшій ухо, ужели не слышитъ? И устроивѣій глазъ, ужели не смотритъ? *Пс. XCIII, ст. 9.*

Сознательная сила творящая—это Богъ.

Сознательную силу управляющую—мы называемъ Его божественнымъ Промысломъ, Провидѣніемъ.

Не въ этомъ-ли смыслѣ и сказано, что ни одна птица не упадетъ на землю безъ воли Отца небеснаго, у васъ же и волосы на головѣ сочтены? *Матѳ. X, 30.*

Если-бъ не было ума, то мы никакъ не могли-бы вообразить его, составить о немъ понятіе, кромѣ того что и воображать, составлять понятіе было-бы нечѣмъ. (Это неясно, но не умѣю выразиться лучше, не нахожу выраженія). Но умъ есть, обнимаетъ и творитъ. Такъ мы не должны, не имѣемъ права отрицать, чтобъ не было Ума высшаго, который былъ-бы Всѣмъ во всемъ...

Бытіе Божіе можетъ выводиться умозаключеніями, можетъ еще лучше чувствоваться, но все таки остается непостижимымъ.

Какое-же отношеніе времени къ вѣчности, и человѣка къ Богу?

Что-же это за существо творящее, сохраняющее, промышляющее? Откуда оно взялось, и если не отъ куда ему взяться, то какъ-же оно есть, и творитъ, и сохраняетъ, и промышляетъ?

И для чего? Для своей славы—это человѣческія, условныя слова, не имѣющія понятнаго для насъ смысла!

Откудо же зло? Для чего оно допускается?

(Читатели должны помнить при всѣхъ вопросахъ этого рода, что они предполагаются по естественному ходу мыслей въ человѣкѣ, — а для вѣрующаго христіанина, просвѣщеннаго Откровеніемъ, они, разумѣется, не существуютъ).

Сколько пережило людей на свѣтѣ? Сколько перебывало у нихъ мыслей, чувствъ, побужденій,—и все это цѣло, въ чемъ-то заключается, гдѣ-то хранится, и все припомнится?

Въ мірѣ физическомъ не пропадетъ ни одна порошинка,—такъ и въ мірѣ нравственномъ не пропадетъ ни одна мысль, ни одно чувство, ни одно движеніе.

Духовная вселенная, пространная не менѣе вещественной, или, лучше, столько-же безпредѣльная! [11]

.....

Существо вѣчное, которое не можетъ не быть, и остается всегда въ одномъ положеніи, всемогущее и всевѣдущее—непостижимая непостижимость!

Но если есть множество непостижимостей предъ нашими глазами, которыя мы должны признавать, и которымъ, при всемъ своемъ расположеніи къ невѣрію, должны вѣрить, то на какомъ же основаніи нѣкоторые люди осмѣливаются быть взыскательными, и требовать понятности только отъ высочайшихъ тайнъ, какъ бытіе и существо Божіе, и изъ-за непониманія отвергаютъ ихъ безусловно?

Своего бытія и существа человѣкъ не понимаетъ, а хочетъ понять бытіе и существо Божіе! Не можетъ понять и отвергаетъ, а самъ онъ вѣдь есть, хоть и не понимаетъ себя. Не есть-ли совершенная нелѣпость, или вопіющее противорѣчіе—одно принимать и другое отвергать при тѣхъ-же условіяхъ?

Кроты роются подъ землею и толкуютъ о солнцѣ. Находятся между ними умники, которые берутся доказать, что солнца нѣтъ, и даже быть не можетъ. Толпа рукоплещетъ въ полномъ удовольствіи! Несчастные!

Выше представлены примѣры безчисленныхъ тайнъ въ мірѣ видимомъ, осязательномъ, которыя мы должны принимать безпрекословно: какое-же право имѣемъ мы отвергать тайны, назовемъ ихъ духовными, или религіозными, по той только причинѣ, что не можемъ объяснить ихъ себѣ?

Отвергая религіозныя тайны, вольнодумцы становятся-ли умнѣе, способнѣе понимать прочія тайны? Нисколько. Ни на волосъ не узнаютъ, не выразумѣваютъ они ничего больше!

Но не вѣруютъ-ли люди всѣ одинаково, или, покрайней мѣрѣ, сходственно, однородно, то есть, всѣ они, не исключая Вольтеровъ, и кольми

паче напускающихъ на себя Вольтеріанцевъ, не одинаково-ли чувствуютъ, разумѣется, каждый въ извѣстной своей степени, но чувства свои выражаютъ разными словами, или присоединяютъ къ однимъ словамъ разныя понятія, о которыхъ и спорятъ, отрѣшаясь отъ существеннаго ихъ значенія? [18]

То есть всѣ атеисты, древніе и новые, всѣ нигилисты, признаютъ Бога, только называютъ его разными именами, прикладываютъ свои понятія о немъ къ разнымъ словамъ, и спорятъ съ ожесточеніемъ объ этихъ словахъ, не догадываясь, что всѣ согласны между собою, болѣе или менѣе, и только отвергаютъ общепринятое названіе или имя. А Богу-то нѣтъ *и имени*: Сый!

Отстранимъ на минуту понятіе о Богѣ. Ну эта сила творческая, дѣйствующая въ природѣ, дающая цвѣтамъ краску и запахъ, металлу блескъ, плоду вкусъ, льву силу, орлу быстроту, соловью голосъ, пчелѣ искусство собирать медъ и лѣпить воскъ, — эта сила производящая, сохраняющая,—не должна ли возбуждать въ человѣкѣ тоже благоговѣніе, какое внушаетъ религія къ Богу *Творцу* всяческихъ?

Философы признаютъ какую-то силу творческую, и не могутъ отказать ей въ разумности, они чтутъ ее. Она и есть Богъ. Что есть высшаго, святѣйшаго изъ дѣйствій этой силы? Христіанство. Они поклоняются, слѣдовательно и Христу, только подъ другимъ понятіемъ, въ другомъ видѣ, съ другимъ именемъ. Не есть ли это недоразумѣніе?

Сколько человѣкъ можетъ вмѣщать въ умѣ своемъ, настоящаго, прошедшаго, будущаго, сколько мыслей, чувствъ, намѣреній, надеждъ, мечтаній, желаній, разнообразнѣйшихъ: нельзя-ли составить отсюда понятія *приблизительнаго* о Божіемъ всемогуществѣ и всевѣденіи? Сравнивать нельзя, какъ безконечно малую миніатюру съ безконечно великимъ оригиналомъ, но нельзя-ли видѣть здѣсь хоть нѣкоторую тѣнь,

слабый отблескъ, нельзя-ли предугадывать бытія Ума всеобъемлющаго, согласно съ священнымъ сказаніемъ, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію?

Какой онъ? Вообразить не можетъ, и можетъ только чуять его бытіе.

Но и нашего, ограниченнаго ума, не моглибъ мы вообразить, еслибъ онъ не былъ нашъ въ насъ, явенъ въ своихъ дѣйствахъ, кольми паче Того.

Тѣло, душа, духъ, составляютъ человѣка. А человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію!

Мысль, звукъ, смыслъ, составляющіе слово, представляютъ слабый примѣръ подобія. [13]

Есть природа видимая, міръ вещественный: мы его видимъ, осязаемъ, его можно ощущать помощію нашихъ чувствъ. Явленія его узнаются мало по малу, уразумѣваются, описываются. Науки, имъ посвященныя, становятся въ этомъ смыслѣ шире и шире, хотя пробѣловъ еще много, хотя множайшія подробности и частности остаются еще неизвѣстными, а другія представляются даже непостижимыми. Но есть еще область явленій другаго рода, которая обнимается знаменитымъ изрѣченіемъ Декарта: cogito, ergo sum. Нѣкоторые ученые, размножившіеся особенно въ послѣднее время, говорятъ, что эта область есть одна и таже, что здѣсь дѣйствуетъ таже вещественная природа только другою стороною своей силы, что тѣло есть вмѣстѣ и душа. Глазъ видитъ, ухо слышитъ, а мозгъ, какъ-то оборачиваясь и двигаясь, отражаетъ въ своемъ зеркалѣ принятую чувствами природу, создаетъ самъ (!) рикошетомъ, какіе ему угодно, новые образы, которые въ тоже время находятъ себѣ выраженіе въ подбѣгающихъ къ нимъ со всѣхъ сторонъ словахъ, у одного народа въ такихъ, у инаго въ другихъ, въ третьихъ, до безконечности, выговариваются разными звуками, и сообщаются понятнымъ для всѣхъ образомъ.

Во снѣ мы думаемъ, разсуждаемъ, говоримъ, споримъ, рѣшаемся,— а между тѣмъ тѣло спитъ. Или оно спитъ не все? Мозгъ не спитъ. Чего же недостаетъ ему во время сна? Какое различіе между дѣйствіями мозга во снѣ и на яву? На яву, видно, есть еще что-то лишнее, кромѣ тѣлеснаго мозга, присоединяется къ нему что то другое,—или онъ обнаруживаетъ свое особое свойство? Это лишнее, другое, особое, какъ произвести отъ причинъ чисто физіологическихъ?

Еслибъ душа была только функціей, отправленіемъ, дѣйствіемъ тѣла, то откуда-жъ бы объяснить нѣкоторыя особенныя движенія, отъ тѣла какъ-будто совершенно независимыя? Тѣло не можетъ двигаться безъ особеннаго побужденія и управленія, а душа не только двигается въ своей какой-то особой области, но и двигаетъ тѣло, двигаетъ чуждыя, постороннія массы,—и возлетаетъ на третье небо.

Еслибъ душа и тѣло были одно и тоже, то какъбы могъ человѣкъ чувствовать *вмѣстѣ* удовольствіе и неудовольствіе? Какъ при больномъ тѣлѣ могъ-бы оставаться крѣпкій самодѣятельный умъ, и, на оборотъ, какъ при здоровомъ тѣлѣ моглибъ удручать человѣка душевныя болѣзни? Что значило-бы выраженіе врачей: этой болѣзни мы лечить не можемъ—это болѣзнь нравственная, душевная?

Еслибъ не было души, особой отъ тѣла, то выходило бы, что все на землѣ былобъ безъ конца, а только одинъ человѣкъ съ концемъ!

Почему сотворился-бы, или почему сотворенъ-бы былъ человѣкъ со смертію, смертнымъ, а природа сотворена-бъ была вѣчно-юною?

Животныя, говорятъ, имѣютъ свою душу, которая должна-бы также сохранить частицу своего безсмертія. Нѣтъ не имѣютъ животныя своей души, мыслящей, желающей, способной вѣрить, каяться, совершенствоваться и проч. У нѣкоторыхъ есть только утонченный инстинктъ,

который замѣтенъ, напримѣръ: въ собакѣ, лошади, слонѣ. Есть материнское чувство въ курицѣ, уткѣ, но срокъ прошелъ и сынъ бросается на мать, а дочь гуляетъ съ отцемъ. Есть инстинктъ и въ камняхъ, подъ другимъ именемъ: такъ магнитъ имѣетъ способность притягивать къ себѣ желѣзо, янтарь—вещества легчайшія. [14]

Премудрость въ устройствѣ вселенной, во всѣхъ ея частяхъ, въ человѣкѣ и его органахъ, въ жизни всякаго растенія, въ дѣйствіяхъ способностей человѣческихъ, такъ велика, что умъ отказывается положить ей *предѣлъ*.

Если эта, положимъ-ваша слѣпая, или наша творческая сила, (Богъ), сотворила все, то какъ-же понять, чтобъ она остановилась? Не творится-ли еще что ею?

Въ человѣкѣ, въ природѣ, въ исторіи, въ умѣ—столько чудесъ, составляющихъ одну цѣпь изъ колесъ, одно другаго совершеннѣе, что естественное продолженіе ихъ представляется уму само собою; напротивъ, было-бы непонятно, еслибъ онѣ здѣсь прекращались.

Не продолжается-ли твореніе въ области разума, духа, который также можетъ имѣть свои степени развитія, въ предѣлахъ міра невидимаго—что я говорю,—въ безпредѣльности міра духовнаго?

Совокупность, по вашему, силъ, или, Богъ, сотворилъ человѣка и одарилъ его разумомъ. Ну такъ почему-же ограничивать ихъ, Его дѣйствія, человѣкомъ? Почему-же не предположить продолженіе творенія существами болѣе совершенными, какими, напримѣръ, Священное писаніе представляетъ Ангеловъ, Архангеловъ, Серафимовъ, Херувимовъ, и такъ далѣе, или—и такъ выше и совершеннѣе?

Въ срединѣ творенія вы не можете вообразить ничего новаго: Кювье

по костямъ могъ открыть существованіе животныхъ міра допотопнаго, но не безъ костей; Дарвинъ вообразилъ какого-то звѣря прародителя (?), но все таки въ промежуткѣ между двумя извѣстными существами. Такъ не отвергайте на обумъ существъ другихъ, невидимыхъ или новыхъ твореній, происхожденій, превращеній, внѣ орудій вашего наблюденія, за предѣлами вашихъ пяти чувствъ, на другомъ краю.

Если мы въ очію видѣли бездну непостижимую премудрости, въ нашемъ собственномъ существѣ, и во всемъ] окружающемъ насъ мірѣ, если не можемъ проникнуть нисколько въ тайну творенія, то какъ смѣемъ отрицать существованіе сферъ высшихъ, недоступныхъ нашему воображенію?

Умъ человѣческій обнимаетъ всю вселенную, (которая впрочемъ словомъ вся стѣсняется неправильно), возлетаетъ на третье небо, творитъ въ своемъ воображеніи новые міры.

Чуденъ этотъ умъ!—а себя онъ не знаетъ, сущности своей понять не можетъ: что онъ? откуда онъ? непомнящій родства.

Здѣсь встрѣчаетъ онъ предѣлъ, его же не прейдетъ,—такъ почемужъ онъ думаетъ, что есть крайній актъ творенія, что дальше его, выше его, ничего нѣтъ, что невозможное для него и вообще невозможно, что нѣтъ существъ выше его, нѣтъ созданія совершеннѣе?

Уму нашему недостаетъ чего то. Это что-то для насъ невообразимо, но мы чуемъ, что оно должно быть божественное.

Почему сильному, могущественному, богатому уму человѣческому, не дано, ни на какой степени его развитія, проникнуть въ таинства творенія? Отъ чего самые жгучіе его вопросы не могутъ быть удовлетворены нисколько? Для чего онъ становится безпрестанно въ тупикъ?

Какъ-же это такъ случилось, что, при всей премудрости творенія, человѣкъ, вѣнецъ творенія, ничего не непонимаетъ о сущности чудесъ, и понимать не можетъ, какъ будто-бъ умъ его оборвался, и понятію, познанію, положенъ предѣлъ. Неизвѣстная сила начинила его вопросами, и остановилась!

Еслибъ человѣкъ понялъ здѣсь все, еслибъ могъ понять все; еслибъ за этимъ только дѣло, то зачѣмъ-бы ему оставалось жить здѣсь или тамъ!

Очевидная невозможность понимать столько вещей, неизбѣжность бродить въ потемкахъ, играть въ жмурки, бѣгать по колесу, не должна ли убѣждать насъ радикально, съ одной стороны, что мы поставлены здѣсь въ предѣлы кѣмъ-то, чѣмъ-то, изъ-за которыхъ выступить ни какъ не можемъ! Кто же, что же, поставило эти предѣлы? Съ другой стороны эти предѣлы возбуждаютъ однакожъ какое-то ожиданіе, чаяніе о другомъ положеніи. Должно быть что-то за ними!

У насъ есть здѣсь множество вопросовъ безотвѣтныхъ: не ясно-ли, что гдѣ нибудь должны находиться отвѣты: безъ отвѣтовъ вопросы, какъ зародиться, такъ и остаться, не могутъ. Если есть вопросъ, то есть и отвѣтъ. Какъ могъ бы изъ ничего возникнуть, родиться вопросъ, если-бы не имѣлся гдѣ нибудь отвѣтъ? Это былъ бы non sens.

Если-бы все оканчивалось здѣшнею жизнію, и ничего-бъ послѣ нея не было, то все здѣсь и было-бы (кажется, должно-бы быть) понято, и не оставалось-бы у насъ ни какихъ вопросовъ и недоумѣній.

Мы носимъ въ сердцѣ своемъ идеалъ добра и видимъ на землѣ господствующее зло: должна быть однакоже справедливость. Гдѣ же она? Видно на небѣ.

Изъ милліардовъ людей населяющихъ шаръ земной, сказалъ ли, ска-

жетъ-ли одинъ: я доволенъ, я счастливъ. Всякому недостаетъ чего нибудь, ничѣмъ не можетъ человѣкъ наполнить себя: всегда въ насъ остается что-то порожнее, требующее содержанія. Безусловнаго блаженства нѣтъ,—а есть о немъ понятіе. Даже святыхъ людей тревожило сомнѣніе въ ихъ святости.

Не странно-ли, что самому совершенному существу на землѣ суждено по преимуществу неудовольствіе, несчастіе, среди мгновеній пріятныхъ или радостныхъ? Цвѣты благоухаютъ постоянно, птицы поютъ, металлы блестятъ, а человѣкъ плачетъ, стонетъ, мучится, недоумѣваетъ,—плачъ, стонъ, мука,—за что же? Все премудро въ природѣ, а это какъ будто уже противорѣчитъ общему строю, еслибъ не имѣло высшей цѣли гдѣто!

Какъ, для чего, на что, почему-же остаются здѣсь вопросы безъ отвѣта? Опять тайна и тайна. Тайна, которая однакожъ самою натурою своею предполагаетъ объясненіе когда нибудь, гдѣ нибудь, какъ нибудь.

Тайна! Но чтоже это за объясненіе, это только слово, все тоже, что легко укрываться подъ нимъ и успокоиваться? Но развѣ можно удовлетворяться такимъ объясненіемъ, говорятъ противники? Ну да вы развѣ не укрываетесь, не успокоиваетесь, подъ словомъ сила, природа, хаосъ? Развѣ для васъ нѣтъ тайнъ?

Вселенная, ея существовованіе, ея движеніе, съ совокупностію всѣхъ твореній и человѣческимъ умомъ включительно, — развѣ это не есть тайна,—у всѣхъ во очію, развѣ это не есть чудо изъ чудесъ,—чудо, вмѣщающее безконечность чудесъ, тайна, надъ всѣми тайнами? Вы допускаете эту тайну, и сознаетесь, что не можете обезпечить ее, развѣ это чудо меньше, доступнѣе, тѣхъ, кои вы отвергаете?

Но зачѣмъ же эти тайны? Отвѣчать не можетъ никто. Онѣ есть, и только! Досадою, негодованіемъ, дерзостію, ничего сдѣлать нельзя. Если вы не вѣрите Евангелію, такъ обратитесь къ миѳологіи, и вспомните басню о Титанахъ и Прометеѣ: надо покориться необходимости, смириться.

Ничто не останется тайною, все будетъ объяснено, сказалъ величайшій Учитель человѣческаго рода, Іисусъ Христосъ.

Первыхъ вопросовъ не растолкуетъ здѣсь никто. Если здѣсь нельзя, то видно въ другомъ мѣстѣ.

Развѣ оно есть?

А почему-же нѣтъ?

Невозможность разрѣшить здѣсь всѣ главные вопросы служитъ доказательствомъ, кромѣ другихъ убѣжденій, что есть *другой свѣтъ*, будущая жизнь, то есть, что душа безсмертна. Кому нужно разрѣшеніе вопросовъ здѣшнихъ, кромѣ человѣка? [15].

Тайна жизни, тайна смерти, — вѣдь вы признаете ее, позитивисты. А понимаете ли вы ее? вы отказываетесь сказать что нибудь въ ея объясненіе. Такъ недовольно ли одной этой тайны, всѣми сознаваемой, для доказательства, даже для васъ, что есть другой міръ, гдѣ тайна объяснится, гдѣ чаяніе возсіяетъ живымъ сознаніемъ.

Изъ этой другой жизни, изъ этого другаго міра, слышатся подчасъ тихіе благовѣсты въ нашей юдоли, являются смутные образы, но мы такъ одеревенѣли, такъ ожесточились, сердце наше такъ отолстѣло, зрѣніе стуманилось, слухъ притупился, обоняніе огрубѣло, мозгъ угорѣлъ въ чаду страстей, что мы видяще не видимъ, и слышаще не разумѣемъ.

Изъ чего мы здѣсь хлопочемъ? Для чего живемъ?

Если-бъ не было другой жизни, то эту не стоило бы жить съ ея

нуждами, трудами, лишеніями, опасностями, болѣзнями, несчастіями, нечаянными ударами и проч.! Наши желанія, роптанія, усилія, не имѣли бы смысла, уподобились бы пересыпанью изъ пустаго въ порожнее...

Поклонники разума, считающіе цѣлію жизни его полное торжество, что могутъ отвѣчать на слѣдующій простой вопросъ: допустимъ, хоть и считаемъ это невозможностью, что настоящій разумъ пойметъ все, а послѣ что съ нимъ будетъ? Онъ уничтожится, за ненадобностію дѣла и занятія? Есть изъ чего жить и хлопотать! Всѣ вѣка, труды всѣхъ поколѣній, безчисленныя жертвы—для одной минуты, которая промелькнетъ когда-то, для кого-то, и конченъ балъ.

Нелѣпость, которую разумъ, при всей своей ограниченности, принимать бы не долженъ. [16]

А безсмертіе,—что это такое? Жизнь нескончаемая, измѣняться, прекращаться не могущая?

Съ другой стороны врываются вопросы: почему жизнь дается человѣку на срокъ? Почему сроки даются различные, долгіе и короткіе, даже минутные?

Для чего нужна смерть? Душа безсмертна, человѣкъ безсмертенъ — зачѣмъ-же эта вставка, такая тяжелая, съ такою прискорбною обстановкою-смертью?

Что собственно смерть, относительно жизни, или что собственно жизнь со смертію и безсмертіемъ!

Кощунство вопіетъ: комедія съ переодѣваніемъ.

И когда подумаешь, что все это узнается только въ минуту такъ называемой смерти!

А если нѣтъ, если потерю земнаго бытія и чувствовать некому, нечему!

Нѣтъ, здравый смыслъ, даже одинъ, думать такъ не можетъ.

Страхъ беретъ при этихъ мыслях, и потому всякое опрометчивое отношеніе къ этой пучинѣ чудесъ, которое распространяется въ нашей молодежи, благодаря дикимъ воплямъ незванныхъ учителей, возмущаетъ духъ, возбуждаетъ негодованіе къ учителямъ и состраданіе къ ученикамъ.

Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка! Аминь!

Если душа наша безсмертна, если есть для насъ другая жизнь, то должна быть, какая нибудь *цѣль* здѣшней жизни. Нельзя представить ее безъ цѣли, (а вѣдь такъ должны принимать модные философы). Случайность, безцѣльность, равнозначительны съ нелѣпостью или безсмыслицею.

Въ природѣ все цѣлесообразно: одна только человѣческая жизнь, самое мудреное явленіе, было бы безъ цѣли! Какъ бы это могло случиться!

Съ другой стороны, безъ цѣли, не зная, для чего мы живемъ, на что бы и жить, чтобъ кончить ничѣмъ? Что это была-бы за жизнь? Мимолетный обманъ. Лучше бы смерть....

Неужели надо жить только для преировожденія времени, которое этою же жизнію и образуется и измѣняется? Живите, терпите, хлопочите, возноситесь, — ударъ, — и finita la comedia! Что за нелѣпости!

Что такое человѣкъ? Пылинка. А весь родъ человѣческій со всею землею — пылинка въ сравненіи съ міріадами міровъ, но онъ обнимаетъ мыслію всю эту безпредѣльную вселенную, и возлетаетъ въ своемъ воображеніи выше ея изъ подъ костянаго своего черепа.

Такому благородному, высокому, могущественному творенію, должна быть предназначена какая-нибудь великая цѣль.

Цѣли мы не понимаемъ сами, понимать не можемъ, но это не даетъ намъ права отвергать ее, принимать ее мы должны.

Должна быть цѣль! какая-же?

Надо искать ее человѣку; вотъ въ чемъ и должна состоять его главная работа!

Если есть другая жизнь, то эта должна быть, видно, приготовительнымъ классомъ, служить для насъ школою, по окончаніи курса въ которой намъ предстоитъ по экзамену переселеніе въ другой міръ.

Мы должны, отвѣтъ естественный и единственный, стараться о томъ, чтобъ жить какъ можно лучше.

Болѣе ничего придумать нельзя.

Чтоже намъ дѣлать?

Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ службѣ, едино же есть на потребу, сказалъ тотъ-же Учитель, котораго мудрѣе на землѣ не было никого.

Какъ-же можемъ мы жить лучше?

Этому должна научать насъ наша совѣсть.

Но опытъ однакожъ показываетъ, что улучшаться сами собою мы едвали можемъ.

Мы должны по крайней мѣрѣ желать искренно улучшенія, стараться по мѣрѣ силъ объ исполненіи этого желанія, и *молиться*!

Родъ человѣческій совершенствуется, говорятъ, въ теченіи времени, (хоть это въ нѣкоторомъ смыслѣ и неправда): слѣдовательно, всѣ поколѣнія работаютъ для одного, послѣдняго, счастливаго, которому предоставлено пожать плоды всѣхъ прежнихъ трудовъ. Положимъ такъ, но все-таки это не значитъ, чтобы всякій человѣкъ не могъ въ свое время вырабатывать себя, усовершенствоваться относительно, на сколько ему назначено, то есть на данные ему пять талантовъ, напри-

мѣръ, пріобрѣтать другіе пять талантовъ: не одни только послѣдніе могутъ быть и сдѣлаться совершенными. Усовершаемость всякому человѣку предлежитъ въ его времени, а не въ общемъ.

Развиваясь больше и больше, вмѣстѣ съ умомъ, сердцемъ и волею, поднимаясь выше и выше, природа человѣческая достигала возможной высоты въ лицѣ непорочной Дѣвы Маріи, которая чистотою своею и святостію была честнѣйшею Херувимъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимъ. Духъ Святый снизшелъ на Нее, и сила Вышняго осѣнила Ее, и Она удостоилась родить Сына Божія, который былъ вмѣстѣ и сыномъ человѣческимъ, — свѣтъ міру и идеалъ.

Се раба Господня! Буди мнѣ по глаголу твоему, отвѣчала она благовѣстителю, предаваясь безусловно въ волю Божію.

Вотъ этихъ словъ ожидалъ древній міръ, въ исполненіе обѣтованія, даннаго праматери Еввѣ, что сѣмя жены сотретъ главу змія.

Не требуется-ли и отъ всякаго человѣка, скажемъ здѣсь кстати, въ исполненіе какого-то непостижимаго закона, нѣчто подобное — Рождество Христово въ его душѣ? Но мы требованія этого не только исполнить, но и уразумѣть бываемъ большею частію все-таки не въ состояніи, или знать не хотимъ, развѣ малая часть избранныхъ, какъ будто искони предназначенныхъ, ихъ-же имена написана суть на небесѣхъ.

Отъ чего-же такъ? Опять непостижимость, подобная прочимъ, опять убѣжденіе, что человѣкъ можетъ только стараться о своемъ улучшеніи, молиться со страхомъ и трепетомъ, и предаваться въ волю Божію.

Душа безсмертна, слѣдовательно наша смерть — это только перемѣна одежды. Умирая, мы только снимаемъ платье.

А какое-же надѣваемъ? Въ какомъ видѣ жизнь продолжается?

Какую форму приметъ душа человѣческая, оставивъ свою земную оболочку?

Какое мѣсто займетъ во вселенной?

Въ какое отношеніе станетъ къ ней, къ Богу?

Если всякія даже искусственныя человѣческія учрежденія, какъ будто случайныя и временныя, имѣютъ, предъ глазами нашими, какую-то кристаллизацію, что при нѣкоторыхъ случаяхъ подмѣчено удачно Бокленъ, то почему-же не предположить, или не допустить такую-же духовную кристализацію и изъ всѣхъ нашихъ дѣйствій, мыслей, и чувствованій для будущей жизни?

Что-то подобное читалъ я, помнится, у Юстина Кернера, въ его Die Seherin von Prevorst.

Изъ этого безчисленнаго множества впечатлѣній, ощущеній, воспоминаній, мечтаній,—легко заключить, что можетъ быть золото и безъ лигатуры, воздухъ безъ азота, какъ медъ безъ ложки дегтю, вмѣсто здѣшней кадки дегтю съ ложкою меда.

Въ дому Отца моего обители многи суть, сказалъ божественный основатель Христіанской религіи.

Не видѣлъ того глазъ, не слыхало ухо, и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его! (*Къ Кор. 1, 9*).

Помяни насъ, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ, воскликнемъ съ разбойникомъ, распятымъ на крестѣ, всѣ мы, несмѣя считать себя лучшими.

Познать себя, связь свою со всѣмъ окружавшимъ, обозрѣть пройденый путь со всѣми его извилинами, разобрать всѣ явленія, понять сдѣланное добро и зло съ ихъ послѣдствіями, истину своихъ отношеній къ ближнимъ, свои вины и заслуги—увидѣть ясно, что представлялось во мракѣ и возбуждало сомнѣнія,—какое наслажденіе для мыслящаго существа!

Будетъ-ли оно? Не можетъ, кажется, не быть.

Но какъ—умъ недоумѣваетъ.

Мудрено вообразить, понять будущую *жизнь*, но развѣ легче понять, какъ изъ гадкой гусеницы нараждается прелестная бабочка, какъ изъ одной капли образуется яйцо, а изъ яйца вылупляется цыпленокъ, какъ изъ другой капли происходитъ человѣкъ съ его геніальными способностями?

Пройдемъ всѣ лѣтописи, обозримъ всѣ государства, изслѣдуемъ всѣ памятники, изучимъ всѣ произведенія искусства, обозримъ настоящую жизнь, призовемъ на помощь воображеніе—найдется-ли что нибудь выше, чище, совершеннѣе ученія *Христова*? Найдется-ли что нибудь благороднѣе, любовнѣе, святѣе Его образа дѣйствій, даже до самыя смерти крестныя?

Былъ-ли, приближался-ли кто въ теченіи вѣковъ, хоть сколько нибудь, къ этому идеалу, даже мысленно? [17]

Любите враги ваши, творите добро ненавидящимъ васъ.

Блажени плачущіи, яко утѣшатся.

Блажени алчущіи правды, яко тіи насытятся.

Простить-ли мнѣ брата моего семь разъ, спрашиваетъ Его ученикъ. Не семь разъ, а седмерицею семь, отвѣчаетъ Онъ.

Кто не знаетъ за собою грѣха, первый брось камень въ виноватую.

Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя.

Есть-ли что нибудь въ природѣ, въ области духа, подобное, близкое къ этому небесному голосу любви?

На всѣ эти вопросы отвѣтъ одинъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Это явленіе единственное въ исторіи человѣческаго рода, ни съ какимъ несравнимое, особенное, чудесное. Ни прежде, ни послѣ, нигдѣ, никогда, ни на яву, ни во снѣ, не видано, не слыхано, не думано, не воображено ничего подобнаго.

И всю Свою жизнь Іисусъ Христосъ былъ Себѣ вѣренъ, какъ свидѣтельствуютъ памятники, (мы говоримъ теперь только въ историко-критическомъ смыслѣ), ни одною чертою не показалъ ни въ чемъ противорѣчія, не обмолвился ни разу ни единымъ словомъ, не провинился ни разу ни однимъ дѣломъ, въ продолженіи всей Своей жизни, не смотря на всѣ искушенія, козни, сѣти, подсматриванія и подслушиванія, желанія враговъ и ненавистниковъ поймать и уличить,—кровію наконецъ запечатлѣлъ Свое ученіе, и, распятый на крестѣ, воскликнулъ: Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ-бо, что творятъ.

Одна эта особенность, необыкновенность, безпримѣрная исключительность, не возбуждаютъ-ли мысли о сверхъ-естественности или божественности явленія?

Жизнь Іисуса Христа—неужели это жизнь только земнаго человѣка?

Такое ученіе могло сойдти только съ неба.

На землѣ ничего не могло произойдти подобнаго.

Это божественное откровеніе.

Если-бъ Онъ былъ только человѣкомъ, то долженъ-бы быть обоготворенъ.

Можно ли человѣку быть такъ совершеннымъ, какъ совершенъ былъ Христосъ? Скажетъ ли кто нибудь, что можно? Нѣтъ, не скажетъ никто, слѣдовательно....

Отстранимъ вопросъ о сверхъ-естественности и божественности; не станемъ разсуждать о томъ, что значитъ Сынъ Божій и сынъ человѣческій; займемся сначала только вопросомъ историческимъ: былъ-ли на землѣ кто нибудь, именовавшійся Іисусомъ Христомъ, и проповѣдавшій такое-то ученіе?

Не прибѣгая къ историческимъ и прочимъ свидѣтельствамъ, можно отвѣчать на этотъ вопросъ, что одни Евреи, въ настоящемъ своемъ

положеніи, доказываютъ всего убѣдительнѣе существованіе Іисуса Христа, и подлинность сказаній Евангельскихъ объ Его жизни. Возми, возми, распни Его, мы слышимъ, кажется, какъ кричатъ они до сихъ поръ; *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*....

Это свидѣтельство вѣрнѣе всѣхъ, оно удостовѣряетъ насъ, что Іисусъ Христосъ жилъ въ показанное время при императорахъ Августѣ и Тиверіѣ.

Всѣ пророки и всѣ писанія Еврейскія, подлинныя, твердятъ о Мессіи. Критика, строгая, самая скептическая, враждебная, принимаетъ эти писанія и вѣрованія, какъ дѣйствительно существовавшія.

Онѣ существуютъ и теперь: ожиданія продолжаются предъ нашими глазами. Евреи испоконъ вѣка ожидали Мессію, и ожидаютъ его до сихъ поръ. Никакого вѣрованія нѣтъ у нихъ тверже.

Они ожидали Мессію въ видѣ великаго царя, который ихъ вознесетъ на высокую степень могущества и славы; (Самарянка говоритъ Іисусу: знаю, что придетъ Мессія, то есть Христосъ. Когда онъ придетъ, то объяснитъ намъ все (*Іоан. IV*, 25).

Мессія пришелъ къ нимъ, зракъ раба пріимъ, проповѣдуя терпѣніе, смиреніе. Евреи не узнали Его. Это не Онъ, восклицали они и осудили за хулу, яко человѣкъ сый, Сына Божія себя сотвори.

Они ожидали такого избавителя двѣ тысячи лѣтъ.

Вотъ прошло еще двѣ тысячи лѣтъ. Никто не приходитъ. Но убѣжденіе ихъ не колеблется: они все ждутъ...*).

(Не случится ли тожъ касательно антихриста? Его не узнаютъ-ли люди, можетъ быть, такъ, какъ Евреи не узнали Христа! Онъ, сово-

*) Не могу не разсказать кстати, какъ мнѣ случилось однажды (1860) зайдти въ Еврейскую синагогу въ Екатеринославѣ. Она похожа на нашу Университетскую залу. Тысяча человѣкъ, кажется, толпилось въ ней. Всѣ они въ шляпахъ, перевязанные бѣлыми шарфами черезъ плечо, раздѣлены были на группы по пяти-шести человѣкъ, двигавшихся все взадъ и впередъ, каждая въ своемъ кругу. Это движеніе, очень торопливое, до такой степени выражало общее ожиданіе, что я былъ пораженъ, и безотчетно посмотрѣлъ на дверь, думая, что вотъ-вотъ она отворится, и сейчасъ выйдетъ оттуда кто нибудь, который ожидается.

купность, легіонъ, или образъ мыслей такой-то, живетъ уже, можетъ быть, между людьми, но люди не видятъ, не осязаютъ его, и думаютъ, что нѣтъ его.

Всѣ пророчества подходятъ къ Іисусу Христу самымъ естественнымъ образомъ, если мы будемъ разсматривать ихъ со стороны, безъ предубѣжденія и предразсудковъ, не говоря уже объ тѣхъ пророчествахъ, почти буквальныхъ, которыя какъ-бы прямо указываютъ на Іисуса Христа:

Се дѣва во чревѣ зачнетъ, и родитъ Сына. Ис. VII, 14.

Не бойся дщерь Сіонова, се Царь твой грядетъ на молодомъ ослѣ. Зах. IX, 9.

И ты, Виѳлеемъ, земля Іудина, ни чѣмъ не меньше воеводствъ Іудиныхъ, ибо изъ тебя произойдетъ вождь, который упасетъ народъ Мой Израиля. Мих. V, 2.

Земля Завулонова и земля Неѳфалимова, на пути приморскомъ, Галилея языческая, народъ, сидящій во тмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, и сидящимъ въ странѣ и тѣни смертной возсіялъ свѣтъ. Ис. IX, 1, 2.

Онъ взялъ на Себя наши немощи и понесъ болѣзни. Ис. LIII, 64.

И пришедши поселился въ городѣ да сбудется реченное чрезъ Пророковъ, что Онъ Назореемъ нарочется. Матѳ. II, 23.

Въ полемическихъ древнихъ сочиненіяхъ нигдѣ не выражено не только опроверженія, но даже и сомнѣнія о существованіи историческаго лица.

Когда Онъ жилъ, гдѣ, какъ, что Онъ дѣлалъ—нѣтъ-ли Его современниковъ, которые видѣли, слышали Его, жили съ Нимъ, не оставили-ли они подробныхъ свѣдѣній объ Его жизни и ученіи?

Мы имѣемъ восемь свидѣтелей, очевидцевъ и современниковъ: четырехъ Евангелистовъ — Матѳея, Марка, Луку и Іоанна, и четырехъ Апостоловъ: — Петра, Іакова, Іуду и Павла съ ихъ посланіями.

Лукѣ, кромѣ Евангелія, принадлежатъ дѣянія Апостольскія, Іоанну Богослову—посланія и апокалипсисъ.

Поговоримъ теперь о четвероевангеліи.

Приравняемъ этихъ свидѣтелей къ источникамъ свѣтской исторіи: какія требованія предъявляемъ мы отъ тѣхъ, такія предъявимъ и отъ этихъ.

На какихъ основаніяхъ вѣримъ мы Иродоту? Мы вѣримъ ему, и принимаемъ его свидѣтельство не только о тѣхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или современникомъ, но и о тѣхъ, которыя происходили за сотни лѣтъ до него, въ странахъ для него чуждыхъ, если не находимъ въ нихъ ничего несоотвѣтствующаго здравому смыслу, или несогласнаго съ другими достовѣрными извѣстіями, — такое мы отвергаемъ. Подобнымъ образомъ относимся и къ прочимъ историкамъ.

Приложимъ туже мѣрку къ книгамъ Новаго Завѣта, допустимъ, что четверо-евангеліе есть простое человѣческое сочиненіе, и станемъ разсматривать его, какъ Зендавесту, Коранъ, Иродота и прочіе историческіе источники....

Всѣ Евангелія, кромѣ Іоанна, и посланія, должны быть писаны до разоренія Іерусалима, ибо нигдѣ нѣтъ ни слова, ни намека, о совершившемся событіи, которое ясно было тамъ предсказано.

Исполнившееся предсказаніе служитъ въ свою очередь доказательствомъ, что оно дѣйствительно было сдѣлано.

Что мы должны сказать о нихъ? Не должны-ли принять историческую ихъ часть, о которой идетъ теперь рѣчь у насъ? Какое право есть не довѣрять ихъ показаніямъ?

Четыре свидѣтеля, и всѣ они говорятъ одно и тоже. Еслибъ они

писали не съ дѣйствительности, то можно ли бъ было имъ сохранить такое единство?

Они писали въ разныя времена, въ разныхъ мѣстахъ, спустя много лѣтъ послѣ событій: какъ-же они не спутались, не ошиблись ни въ чемъ, не впали въ противорѣчіе кромѣ очень немногихъ обстоятельствъ, подвергающихся разныхъ толкованіямъ?

Въ посланіяхъ нѣтъ дѣлъ (фактовъ) изъ жизни самаго Христа, но ученіе одно и тоже до малѣйшихъ тонкостей съ благовѣствованнымъ въ Евангеліи.

Далѣе, въ авторскомъ смыслѣ, прикладывая обыкновенное критическое мѣрило къ Евангелію, какъ бы къ простому человѣческому сочиненію, сравнивая съ другими однородными, мы видимъ на немъ печать правды, истины, встрѣчаемъ черты, списанныя, такъ сказать, съ натуры, которыхъ никакимъ образомъ не моглобъ быть въ сочиненіи преднамышленномъ, подложномъ, напримѣръ:

Еллины хотѣли видѣть Іисуса и просили апостола Филиппа показать имъ Его. Филиппъ сказалъ Андрею; Андрей и Филиппъ передали это желаніе Іисусу. Іоан. XII. 21, 22.

Самарянка говоритъ Іисусу, сказавшему ей, что еслибъ она попросила Его, то Онъ далъ бы ей воду живую: тебѣ и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубокъ: откуда же у тебя вода живая? Іоан IV. II.

Вартимей, сынъ Тимеевъ, слѣпой, сидѣлъ у дороги, прося милостыню.

Петръ отсѣкъ рабу Арх. правое ухо. Имя рабу Малхъ (XVIII, 10).

Одинъ юноша, завернувшись по нагому тѣлу въ покрывало, слѣдовалъ за Іисусомъ изъ Геѳсиманскаго сада, гдѣ онъ былъ преданъ и воины схватили его. Но онъ, оставя покрывало, нагой убѣжалъ отъ нихъ. Марк. XIV. 51, 52.

Въ Геѳсиманскомъ саду Іисусъ отошелъ отъ учениковъ (Петра, акова, Іоанна) на верженіе камня. Лук. XXII, 41.

Воины заставили, проходящаго нѣкоего Киринеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущаго съ нимъ, нести крестъ Его. Марк. XV 21.

И пронеслось слово сіе (придуманное первосвященниками о похищеніи учениками тѣла Іисусова) между Іудеями до сего дня. Мат. XXVIII. 15.

Заключеніе Евангелія Іоаннова о посѣщеніи гроба съ Петромъ такъ живо, что обличаетъ очевидца.

Всѣ дѣйствія Петра отличаются у всѣхъ четверыхъ Евангелистовъ такою своеобразностію, особностію, ему исключительно принадлежащею, что вы его какъ будто видите предъ собою, слышите, сочувствуете. Это живой человѣкъ. Можно ли четыремъ живописцамъ выдумать порознь портретъ, который бы оказался у всѣхъ столь тожественнымъ? Можно ли принять его миѳомъ?

Искуственности сочиненія, преднамѣренности, непримѣтно рѣшительно никакой для самаго строгаго критическаго глаза—таковы наружныя относительныя доказательства подлинности, независимо отъ высшихъ, предлагаемыхъ богословіемъ.

Но разные ли эти свидѣтели; не должно-ли приписать всѣ исчисленные источники одному неизвѣстному подложному сочинителю?

Нѣтъ, всѣ эти писанія имѣютъ очевидно разныхъ писателей. При всей простотѣ своей и безъискуственности различные характеры Евангелистовъ очевидны съ перваго взгляда: Іоаннъ отличается отъ всѣхъ духовностію содержанія, выборомъ вопросовъ нравственныхъ, высшихъ, духовныхъ; Маркъ простѣе всѣхъ. Въ Лукѣ примѣтно желаніе изложить событіе обстоятельно; Матѳей спокойный ровный повѣтствователь.

Нѣтъ никакой возможности такую массу свидѣтельствъ счесть позднѣйшимъ сочиненіемъ съ предвзятыми мыслями, съ умыслами.

Подложнаго писателя вообразить даже нельзя: какъ не проговорился бы онъ ни въ одномъ словѣ, не оставилъ нигдѣ своихъ пальцевъ, и написавъ-удивительное сочиненіе, возъимѣвшее рѣшительное вліяніе на

судьбу всего человѣческаго рода, скрылся куда-то изъ исторіи и литературы такъ, что и слѣдъ его простылъ!

Когда можно было учинить такой подлогъ, и какъ схоронить всѣ концы, такъ что ни въ чемъ нельзя уличить сочинителя, не смотря на старанія всѣхъ враговъ, начиная съ древнихъ книжниковъ и фарисеевъ до новыхъ псевдопозитивистовъ и нигилистовъ съ дьяволомъ во главѣ.

Какъ же и кому сговориться и сочинить такія четыре книги, съ присоединеніемъ двадцати посланій, которыя чѣмъ болѣе изучаются и выразумѣваются, тѣмъ крѣпче утверждаются, а не колеблются, не опровергаются.

Свидѣтели—писатели различные, а нѣтъ въ нихъ ни одной черты, которая дала бъ справедливый поводъ осудить что,—скажу болѣе—усомниться, вывести заключеніе противорѣчащее, двусмысленное, что касается до сущности ученія. Можно ли такъ выдумать, сочинить?

Обратимъ вниманіе на эти кажущіяся разнорѣчія относительно нѣкоторыхъ частностей: онѣ потверждаютъ различность и вмѣстѣ характеричность писателей.

Не скажите-ли еще, что разнорѣчія придуманы также для возбужденія большей довѣренности? Слишкомъ много тонкости должно бъ было приписать для того времени кому бы то ни было!

Если это разныя сочиненія, то и подлинныя, вѣрныя, такъ какъ всѣ онѣ представляютъ однѣ и тѣ-же показанія.

Теперь обратимся къ главному содержанію Евангелія, ученію Христову: здѣсь найдемъ еще сильнѣйшія доказательства исторической подлинности Евангелія, и вмѣстѣ Божественнаго его происхожденія.

Въ Евангеліи заключается, по единогласному мнѣнію вѣрующихъ, поклонниковъ и противниковъ, высоконравственное, премудрое, ни съ какимъ другимъ несравненное ученіе. Кому принадлежитъ оно?

Противники говорятъ: человѣку, именовавшему себя Іисусомъ Христомъ.

Ему одному?

Если такъ, то гдѣ-же этотъ человѣкъ, сынъ плотника, по свидѣтельству соотечественниковъ, могъ почерпнуть такую премудрость?

Онъ принадлежалъ, толкуютъ они, къ Еврейскому народу, и могъ почерпнуть ее въ глубокомъ изученіи книгъ Ветхаго Завѣта.

Ну да вѣдь Его ученіе, Новой Завѣтъ, представляетъ противоположность Ветхому Завѣту. Евреи, исповѣдующіе до сихъ поръ съ неохлаждаемымъ жаромъ законъ Моисеевъ, чуждаются и ненавидятъ Его, какъ лютѣйшаго своего врага и противника.

Іисусъ Христосъ, говорятъ другіе, былъ произведеніемъ своего времени, особой школы, которая его подготовила и отпустила на дѣланіе.

Но гдѣ-же эта школа? какъ она умѣла скрыть свои слѣды до Него, при Немъ, и послѣ Него? Да и для чего?

Всѣ школы испокопъ вѣка старались выставляться наружу, искали послѣдователей явно, и гонялись за славою: съ чегоже предполагать какую-то небывалую и безпримѣрную школу, которая принесла въ жертву все свое самолюбіе сочиненному ею миѳологическому лицу?

Со всѣми современными школами, Іисусъ Христосъ спорилъ и опровергалъ ихъ.

Еще есть мнѣніе: Іисусъ Христосъ почерпнулъ свою премудрость въ Египтѣ.

Но тамъ слѣдовъ нѣтъ Его ученія, ни прежде, ни послѣ; да и нѣтъ никакого повода заключать о долговременномъ Его тамъ пребываніи. Египетская мудрость, сколько судить о ней можемъ, по отношенію ея къ Моисею, состояла въ познаніи нѣкоторыхъ таинъ природы.

Его ученики—новыя лица, очевидно новорожденные, происходили

Умственно и нравственно отъ Него: притомъ они какъ-бы очнулись, вразумились, прозрѣли послѣ Него, а при Его жизни не понимали Его,* и думали, поступали даже часто, противоположно Его ученію, слѣдовательно все писанное ими принадлежитъ не имъ, а Ему.

Евангеліе сочинено послѣ по состоявшимся понятіямъ, то есть имѣетъ происхожденіе легендарное, миѳическое.

Да кому-же могло придти въ голову умыслить такое дѣло? Другому Іисусу, не тому, который дѣлалъ дѣло, а иному, который выдумалъ это дѣло, скрылъ свое имя, и не оставилъ никакихъ слѣдовъ по себѣ нигдѣ, даже у противниковъ его новаго ученія?

Нѣтъ никакой возможности сдѣлать такое нелѣпое предположеніе: одинъ выдумалъ ученіе, сочинилъ книжку о небывалыхъ событіяхъ, предъ глазами современниковъ, а тысячи ему повѣрили и пошли умирать за него въ мученіяхъ, убѣждать другія тысячи идти на туже смерть съ веселіемъ! Есть-ли здѣсь какое вѣроятіе?

Жизнь Іисуса Христа—вы не вѣрите ей? Да сочинить-то ее когда и кто могъ—и относительно словъ и относительно дѣлъ? Сочиненіе, то есть, выдумка такая, развѣ не была-бы дѣломъ необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ, невѣроятнымъ?

Какое-же это ученіе? Гдѣ его образцы, примѣры, подобія, подражанія? Прошло двѣ тысячи лѣтъ почти послѣ него, и внѣ его нѣтъ

---

* Іоан. XII, 14. Іисусъ-же, нашедъ молодаго осла, сѣлъ на его, какъ написано: небойся, дщерь Сіонова! се, царь твой грядетъ на молодомъ ослѣ, (Захар. IX, 9). Ученики его сперва не поняли сего, но когда прославился Іисусъ, тогда вспомнили, что тамъ было о немъ написано, и сіе сдѣлали ему.

Лук. XVIII, 34. Но они ничего изъ этого не поняли (изъ словъ о предстоящихъ страстяхъ и воскресеніи), слова сіи были для нихъ сокровенны, и они не разумѣли сказаннаго. См. также Мар. IX, 32, Лук. IX, 45.

Іоан. VI, 6. Многіе изъ учениковъ Его слыша то (о хлѣбѣ спустившемъ съ небесъ) говорили: какія страшныя слова! кто можетъ слышать это!

Не поняли, что говорилъ имъ объ Отцѣ. Іоан VIII, 43.

Сію притчу о пастырѣ сказалъ имъ Іисусъ, но они не поняли, что такое онъ говорилъ имъ Іоан X, 6 и проч.

ничего, какъ и прежде не было, ничего равнаго, подобнаго, ни въ жизни, ни въ ученіяхъ.

Переходъ отъ язычества къ христіанству безъ Откровенія, не только понять, но и вообразить нельзя: нельзя представить никакого Римлянина, уразумѣвающаго, не только измышляющаго своими средствами какую нибудь евангельскую истину. Надо было человѣку окреститься и освятиться, чтобъ понять ее. Произошло слѣдовательно что-то, почему человѣкъ переродился, и изъ какого нибудь Катона, даже Утическаго, произошелъ Алексѣй Божій человѣкъ.

Теперь обратимся къ лицамъ Евангелистовъ и Апостоловъ, забывая всѣ о нихъ изслѣдованія. Здѣсь мы найдемъ наисильнѣйшее доказательство въ подтвержденіе Евангелія, сравнительно со всѣми предыдущими.

Какими представляются они намъ въ Евангеліи?

Они часто не понимали своего Божественнаго Учителя, или понимали не вполнѣ, и на другой день забывали иногда, что Онъ говорилъ имъ наканунѣ. Всѣ они отреклись отъ Него и разбѣжались при взятіи Его стражею. Самъ Петръ отрекся отъ Него чрезъ минуту, послѣ того, какъ былъ даже предупрежденъ Имъ о томъ, и споримъ: пусть всѣ оставятъ Тебя, а я всегда съ Тобою. Мать Іоанна и Іакова просила Его передъ тайной вечерей о первыхъ мѣстахъ для нихъ по второмъ пришествіи. Ѳома не вѣрилъ не только словамъ Его о воскресеніи, но даже свидѣтельствамъ товарищей, которые видѣли Его по воскресеніи и увѣряли въ томъ ученика. Филиппъ просилъ показать Отца.

А послѣ стали иными, и шли на смерть во имя Его, какъ на брачный пиръ.

Прочтите посланія: Петра, Іакова, Іоанна, Іуды. Тѣ-ли это люди, которые ходили за Іисусомъ въ продолженіе Его жизни?

Здѣсь это совсѣмъ другіе люди, при жизни Іисуса Христа, и послѣ Него.

—

Откуда взялся этотъ неудержимый ихъ восторгъ? Какъ объяснить это веселіе, это радованіе, съ какимъ они умирали въ мукахъ, произнося имя Іисусово, и устремляя взоры свои на небо, гдѣ они какъ будто видѣли Его? Откуда взялась ревность проповѣдывать ученіе, противоположное ихъ прежнимъ убѣжденіямъ, непонятное для нихъ, пока они ходили за своимъ Учителемъ, и видѣли своими глазами чудеса, Имъ творимыя? Что произошло съ ними, вслѣдствіе чего они такъ измѣнились?

Видно случилось съ ними что-то особенное, сверхъ—естественное, произошелъ совершенный переворотъ во всемъ ихъ существѣ, однимъ словомъ совершилось чудо.

—

Скажутъ ли, что и это превращеніе придумано послѣ въ Новомъ Завѣтѣ, чтобъ обмануть вѣрнѣе весь міръ для распространенія новаго ученія? Кѣмъ же, для чего, могла быть придумана такая лесть? Нѣтъ, этого сказать нельзя, и всѣ невѣрующіе критики не осмѣливаются дѣлать такого невозможнаго предположенія. Можно-ли, вѣроятно-ли, распространять украдкою изъ за угла, черезъ ложь, такое ученіе, придумывая для того подобные фокусы? Нѣтъ; оно было соединено съ настоящими событіями, и было на нихъ основано, происходило на яву, а не въ воображеніи.

Все это такъ, все это принять можно: ученіе Христово божественно. Евангелія подлинны, но чудеса, о которыхъ разсказываютъ Евангелисты, какъ имъ повѣрить можно? Но грѣхопаденіе, воплощеніе, искупленіе, спасеніе, воскресеніе изъ мертвыхъ, возлесеніе, исповѣдуемое имъ, какъ все это понять, чѣмъ объяснить можно?

Искупленіе тайна.

Необходимость въ искупленіи, искупительныя жертвы, существовали и существуютъ въ преданіяхъ и обрядахъ народовъ самыхъ дикихъ.

Пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое. Пійте отъ нея вси, сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія проливаемая.

Философы! вникните въ эти божественныя слова! Кто сказалъ ихъ? Высшая премудрость въ человѣческомъ образѣ, Сынъ Божій—Сынъ человѣческій.

Повѣримъ Ему, если понять и почувствовать Святыхъ тайнъ не можемъ!

Это непостижимыя тайны, которыхъ никакія напряженныя усилія объяснить не могутъ, хоть на условномъ человѣческомъ языкѣ и объясняются онѣ по своему, тайны, какъ и всѣ прочія, вышеприведенныя, отъ которыхъ уйдти намъ некуда, и которыя должно принимать на вѣру. Почему мы станемъ требовать ихъ объясненія, и отвергать ихъ только вслѣдствіе непостижимости, когда мы принуждены по необходимости принимать множество другихъ тайнъ, предъ нашими глазами сущихъ? [19].

Столько вопросовъ возникаетъ при размышленіи о явленіи Христа, Сына Божія на землѣ, что дерзкимъ, самонадѣяннымъ людямъ, представляется удобнѣе отвергать Его, чѣмъ покоряться вѣрѣ, и за дешевую цѣну получать славу философовъ, esprits forts,

---

Не предусмотрѣны-ли подобныя людскія ученія и недоумѣнія въ слѣдующихъ словахъ Евангелія и посланій?

Іоан. IX, 39. И сказалъ Іисусъ: на судъ я пришелъ въ міръ сей, чтобъ невидящіе видѣли, и видящіе стали слѣпы.

Се полагаю въ Сіонѣ камень претыновенія и камень соблазна; но всякій вѣрующій въ него не будетъ постыженъ. Пс. 117, 22, Ис. XXVIII, 16, VII, 14.

1 Кор. 1, 18—25. «*Слово-бо* крестное погибающимъ убо юродство *есть*, а *спасаемымъ* намъ *сила* Божія есть. Писано-бо есть: погублю *премудрость премудрыхъ*, и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ премудръ, *гдѣ книжникъ*, гдѣ *совопросникъ* вѣка сего? Не обуи-ли Богъ премудрость *міра сего*? *Понеже бо* въ премудрости Божіей не разумѣ міръ (*своею*) *премудростію* Бога, *) благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди *спасти* вѣрующихъ. Понеже и Іудеи знаменія просятъ, и Еллини *премудрости* ищутъ. Мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо *соблазнъ*, *Еллиномъ*-же безуміе. Самимъ-же званнымъ, Іудеемъ-же и *Еллиномъ*, Христа Божію силу и Божію премудрость. Зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть, и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть!»

Кто не задумается надъ глубиною этихъ словъ!

Если-бъ не воскресъ Христосъ, то ученики, апостолы, увидѣвъ такой конецъ, какъ позорная смерть ихъ учителя на крестѣ съ разбойниками, сочлибъ Его обыкновеннымъ смертнымъ, иные можетъ быть обманщикомъ, и остались-бы сами тѣми же людьми, какими были при Немъ, считая все прошедшее однимъ тяжелымъ сномъ. Только *воскресеніе* могло придать силу ихъ убѣжденіямъ и восторгъ тысячамъ первыхъ мучениковъ, только воскресеніе могло основать, утвердить Христіанство.

Безъ воскресенія и безъ сошествія Святаго Духа нельзя объяснить Евангелія и вообще Христіанства. Только принявъ Святаго Духа, могли проарѣть эти простецы или невѣжи, вспомнить все, что промелькнуло въ ихъ глазахъ, понять все, что пропущено было сквозь ушей, и сообщить человѣческому роду такое благовѣствіе, до коего не могли достигнуть никакіе Сократы, Платоны, Аристотели.

Простые, грубые, необразованные рыбаки, непонимавшіе до такой

*) Цѣлый міръ своей премудростію не познавалъ Бога въ премудрости Божіей, благоизволилъ Всего и проч

степени Его ученія, что самые лучшіе изъ нихъ искали первенства, отрекались, сомнѣвались, предлагали маловажные вопросы, — пропускавшіе мимо ушей важнѣйшія изъ Его словъ, дѣлаются горячими проповѣдниками, привлекаютъ тысячи, и кровію своею запечатлѣваютъ истину своей вѣры. Во всю землю изыде вѣщаніе, и въ концы вселенныя глаголы яхъ! Двѣнадцать невѣждъ покоряютъ образованный міръ! Откуда явилась въ нихъ такая сила?

Сколько любви въ посланіяхъ Іоанна, Петра, Іакова, Іуды, Павла? Найдется ли малѣйшая доля ея во всѣхъ философіяхъ, во всѣхъ законоположеніяхъ, во всѣхъ фантазіяхъ древняго міра? У Моисея нѣтъ ея: у него только любовь къ Богу. Во всемъ древнемъ мірѣ нѣтъ ея. Откуда же явилась она?

Изъ гроба Христова.

Какъ иначе могли Евангелисты припомнить все происшедшее въ такой послѣдовательности, и по истеченіи долгаго времени, когда прежде забывали ежеминутно? Какъ могли сохранить въ такой подробности все ученіе, безъ единой черты противорѣчія въ правилахъ, заповѣдяхъ, притчахъ, ни въ чемъ? удержаться отъ всего лишняго, пошлаго, житейскаго, личнаго? Естественно ли это, можно-ли объяснить все это безъ особеннаго вдохновенія божественнаго? А вы какъ думаете, философы и позитивисты?

Чѣмъ объясните вы обращеніе Савла, который изъ яростнаго гонителя сдѣлался самымъ ревностнымъ проповѣдникомъ и самымъ глубокимъ толкователемъ принятаго ученія?

Чище, выше, любезнѣе, совершеннѣе Христа, не было никого на свѣтѣ, во всей исторіи человѣческаго рода, никто не училъ лучше, полезнѣе Его;—ну такъ и *слушайте Его*, вѣрьте Ему, живите, какъ Онъ заповѣдалъ жить вамъ.

Въ Евангеліи все предусмотрѣно: объ чемъ бы вы ни подумали, въ чемъ бы ни усомнились, касательно образа жизни на землѣ, на все получите соотвѣтствующій отвѣтъ.

О, если-бъ оно было исполняемо, какъ-бы люди были счастливы! никакая конституція не можетъ доставить государствамъ такого благополучія, какъ исполняемое, даже сколько нибудь, Евангеліе. [20]

И были, и есть, люди, которые, живя такъ, какъ Онъ училъ, испытали это на себѣ, достигали ясновидѣнія, восторгались до третьяго неба; они свидѣтельствуютъ, доказываютъ своею жизнію и смертію, что слово Его истинно! [21]

Исполняя Его заповѣди, вы увидите и поймете больше того, что понимаете и видите теперь, чрезъ свои кривыя очки, отуманенными глазами, съ головою въ чадномъ угарѣ. Заскорузлыми руками нельзя плести кружева, нельзя съ тяжелой плотію вознестись въ горняя, и размышлять о святомъ съ животными страстями. Очистимъ чувствія и узримъ!

Такъ ли мы понимаемъ Евангеліе, гдѣ Христосъ говоритъ о себѣ? Господи, покажи намъ свѣтъ!

Къ Рим. VIII, 5—8. Живущіе по плоти о плотскомъ и помышляютъ, и живущіе по духу о духовномъ. Плотскія помышленія суть смерть, а духовныя помышленія—жизнь и миръ. Потому что плотскія помышленія суть вражда противъ Бога, поелику закону Божію не покоряются, да и не могутъ. Посему живущіе по плоти Богу угодить не могутъ.

Если-бъ не было Бога, то надо-бъ было выдумать Его, сказалъ Вольтеръ. Еслибъ не было Христіанства, то надо-бъ было выдумать его, но измыслить его не могъ-бы никто кромѣ Бога!

(Нашелъ я въ своихъ тетрадяхъ нѣсколько мыслей о католичествѣ съ Папою;)

Христосъ сказалъ Петру: «ты есн Петръ, и на семъ камени созижду церковь, и врата адовы не одолѣютъ ю.»

«На семъ камени» — на исповѣданіи Петровомъ Іисуса Христа Сыномъ Бога живаго. Не Петръ есть основаніе церкви, а Христосъ, Его слово.

Если-бъ Онъ давалъ этимъ словамъ такое значеніе, какое даютъ имъ *Католики*, то Петръ долженъ-бы, по крайней мѣрѣ по воскресеніи Христовомъ, занять видимо первое мѣсто между Апостолами, но онъ никогда не занималъ такого мѣста.

Вскорѣ послѣ этихъ словъ Іисусъ сказалъ Петру: «отойди отъ меня, сатана; ты Мнѣ соблазнъ, потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое.»

Къ Римлянамъ даже нѣтъ посланія Петрова, а есть Павлово. Съ чего-бы Павлу писать туда посланіе, даже идти туда, если-бъ тамъ хозяиномъ былъ Петръ.

Апостолы ни о чемъ не спрашивали Петра, и вѣдать не вѣдали о такомъ его назначеніи, совершенно между собою равные по всѣмъ свидѣтельствамъ. Павелъ, младшій между ними, не очевидецъ, даже осуждаетъ нѣкоторыя его дѣйствія. Въ первомъ вѣкѣ нѣтъ ни какого свидѣтельства, намека, ни малѣйшаго повода заключать, чтобъ былъ гдѣ нибудь вопросъ о какомъ нибудь первенствѣ, преимуществѣ, главенствѣ.

Павелъ пишетъ къ Коринѳянамъ; «я разумѣю то, что у васъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ; я Кифинъ, а я Христовъ. Развѣ раздѣлился Христосъ? Развѣ Павелъ распялся за васъ? Или во имя Павла вы крестились?» *1 Кор. 1, 12, 13.*

Ясно-ли, что здѣсь уравниваются всѣ апостолы: Петръ, Павелъ, Аполлосъ?

Такъ и въ другомъ мѣстѣ они уравниваются, III, 4, 6. Ибо когда одинъ говоритъ: я Павловъ, а другой — я Аполлосовъ: то не плотскіе ли вы? кто Павелъ? кто Аполлосъ? (въ этомъ смыслѣ могли быть упомянуты и всѣ прочіе апостолы — Іаковъ, и Филиппъ, и Іоаннъ, и Петръ...). Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и при томъ по сколько каждому далъ Господь.»

Къ Гал. 11, *7*, *8*. «Увидѣвъ, что мнѣ вѣрено благовѣстіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ, ибо содѣйствовавшій Петру въ апостольствѣ у обрѣзанныхъ, содѣйствовалъ и мнѣ у язычниковъ»....

Не должно-ли заключать изъ этихъ словъ, что первая проповѣдь у Римлянъ (язычники) принадлежала Павлу, а не Петру?

Къ Гал. 11, 9. 7. «И узнавъ о благодати, данной мнѣ, Іаковъ, и Кифа, и Іоаннъ, почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнавѣ руку, чтобъ намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ».

Не уравниваются-ли здѣсь Іаковъ, Петръ, Іоаннъ? Еслибъ Петру принадлежало первенство, то какимъ образомъ могли-бъ быть сказаны такія слова?

Напротивъ, здѣсь-же Павелъ вотъ какой случай приводитъ о Петрѣ, 11—14.

«А когда Петръ прошелъ въ Антіохію, тогда я лично противусталъ ему, ибо онъ подверженъ былъ пареканію. Потому что до прибытія нѣкоторыхъ отъ Іакова, онъ ѣлъ съ язычниками; а когда они пришли, то сталъ таиться и устраняться, опасаясь обрѣзанныхъ. Вмѣстѣ съ нимъ лицемѣрили и прочіе Іудеи; такъ что и Варнава увлеченъ былъ ихъ лицемѣріемъ. Но я, видя, что они не прямо поступаютъ по истинѣ Евангельской, сказалъ Петру при всѣхъ; ежели ты, будучи Іудей, живешь по язычески, а не по іудейски, то для чего

язычниковъ принуждаешь жить по іудейски? Мы по природѣ Іудеи, а не изъ язычниковъ грѣшники» и проч.

Наконецъ слѣдующія слова изъ 2 посланія къ Коринѳ. XII, 11. представляютъ всего яснѣе, кажется, равенство апостоловъ: «ничимъ-бо лишихся первѣйшихъ апостолъ, аще и ничтоже есмь,» (я ничѣмъ не ниже высшихъ апостоловъ, хотя и ничто).

Ясно, что Христосъ давалъ не тотъ смыслъ вышеприведеннымъ словамъ, какъ хотятъ того Папы, но онѣ, равно какъ и трижды сказанныя Петру по воскресеніи: паси агнцы моя, паси овцы моя, должны однакожъ имѣть какое нибудь особое значеніе, которое толкователи, Православные и Протестантскіе, и объясняютъ въ своихъ препираніяхъ съ католиками *.

Петръ, замѣтимъ здѣсь кстати, былъ иногда грѣшенъ и въ чувствахъ (отреченіи), и въ дѣлахъ (осужденныхъ Павломъ), а Папа, говорятъ, нѣтъ,—начиная съ нынѣшняго. А прежніе-то какъ? А проклинавшіе другъ друга за еретичество? Почему такъ поздно спохватилось Папство говорить о своей безгрѣшности?

«Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся Святому Господу Іисусу, *единому безгрѣшному*.... Если Римская церковь употребляла туже пѣснь, то больше употреблять ее не можетъ, и должна вычеркнуть изъ своего служебника. Теперь безгрѣшныхъ двое по іезуитскому ученію!!

Папа безгрѣшенъ съ послѣдняго собора, а прежде, до сихъ поръ, былъ грѣшенъ? Что же случилось съ его натурою, вслѣдствіе чего онъ такъ радикально преобразился? Какое снадобье обрѣли святые отцы іезуиты для сообщенія ему непогрѣшимости?

---

* Лѣтъ 30 назадъ мнѣ случилось встрѣтиться съ Касимовскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Сергѣевичемъ Гагинымъ, глубокимъ знатокомъ Священнаго писанія, который объяснилъ, казалось мнѣ тогда, удовлетворительно, эти слова, но я не записалъ его объясненія и не могу передать его съ точностію. Разсказываю это только въ доказательство, что у насъ, въ простомъ народѣ, не переводятся люди мыслящіе о высшихъ вопросахъ человѣчества.

Не пѣлъ видно пѣтухъ за дверьми Римскаго Собора!

А можетъ быть пѣтухъ и пѣлъ, но Папа, заговоренный іезуитами, не разслыхалъ его напоминовенія!

Или согрѣшилъ онъ столько мыслію о своей непогрѣшимости, что пѣтухъ и не былъ посланъ для его обращенія!

(До сихъ поръ о католичествѣ).

Читая многія проповѣди протестантскія, католическія, православныя, поражаемся ихъ сходствомъ: это плоды одного и того-же дерева. Въ чемъ-же состоитъ различіе исповѣданій? Не въ вѣрованіяхъ ли, преимущественно, непостижимыхъ, которыя выражаютъ онѣ разными словами, или основываютъ на свидѣтельствахъ, различно понимаемыхъ?

Духъ Святый происходитъ отъ Отца, говорятъ православные, Духъ Святый происходитъ отъ Отца и Сына, говорятъ католики. Но вѣдь ни тѣ, ни другіе, собственно не понимаютъ ясно, ни Отца, ни Сына, а и того менѣе исхожденія Духа отъ одного или отъ обоихъ, отъ Отца-ли, или отъ Отца съ Сыномъ. Мы, православные и католики, повторяемъ слова, которымъ одни даютъ такой смыслъ наружный, другіе иной. Ну, такъ Богъ съ вами! скажетъ иной простецъ, думайте, произносите, повторяйте слова, какія угодно, да живите только, какъ велятъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святый.

Такъ можетъ сказать простецъ, но Богословъ имѣетъ свои основанія, данныя въ ученіи церкви.

Отсутствіе таинствъ у протестантовъ и главенство Папы, съ новою непогрѣшимостію, вотъ, кажется, чѣмъ раздѣляются преимущественно вѣроисповѣданія.

Припомню здѣсь кстати или не кстати слова покойнаго Иннокентія, которыя сказалъ онъ мнѣ однажды, среди разсужденій о разныхъ философіяхъ: Гегелева философія очень тонка, настоящая паутина, но за то также легко и разрывается. Въ Христіанствѣ, понятомъ

какъ слѣдуетъ, заключается такая выспренняя философія, предъ которой всѣ человѣческія должны поблѣднѣть и погаснуть.

Чему училъ Христосъ? Какъ заповѣдалъ Онъ жить? Что велѣлъ дѣлать?

Любить, вѣрить, предаваться въ волю Божію, молиться.

«Возлюбиши Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею мыслію твоею. Возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себя. Здѣсь весь законъ и всѣ пророки висятъ.» *Матѳ. XXII, 40.*

«Возмите иго Мое на себя, и научитеся отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть, и обрящете покой душамъ вашимъ». *Матѳ. XI, 29, 40.*

Намъ остается вѣрить, молиться и стараться объ исполненіи Христовыхъ заповѣдей.

О предметахъ вѣры дайте волю уму, и онъ, необузданный, заведетъ васъ въ дебри непроходимыя. Исторія самой церкви представляетъ тому множество примѣровъ и доказательствъ: откуда происходятъ всѣ ереси! Сильнѣйшіе умы, какъ Оригенъ, впадали такимъ образомъ въ заблужденія.

Мало-ли что можетъ придти въ голову уму безспокойному, неугомонному, любопытному, съ чего нибудь пьяному, зараженному, поврежденному, искушаемому, больному, колобродному! (Господи! прости наши согрѣшенія)! Мало ли чего не придумаетъ человѣкъ, когда по пословицѣ умъ заходитъ у него за разумъ! Сколько сомнѣній, недоумѣній вопросовъ, недоразумѣній!

Какъ представить себѣ Бога,—Отца, Сына и Святаго Духа до сотворенія міра?

О непостижимости Троицы есть прекрасное сказаніе объ одномъ свя-

томъ отцѣ, который, стоя на берегу моря, размышлялъ объ этомъ таинствѣ. Подходитъ къ нему старецъ, и спрашиваетъ, объ чемъ онъ такъ задумался. Услышавъ отвѣтъ, старецъ поднялъ съ земли раковину и сказалъ ему: ты хочешь вотъ такою раковиною исчерпать море!

Въ Отцѣ были Сынъ и Духъ Святый; въ Сынѣ были Отецъ и Духъ Святый; въ Духѣ были Отецъ и Сынъ. Всѣ три ипостаси были порознь и вмѣстѣ. Какъ ихъ соединять, и какъ раздѣлять?

Могъ-ли Богъ оставаться безъ сотворенія міра?
Чѣмъ побудился къ сотворенію?

Богъ сотворилъ міръ, слѣдовательно, міръ есть нѣчто особое отъ Бога; въ какомъ же отношеніи къ Вездѣсущему состоитъ міръ имѣющій отдѣльное бытіе отъ Божества?

Богъ сотворилъ человѣка, мужа и жену, и далъ имъ заповѣдь.

А прежде еще — сотвореніе Денницы, который обратился въ діавола; онъ соблазнитъ перваго человѣка, и поведетъ родъ человѣческій къ гибели.

Если Денница, Люциферъ, совершеннѣйшее созданіе, оказался немедленно мятежникомъ, возставшимъ противъ Бога, то чего-жъ ожидать было отъ человѣка, получившаго себѣ такого сильнаго врага даже до своего рожденія?

Что было-бы дѣлать діаволу безъ человѣка?

Человѣкъ оказываетъ преслушаніе, падаетъ, и все измѣнилось! Не долго же міръ красовался во всемъ своемъ блескѣ! Вся тварь воздохнула! И трудъ и болѣзнь очутились на землѣ! Какъ будто цѣль творенія не достигнута. Міръ оказался не такимъ, какимъ Богъ желалъ

быть ему. Но Богъ предвѣщаетъ спасеніе, и обѣщаетъ человѣку прислать Своего Сына для его спасенія.

А Сынъ какъ участвовалъ въ этомъ обѣщаніи?

Богъ зналъ, что человѣкъ Его не послушаетъ и согрѣшитъ, и что Онъ долженъ будетъ послать Сына, и Сынъ, бывшій въ Немъ, это зналъ, и знали Они, тотъ и другой, что посланіе не будетъ принято, и будетъ Онъ распятъ, и распятіемъ совершится искупленіе. Что значитъ эта послѣдовательность, этотъ планъ божественный?

Того требуетъ Божіе правосудіе, и исполняетъ Божіе милосердіе.

Слова понятны, но смыслъ непостижимый.

Что такое земля во вселенной? Пылинка.

А человѣкъ на этой пылинкѣ, а всякая единица изъ числа современныхъ милліоновъ, изъ суммы перебывавшихъ милліардовъ? Милліардная доля пылинки, нѣтъ слова для наименованія этого безконечно-малаго.

И неужели для этого безконечно-малаго существуетъ такой аппаратъ, какъ вселенная, изъ тьмы темъ міровъ состоящая? Что за попеченіе объ безконечно малой песчинкѣ, по которому оказалось нужнымъ искупить ея грѣхи принесеніемъ въ жертву Сына Божія?

Для чего плодиться человѣческому роду, который могъ быть искупленъ только Сыномъ низпосланнымъ за его грѣхи на распятіе?

Грѣхи людскіе наказываются всемірнымъ потопомъ, а потомъ слѣдуетъ тотъ же развратъ, и всѣ благодѣянія оканчиваются неблагодарностью даже народа избраннаго, и обращеніемъ къ богамъ инымъ.

Что-же такое все это?

Что такое жизнь діавола, съ его служителями, который имѣетъ какъ будто способность знать все и быть вездѣ!

И что-же такое—вся жизнь рода человѣческаго въ этомъ смыслѣ?

борьба съ діаволомъ, въ которой онъ остается почти всегда побѣдителемъ, и немногіе святые пребываютъ чистыми послѣ его искушеній?

Діаволъ, если есть, то дѣйствуетъ. Въ чемъ же могутъ проявляться его дѣйствія? Въ побужденіяхъ на злое. И это чувствуетъ человѣкъ на себѣ; жизнь есть борьба свѣта со тьмою, добра со зломъ, плоти съ духомъ.

Искушеніе есть житіе человѣку на земли. *Іовъ VII, с. 1.*

Книга Бытія представляетъ намъ, такъ сказать, наружную исторію человѣческаго рода, условнымъ языкомъ, котораго, во внутреннемъ его смыслѣ, мы не понимаемъ, и должны принимать безъ дальнѣйшаго разсужденія, ad interim, на вѣру! Прообразованія, встрѣчаемыя въ Ветхомъ Завѣтѣ, поражаютъ всякаго чистаго, непредубѣжденнаго человѣка своимъ исполненіемъ: жертвоприношеніе Авраама, 12 колѣнъ Израилевыхъ, неопалимая купина, воздвиженіе мѣднаго змія въ пустынѣ, и проч.

«Но умы ихъ ослѣплены,» говоритъ святой апостолъ Павелъ. «Ибо тоже самое покрывало до нынѣ остается не снятымъ при чтеніи Ветхаго Завѣта, потому что оно снимается Христомъ. *II къ Кор. 3. 14.*

Если въ размышленіяхъ о существѣ Божіемъ, [illegible] о трехъ ипостасяхъ Святой Троицы, умъ человѣческій [illegible], какъ бы уничтожается, то и воплощеніе Сына Божія [illegible] [illegible] столь-же [illegible].

[illegible] Христосъ [illegible] Божіе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Какъ естество Божіе [illegible] въ [illegible] Христѣ съ человѣческимъ?

Какъ въ Его сознаніи совмѣщалось всевѣдѣніе Божества съ ограниченностію природы человѣческой?

Въ чемъ состоитъ собственно искупленіе?

Въ чемъ состоитъ задача искупленнаго человѣческаго рода?

Снизойдя на землю, Сынъ Божій былъ въ то же время и на небѣ.

Куда Онъ вознесся? Какой видъ принялъ? Соединился съ Отцемъ? Но Онъ былъ съ Нимъ неразлученъ!

Святое ученіе, которое имѣетъ смыслъ, но тайный, тайный для ума, ясный только для сердца, сердца вѣрующаго, въ минуту его умиленія, или озаренія свыше!

Бездна вопросовъ, въ которыхъ тонетъ умъ человѣческій, ни до чего не допытываясь! не получая никакихъ отвѣтовъ!

Не лучше ли оставить ихъ, отстраниться отъ нихъ и довольствоваться.... Чѣмъ?

Словомъ Божіимъ и ожидать прозрѣнія отъ чистой жизни по заповѣдямъ. [22]

Но къ чему допытываться, сознавая невозможность успѣха, къ чему задавать себѣ эти вопросы и углубляться въ эти таинства? Не есть-ли это только напрасное любопытство? Довольно есть того, что̀ знать или понимать безъ этого. Нѣтъ, вотще стремиться къ уразумѣнію тайнъ Божіихъ путемъ ограниченнаго разсудка!

Не на этомъ пути онѣ уразумѣются!

Къ Кор. 1, 11, 4—7. Слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы. Чтобъ вѣра ваша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей. Мудрость же мы проповѣдуемъ между совершенными, но мудрость не вѣка сего и не властей вѣка сего преходящихъ, но

проповѣдуемъ премудрость Божію, тайную, совершенную, которую предназначилъ Богъ прежде вѣковъ къ славѣ нашей.

Догматика представляетъ намъ систему науки, ученія о Богѣ: можно-бъ сдѣлать опытъ перевода ея положеній на языкъ математическій. Доказывалъ-же, говорятъ, Пиѳагоръ своей теоремою о равенствѣ квадратовъ катетовъ съ квадратомъ гипотенузы безсмертіе души!

Впрочемъ и теперь въ языкѣ есть почти математика въ этомъ смыслѣ: святыя слова—Отецъ, Сынъ, Духъ Святый, не служатъ-ли намъ только знаменіями, нотами понятій, для насъ непостижимыхъ?

Наши вопросы и недоумѣнія образуются по нашимъ человѣческимъ, связаннымъ со временемъ и мѣстомъ, понятіямъ: многія изъ нихъ происходятъ отъ недостатковъ языка, отъ употребляемыхъ нами словъ.

Нашъ ограниченный, условный человѣческій языкъ, можно сравнить съ азбукою музыкальныхъ нотъ, которая ума не удовлетворяетъ.

Мы спрашиваемъ и отвѣчаемъ, приспособляясь къ обыденнымъ понятіямъ, чтобъ объяснить какъ-нибудь явленія и дѣйствія; такими словами ничего для невѣрующихъ не объясняется, а другіе, большинство, толпа, только кое-какъ успокоивается, останавливается на чемъ-нибудь ...

Можетъ быть иногда мы не такъ выражаемся и дѣлаемъ представленія неправильныя.

Къ Кор. XIII, 9—12. Мы отчасти, и отчасти пророчествуемъ когда же достигнемъ совершеннаго, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я былъ младенецъ, то по младенчески говорилъ, а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ, какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогдаже лицемъ къ лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно, какъ я познанъ.

Къ Рим. VI, 13. Я говорю обыкновеннымъ языкомъ человѣческимъ, по немощи плоти вашей.

Къ Евр. V, 12 и 13. Для васъ нужно молоко, а не твердая пища. Всякій, питаемый молокомъ, несвѣдущъ въ словѣ правды, потому что онъ младенецъ. Твердая же пища свойственна совершеннымъ, у которыхъ чувства навыкли, пріучены къ различенію добра и зла.

Отвергаютъ иные не потому только, что не понимаютъ того или другаго, а потому что понимаютъ не такъ. Понятое превратно или криво, можетъ, разумѣется, показаться нелѣпымъ, и потому отвергается. Но кто-же виноватъ? Изъ за криваго толкованія развѣ можетъ быть отвергнуто то или другое явленіе? Должно быть отвергаемо только неправильное толкованіе.

Прежде думали: земля стоитъ, а солнце движется. Нѣтъ, солнце стоитъ, а земля движется. Такъ могутъ быть приписываемы многія явленія внѣшнему міру, а онѣ происходятъ внутри насъ.

Господи! покажи намъ свѣтъ!

Мы, слѣпые, разсуждаемъ о цвѣтахъ; мы, глухіе, толкуемъ о звукахъ; мы, заключенные въ темницу пространства, хотимъ достать рукою безпредѣльность, ограниченные минутою, силимся понять вѣчность, и удивляемся, что не находимъ смысла въ своихъ вопросахъ, и остаемся въ недоумѣніи.

---

1 Къ Кор. 3, 1—3. „Я не могъ говорить съ вами, братія, какъ съ духовными, но какъ съ плотскими, какъ съ младенцами во Христѣ. Я питалъ васъ молокомъ а не твердою пищею; ибо вы были еще не въ силахъ, да и теперь не въ силахъ. Потому что вы плотскіе.“

„Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ считаетъ сіе безуміемъ и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ.“ „Ибо кто позналъ умъ Господень

чтобы судить его? А мы имѣемъ умъ Христовъ," говоритъ святый Апостолъ Павелъ. *1 къ Кор. 11, 14—16.*

„Никто не знаетъ Сына кромѣ Отца, и Отца не знаетъ никто же кромѣ Сына, и кому Сынъ восхощетъ открыть." *Матѳ. 11*; 27.

„Блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іоннинъ, ибо не плоть и кровь открыли тебѣ это, (исповѣданіе Христа), но Отецъ Мой, сущій на небесахъ," *Матѳ. 16, 17.*

Намъ остается только въ этомъ отношеніи вѣрить, какъ повелѣлъ Іисусъ Христосъ. — Но и вѣра есть даръ Божій. Такъ мы должны молиться объ ней, и жить какъ можно лучше, — вотъ все, что человѣкъ можетъ сказать себѣ, въ чемъ можетъ быть увѣренъ, и гдѣ нѣтъ ему никакой опасности заблудиться, а тамъ, что Богъ дастъ, то и будетъ.

Почему не сознаваться въ невѣденіи, мы всѣ подъ часъ колеблемся въ вѣрѣ, въ томъ или другомъ положеніи: почему въ этомъ не сознаваться, если и на святыхъ отцевъ находили такія минуты, которыя приписывались ими искушеніямъ злаго духа?

Богословіе для иныхъ представляетъ только систему, теорію, науку, которую они изучаютъ, развиваютъ по законамъ логики, по правиламъ математеки, убѣждаютъ, защищаютъ и оспариваютъ положенія. — Это суть ученые, служители науки, которая называется Богословіемъ, но сердечная вѣра есть особое чувство, которое иногда соединяется съ такою наукою, а иногда нѣтъ.

Напрасно берутся иные объяснять *все* — это можно сказать не только лѣвой сторонѣ, но и правой; богословамъ точно также, какъ и философамъ. Такимъ образомъ, вы не докажете того или другаго окончательно, а только возбудите больше недовѣрчивости и сомнѣнія. Ваши объясненія условны, и если иное объяснится вами подъ разными условіями и подразумѣваніями, то тотчасъ встанетъ кругомъ еще болѣе

новыхъ вопросовъ и недоумѣній, — особенно въ наше время, въ нынѣшнемъ поколѣніи, которое родилось какъ будто подъ какимъ-то особеннымъ злымъ сочетаніемъ звѣздъ. [23]

А кто-же тамъ, въ этихъ мірахъ? Никого? Что тамъ дѣлается? Это только мебель?

Да тебѣ-то что до этого за дѣло? Ты смотри и думай о томъ, что у тебя подъ носомъ. О дѣлахъ тѣхъ міровъ тебя не спросятъ, и они до тебя не касаются.

Желательно былобы имѣть вотъ какое сочиненіе: пусть представятъ намъ прежде всего картину мірозданія съ его чудесами, и покажутъ непостижимость такихъ-то и такихъ явленій въ природѣ и ея царствахъ, въ человѣкѣ, какъ можно яснѣе, нагляднѣе, многостороннѣе, осязательнѣе; потомъ докажите ограниченность разума на самыхъ простыхъ предметахъ, не только на высшихъ; наконецъ приведите въ примѣръ особыя событія, или случаи, критически засвидѣтельствованныя, которыя убѣждаютъ предполагать существованіе другаго міра, производятъ чаяніе. На этихъ основаніяхъ доказывается, де, или дается чувствовать бытіе Божіе, безсмертіе души, существованіе другаго міра,—три вопроса, тѣсно связанные между собою...

Планъ желаемаго сочиненія былъ бы слѣдующій: Есть природа видимая — вотъ она. Есть природа невидимая — вотъ ея явленія, заставляющія предполагать ее.

Мы не понимаемъ въ видимой того и того, кольми паче въ невидимой.

Отвергать не можемъ, и должны сознаться въ ограниченности разума и необходимости вѣры.

Мы окружены чудесами, куда ни обернемся, то есть, мы не имѣемъ силы проникнуть ни въ одну высшую тайну, не смотря на всѣ свои старанія, и должны склоняться смиренно главою, и просить о помощи свыше.

Помощь и подана въ Откровеніи.[24]

Христосъ говорилъ ученикамъ: этого не понимаете вы теперь, но поймете послѣ. (См. выше слова Апостола Павла).

Будемъ сперва жить, какъ тамъ заповѣдано, тогда и поймемъ, и т. д.

И вотъ вѣра, необходимая на такомъ-то основаніи, предлагаетъ намъ такія-то положенія, приведенныя въ порядокъ, въ систему, подъ именемъ богословія или науки о Богѣ....

Вотъ какъ она объясняетъ эти положенія, примѣняясь къ человѣческому условному языку и понятію, говоря напримѣръ о гнѣвѣ или милосердіи Божіемъ.

Нѣкоторыя положенія имѣютъ больше доказательствъ, понятнѣе; другія менѣе, напримѣръ.....

Многаго мы не понимаемъ въ Священномъ Писаніи, потому что иначе связываются у насъ мысли, другой складъ ума у насъ, чѣмъ на Востокѣ, гдѣ первоначально оно произошло, да и вообще языкъ нашъ ограниченъ.

Этотъ способъ изложенія обѣщаетъ нынѣ болѣе успѣха, чтобъ возбудить благоговѣніе, произвести священный трепетъ, зародить страхъ Божій, названный отъ мудраго началомъ премудрости.

Что есть своего у *человѣка*?

Пусть разберетъ наилучшія свои дѣйствія, опускаясь въ сокровеннѣйшіе тайники своего сердца... Жалѣю о немъ, если онъ найдетъ тамъ что нибудь хорошее, и останется довольнымъ собою.

Ничего своего не можетъ открыть въ себѣ человѣкъ, кромѣ дурнаго: мутенъ источникъ самыхъ чистыхъ, повидимому, намѣреній.

Ни о какомъ дѣйствіи своемъ не можемъ мы сказать утвердительно, изъ какого внутренняго источника оно происходитъ, изъ добраго или худаго.

Сдѣлаешь поступокъ, станешь искать источника, не найдешь съ достовѣрностію, утонешь въ безднѣ сердца.

Сердце наше кладязь мрачный
Тихъ, покоенъ сверху видъ.
Опустись на дно—ужасно;
Крокодилъ на немъ лежитъ.

Остается только молиться: Господи, буди милостивъ мнѣ грѣшному!..

Что есть хорошаго въ насъ, то не наше, мы получаемъ его откуда-то.

Вы добры, положимъ, сердце ваше сострадаетъ несчастіямъ ближняго, вамъ хочется помочь всякому угнетенному, вы не любите сердиться долго, не имѣете ненависти въ сердцѣ,—ну, да это природныя ваши свойства,—полученныя вами при рожденіи: вы не можете жить другимъ образомъ, не можете питать зла, не можете поступать иначе. Въ чемъ же состоитъ заслуга человѣка? Всѣ добродѣтели — даръ Божій. Хвалиться ими нечего, вмѣнять ихъ себѣ въ достоинство и того менѣе.

Къ Кор. IV, 7. Что ты имѣешь, чегобы не получилъ? А если получилъ, что хвалиться, какъ будто не получалъ!

Дурное—вотъ это наше. И мы видимъ ясно, что это наше.

Грѣхопаденіе доказывается для насъ ограниченностію ума, порочностію сердца, влеченіемъ къ злу, неудержанностію грѣховныхъ помысловъ, о чемъ говоритъ съ такою горячею скорбію апостолъ Павелъ, въ посланіи *къ Рим. VII, 14—25.*

«Ибо мы знаемъ, что законъ духовенъ, а я плотянъ, проданъ грѣху.

Ибо не понимаю, что дѣлаю: потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю.

Если же дѣлаю то, чего не хочу, то соглашаюсь съ закономъ, что онъ добръ.

А потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ.

Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе: потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу.

Добра, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю.

Если же дѣлаю то, чего не хочу; уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ.

И такъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать добро, прилежитъ мнѣ зло.

Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ.

Но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего, и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ.

Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти!

Слѣдовательно, человѣкъ поврежденъ.

Какимъ образомъ онъ могъ сдѣлаться поврежденнымъ? Какъ онъ могъ пасть?

Какъ, откуда и зачѣмъ явилось зло?

Это опять тайна.

Повторимъ опять, указывая на этотъ примѣръ, что должно принимать тайны невидимыя, неосязаемыя, хоть-бы мы и не могли понимать ихъ: грѣхопаденіе было, натура наша повреждена,—мы чувствуемъ это, а не можемъ понять наказанія Адамова, простирающагося на весь родъ человѣческій.

Какимъ образомъ поврежденіе продолжается?

Если есть физическія болѣзни, которыя передаются по наслѣдству, то почему-же не можетъ передаваться и нравственное коренное поврежденіе?

Но почему потомки страдаютъ за праотца?

Не повторяется-ли во всемъ родѣ человѣческомъ первородный грѣхъ,

то-есть, не спадаетъ-ли всякій человѣкъ, какъ Адамъ, но каждый по своему?

Всякій человѣкъ, обративъ на себя вниманіе, замѣтитъ, что часто онъ слышитъ въ себѣ чужіе навѣты, рѣшительно несогласные съ его образомъ мыслей. Откуда они происходятъ? Что они такое? Кто ихъ шепчетъ?

Не тотъ-ли змѣй, что прельстилъ нашу прародительницу?

И не всякій-ли изъ насъ въ свое время простираетъ руку къ роковому яблоку?

Иногда находятъ на тебя сомнѣнія, помыслы, страшныя мечты; хочешь отбиться отъ нихъ,—нѣтъ онѣ такъ и лѣзутъ съ насиліемъ. Ощущаешь что-то чужое, напускное,—которое потомъ какъ будто удаляется, и ты чувствуешь себя облегченнымъ, и дышешь свободнѣе.

Имѣетъ человѣкъ внушенія благія, къ добру, имѣетъ и внушенія злыя, къ злу.

Сатана принимаетъ иногда видъ ангела свѣтла; какъ ихъ различить, и на какомъ основаніи невольная, кажется, ошибка влечетъ за собою опасныя слѣдствія?

Приходится рѣшиться на что нибудь, и мы, при всемъ желаніи поступить хорошо, не знаемъ, какъ поступить: такъ основанія бываютъ въ нашихъ глазахъ сходны, или такъ мы слѣпы, что иногда безъ умысла предпочитаемъ худое или худшее, не различаемъ добра со зломъ.

Мудрено бываетъ разобрать, какому внутреннему голосу надо слѣдовать, какъ въ томъ, или другомъ, безразличномъ съ перваго взгляда, случаѣ, поступить.

Человѣку легче подниматься превыше небесъ, удобнѣе проникать въ преисподняя земли, измѣрить милліардныя разстоянія между отда-

ленными звѣздами, чѣмъ разбирать движенія своего ума, ощущенія своего сердца: познать самого себя—всего труднѣе для человѣка.

Ни о какомъ событіи мы не можемъ сказать, къ добру-ли оно, или къ худу. Развѣ скажемъ: все къ лучшему.

Человѣкъ, преступая заповѣдь Божію, вкусилъ отъ древа познанія добра и зла, но вѣдь не позналъ онъ добра и зла, что-же это значитъ?

Первородный грѣхъ искупленъ, а между тѣмъ корень его или слѣдствіе въ насъ остается: въ чемъ состояло искупленіе?

Весь родъ человѣческій грѣшитъ и грѣшитъ, Праведниковъ мало. И пророкъ сказалъ: аще Ты, Господи, назриши, кто постоитъ?

Какъ понять ученіе о наказаніяхъ? Тѣло истлѣетъ: что же будетъ мучиться? Духъ? Какой другой огонь есть для его очищенія?

Да для чего это? Кому польза и какая?

Что такое долготерпѣніе Божіе?

Богъ управляетъ міромъ и ведетъ всякаго человѣка. Богъ наказываетъ, награждаетъ, попускаетъ, ведетъ къ лучшему, посылаетъ болѣзни, искушенія, смерть, исцѣляетъ. Если все происходитъ по Его провидѣнію, усмотрѣнію, и ни одинъ волосъ не падаетъ съ головы нашей безъ Его вѣдома, то что-же остается человѣку?

Что можетъ онъ дѣлать самъ по себѣ?

И если впередъ все предопредѣлено и все извѣстно, то зачѣмъ-же процедура попеченій, искушеній, и наконецъ мученій?

На верху написано! Такъ внизу только представленіе въ лицахъ высшихъ идей!

Для чего и для кого оно нужно?

Опять тайна. Совпаденіе свободы съ необходимостью въ дѣйствіяхъ человѣка, общества, въ исторіи.

У насъ нѣтъ и нѣтъ ничего своего: мы какъ будто какія-то орудія! *актеры съ полученными ролями.*

Пожалуй хоть такъ. Ну, а какъ играемъ мы свои роли?

Въ томъ то и задача, скажемъ, переводя мысль на этотъ языкъ.

Что такое долгъ? Голосъ совѣсти? А если совѣсть не развита, или если она искажена, по наслѣдству, обычаемъ?

Въ чемъ-же состоитъ вина тѣхъ несчастливцевъ, которые получили отъ природы свойства, наклонности злыя, и которые силою ихъ стремятся, увлекаются къ злу?

Какъ осудить о милліонахъ дикихъ, которые родятся, растутъ и живутъ съ звѣрскимъ расположеніемъ?

«Чтобъ я не превозносился чрезвычайными откровеніями, дано мнѣ жало въ плоть, (пакостникъ плоти), ангелъ сатанинъ, мучить меня, (да ми пакости дѣетъ), чтобъ я не превозносился. О семъ трикраты Господа молихъ, да отступитъ отъ мене. И рече ми: довлѣетъ ти благодать Моя: сила-бо Моя въ немощи совершается...» *II къ Кор. XII*, 7—9.

Къ Рим. IX, 19, 20, 21. «Ты скажешь мнѣ, говоритъ Апостолъ, за что-же еще обвиняетъ (Богъ)? Ибо кто противостанетъ волѣ Его? А ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ? Издѣліе скажетъ-ли сдѣлавшему его, зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ? Не властенъ-ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той-же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго?

«Никто не можетъ придти ко Мнѣ, если его не привлечетъ Отецъ, пославшій Меня-» *Іоан. IV*, 49.

Если то не дано будетъ отъ Отца Моего. *Іоан. VI*, 65

Кто-же можетъ спастися? Человѣкомъ это невозможно, Богу-же все возможно. *Матѳ. XIX*, 25, 26.

Дать сѣсть по правую и лѣвую руку Мою не отъ Меня зависитъ, но кому уготовано Отцемъ Моимъ. *Матѳ. XX*, 23».

Къ Римл. XI, 35—36, О глубина богатства и премудрости разума Божія! Яко неиспытани судове Его. Кто бы разумѣ умъ Господень? Или кто совѣтникъ ему бысть!. . Яко изъ того и тѣмъ, и въ немъ всяческое: Тому слава во вѣки, Аминь.

Кто исповѣсть пути Господни?

Все это вопросы, болѣе или менѣе таинственные, отвлеченные, теоретическіе.

Но вотъ вопросъ практическій, великой важности для человѣка: произрастилъ-ли ты свойства добрыя, тебѣ дарованныя, тобою какъ бы то ни было полученныя? На доставшіеся тебѣ десять талантовъ, пріобрѣлъ-ли ты другіе десять талантовъ? А если только восемь, пять, ни одного? А если расточилъ блудно, потерялъ, испортилъ полученное? Страшная отвѣтственность!

И всякій добросовѣстный человѣкъ долженъ со страхомъ обращаться къ себѣ съ этими вопросами, и никто не осмѣлится отвѣчать съ увѣренностью, что можетъ расплатиться сполна, и что онъ исполнилъ урокъ ему заданный.

Никто святой человѣкъ не можетъ сказать о себѣ: я дѣлалъ именно все то, что долженъ былъ дѣлать.

Вотъ почему самые праведники, Печерскіе угодники, Ѳомы Кемпійскіе, плакали о грѣхахъ своихъ, и надѣялись только на милосердіе Божіе.

Какъ-же исполнить задачу свою? Какъ сдѣлать свое дѣло? Господи, научи насъ творити волю Твою!

Намъ данъ образецъ и идеалъ въ Евангеліи: къ нему и должны мы стремиться по мочи, по силѣ, стараться, по крайней мѣрѣ, быть лучше въ середу, чѣмъ были во вторникъ, по выраженію Карамзина, и вѣрить.

Къ Гал. V, 13. Къ свободѣ призваны всѣ, братія, только бъ свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти, но любовію служити другъ другу.

Умъ не удовлетворяетъ нашей пытливости: такъ что-же остается кромѣ *Вѣры?*

Станешь озираться и разсуждать,—съ одной стороны (въ области ума), глубина недосягаемая безъ дна, и мракъ. Оборотись на другую сторону (въ область вѣры): тамъ что-то свѣтится.

Вдали, въ мерцаніи багряномъ.

Какая самая большая жертва, которую можетъ принести человѣкъ, умъ? Вѣра.

Потому-то и велики слова Пресвятой Дѣвы Маріи: буди мнѣ по глаголу Твоему. Этихъ словъ ожидалъ весь древній міръ, и за ними послѣдовало рожденіе Спасителя.

Вотъ нашъ идеалъ въ этомъ отношеніи, вотъ что можемъ мы дѣлать здѣсь: вѣрить и предаваться въ волю Божію.

Казалось-бы это очень легко при сознаваемой ограниченности разума и невозможности постигнуть окружающія тайны.

Нѣтъ, это всего труднѣе; въ ушахъ нашихъ какъ будто раздаются еще льстивыя слова искусителя: «и вы бози будете,» — и человѣкъ, отвергая Бога, создаетъ себѣ богиню Разума, которой такъ или иначе поклоняется, ругаясь надъ вѣрою.

Здѣсь опять доказательства грѣхопаденія, (которое въ насъ продолжается), поврежденнаго естества нашего!

Удивительное явленіе представляетъ человѣкъ: онъ радъ отказаться отъ своей воли, съ удовольствіемъ приравниваетъ себя къ обезьянамъ, рѣшаетъ видѣть въ себѣ только машину съ циферблатомъ внутреннихъ

ежемгновенныхъ революцій, безъ малѣйшаго участія съ своей стороны, но никакъ не хочетъ вѣрить тому, чего понять не можетъ, даже отвергаетъ на обумъ его существованіе. Ему труднѣе вѣрить, чѣмъ отказаться отъ своей человѣческой личности.

Ясно-ли, что вѣра есть самая тяжелая жертва, какую человѣкъ на землѣ принесть можетъ?

Для чего тайны? Чтобъ вызвать вѣру.

Для чего вѣра? Для того, чтобъ дать человѣку возможность одержать самую большую побѣду надъ собою, принести самую большую жертву, довершить свое развитіе на землѣ. Всѣ его дѣйствія суть болѣе или менѣе егоистическія; безкорыстна только вѣра.

Блаженъ, кто вѣруетъ!

Напрасно кощунство надѣвается надъ этой глубокой истиной. [25]

Блажени невидящіе и вѣрующіе, сказалъ Спаситель Ѳомѣ, открывая ему однакожъ Свои язвы, и дозволяя вложить туда его персты.

Умъ имѣетъ свою область, ну, тамъ онъ и хозяйничай, но онъ забѣгаетъ, отъ нечего, видно, дѣлать, и въ другую область — вѣры которая начинается именно тамъ, гдѣ его область оканчивается; онъ силится объяснить предметы ея, или опровергнуть, и, въ безсиліи, негодуетъ, бѣснуется и богохульствуетъ.

Въ области вѣры все непостижимо. Нечего туда и соваться уму. Нечего слѣпому толковать о цвѣтахъ и глухому о звукахъ.

Притязанія ума, люциферные, предусмотрѣны и осуждены давно.

«Погублю мудрость мудрецовъ, и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ мудрецъ, гдѣ книжникъ вѣка сего? Не обратилъ-ли Богъ мудрость вѣка сего въ безуміе? Ибо когда міръ (своею) мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу безуміемъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Ибо и Іудеи требуютъ чудесъ и Еллины ищутъ мудрости. А мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для Іудеевъ

соблазнъ, а для Еллиновъ, безуміе; для самихъ же призванныхъ, Іудеевъ и Еллиновъ, Христа, Божію силу и Божію премудрость. Потому что безумное Божіе мудрѣе человѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ.» 1 Кор. 19 — 25.

Что мы понимаемъ, для того вѣры не нужно. Вѣра можетъ относиться только къ тому, чего понять нельзя.

Глубокой смыслъ имѣетъ Византійское преданіе о Софіи — премудрости: у которой три дочери: Вѣра, Надежда и Любовь.

Еслибъ все было ясно, то не было бы и тайны, не было-бы и вѣры, не было-бы и заслуги, не зачѣмъ-бы было и жить. [26]

Надо погрузиться безусловно въ бездну любви Божіей, и молиться о прозрѣніи сердечномъ.

Вѣра, говорятъ, есть даръ Божій: Богъ даетъ ее, кому хочетъ.

Вѣруемъ, Господи, помози нашему невѣрію!

Взглянемъ на настоящее положеніе Европейскаго *человѣка*, на *общество*, въ которомъ онъ находится, на *государство*, котораго онъ состоитъ членомъ.

Начнемъ съ государства.

Между тѣмъ какъ всѣ звѣзды-міры повинуются своимъ законамъ, и носятся въ воздушныхъ пространствахъ, не задѣвая ни на волосъ чужой атмосферы, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ мы видимъ только одно замѣшательство, или пересыпанье изъ пустаго въ порожнее, или обманчивый призракъ, личину спокойствія, подъ которой тлѣютъ искры, копышатся черви, и ростетъ неудовольствіе.

Объ чемъ заботятся правительства? Прежде всего о своей силѣ, вліяніи, могуществѣ, распространеніи границъ. 255 государствъ сосчиталъ какой-то ученый нѣмецъ, было въ древней Греціи; сколько находится теперь на свѣтѣ? А какія-же изъ нихъ, прошедшихъ и нас-

тоящихъ, должно счесть благоустроенными? Какія соотвѣтствуютъ требованіямъ разума, даже на настоящей его степени?

Войны, войны кровопролитныя и неистовыя, опустошаютъ Древній свѣтъ, какъ и Новый.

Неужели онѣ показываютъ высокую степень просвѣщенія человѣческаго?

Пять лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ милліонъ стоялъ противъ милліона единоплеменниковъ, и бился не на животъ, а на смерть.

Крымскую войну вела Европа противъ Россіи съ цѣлію отбросить ее на 150 лѣтъ назадъ.

Что сказать о такихъ выходкахъ, какъ походъ въ Мексику, отнятіе у Даніи роднаго Шлезвига?

А внѣшняя политика Англіи, не знающая ничего кромѣ своихъ выгодъ, доказавшая это блистательною благодарностью Франціи за всѣ ея услуги и одолженія, и внутренняя, допускающая нѣсколько семействъ пользоваться доходами всей земли, а девять десятыхъ населенія бороться съ голодомъ, питаться милостынею и работать съ дѣтскаго возраста не по силамъ?!

Объ Австріи, которая вертится, какъ бѣсъ передъ заутреней, говорить нечего.

Съ какими неистовствами соединена была война съ Французами Пруссаковъ, знающихъ по санскритски, и переписывающихся, пожалуй, хоть по латыни и по гречески? Что сказать о восторгѣ всѣхъ ученыхъ нѣмцевъ, философовъ, и эстетиковъ, и музыкантовъ? Одинъ Якоби возвысилъ свой голосъ,—и той бѣ Самарянинъ.

Не говорю о присоединеніи Альзаса и Лотарингіи къ Германіи, о медіатизаціи Южно-Германскимъ и прочихъ владѣній.

Франція показала въ послѣднее время во очію, какъ глубоко она упала; да и теперь, принужденная платить милліарды съ процентами, и содержать на своей землѣ чужестранное войско, связанная, такъ сказать, по

рукамъ и ногамъ, она никакъ не можетъ успокоиться, и раздирается своими партіями. Самые умные люди, избранные изъ самаго умнаго народа, мѣшаютъ только другъ другу въ палатѣ, и ослабляютъ правительство. Коммуна показала, до чего могутъ дойдти разнузданныя страсти. Я желалъ бы спросить господъ членовъ палаты, депутатовъ, какую пользу имѣютъ теперь ихъ пренія и краснорѣчивыя заявленія о бурбонахъ, орлеанахъ, республикѣ консервативной и радикальной, для населенія! Ни тепло, вѣдь, ни холодно! Противники политическіе сами по себѣ, а народъ самъ по себѣ.

Что сказать объ отношеніяхъ Европы къ Турціи и племенамъ Славянскимъ, которыхъ считается до 30-ти милліоновъ, и которыя обречены стенать подъ чуждымъ для нихъ игомъ, а магометанская Турція процвѣтаетъ въ срединѣ Европы?

А прочія-то страны свѣта, Азія, Африка, Америка, съ своими дикими?

И Европа хвалится своимъ просвѣщеніемъ! [27]

Есть чѣмъ хвалиться!

Душа убываетъ на западѣ, признаются его первоклассные мыслители.

Обращаемся къ общественнымъ вопросамъ.

Чего достигли люди? Они составили сильныя государства, воздвигли великолѣпныя зданія, познакомились отчасти съ природою, подчинили себѣ ее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, оразнообразили свою пищу и питье, сообщили имъ разныя пряности изъ всѣхъ частей свѣта, одѣлись въ бархатъ, атласъ и кружево, загромоздили свои жилища тысячами непужныхъ дорогихъ предметовъ, усладили свое зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ, осязаніе, выучились разнымъ искуствамъ и мастерствамъ, въ сущности не нужнымъ,—а страсти у нихъ остались тѣже, что были при первомъ основаніи гражданскихъ обществъ, или даже въ началѣ человѣческаго рода.

Каинъ убилъ брата своего Авеля дубиною, а Шаспо, Армстронгъ,

[illegible] и ружей бьютъ нынѣ людей на повалъ
[illegible] просвѣщенныя правительства огромными награ-
[illegible] изобрѣтеніямъ, какъ бы въ данную
[illegible]

[illegible] на свой умъ, и на всѣ изобрѣ-
[illegible] результатовъ дошли они, какой
[illegible] что за тощіе безвкусные плоды добыты
[illegible] извѣстныхъ тысячъ лѣтъ ихъ существо-
ми.
[illegible] нужд, удобства, облегченія! И все
ее [illegible] Что для спокойствія, для счастія?

Ч[illegible] которые удалось выработать, достаются только
у Да[illegible] изъ совокупности всего рода человѣ-
А [illegible] за тягчайшія работы для этого меньшинства
доказа[illegible] тянуть свою жизнь кое-какъ и мыкать
услуги [illegible]
пользова[illegible]

боротьс[illegible] въ просвѣщенныхъ такъ называемыхъ
возраста[illegible] наживать деньги, собирать средства,
Объ Авс[illegible] изъ-за средствъ потеряли изъ виду цѣль,
рить нечего. [illegible] изъ-за денегъ позабыли всѣ существенные
Съ какими [illegible] поклонясь золотому тельцу, перестали
Пруссаковъ, [illegible] не находится!

луй, хоть по [illegible] средства? Существенныя нужды такъ
ученыхъ нѣмцевъ [illegible] духовный или умственный уровень госу-
Якоби возвысилъ [illegible] такъ называемаго хозяйства,-что не
Не говорю о при[illegible] всѣмъ своимъ подданнымъ даже для утоленія
медіатизаціи Южно[illegible] сколько изобрѣтено машинъ, сколько сложныхъ
Франція показала [illegible] веретенъ, изъ тысячей пружинъ, колесъ и
да и теперь, принужде[illegible]
на своей землѣ чуже[illegible]

Умственное, техническое образованіе—это другое дѣло. При высшемъ, умственномъ образованіи, можно остаться съ каменнымъ сердцемъ и необузданными страстями, и сохранить самые низкіе инстинкты. Джентельменъ, носящій бѣлыя перчатки, знакомый коротко со всѣми тонкостями этикета, законами приличія, и отличающійся галантерейнымъ обращеніемъ, можетъ внутренно оставаться дикимъ звѣремъ, и не понимать простыхъ правилъ нравственности.

Совершенствованіе,—по чѣмъ оно обнаруживается, и чѣмъ доказывается? Больше всего тѣломъ или для тѣла, и въ обратномъ отношеніи къ душѣ. Тѣло пріобрѣтаетъ какъ будто на счетъ души. Нелѣпости въ томъ, что относится до души, встрѣчаются невѣроятныя, хоть и не кажутся такими для привыкшихъ глазъ. Мы сродпились съ больничнымъ воздухомъ.

Политики, дипломаты,—пожалуй и ученые, художники, поэты, достигли до высокой степени въ своихъ искусствахъ, а искусство жить, а искусство управлять съ высшей нравственной цѣлію, и даже съ хозяйственной, едвали гдѣ цвѣтетъ, или существуетъ: живутъ люди, какъ живется, на удачу, а правительства рады, если удается, переставляя цыфры, представить бюджетъ безъ дефицита!

Образованное сословіе—это узоры, арабески, вышитые по темной землѣ, по темному фону, какъ говорятъ нынѣ по варварски, занимающіе ничтожную часть грубой ткани! Что сказать объ ученомъ сословіи, равно какъ и о духовномъ? Много-ли отличаются отъ прочихъ, говоря вообще, въ нравственномъ отношеніи? Отличія относятся больше къ формѣ, чѣмъ къ идеѣ.

Какъ живутъ высшіе классы? Порѣшивъ со злобою дня, или съ такъ называемыми текущими дѣлами, а иные и безъ дѣлъ, подписавъ нетерпящія отлагательства бумаги, они думаютъ о томъ только, чтобы послаще наѣсться и напиться, попарядпѣе одѣться, пошибче прокатиться,

повеселѣе повеселиться, и спокойнѣе опочить на незаслуженныхъ лаврахъ, въ своей спальнѣ, а чащѣ въ будуарѣ дорогой и прелестной камелiи.

Купечество погружено въ бездну торговыхъ разсчетовъ, и, при направленiи зрѣнiя въ эту сторону, съ трудомъ видитъ что нибудь вокругъ, теряетъ какъ будто органы для сознанiя другихъ интересовъ.

А какъ живетъ на западѣ простой народъ, т. е. $^{99}/_{100}$ всего человѣческаго рода, который изъ за хлѣба, часто безъ соли, работаетъ, пользуясь только droit de travail въ обратномъ смыслѣ!

А какова бываетъ эта работа: въ рудокопняхъ и каменоломняхъ, на фабрикахъ и заводахъ, на корабляхъ и пароходахъ, у охотниковъ и рыболововъ, — страшно посмотрѣть бываетъ на этихъ вольныхъ-невольныхъ мучениковъ! И какъ подумаешь, что доставляется этою работою? Чесо ради гибель сiя бысть? Для удовлетворенiя роскоши, а не нужды, для исполненiя прихотей, безъ которыхъ слѣдовательно легко бы обойдтись изнѣженному и избалованному богатству. [28]

Къ какимъ преступленiямъ побуждаетъ его часто нужда? Кто думаетъ объ этихъ преступленiяхъ, кромѣ судей уголовныхъ? И только въ послѣднее время между частными людьми начинаютъ бродить мысли объ его воспитанiи.

Больше всего думаютъ теперь и полагаютъ задачею доставить пролетарiямъ работу, чтобъ было имъ чѣмъ жить, то есть, чтобъ обще[illegible]ство получило безопасность съ этой стороны.

Но вотъ на Западѣ—голодъ начинаетъ думать о войнѣ ея пресыщенiя. Страшная готовится борьба. *) Кажется, естественно,

---

*) [illegible] на одну карикатуру, вышедшую въ началѣ толковъ о собственности. Стоятъ [illegible], одинъ развеселый, другой печальный, съ понявшей головою, съ слезящими глаза[illegible], получивший себѣ хорошiй кусокъ при раздѣленiи собственности, и капиталистъ, [illegible] своего имѣнiя. Послѣдний спрашиваетъ съ грустью разбогатѣвшаго соперника: [illegible] свою часть и умножу ее новыми трудами, а ты свою промотаешь, тогда что [illegible] задумался на минуту въ недоумѣнiе, но оправясь, отвѣчаетъ рѣшительно: [illegible]

справедливо, желать побѣды голоду, но нѣтъ, и этого нельзя. Такъ сложилась западная жизнь: голодъ-побѣдитель самъ пресытится въ свою очередь, и окажется еще тяжелѣе пресыщенія, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ: онъ и объѣстся и обопьется такъ, что поставитъ все вверхъ дномъ, и надѣлаетъ такихъ дѣлъ, что святыхъ вонъ понеси, (если они гдѣ по угламъ останутся). Все древнее зданіе, подкопанное и подточенное, рухнуло-бы тогда со всѣми своими статуями, картинами и книгами, и покрыло-бы развалинами несчастныя страны, такъ что возрожденія пришлось-бы человѣчеству ждать новые вѣка.

Парижская коммуна показала намъ маленькій образчикъ такого хода дѣлъ.

Ужасная перспектива, особенно для друзей и поклонниковъ теоріи общаго совершенствованія! [29]

Нельзя желать побѣды голоду—такъ какъ же быть? Надо, чтобъ пресыщеніе само образумилось, увидѣло несправедливость, если и есть съ нею гражданская законность, своего положенія, и начало по доброй волѣ утолять голодъ, хоть отъ крупицъ, падающихъ со своего стола, пока есть время, чтобъ не случилось послѣ плохо, то есть, надо, чтобъ пресыщеніе обратилось къ Евангелію, и послушалось словъ Спасителя: неимущему дай. *

---

* Припоминаю кстати одинъ случай изъ стараго времени: покойный Иннокентій доставлялъ мнѣ иногда свои проповѣди для помѣщенія въ Москвитянинѣ. Въ проповѣди о весенѣ одно мѣсто, при исчисленіи благодѣяній Божіихъ, о предоставленіи Богомъ человѣку земли со всѣми угодьями, лѣсами, лугами, водами, показалось мнѣ двусмысленнымъ, а я побоялся, чтобъ его не растолковали въ пользу коммунизма, о которомъ тогда пошли у насъ толки. Я передалъ тотчасъ свое замѣчаніе въ Одессу къ Преосвященному, и онъ отвѣчалъ мнѣ „исправьте, какъ хотите". Между тѣмъ проповѣдь возвратилась ко мнѣ изъ Троицкой цензуры вполнѣ пропущенная. Представлять ее вновь съ исправленіемъ въ цензуру, подумалъ я, отниметъ много времени. Цензура встрѣтитъ, можетъ быть, новыя затрудненія, и журнальная книжка задержится: лучше напечатать, какъ есть, авось замѣченное мѣсто пройдетъ безъ хлопотъ. Но оно не прошло. Въ Петербургѣ, говорятъ, мѣсто, совершенно невинное, обратило на себя вниманіе, и Князь Меньшиковъ отозвался объ Иннокентіѣ. qu'il n'est pas tres innocent. У Иннокентія потребовано объясненіе, и онъ, говорятъ, отвѣчалъ „Я учу и училъ всегда, что бъ неимущимъ имущіе давали добровольно, но никогда не училъ, чтобъ неимущіе брали у имущихъ насильно. Я учу давать, а не брать". Для исторической точности замѣчу, что я не помню, спрашивалъ ли я послѣ Преосвященнаго о справедливости этого слуха, и подтвердилъ ли онъ мнѣ его.

Этотъ случай подтверждается теперь въ запискахъ Графини Блудовой, напечатанныхъ, въ Русскомъ архивѣ, 1873.

Вотъ каково было время, относительно цензуры, замѣчу я нашимъ прогрессистамъ. Пусть они посмотрятъ съ этой стороны на пятнадцати-лѣтнее изданіе Москвитянина 1841—1856.

Мы приходимъ къ этому заключенію съ духовной, съ нравственной, съ умственной стороны. Къ этому заключенію приходимъ и съ политической, съ гражданской, съ общественной.

Есть люди, которые поняли ненормальное положеніе обществъ, со стороны политической. Въ ихъ жалобахъ и протестахъ есть много правды, искренней сердечной скорби. Но они предлагаютъ такія лекарства, которыя смертоноснѣе болѣзней, и собираются строить новыя общества, какъ зданія, не на пескѣ, а на крови и въ грязи. Оборони насъ, Боже!

Нравственнаго воспитанія нѣтъ нигдѣ. Самолюбіе, честолюбіе, корыстолюбіе, тщеславіе, ревность, зависть, развиваются какъ угодно, и даже съ содѣйствіемъ воспитателей. Учатъ законамъ, а не честности. Обогащаютъ знаніями, которыя накладываются во всѣ карманы, и пренебрегаютъ жизнію сердца, воли, и возвышеніемъ ихъ по степенямъ выше и чище.

На западѣ есть одно систематическое воспитаніе, въ нравственномъ смыслѣ, да и то іезуитское. А на востокѣ?

И плоды блистательные приноситъ такой порядокъ вещей!

О нравственности не думаютъ, да и говорятъ мало, или говорятъ механически, по принятому обычаю. Аллокуціи самаго безгрѣшнаго Папы находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ его управленіемъ и образомъ жизни его кардиналовъ, развратомъ всего католическаго духовенства.

Женщины составляютъ половину человѣческаго рода: ихъ моды, которымъ приносятся такія жертвы, для которыхъ работаютъ милліоны людей, одни нынѣшніе шиньоны, одни хвосты, одни кринолины,—не могутъ-ли служить для какого нибудь посторонняго наблюдателя, на-

примѣръ съ луны, осязательнымъ доказательствомъ дѣтскаго состоянія обществъ или сумашествія?

Всѣ эти замѣчанія относятся къ самымъ образованнымъ, передовымъ государствамъ Европы, которыя образцами представляютъ намъ Московскія Вѣдомости съ одной стороны, и Петербургскія съ другой, (крайности сходятся). [30]

Изъ всѣхъ предметовъ человѣческаго вѣдѣнія, изъ всѣхъ наукъ, составляющихъ предметъ изученія, изъ всѣхъ искусствъ, подлежащихъ человѣческому усовершенствованію, самое отсталое, самое слабое, самое безуспѣшное, самое несчастное, есть искуство управленія, наука государственная, какъ въ республикахъ, такъ и въ монархіяхъ, при безграничномъ произволѣ и при безграничной свободѣ: людей счастливыхъ и довольныхъ, говоря вообще, нѣтъ нигдѣ, ни между жителями Соединенныхъ штатовъ, ни между дикими краснокожими ихъ сосѣдями, старожилами Америки.

Человѣкъ не умѣетъ управить собою, да и люди также.

Марѳо, Марѳо, печешися и молвиши о мнозѣ службѣ, едино же есть на потребу.

Ищите царствія Божія, все прочее приложится вамъ.

Царствіе Божіе внутрь васъ есть.

Поговоримъ теперь о людяхъ внѣ государственныхъ и общественныхъ отношеній.

Всѣ люди гонятся за счастіемъ, трудятся въ потѣ лица, до истощенія силъ, ищутъ его вездѣ, на землѣ, подъ землею, въ водѣ, въ воздухѣ, и нигдѣ не находятъ. Было оно, говорятъ, въ Атлантидѣ, да она давно пропала съ миѳическимъ своимъ счастіемъ, и слѣда ея не осталось. Ходили охотники въ Эльдорадо за счастіемъ, но и тамъ его не оказалось, а въ Московскомъ Эльдорадо можно только плотно наѣсться и пьяно напиться, чтобъ встать на другой день съ больной

головою. Въ Калифорнію бросились недавно охотники, но нашли тамъ золото, а не счастье. Въ фаланстеріяхъ коммунистовъ начались распри, и мормоны одни отказываются отъ своего вѣроученія, а другіе заводятъ между собою тяжбы.

Однимъ словомъ, ни счастія, ни спокойствія, люди не имѣютъ нигдѣ, не смотря на всѣ усердные поиски, продолжающіеся тысячи лѣтъ. [31] Что же слѣдуетъ изъ этого? Слѣдствіе несомнѣнное: люди ищутъ счастія тамъ, гдѣ его нѣтъ, и быть не можетъ, а гдѣ оно есть предъ ихъ глазами, оттуда они, ослѣпленные, отворачиваются, и смѣются надъ тѣми немногими, которые здѣсь нашли его.

Какъ скудна жизнь! Для всѣхъ наслажденій есть какъ будто только образчики. Всѣ наслажденія непрочны, готовы исчезнуть всякую минуту, или даже замѣниться сильнѣйшими огорченіями: любовь — измѣняетъ, да еще сопровождается иногда мученіями ревности, ослабѣваетъ. Дружба—на время, и часто до несчастья. Десяти лѣтъ не проживетъ ладно никакое общество. Здоровье—зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, кромѣ собственной вины. Слава—дымъ, безсмыслица, нелѣпость безъ мысли о безсмертіи, да и съ нею. Семейное счастіе ежеминутно подвергается опасностямъ болѣзни и смерти. Дѣти могутъ наносить родителямъ удары самые тяжелые. Нечего говорить объ животныхъ удовольствіяхъ, доставляемыхъ пищею и питьемъ; аппетитъ пропадаетъ вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія пищи и питья, которое влечетъ за собою подагру, хирагру и безсонницу. ..

Но люди такъ глубоко погрязли въ наслѣдственныхъ колеяхъ, по коимъ идутъ, что вовсе не думаютъ о своихъ безпрестанныхъ опасностяхъ, о непрочности всего земнаго, точно какъ о смерти и о неестественности своей жизни, о заблужденіяхъ, коимъ приносятъ жертвы, и никакъ не попадаютъ на мысль, что видно не такъ живутъ они, и не на то надѣются, на что надо,

---

Страшно подумать, что такое множество людей не задаютъ себѣ этого вопроса, а живутъ спустя рукава: день прошелъ и до нихъ дошелъ. Другіе хоть и задаютъ себѣ мимоходомъ вопросъ, но не заботятся объ исполненіи неизбѣжнаго отвѣта, а иногда и совсѣмъ забываютъ. [32]

Иные какъ будто и вѣрятъ, говорятъ о Богѣ и о безсмертіи души, но это только слова и вѣра ихъ хуже всякаго невѣрія: подъ эгидою этихъ словъ, они успокоиваются и засыпаютъ, а жизнь ихъ остается внѣ вліянія Божественныхъ истинъ.

Вотъ въ какомъ неудовлетворительномъ положеніи находится человѣкъ, общество, государство.

Неужели это положеніе нормальное?

Неужели не позволительно сказать, вслѣдъ за древними учителями, что міръ погрязаетъ во злѣ.

Приноминаются слова, повторенныя апостоломъ Павломъ изъ псалмовъ: (Къ Рим. III, 10—14).

«Нѣтъ праведнаго ни одного; нѣтъ разумѣвающаго; никто не ищетъ Бога; всѣ совратились съ пути, до одного негодны; нѣтъ ни одного [1]). Гортань ихъ открытый гробъ; языкомъ своимъ обманываютъ; ядъ аспидовъ на губахъ ихъ [2]). Уста ихъ полны злословія и горечи [3]). Ноги ихъ быстры на пролитіе крови; разрушеніе и пагуба на путяхъ ихъ [4]). Они не знаютъ пути мира. Нѣтъ страха Божія предъ глазами ихъ.» [5]).

Духовная, христіанская жизнь теплится только въ единицахъ, такъ какъ и во время оно:

«Много вдовъ было въ Израилѣ во дни Иліи, когда заключено было небо три года и шесть мѣсяцевъ, такъ что сдѣлался большой голодъ во всей землѣ, и ни къ одной изъ нихъ не былъ посланъ Илія, а

1) Пс. XIII. 5. 3· 2) Пс. V, 10 139, 3. 3) Пс. IX, 28. 4) Притч. XI, 16. Ис· LIX, 7. 5) XXXV, 2.

только къ вдовѣ въ Сарепту Сидонскую. Много также было прокаженныхъ въ Израилѣ при пророкѣ Елисеѣ, и ни одинъ изъ нихъ не очистился, кромѣ Неемана Сиріанина.» *)

«Ты еси Петръ, и на семъ камени, (исповѣданіи Христовѣ), созижду церковь, и врата адова не одолѣютъ ю.»

Понятіе о церкви изглажается совершенно. Принадлежность къ церкви едвали у многихъ остается въ настоящемъ, первоначальномъ значеніи этого слова. Кто сознаетъ себя, чувствуетъ себя частію церкви, какъ единаго тѣла?

Наши достойные проповѣдники упускаютъ, кажется, изъ виду это явленіе.

Въ заключеніе: Что-же дѣлать? Какъ-же жить?

Опять отвѣтъ прежній: **Слушаться Христа.**

Жить, какъ заповѣдалъ Христосъ:

«Ищите царствія Божія и вся прочая приложатся вамъ. Царствіе Божіе внутрь васъ есть.»

---

*) Помню, какъ въ ранней молодости моей поразила меня проповѣдь Массильона, переведенная Ястребцовымъ: о маломъ числѣ избранныхъ, съ восклицаніемъ по срединѣ; гдѣ вы, гдѣ вы?

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ОТДѢЛЕНІЮ.

I.

Сознанія и подтвержденія

(Привлекаю эти мысли, встрѣтившіяся мнѣ среди чтенія, и по указаніямъ преимущественно Гг Ц—ва, въ замѣчательной его книгѣ. Борьба съ лгущей ученостью. 1872 г., также Пр. Лебедева въ его разборѣ Дарвина,—у писателей, которыхъ наша юная интеллигенція не можетъ считать подозрительными; Ренана, Литтре, Кине, Виктора Гюго, Тэна, Гартмана, Гейне, Конта, Спенсера Льюиса, Штрауса, Тиндаля, Милля, Канта, Бете, и проч.)

(1). Къ ст. 32. *Ренанъ* нéхотя сознается въ непостижимостяхъ чудесъ, насъ окружающихъ.... «Солнце есть чудо, потому что наука далеко не объясняетъ его; зарожденіе человѣка чудо, потому что физіологія молчитъ еще объ этомъ; совѣсть есть чудо, потому что она составляетъ совершенную тайну; всякое животное есть чудо, ибо начало жизни есть задача, для рѣшенія которой у насъ нѣтъ ничего».

(... Le soleil est un miracle, car la science est loin d'avoir expliqué le soleil; la conception de chaque homme est un miracle, car la phisiologie se tait encore sur ce point; la conscience est un miracle, car elle est un mystère absolu; tout animal est un miracle, car l' origine de la vie est un problème, sur lequel nous n'avons encore presque aucune donnée. (Les apotres, 1866. Introduction, XLVI).

Штраусъ: Всякая тайна кажется неразумною; а между тѣмъ ничто глубокое въ жизни, ни въ искусствахъ, ни въ государствѣ, не лишено таинственности.

---

(2). Къ с. 43. *Льюисъ*. «Философія свершила свой кругъ, и въ 19 столѣтіи мы стоимъ на томъже мѣстѣ, на которомъ были въ 5.»

---

(3). Къ с. 34. *Паскаль*. «Если такъ много вещей естественныхъ, превосходящихъ разумъ человѣка, что же надо сказать о мірѣ невидимомъ, о предметахъ сверхъ естественныхъ?»

---

(4). Къ ст. 34, стр 5 снизу. *Штраусъ*. «Мы стоимъ здѣсь у предѣла нашего знанія, мы глядимъ въ бездну, глубины коей не можемъ измѣрить.»

---

(5). Къ ст. 35. «Двѣ вещи,» говоритъ Кантъ, «поражаютъ меня страхомъ: звѣздное небо и сознаніе нравственной отвѣтственности человѣка. И при всей полнотѣ здоровья и силы, когда напряженіе дѣятельности прекращается, и наступаетъ остановка размышленія, научный изслѣдователь чувствуетъ, что его объемлетъ тотъ-же страхъ. Отрывая его отъ земныхъ затрудненій чувство это пріобщаетъ ему силу, которая даетъ полноту и тонъ его существованію, но которую онъ не можетъ ни анализировать, ни понять.»

---

(6). Къ ст. 35, стран. 15. *Ф. Бастіанъ* приходитъ къ мнѣнію Св. Павла и замѣчаетъ, что «полная оцѣнка размѣра нашего невѣдѣнія есть лучшее и вѣрнѣйшее приготовленіе къ разширенію сферы нашего знанія.»

Неразумѣяй истины, ниже истинно вѣровати можетъ. Разумъ бо по естеству предваряетъ вѣру, *Марко Подвижникъ въ книгѣ о Добротолюбіи* 1, 24.

---

(7). Къ ст. 35. ст. 7 снизу. *Викторъ Гюго*: «Nous saluons, qui s'agenouille.» привѣтъ тому, кто преклоняетъ колѣна.

---

(8). Къ ст. 38. *Катрфажъ*: «Понятіе о божествѣ и понятіе о другой жизни точно также распространены, какъ понятіе о добрѣ и злѣ. Какъ бы ни были они иногда непредѣленны, тѣмъ не менѣе они всегда производятъ извѣстное чи ло весьма значительныхъ фактовъ.»

(9). Къ ст. 39. *В. Гюго* (Les miserables). «Удивительна способность успокоиваться на словахъ: одна сѣверная метафизическая школа, нѣсколько туманная, вообразила совершить переворотъ въ человѣческихъ пониманіяхъ, замѣняя слово Сила словомъ—Воля.

Сказать: растеніе хочетъ, вмѣсто растеніе растетъ, — эта мысль дѣйствительно была бы плодотворною, еслибы прибавить: вселенная хочетъ. Почему? Потому что вотъ что бы изъ этого вышло: растеніе хочетъ, слѣдовательно оно имѣетъ свое я; вселенная хочетъ, слѣдовательно имѣетъ Бога.

Что же касается до насъ, которые, въ противоположность этой школы, не отвергаемъ ничего a priori, то мы менѣе понимаемъ волю въ растеніи, чѣмъ волю во вселенной, ею отвергаемую.

Отрицать волю безконечнаго, т. е. Бога, — это возможно только подъ условіемъ отрицать безконечность.

Отрицаніе безконечнаго ведетъ прямо къ нигилизму (nihilisme). Все становится представленіемъ ума, умозаключеніемъ (conception de l'esprit)

Съ нигилизмомъ не возможны никакія пренія, потому что логичный нигилистъ сомнѣвается въ существованіи своего противника; онъ не увѣренъ даже въ томъ, что самъ существуетъ. Ставъ на его точку зрѣнія, можно полагать, что онъ самъ для себя ничто иное, какъ представленіе своего ума, умозаключеніе.

Онъ только не замѣчаетъ, что все, имъ отрицаемое, въ тоже время онъ принимаетъ гуртомъ, произнося одно только слово: умъ.

Однимъ словомъ, никакого пути для мысли не открывается философіею, которая приводитъ все къ одному слову—нѣтъ.

На—нѣтъ одинъ только есть отвѣтъ: да.

Нигилизмъ ничего не значитъ, съ нимъ ничего не подѣлаешь, изъ него ничего не можетъ выйдти. (Le nihilisme est sans portée).

Нѣтъ ничтожества. Нуль не существуетъ.

Все есть нѣчто. Ничто есть ничто.

[illegible] живетъ утвержденіемъ (affirmation) болѣе, чѣмъ хлѣбомъ.

Въ той же страницѣ, 14 строка. Англійскій рецензентъ [illegible] Review. Окт. 1873 г.) послѣдняго Штраусова сочиненія [illegible] вѣрѣ,» спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ автора:

[illegible] понятіе о вселенной, какъ о часовомъ механизмѣ не только [illegible] вся истина о матеріи, доступная разумѣнію человѣка?»

[illegible] мѣстѣ онъ говоритъ ему: «Вы обращаетесь къ намъ съ [illegible] наша обожаемая родня есть часовой механизмъ, и [illegible] намъ поклоняться планетарію.» «И что еще? Доводя это [illegible] послѣдней границы нелѣпости, вы хотите заставить насъ [illegible] только что вселенная есть произведеніе механизма, но [illegible] вполнѣ *самоустроенный!* Вполнѣ готовы мы внимать [illegible] естествознаніе можетъ намъ сказать; мы глубоко интере- [illegible] результатами; мы искренне удивляемся остроумію и само- [illegible] учениковъ. Но когда всѣ сказки его сказаны, и всѣ [illegible] заключенія провѣрены, то оказывается, что мы только [illegible] границы, гдѣ начинаются метафизика и богословіе, и гдѣ [illegible] чистый результатъ, и созидаетъ изъ него зданіе [illegible] для духовныхъ нуждъ человѣка. *Какъ* великій про- [illegible] совершался и совершается, это не касается насъ, [illegible] ни въ малѣйшей степени. Пусть это было, (какъ [illegible] геологи), путемъ непрерывности или путемъ [illegible] пусть это было, (какъ скажутъ равногласящіе физіологи), [illegible] развитіемъ новыхъ видовъ, или послѣдовательными [illegible] иные называютъ «твореніемъ.» Не въ этомъ теперь [illegible] занимающій. Для насъ важный вопросъ въ томъ: без- [illegible] мы игралище слѣпой, грубой, безсознательной, неразум- [illegible] или же мы дѣти Божіи? Должны ли мы ползать подобно [illegible] какой-то невѣдомой судьбы или случая, или того [illegible] мѣстѣ, которые могутъ, въ любой день, обратить противъ

насъ всѣ ужасы? Или намъ возможно знать съ нравственною увѣренностью, что «все цѣлое есть благо?» Возможно-ли, чтобы мы одни были *личными*, между тѣмъ какъ невѣдомая сила, изъ нѣдра коей мы произошли, *безлична?* Одни ли мы только, въ этой ужасающей вселенной, имѣемъ сознаніе нашей участи и ея законовъ? Есть-ли человѣкъ, — страшнѣйшая изъ невообразимыхъ гипотезъ! — высшее извѣстное бытіе во всемъ существующемъ, и однако осужденное (какою-то потѣшною ироніей злорадной судьбы) обожать съ радостію и покорностью «*вещи* низшія въ порядкѣ бытія, чѣмъ онъ самъ?» Невѣроятно и невозможно! Таковъ, мы увѣрены, будетъ отвѣтъ каждаго компетентнаго мыслителя, который только не потерялъ головы отъ физическихъ открытій, и у кого осталось сколько нибудь ума для тѣхъ высшихъ изученій метафизическаго и гуманнаго разряда, кои даютъ ключъ къ неразрѣшимымъ иначе загадкамъ естествознанія.»

«А если только этотъ пунктъ сознательности или *личности* Божества допущенъ, то въ сущности все допущено. Царство Бога Отца (какъ сказалъ бы Гегель) утверждено. Первое слово Христіанскаго катехизиса снова выучено. И мы вновь вѣримъ, (хотя еще сознавая, какъ недостаточны всѣ наши выраженія, чтобъ извѣдать бездну), въ Бога Отца, сотворившаго меня и все человѣчество.» (Продолженіе см. ниже с. 118).

Штраусъ: «Та сила, отъ коей нашу полную зависимость мы ощущаемъ, отнюдь не есть просто грубая сила, предъ которою мы преклоняемся въ нѣмой преданности; но она въ тоже время Порядокъ и Законъ, Разумъ и Благо, коему мы предаемся съ любовнымъ довѣріемъ.»

Англійскій рецензентъ при этомъ случаѣ замѣчаетъ: «Штраусъ конечно долженъ разумѣть безсознательный, т. е. неразумный разумъ. Но мы протестуемъ противъ такой зловредной путаницы словъ.»

---

(11). Къ с. 40. Неутаема есть отъ Бога всякая мысль. Вѣру имать

и вѣсы предъ Богомъ всякая мысль. (Марк. подвижникъ въ Добротолюбіи, с. 23). «Пусть каждый изъ насъ подумаетъ, что всякая его мысль, чувство, слово, можетъ случайно высказанныя, всякое его дѣло, когда бы и какъ бы то ни было, можетъ быть и ненамѣренно сдѣланное, которымъ онъ самъ не думалъ придавать какое нибудь значеніе, все это живо въ жизни, и составляетъ уже фактъ невозвратный; все это полетѣло изъ души въ міръ и тамъ неудержимо произвело сродныя себѣ дѣйствія; тамъ, встрѣтившись съ противными, вступило въ борьбу съ ними, и такимъ образомъ живо и дѣйственно вошло въ составъ атмосферы, обнимающей, проникающей, наполняющей жизнь міра! Ты не думаешь объ этомъ, ты забылъ, какимъ чувствомъ, или намѣреніемъ, или словомъ, нѣсколько лѣтъ, ты дохнулъ на свѣтъ Божій? Но это вдохновеніе твое пошло живою струею въ воздухъ міра.» (Изъ слова Преосв. Іоанна, епископа Смоленскаго.)

---

(12). Къ с. 42. *В. Гюго*: «Мы знаемъ, что есть атеисты знаменитые и могущественные. Эти послѣдніе, въ сущности, выведенные на чистую воду, (ramenés au vrai), не твердо увѣрены въ своемъ атеизмѣ, по самому могуществу своему. Съ ними все дѣло въ опредѣленіи. Во всякомъ случаѣ, если они не вѣрятъ въ Бога, то, бывъ великими умами, доказываютъ бытіе Божіе. Мы чтимъ въ нихъ философовъ, осуждая безусловно ихъ философію.»

---

(13). Къ с. 43. Пусть люди размыслятъ въ самихъ себѣ о сихъ трехъ, т. е. о Бытіи, Знаніи и Волѣ; и разсудятъ, не есть ли на основаніи сихъ трехъ и въ нихъ также Троичность (Исповѣданіе Блаж. Августина).

Яко же въ человѣкѣ есть умъ и слово и духъ, и никже умъ безъ слова, никже слово безъ духа, и другъ въ другѣ сущи, и о себѣ. Умъ бо словомъ глаголетъ, и слово духомъ хощется. По примѣру сему, еже по образу сущее вкратцѣ и о семъ явлю, теченъ образъ безы-

менныя и началообразныя Троицы носитъ человѣкъ: Умъ убо Отецъ слово же Сынъ, Духъ же Святый воистинну Духъ, Богоносніи отцы приточнѣ учатъ пресущную святую и преестественную догматствующе Троицу, единаго Бога въ трехъ ипостасѣхъ...

(Григорій Синаитъ въ Добротолюбіи, 1, с. 76).

Лютеръ указываетъ на троичество въ солнцѣ: его вещество, свѣтъ и теплота.

---

(14). Къ с. 45. *В. Гюго*... «Отъ устрицы до орла, отъ свиньи до тигра, всѣ животныя есть въ человѣкѣ, (sont dans l'homme), и всякое изъ нихъ бываетъ въ томъ или другомъ человѣкѣ. Иногда даже нѣсколько животныхъ вмѣстѣ» (plusiers d'entre eux à la fois).

«Животныя—ничто иное, какъ олицетвореніе нашихъ добродѣтелей и нашихъ пороковъ, блуждающіе передъ нашими глазами, видимые призраки нашихъ душъ. Богъ показываетъ намъ это, чтобъ насъ вызвать на размышленіе. Животныя суть только тѣни, и потому Богъ создалъ ихъ неспособными къ воспитанію въ полномъ смыслѣ слова. А наши души суть дѣйствительности, (etant des réalités), имѣютъ свойственный себѣ конецъ: Богъ далъ имъ разумъ, т. е. возможность развиваться:»

---

(15). Къ ст. 49. «Въ предчувствіи безсмертія, не есть ли также нѣчто согласное съ указаніями науки? За смертію и гробомъ мы признаемъ лучшій міръ, жизни болѣе возвышенныя, формы (образы) болѣе прекрасныя, существа болѣе совершенныя,—этого вѣрованія не исторгнуть никому изъ человѣческаго сердца! Я не хотѣлъ бы считать этого вѣрованія только прозрѣніемъ въ дальнѣйшее развитіе жизни чрезъ будущіе періоды геологическіе; въ этомъ инстинктѣ (предчувствіи) лучшаго міра заключается законъ, нынѣ открытый, обнаруженный наукой о природѣ.»

„Dans le pressentiment del'immortalitè, n'y a-t-il pas aussi quelqeu chose qui rèpond aux avertissements de la science? Par de lá la mort et le tombeau, nous appelons un monde meilleur, des vies plus èlevèes, des formes plus belles, des êtres plus achevés, et c'est lâ une croyance, que l'on n'arrachera pas du coeur de l'homme. Je ne voudrais pas borner cette croyance à n'être que la vísiou anticipée des développements de la vie à traves les âges futurs geologiques: il est certain, que dans cet instinct d'un monde meilleur se trouve la loi qui est aujourd' hui relevée, publiée manifestèe par la science de la nature. (*E. Кине*, Revue des deux mondes, 15 novembre, 1870, c. 316).

---

*Луи Блан*ъ, на могилѣ сына Виктора Гюго, въ нынѣшнемъ декабрѣ, сказалъ между прочимъ:

«Что же касается знаменитаго старца, на котораго обрушилось столько несчастій, то ему, чтобъ нести до конца тяжести бытія, остается убѣжденіе, счастливо выраженное имъ въ прекрасныхъ стихахъ.

C'est un prolongement sublime que la tombe;
On y monte, étonnè d'avoir cru, qu'on y tombe.

«Въ послѣднемъ письмѣ, полученномъ мною отъ Барбеса — вообще послѣднемъ, которое было написано имъ— онъ говоритъ: «Я умираю и у тебя остается на свѣтѣ однимъ другомъ меньше.... Я желалъ бы вѣрить въ истину системы Рено, чтобъ мы могли снова свидѣться.» Снова свидѣться! Надежда выраженная въ этихъ словахъ была источникомъ вѣры Барбеса въ продолженіе жизни его и ея непрерывное развитіе. Онъ не допускалъ мысли объ окончательной и вѣчной разлукѣ. Викторъ Гюго также не допускаетъ этой ужасной мысли. Онъ вѣритъ въ безсмертнаго Бога, онъ вѣритъ въ безсмертную душу, и какъ ни сокрушило его несчастіе, эта вѣра даетъ ему силу жить на пользу его другой семьи, которой принадлежитъ жизнь великихъ людей —на пользу человѣческаго рода.»

---

(16). Къ с. 50, *В. Гюго*: «Мы не можемъ ни понять человѣка

точкой отправленія, ни понять успѣхъ (progrés) цѣлію, безъ двухъ силъ, кои суть главные двигатели: вѣрить и любить.

---

(17). Къ с. 55. *Гете*: «Сколько ни преуспѣвай умственная культура, сколько ни расти въ ширь и глубь естественныя науки, и сколько ни раздвигайся духъ человѣческій, ему никогда не подняться надъ уровнемъ высоты и нравственной культуры Христіанства, въ томъ блескѣ, какимъ сіяетъ оно въ Евангеліи.»

На эти слова можно бы напомнить Боклю.

---

(18). Къ с. 66. *Бесѣда Іоанна, епископа Смоленскаго на утрени Великой пятницы, при чтеніи XII Евангелій.* Вы слышите, братія мои, Евангельскія сказанія о страданіяхъ Спасителя. Теперь хочу спросить васъ: не были-ли вы сами при Его страданіяхъ? Не были-ли при Его осужденіи, поруганіи и распятіи?

Вы конечно скажете, что, слушая съ глубокимъ вниманіемъ и чувствомъ описаніе Христовыхъ страданій, мы наконецъ можемъ такъ живо представить ихъ себѣ, какъ будто сами ихъ видѣли,—и конечно при событіи и зрѣлищѣ, совершившемся почти за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, и можно присутствовать только мыслію, воображеніемъ, чувствомъ. О такомъ ли присутствіи вопросъ?

Нѣтъ, братія, я ставлю вопросъ прямо, и не только повторяю его опредѣлительно, но еще хочу усилить его другимъ вопросомъ: не участвовали ли вы въ осужденіи Спасителя? Да, скажете вы, всѣ мы своими грѣхами внесли горькія доли въ чашу скорбей Христовыхъ, всѣ мы повинны въ Его смерти.

Но опять у меня не о томъ рѣчь. Я васъ спрашиваю: не были-ли вы лично, дѣйствительнымъ образомъ, если не въ числѣ судей, то обвинителей или свидѣтелей противъ Христа, или наконецъ, въ толпѣ народа, который кричалъ: «распни его?»

Вы изумляетесь, вы ужасаетесь такихъ вопросовъ. Вы соображаете, что у насъ теперь совершается только воспоминаніе событія давно прошедшаго времени! О, если-бы это было только воспоминаніе! О, если-бы распятіе Спасителя было фактомъ одного извѣстнаго времени, и оставалось дѣломъ только Іуды, іудейскихъ первосвященниковъ, Ирода, Пилата и безсмысленной толпы народа Іудейскаго! О, еслибы ничего подобнаго не повторялось въ другія времена, при другихъ людяхъ и обстоятельствахъ!

Но вотъ зрѣлище, которое открывается въ наше время; передъ глазами нашими Іисусъ Христосъ снова преданъ и снова предстоитъ на судѣ. На какомъ судѣ? На судѣ настоящаго, современнаго намъ міра. И онъ, этотъ міръ, судитъ Христа, по своимъ новымъ идеямъ и началамъ. Какое зрѣлище! Здѣсь уже не тотъ грубый, невѣжественный судъ, который происходилъ въ Іудеѣ,—не тѣ жалкіе судьи, которые въ отупѣній мыслей и чувствъ, сами ясно не сознавали, что дѣлали: здѣсь, чтобы судить Христа, соединяется все, что есть высокаго и блестящаго въ современномъ мірѣ: просвѣщеніе цивилизація, политика, всѣ новыя идеи времени; сюда обращены взоры всего образованнаго міра, чтобы по суду образованнѣйшихъ его представителей опредѣлить отношенія современнаго человѣчества ко Христу: какъ Его разумѣть и что съ Нимъ дѣлать?

Вотъ объ этомъ то судѣ я васъ спрашиваю: не окажетесь ли вы участниками въ немъ, такъ или иначе.

Опишу, по возможности, этотъ новый міровой процессъ.

Является новый измѣнникъ Христу, новый предатель. Кто? Это опять ученикъ Христовъ; это человѣческій разумъ, Христомъ просвѣщенный, Христомъ выведенный изъ тьмы вѣковыхъ, религіозныхъ заблужденій, Христомъ поставленный на пути высшаго духовнаго развитія и направленный къ познанію вѣчной истины. За что же онъ, этотъ ученикъ, измѣняетъ Христу? Просвѣщенному разуму, въ его современномъ развитіи, слишкомъ тяжело стало иго вѣры, налагаемое

на него Евангеліемъ; онъ чувствуетъ себя какъ бы въ неволѣ, связаннымъ, приниженнымъ; онъ жаждетъ свободы мысли, свободы испытаній и убѣжденій; мрачный, суровый и холодный, онъ равнодушно выслушиваетъ самыя высокія и святыя истины изъ устъ Спасителя; ему скучно и тяжело въ обществѣ вѣрующихъ, окружающихъ небеснаго Учителя и раздѣляющихъ Его тайную вечерю; разуму представляются они жертвами неиспытанной вѣры, непровѣренныхъ чувствъ, даже рабами нравственнаго деспотизма. А когда Христосъ, на тайной вечери, предлагаетъ наконецъ вѣрующимъ въ причастіе Свое тѣло и Свою кровь, невѣрный ученикъ не выдерживаетъ болѣе; страшныя бури мрачныхъ помысловъ одолѣваютъ и увлекаютъ его, и онъ спѣшитъ оставить общество Іисуса и Его вечерю.

Видите, что здѣсь дѣло отзывается уже не тридцатью сребрениками, что мысли новаго предателя идутъ гораздо дальше, шире и глубже, чѣмъ древняго.—И предательство ужаснѣе!

Итакъ разумъ человѣческій, оставивъ Христа, предаетъ Его на судъ современнаго міра. Разумъ хочетъ, чтобы все дѣло Христа, Его ученіе, Его образъ дѣйствій въ земной жизни, Его права надъ человѣчествомъ, самыя Евангельскія сказанія о Немъ, чтобъ все это было подвергнуто самому строгому разбирательству, по началамъ суда просвѣщеннаго, независимаго не отъ какихъ авторитетовъ и преданій. Гдѣ же на это судъ и гдѣ судилище?

Открывается новый, великій синедріонъ. Вы имѣете ли понятіе объ этомъ синедріонѣ? Это соборъ высшихъ наукъ, въ ихъ современномъ направленіи, наукъ, утверждающихся на свободномъ изслѣдованіи предметовъ вѣры и знанія, болѣе на опытѣ, чѣмъ на умозрѣніи, болѣе на самостоятельности изысканій, чѣмъ на посторонихъ свидѣтельствахъ, сколько бы ихъ ни было, и потому вооруженныхъ самымъ тонкимъ анализомъ и самою безпощадною критикой. Здѣсь — историческая критика, раціональное изученіе священнаго Писанія, филологія, философія, антропологія, разные виды естественныхъ наукъ и проч.

Это судилище изслѣдываетъ, повѣряетъ, оцѣниваетъ всѣ существующія въ человѣчествѣ познанія, вѣрованія, правила и преданія, и произноситъ надъ ними приговоръ во имя самобытнаго просвѣщенія. И не скрою отъ васъ: страшно это судилище; основанное на началахъ свободнаго изслѣдованія, оно не признаетъ никакого другаго авторитета въ вопросахъ человѣческаго духа, кромѣ самаго духа; оно не терпитъ никакихъ ограниченій въ стремленіяхъ его къ независимости идей и убѣжденій, оно не допускаетъ въ мірѣ ничего сверхъ-естественнаго; оно не признаетъ во вселенной свободныхъ дѣйствій высшей воли и особенныхъ предопредѣленій Промысла въ человѣчествѣ; все будто бы существуетъ по неизмѣннымъ законамъ развитія физической природы и по законамъ свободнаго саморазвитія въ человѣчествѣ.

Вотъ сюда-то—къ этому судилищу, разумъ обращается съ своимъ предательствомъ и требуетъ суда надъ Христомъ. И судъ открывается.— Однако же, какъ ни грозно судилище, нельзя ли по крайней мѣрѣ ожидать, что судъ наукъ будетъ спокойный, умѣренный, безстрастный? Вѣдь такова издавна репутація наукъ! Такъ; только не здѣсь, не на этотъ разъ. Здѣсь напротивъ обнаруживается какое-то чрезвычайное раздраженіе и особенное ожесточеніе. Здѣсь критика, неумолимая во всякомъ случаѣ, дѣлается еще болѣе безпощадною; анализъ, все разлагающій и рѣжущій, дѣлается болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, убійственнымъ. Отчего и за что? Все за разумъ и свободу человѣка, будто бы стѣсняемые христіанствомъ. И вотъ рѣшеніе суда: самыя сказанія Евангельскія о Христѣ признаются, если не вполнѣ сомнительными, то не совсѣмъ подлинными, испорченными; ученіе Іисуса Христа, догматическое и таинственное, объявляется мечтательнымъ и несостоятельнымъ—и въ самомъ себѣ и въ жизни человѣчества; чудеса Іисуса Христа признаются не дѣйствительными, а мнимыми, основанными только на приспособленіи къ понятіямъ и духу тогдашняго времени, на психическихъ фактахъ; самая идея объ Искупителѣ и объ искупленіи міра называется фантастическою, вышедшею изъ темныхъ преданій Востока; Церковь, Христомъ

основанная, представляется, какъ учрежденіе, принадлежащее только временамъ невѣжества и нравственнаго мрака, ненужнымъ для временъ болѣе просвѣщенныхъ; словомъ, все дѣло Іисуса Христа отрицается, отвергается, какъ неосуществившееся и неосуществимое въ мірѣ. Самъ Онъ осуждается, какъ виновникъ, впрочемъ не злонамѣренный, а болѣе мечтательный, увлеченія и заблужденія людей на многіе вѣка.

Вотъ приговоръ о Христѣ современнаго, собственно ученаго суда. И стоитъ подъ этимъ приговоромъ Христосъ, униженный, лишенный всего своего сверхъ естественнаго значенія и всѣхъ искупительныхъ правъ надъ человѣчествомъ; Онъ низводится въ рядъ людей, если не совсѣмъ обыкновенныхъ, то не много выше человѣческихъ учителей и преобразователей религій, какіе время отъ времени являются въ разныхъ странахъ міра. А Его Божеское существо? Развѣ оно не замѣтно для ученаго суда и не поражаетъ его? Но объ этомъ существѣ здѣсь и рѣчи нѣтъ; оно здѣсь даже немыслимо и болѣе всего нетерпимо; всякая мысль и всякое слово о немъ только еще болѣе раздражаетъ судей.

А человѣческая личность Христа? Вотъ только эта личность остается неприкосновенною; она признается на судѣ вполнѣ безупречною; единственная честь, которая оставляется Христу.

Страшно все это! Страшно за истину Христову, страшно за человѣческій разумъ, страшно за человѣчество! Правда, не произносится на Христа приговоръ смертный, но науки не произносятъ такихъ приговоровъ. Однако же отверженіе всей основы, всей сущности, всей силы и значенія того дѣла, въ которомъ заключалась вся жизнь Іисуса Христа, для котораго Онъ родился и вошелъ въ міръ, развѣ не можетъ считаться равносильнымъ осужденіемъ Его Самаго на лишеніе жизни?

Если вы, братія мои, не имѣете полныхъ свѣдѣній объ этомъ судѣ, то можетъ быть вамъ любопытно узнать, гдѣ именно находится такое судилище? Это далеко, тамъ, въ высшихъ сферахъ европейской,

современной учености. Но оттуда и до насъ доходятъ голоса и самые акты этого суда: разумѣю письменныя противохристіанскія произведенія этой учености, которыхъ названій, равно именъ писателей ихъ, я здѣсь не хочу упоминать. Можно ли же быть увѣреннымъ, что и у насъ такія произведенія ученаго суда не возбуждаютъ излишняго къ себѣ вниманія, даже болѣе или менѣе сочувствія? А что, если въ странѣ православія окажутся и послѣдователи этого суда, просвѣщенные распинатели Христа? Но особенно страшенъ приговоръ о Христѣ этого ученаго суда тѣмъ, что наиболѣе сильно дѣйствуетъ на молодые умы; они увлекаются голосомъ науки, авторитетомъ учености, свободою мысли, и вслѣдъ за учеными судьями спѣшатъ сами поднимать голосъ противъ Христа. Это еще усиливаетъ Его страданія, потому что и въ будущемъ времени, для котораго молодое поколѣніе возрастаетъ, не обѣщаетъ ничего лучшаго»....

(19.) Къ с. 67. (Продолженіе разсужденій Англійскаго рецензента, начатыхъ выше на стр. 109). «А за первымъ (о бытіи Божіемъ), не замедлитъ послѣдовать и второе поученіе. Ибо ни одинъ мыслящій человѣкъ, не ослѣпленный физическими обольщеніями, не можетъ закрыть глаза предъ ужасными фактами, которые христіане коротко называютъ грѣхами. Какой человѣкъ, съ сердцемъ въ груди, рѣшится утверждать, что онъ остается «веселымъ и покорнымъ» * когда онъ видитъ вокругъ себя ужасы зла? Какъ можетъ любой человѣкъ, который, (въ какомъ либо смыслѣ и подъ какимъ-бы то ни было названіемъ), вѣритъ въ «окружающую насъ Силу, благую и разумную и родственную намъ самимъ», повѣрить, что эта сила останется безучастною и не породитъ цѣлительныхъ силъ, которыя вступили бы въ борьбу съ такими громадными и хаотическими бѣдствіями? А если невозможно повѣрить этому, то вотъ надъ нами уже занимается заря надежды на какое-либо дѣйствительное *появленіе* этой Силы на поприщѣ

---

* Это слова Штрауса, равно какъ и прочія, отмѣченныя двумя запятыми.

человѣческой жизни и исторіи; нѣкоего предчувствія (говоря словами хотьбы Г. Стюарта Гленни) «чудесной, сердца потрясающей силы, той общей теоріи происхожденія, прогресса и судьбы человѣчества, въ которой центральный образъ, олицетворенный во всемъ прошедшемъ и торжествующій во всемъ будущемъ, есть распятый Сынъ Божій.» Но если потрясающая сердца и искупляющая сила того, что христіане называютъ Евангеліемъ, такъ «чудесна», и если мы были въ правѣ полагать, (руководимые Д. Штраусомъ), что окружающая насъ сила есть, «благая и разумная Сила,» и если наконецъ, исторія на каждомъ шагу подтверждаетъ и оправдываетъ мнѣніе объ удивительной дѣйствительности Евангелія для возвышенія и воспитанія человѣчества: то мы думаемъ, что возвращеніе наше къ вѣрѣ, въ то, что христіане называютъ Царствомъ Сына Божія, весьма недалеко. Если мы можемъ усмотрѣть, что Крестъ Христовъ былъ фактически столь благодѣтеленъ, то, при допущенной нами благой и разумной «окружающей насъ Силѣ» намъ остается только шагъ къ сознанію, что это потрясающее сердца событіе могло быть въ мысляхъ этой Силы прежде, чѣмъ оно было въ нашихъ, могло возникнуть изъ нѣдръ Ея разума и Ея любви, какъ существенная часть мощной міровой драмы, что оно могло, возвращаясь къ простому христіанскому языку, быть спасеніемъ предопредѣленнымъ прежде основанія міра. А дойдя уже до сего, мы весьма не далеко отъ третьяго понятія, которое довершитъ наше полное обращеніе ко христіанству.»

«Когда всѣ эти перемѣны мнѣнія (о вопросахъ естествознанія) случились на нашихъ собственныхъ глазахъ, когда при всѣхъ усиліяхъ и при употребленіи всевозможныхъ средствъ изслѣдованія, вопросъ: «что есть жизнь и что есть смерть?» становится съ каждымъ днемъ все темнѣе и неразрѣшимѣе, и когда исторія, наконецъ, самымъ положительнымъ образомъ утверждаетъ, что случай возвращенія въ жизни былъ засвидѣтельствованъ значительнымъ числомъ людей и былъ причиной обширныхъ, нравственныхъ и политическихъ результатовъ, види-

мыхъ по пынѣ, могущественно дѣйствующихъ до нашего времени, то какимъ образомъ, повторяемъ, наука можетъ отказываться, вмѣстѣ съ Др. Штраусомъ, слышать о такой вещи, какъ воскресеніе изъ мертвыхъ? Какъ, при той ограниченной опытности, какою мы, въ настоящее время, обладаемъ, можетъ кто либо отрицать *возможность этого*, на перекоръ столь многимъ прямымъ свидѣтельствамъ о дѣйствительно случившемся? Какимъ образомъ, въ виду отчаянія, съ какимъ самые дѣятельные изслѣдователи нашего времени отказываются отъ задачъ, касающихся жизни, можетъ какой либо лжефилософъ браться за изложеніе законовъ и доктринерствовать безусловно, что какая либо высшая духовная причина не могла, въ Іисусѣ, впервые вступить на видъ и оказаться способною произвести такіе же результаты и въ другихъ случаяхъ, если бы только подобныя условія могли повториться? Ни одинъ компетентный мыслитель не смотритъ на чудо, какъ на *нарушеніе* законовъ природы. Его просто опредѣляютъ какъ обнаруживаніе какого либо высшаго начала, превозмогающаго дѣйствіе низшаго. Такъ первая сила въ мускулѣ удерживаетъ и превозмогаетъ обычную силу тяготѣнія.»

«Если разъ допустить, что существованіе не оканчивается тѣмъ, что мы называемъ смертію, то возвращеніе Христа на землю было только обнаруживаніемъ высшаго закона нашего бытія въ видной формѣ. Каждая страница Евангелія и писаній св. Павла обнаруживаетъ, что ученіе о безсмертіи души, подтвержденное событіемъ воскресенія Христа, есть великая основная истина, которую Апостолы должны былъ возвѣстить человѣчеству. Если-бы Христосъ не возсталъ изъ мертвыхъ, то они были изо всѣхъ людей самые несчастные. Человѣческая жизнь со всѣми ея надеждами и стремленіями была бы обманомъ.»

---

(19). Къ с. 88. «Мы пользуемся случаемъ, чтобы заявить о широкомъ различіи между скромнымъ духомъ научнаго изслѣдованія и самоувѣреннымъ догматизмомъ такъ называемой *позитивной* науки. Наука

воздерживается отъ слѣпаго отрицанія возможностей, превосходящихъ ея способы изысканія.

Жизнь не есть противоположность не живущей природѣ, но дальнѣйшее развитіе ея. Знаніе не можетъ переступить жизненной границы, потому что въ настоящее время нѣтъ никакихъ средствъ прослѣдить тайныя перемѣны происходящія за ея предѣлами. Есть міръ, въ который чувства человѣка еще не могутъ вступить. **Dr. Maudsly. Body and Mind. p. 163).**

---

(20). Къ с.70.Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій Nova Atlantis Баконъ желалъ начертить идеалъ общественной и государственной жизни, управляемый такою конституціей, которая представляетъ осуществленное христіанство въ его чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси послѣдующихъ наростовъ. По плану своему новая Антлантида похожа на утопію Томаса Моруса, а по формѣ изложенія на городъ солнечный Кампанеллы.

(21.) Къ ст. 70, стр. 10. *В. Гюго*: «Нельзя сказать, что человѣкъ не занятъ, когда онъ углубленъ въ размышленія.

Есть трудъ видимый и трудъ невидимый.

Созерцать—это пахать, мыслить — это дѣйствовать.— Взглядъ на небо—есть дѣло.

Оалесъ былъ четыре года безъ движенія: онъ основалъ философію. Для насъ, затворники не суть праздные люди, и пустынники не суть тунеядцы.»

---

(22). Къ с.79.Аще бо творилъ бы еси добрая, елика вѣси, и прочая бы ти по ряду открылися, едино чрезъ другое уразумѣеши. (Если бы ты дѣлалъ добрыя дѣла, которыя знаешь, то прочія, неизвѣстныя, открывались бы тебѣ; одно другимъ, чрезъ другое объяснится. (*Марко подвижникъ въ книгѣ о Добротолюбіи I, 12*).

(23.)Къ с.83.Эта мысль всего лучше объясняется слѣдующимъ замѣчаніемъ изъ статьи, помѣщенной въ Гражданинѣ, 1874, Мартъ № 11, с. 320: Блаженный Августинъ, разсуждая о времени, говоритъ въ одномъ мѣстѣ: что такое время? — Знаю, если вы меня не спрашиваете, а когда спрашиваете, что такое время, мой отвѣтъ будетъ: не знаю. Наши ученые богословы, разсуждая о предметахъ вѣры, держатся иногда какъ будто противоположнаго правила. Если не противорѣчишь мнѣ, признаютъ въ себѣ вѣру, которой объяснить не умѣю: вѣрую и не знаю. А если захочешь спорить со мной, я все объясню тебѣ, и докажу тебѣ все и въ цѣломъ и въ частностяхъ.» Принять на себя такую отвѣтственность—во многихъ случаяхъ опасно, такъ какъ объясненіе необъяснимаго, разложеніе цѣльнаго и неразлагаемаго, по неволѣ должно состояться изъ натяжекъ и софизмовъ, которые смущаютъ совѣсть въ вѣрующихъ, сомнѣвающагося колеблютъ еще болѣе, а невѣрующему даютъ оружіе противъ вѣры. Недаромъ Апостолъ языковъ, обладавшій ученостію своего вѣка, убѣждалъ, церковь свою не вступать въ словопрѣнія о вѣрѣ, такъ какъ это нимало не служитъ къ пользѣ, а къ разстройству слушающихъ.

---

(24). Къ ст. 84. Проф. Люкенъ (Die Gradationen des Menschengeschlechts oder die Uroffenbarung Gottes unter den Heiden, 1869) въ своихъ изслѣдованіяхъ пришелъ къ тому результату: «Что миѳологія по преимуществу есть ничто иное, какъ ученіе о первобытномъ откровеніи, одичалое по причинѣ забвенія о единомъ Богѣ и разсѣянія человѣческаго рода по лицу земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ передѣлка исторіи человѣковъ на исторію боговъ, образовавшаяся вслѣдствіе того, что человѣкъ обоготворилъ самаго себя: такъ что боги язычниковъ—это только демоны и первоначальные люди, о которыхъ представленія, слившись въ разнообразныхъ сочетаніяхъ съ предметами природы, были возведены въ санъ властителей всего міра. Оправданіе этой идеи авторъ усматриваетъ въ миѳологіяхъ всѣхъ народовъ, какъ древняго,

такъ и новаго міра, у цивилизованныхъ и дикарей, расположивъ миѳологическій матеріалъ по системѣ космогоніи. Сначала рѣшается вопросъ о первобытномъ единобожіи у всѣхъ народовъ; затѣмъ слѣдуетъ—сотвореніе міра, человѣка, рай, грѣхопаденіе, потопъ, сыновья Ноя, столпотвореніе. Это первый отдѣлъ книги. Второй посвященъ такъ называемой эсхатологіи, или ученію о концѣ міра. Глава о Мессіи служитъ переходомъ отъ перваго отдѣла ко второму. Въ этой главѣ излагаются чаянія языковъ объ Искупителѣ міра. За тѣмъ слѣдуетъ—конецъ міра, безсмертіе, небо, адъ. рай, чистилище, и наконецъ послѣдняя глава книги, въ которой авторъ вполнѣ высказываетъ свои понятія о миѳологіи и языческихъ богахъ, имѣетъ предметомъ ученіе язычниковъ о духахъ, куда онъ относитъ души усопшихъ героевъ, божества стихійныя и демоновъ. Каждый изъ сказанныхъ предметовъ разсматривается въ отношеніи библейской исторіи сравнительно, и въ послѣдовательномъ порядкѣ, сначала у народовъ азіатскихъ, потомъ еврейскихъ, африканскихъ и наконецъ дикарей Новаго Свѣта.

Въ связи со сказаніемъ о первобытномъ хаосѣ Люкенъ разсматриваетъ общераспространенный миѳъ о всемірномъ яйцѣ, въ формѣ котораго иногда представляется и самый хаосъ, и изъ котораго вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ и первый человѣкъ.

(Статья профессора Буслаева „Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи," въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1873 года, Апрѣль, ст. 604.)

(25). Къ ст. 92. *Викторъ Гюго*: «Вѣра—вотъ что необходимо человѣку. Горе тому, кто ничему не вѣритъ.»

---

(26). Къ ст. 93. «... Главная мысль Паскаля состоитъ въ томъ, что въ Божественномъ откровеніи не все и не для всякаго съ перваго взгляда является свѣтлымъ. Господь нарочито и здѣсь, какъ вездѣ,—въ области природы и въ области разума,—даетъ мѣсто тѣни подлѣ свѣта. Не все свѣтъ,—чтобъ было мѣсто вѣрѣ, чтобъ было мѣсто добровольной преданности Божіею водительству; но и не все тьма; иначе

откровеніе было бы однимъ простымъ словомъ Но на столько здѣсь свѣта, чтобъ при искреннемъ стремленіи къ истинѣ, дойти до нея; и на столько мрака, чтобъ всегда желать новыхъ и новыхъ приливовъ свѣта. На столько свѣта, чтобы не быть безвиннымъ предъ Богомъ въ своемъ блужданіи, и на столько мрака, чтобъ никогда не чувствовать довольство въ своемъ познаніи божественнаго.

---

(27). Къ стр. 95. Валласъ, противникъ Дарвина, вотъ что говоритъ о нынѣшнемъ состояніи общества: Наше общество едвали имѣетъ какое либо реальное превосходство надъ обществомъ дикарей. Вотъ урокъ, почерпнутый мною изъ наблюденій надъ нецивилизованными племенами.»

---

(28). Къ ст. 95. «Преодолѣніе силъ природы повлекло за собою быстрое возрастаніе народонаселенія и значительное накопленіе богатствъ, что въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности и порока, и поощреніе столькихъ гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что еще вопросъ, не понизился ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія, и не принесло-ли это движеніе болѣе зла, нежели добра. Въ сравненіи съ нашимъ удивительнымъ прогрессомъ въ физикѣ и ея практическихъ примѣненіяхъ, англійская общественная и нравственная организація остается въ состояніи варварства. И если мы будемъ продолжать обращать главныя наши силы къ утилизированію знанія законовъ природы только съ цѣлью дальнѣйшаго расширенія торговли и промышленности, то слѣдующій за этимъ неизбѣжно вредъ можетъ возрасти до такихъ гигантскихъ размѣровъ, что мы будемъ не въ силахъ справиться съ нимъ. Нужно признать тотъ фактъ, что богатство, знанія и культура, выпадающія на долю немногихъ лицъ, не составляютъ еще цивилизаціи, и не могутъ служить символомъ совершенства нашего быта. Наши безпримѣрные успѣхи въ промышленности и торговлѣ, наши обширные и многолюд-

ные города, создали цѣлую армію пролетаріевъ и преступниковъ, ряды которыхъ увеличиваются съ каждымъ днемъ; они создали многочисленный классъ людей, вся жизнь которыхъ проходитъ въ тяжеломъ неблагодарномъ трудѣ, между тѣмъ какъ на долю ничтожнаго меньшинства выпали одни лишь удовольствія; они видятъ вокругъ себя роскошь и довольство, наслаждаться которыми они лишены всякой надежды; въ этомъ отношеніи положеніе ихъ хуже дикарей.»

Д. С. Милль. «Во всей Европѣ замѣтно пониженіе личностей, вкуса, тона; повсюду проявилась пустота интересовъ, отсутствіе энергіи. Все мельчаетъ, становится дюжиннымъ, истертымъ, пошлымъ». Онъ же говоритъ: «между мертвою неподвижностію восточныхъ народовъ и современными государствами то только различіе, что въ первой мы видимъ косный азіатскій покой, тогда какъ европейцы живутъ въ пустомъ безпокойствѣ и въ безсмысленныхъ перемѣнахъ.»

Карлейль: «Въ Европѣ голова и сердце—все заражено и нездорово.»

Мадзини въ письмѣ къ Е. Кине. «За исключеніемъ нѣсколькихъ избранныхъ друзей, я не уважаю то поколѣніе, для котораго тружусь. Это поколѣніе инструментъ—небольше. Понимаете ли вы, любезный другъ, всю скорбь такого сознанія? Современное намъ поколѣніе имѣетъ естественныя побудки (инстинкты). Оно способно къ противодѣйствію (къ реакціи) и къ роковымъ возбужденіямъ, а также къ ненависти и особенно къ борьбѣ. Можно и должно попробовать вызвать изъ всего этого нѣчто способное уровнять почву и открыть путь будущему. Но нельзя къ этому поколѣнію питать сочувствія, радоваться и тернѣть съ нимъ, или съ жаромъ пожать руку тому, кто стоитъ близъ васъ во время битвы. Настоящее поколѣніе не имѣетъ религіи, у него однѣ мнѣнія! Оно отвергаетъ Бога, безсмертіе души, любовь и вѣчную надежду. Оно лишено вѣры въ промыслительный и мудрый законъ. Все, что есть прекраснаго, благаго и святаго въ мірѣ, всѣ героическія

преданія религіознаго чувства, начиная отъ Прометея до Христа, отъ Сократа до Кеплера—все это нынѣшнее поколѣніе отвергло, чтобы броситься на колѣни предъ Кантомъ и Бюхнеромъ».

Искандеръ. «Все въ Европѣ остановилось. Одни хотятъ насильно раскрыть двери къ будущему, другіе насильственно не выпускаютъ прошедшаго; у однихъ впереди пророчества, у другихъ воспоминанія. Ихъ работа состоитъ въ томъ, чтобы мѣшать другъ другу, и вотъ тѣ и другіе стоятъ въ болотѣ».

«Горе тому, кто остановится и подумаетъ, кто спроситъ себя, что онъ дѣлаетъ, что дѣлаютъ вокругъ него—онъ сойдетъ съ ума.»

Вронскій: Въ цивилизованномъ мірѣ замѣчается нынѣ явленіе, на столько же удивительное по своей плодотворности, на сколько можетъ быть оно гибельно по своимъ послѣдствіямъ. Все, по видимому, стремится, съ блестящею внѣшностію, просвѣтить народы и ускорить шествіе цивилизаціи: въ сущности же, все идетъ къ погашенію свѣта философическаго и религіознаго и къ паденію человѣчества».

---

(29). Къ стр. 99.» Въ новѣйшее время усиливается ученіе пантеистическое и матеріалистическое, которое, отвергая все непонятное для простаго ума, не хочетъ знать ни Бога, какъ индивидуальнаго существа, ни нравственнаго призванія въ человѣчествѣ. Какъ древніе старались возвысить человѣка до божества, такъ новѣйшая школа напротивъ усиливается низвести его прямо въ область животнаго міра. Простой эгоизмъ является единственно ея цѣлію, единственнымъ реалитетомъ. Нравственное благородство, сознаніе долга, самоотверженіе во имя вѣры, надежды и любви, кажутся безуміемъ въ глазахъ этой школы, стремленіе къ идеаламъ—(царствію Божію по ученію Христа), нелѣпымъ сумасбродствомъ. Единственнымъ правиломъ и идеаломъ ея дѣйствительности считаются животныя стремленія, слѣдовательно эгоизмъ обманъ и насиліе. Къ сожалѣнію, лозунгъ, проповѣдываемый теоретически, и

осуществляемый на практикѣ нашими побѣдоносными сосѣдами, Macht geht vor Recht, La force prime le droit, сильно распространяется, и, чего нельзя отрицать, даже въ болѣе серіозныхъ кругахъ, угрожая ввергнуть Европу не только въ прежнее варварство, но и залить ее невиданными дотолѣ потоками крови? Впрочемъ ни современные Чингисханы, ни Тамерланы, не увѣрятъ меня въ *прочномъ* успѣхѣ своего адскаго дѣла: оно окончится, какъ обыкновенно оканчиваются дѣла подобнаго рода, и едвали проклятіе народовъ сохранитъ отъ забвенія имена ихъ. Эту надежду основываю я на всеобщемъ историческомъ свидѣтельствѣ о прогрессѣ человѣческаго духа; божественной искры въ человѣкѣ никоимъ образомъ нельзя ни заглушить, ни уничтожить; напротивъ, чѣмъ болѣе будутъ стараться безбожные о томъ, чтобы придавить ее и потушить, тѣмъ блистательнѣе будетъ освѣщать она темноту нашего времени и мракъ будущихъ вѣковъ. Необходимо, правда, чтобы большинство благоразумныхъ людей не придавалось лѣни, нужно дѣйствовать, и бороться свѣту противъ тьмы, праву противъ насилія, благородной мысли противъ животныхъ стремленій.» *

(30). Къ ст. 101. *Тэнъ*: «Европа ухитрилась выработать себѣ такое положеніе, которое необыкновенно сильно раздражаетъ людей возможныхъ партій, всевозможныхъ воззрѣній, которое вызываетъ озлобленіе и вражду каждаго противъ всѣхъ, всѣхъ противъ каждаго, и наконецъ всѣхъ вмѣстѣ противъ направленія времени, противъ жизни, выработанной конституціонною Европою.»

«... Кто же доволенъ? Никто. Всѣ жалуются, всѣ ропщутъ, всѣ проклинаютъ то время, въ которое они живутъ, и тѣ условія жизни, при которыхъ приходится жить. Что же значитъ это повальное недовольство, что значитъ всеобщее смущеніе и уныніе? Оно означаетъ, что хроническая болѣзнь недовольства находится въ своемъ остромъ періодѣ, и что на европейскую жизнь особенно сильно подулъ неблагопріятный, удушливый вѣтеръ».

*) Я вспомню, откуда сдѣлалъ я эту и помѣщенную на 124 с. выписку.

«... Переберите всѣ страны континентальной Европы, посмотрите, что дѣлается во Франціи, Германіи, Австріи, Испаніи, и вездѣ вы увидите безурядицу, хаосъ, усиленное броженіе; вездѣ почти вы должны будете признать, что эпоха, переживаемая этими государствами, есть эпоха переходная, полная внутренней борьбы. Смятеніе тяжелѣе неизвѣстности.»

«Политическая неурядица въ странѣ обусловливаетъ собою неурядицу и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ жизни, обусловливаетъ неурядицу соціальную, неурядицу нравственную, Политическая неурядица всегда ведетъ за собою какое-нибудь крупное бѣдствіе, что нибудь въ родѣ внѣшней и внутренней войны, въ которой побѣда не болѣе замаячива, какъ и пораженіе. Результатъ одинъ: лучшія силы населенія гибнутъ, трудъ останавливается въ своемъ производствѣ, гибнетъ безплодно для народа. Бѣдные становятся всегда еще бѣднѣе, а богатые становятся богаче не силою труда, а большею бѣдностью бѣдныхъ. Труднѣе ли прослѣдить неурядицу нравственную? Нисколько. Литература блекнетъ, интересы становятся болѣе мелкими, исключительными: всѣ тѣ, которые работаютъ въ области мысли, по неволѣ отрѣшаются отъ общихъ вопросовъ, важныхъ одинаково для всего человѣчества, и замыкаются въ крошечные вопросики, волнующіе извѣстную партію, извѣстную группу. Нравственный уровень страны неизбѣжно понижается, и это пониженіе отражается въ наукѣ, литературѣ, въ драмѣ, комедіи, — однимъ словомъ во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности.»

(Англія въ книгѣ д. Тена. Notes sur l'Angleterre, статья г. Утина въ Вѣстникѣ Европы. 1872 г. Сентябрь).

«Въ послѣднемъ произведеніи Нѣмецкой философской литературы, (Philosophie des Unbewussten), котораго въ короткое время вышло три изданія, вотъ какъ характеризуется наше время. *Гартманъ* откровенно объяснитъ, ст. 559, 617, что человѣчество приближается къ дряхлой

старости, на которой естественнымъ образомъ и уменьшается желаніе и возможность читать и усвоять себѣ строго научные труды. Вмѣсто юношеской силы и живаго интереса ко всѣмъ новымъ мыслямъ и умственнымъ произведеніямъ, все болѣе расширяется стремленіе къ удобствамъ жизни, комфорту и спокойствію, вслѣдствіе чего и наука должна принять форму общедоступную, способствующую къ усвоенію ея безъ особеннаго труда и напряженія.»

«Искусство», говоритъ Гартманъ, (на стр. 619), «будетъ для человѣчества въ зрѣломъ возрастѣ тѣмъ, что Берлинская фарса вечеромъ для Берлинскаго биржеваго купца. Такая же участь постигнетъ и науку. А потому нельзя удивляться, что при подобномъ взглядѣ на современную публику, Гартманъ старался изложить свои взгляды, въ формѣ, сколь возможно легкой и неутомительной, чтобы лѣнивый и умственно вялый старичекъ нашего времени безъ труда могъ понять и усвоить себѣ его воззрѣнія» (Статья Струве, въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1873 г., Январь).

(31.) Къ ст. 102. *Милль*. «Часто вставалъ передо мною мрачный вопросъ: Положимъ, что всѣ твои желанія удовлетворятся, что всѣ учрежденія, которыхъ жаждетъ душа твоя, осуществятся, — что же, будетъ ли тебѣ отъ того радость? Будетъ ли счастье? И изъ глубины душевной слышался на это неотразимый отвѣтъ: не будетъ!»

---

(32). Къ ст. 103. *В. Гюго*: «Постоянное воспоминаніе о могилѣ полезно для людей. На этой точкѣ священникъ и философъ сходятся Необходимо умереть—аббатъ de la Tгарре вторитъ Горацію.»

(33.) Къ ст. 104. Бакономъ говорилъ: Церковь— око Англіи, и если что либо находятъ въ немъ постороннее, то нужно вырвать именно это постороннее, а не самый глазъ.

II. Замѣчанія.

Предложенныя мысли и ниже описанные случаи я посылалъ въ кор ректурныхъ листахъ ко многимъ своимъ знакомымъ, ученымъ и неуче нымъ, духовнымъ и свѣтскимъ, богословамъ, философамъ естествоис пытателямъ... Нѣкоторыми ихъ замѣчаніями я воспользовался. Прочія начиная съ частныхъ, передаю здѣсь съ своими отвѣтами.

Къ с. 3 и 4. «Съ разсужденіями объ отношеніяхъ науки и жизни не во всемъ можно согласиться. Религіозные вопросы несомнѣнно дол жны быть достояніемъ и спеціальныхъ изслѣдованій, и общаго сознанія.

Отвѣтъ: Я и возражалъ только противъ исключительнаго присвоенія что впрочемъ оговорено и словами: можетъ быть иначе и нельз было, и проч.

Къ с. 4, ст. 16. «То, что изъ-за средствъ люди потеряли изъ вид цѣль,—не можетъ быть порядкомъ въ высшемъ домостроительств Божіемъ».

Это возраженіе отстраняется приложеніемъ слова «допущенный» которое мною прежде подразумѣвалось.

Къ с. 11. «Не понимаю, для чего вамъ было упоминать о поѣздк въ Гейльбронъ, гдѣ вы не застали Юстина Кернера, и о намѣреніі писать письмо къ Штраусу?»

Въ введеніи я хотѣлъ представить нѣсколько случаевъ, побуждав шихъ меня приступить къ изданію своей простой рѣчи, чтобъ пока зать, въ какомъ духѣ она предполагалась, чѣмъ должна была начи наться: Штраусовы первыя строки привели меня въ негодованіе; Кер неру хотѣлъ разсказать случаи сверхъ-естественные, мнѣ извѣстны слухъ о переводахъ студенческихъ огорчалъ меня; то или другое с бытіе наводило страхъ; къ Герцену влекло участіе и надежда обрати его, и тому под.

Къ с. 12. «Подъ алчущими *правды* разумѣются ищущіе праведнос и оправданія, а не теоретической истины, о которой здѣсь рѣчь»

Къ с. 20. «Совмѣстность мелочнаго тщеславія съ глубокимъ просвѣщеніемъ, въ такихъ великихъ поэтахъ, какъ Гете и Байронъ, дѣйствительно удивительна; но слава учености Гегеля теряетъ ли что нибудь отъ того, что онъ померъ отъ несваренія желудка?»

Мысль здѣсь состояла въ томъ, что всякая неумѣренность не совмѣстна съ истинной философіей, которая должна отражаться въ жизни.

Къ с. 24. «Что сказано въ скобкахъ о желудкѣ, не можетъ ли подать повода къ матеріалистическому представленію о началахъ жизни и Исторіи?»

Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой.—Чтобъ быть, надо ѣсть, а пріисканіе средствъ для удовлетворенія голода, это и есть содержаніе внѣшнее исторіи человѣческаго рода.

На с. 25. «Первый параграфъ, ст. 1—5, отзывается отчасти преувеличеніями: онѣ не найдутъ себѣ полнаго подтвержденія въ ежедневномъ опытѣ; да и само откровенное ученіе возвѣщаетъ намъ, что грѣхомъ человѣка въ самую природу видимую внесены различные виды нестроенія и безпорядка».

«Подобное преувеличеніе можно примѣчать и въ слѣдующемъ мѣстѣ, с. 37: «Звѣзды... составляютъ одинъ тьмоголосный хоръ, въ которомъ не слышится ни одной фальшивой ноты,» ибо извѣстно, что астрономія признаетъ такъ называемыя аберраціи въ движеніи свѣтилъ. Преувеличенія эти сами по себѣ неукоризненны, и допущены съ апологетическою цѣлью; но онѣ не желательны, потому что могутъ отчасти препятствовать полному достиженію апологетической цѣли, и тѣмъ, противъ кого эта апологетика направлена, подаетъ поводъ къ подозрѣнію, будто міровоззрѣніе защитниковъ религіозной истины держится на произвольномъ и несогласномъ съ дѣйствительностію оптимизмѣ».

С. 26. *Безумную силу* одинъ рецензентъ совѣтуетъ лучше назвать неразумною, а другой без—умною, съ чѣмъ я и согласенъ. Также и на с. 27.

С. 26 «*Частицы* мозга *не самосознательны*».

«Если частицы мозга *самосознательны*,, «замѣчаетъ другой рецензентъ, «то значитъ, въ каждомъ изъ насъ столько же душъ, сколько частицъ. Эта фраза опровергается единствомъ сознанія».

Я назвалъ ихъ самосознательными въ томъ смыслѣ, что во время сна, безъ нашей воли, онѣ движутся и даютъ знать о себѣ.

С. 27, стр. 18. «*Отвлеченное, духъ.* Это не одно и тоже. Богъ, Творецъ вселенной, перво-сила всего творенія, есть чистѣйшій духъ».

Я и не полагалъ употребленныхъ выраженій тождественными, а хотѣлъ собрать нѣсколько однородныхъ, синонимическихъ, коими моглобъ поясняться понятіе вообще о словѣ сила. О Богѣ же здѣсь нѣтъ и рѣчи.

С. 33, ст. 6 снизу. *Поскудныя объясненія.* «Словно *поскуда* употребляется какъ брань, въ производномъ отъ него *поскудный* выражается тотъ же смыслъ. Если это слово написать съ раздѣленіемъ—по-скудныя, удерживая въ представленіе скудости, тогда оно будетъ имѣть смыслъ, дѣлу приличный; только въ этомъ смыслѣ не получило оно еще хода въ литературѣ».

Слово—поскудныя я употребилъ въ смыслѣ—недостаточныя, бѣдныя, неполныя, мелкія.

С. 33, ст. 3 снизу. *Объясненія... относятся къ чудесамъ міра сего, (а тотъ?), какъ пылинка къ солнцу, какъ капля къ океану.* «Слово въ скобкахъ—а тотъ! не догадываюсь, къ чему относится»?

Къ тому міру, то есть: если наши объясненія относятся къ чудесамъ этого міра, какъ...капля къ океану, то въ какомъ же ничтожномъ отношеніи онѣ находятся къ чудесамъ того міра!

С. 34 ст. 7. «*Его существованіе*". «Чье? Недосягаемаго? Но недосягаемое стоитъ въ текстѣ не въ значеніи непостижимаго Творца, а въ другомъ смыслѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляется».

Я не понимаю замѣчанія критика: въ указанномъ параграфѣ говорится вообще о недосягаемомъ, какое бы оно ни было.

С. 34, ст. 9. *Отрицать что?* (безсиліе?); *произносить хулу— на кого? на что?* «Мысль высказана не полно».

Отрицать и произносить хулу употреблены въ смыслѣ глаголовъ среднихъ.

Къ стр. 34, ст. 10. «И за чѣмъ же только отрицать и уничижать произведенія человѣческаго ума? Не суть ли онѣ высшее Божье чудо въ мірѣ.»

Такъ и я думаю: См. с. 29, 42.

С 51, ст. 12. «Нѣкоторые тексты приведены по Славянскому подлиннику, другіе по Русскому переводу,» — смотря потому, какія выраженія казались яснѣе или выразительнѣе.

С. 51, ст. 15 «Слова: *Сознательная сила творящая — это Богъ Сознательную силу управляющую — мы называемъ Божественнымъ Промысломъ*, не могутъ быть одобрены и требуютъ исправленія, потому что въ этихъ словахъ сопоставляются какъ бы на равнѣ съ одной стороны личное существо, а съ другой его дѣятельность.»

Недоумѣніе происходило отъ пропущеннаго слова: Его, — которое въ новомъ зданіи и вставлено.

С. 40, ст. 6. *Который былъ всѣмъ во всемъ.* «Выраженіе это обоюдное. Лучше его избѣгнуть. Ни въ моральномъ, ни въ метафизическомъ смыслѣ, оно не можетъ быть употреблено безъ особенныхъ объясненій.»

При этомъ параграфѣ имѣлось въ виду выраженіе Св. Апостола Павла 1 къ Кор, 15, 28... да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ. (Въ Русскомъ переводѣ: дабы Богъ былъ все во всемъ). Также къ Еф. 1, 23.

С. 42, ст. 13. «При рѣчи о томъ, для чего Творецъ создалъ міръ, сказано: *«Для чего? Для своей славы—это опять человѣческія условныя слова, неимѣющія понятнаго для насъ смысла!»* «Этого нельзя признать вполнѣ истиннымъ: слова эти не однѣ только человѣческія слова, но онѣ извлекаются изъ слова Божія; да и почему бы слова эти должно было признать неимѣющими понятнаго для насъ смысла?

По извѣстному опредѣленію, слава есть откровеніе, явленіе, отраженіе, обличеніе внутренняго совершенства.»

С. 40, с. 2 снизу. «*Духовная вселенная*—такъ не говорятъ. Говорятъ; духовный міръ, представляя совокупность духовныхъ существъ, высшихъ человѣка, или включая сюда и самаго человѣка со стороны высшей части его существа—духовной;—*нравственный міръ*, представляя совокупность существъ, одаренныхъ разумною свободою и способныхъ управляться требованіями нравственнаго закона;—*умственный міръ*, представляя совокупность идей, созерцаемыхъ изъ разума или высшихъ понятій о мірѣ, получаемыхъ изъ разума, независимо отъ внѣшняго чувственнаго наблюденія. Въ настоящемъ случаѣ вмѣсто *духовная вселенная*, кажется лучше употребить: *духовный міръ*.»

Духовною вселенною хотѣлъ я означить совокупность міровъ: духовнаго, нравственнаго, умственнаго.

«О духовномъ мірѣ мало сказать, что онъ столько же безпредѣленъ, какъ и вещественный!»

Такъ, но для него нѣтъ и выраженія.

С. 42, ст. 6. *Всѣ атеисты, древніе и новые, всѣ нигилисты, признаютъ одного и того же Бога.* «То правда, что и въ умозрѣніи самихъ атеистовъ и нигилистовъ можно примѣчать слѣды присутствія идеи о Богѣ, но у нихъ она облекается въ представленія совсѣмъ иного свойства, нежели какія признаетъ соотвѣтственными этой идеѣ правильный строй религіознаго міровоззрѣнія, а потому страшно сказать, будто атеисты и нигилисты признаютъ *одного и тогоже* Бога.»

Тоже замѣчаетъ и другой рецензентъ говоря: «Въ послѣднихъ трехъ монологахъ атеистамъ и нигилистамъ сдѣлана уступка слишкомъ большая. Нельзя сказать, что они чтутъ одного съ нами Бога, только подъ другимъ именемъ, тоже говорятъ о Богѣ, что и мы, только другими словами.»

Совершенно согласенъ, и слова: «одного и того же» должны быть исключены, что въ этомъ изданіи и исполнено.

С. 53, ст. 1. «Не требуется ли отъ всякаго человѣка нѣчто подобное, возрожденіе духовное, обновленіе естества нашего по образу и дѣйствіямъ воплотившагося отъ Св. Дѣвы Спасителя міра? Какъ это можетъ быть? спросимъ подобно Никодиму (Іоанн. 3, 9). Отвѣтъ готовъ: Читайте его въ Евангеліи.»

С. 63, ст. 8. «Можно ли сказать, что ученіе Іисуса Христа совершенно противоположно Ветхому Завѣту?»

Отвѣтъ: Я говорилъ въ смыслѣ противоположности, выраженной Іисусомъ Христомъ у Матѳ. V. 21—45.

С. 65, ст. 9. Ходъ мыслей такой: «Изъ грубаго, жестокаго Римлянина произошелъ Божій человѣкъ. Слѣдовательно онъ переродился, но такъ переродиться не могъ самъ собою, слѣд. получилъ новую способность, или освобожденъ отъ прежняго препятствія, искупленъ.

С. 66, ст. 4. «Могутъ сказать что подобія Алексѣю, человѣку Божію, были въ языческомъ мірѣ.»

Едва ли.

С. 66, ст. 5. *Какъ будто видѣлъ.* «Объ одномъ сказано, что видѣлъ онъ Іисуса Христа при страданіи своемъ. Это о Стефанѣ. Дѣян. VII, 56. Но здѣсь нѣтъ основанія прибавить: какъ будто.»

У меня говорится о всѣхъ мученикахъ, въ выраженіи общемъ, безъ отношенія къ видѣнію Стефанову.

С. 71, ст. 1—14. «Думаю, не первую проповѣдь надлежитъ приписать Павлу, ибо онъ писалъ къ Римлянамъ посланіе, еще не бывъ у нихъ, и писалъ уже къ церкви, а не къ не вѣрующимъ. Но судя по тому, что Апостолъ Павелъ такъ много заботился о церкви Римской и несомнѣнно трудился надъ ея распространеніемъ по крайней мѣрѣ два года, когда находился въ Римѣ въ узахъ, дѣйствительно скорѣе Павлу, чѣмъ Петру, котораго Римская дѣятельность исторически такъ не засвидѣтельствована, надлежало бы приписать первенство въ церкви Римской, какъ основанной изъ язычниковъ, чѣмъ Апостолу Петру, который принялъ въ свой удѣлъ Іудеевъ».

С. 84, стр. 17. «Авторъ напрасно представляетъ, что въ богословіи ничего объ этомъ нѣтъ».

Нигдѣ я не представлялъ этого, а выразилъ только желаніе имѣть систематическое сочиненіе по описанному плану. А. Н. М. указалъ мнѣ на сочиненія аббата Николя въ этомъ родѣ.

«Всякая наука имѣетъ свою длинную исторію, которую нужно конечно внимательно изслѣдовать, чтобы рѣшительно судить объ ней.»

Къ с. 85, ст. 20. «Ограниченность ума не есть доказательство грѣхопаденія. Умъ ангеловъ ограниченъ, однакожъ они не падшія существа».

С. 88. ст. 6. *Не позналъ онъ добра и зла.* «Какъ же? Прежде не зналъ онъ зла, а съ паденіемъ зналъ его опытомъ. Добро же зналъ и прежде. Впрочемъ фраза: *знать добро и зло* можетъ означать и просто всевѣдѣніе. Къ сожалѣнію на этихъ страницахъ не вездѣ можно ясно отличить, своимъ ли языкомъ говорится, или языкомъ противниковъ».

О добрѣ и злѣ въ этихъ словахъ говорено не въ смыслѣ способности, а въ смыслѣ приложенія ко всякому данному случаю.

Гдѣ я говорю своимъ языкомъ, т. е., отъ себя, и гдѣ предполагаю противныя мнѣнія, то есть, рѣчи противниковъ, или вопросы естественные, должна отвѣчать вся книга.

С. 90, ст. 10 снизу. «Сознанія, что святые дѣлали именно то, что должны были дѣлать, отрицать нельзя. Только никто изъ нихъ не скажетъ, что онъ всегда и во всемъ такъ поступалъ».

Виноватъ,—я думаю, что полной увѣренности въ этомъ смыслѣ ни у кого быть не можетъ.

Къ с. 92. ст. 21 снизу. *Въ области вѣры все непостижимо.* «Преувеличено».

Къ ст. 93, ст. 13. *Богъ даетъ ее, кому хочетъ.* «Лучше сказать: Богъ даетъ ее ищущимъ *сего дара*».

На общія замѣчанія отвѣтъ см. въ послѣсловіи.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛОСОФАМЪ ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ.

Мы разсуждали почти a priori, занимались отвлеченностями, носились въ областяхъ ума и слова: опустимся теперь на землю, и разскажемъ нѣсколько событій, дѣйствительныхъ, *засвидѣтельствованныхъ* строжайшею критикою — событій, коихъ нельзя никоимъ образомъ пріурочить къ природѣ вещественной и отнести къ ея дѣйствіямъ, коихъ нельзя подвести ни подъ какіе законы, нельзя объяснить никакою наукою и никакою системою.

Опровергнуть эти событія нѣтъ разумнаго основанія: это неоспоримые факты, какъ говорится по варварски, были, дѣла; отрицать же безусловно было бы крайнимъ невѣжествомъ, или дикимъ упрямствомъ, съ которымъ Чванкина въ комедіи Княжнина говорила «хоть вижу, да не вѣрю.»

Нѣкоторые случаи были со мною, но я разсказываю ихъ, не прося принимать на вѣру, а приводя вещественныя доказательства; другіе слышалъ я отъ своихъ знакомыхъ, людей достовѣрныхъ, третьи привожу изъ печатныхъ источниковъ,—всѣ съ доказательствами, сколько найдти ихъ было можно.

Понятно, что въ этой области, или въ разсказахъ этого рода, очень обыкновенныхъ, бываетъ много выдумокъ, обмановъ, лжи, злоупотребленій, часто играетъ фантазія и воображеніе; понятно, что здѣсь нужна еще болѣе, нежели гдѣ нибудь великая осторожность и разборчивость. Но я думаю, что одно подобное событіе, со всѣхъ сторонъ засвидѣтельствованное, строго изслѣдованное, доказанное критически, имѣетъ великую важность,—и нельзя считать иначе, какъ особеннымъ счастіемъ въ жизни, узнать такое событіе, и вполнѣ удостовѣриться въ его истинѣ; оно поведетъ къ многимъ заключеніямъ, ибо всѣ важнѣйшіе для человѣка вопросы соединены между собою неразрывными узами, и какой бы то ни было изъ нихъ, по необходимости признанный, заставляетъ принять прочіе, и убѣдиться, что есть *что то*, кромѣ

того, что мы знаемъ посредствомъ своихъ чувствъ, о чемъ, по замѣчанію Шекспира, и не пригрезивается философіи.

Доморощенные наши прогрессисты не принимаютъ такихъ явленій, и если не могутъ отвергнуть ихъ существованія, то относятъ ихъ къ разряду случаевъ. Имъ напомню я кстати слѣдующія слова ихъ любимца, Писарева, изъ его изложенія системы Дарвиновой:

«Случая въ природѣ нѣтъ, потому что все совершается по законамъ, и всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину; когда мы не знаемъ закона и не видимъ причины, тогда мы произносимъ слово «случай», и произносимъ его не всегда кстати, потому что это слово никогда не выражаетъ ничего, кромѣ нашего незнанія, и притомъ такого незнанія, котораго мы сами не сознаемъ». *

«Если человѣкъ чего нибудь не знаетъ, то онъ въ одну минуту или выдумаетъ что нибудь, или увѣритъ себя, что *тутъ и знать нечего.* Не знаетъ происхожденія породы, значитъ и не было никакого происхожденія, всегда была порода съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ; не знаетъ развитія породы—значитъ и нѣтъ никакого развитія: всѣ породы неизмѣнны и неподвижны. А живая-то жизнь сейчасъ тутъ же и прихлопнетъ человѣка, и уличитъ въ *безтолковомъ и самонадѣянномъ* враньѣ неопровержимыми фактами», **

которые здѣсь и представляются.

Собраніе такихъ фактовъ, (иные въ нѣсколькихъ экземплярахъ), убѣжденіе въ ихъ дѣйствительности, историческомъ такъ сказать существованіи, заставитъ, надѣюсь, задуматься всякаго безпристрастнаго, непредубѣжденнаго человѣка, который ищетъ истины, безъ заднихъ мыслей.

Вмѣстѣ съ симъ я прошу тѣхъ читателей доставлять мнѣ такіе факты, какіе кто знаетъ по собственнымъ наблюденіямъ или полученнымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ.

*) Сочин. Писарева VI, с. 102. **) VI, с. 125.

ПРЕДЧУВСТВІЯ.

Смерть Василія Никитича Татищева *.

Современное описаніе.

Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, Тайный совѣтникъ Василій Никитичъ Татищевъ, по ложнымъ на него доносамъ, жилъ подъ стражею въ своей подмосковной отчинѣ Клинскаго уѣзда, въ сельцѣ Болдинѣ, при которомъ находилась сенатской роты солдаты для стражи. Съ нимъ жилъ внукъ его, Ростиславъ Евграфовичъ Татищевъ, (отъ котораго я, говоритъ описатель, сіе повѣствованіе слышалъ). Сей Василій Никитичъ, почувствовавъ слабость своего здоровья, писалъ къ сыну своему Евграфу Васильевичу, находившемуся тогда въ Москвѣ, чтобы онъ пріѣхалъ къ нему въ Болдино съ первой тогда его женою, для отданія ему послѣдняго долга.

Наканунѣ своей смерти Василій Никитичъ поѣхалъ верхомъ, взявъ съ собою и вышеописаннаго своего внука верхомъ же, къ слушанію Божественной литургіи въ приходскую церковь, находящуюся въ трехъ верстахъ, въ селѣ, куда приказалъ явиться мастеровымъ людямъ съ лопатками.

По отслушаніи литургіи, взявъ священника на погостъ, показалъ ему, гдѣ лежатъ тѣла его предковъ и родителей, и избравъ порожнее подлѣ ихъ мѣсто, приказалъ рабочимъ людямъ готовить для себя могилу. Возвращаясь, онъ хотѣлъ было опять сѣсть на лошадь, но не былъ въ силахъ, а сѣлъ уже въ одноколку и съ вышеписаннымъ

*) В. Н. Татищевъ, одинъ изъ молодыхъ людей, посланныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для обученія, сочинитель первой Россіской исторіи, издатель Русской Правды и Судебника, губернаторъ и устроитель Оренбургскій, потомъ Астраханскій, былъ, по преданію, извѣстенъ въ молодости своимъ вольнодумствомъ.

же своимъ внукомъ, приказавъ священнику на завтра пріѣхать къ себѣ для исповѣди его и со Святыми Дарами, и такъ же, — чтобы пригласилъ съ собою священниковъ, назнача самъ оныхъ для соборованія его масломъ, и потомъ возвратился домой. Тамъ нашелъ присланнаго изъ Петербурга курьера съ указомъ отъ Императрицы, что онъ найденъ невинным, и присланъ ему орденъ св. Александра Невскаго. Василій Никитичъ, написавъ благодарительное письмо къ Государынѣ, отослалъ орденъ назадъ потому, что уже приблизился конецъ его жизни, и отпустилъ присланнаго. Тогда же снята была находившаяся при немъ стража.

Въ вечеру, когда по обыкновенію пришелъ къ нему поваръ французъ для полученія приказанія, что готовить на слѣдующій день, то онъ сказалъ повару, что, «уже я болѣе не хозяинъ вашъ, но гость, а вотъ хозяйка», указывая на свою невѣстку, Евграфа Васильевича жену, «она тебѣ прикажетъ, что надобно», промолвилъ, что теленокъ начатъ, и есть изъ чего готовить.

На слѣдующій день священникъ со всемъ причтомъ въ назначенный часъ прибылъ, исповѣдовалъ его и причастилъ Святыхъ Таинъ.

Послѣ сего Василій Никитичъ приказалъ призвать сына своего Евграфа Васильевича съ женою, и съ сыномъ ихъ Ростиславомъ Евграфовичемъ, простился съ ними, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя приказанія и наставленія; призвалъ всѣхъ находившихся при немъ людей, простился и съ ними, наконецъ приказалъ начать дѣйствіе соборованія масломъ, и при чтеніи седьмаго Евангелія скончался на 76-мъ году жизни своей, приказавъ наперед, что когда примѣтятъ, что его душа будетъ разставаться съ тѣломъ, то чтобы не дѣлали никакого шуму, дабы не продлить мученія тѣла, когда оное разстается съ душею.

Когда хотѣли снять съ тѣла мѣрку для дѣланія гроба, то столяръ объявилъ, что онъ уже, по повелѣнію покойнаго, давно сдѣланъ, подъ который ножки онъ покойный самъ точилъ.»

«Въ Москвѣ былъ странный случай, который разсказывала мнѣ», говоритъ Графиня Блудова въ своихъ запискахъ «(уже долго, долго послѣ), Марія Алексѣевна Хомякова, мать поэта, сама знавшая и лицъ и происшествіе, и совершенно неспособная ко лжи. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, возвратясь изъ похода на Турокъ, привезъ съ собою Турецкаго ребенка, вѣроятно, спасенаго имъ въ какой нибудь свалкѣ, и подарилъ его своему другу Дурнову. Мальчикъ вышелъ умненькій, ласковый, добронравный. Дурновъ полюбилъ его, и сталъ воспитывать какъ сына, но не хотѣлъ его окрестить, пока тотъ самъ не попялъ бы, и не изучилъ истинъ христіанской вѣры. Малый подросталъ, съ любовію и жаромъ учился, дѣлалъ быстрые успѣхи, и радовалъ сердце пріемнаго отца своего. Наконецъ Дурновъ сталъ заговаривать съ нимъ о принятіи христіанства, о святомъ крещеніи. Молодой человѣкъ съ жаромъ, даже съ увлеченіемъ, говорилъ объ истинахъ вѣры, съ убѣжденіемъ о православной церкви, ходилъ съ домашними на церковныя службы, молился, казалось, усердно: но все откладывалъ крещеніе и говорилъ Дурнову: «Погоди батюшка, скажу тебѣ, когда будетъ пора.» Такъ прошло еще нѣсколько времени; ему уже минуло 16 лѣтъ, и въ немъ замѣтили какую-то перемѣну. Шумная веселость утихла въ немъ; живые безбоязненные, свѣтлые глаза подернулись грустью; звонкій смѣхъ замолкъ, и тихая улыбка казалась какъ-то преждевременною на цвѣтущемъ ребяческомъ лицѣ. «Теперь, сказалъ онъ однажды,—«я скоро попрошу тебя крестить меня, батюшка, отецъ ты мнѣ болѣе, чѣмъ родной! Теперь скоро пора; но прежде есть у меня просьба къ тебѣ, не откажи: Прикажи купить краски, палитру, кисти: дай мнѣ заказать лѣстницу, какъ скажу; да позволь мнѣ на этотъ одинъ мѣсяцъ не пускать никого въ мою комнату; и самъ не ходи» Дурновъ ужь давно привыкъ не отказывать ни въ чемъ своему пріемышу; какъ желалъ онъ, такъ и сдѣлали. Молодой Турокъ весь день просиживалъ въ своей комнатѣ; а какъ стемнѣетъ, придетъ къ Дурнову, по прежнему читаетъ, занимается, разговариваетъ, но про занятія въ своей комнатѣ ни полслова;

только сталъ онъ блѣднѣть, и черные глаза горѣли какимъ-то неземнымъ тихимъ огнемъ, какимъ-то выраженіемъ блаженнаго спокойствія. Въ концѣ мѣсяца онъ просилъ приготовить все къ крещенію и повелъ его въ свою комнату. Палитра, краски, кисти, лежали на окнѣ; лѣстница, служившая ему въ родѣ подмостокъ, была отодвинута отъ стѣны, которая завѣшана была простыней, юноша сдернулъ простыню, и Дурновъ увидѣлъ большой писанный во всю стѣну, святой убрусъ, поддерживаемый двумя ангелами, и на убрусѣ ликъ Спасителя Нерукотворенный, колоссальнаго размѣра, прекраснаго письма.

«Вотъ задача, которую я долженъ былъ исполнить, батюшка; теперь хочу креститься въ вѣру Христову, я жажду соединиться съ Нимъ.» Обрадованный, растроганный Дурновъ спѣшилъ все приготовить; и съ благоговѣйною радостію крестился на другой день его воспитанникъ; когда онъ причащался, всѣ присутствующіе были поражены неземною красотою, которою, такъ сказать, преобразился неофитъ. Въ тихой радости провелъ онъ весь этотъ день, и безпрестанно благодарилъ Дурнова за всѣ его благодѣянія, и за величайшее изъ всѣхъ — за познаніе истины и принятіе христіанства, за это неописанное блаженство, говоря, что онъ болѣе, чѣмъ родной отецъ для него, что онъ не преходящую даровалъ ему, а жизнь вѣчную.—Вечеромъ юноша нѣжно простился съ своимъ нареченнымъ отцомъ, обнималъ, благодарилъ его опять, просилъ благословенія; видѣли, что долго молился онъ въ свой комнатѣ передъ написаннымъ Нерукотвореннымъ Спасомъ; потомъ тихо заснулъ, — заснулъ непробуднымъ сномъ. На другое утро его нашли мертвымъ въ постели, съ закрытыми глазами, съ улыбкой на устахъ, съ сложенными на груди руками.»

«Кто вникнетъ въ тайну молодой души? Какой неземный голосъ, ей одной внятный, сказалъ ему судьбу его, и призвалъ его въ урочный часъ къ пакибытію купели? Кто объяснитъ это необъяснимое дѣйствіе благодати, призывающей къ Отцу Небесному невѣдомымъ, таинственнымъ путемъ, въ глубинѣ сердца избранниковъ своихъ? Дурновъ

оплакивалъ съ родительскою любовью своего пріемыша, хоть и упрекалъ себя за свое горе при такой святой, блаженной кончинѣ. Комната, гдѣ скончался юноша, сдѣлалась часовней или молельней, гдѣ ежедневно молился Дурновъ. Въ 1812 году домъ сгорѣлъ, но стѣна съ образомъ уцѣлѣла, только изображеніе было очень повреждено; его реставрировали, и отъ оригинала остался только одинъ изъ глазъ и бровь. Однако набожные люди продолжали пріѣзжать молиться тутъ, а въ послѣдствіи въ немъ была основана богадѣльня на 40 престарѣлыхъ вдовъ и дѣвицъ, и комната молодаго Турка освящена въ прекрасную домовую церковь, весь день открытую, куда со всѣхъ концевъ Москвы приходятъ служить молебны передъ образомъ, писаннымъ на стѣнѣ. Что-то мирное свѣтлое, чистое вѣетъ тамъ на васъ, какъ свѣтла и чиста была душа юноши, освятившаго своимъ обращеніемъ и смертію это мѣсто. Богадѣльню зовутъ Барыковскою, по имени основателя, а церковь Спаса, на Стоженкѣ. Другое пристанище для бѣдныхъ выросло и пріютилось противъ богадѣльни — домъ призрѣнія убогихъ во имя Христа Спасителя. Такой свѣтлый слѣдъ оставилъ по себѣ этотъ ребенокъ, привезенный изъ чужой невѣрной стороны, принятый и приголубленный съ безграничною христіанскою любовію въ Россіи. По истинѣ здѣсь показалъ Господь весь глубокій смыслъ Имъ нѣкогда сказанныхъ святыхъ словесъ: Аще кто пріиметъ отроча таково во имя Мое, пріемлетъ Мя, а пріемляй Мя, пріемлетъ пославшаго Мя Отца.»

Мать моего университетскаго товарища, извѣстнаго профессора Кубарева, Анна Васильевна, разсказывала, что она, будучи по дѣламъ въ Петербургѣ, совершенно чувствовала минуту, въ которую умерла мать ея въ Москвѣ. «Такая тоска сдѣлалась тамъ со мной,» говорила она, «что представить себѣ не можно. Я прибѣжала въ присутствіе, въ коемъ рѣшалось мое дѣло, не помня себя, вся въ слезахъ; рыдая, пала на колѣна предъ присутствующими, и просила, чтобъ меня отпустили въ Москву». Въ этотъ самый часъ, какъ послѣ она узнала, и умерла мать ея.

сестра ея пришла ложиться спать и увидала ее молящуюся, на колѣнахъ, на постели. Лице ея было просвѣтленное и глаза подняты къ верху. Замѣтя, что съ нея спустилась кофточка, она хотѣла прикрыть ее. «Оставь меня, сказала она ей и махнула рукой, я блаженствую съ Богомъ. Не мѣшай мнѣ, я больше уже никогда не простужусь».

«Всю ночь она спала хорошо; на утро, когда проснулась, попросила себѣ чаю съ лимономъ; разговаривала со всѣми и казалась бодрой и веселой. Въ половинѣ перваго часа, всѣ еще были въ ея комнатѣ и бесѣдовали; она, сидя на кровати, откинула голову на подушку, и тихо, непримѣтно для окружающихъ, отдала Богу свою чистую душу».

Я помѣстилъ нарочно всѣ три извѣстія для примѣра, какъ подобныя событія бываютъ разнообразны въ разсказахъ, переходя изъ устъ въ уста.

Вѣрнаго изъ всѣхъ предложенныхъ извѣстій можно вывесть то, что Кн. М—ая, почти совершенно здоровая, имѣла, получила, такъ или иначе, внутреннее предвѣстіе о своей кончинѣ, и дѣйствительно, исполнивъ христіанскій долгъ, вскорѣ скончалась.

1813 года, въ великой постъ на третьей недѣли, Надежда Григорьевна Кругликова, молодая дѣвушка, почувствовала себя дурно и ночью приняла рвотный порошокъ, который подѣйствовалъ слабо. По утру она разсказала это своимъ сестрамъ, и выразила желаніе исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Таинъ. Тѣ спросили ее, больна ли она? «Нѣтъ,» отвѣчала она. Сестры возразили ей, что она на первой недѣли говѣла. Она отвѣчала: «большая разница исполнять это по установленному обыкновенію, или при концѣ жизни; а я умру черезъ три дня.» Между тѣмъ она была совсѣмъ здорова, спокойна, и выходила къ столу кушать. На другой день оставалась въ преж-

немъ положеніи, и опять просила сестеръ призвать къ ней священника, повторяя, что она скоро умретъ, и онѣ не успѣютъ исполнить ея желанія, ибо она будетъ въ бреду. Сестры, видя ея довольно здоровою, уговаривали отложить свое намѣреніе. Когда всѣ разошлись спать, она призвала къ себѣ свою маму и сказала: «сестры не хотятъ позвать священника, чтобъ меня исповѣдать; я могу исполнить и безъ священника мое желаніе.» Приказала подать образъ Спасителя, собрала всѣхъ дворовыхъ людей, и предъ всѣми исповѣдалась, потомъ написала къ брату своему письмо съ просьбою исполнить нѣкоторыя ея завѣщанія; по утру разсказала своимъ сестрамъ о происшедшемъ, сдѣлалась тиха, чрезъ нѣсколько времени пришла въ себя и спросила свою маму: «слышитъ ли она пѣніе?» Та отвѣчала: «нѣтъ.» Тогда она спросила сестеръ: «не слышутъ ли онѣ?» Тѣ отвѣчали также, что не слышатъ ничего. Тогда она сказала: «благодареніе Богу, я одна слышу пѣніе», и запѣла тѣмъ же голосомъ: упокой Господи душу рабы твоей Надежды! Сдѣлалась безгласною, и чрезъ нѣкоторое время вскричала съ восторгомъ: «ахъ, какъ я счастлива!» Сестра спросила ее; «ты почувствовала себя здоровою?» «О, нѣтъ; ахъ, какъ я счастлива, я вижу Спасителя моего», и съ симъ словомъ окончила свою жизнь.

Разсказано Петру Хрисанфовичу Обольянинову тетною Кругликовой, Анною Петровною Жегулиною, которая жила тогда вмѣстѣ съ Кругликовыми, какъ значится въ ихъ то старыхъ записяхъ, доставленныхъ издателю Г-мъ Благово, и исправленныхъ имъ въ слогѣ).

«Братъ ключника сельца Новаго, жившій въ хуторѣ Зайцевѣ, Иванъ Никифоровъ Кудрявцевъ, изъ дворовыхъ г. Мальцова, человѣкъ старый, однажды приходитъ къ священнику села Колокольни, и проситъ его исповѣдать и пріобщить Святыхъ Таинъ, говоря, что онъ скоро умретъ. Священникъ пытался его отговорить, но не успѣлъ и велѣлъ придти на другой день. Кудрявцевъ пришелъ, исповѣдался и пріобщился. Возвратившись пѣшкомъ домой, (7 верстъ), выпилъ

рюмку предъ обѣдомъ, (онъ любилъ выпить), сталъ Богу молиться, поклонился въ землю и... умеръ. Окружающіе ждутъ, вотъ онъ встанетъ,—наконецъ подняли его, и пришлось хоронить.

(Сообщено А. Н. Величковымъ.)

ПРЕДВѢСТІЯ.

«17-го Сентября,» (Митрополитъ Филаретъ былъ въ это время въ Лаврѣ), «по окончаніи ранней литургіи въ его домовой церкви, я явился къ нему,» (свидѣтельствуетъ отецъ Архимандритъ Антоній), «съ обычнымъ, повторяющимся каждый день докладомъ о состояніи обители. Онъ, послѣ моего доклада, говоритъ мнѣ: «я нынѣ видѣлъ сонъ, и мнѣ сказано: берегись 19 числа » На это я замѣтилъ ему; «Владыко святый! развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какого нибудь значенія? Какъ же можно при томъ обращать вниманіе на такое неопредѣленное указаніе? Девятнадцатыхъ чиселъ въ каждомъ году бываетъ двѣнадцать.» Выслушавъ это, онъ, съ чувствомъ сердечной увѣренности, сказалъ мнѣ: «не сонъ я видѣлъ: мнѣ явился родитель мой и сказалъ мнѣ тѣ слова; я думаю съ этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Св. Таинъ.» Я сказалъ, что это желаніе доброе.

Чрезъ два дня послѣ сего, 19 Сентября, во вторникъ, во время литургіи въ домовой церкви онъ причастился Св. Таинъ. Въ Октябрѣ онъ былъ въ Москвѣ, и 19-го числа, въ четвергъ, также причащался Св. Таинъ въ своей домовой церкви. Наступало въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Ноябрѣ роковое 19-е число,—это приходилось въ воскресенье. Предъ тѣмъ все время Владыка чувствовалъ себя хорошо и легко, принималъ посѣтителей, ревностно занимался дѣлами, выѣзжалъ иногда изъ дому. На недѣлѣ передъ 19-мъ числомъ онъ принималъ одного изъ своихъ почитателей, который, при прощаньи, передалъ ему просьбу одной почтенной дамы, также уважавшей святителя, что она желала бы быть у него и принять его благословленіе. Владыка сказалъ: «Пусть

пріѣдетъ, только прежде 19-го числа.» Такъ глубоко укоренилась въ немъ мысль о девятнадцатомъ числѣ!

18-го Ноября, въ субботу, Владыка говоритъ своему келейному іеродіакону Парѳенію, что завтра онъ будетъ служить литургію въ своей домовой церкви, и чтобъ все было приготовлено къ служенію. Старикъ Парѳеній, отличающійся прямотой и откровенностію, рѣшился замѣтить Владыкѣ, что онъ утомится отъ служенія, и не будетъ пожалуй служить во Введеньевъ день, что лучше бы тогда отслужилъ. Но Владыка сказалъ ему: «это не твое дѣло: скажи,что я завтра служу.»

Онъ отслужилъ литургію, и въ роковое 19-е число скончался».

Это извѣстіе, напечатанное въ сочиненіи Н. В. Сушкова — О жизни Митрополита Филарета — я слышалъ также самъ изъ устъ отца Архимандрита. О свѣжести, бодрости его въ послѣдніе дни я могу также самъ засвидѣтельствовать. За три дня предъ кончиною, въ четвергъ, мнѣ случилось провесть у него больше часа. Я поѣхалъ изъ дома собственно навѣстить больнаго Рахманова. Не найдя его въ квартирѣ, (имъ перемѣненной на Самотекѣ въ сосѣдствѣ, съ Троицкимъ подворьемъ) я вздумалъ заѣхать къ Митрополиту, котораго еще не видалъ по возвращеніи изъ путешествія въ Іерусалимъ. Митрополитъ меня принялъ, разспрашивалъ объ Святой землѣ а на извѣстіе мое о распрѣ въ Александрійскомъ Патріархатѣ разсказалъ мнѣ такія подробности, какихъ я не зналъ. Возвратясь домой, я сказалъ домашнимъ, что давно не слыхалъ я отъ митрополита такой твердой и чеканной рѣчи; онъ какъ будто помолодѣлъ, и черезъ три дня онъ скончался.

(Смотри первый нумеръ Современныхъ извѣстій).

«Первая супруга Карамзина скончалась въ 1802 году,» разсказываетъ М. А. Димитріевъ въ своихъ запискахъ, «Карамзинъ любилъ ее страстно. Видя безнадежность больной, онъ то рвался къ ея постели, то отрываемъ былъ срочною работою журнала, который составлялъ его доходъ, и былъ необходимымъ для семейства. Это было мучительное время его жизни. Утомленный, измученный, бросился онъ на диванъ и заснулъ. Вдругъ видитъ въ снѣ, что онъ стоитъ у вырытой могилы, а по другую сторону Екатерина Андреевна, (на которой онъ послѣ женился), и черезъ могилу подаетъ ему руку. Этотъ сонъ тѣмъ страннѣе, что въ эти минуты, занятый умирающею женою, онъ не могъ и думать о другой женитьбѣ, и не воображалъ жениться на Екатеринѣ Андреевнѣ. Онъ самъ разсказывалъ этотъ сонъ моему дядѣ. На Екатеринѣ Андреевнѣ онъ женился въ 1804 году.»

(Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій въ письмѣ своемъ ко мнѣ замѣчаетъ объ этомъ извѣстіи:

«Признаюсь, я не вѣрю, и никогда не слыхалъ о немъ ни дома, ни отъ Дмитріева. Мих. Александровичъ вѣроятно что-нибудь похожее слыхалъ, и память его переиначила разсказъ, а вотъ что было. Вскорѣ по кончинѣ матушки моей, отецъ мой взялъ насъ, т. е. меня, Екатерину Андреевну, и сестру мою, что была послѣ за Кн. Алексѣемъ Шербатовымъ, и отправились мы послѣ обѣда за городъ, кажется, въ Свиблово. Оказалось, что отецъ мой хотѣлъ навѣстить Карамзина, у котораго жена была опасно больна. Пріѣхавъ на мѣсто, отецъ вышелъ изъ кареты и пошелъ къ дому, занимаемому Карамзинымъ. Мы остались въ каретѣ. Четверть часа спустя проѣхали мимо насъ дрожки, а на дрожкахъ гробъ. Екатерина Андреевна послала лакея нашего узнать, для кого этотъ гробъ. Лакей возвратился и сказалъ: барыня приказала долго жить. Это выраженіе, въ первый разъ слышанное мною, врѣзалось въ меня и поразило меня. Мнѣ было тогда лѣтъ десять.»

«Если припоминать всѣ обстоятельства и соображать минувшее съ настоящимъ,» говорила мать Марія, (въ мірѣ Ген. Тучкова, урожденная Нарышкина, основательница Бородинскаго монастыря), «то много откроется необычайнаго, чему даже трудно повѣрить, если бы не существовали еще живые свидѣтели. — Нѣчто особенное, можно сказать роковое, влекло меня къ Бородину, и мѣсто сіе было мнѣ указано, когда еще никто не слыхалъ, что есть урочище Бородинское. Я была вполнѣ счастлива мужемъ и сыномъ, когда однажды приснилось, за годъ моей горькой потери, будто отецъ мой приноситъ ко мнѣ въ спальню одного моего младенца и говоритъ: «вотъ все, что тебѣ осталось!» и въ тоже время мнѣ послышался тайный голосъ; «участь твоя рѣшится въ Бородинѣ:» Помню, что, проснувшись въ большомъ волненіи, я разсказала мужу то, что видѣлось мнѣ во снѣ, и онъ припи-

салъ это игрѣ пылкаго воображенія. Намъ любопытно было узнать, что это за урочище Бородинское, которымъ мнѣ угрожалъ сонъ? и мы напрасно искали его въ окрестностяхъ нашего полка, который тогда былъ расположенъ недалеко отъ западной границы. Кому могло придти на мысль искать Бородино на Смоленской дорогѣ близъ Москвы? — Когда же совершилось страшное событіе, я была при отцѣ моемъ, и онъ дѣйствительно пришелъ мнѣ объявить потерю мужа, съ младенцемъ на рукахъ, говоря: «вотъ все, что тебѣ осталось!» Тогда опять повторилось мнѣ роковое имя Бородина:—какъ объяснить такое горькое предчуствіе?»

(Путешествіе по Святымъ мѣстамъ Русскимъ. Томъ I-й. С. 262. Бородино. У меня есть письмо о томъ же матери игумена, но я не могу теперь отыскать его въ своихъ бумагахъ.)

Анна Николаевна Веневитинова, благословляя предъ кончиною меньшаго сына своего, Алексѣя Владимировича, сказала умирающимъ голосомъ: Богъ благословитъ тебя и Аполлинарію.

Послѣ А. В. Веневитиновъ дѣйствительно женился на графинѣ Аполлинаріи Михайловнѣ Вільгорской.

Это разсказывалъ мнѣ самъ А. В. В., и, кажется, говорилъ мнѣ, что мать его не имѣла никакого понятія о будущей его невѣстѣ и женѣ. Но въ послѣдствіи времени, графъ Е. Е. Комаровскій, зять ея, разсказывалъ мнѣ, что была въ семействѣ мысль объ этомъ бракѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ вѣрно то, что не было ничего не только рѣшительнаго, но дѣло и не начиналось при жизни Анны Николаевны.

ПРЕДСКАЗАНІЯ.

Въ 1827 году, во время изданія мною Московскаго Вѣстника, въ которомъ Пушкинъ принималъ дѣятельное участіе, онъ далъ мнѣ напечатать эпиграмму, написанную имъ на одного молодаго человѣка, выступившаго тогда на литературное поприще, по поводу поврежденной имъ статуи Аполлона Бельведерскаго, на вечерѣ у Княгини З. В. Волхонской.

день отправлялся за границу: онъ заѣзжалъ проститься съ Пушкинымъ и заплатилъ ему какой-то карточный долгъ еще школьной ихъ шалости. Г-жа Киргофъ предсказала Пушкину разныя обстоятельства, съ нимъ въ послѣдствіи сбывшіяся, предсказала его женитьбу и наконецъ преждевременную смерть, предупредивши, что долженъ ожидать ее отъ руки высокаго бѣлокураго человѣка"

„Пушкинъ, и безъ того нѣсколько суевѣрный, былъ пораженъ постепеннымъ исполненіемъ этихъ предсказаній, и часто объ этомъ разсказывалъ".

Это свидѣтельство Льва Сергѣевича Пушкина.

Вотъ подробности, изложенныя въ статьѣ г. Бартенева.

....„Кажется, къ этому времени слѣдуетъ отнести столь извѣстное предсказаніе гадальщицы, которое, къ нашему горю, сбылось во всей точности."

Едва ли найдется кто-либо не только изъ друзей Пушкина, но даже изъ людей, часто бывавшихъ съ нимъ вмѣстѣ, кто бы не слыхалъ отъ него болѣе или менѣе подробнаго разсказа объ этомъ случаѣ, который потому и принадлежитъ къ весьма не многому числу загадочныхъ, но въ то время достовѣрныхъ происшествій. Во всякой искренней бесѣдѣ Пушкинъ воспоминалъ о немъ, и особенно когда заходилъ разговоръ о наклонности его къ суевѣрію и о примѣтахъ. Такъ между прочимъ въ 1833 году, въ Казани, онъ передавалъ его извѣстной писательницѣ, Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ, которая и сообщила его публикѣ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ". *

„Поздно вечеромъ, за ужиномъ, разговорившись о магнетизмѣ и о своей вѣрѣ въ него, Пушкинъ началъ такъ разсказывать г-жѣ Фуксъ и ея мужу: Быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ** ходить по Невскому проспекту,

*) См. „Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ" Александры Фуксъ. Казань. 1844, брошюра изъ 2-го прибавленія къ „Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ."

**) Вѣроятно съ Никитой Всеволодовичемъ Всеволожскимъ.

изъ проказъ зашли къ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы», сказала она мнѣ, «на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который вамъ будетъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги; третіе, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью.»

„Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи, и о гадальщицѣ. Но спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ Проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ, при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ, и перешелъ служить въ Петербургъ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ, увѣряя меня, что Цесаревичъ этого желаетъ. Вотъ первый разъ послѣ гаданья, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами — и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я обыгралъ: онъ, получа послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, котораго я не только не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію и я въ этомъ совершенно увѣренъ“.

„Этотъ разсказъ, въ вѣрности передачи котораго ручается благоговѣйное уваженіе г-жи Фуксъ къ памяти Пушкина, далеко не полонъ. Изъ достовѣрныхъ показаній друзей поэта оказывается, что старая Нѣмка, по имени Киргофъ, къ числу разныхъ промысловъ которой принадлежали ворожба и гаданье, сказала Пушкину: Du wirst zwei Mal verbannt sein, du wirst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirst du sehr lange leben, doch in deinem 37 Jahre fürchte dich vor einem weissen Menschen, einem weissem Rosse, oder einem weissem Kopfe, т. е. ты будешь два раза жить въ изгнаніи, ты будешь кумиромъ своего

народ» можетъ-быть ты проживешь долго; но на 37 году жизни берегись бѣлаго человѣка, бѣлой лошади или бѣлой головы. По свидѣтельству Льва Сергѣевича, предсказана была и женитьба".

„Поэтъ твердо вѣрилъ предвѣщанію во всѣхъ его подробностяхъ, хотя иногда шутилъ, вспоминая о немъ. Такъ, говоря о предсказанной ему народной славѣ, онъ, смѣючись, прибавлялъ, разумѣется въ тѣсномъ пріятельскомъ кружкѣ: „А вѣдь предсказаніе сбывается, что ни говорятъ журналисты." По свидѣтельству покойнаго П: В. Нащокина, въ концѣ 1830 года, живя въ Москвѣ, раздосадованный разными мелочными обстоятельствами, онъ выразилъ желаніе ѣхать въ Польшу, чтобы тамъ принять участіе въ войнѣ: въ непріятельскомъ лагерѣ находился кто-то по имени Вейскопфъ (бѣлая голова), и Пушкинъ говорилъ другу своему: „Посмотри, сбудется слово Нѣмки, — онъ непремѣнно убьетъ меня"

Нужно ли прибавлять, что настоящій убійца дѣйствительно бѣлокурый человѣкъ, и въ 1857 году носилъ бѣлый мундиръ?"

„Изъ этихъ разсказовъ всѣхъ подробнѣе и вѣрнѣе изложеніе Бартенева. Въ многолѣтнюю мою пріязнь съ Пушкинымъ. (замѣчу, что мои свиданія и сношенія съ нимъ длились *позднѣе* сношеній и госпожи Фуксъ, и Вульфа, и Льва Пушкина), я часто слышалъ отъ него самого объ этомъ происшествіи; онъ любилъ разсказывать его въ отвѣтъ на шутки, возбуждаемыя его вѣрою въ разныя примѣты. Сверхъ того, онъ, въ моемъ присутствіи, не разъ разсказывалъ объ этомъ именно и при тѣхъ лицахъ, которыя были у гадальщицы при самомъ гаданіи, при чемъ ссылался на нихъ. Для провѣрки и пополненія напечатанныхъ уже разсказовъ, считаю нужнымъ присоединить все то, о чемъ *помню положительно* въ дополненіе прежняго, возстановляя то, что въ нихъ перебито или перевначено."

„Предсказаніе было о томъ *вопервыхъ*, что онъ скоро получитъ деньги; *во-вторыхъ*, что ему будетъ сдѣлано неожиданное предложеніе, *въ третьихъ*, что онъ прославится и будетъ кумиромъ соотечествен-

никовъ; *въ четвертыхъ*, что онъ дважды подвергнется ссылкѣ; наконецъ, что онъ проживетъ долго, если на 37-мъ году возраста не случится съ нимъ никакой бѣды отъ бѣлой лошади, или бѣлой головы, или бѣлаго человѣка (weisser Ross, weisses Kopf, weisser Mensch), которыхъ и долженъ онъ опасаться".*

„Первое предсканіе о письмѣ съ деньгами сбылось въ тотъ же вечеръ; Пушкинъ, возвратясь домой, нашелъ совершенно неожиданное письмо отъ лицейскаго товарища, который извѣщалъ его о высылкѣ карточнаго долга, забытаго Пушкинымъ. Товарищъ этотъ былъ — Корсаковъ, вскорѣ потомъ умершій въ Италіи.

Такое быстрое исполненіе перваго предсказанія сильно поразило Александра Сергѣевича; не менѣе странно было для него и то, что, нѣсколько дней спустя, въ театрѣ его подозвалъ къ себѣ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ, (впослѣдствіи князь), и сталъ отговаривать его отъ поступленія въ гусары, о чемъ уже прежде была у него рѣчь съ П. Д. Киселевымъ, а напротивъ предлагалъ служить въ конной грардіи."

Вскорѣ послѣ этого, Пушкинъ былъ отправленъ на югъ, а оттуда, черезъ 4 года, въ Псковскую деревню, что и было *вторичною* ссылкою. Какъ же ему, человѣку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказанія, которое дотолѣ исполнялось съ такою буквальною точностію??? Послѣ этого удивительно ли и то, о чемъ разсказывалъ Бартеневу Павелъ Воиновичъ Нащокинъ? Прибавлю слѣдующее: я какъ то изъявилъ свое удивленіе Пушкину о томъ, что онъ отстранился отъ масонства, въ которое былъ принятъ и что онъ не принадлежалъ ни къ какому другому тайному обществу. "Это все таки вслѣдствіе предсказанія о бѣлой головѣ," отвѣчалъ мнѣ Пушкинъ. — Развѣ ты не знаешь, что всѣ филантропическія и гуманитарныя тайныя общества, даже и самое масонство, получили отъ Адама Вейсгаупта направленіе, подозрительное и враждебное существующимъ государственнымъ

*) О предсказаніи касательно женитьбы мнѣ ничего не помнятся, хотя объ немъ упомянуто въ статьѣ Льва Сергѣевича. С. С.

порядкамъ? Какъ же мнѣ было приставать къ нимъ? Weiskopf, Weishaupt, одно и тоже.“

„Вотъ еще разсказъ въ томъ же родѣ незабвеннаго моего друга не разъ слышанный мною при постороннихъ лицахъ.

„Извѣстіе о кончинѣ Императора Александра Павловича и о происходившихъ вслѣдствіе оной колебаніяхъ по вопросу о престолонаслѣдіи дошло до Михайловскаго около 10 Декабря. Пушкину давно хотѣлось увидаться съ его Петербургскими пріятелями. Разсчитывая, что при такихъ важныхъ обстоятельствахъ не обратятъ строгаго вниманія на его непослушаніе, онъ рѣшился отправиться туда, но какъ быть? Въ гостинницѣ остановиться нельзя — потребуютъ паспорта; у великосвѣтскихъ друзей тоже опасно — огласится тайный пріѣздъ ссыльнаго. Онъ положилъ заѣхать сперва на квартиру къ Рылѣеву, который велъ жизнь не свѣтскую, и отъ него запастись свѣдѣніями. Итакъ Пушкинъ приказываетъ готовить повозку, а слугѣ собираться съ нимъ въ Питеръ; самъ же ѣдетъ проститься съ Тригорскими сосѣдками. Но вотъ, на пути въ Тригорское, заяцъ перебѣгаетъ черезъ дорогу; на возвратномъ пути, изъ Тригорскаго въ Михайловское — еще заяцъ! Пушкинъ въ досадѣ пріѣзжаетъ домой: ему докладываютъ, что слуга, назначенный съ нимъ ѣхать, заболѣлъ вдругъ бѣлою горячкой. — Распоряженіе поручается другому. Наконецъ, повозка заложена, трогаются отъ подъѣзда. Глядь въ воротахъ встрѣчается священникъ, который шелъ проститься съ отъѣзжающимъ бариномъ. Всѣхъ этихъ встрѣчъ — не подъ силу суевѣрному Пушкину; онъ возвращается отъ воротъ домой, и остается у себя въ деревнѣ.

„А вотъ каковы бы были послѣдствія моей поѣздки,“ прибавлялъ Пушкинъ. „Я разсчитывалъ пріѣхать въ Петербургъ поздно вечеромъ, чтобы не огласился слишкомъ скоро мой пріѣздъ, и слѣдовательно попалъ-бы къ Рылѣеву прямо на совѣщаніе 13-го Декабря. Меня приняли бы съ восторгомъ; вѣроятно я забылъ бы о Вейсгауптѣ, и попалъ

бы съ прочими на Сенатскую площадь, и не сидѣлъ бы теперь съ вами, мои милые!“

Объ этомъ же обстоятельствѣ передаетъ Мицкевичъ, въ своихъ лекціяхъ о Славянской литературѣ, и вѣроятно со словъ Пушкина, съ которымъ онъ часто видался.» (Изд. 1860 г. IX, 293).

Предсказаніе С. И. Муравьеву-Апостолу.

«Сергѣй Иванович Муравьевъ-Апостолъ, служившій въ гвардіи, зашелъ однажды, во время занятія Парижа нашими войсками, къ знаменитой предсказательницѣ Ленорманъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей. Оба офицера спросили о своей судьбѣ. Вы оба умрете насильственною смертію, отвѣчала гадальщица. Обратясь къ Муравьеву, она сказала: «Вы будете повѣшены.» Вѣрно вы считаете меня за Англичанина, замѣтилъ ей Муравьевъ, (я Русскій), и у насъ отмѣнена смертная казнь.

Однакожъ эта ужасная судьба постигла, какъ извѣстно, несчастнаго Муравьева.

(Разсказъ записанъ былъ Катериной Ѳедоровной Муравьевой, вдовою незабвеннаго Михаила Никитича, со словъ самаго С. И. Муравьева, задолго до его ужасной катастрофы).

Товарищъ Муравьева застрѣлился вслѣдствіе какого-то несчастія. (Русскій Архивъ, 1871, № 1, с. 262).

П. Г. Каховскому.

«Въ 1816 г., въ Лейбъ Гвардіи егерскій полкъ опредѣлился юнкеромъ Петръ Григорьевичъ Каховскій, родомъ небогатый дворянинъ Смоленской губерніи.» Такъ разсказываетъ въ Русской старинѣ (сентябрь, 1874 г. с. 179) И. М. Новицкій.» По просьбѣ его родныхъ, командиръ 1-го баталіона, полковникъ Свѣчинъ, пріютилъ Каховскаго у себя

на квартирѣ, въ одномъ изъ нумеровъ дома Гарновскаго. Я помѣщался съ Каховскимъ въ одной комнатѣ, скромно меблированной. Это было въ великомъ посту. Тогда, къ Свѣтлому празднику, гвардейскіе офицеры, имѣвшіе, по большой части, собственные экипажи, заказывали себѣ новые, покупали лошадей, сбруи. И къ полковнику Свѣчину пришелъ каретникъ, высокій мужчина, брюнетъ, съ живыми черными глазами. Помню, какъ теперь, когда онъ, не заставъ полковника дома, вошелъ въ нашу комнату: мы съ Каховскимъ лежали на своихъ кроватяхъ, онъ читалъ книгу, я, тоже тогда юнкеръ, готовилъ урокъ къ завтрашнему дню; было тутъ еще два - три человѣка посторонннихъ. Каретникъ стоялъ нѣсколько времени недвижно, всматриваясь попеременно, то въ меня, то въ Каховскаго, и вдругъ произнесъ:

— «Вотъ что я вамъ скажу: одинъ изъ васъ будетъ повѣшенъ, другой—пойдетъ своей дорогою».

Мы улыбнулись, не обративъ на это предсказаніе никакого вниманія. Однако же оно, въ отношеніи Каховскаго, черезъ десять лѣтъ вполнѣ оправдалось. Въ томъ же 1816 г., Каховскій, за какую-то шалость разжалованный въ рядовые, былъ сосланъ на Кавказъ въ линейные батальоны. По протекціи былъ переведенъ въ кавалерійскій полкъ; въ двадцатыхъ годахъ дослужился до поручика, принималъ дѣятельное участіе въ событіи 14-го декабря, и 13-го Іюля 1826 г. подвергся участи, предсказанной ему каретникомъ.

Свадьба Н. А. Майкова.

«Наше семейство», такъ разсказываетъ извѣстный поэтъ нашъ Н. В. Бергъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, «до явленія моего на свѣтъ, жило въ Москвѣ на Варваркѣ, въ домѣ Насонова, (потомъ Гурьяндье), гдѣ была помѣщена строительная комиссія по храму Христа-Спасителя. Отецъ мой былъ тамъ казначеемъ. Къ намъ въ домъ хаживалъ молодой, красивый гусаръ, Николай Аполлоновичъ Майковъ, сынъ

директора театровъ. Они сошлись съ моимъ отцемъ вслѣдствіе общей страсти къ изящнымъ искусствамъ. Отецъ мой любилъ поэзію и живопись. Майковъ былъ самъ художникъ, живописецъ-самоучка, позже получившій званіе академика. И наше семейство, и Майковы, были знакомы съ домомъ Гусятниковыхъ, людей чрезвычайно богатыхъ. Гусаръ Майковъ ухаживалъ за одной изъ дочерей Гусятникова, имѣя въ виду на ней жениться, но большихъ надеждъ не было. Женихамъ, вслѣдствіе значительнаго приданаго невѣстъ, въ домѣ Гусятниковыхъ не было отбою. Разъ, въ дурномъ расположеніи духа гусаръ приходитъ къ намъ, и застаетъ въ домѣ одну мою матушку, простую Русскую женщину, родомъ Сибирячку. Она сейчасъ замѣтила, что онъ разстроенъ, и спросила: «Что съ вами, Николай Аполлоновичъ?»—«Плохи мои дѣла, Анна Ефремовна: нѣтъ никакой надежды!»—«Чтожъ, отказали?»—«Нѣтъ, я еще не дѣлалъ предложенія, но по всему видно, что тому не бывать...» «Какъ загадывать впередъ,» возразила ему моя матушка: «кто знаетъ, что случится, хотите, я вамъ погадаю?»—«Какой изъ этого будетъ толкъ?... впрочемъ, погадайте.»—«А какъ я выгадаю вамъ сватьбу и она сбудется?»—«Что-жъ, я вамъ скажу великое спасибо; больше мнѣ нечего сдѣлать.» — «Если я выгадаю вамъ свадьбу, напишете мой портретъ?»—«Съ величайшимъ удовольствіемъ. О такихъ пустякахъ нечего и толковать.» Матушка разложила карты по мѣсяцамъ. Былъ, кажется, Апрѣль. «Въ Сентябрѣ, сказала она, будетъ ваша свадьба!...« Дни потекли за днями. Гаданье было забыто. Майковъ являлся по прежнему въ нашемъ домѣ, то веселый, то грустный—смотря по ходу его дѣлъ въ семействѣ Гусятниковыхъ. Такъ подошелъ Сентябрь, — и Майковъ, неожиданно для него самого, женился на Евгеніи Петровнѣ Гусятниковой, взявъ за нею большое приданое; — портретъ моей матушки былъ написанъ и хранится въ нашемъ семействѣ.»

«Скопцы, (привезенные изъ Динабургской крѣпости по повелѣнію И. Павла), просили и умоляли Гине, офицера, который привезъ ихъ и былъ знакомъ Г. Лубяновскому, какъ они къ Государю другой дороги не имѣли, сказать Его Величеству, чтобъ изволилъ глядѣть въ оба, а не остережется, то кончитъ, какъ и не помышляетъ—и то не за горами. Съ такою увѣренностію, говорилъ Гине, они предсказывали, что волосы у него дыбомъ стали на головѣ; не зналъ на что рѣшиться; вспомнилъ о женѣ и о дѣтяхъ, зажалъ себѣ ротъ, глаза, и уши, и уѣхалъ».

«Арестантъ Авель содержался въ Шлиссельбургѣ за какія-то пророчества. Захотѣли (И. Павелъ?) говорить съ нимъ; спрашивали его о многомъ, изъ любопытства и о себѣ. При разсказѣ Императора объ этомъ разговорѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, съ трепетомъ она зарыдала, испуганная и разстроенная.»

(Изъ записокъ сенатора Лубяновскаго).

«У отца моего,» говоритъ Н. И. Гречъ въ своихъ запискахъ, «былъ добрый пріятель, нѣкто Штольцъ, служищій при театрѣ, и нерѣдко снабжавшій матушку билетами на ложи. У него была сестра, помнится, Елисавета Петровна; старая, высокая, сухая, но умная и рѣшительная дѣва, знаменитая въ свое время ворожея. Не имѣя долго извѣстій о мужѣ, матушка начала было безпокоиться, и попросила Елисавету Петровну поворожить ей. Елисавета Петровна, разложивъ карты, въ туже минуту сказала: «Не тревожьтесь: Иванъ Ивановичъ здоровъ и пріѣдетъ сегодня.» Матушка засмѣялась. «Не вѣрите, Катерина Яковлевна?» возразила ворожея.—«Я останусь у васъ, чтобъ быть свидѣтельницею его пріѣзда.» Онѣ поужинали, и, готовясь идти спать, матушка стала смѣяться надъ ея предсказаніемъ.—«Не смѣйтесь, К. Я., еще день не прошелъ: только половина двѣнадцатаго.» Въ эту самую минуту послышался конскій топотъ, стукъ колесъ и звонъ колокольчика. Дорожная повозка остановилась у крыльца. Онѣ выбѣжали на встрѣчу—это былъ ихъ путешественникъ!»

(Изъ записокъ А. Н. Величкова.)

«Смоленской губерніи, Гжатскаго уѣзда, въ имѣніи Мальцева, сельцѣ Новомъ, была помѣщена безплатно земская аптека, а при ней жилъ фельдшеръ Данила Алексѣевъ Ивановъ съ женою, теткою и двумя дѣтьми, изъ коихъ старшей дочери Аннѣ было 4 года. У управляющаго имѣніемъ г. Малышева также была дочь Анна лѣтъ 4-хъ же. По случаю, Октября сего 1873 г., аптеку переводили въ с. Воргано, Гг. Ильиныхъ. Когда выѣзжалъ изъ Новаго фельдшеръ Ивановъ, то дочь его Анна сказала: «Мамаша, пойдемте къ Анночкѣ, (дочери управляющаго, съ которымъ Ивановъ былъ въ ссорѣ), простимся!»— «Зачѣмъ это?» мать ей въ отвѣтъ.—«Надо проститься, она умретъ скоро.» - «Что ты болтаешь», сказала въ отвѣтъ ей мать. Это слышало все мое семейство и прислуга. Н. Я. съ фельдшеромъ Ивановымъ жилъ въ одномъ зданіи при общей кухнѣ и передней, служа, и въ настоящую минуту, конторщикомъ с. Новаго, а жена моя сказала тогда же: «не напрочила бы Аннушка». «Всѣ были здоровы въ Новомъ, но вдругъ дочь управляющаго Малышова *Анночка* захворала скарлатиною, и недѣли чрезъ двѣ не болѣе, послѣ отъѣзда Иванова изъ Новаго, умерла.—Прочіе больные выздоровѣли. Свидѣтели этого случая всѣ до одного живы.»

«Въ 1858 г. жена моя, бывши въ дѣвицахъ, жила въ Можайскѣ, гдѣ былъ юродивый, имени коего она не припомнитъ, который, встрѣтивъ ее, сказалъ: «а, толстуха, (она была собою полная), ее надобно замужъ, да во Гжатскъ.» Надобно сказать, что Можайки во Гжатскъ замужъ не выходили, и вообще сообщенія не было,—Гжатскъ чуть-ли не считался дальше Москвы. Я жилъ въ Можайскѣ и служилъ письмоводителемъ стряпчаго. Неожиданно послѣдовало упраздненіе, и я остался за штатомъ; случайно мнѣ вышло мѣсто въ с. Новое, Гжатскаго уѣзда, а потомъ пришлось жить и въ самомъ Гжатскѣ 8 мѣсяцевъ гдѣ я и женился 1866 въ году, на моей женѣ: предсказаніе сбылось.»

Способность видѣть впередъ.

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ, магистръ Московскаго Университета, извѣстный Одесскій археологъ, былъ очень друженъ съ Михайломъ Михайловичемъ Кирьяковымъ, воспитанникомъ также Московскаго Университета, извѣстнымъ дѣятелемъ Новороссійскимъ. Кирьяковъ занемогъ опасно въ 1835 году, а Мурзакевичу надо было ѣхать въ Ростовъ, по дѣламъ службы, разбирать архивъ. Онъ поѣхалъ. Однажды случилось ему обѣдать тамъ въ веселомъ обществѣ. Послѣ обѣда вдругъ напала на него тоска и онъ ушелъ прогуляться въ саду. Слезы полились у него невольно изъ глазъ, оглянулся, — и увидѣлъ погребальную процессію по аллеѣ.

Чрезъ нѣсколько времени онъ получаетъ извѣстіе объ отчаянномъ положеніи своего друга, спѣшитъ въ Одессу, и на четвертый день пріѣзжаетъ туда изъ Ростова. Кирьяковъ жилъ на дачѣ, домъ находился въ саду далеко отъ воротъ, за многими дорожками. Мурзакевичъ подъѣхалъ тихо, вышелъ изъ экипажа, и пошелъ пѣшкомъ, остановился на дорогѣ собраться съ духомъ. Кирьяковъ въ эту минуту говоритъ сестрамъ, его окружавшимъ: «Мурзакевичъ пріѣхалъ.» — «Нѣтъ,» отвѣчаютъ онѣ ему, «не пріѣзжалъ»—«Пріѣхалъ», повторяетъ онъ,—и чрезъ пять минутъ входитъ дѣйствительно Мурзакевичъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, которые разсказали ему послѣ о слышанномъ отъ больнаго.

Кирьяковъ вскорѣ скончался. Тѣло было вынесено черезъ садъ, и Мурзакевичъ увидѣлъ здѣсь аллею и ту процессію, которая представилась его воображенію за нѣсколько дней.

(Разсказано мнѣ Н. Н. Мурзакевичемъ, и записано мною; послѣ прочитано ему Мая 19, 1872 г. и исправлено по его словамъ).

Отецъ А. И. Кошелева, племянникъ Графа А. А. Мусина-Пушкина, бывшаго посломъ въ Лондонѣ, привезъ къ своему дядѣ депеши. Возвратясь отъ него на свою квартиру, въ первую ночь онъ видитъ во снѣ,

что его зовутъ къ послу; онъ идетъ и встрѣчается словами: «ну, братъ, отдыхать тебѣ некогда, а долженъ отправиться ты назадъ въ Парижъ съ моими отвѣтами.» Онъ видитъ, что пріѣзжаетъ въ Дувръ, но ни одинъ корабль не пускается оттуда въ море, которое сильно волновалось. Отыскался однакожъ капитанъ, который обѣщался доставить его въ Кале. Они отправились, противный вѣтеръ не унимался, ломается мачта и корабль подвергается опасности...

Въ эту минуту его будятъ, и зовутъ дѣйствительно къ послу, который встрѣчаетъ его именно словами, слышанными во снѣ. Далѣе произошло послѣ все именно такъ, какъ онъ видѣлъ во снѣ: онъ отправляется изъ Дувра во время бури, корабль подвергается опасности, мачта была точно сломана, но наконецъ они достигаютъ берега.

(Разсказано мнѣ А. И. Кошелевымъ, который слышалъ объ этомъ случаѣ нѣсколько разъ отъ своей матери).

Изъ записокъ Владимира Николаевича Панаева.

«Отъѣзжая въ прошедшемъ году въ отпускъ, я просилъ Александра Максимовича Княжевича, принять на себя трудъ наблюсти за печатаніемъ моего сочиненія: «Похвальное слово князю Кутузову-Смоленскому,» просматривать корректуру, а по отпечатаніи—разослать нѣсколько хорошо переплетенныхъ экземпляровъ извѣстнымъ лицамъ, по оставленному мною списку; въ томъ числѣ два экземпляра къ Николаю Михайловичу Лонгинову—одинъ собственно для него, а другой—для представленія Государынѣ, такъ какъ я, тронутый прежнимъ Ея ко мнѣ вниманіемъ, считалъ себя обязаннымъ сдѣлать это. Добрый другъ мой исполнилъ все къ моему возвращенію; не успѣлъ только разослать назначенныхъ экземпляровъ, что уже и стало личною моею заботою. Къ тому, другому посылаю въ пакетахъ съ курьерами, къ Красовскому везу три экземпляра для него, и, какъ упомянуто выше, для Лонгинова и для Императрицы. Спустя недѣлю вижу сонъ, (подъ

утро 2 Мая), будто входитъ ко мнѣ придворный лакей и подаетъ красную сафьянную коробочку; раскрываю, — три бриллiантовые кружка. Въ это самое время, (въ 8 часовъ утра), человѣкъ мой будитъ меня, говоря, что пріѣхалъ придворный ѣздовой. Надѣваю халатъ; выхожу; ѣздовой подаетъ мнѣ пакетъ; распечатываю—письмо отъ Лонгинова съ препровожденіемъ фермуара, пожалованнаго Императрицею моей невѣстѣ! Раскрываю красный сафьянный футляръ — вижу фермуаръ, составленный изъ трехъ совершенно круглыхъ частей, (средняя по больше боковыхъ), точно такихъ, какія видѣлъ я во снѣ! Чѣмъ объяснить этотъ сонъ, такъ вѣрно и такъ быстро сбывшійся? Тѣмъ, что можетъ быть я много думалъ о посланномъ мною къ Государынѣ экземплярѣ, надѣялся на новую отъ нея милость? Нѣтъ; во-первыхъ потому, что это сочиненіе было посвящено Государю Императору и поднесено ему оффиціально Министромъ просвѣщенія: слѣдственно, отъ него только могъ я надѣяться какого-либо вниманія; наградить меня было дѣло его, а не Императрицы: съ Ея стороны, видя при книгѣ печатное посвященіе августѣйшему супругу, весьма достаточно было ограничиться милостивымъ словомъ чрезъ Лонгинова, чего только я и надѣялся; во-вторыхъ, я въ то время такъ былъ занятъ множествомъ приготовленій къ свадьбѣ, (мнѣ не хотѣлось ударить лицомъ въ грязь предъ будущимъ моимъ тестемъ, человѣкомъ роскошнымъ, и предъ такимъ городомъ, какъ Казань); въ третьихъ настоящія событія такъ вообще были важны, и для меня лично такъ интересны, что все другое мало меня занимало. Да и могло ли придти въ голову, чтобы Императрица оказала мнѣ такую необыкновенную милость, какой могъ быть удостоенъ развѣ человѣкъ самый къ ней близкій, значительный? Всѣ мои знакомые были изумлены и тронуты. Выходитъ, что сонъ этотъ принадлежитъ къ числу многихъ подобныхъ неизъяснимыхъ явленій нашей жизни, гдѣ гордый, пытливый умъ человѣческій долженъ умолкнуть...»

Вотъ что разсказывалъ мнѣ Карповъ, Ир. Ив., мой товарищъ въ гимназіи, послѣ полковникъ, кажется, генеральнаго штаба, служившій на Кавказѣ еще при Ермоловѣ, переводчикъ перваго на Русскомъ языкѣ Валтеръ Скоттова романа, Кенильворта:

Мать его была больна чахоткою, лечилась въ Москвѣ, и рѣшилась наконецъ ѣхать въ свою деревню за 100 верстъ отсюда. Спустя четыре дня послѣ ея отъѣзда, онъ видитъ во снѣ, что пріѣзжаетъ самъ къ ней. Сестры въ черномъ платьѣ. Онъ пугается, спрашиваетъ причину, не умерла ли она? Нѣтъ, отвѣчаютъ ему, но очень плоха. Онъ входитъ къ ней, она лежитъ на софѣ въ сестрицной комнатѣ, въ которой онъ ее никогда не видывалъ, и никакъ не могъ предполагать, чтобъ она перешла, ибо имѣла свою особенную, въ которой всегда жила, близъ нея скамейка, зеркало и проч. «Что вы, маменька», спросилъ онъ ее?—«Ничего, мой другъ, я еще довольно хороша», —при этихъ словахъ онъ проснулся. Во время обѣда пріѣзжаетъ къ нему эстафетъ съ извѣстіемъ, что его мать скончалась. Онъ спѣшитъ къ сестрамъ и находитъ комнату совершенно въ томъ видѣ, какъ она представлялась ему во снѣ. Таже софа, тоже зеркало, скамейка; всѣ малѣйшія подробности о положеніи, въ коемъ мать умерла, разсказанныя ему сестрами, совершенно тѣже, кои видѣлъ онъ во снѣ. (Записано мною 1821 г. Ноября 17, а слышалъ 13).

«Прослуживъ 5 выборовъ ктиторомъ при Церкви Св. Троицы, что на Капелькахъ,» пишетъ ко мнѣ М. М. Евреиновъ, «оставилъ я эту службу, потому что переселился въ свою Подмосковную, гдѣ проживъ довольно долго, возвратился въ Москву; по пріѣздѣ въ свой домъ, спрашивалъ оставшихся въ домѣ людей, нѣтъ ли чего новаго? Мнѣ отвѣчали, что новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что на дняхъ схоронили Татьяну Сергѣевну. Я спросилъ, кто такая Татьяна Сергѣевна, и мнѣ отвѣчаютъ: бывшая при церкви просфирня, о которой я совсѣмъ забылъ, но при сихъ словахъ вспомнилъ я сонъ, который въ ту ночь предъ

тѣмъ видѣлъ, будто я вхожу въ эту самую церковь, при которой служилъ, и обратилъ взглядъ на то самое мѣсто, гдѣ я обыкновенно стоялъ: и гдѣ не подалеку отъ меня становилась и вышеупомянутая просфирня. На ея мѣстѣ стоитъ женщина смуглая и очень высокаго роста. Тогда я спросилъ, что это за женщина, которая тутъ стоитъ, и мнѣ отвѣчали, что это новая просфирня.»

«Когда мнѣ сказали о умершей, я тотчасъ вспомнилъ видѣнный сонъ, и чтобы повѣрить сей сонъ, на другой же день отправился въ туже церковь, и каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ стоящую ту самую женщину, какую я видѣлъ во снѣ, и которой прежде никогда не видывалъ!»

Изъ записокъ графини А. Д. Блудовой.

(Заря, 1871. Мартъ.)

«Есть въ Швеціи одинъ королевскій замокъ, Гринсгольмъ, извѣстный цѣлымъ рядомъ сверхъестественныхъ, или, покрайней мѣрѣ необъяснимыхъ видѣній. Батюшка еще зналъ въ Стокгольмѣ одного стараго господина въ какомъ-то придворномъ чинѣ, который имѣлъ способность предвидѣнія приближающихся въ будущемъ происшествій, то, что Шотландцы называютъ second sight, *второе зрѣніе*; я не помню имени этого человѣка, но о немъ разсказывали много странныхъ случаевъ, и батюшка часто говорилъ объ одномъ изъ нихъ, который я твердо помню. Нѣсколько лѣтъ, передъ нашимъ пребываніемъ въ Швеціи, гостилъ у дочери своей Шведской королевы, наслѣдный принцъ Баденскій, послѣ пребыванія у другой дочери, императрицы Елисаветы Алексѣевны, и уже собрался ѣхать назадъ на родину. Въ самый день отъѣзда, дворъ вмѣстѣ съ нимъ завтракалъ въ замкѣ Гринсгольмѣ, и нашъ ясновидецъ тутъ же сидѣлъ за столомъ, почти противъ принца. Во время веселаго разговора, графиня Енгстремъ, кажется, (жена министра иностранныхъ дѣлъ), или другая дама замѣтила, что ясновидецъ поблѣднѣлъ,

вздрогнулъ, сталъ пристально смотрѣть на принца и пріупылъ. Другіе этого не видали; завтракъ кончился благополучно, придворные простились съ принцемъ, и королевская семья поѣхала провожать его до моря Пока ожидали ихъ возвращенія, графиня, съ женскимъ любопытствомъ и настойчивостью, не давала покоя ясновидцу, требуя непремѣнно, чтобъ онъ разсказалъ ей, что его смутило; онъ отнѣкивался, она приставала, и, отдѣлившись отъ другихъ группъ, они остались у окна, въ виду большой дороги; тутъ наконецъ ясновидецъ рѣшился сказать своей собесѣдницѣ, что плохо принцу прійдется. Во время завтрака онъ увидѣлъ за стуломъ принца его же самого, стоящаго за нимъ,—точно живой двойникъ, но задумчивый и въ другомъ нарядѣ. Настоящій принцъ былъ въ мундирѣ шведскомъ или баденскомъ, (не помню), а привидѣніе стояло въ русскомъ мундирѣ. «Ну, что-жъ?» спросила графиня. «Не хорошо,» отвѣчалъ задумчиво тотъ. „Отъ чего не хорошо? Что же тутъ такое? Чего вы боитесь?“ „Разумѣется, ничего, все вздоръ; зачѣмъ же вы меня спрашивали?“ Онъ едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ оба они увидѣли въ окошко скачущаго опрометью верховаго. „Бѣда, бѣда,“ кричалъ онъ „скорѣе доктора, помощи! Принца опрокинули, онъ крѣпко разбился.“ Все засуетилось, бросилось на дворъ на улицу. Принца черезъ нѣсколько часовъ не стало; когда привезли тѣло, онъ былъ въ русскомъ мундирѣ: по какому-то случаю онъ, садясь въ карету, перемѣнилъ платье и надѣлъ русскій мундиръ. Такимъ образомъ, даже и въ этой подробности сбылось предсказаніе очевидца.“

„Другой необыкновенный случай разсказывали батюшкѣ очевидцы. Это уже происходило не въ замкѣ Гриппсгольмѣ, а въ Стокгольмѣ, въ королевскомъ дворцѣ. 15 Августа, 1792 года, братъ Короля Густава III, Герцогъ Зюдерманландскій, пошелъ въ кабинетъ или библіотеку Короля отдохнуть послѣ обѣда, и забылъ тамъ свой шарфъ. Вечеромъ, когда была пора отправиться въ маскарадъ, онъ вспомнилъ про шарфъ,

и послалъ пажа или камердинера за нимъ въ кабинетъ. По прошествіи нѣкотораго времени, тотъ воротился, говоря, что никакъ не могъ войдти въ комнату; замокъ у двери, должно быть, испорченъ, ключъ въ замкѣ, а повернуть никакъ нельзя. Герцогъ самъ пошелъ, и только тронулъ дверь, она отворилась, но онъ отскочилъ, ибо передъ его глазами лежала на диванѣ фигура мужская—вся въ крови, которая текла изъ свѣжей раны. Лица не видать было, но ему казалось, что это или онъ самъ, или Король. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ подошелъ къ дивану, видѣніе уже изчезло. Онъ схватилъ свой шарфъ и поспѣшилъ въ маскарадъ. На этомъ маскарадѣ братъ его, Король Густавъ III, былъ смертельно раненъ изъ пистолета графомъ Анкарстремомъ, и раненаго принесли для первой перевязки въ тотъ самый кабинетъ, и положили на тотъ самый диванъ, гдѣ братъ видѣлъ его образъ или тѣнь, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.“

„По случаю одной подробности этого происшествія, именно той, что дверь не могъ отворить камердинеръ, а какъ скоро взялъ ключъ Герцогъ Зюдерманландскій, она легко отперлась, батюшка разсказывалъ, что *знатоки этого дѣла*, Шведы и Шотландцы, ему говорили, что всегда такъ бываетъ; явленіе, привидѣніе изъ духовнаго міра, дается только тому, кто назначенъ судьбой для принятія этой тайны, he who is fated, а для другихъ она остается недосягаема, и непостижима.

«Не то ли бываетъ и вообще въ области духовной? То, что дается какимъ-то внутреннимъ откровеніемъ инымъ избраннымъ,—и крѣпость вѣры, и пониманіе прекраснаго, и творческая сила поэзіи, и чутье въ оцѣнкѣ людей,—все это недоступно и непонятно дюжиннымъ патурамъ, которымъ нужна грубая осязательность для вѣры, математическая точность для пониманія и очевидность открытыхъ, топорной работы, пружинъ, для объясненія неуловимо-тонкихъ движеній ума и сердца, которыя и составляютъ характеръ, то есть, особенность такаго человѣка. Но о самихъ привидѣніяхъ, о явленіи умершихъ,

и о тѣхъ пророческихъ видѣніяхъ, о которыхъ Англичане говорятъ, что идущія вамъ на встрѣчу, будущія происшествія *бросаютъ свою тѣнь на землю передъ собою*, можно спорить и дѣлать разныя предположенія, но совершенно отрицать ихъ—точно ли благоразумно? Не все ли великое, не все ли духовное, для человѣка необъяснимо?»

СПОСОБНОСТЬ ВИДѢТЬ ДАЛЕКОЕ НАСТОЯЩЕЕ.

Сонъ Ломоносова.

(Изъ предисловія къ первому по смерти изданію его сочиненій 1765 года.)

«На возвратномъ пути моремъ въ отечество, (изъ Германіи, гдѣ онъ учился), единожды приснилось ему, что видитъ выброшеннаго, по разбитіи корабля, отца своего на необитаемый островъ въ Ледяномъ морѣ, къ которому въ молодости своей бывалъ нѣкогда съ нимъ принесенъ бурею. Сія мечта впечатлѣлась въ его мысляхъ. Прибывъ въ Петербургъ, первое его попеченіе было навѣдаться отъ Архангелогородцевъ и Холмогорцевъ объ отцѣ своемъ. Нашелъ тамъ роднаго своего брата и, услышавъ отъ него, что отецъ ихъ того же года, по первомъ вскрытіи водъ, отправился, по обыкновенію своему, въ море на рыбной промыселъ; что минуло уже тому четыре мѣсяца, и ни онъ, ниже кто другой изъ его артели, поѣхавшихъ съ нимъ, еще не воротились. Сказанный сонъ и братнія слова наполнили его крайнимъ безпокойствомъ. Принялъ намѣреніе проситься въ отпускъ, ѣхать искать отца на тотъ самый островъ, который видѣлъ во снѣ, чтобъ похоронить его съ достодолжною честію, если подлинно найдетъ тамъ тѣло его. Но обстоятельства не позволили ему произвесть намѣренія своего въ дѣйство. Принужденъ былъ послать брата своего, давъ ему на дорогу денегъ, въ Холмогоры, съ письмомъ къ тамошней артели рыбаковъ, усильно ихъ въ ономъ прося, чтобы, при первомъ выѣздѣ на промыселъ, заѣхали къ острову, коего положеніе

и видъ береговъ точно и подробно имъ писалъ; обыскали бы по всѣмъ мѣстамъ, и если найдутъ тѣло отца его, такъ бы предали землѣ. Люди сіи не отреклись исполнить просьбы его, и въ ту же осень нашли подлинно тѣло Василья Ломоносова точно на томъ пустомъ островѣ, и погребли, возложивъ на могилу большой камень. Наступившею зимою былъ онъ (М. В.) о всемъ оном. извѣщенъ.»

(Разсказъ Ломоносова, записанный другомъ его Штелинымъ съ его словъ, находится у меня въ подлинникѣ.)

Изъ записокъ графини А. Д. Блудовой.

«Вотъ еще другаго рода пророческія видѣнія, второе зрѣніе, о которомъ разсказывала мнѣ матушка не разъ, а она не дозволяла себѣ не только прикрасы, но даже преувеличенія правды. Она была очень дружна съ сестрами Каховскими; одна вышла замужъ за Арсеньева, другая, Александра, умерла въ чахоткѣ и имѣла способность видѣть не будущее, но *далекое настоящее*, посредствомъ зеркала. Во время долгихъ отлучекъ батюшки, когда онъ не былъ еще принятъ, какъ женихъ, княгинею Щербатовой, но въ душѣ былъ единственнымъ суженымъ княжны, она прибѣгала къ своей подругѣ, столь чудесно одаренной, чтобъ узнавать о своемъ миломъ, и таинственно слѣдить за нимъ сквозь всѣ преграды времени и пространства. Въ самихъ занятіяхъ отсутствующаго не было ничего замѣчательнаго, но видѣнныя въ зеркалѣ мѣстности, комнаты и обстановка ихъ поражали своею вѣрностію, когда потомъ описывали ихъ батюшкѣ, по возвращеніи его; такимъ образомъ рѣдкая способность молодой дѣвушки служила какъбы электрическимъ телетрафомъ для любящаго сердца подруги, томившейся въ тревожной неизвѣстности разлуки.»

«Е. Оленина разсказывала другой, еще болѣе поразительный случай. Когда я ее знала, она была благоразумною, практическою женщиною, большаго роста, массивною, съ правильными чертами, съ здоровыми

нервами, хотя уже старою, и ничего не высказывалось въ ней нервнаго, похожаго на воспріимчивость и раздражительность воображенія. Но въ 1807 году она была еще молодою дѣвушкою. У кого-то въ деревнѣ собралося много ея же лѣтъ подругъ, и у всѣхъ было тяжело на сердцѣ: у кого отецъ, у кого братъ, у кого женихъ былъ въ войнѣ. Одинъ разъ сидѣли они всѣ въ комнатѣ у дочери хозяина, бесѣда шла объ опасностяхъ и трудахъ отсутствующихъ милыхъ, и сѣтовали онѣ, что до нихъ въ деревнѣ и вѣстей не доходитъ изъ арміи. Богъ знаетъ, кто изъ ихъ близкихъ живъ, кто убитъ, кто раненъ. Между такими рѣчами одной изъ нихъ пришла мысль поглядѣть, да погадать въ зеркалѣ, какъ дѣлается на святкахъ. Которая изъ нихъ стала насмѣхаться, которая сомнѣваться, а нѣкоторыя и пристали къ этому предложенію. «Посмотрика-ка,» сказала одна изъ нихъ хозяйской дочкѣ,—«посмотри, гдѣ мой братъ? Что съ нимъ теперь?» Сѣла за зеркало хозяйская дочка, все обстановили какъ должно, и стала она смотрѣть, а другія всѣ разсѣлись поодаль, и молчали, или тихо, тихо, шепотомъ переговаривались, чтобъ не мѣшать вѣщуньѣ. Долго сидѣла она, не произнося ни слова,—оно ужъ стало и надоѣдать другимъ,—какъ вдругъ заговорила.» Вотъ, вотъ, туманъ сходитъ со стекла, вотъ лѣсокъ, песчанный берегъ, рѣка, большая быстрая рѣка! Господи, сколько народу! Все войска, лагерь, солдаты, пушки, кони на обоихъ берегахъ. Что это такъ суетятся у подошвы горы, на самомъ берегу? Кажется, всѣ штабные тутъ... А, отчалила лодка съ того берега, въ ней маленькаго роста генералъ сидитъ; вотъ плотъ на серединѣ рѣки, другая лодка причалила, смотри!» Оленина подошла и стала за стуломъ подруги, посмотрѣла въ зеркало и сама увидала все это. «Вотъ и другой генералъ взошелъ на плотъ, онъ повернулся — Государь!» вскричала хозяйская дочь и вскочила сама, пораженная удивленіемъ.»

„Это было 13-е Іюня, день Тильзитскаго свиданія двухъ Императоровъ, о которомъ ужъ, конечно, никто не думалъ, не гадалъ, и всего менѣе эти молодыя дѣвушки.“

Изъ записокъ Н. И. Греча.

„Тереза Ивановна Шне, урожденная Шенгофъ... моя прабабушка, умершая въ 1802 году, лѣтъ 90 отъ рода... при веселомъ характерѣ одарена была вторымъ зрѣніемъ, не рѣдко предчувствовала и предвидѣла, что случится.“

„Однажды умеръ въ Лембергѣ какой-то генералъ; собираясь на похороны, Тереза стояла передъ зеркаломъ и забавлялась гримасами и кривляньями. Вдругъ видитъ, стоитъ позади ея блѣдная высокая фигура, въ зеленомъ халатѣ, и строго грозитъ ей пальцемъ. Тереза обернулась—нѣтъ никого; ей такъ причудилось. Но каковъ былъ ея испугъ, когда она въ тотъ же вечеръ увидѣла въ гробу эту самую неизвѣстную ей дотолѣ фигуру въ зеленомъ халатѣ.“

„У ней было еще нѣсколько такихъ похожденій, которыхъ я не помню.“

„Вскорѣ по выходѣ въ замужество моей матери, скончался отецъ ея, Яковъ Филипповичъ Фрейгольдъ (17 дек. 1786). Этотъ печальный случай ознаменованъ былъ удивительнымъ вѣщимъ сномъ матушки, которая дѣйствительно одарена была какимъ-то Шотландскимъ вторымъ зрѣніемъ. Она провела цѣлый день у больнаго отца, читала ему книгу, подавала ему лекарство, радовалась облегченію его страданій, и оставила его поздно вечеромъ. Ночью снится ей, что она видитъ отца на томъ же болѣзненномъ одрѣ. Подлѣ него стоятъ: жена, сынъ и младшая дочь; передъ нимъ на столикѣ три чашки. Онъ беретъ одну и велитъ выпить ее сыну; другую выпиваетъ дочь. Взявъ третью чашку, больной оглядывается. „Гдѣ же другая дочь моя, гдѣ Катенька?— „Она дома, возражаетъ жена: она не очень здорова, и какъ я думаю, беременна. Дай, я выпью за нее.»—«Нѣтъ!» сказалъ онъ, „у меня есть сынъ. Выпей, Александръ, эту чашку за мать и за младенца.“ Сынъ исполнилъ это приказаніе; больной опустился на подушку и закрылъ глаза. Матушка въ ужасѣ проснулась.“

«Было три часа. Движеніе ея разбудило мужа, „Что съ тобою?“ «Ничего, такъ что-то пригрезилось.» Онъ вскорѣ захрапѣлъ вновь' и она долго не могла заснуть. Онъ, по обыкновенію своему, всталъ рано, не будя ее, и отправился къ должности. Подкрѣпивъ силы свои утреннимъ сномъ, она проснулась, одѣлась и сѣла за чай съ золовкою, которая жила или гостила у нихъ. Вспомнивъ видѣнный ею сонъ, она пересказала его Еленѣ Ивановнѣ.»

«Екатерина Яковлевна,» спросила изумленная Елена Ив., выпустивъ изъ рукъ чайникъ, «да кто это могъ сказать вамъ, что батюшка вашъ скончался?» За этимъ послѣдовала сцена, которую всякъ вообразить себѣ можетъ. Довольно того, что Я. Ф. Фрейгольдъ дѣйствительно умеръ ровно въ три часа. Чувствуя приближеніе кончины, онъ велѣлъ позвать жену и дѣтей, благословилъ ихъ и требовалъ, чтобъ послали за старшею дочерью. Христина Михайловна возразила ему, что Катенька нездорова, объявила, что она чувствуетъ себя беременною, и бралась передать ей благословеніе отца.—«Нѣтъ! сказалъ онъ (точно такъ, какъ въ сновидѣніи), у меня есть сынъ. Подойди, Александръ, прими благословеніе для сестры и для ея младенца.» Александръ Яковлевичъ свято исполнилъ это порученіе, былъ другомъ и руководителемъ этого младенца, но къ несчастію не довольно долго.»

«Матушка часто имѣла и вѣщія сновидѣнія, и необыкновенныя предчувствія. Разскажу случай ничтожный, но не менѣе того замѣчательный, бывшій уже на седьмомъ десяткѣ ея жизни. Воротившись съ дачи осенью въ городъ, она спросила у горничной теплыхъ башмаковъ, а та не знала, куда заложила ихъ весною. Долго искали напрасно по всѣмъ угламъ. Вотъ матушка заснула послѣ обѣда; ей чудится, что она подходитъ къ шкафу, сдѣланному въ заколоченныхъ дверяхъ, видитъ высокую круглую корзинку, (какія употребляются для бутылей); въ корзинкѣ до верху разный хламъ; она вынимаетъ все, и на днѣ находитъ свои теплые башмаки. Проснувшись, видитъ она, что въ той комнатѣ сидитъ дочь ея Екатерина, и, боясь насмѣшки,

не говоритъ о своемъ видѣніи; но лишь только К. И. вышла, она встала съ постели, отперла шкафъ, нашла корзину, и въ ней, подъ тряпками и обломками, искомые башмаки.»

(Сообщенное мнѣ В. Ѳ. Щербаковымъ).

«Въ Москвѣ жилъ нѣкто N. человѣкъ не злой, но безтолковый до глупости. Онъ надѣлалъ много непріятностей одному моему знакомому, за что я былъ озлобленъ, и—грѣшный человѣкъ—проклиналъ глупца. Прошло много лѣтъ, - мой пріятель умеръ,—и я совершенно забылъ объ N.—Разъ онъ мнѣ снится лежащимъ на поставленныхъ рядомъ нѣсколькихъ стульяхъ. Я спросилъ бывшихъ тутъ людей, что съ нимъ. Мнѣ отвѣчали, что онъ умираетъ отъ вереда, или карбункула.»

«Утромъ, по обыкновенію, я отправился къ должности. Первый встрѣтившійся мнѣ тамъ чиновникъ сообщилъ, что N. умеръ. Когда, съ удивленіемъ спросилъ я? Нынѣшнюю ночь, отвѣчали мнѣ. Послѣ я узналъ, что N. умеръ точно отъ вереда.»

«Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, сосѣди (Гг. Ренне, Брантъ, докторъ Дезенъ, Деребинъ), съѣхались и провели вечеръ за картами вмѣстѣ. По окончаніи игры, одинъ изъ нихъ Г. Деребинъ, (управляющій сосѣднимъ имѣніемъ), собрался домой. Прочіе уговаривали его остаться и ночевать съ ними. Тотъ никакъ не хотѣлъ согласиться и отправился. Г. Ренне, хозяинъ, (командиръ стоявшаго въ Бѣлевѣ полка), легъ спать, и во снѣ вдругъ видитъ, что на Деребина по дорогѣ у оврага нападаетъ трое мужиковъ. Онъ кричитъ: помогите. Г. Ренне вскакиваетъ и бѣжитъ къ своимъ гостямъ разсказать о снѣ, зоветъ ихъ ѣхать на помощь. Тѣ смѣются и успокоиваютъ его, говоря, мало ли что во снѣ представляется. Ренне послушался, легъ спать и увидѣлъ опять тоже. Онъ вскакиваетъ, велитъ заложить лошадей; ѣдетъ, и дѣйствительно находитъ на указанномъ мѣстѣ трупъ своего несчастнаго гостя. Послѣ въ острогѣ онъ узналъ троихъ убійцъ, видѣнныхъ во снѣ,»

(Разсказано мнѣ А. П. Елагиной).

*«Павелъ Воиновичъ Нащокинъ, извѣстный другъ Пушкина, въ молодости своей велъ жизнь самую эксцентрическую, пилъ столько, что самый крѣпкій ромъ имѣлъ для него вкусъ водянистый, и онъ нарочно настаивалъ его разными крѣпкими зеліями, чтобъ какъ нибудь проѣдало его языкъ. Въ этомъ положеніи нервы его были въ ужасномъ напряженіи. Однажды по утру, лежитъ онъ, проснувшись, на своей кровати, и видитъ, что къ нему приходитъ братъ, садится на кровать и начинаетъ разговаривать о матери, раздѣлѣ и проч. Павелъ Воиновичъ ему отвѣчаетъ. Вдругъ все пропало, а чрезъ нѣсколько времени дѣйствительно приходитъ братъ, занимаетъ то самое мѣсто, и говоритъ именно тоже, что онъ слышалъ прежде.»

«Тогда же Нащокину захотѣлось сдѣлать себѣ кабріолетъ. Сельскій каретникъ, прозванный Чумакомъ, пилъ не меньше его, и никакъ нельзя было присадить его за работу. Нащокинъ призываетъ его къ себѣ, и беретъ съ него слово не пить нигдѣ больше, кромѣ какъ у барина, который и опредѣлилъ ему особый боченокъ рябиновки. Работа пошла очень хорошо. Вдругъ Нащокинъ поутру видитъ или слышитъ, что каретникъ гдѣ-то подъ плетнемъ сидитъ съ столяромъ, и распиваетъ вмѣстѣ полштофъ водки, оставшейся послѣ чьей-то свадьбы. Скоро и позабылъ онъ объ этомъ явленіи, но, пошедъ на обѣдъ къ людямъ, онъ увидѣлъ каретника, и, вспомнивъ, невольно закричалъ на него: «какъ же ты, мошенникъ, обѣщался не пить нигдѣ, кромѣ какъ у меня, а что ты дѣлалъ подъ плетнемъ?» Каретникъ обомлѣлъ и едва могъ выговорить: «да ктоже вамъ это сказалъ, Павелъ Воиновичъ?» Нащокинъ самъ смутился, и, только собравшись нѣсколько съ духомъ, отвѣчалъ: «Что тебѣ за-дѣло кто!... Виноватъ! и проч...»

Разсказано мнѣ самимъ П. В. Нащокинымъ въ сороковыхъ годахъ и записано покойной моей женою).

---

*) Въ слѣдующихъ двухъ разсказахъ, представляются доказательства, что, внѣ чувственнаго, душа наша, при извѣстномъ напряженіи органовъ, имѣетъ способности, не вполнѣ дознанныя наукою.

СЛУЧАИ САМОСЕБЯВИДѢНІЙ.

(Изъ старинныхъ записокъ, доставленныхъ мнѣ Г-мъ Благово).

«Императрица Анна Іоанновна за годъ до своей кончины видѣла сама себя на тронѣ. Напередъ ея,—нѣсколько разъ, поздно ввечеру, видали проходящіе тронную залу, что Императрица сидитъ на тронѣ во всемъ царскомъ облаченіи и со всѣми регаліями, что видали неоднократно и разные люди; о чемъ донесено было тогдашнему любимцу Бирону, который полюбопытствовалъ лично донести Императрицѣ, которая сперва не хотѣла вѣрить, но Бирономъ уговорилъ ее полюбопытствовать. Императрица приказала извѣстить себя, когда таковое видѣніе будетъ. Скоро оное случилось, и когда доложили ей, что она сама видима на тронѣ, то Императрица пошла въ сопровожденіи Бирона и многихъ другихъ въ тронную залу; сама видитъ себя на тронѣ во всѣхъ императорскихъ регаліяхъ. Сначала она почла сіе за наряднвшуюся женщину, закричала: колите ее! Но какъ призракъ началъ исчезать и оборачиваться въ дымъ, тогда Императрица Анна упала въ обморокъ, и уже ее вынесли изъ тронной »

Ей же видѣлось, (послѣ того, когда Бирономъ велѣлъ отрубить голову Волынскому), во время ужина, когда поставили на столъ любимое ея кушанье — свиную голову, что это голова Волынскаго. Она грозно спрашивала: «на что поставили передъ нее Волынскаго голову? Отнесите ее скорѣе съ глазъ моихъ.»

«Незадолго до кончины Императрицы Елизаветы Петровны, Шуваловы Петръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ, и многіе другіе видали призракъ Императрицы Елизаветы Петровны, гуляющій въ Лѣтнемъ саду и въ другихъ комнатахъ, когда навѣрное знали, что она въ своихъ покояхъ находилась.»

Былъ слухъ еще, что Императрица Елизавета Петровна видѣла себя когда-то въ гробу.

И. Павелъ самъ разсказывалъ это Петру Хрис. Обольянинову.

Въ Кіевѣ графъ Сиверсъ занималъ высокій постъ въ 1770-хъ годахъ, во время 1-й войны съ Турками, при И. Екатеринѣ II-й. Жена его, Наталья Ивановна, отсутствующая, была видима многими людьми и часовыми, какъ будто ходила по комнатамъ и стояла передъ зеркаломъ, что и самъ мужъ видѣлъ. Однажды уговорилъ онъ ее остаться дома, чтобы самой видѣть такое явленіе. * Она, лежа на постели, читала книгу, вдругъ двери растворяются, и она видитъ себя ѣдущею верхомъ. Наталья Ивановна, не оробѣвъ, спрашиваетъ призракъ, когда я умру? Призракъ, имѣвшій въ рукѣ книгу, началъ переворачивать листы, и назначилъ мѣсяцъ, и число, но не объявилъ года, и потомъ исчезъ. Хотя Г-жа Сиверсъ была не суевѣрна, однако по самую смерть боялась того мѣсяца и числа. Она жила послѣ того долго, но умерла въ назначенномъ мѣсяцѣ и числѣ.»

У Николая Петровича Микулина, живущаго Московской губерніи, Клинскаго уѣзда въ сельцѣ Щекинѣ, жилъ студентъ Иванъ Ѳедоровичъ *Доброхотовъ*. Однажды, по обыкновенію своему, онъ пошелъ послѣ обѣда отдыхать въ бесѣдку. Проснувшись, онъ видитъ на полу лежащаго человѣка, подобнаго себѣ цвѣтомъ волосъ и одѣяніемъ. По мѣрѣ того, какъ онъ поднималъ голову съ подушки, такъ и привидѣніе поднимало свою голову. Тотъ ляжетъ и привидѣніе также. Доброхотовъ всталъ, и привидѣніе встало. Доброхотовъ пошелъ, и оно тоже; по срединѣ комнаты они сошлись. Доброхотовъ вышелъ изъ бесѣдки, чтобы идти къ дому, и привидѣніе пошло за нимъ. У самыхъ воротъ дома, какъ Доброхотовъ перешагнулъ ворота, то привидѣніе начало

---

* Непонятная вставка, если Г-жа Сиверсъ жила вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, то для чего же было уговаривать ее, чтобъ она оставалась дома.

изчезать въ его глазахъ, и пропало. Онъ пришелъ въ ужасъ и поблѣднѣлъ. Когда спросили его о причинѣ замѣшательства, онъ разсказалъ хозяину со всѣми тутъ бывшими свое происшествіе. На другой день, когда всѣ, проснувшись, встали, то нашли его умершимъ.

Въ ободреніе тѣхъ, кто увидѣлъ бы себя, разскажу изъ своихъ записокъ: въ 1841 г. я ѣздилъ по Ярославской губерніи, вмѣстѣ съ извѣстнымъ нашимъ археологомъ, П. И. Савваитовымъ, слѣдя теченіе рѣки Сити, при коей было извѣстное сраженіе съ Татарами въ 1238 году. Около Краснаго Холма, вечеромъ, мы заѣхали въ Антоніевскій монастырь. Игуменъ пригласилъ насъ въ свое жилище. Павелъ Ивановичъ вышелъ на балконъ и вдругъ воротился, говоря мнѣ, что онъ видѣлъ себя. Этому прошло слишкомъ 30 лѣтъ, и, слава Богу, онъ здравствуетъ: мы ожидаемъ даже, что онъ скоро издастъ вновь Новгородскую лѣтопись.

ВНУТРЕННІЙ ГОЛОСЪ.

Г. Бахтинъ, одинъ изъ значительныхъ чиновниковъ,* какъ видно изъ разсказа въ особо изданной имъ книжкѣ, (Вдохновенныя идеи) 1816 г. въ Петербургѣ, свидѣтельствуетъ о себѣ:

1) «Можетъ быть отъ двадцати до тридцати разъ, въ теченіи послѣднихъ пятнадцати, а паче семи лѣтъ, случилось, что не только нужнымъ мнѣ казалось написать какую-либо бумагу, или что дѣлать, не даже обстоятельство и существо самого дѣла того требовали,— однакожъ я того не выполнялъ, и какъ-бы кто меня отъ того удерживалъ. Я иногда принимался разъ, и другой, и третій, но потомъ оставлялъ, или что-либо другое меня отвлекало. Послѣдствіе времени оправдывало меня въ томъ и доказывало, что я очень хорошо сдѣлалъ, что не поспѣшилъ: ибо выходило, по перемѣнившимся обстоятельствамъ,

* Просимъ читателей сообщить свѣдѣнія объ немъ, какія кто можетъ.

что я, поспѣшивши, сдѣлалъ-бы дурно, или покрайней мѣрѣ, что, умедливши, сдѣлалъ лучше; а промедленіе такое вѣдь было не по разсудку или разсчету.»

2) «Однажды былъ случай, отъ котораго зависѣло или пріобрѣсть мнѣ уваженіе, принадлежащее человѣку честному, правдивому, безкорыстному, усердному къ своему Государю, и наблюдающему пользу общую; или быть почтену человѣкомъ вздорнымъ, ни съ кѣмъ не уживающимся въ ладу, а можетъ быть и мелочнымъ. Послѣдствіе доказало мнѣ, что я отъ просвѣщеннаго Министра, тогдашняго моего начальника, заслужилъ, кажется, первое; но когда я отправлялъ о томъ представленіе мое, сочиненное мною самимъ, то вотъ что было: я сдѣлалъ большую, солгавши безъ намѣренія, ошибку, могшую дать совсѣмъ другой видъ дѣлу, или, по крайней мѣрѣ, остановить ходъ онаго и ослабить мое представленіе. Ошибка по перебѣленіи бумаги съ моей руки писцомъ и при поправленіи оной, не была мною замѣчена; ошибка не была замѣчена и секретаремъ моимъ, по написаніи бумаги набѣло, и при сличеніи оной съ черновою; ошибка не была паки мною замѣчена при прочтеніи и при подписаніи въ вечеру бѣловой бумаги, и бумага потомъ отослана была съ ошибкою на почту. Но завтра поутру, при просыпаніи, мнѣ впала мысль прочитать бумаги. Два часа я не могъ быть покоенъ: желаніе прочитать еще разъ бумагу меня мучило; а на что прочитать? Ежели-бы кто потребовалъ отъ меня тогда отчета, я не могъ-бы дать порядочнаго. Въ девятомъ часу по утру я пишу къ секретарю записку, чтобы онъ принесъ мнѣ конвертъ, включающій въ себѣ ту бумагу, а ежели онъ ускорилъ уже отдать на почту, то чтобы непремѣнно вытребовалъ ее на время. Секретарь выполняетъ мое приказаніе, беретъ съ почты конвертъ, и ко мнѣ приноситъ. Я распечатываю и читаю бумагу, а онъ, стоя позади меня, вдругъ вскрикиваетъ: «Да чтожъ вы такое изволили написать», даетъ мнѣ замѣтить ошибку. Я благодарю Бога, благодарю его, поправляю ошибку, приказываю переписать листъ, запечатываю бумагу

и отправляю на почту. Замѣтить нужно, что не только брать съ почты бумагу, отправленную для прочитанія, но даже желаніе то сдѣлать, пришло мнѣ одинъ только разъ въ жизни, и точно тогда, когда сіе столько нужно было.

3. Въ другой разъ изъ присутственнаго мѣста, въ которомъ я предсѣдательствовалъ, отправлялись списки о чиновникахъ. Нужно было поспѣшить, и нѣкогда было мнѣ за другимъ занятіемъ разсмотрѣть бѣлыхъ отправляющихся. Когда надобно было ихъ подписывать, я спрашиваю у секретаря того мѣста: повѣрялъ-ли съ черными? «Два раза читаны,» отвѣчаетъ онъ мнѣ.—«Смотри-же,» сказалъ я, «вѣрно-ли? Вѣдь ты за это отвѣтствуешь: ибо ты скрѣпилъ.» «Вѣрно,» отвѣчалъ онъ, «не извольте сомнѣваться,» но я вдругъ, можно сказать, больше машинально, нежели намѣренно, развертываю по срединѣ тетрадь, листовъ изъ тридцати состоящую, вскидываю взглядъ и усматриваю ошибку, которая служила бы ко вреду того чиновника, въ спискѣ котораго была сдѣлана. Я прихожу въ сердце, журю секретаря, беру списки домой, прохожу всѣ, и не нахожу нигдѣ никакой другой, ниже малѣйшей, ошибки: слѣдовательно взглядъ мой попалъ изъ осьми или девяти сотъ строкъ, точно на ту, гдѣ поправить надобно было ошибку, ко вреду служившую человѣку.

4. Еще однажды посылалъ я распорядительныя предписанія по весьма важному случаю, въ томъ числѣ циркулярное. Мысль, что спѣшили писавши, заставляетъ меня изъ двѣнадцати бумагъ выдернуть изъ средины одну, подобно какъ выдергиваютъ карты изъ колоды. Я читаю бумагу слово отъ слова, и вижу страшную ошибку: такъ случилось, что пропущенныя два слова писцомъ давали совсѣмъ другой мыслъ моему предписанію, и выйдти-бы должно отъ того замѣшательство и промедленіе. Я смотрю остальныя одиннадцать бумагъ, и ни въ одной изъ нихъ не было не только подобной, но и никакой ошибки. *

*) Не къ тому пишу сіе, чтобы совѣтовать другимъ, полагаясь на подобные случаи, пренебрегать нужною осторожностію: а только замѣчаю сіе въ подтвержденіе моихъ опытовъ.

Книжечку свою, изъ которой почерпнуты вышеприведенные четыре случая, Г. Бахтинъ начинаетъ слѣдующимъ объясненіемъ.

«Сколько могу припомнить, это было около тридцать втораго года моего возраста, какъ я началъ замѣчать, что мнѣ не тогда, когда я уже хорошо проснулся, но въ самое почти то время, когда просыпаются,—приходятъ иногда вдругъ мысли, или, такъ сказать, пролетаютъ чрезъ голову мою идеи весьма сильныя, острыя, разрѣшающія иногда бывшее въ чемъ либо мое недоумѣніе, а иногда совсѣмъ новыя, о такихъ предметахъ, кои меня мало прежде занимали; однако-же всегда относительныя ко мнѣ собственно, и заключающія въ себѣ или то, что написать, или сдѣлать мнѣ должно, или то, въ чемъ я долженъ взять мою осторожность. Довольно странное замѣчаніе: никогда такія мысли не родятся во мнѣ при просыпаніи отъ послѣ-обѣденнаго сна, а только поутру.

«Сіи мысли я называю *сильными*, потому что вкратцѣ содержатъ въ себѣ много, такъ, что ежели-бы я другому захотѣлъ изъяснить вздуманное мною въ одну изъ таковыхъ секундъ, то надобно-бы употребить на пересказаніе того нѣсколько минутъ; ибо сіи мысли можно уподобить, напримѣръ, экстракту книги, или экскизу картины, то есть, что онѣ такъ же, какъ экстрактъ или экскизъ, содержатъ въ себѣ всѣ части книги или картины, но только не въ такой, какъ книга и картина, ясности и пространствѣ.

«Я называю ихъ *острыми*, потому что въ нихъ вдвое, а можетъ быть, и впятеро бываю умнѣе, нежели какимъ обыкновенно себя чувствую...

«Я сказалъ, что онѣ приходятъ *вдругъ*: симъ я хотѣлъ выразить, что онѣ не имѣютъ ничего предыдущаго себѣ, какъ то обыкновенно въ бдящемъ состояніи бываетъ. Намъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, сколько я замѣтилъ, приходятъ мысли, или отъ какого-либо усмотрѣннаго предмета, или отъ слышимыхъ словъ, или отъ читаемыхъ, или отъ воспоминанія бывшаго происшествія, или отъ воспоминанія какой-либо

аналогической идеи, и можно почти всегда, подумавши мало или много, открыть источникъ всякой вновь родившейся мысли или идеи; а ежели когда сіе бываетъ и невозможно, то можно чувствовать мѣсто, гдѣ пресѣклась цѣпь идей, и гдѣ недостаетъ забытой нами тогда; но совсѣмъ противно бываетъ, относительно тѣхъ мыслей, о которыхъ я говорю, то есть родящихся иногда въ умѣ моемъ во время моего просыпанія: ни одной такоэой я еще никогда не открылъ источника или причины: онѣ приходятъ такъ, какъ бы, напримѣръ, кто-либо постороннiй влагалъ мнѣ ихъ въ то время внезапно въ голову.

«Я назвалъ также сіи мысли или идеи какъ-бы *пролетающими чрезъ голову мою*, потому что ежели которой, проснувшись уже совсѣмъ, въ скорости потомъ не обдумаю и не обсужу, то таковая у меня пропадаетъ, и сколько-бы я ни силился ее вспомнить, сіе бываетъ напрасно; но случалось, однако рѣдко, что нѣкоторыя возобновлялись у меня опять при просыпаніи, спустя нѣсколько времени, и узнавалъ я ихъ съ удовольствіемъ »

«Естественно, что всякому придетъ въ умъ, какъ и мнѣ первоначально приходило, что сіи кажущіяся мнѣ вдругъ родящимися мысли суть послѣдствіе того, о чемъ я думалъ два дни, три дни, или недѣлю назадъ, и продолжалъ думать ту самую почь во снѣ.»

«Хотя и то довольно-бы было чудно, чтобы быть умнѣе во снѣ, нежели бдящему; однакожъ сіе опровергается слѣдующимъ: *во первыхъ*: изъ всѣхъ разовъ, сколько въ жизни моей случилось, я ни однажды не могъ вспомнить, чтобы я видѣлъ во снѣ, предъ моимъ просыпаніемъ, что-либо сходственное или аналогическое рождающейся потомъ мысли. *Во вторыхъ*: часто случалось мнѣ вспомнить, что предъ просыпаніемъ своимъ, я видѣлъ во снѣ совсѣмъ другое, и ни мало несоотвѣтствующее той мысли, которая во время просыпанія во мнѣ родилась, напримѣръ; я видѣлъ бы во снѣ, что ѣду на лошадяхъ, или гуляю въ саду, а, просыпаясь, вздумалъ-бы вдругъ, чѣмъ и какъ разрѣшить затруднявшее меня, три или четыре дня предъ тѣмъ, обстоя-

тельство. *Въ третьихъ:* иногда я замѣчалъ очень явственно, что бывалъ нѣкоторый, такъ сказать пустой, хотя короткій, промежутокъ времени между моего сна (sommeil) и родившейся потомъ мысли, въ которой промежутокъ я лежалъ, какъ будто-бы въ забвеніи, не мысля ни о чемъ. *Въ четвертыхъ:* хотя то и весьма рѣдко, но бывало со мною, что таковыхъ мыслей, почти вдругъ или лучше сказать мгновенно одна за другою, рождалось двѣ по различнымъ совсѣмъ между собою предметамъ, какъ напримѣръ: одна бы была о томъ, чѣмъ разрѣшить такое-то обстоятельство, а другая о томъ, что вчерашній гость (неприкосновенный ничѣмъ къ тому обстоятельству), говорилъ *то-то*, и что вѣрно онъ имѣетъ въ предметѣ *то-то*, и надобно его остерегаться съ такой-то стороны,»

«Сначала я слѣдовалъ симъ мыслямъ не потому, чтобы ихъ почиталъ вдохновенными, какъ осмѣливаюсь признавать нынѣ, или лучше сказать, какъ опытъ принуждаетъ меня невольно признавать, но потому, что онѣ казались мнѣ правильными, и, будучи подвергаемы разсудку, находимы были мною хорошими и приличными обстоятельствамъ. Потомъ, получивши къ нимъ со временемъ больше довѣрія, я началъ подвергать ихъ рѣже и менѣе испытанію разсудка, а нынче слѣдую имъ, можно сказать, слѣпо, и беру, приступая къ выполненію оныхъ, токмо нужное время на приведеніе ихъ въ должную ясность и надлежащее распространеніе.»

«Можетъ быть разъ полтораста или двѣсти, въ теченіи 21-го или 22-хъ лѣтъ, а можетъ быть нѣсколько и болѣе, я слѣдовалъ таковымъ моимъ, (почитаемымъ мною нынѣ за вдохновенныя), мыслямъ, а иногда въ самыхъ важныхъ случаяхъ моей жизни: но ни однажды о томъ не раскаявался, и не имѣлъ причины, ибо всегда, до сего самаго времени, благодареніе Богу, онѣ увѣнчаны были успѣхомъ.»

«Легко можно подумать другому, что это одинъ мой вымыселъ, или дѣйствіе фанатизмомъ разгорячennаго воображенія, то есть, что я обманываю или обманываюсь невольно, — но вотъ доказательство

противнаго: *во первыхъ*: коротко знающіе меня люди,—разумѣется, однакожъ такіе, съ коими я много бесѣдовалъ одинъ на одинъ, и съ коими имѣлъ время говаривать, что называется, и дѣло и бездѣлье, — уже весьма давно слыхали отъ меня по временамъ о сихъ родящихся во мнѣ мысляхъ, которымъ я всегда удивлялся. Неужели жъ около десятковъ двухъ лѣтъ, все намѣревался я, приготовлялся совершить свой обманъ, и обманъ безполезный? *Во вторыхъ*: я теперь совершенный въ душѣ моей христіанинъ; но, къ стыду моему, долженъ признаться, что весьма недавно достигъ постепенно сего благополучнаго состоянія: въ тридцать же два года, въ тридцать шесть, даже въ сорокъ, я еще былъ *волтеристъ*, и Орлеанская дѣвица была карманная моя книжка. Слѣдовательно: ежели и лгу теперь, для защищенія (могутъ сказать) образа моихъ мыслей, и для подтвержденія въ другихъ мнѣнія о чудесности, то я спрашиваю: на что-же я лгалъ тогда, когда ложь моя могла служить опроверженіемъ тогдашней моей системы? Ежели бы воспаленное мое воображеніе вѣрою и могло бы приводить меня теперь въ заблужденіе, какъ нѣкоторые могутъ думать: то тогда оно было холодно. Лексиконъ разсудка (Dictionnaire de la raison) или паче — безразсудка, Волтеровъ, воспалить его былъ неудобенъ.»

«Итакъ пускай господа вещесловы и душесловы (phisiologistes et psichologistes) растолкуютъ рожденіе сихъ чудесныхъ моихъ мыслей; а я, до яснаго ихъ разрѣшенія, принужденъ думать, что есть духи-хранители человѣка. Всякій-ли изъ насъ такого имѣетъ, объ этомъ я судить не могу, но вѣрю, что у меня такой есть; да думаю и многіе-бы въ томъ удостовѣрились, ежели-бы сообразили и подумали хорошенько обо всемъ, съ ними случившемся въ жизни. Невозможно, чтобы мы только двое съ старикомъ Сократомъ пользовались этимъ особеннымъ преимуществомъ: ибо что я въ сравненіи съ Сократомъ?—вѣрно и другіе имъ пользуются, но многіе, можетъ быть, не замѣчая. Ежели-же нѣтъ духовъ-хранителей, то должна быть въ душѣ человѣческой

нѣкая особенная сила, не зависящая ни отъ пріобрѣтаемыхъ познаній, ни отъ опыта. Безъ духовъ-хранителей она токмо одна удобна родить подобныя мысли.“

За симъ г. Бахтинъ передаетъ четыре вышепомѣщенные разсказа и заключаетъ:

„Ежели, говорю я, присовокупить сіи четыре обстоятельства къ тому, что объяснено мною о родящихся при просыпаніи моемъ иногда мысляхъ, кто-бы, на моемъ мѣстѣ, не повѣрилъ бытію духовъ, охраняющихъ человѣка? Буде я и совершенно заблуждаюсь, — по крайней мѣрѣ, винить меня не можно. Но я благодарю Бога за таковые подобные симъ въ другихъ отношеніяхъ случаи! Сколько разъ я чудеснымъ Его промысломъ былъ избавленъ отъ погибели! * Ежели-бы ихъ исчислять и описывать, то надобно-бы еще писать столько-же, или вдвое больше. Но все сіе вмѣстѣ сдѣлало, что я постепенно изъ величайшаго вольнодумца, каковымъ былъ въ молодости, сталъ христіаниномъ; а совѣты мудрыхъ и полезное чтеніе утвердило и утверждаетъ меня болѣе и болѣе въ образѣ моихъ мыслей и вѣрѣ.“

„Атеистъ или матеріалистъ будетъ конечно на все, мною теперь написанное, отвѣчать, что все то произвелъ случай; но я ему скажу напередъ сказочку:“

Одинъ человѣкъ ничему не удивлялся и имѣлъ обыкновеніе отвѣчать, когда ему разсказывали про какое-либо удивительное дѣло, движеніе, искусство, проворство и тому подобное: *Это ничего не стоитъ*; *это привычка*. Ему нѣкто въ шутку разсказывалъ про штукаря, и между прочимъ, что будто сей пролѣзъ сквозь обыкновенное кольцо, снятое у одного зрителя съ мизинца: *ничего не стоитъ*, отвѣчалъ онъ, *это привычка*. Куда какъ матеріалисты, по моему [мнѣнію, бываютъ часто подобны сему неудивляющемуся!“

*) Напримѣръ: ѣхавши однажды съ товарищами лѣсомъ на большой линейкѣ, и захотѣвши понюхать табаку, я привсталъ на подножкѣ, дабы, не безпокоя сосѣда, достать платокъ, но въ самую ту секунту превеликій колъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ, пробилъ подушку въ линейкѣ и высунулся на полъаршина. Сей разъ я избѣжалъ гибели физически, но морально не въ меньшей былъ опасности раза три въ своей жизни.

Мнѣ случилось познакомиться съ Касимовскимъ мѣщаниномъ, Иваномъ Сергѣевичемъ Гагинымъ. Онъ зашелъ ко мнѣ, по пути изъ Касимова въ Петербургъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, съ предложеніемъ рисунковъ Касимовскихъ древностей. Разговорясь съ нимъ, я узналъ, что у него есть и другіе матеріалы для Исторіи и Археологіи. „Не съ вами ли они?“-„Со мною.“-„Привезите ихъ ко мнѣ, — я желалъ бы пересмотрѣть.“—„Извольте.“ И на другой день онъ привозитъ ко мнѣ большую папку съ рисунками, чертежами, и разными записками. Перебирая ихъ, я нахожу адресъ ему, подписанный священниками, служебными лицами гражданскими и военными, многими дворянами, купцами и другими жителями города Касимова, адресъ, въ которомъ всѣ они свидѣтельствуютъ Гагину глубочайшее свое почтеніе и благодарность за труды, на пользу ихъ предпринимаемые. Адресъ былъ подписанъ слишкомъ за 20 лѣтъ, нигдѣ не былъ оглашенъ, слѣдовательно имѣлъ полное право на довѣренность. Онъ возбудилъ мое участіе, и я выразилъ желаніе узнать подробности о жизни примѣчательнаго человѣка, который пріобрѣлъ такое общее уваженіе. Вотъ что я узналъ. Гагинъ, въ молодости, (тогда ему было около 70 лѣтъ), имѣлъ значительное состояніе, вступилъ въ товарищество съ однимъ пріятелемъ, который обманулъ его и завладѣлъ подъ какимъ-то предлогомъ фабрикою, построенною на общій капиталъ. Гагинъ лишился всего состоянія и рѣшился утопиться. Вышелъ за городъ, но на первомъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановился, рѣка оказалась недостаточно глубокою; далѣе онъ увидѣлъ бабъ, полоскавшихъ бѣлье, наконецъ онъ выбралъ мѣсто, гдѣ никто не могъ его видѣть; занесъ было уже одну ногу въ воду, какъ вдругъ послышался ему какой-то внутренній голосъ: «Что ты дѣлаешь, ты хочешь погубить себя.» Вся прошедшая жизнь освѣтилась передъ нимъ: онъ увидѣлъ земную суету, и рѣшился думать только о небѣ и посвятить себя на службу общества, безъ всякаго вознагражденія. Съ тѣхъ поръ онъ началъ служить всѣмъ, кто

имѣлъ въ томъ нужду, и такъ проводитъ время до сихъ поръ и считаетъ себя совершенно счастливымъ.

У меня началась съ нимъ переписка. Возвращаясь изъ Симбирска въ 1845 году, я нарочно заѣзжалъ въ Касимовъ, чтобъ увидать Гагина на поприщѣ его дѣйствій, но не засталъ его въ живыхъ: не задолго предъ тѣмъ онъ скончался.

ЧЬЕ ТО УЧАСТІЕ ВЪ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

(Изъ записокъ О. П. Лубяновскаго.)*

...«Принявъ приказаніе отъ генерала, я побѣжалъ на квартиру (въ Брестѣ) и легъ спать. Вдругъ пришло мнѣ на мысль, будетъ-ли у меня завтракъ, и моя, тогда по обезьянству, любимая овсяная каша на сливкахъ. Между этою мыслью и лѣнью встать и спросить деньщика, поднялась во мнѣ такая борьба, что я не только не могъ заснуть, но просто въ потъ меня бросало; съ досады я вскочилъ и вышелъ спросить о своей кашѣ; спросивъ, не успѣлъ оборотиться, слышу, что-то обрушилось; прибѣжалъ деньщикъ со свѣчею, и что-же?— Въ комнатѣ, гдѣ я легъ спать, потолокъ обвалился, и доски свисли концами прямо на дорожную подушку, на которой за минуту передъ тѣмъ лежала голова моя. Возовъ двадцать вывезли песку, глины и всякаго хлама изъ развалины, пока-то дорылись до моей дорожной подушки. Очевидный перстъ милосердія Божія! Страннымъ покажется, что пошлой овсяной кашѣ суждено было спасти меня отъ неминуемой смерти. Въ нѣмецкой книгѣ «Ahnungs Vermögen» и во многихъ другихъ есть разные толки на подобные случаи. Душѣ человѣческой, въ какомъ-то ея состояніи, присвоивается какая-то способность предчувствовать и предугадывать. Я плохо понялъ всѣ эти психологи-

* О. П. Л. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, близкій въ молодости къ Сперанскому, скончался въ Петербургѣ года два назадъ. Записки по его смерти напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1872 года.

ческіе толки, и держусь въ простотѣ сердца вѣры въ милосердіе Господа, Спасителя нашего, долготерпящаго и призывающаго насъ къ покаянію. Души человѣческія такъ дороги Ему, Искупителю нашему, что для спасенія ихъ, гдѣ то сказано, Онъ посылаетъ воиновъ небесныхъ.»

Изъ записокъ старинныхъ, доставленныхъ мнѣ Г-мъ Благово.

«Между 1768 и 1769 годами зимою, не упомню мѣсяца и числа, въ Санкт-Петербургѣ въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ сдѣлался въ поварнѣ пожаръ, отъ котораго бы неминуемо всѣ мы малолѣтніе сгорѣли, потому что оный случился въ самую полночь, ежели бы особеннымъ чуднымъ образомъ не открылъ оный слѣдующимъ образомъ: Въ самую полночь, когда всѣ находились въ глубокомъ снѣ, находящійся тогда швейцаръ слышитъ голосъ «мы горимъ».» Онъ пробуждается, поднимаетъ голову съ постели и осматриваетъ, нѣтъ ли кого, и, не видя никого, опять легъ. Слышитъ вторично голосъ: «встань, мы горимъ!» Онъ всталъ, перетревожившись, и вездѣ осматриваетъ, гдѣ можно, даже и за печкою—нѣтъ ли кого, но и вторично никого не находитъ, и, почитая пустымъ воображеніемъ, опять ложится. И въ третій разъ слышитъ голосъ: «да что же не встаешь? встань, мы горимъ!» Тогда онъ поспѣшно всталъ, вышелъ на дворъ и увидѣлъ, что подлинно былъ пожаръ, и уже усилился, и ежелибъ еще помедлилъ, то бы всѣхъ объяло пламенемъ безъ спасенія. Тогда онъ побѣжалъ и всѣхъ перебудилъ насъ,—и уже мы не успѣли почти одѣться и обуться,—кто босикомъ, кто въ одномъ чулкѣ, иной безъ кафтана,— и въ такомъ жалостномъ положеніи должны были по снѣгу бѣжать чрезъ всю первую линію, и, благодареніе Всевышнему, всѣ спасены, даже всѣ остались здоровы. А безъ сего бы чуднаго Ангельскаго голоса, посланнаго отъ Бога, неминуемо всѣ бы сгорѣли.»

Разсказъ декабриста Басоргина о случаѣ съ Ивашевымъ во время ихъ ссылки.

(изъ его записокъ.)

«Предъ выходомъ нашимъ изъ Читы, съ другомъ моимъ Ивашевымъ случилось такое событіе, которое видимо показало надъ нимъ благость Провидѣнія. Онъ, Мухановъ и Пестовъ, по собственной просьбѣ, остались въ прежнемъ маленькомъ казематѣ. Имъ тамъ было свободнѣе и покойнѣе. Я нерѣдко, съ разрѣшенія коменданта, бывалъ у нихъ, и просиживалъ по нѣскольку часовъ, другіе товарищи также посѣщали ихъ. Въ свою очередь и они ходили къ намъ. Сверхъ того, мы видѣлись почти каждый день во время работы. Ивашевъ, какъ я замѣчалъ, никакъ не могъ привыкнуть къ своему настоящему положенію, и видимо тяготился имъ. Мы часто объ этомъ говорили между собою, и я старался сколько можно поддержать его и внушить ему болѣе твердости. Ничто не помогало. Онъ былъ грустенъ, мраченъ и задумчивъ. Разъ, какъ то, на работѣ, Мухановъ отвелъ меня въ сторону, и сказалъ мнѣ, что Ивашевъ готовится сдѣлать большую глупость, которая можетъ стоить ему жизни, и что онъ нарочно рѣшился мнѣ сказать объ этомъ, чтобы я съ моей стороны попробовалъ отговорить его. Тутъ онъ мнѣ объявилъ, что онъ вздумалъ бѣжать, и сообщилъ все, что зналъ о томъ.

Вотъ въ чемъ состояло дѣло. Ивашевъ вошелъ въ сношеніе съ какимъ-то бѣгло-ссыльно-рабочимъ, который обѣщался провести его за Китайскую границу. Этотъ бѣглый завтра же долженъ былъ придти ночью къ тыну ихъ каземата. Тынъ уже былъ подпиленъ и мѣсто для выхода приготовлено. По выходѣ изъ острога, они должны были отправиться въ ближній лѣсъ, гдѣ, по словамъ бѣглаго, было уже приготовлено подземельное жилище, въ которомъ они должны были скрываться, покуда прекратятся поиски, и гдѣ находились уже необходимые на это время припасы. Когда же прекратятся

поиски, то они предполагали отправиться къ Китайской границѣ, и тамъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ. Этотъ планъ былъ такъ неблагоразуменъ, такъ нелѣпъ, можно сказать, исполненіе его до такой степени невозможно, что я удивился, какъ могъ Ивашевъ согласиться на него. Не было почти никакого сомнѣнія, что человѣкъ, соблазнявшій его побѣгомъ, имѣлъ какія нибудь другія намѣренія, или выдать его начальству и тѣмъ заслужить себѣ прощеніе, или безнаказанно убить его и завладѣть находящимися у него деньгами; я же зналъ, что у него они были: пріѣхавши въ Читу, онъ не объявилъ коменданту 1000 руб., которые привезъ съ собою, и сверхъ того тайнымъ образомъ получилъ еще 500 руб. Объ этомъ самъ онъ мнѣ сказалъ.

Выслушавъ Муханова, я сейчасъ, послѣ работы, отправился къ Ивашеву, сказалъ ему, что мнѣ извѣстно его намѣреніе и что я пришелъ съ нимъ объ этомъ переговорить. Онъ очень спокойно отвѣчалъ мнѣ, что съ моей стороны было бы напраснымъ трудомъ его отклонять, что онъ твердо рѣшился исполнить свое намѣреніе, и что потому только давно мнѣ не сказалъ о томъ, что не желалъ подвергать меня какой либо отвѣтственности. На всѣ мои убѣжденія, на всѣ доводы о неосновательности его предпріятія и объ опасности, ему угрожающей онъ отвѣчалъ одно и тоже, что уже рѣшился, что далѣе оставаться въ казематѣ онъ не въ состояніи, что лучше умереть, чѣмъ жить такимъ образомъ. Однимъ словомъ, истощивъ возраженія, я не зналъ что дѣлать. Время было такъ коротко, завтрашній день былъ уже назначенъ; оставалось одно только средство остановить его — дать знать коменданту. Но быть доносчикомъ на своего товарища, на своего друга, ужасно. Наконецъ, видя всѣ мои убѣжденія напрасными, я рѣшительно сказалъ ему: «Послушай, Ивашевъ, именемъ нашей дружбы, прошу тебя отложить исполненіе своего намѣренія на одну только недѣлю. Въ эту недѣлю обсудимъ хорошенько твое предпріятіе, взвѣсимъ хладнокровно le pour et le contre, и если ты останешься при тѣхъ же мысляхъ, то обѣщаю тебѣ не препятствовать» — «А если я не соглашусь откладывать на недѣлю?» воз-

разилъ онъ. «Если не согласишься», воскликнулъ я съ жаромъ, «ты заставишь меня сдѣлать изъ любви къ тебѣ то, чѣмъ я гнушаюсь,— сейчасъ попрошу свиданія съ комендантомъ и разскажу ему все. Ты знаешь меня довольно, чтобы вѣрить, что я это сдѣлаю, и сдѣлаю именно по убѣжденію, что это осталось единственнымъ средствомъ для твоего спасенія».—Мухановъ меня поддерживалъ. Наконецъ Ивашевъ далъ намъ слово подождать недѣлю. Я не опасался, чтобы онъ нарушилъ его, тѣмъ болѣе, что Мухановъ жилъ съ нимъ и могъ за нимъ наблюдать.

На третій день послѣ этого разговора, я опять отпросился къ Ивашеву, и мы толковали объ его намѣреніи. Я исчислялъ ему всѣ опасности, всѣ невѣроятности успѣха. Онъ настаивалъ на своемъ, какъ вдругъ входитъ унтеръ-офицеръ, и говоритъ ему, что его требуетъ къ себѣ комендантъ. Ивашевъ посмотрѣлъ на меня; но видя мое спокойствіе, съ чувствомъ сказалъ мнѣ: Прости меня, другъ Б., въ минутномъ подозрѣніи. Но что бы это значило?» прибавилъ онъ, — «не понимаю». Я сказалъ ему, что дождусь его возвращенія, и остался съ Мухановымъ.

«Ивашевъ возвратился не скоро. Комендантъ продержалъ его часа два, и мы уже не знали, къ чему приписать его долгое отсутствіе. Опасались даже, не открылось ли какимъ образомъ нелѣпое намѣреніе бѣгства. Наконецъ приходитъ Ивашевъ, разстроенный, и въ несвязныхъ словахъ сообщаетъ намъ новость, которая и насъ поразила. Комендантъ присылалъ за нимъ для того, чтобы передать ему два письма; одно его матери, а другое матери будущей жены его, и спросить его, согласенъ ли онъ жениться на той дѣвушкѣ, мать которой писала это письмо. Оно адресовано было къ матери Ивашева. Въ немъ Г-жа Ледантю открывала ей любовь дочери къ ея сыну, говорила, что эта любовь была причиною ея опасной болѣзни, въ продолженіи которой, думая умереть, она призналась матери въ своей къ нему привязанности, и что тутъ же мать дала слово дочери, по выздоровленіи ея, увѣдомить

объ этомъ г-жу Ивашеву, и въ случаѣ ея согласія и согласія сына, дозволить дочери ѣхать въ Сибирь для вступленія съ нимъ въ бракъ. Въ этомъ письмѣ она упоминала также, что дочь ея ни за что бы не открыла сердечной тайны своей, если бы Ивашевъ находился въ прежнемъ положеніи, но что теперь, когда его постигло несчастіе, и когда она знаетъ, что присутствіемъ своимъ можетъ облегчить его участь, доставить ему нѣкоторое утѣшеніе, то не задумывается нарушить свѣтскія приличія—предложить ему свою руку. Мать Ивашева отправила это письмо, вмѣстѣ съ своимъ, къ графу Бенкендорфу и тотъ, съ разрѣшенія Государя, предписывалъ коменданту спросить самаго Ивашева, согласенъ ли онъ вступить въ бракъ съ дѣвицею Ледантю.»

«Ивашевъ просилъ коменданта повременить отвѣтомъ до другаго дня. Мы долго разсуждали объ этомъ неожиданномъ для него событіи. Дѣвицу Ледантю онъ очень хорошо зналъ. Она воспитывалась съ его сестрами у нихъ въ домѣ, и въ то время, когда онъ бывалъ въ отпускахъ, очень ему нравилась, но никогда онъ не помышлялъ жениться на ней, потому что различіе въ ихъ общественныхъ положеніяхъ не допускало его останавливаться на этой мысли. Теперь же, припоминая нѣкоторыя подробности своихъ съ ней сношеній, онъ долженъ былъ убѣдиться въ ея къ нему сердечномъ расположеніи. Вопросъ о томъ, будетъ ли она счастлива съ нимъ въ его теперешней жизни, будетъ ли онъ умѣть вознаградить ее своею привязанностію за ту жертву, которую она принесетъ ему, и не станетъ ли онъ впослѣдствіи раскаиваться въ своемъ поступкѣ, очень его тревожилъ. Мы съ Мухановымъ знали его простой характеръ, знали всѣ его прекрасныя качества, были увѣрены, что оба они будутъ счастливы, и потому рѣшительно совѣтовали ему согласиться. Наконецъ онъ рѣшился принять предложеніе. Разумѣется, послѣ этого рѣшенія не было и помину о побѣгѣ. Я даже не знаю, куда дѣвался его искуситель, и какъ онъ отъ него отдѣлался. Не возьми я отъ него слова подождать недѣлю, легко могло бъ случиться, что эти письма не застали бы его въ Читѣ и пришли, когда дѣлались

бы объ немъ розыски, слѣдовательно не только бы бракъ его не состоялся, но и самъ онъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, непремѣнно бы погибъ тѣмъ или другимъ образомъ. Такъ иногда самое ничтожное обстоятельство, по волѣ Провидѣнія, спасаетъ, или губитъ человѣка.» (Изъ Сборника: XIX вѣкъ.)

«Весною 1860 года, двоюродный мой братъ, пишетъ ко мнѣ Графъ М. Д. Бутурлинъ, Генералъ Д., въ бытность свою въ Петербургѣ, отобѣдавъ однажды у своего знакомаго И. Н. К...а и желая доставить удовольствіе семи или восьми-лѣтней дочери послѣдняго, предложилъ ея отцу покататься съ нею въ его (генерала Д.) каретѣ, по случаю бывшей тогда въ городѣ иллюминаціи. Карета была двухмѣстная, и потому въ нее усѣлись только оба упомянутые мужчины, а дѣвочкѣ пришлось стоять передъ ними; монотонность тихаго по улицамъ катанія надоѣла хозяину кареты, а такъ какъ выѣзжать изъ ряду экипажей не дозволялось, онъ приказалъ кучеру остановиться и вышелъ изъ кареты, чтобы пѣшкомъ добраться до своей квартиры, находившейся неподалеку оттуда, у Конюшеннаго моста на Мойкѣ. Но едва дѣвочка усѣлась на мѣстѣ, занимаемомъ прежде генераломъ Д., какъ какой-то экипажъ, лошадей коего не могъ удержать ихъ кучеръ, устремился поперегъ рядовъ, и дышло этого экипажа врѣзалось въ окно дверцевъ кареты, въ коей сидѣли И. Н. К.... съ своею дочерью, и пробивъ поднятое оконное стекло, вошло концемъ въ противуположное окно. Случись это нѣсколькими минутами ранѣе, когда генералъ Д. сидѣлъ еще въ каретѣ, стоявшая между дверцами дѣвочка была-бы убита на повалъ.»

«Съ вышеупомянутымъ родственникомъ моимъ генераломъ Д. былъ еще слѣдующій случай весною 1869 года. Надо объяснить первоначально, что у него привычка, какъ скоро проснется, (а встаетъ онъ рано), позвонить, чтобы камердинеръ вставалъ, но онъ не долженъ прежде придти къ своему господину, какъ тщательно умывшись, причесавшись, и уже опрятно одѣтый на весь день, какъ слѣдуетъ при-

слугѣ аристократическаго дома; послѣ чего онъ долженъ приняться приготовлять все нужное для утренняго туалета его господина, (холодную воду для умыванія и горячую для бритья), а до того времени генералъ Д. продолжаетъ лежать въ постели. Въ утро описываемаго мною происшествія всѣ эти операціи камердинеръ кончилъ ранѣе обыкновеннаго, потому что ему нужно было дѣлать менѣе приготовленій, и генералу Д. не надо было оставаться въ постели такъ долго, какъ въ обыкновенные дни. Но едва всталъ онъ съ постели, и, надѣвъ утренній халатъ, подсѣлъ къ своему туалетному столу, какъ одна балка, (оказавшаяся впослѣдствіи гнилою), упиравшаяся о боровъ, рухнулась на чердакѣ, и пробила часть потолка и трубу печи; груда кирпича, штукатуры съ обломками балки, посыпалась на желѣзную кровать моего родственника,—она стояла подъ самымъ этимъ мѣстомъ,— и сломала ее въ дребезги. Будь это наканунѣ или на слѣдующій (послѣ происшествія) день, когда утреннія туалетныя приготовленія генерала Д. задержали бы его въ постели, онъ неминуемо былъ бы задавленъ на мѣстѣ. Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, онъ немедленно послалъ за своимъ приходскимъ священникомъ, (это происходило въ его имѣніи Рязанской губерніи), и отслужилъ благодарственный молебенъ за столь чудесное свое избавленіе отъ преждевременной и ужасной смерти.»

«И послѣ этого иные говорятъ, что чудесъ уже болѣе нѣтъ. Ихъ нѣтъ для тѣхъ, кои не хотятъ ихъ замѣчать,—если видѣвши ихъ, не хотятъ признавать ихъ за таковыя.»

(Изъ письма Е. В. У....)

«Братъ мой, Преосвященный Л. имѣлъ не болѣе 4-хъ лѣтъ отъ роду, когда родители его взяли съ собою на дачу своихъ знакомыхъ. Многіе изъ приглашенныхъ пожелали качаться на качеляхъ, и малютку, брата моего, посадили верхомъ на доску и велѣли обхватить ее ножками, чтобы не упасть.

Едва сдѣлали первый взмахъ, какъ мать моя обратилась къ хозяину дома съ убѣдительною просьбою снять ея сына. Напрасно хозяинъ увѣрялъ, что опасности нѣтъ никакой, что столбы и веревки совершенно новы, освидѣтельствованы имъ самимъ, матушка объявила, что ея нога не будетъ болѣе въ его домѣ, если онъ не уступитъ ея просьбамъ. Хозяинъ не сталъ болѣе упорствовать; брата моего сняли съ доски; но едва успѣли раскачать снова, какъ веревки оборвались, будто подрѣзанныя, и всѣ качавшіеся получили сильные ушибы; нѣкорые остались увѣчными на всю жизнь».

«Младшая сестра моя жила съ своею кормилицею въ домѣ тетки нашей. Въ одинъ вечеръ матушка объявила, что желаетъ взять къ себѣ малютку. Тетка отвѣчала, что уже поздно, всѣ люди заняты, переносить колыбель некому, и лучше оставить до утра. Матушка отвѣчала, что колыбель можно перенести утромъ, но что малютка останется у нея и будетъ спать на диванѣ. Она извиняла свою настойчивость тѣмъ, что ея сердце тоскуетъ при мысли отпустить отъ себя дочь. Каково же было удивленіе всѣхъ живущихъ въ домѣ, когда увидѣли поутру, что огромная часть карниза упала прямо въ колыбель и всю завалила.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, братъ мой, Преосвященный Л. былъ въ домѣ Графа Т.... и сидѣлъ на диванѣ, рядомъ съ Т. Б. Потемкиной. На столѣ лежала брошюра духовнаго содержанія. Владыка, наклонившись къ столу, сталъ читать ее, а Татьяна Борисовна, тоже наклонившись, внимательно слушала. Вдругъ большой обломокъ карниза упалъ позади сидѣвшихъ и завалилъ весь диванъ. Владыка, благодареніе Богу, не получилъ нималѣйшаго ушиба, а Татьяна Борисовна, по плечу которой слегка только скользнулъ карнизъ, должна была прибѣгнуть къ медицинской помощи».

Еслибъ случайно не наклонились читавшіе, то карнизъ упалъ бы на нихъ,

Одинъ мой пріятель, котораго я знаю, какъ самъ себя, и которому довѣряю вполнѣ, разсказывалъ мнѣ о себѣ слѣдующее. Я долженъ однакожъ предупредить читателей, что не могу передать всѣхъ подробностей, особенно поразительныхъ. Мой разсказъ, сведенный на общія выраженія, лишенный по необходимости, такъ сказать, своихъ живыхъ чертъ, долженъ потерять очень много относительно своей убѣдительности. Пріятель мой рѣшился на одно непозволительное дѣйствіе, которое, впрочемъ по общимъ понятіямъ, причисляется къ самымъ обыкновеннымъ. Рѣшеніе послѣдовало за продолжительной внутренней борьбою, которая возобновлялась въ нѣсколько пріемовъ, и совершалась съ разныхъ сторонъ. Здѣсь онъ удостовѣрился, говорилъ онъ мнѣ, какъ можетъ быть хитра наша совѣсть и какими благовидными парадоксами можетъ она оправдывать насъ въ нашихъ глазахъ и доказывать необходимость, позволительность дѣла, которое намъ хочется сдѣлать. Наконецъ всѣ нравственныя пытки кончились, и онъ, успокоенный, рѣшился... вдругъ явилось препятствіе неожиданное, и онъ не могъ исполнять своего намѣренія. Прошло нѣсколько времени, и препятствіе отстранилось, онъ хочетъ снова приступить.... является другое такое-же препятствіе.... таже исторія начинается съ этимъ, и оканчивается такъ-же. Еще и еще приступаетъ онъ вновь, и всякій разъ неожиданный случай останавливаетъ. Такъ происходило нѣсколько разъ впродолженіи недѣль шести. Наконецъ всѣ возможные случаи противные, кажется, перебывали, ничто не могло остановить. Онъ идетъ... и вдругъ происходитъ то, онъ слышитъ то, чего и вообразить не могъ! Его ударило, какъ будто обухомъ по лбу. Онъ былъ ошеломленъ и намѣреніе его исчезло изъ головы. Онъ промучился еще дней пять въ страхѣ, чтобъ намѣреніе, не одному ему извѣстное, не повлекло за собою опасныхъ слѣдствій, и страхъ его имѣлъ за собою вѣроятныя основанія; къ большему его безпокойству, одинъ человѣкъ, совершенно посторонній, сказалъ по этому случаю безотчетно нѣсколько словъ, которымъ можно было придать ужасный смыслъ. Чрезъ пять уже дней недоумѣніе объ-

яснилось, и онъ узналъ, что ничего особеннаго не было, и страхъ былъ по пустому, имѣвшій однакожъ для него всю силу дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что пріятель мой рѣшительно былъ отстраненъ отъ исполненія своего намѣренія. Въ этомъ происшествіи, по его разсказу, видѣлъ онъ ясно, и какъ будто осязалъ чью-то Руку, которая устраивала, проводила, отстраняла его отъ преднамѣреннаго дѣйствія, и тотчасъ отправился къ Митрополиту Филарету, совершенно объятый своею мыслію, не для того, чтобъ спросить его совѣта, а чтобъ сообщить ему удивительное происшествіе, въ которомъ ясно видны были для него дѣйствія Промысла. Онъ не помнилъ, что сказалъ ему Митрополитъ, потому что собственно не думалъ въ ту минуту ни объ чемъ, кромѣ того, что самъ зналъ, чѣмъ былъ владѣемъ и что хотѣлъ передать для назиданія.

У одного изъ почтеннѣйшихъ Московскихъ гражданъ занемогла горячкою меньшая дочь, дѣвушка 17 лѣтъ. Въ бреду ей представлялся часто старикъ, блѣдный, худой, съ всклокоченными волосами, съ сѣдой бородой, въ ветхомъ рубищѣ, съ подвижными глазами. Она говорила объ немъ, какъ будтобъ видѣла его своими глазами, и такъ живо, ясно, что онъ поселился даже въ воображеніи всѣхъ ее окружающихъ. Болѣзнь кончилась несчастно, и дѣвушка скончалась вскорѣ. Чрезъ нѣсколько времени отецъ ея получаетъ письмо изъ острога отъ какой-то женщины, въ коемъ она умоляетъ его посѣтить ее въ острогѣ. «Въ несчастіи сердце умягчается,» разсказывалъ онъ мнѣ, «и я поѣхалъ въ острогъ узнать, что это за женщина, и [illegible] желаетъ видѣть меня, отыскалъ ее и спросилъ». «Я Рижская мѣщанка, и слѣдую за своимъ мужемъ, сосланнымъ на поселеніе, но я беременна, и мнѣ тяжело идти по этапамъ, я прошу васъ исходатайствовать мнѣ подводу.» Почему же ты обратилась ко мнѣ?» «По дорогѣ мнѣ встрѣтилась женщина, жившая въ вашемъ домѣ, и увѣрила меня, что вы добрый человѣкъ, и вѣрно исполните мою просьбу. Еще прошу васъ,

не возобновилась. Крюкова была совершенно довольна, получивъ неожиданное удовлетвореніе".

Я слышалъ объ этомъ странномъ случаѣ отъ Д. М. Перевощикова, и на вопросъ профессору Симонову въ Казани въ 1845 году, о достовѣрности, получилъ въ отвѣтъ: «всѣ свидѣтели живы, — Моисѣевъ, Казембекъ, Крюкова, (онъ назвалъ мнѣ, кажется, еще профессора Ковалевскаго), и они всѣ могутъ вамъ засвидѣтельствовать, что все это было точно такъ.

«Графъ Левъ Николаевичъ Толстой, авторъ «Войны и мира,» разсказалъ мнѣ одинъ случай изъ своей жизни, который и просилъ я его записать для моего собранія. Вотъ его письмо:

«Проигравшись (въ молодости) въ карты, я передалъ зятю свое имѣніе, съ тѣмъ, чтобы онъ уплачивалъ мои долги, и присылалъ мнѣ на содержаніе по 500 р. въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я далъ ему слово не играть больше въ карты. Но на Кавказѣ я опять сталъ играть, спустилъ все, что у меня было, и задолжалъ Кноррингу 500 рублей на вексель. Срокъ подходилъ, денегъ у меня не было, а зятю писать не смѣлъ о своемъ позорѣ, и былъ въ отчаяніи. Жилъ я тогда въ Тифлисѣ, чтобъ держать юнкерскій экзаменъ. Я не спалъ ночей, мучился, обдумывалъ, что мнѣ дѣлать, и вспомнилъ о молитвѣ и силѣ вѣры. Я сталъ молиться отъ глубины души, считая свою молитву испытаніемъ силы вѣры; молился, какъ молятся юноши, и легъ спать будто успокоенный. Поутру, лишь только я проснулся, подаютъ мнѣ пакетъ отъ брата изъ Чечни. Первое, что я увидѣлъ въ пакетѣ— это былъ мой разорванный вексель. Братъ писалъ ко мнѣ: Садо, (мой кунакъ, молодой малый, Чеченецъ, игрокъ,) обыгралъ Кнорринга, выигралъ твой вексель, привезъ ко мнѣ, и ни за что не хочетъ брать съ тебя денегъ.»

Въ 1850 году я, пишетъ ко мнѣ Г. Чубаторовъ, служилъ по откупамъ въ Клинскомъ уѣздѣ и состоялъ повѣреннымъ, въ Подсолнечной дистанціи. Въ районѣ этой дистанціи былъ цѣловальникъ, вдовецъ, имѣвшій есть человѣкъ дѣтей—малъ мала меньше, такъ что старшему было не больше 12 лѣтъ. Я подозрѣвалъ его въ плутняхъ, но никакъ не могъ его уловить, при всей своей аккуратности и ревности къ интересамъ откупа. Такая постоянная исправность его меня еще болѣе бѣсила, такъ что я наконецъ принялъ непремѣнное намѣреніе поймать его, во что-бы то ни стало, а по тогдашнимъ порядкамъ откупа захотѣть повѣренному сдѣлать непріятность цѣловальнику значило тоже, что сдѣлать ее на самомъ дѣлѣ; самый исправнѣйшій изъ исправнѣйшихъ цѣловальниковъ не могъ устоять предъ придирками повѣрочной ревизіи. Задавшись этою недоброю мыслію, я для лучшаго приведенія ея въ исполненіе выбралъ такое время, когда менѣе всего всякій цѣловальникъ могъ ожидать повѣрки. Это было на Страстной недѣлѣ, а надобно замѣтить, что Страстная недѣля того года пришлась въ самое водополье, питейный же домъ, цѣль моихъ недобрыхъ стремленій, находился на берегу рѣки Шоссы, которая въ этомъ мѣстѣ разливается версты на полторы, и на нѣсколько дней затопляетъ самую деревню со всѣми ея постройками, что еще болѣе давало мнѣ поводъ разсчитывать на безпечность цѣловальника. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, и часто злыя его намѣренія противу другихъ обращаетъ къ его же собственному вразумленію. Такъ точно случилось и со мною.

Путь къ преднамѣренному мною питейному дому, какъ сказано выше, былъ только одинъ по тому времени—водою. Погода съ утра стояла прекрасная и тихая, такъ что я безъ труда нашелъ лодочниковъ, которые взялись свозить меня взадъ и впередъ за три рубля серебромъ. Быстро подвигаемся мы впередъ, при благопріятномъ, тихомъ вѣткѣ, и по мѣрѣ того, какъ сокращается путь, я болѣе и болѣе услаждаюсь мыслію, что вотъ-вотъ скоро наступитъ время къ исполненію моего желанія. Но едва проѣхали мы половину пути, какъ

поднимается сильный вѣтеръ съ ураганомъ; рѣка Шосса начинаетъ волноваться страшнымъ, невиданнымъ образомъ; волны бьютъ чрезъ борты нашей лодки, и она такъ быстро наполняется водою, что я не успѣваю выливать изъ нея; всѣ усилія гребцевъ-лодочниковъ остаются почти совсѣмъ тщетными; насъ несетъ по волѣ вѣтра, и мы съ часу на часъ ждемъ, что или зальетъ лодку, или опрокинетъ. Однакожъ видимъ, что, благодаря направленію вѣтра, насъ прибиваетъ къ той деревнѣ, куда ѣхали. Какъ только мы сравнялись съ однимъ изъ сараевъ этой деревни, я, уже напуганный, и, судя по вѣтру, не надѣющійся доѣхать до самой деревни, спросился лодочниковъ и выскочилъ изъ лодки на крышу сарая. Здѣсь, почувствовавъ себя въ безопасности, получивъ возможность разсуждать, я подумалъ, что Господь наказалъ меня именно за мое злое намѣреніе противъ невиннаго [illegible]-семейнаго цѣловальника, посему тогда же отложилъ это намѣреніе, и даже вовсе не хотѣлъ ѣхать въ деревню, но лодочники не хотѣли оставить меня тутъ, опасаясь, въ случаѣ несчастія со мною, быть обвиненными въ моей смерти. Къ тому же погода поутихла, и мы опять продолжали путь. Но едва въѣхали въ рѣку, какъ вѣтеръ поднялся съ бо́льшею противъ прежняго силою, и, къ довершенію несчастія, откуда-то взялся ледъ и снѣгъ, съ быстротою несшійся по рѣкѣ, попавши въ который, наша лодочка уже никакъ не могла повиноваться гребцамъ, успѣвавшимъ только распихивать ледъ, чтобы совсѣмъ не сломалъ ее. Такимъ образомъ мы, въ виду постоянной опасности утонуть, промаялись цѣлый день, лавируя туда и сюда около деревни, но никакъ не могли пристать къ берегу, и только уже къ вечеру Господь умилосердился надъ нами, и мы, живые, пристали къ питейному дому. Нѣтъ нужды говорить, что было въ моемъ сердцѣ, когда тотъ же самый цѣловальникъ, противъ котораго я мыслилъ злое, радушно окружилъ меня съ своими дѣтьми, съ участіемъ распрашивалъ о моемъ несчастіи, и жалѣлъ о моемъ неблагора-

зимнемъ путешествіи въ такое время. Съ тѣхъ поръ не только самъ стараюсь не обижать никого изъ слабѣйшихъ, но и другимъ говорю при каждомъ удобномъ случаѣ о томъ-же».

А. И. Кошелевъ разсказывалъ мнѣ два случая въ этомъ родѣ изъ своей жизни:

У него было дѣло въ Петербургѣ, за которымъ нужно было туда ѣхать. Времени оставалось много до назначеннаго срока, и онъ не спѣшилъ, но наконецъ собрался и поѣхалъ, не думая о скорости.— На первой станціи, въ Черной Грязи, онъ легъ уснуть, и видитъ во снѣ, что кто-то торопитъ ѣхать скорѣе, объявляя, что дѣло рѣшается вмѣсто назначеннаго срока гораздо раньше, такъ что онъ потеряетъ его при малѣйшемъ промедленіи. Онъ проснулся, рѣшился послѣдовать полученному совѣту, и погналъ изъ всѣхъ силъ. Дѣйствительно онъ только что могъ поспѣть къ той минутѣ, когда дѣло подвергалось рѣшенію, и было бы для него потеряно, еслибъ онъ на одинъ часъ пріѣхалъ въ Петербургъ позднѣе.

Второй случай: Живя за границею, онъ написалъ письмо, важное для него, и понесъ въ ящикъ, но опустилъ его, въ разсѣяніи, мимо отверстія, и пакетъ упалъ на землю. Ему показалось это указаніемъ, что письмо не должно было быть послано. Онъ не послалъ, и послѣ удостовѣрился, что поступилъ хорошо.

Покойный Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ разсказывалъ мнѣ, что ему очень хотѣлось имѣть портретъ своей матери, вскорѣ послѣ ея кончины, но онъ не зналъ, гдѣ отыскать знакомаго ему художника Соколова, который, надѣялся онъ, всѣхъ лучше можетъ исполнить его желаніе. Въ ту минуту, какъ онъ о немъ думалъ, Соколовъ, ни съ того, ни съ сего, является къ нему за какими-то нечаянно встрѣтившимися ему дѣлами. А. В. описываетъ ему образъ своей матери, объясняетъ, предлагаетъ сравненія. Соколовъ берется сдѣлать опытъ,

и въ туже ночь видитъ покойную Анну Николаевну во снѣ такъ долго и живо, что черты ея врѣзываются у него въ памяти. Онъ проснулся и написалъ портретъ къ полному удовольствію ея сына и всѣхъ его знакомыхъ.

Разсказъ графа Дмитрія Николаевича Толстаго.

«Въ понятіяхъ нашихъ, даже самыхъ благочестивыхъ, мы привыкли разумѣть подъ словомъ «чудо» всегда какое либо исцѣленіе отъ болѣзни или недуга, неизлѣчимыхъ средствами науки, избавленіе отъ потопленія, или другаго рода видимой смерти и т. п. Но не слишкомъ ли тѣсно такое понятіе? Вполнѣ ли исчерпываемъ мы этимъ изъясненіемъ значеніе чуда, какъ непосредственнаго дѣйствія Божественной благодати? Есть множество событій въ жизни каждаго изъ насъ, которыя или остаются незамѣченными, или безсмысленно приписываются случаю, но которыя, при сколько нибудь внимательномъ взглядѣ, носятъ на себѣ явную печать особеннаго Промысла, и всецѣло принадлежатъ къ разряду такихъ явленій, которыя у вѣрующихъ называются *чудесами*, а у невѣрующихъ—*необъяснимыми* случаями. Такого рода явленія, кажется, прилично было бы опредѣлить такъ: чудомъ называется всякое происшествіе духовнаго, матеріальнаго или гражданскаго строя, въ которомъ разумное соглашеніе средствъ съ цѣлію, всегда для насъ спасительною, совершается внѣ насъ самихъ и внѣ нашей воли. Не знаю, кто бы такое явленіе могъ приписать случаю, который сами его адгеренты называютъ слѣпымъ.»

Въ поясненіе разскажу бывшее со мною событіе:

«Въ 1860 г., во время службы моей въ В., мнѣ случилось быть по дѣламъ въ Петербургѣ. Проживъ тамъ нѣсколько недѣль, я спѣшилъ возвратиться въ В., гдѣ, въ свою очередь, меня ожидали весьма важныя дѣла; но высшее начальство, давая мнѣ ежедневно новыя занятія,

задерживало меня въ Петербургѣ, и наконецъ поручило весьма сложное и большое дѣло, по одному изъ законодательныхъ вопросовъ того времени. Не видя конца такому порядку занятій, мнѣ пришло на мысль отпроситься въ Москву и взять съ собою этотъ трудъ. Тамъ, имѣя менѣе знакомыхъ и болѣе времени, чѣмъ въ Петербургѣ, я надѣялся скоро окончить мою работу, и уже не получая такой же вновь, отослать ее чрезъ почту въ подлежащее мѣсто, а самому отправиться въ В.— Предложеніе мое, признаюсь, сверхъ моего ожиданія, было принято благосклонно, и я на другой же день уѣхалъ.»

«Въ Москву я прибылъ утромъ въ среду, и поспѣшилъ записаться на обѣдъ въ Англійскій клубъ. Между тѣмъ добрый мой пріятель К., узнавъ о моемъ пріѣздѣ, пригласилъ меня обѣдать къ себѣ, гдѣ собрался небольшой кружокъ любимыхъ и уважаемыхъ мною лицъ. Послѣ обѣда время летѣло незамѣтно, такъ что я забылъ даже о намѣреніи моемъ быть въ клубѣ. Наконецъ, вспомнивъ объ этомъ, я нехотя отправился туда, послѣ 10 ч. вечера, чтобы извиниться предъ тѣмъ, кто записалъ меня на обѣдъ.—Въ клубѣ мы составили, что называется «партію,» и когда я игралъ, ко мнѣ подошелъ старинный мой знакомый — сенаторъ кн. Д., и просилъ не уѣзжать изъ клуба, не переговоривъ съ нимъ объ одномъ дѣлѣ. Я давно знаю и уважаю Д., но никогда не имѣлъ съ нимъ никакихъ тѣсныхъ связей, и его желаніе переговорить сомною объяснилъ себѣ тѣмъ, что Д. былъ однимъ изъ предмѣстниковъ моихъ по занимаемому мною въ В. мѣсту, и потому, вѣроятно, хотѣлъ рекомендовать мнѣ какого нибудь тамошняго, подчиненнаго мнѣ, чиновника, и, каюсь, не спѣшилъ на это объсненіе— до того, что напослѣдокъ совсѣмъ забылъ о немъ.

Послѣ картъ, въ одной изъ залъ клуба, я снова сталкиваюсь съ Д., и снова получаю тоже приглашеніе. Тогда, отправившись въ боковую комнату, я услышалъ отъ Д., что въ пятницу * въ общемъ собраніи сената слушается мое дѣло. Не имѣя никакихъ рѣшительно

*) Засѣданія общаго собранія бываютъ разъ въ недѣлю—по пятницамъ.

тяжбъ, я крайне былъ удивленъ этимъ, и спросилъ: «какое? съ кѣмъ?» Но Д., приписывая это моей неискренности, очевидно оскорбился, и отвѣчалъ что мое дѣло должно быть извѣстно мнѣ ближе, чѣмъ ему. «Могу сказать вамъ только то,» прибавилъ онъ, «что въ департаментѣ я одинъ былъ благопріятнаго для васъ мнѣнія, и потому дѣло, за разногласіемъ, перешло въ общее собраніе,» и удалился.

Можно себѣ представить мое удивленіе, любопытство, безпокойство! Я зналъ положительно, что не имѣлъ въ это время ни съ кѣмъ и никакихъ тяжбъ, и вотъ узнаю, что есть тяжебное дѣло непосредственно со мною, дошедшее до разсмотрѣнія общаго собранія сената т. е. до высшаго судебнаго мѣста въ имперіи, безъ моего вѣдома! Сколько ни думалъ я, никакъ не могъ разъяснить себѣ этого обстоятельства, даже не могъ отгадать, съ кѣмъ и о чемъ у меня тяжба.

«Наконецъ, послѣ безпокойной, и, могу сказать, безсонной ночи, я на другой день, утромъ, отправляюсь въ сенатъ, гдѣ дѣйствительно узнаю, что тамъ приготовлено къ слушанію дѣло по частной жалобѣ наслѣдницы моего роднаго брата на неправильный будто бы раздѣлъ родоваго имѣнія, совершенный нами при его жизни,—съ просьбою отобрать у меня все, чемъ я владѣю.—Какъ же я не зналъ о такомъ дѣлѣ которое, въ случаѣ успѣха моей противницы, угрожало мнѣ нищетою?—Очень просто: дѣло шло частнымъ, не аппеляціоннымъ порядкомъ. Первая просьба, поданная на меня въ Д—й уѣздный судъ поступила послѣ законнаго срока, и была оставлена безъ уваженія, а потому, какъ не требовавшая возраженій, по существу дѣла, и не была мнѣ объявлена. Частная жалоба на это распоряженіе суда подана въ гражданскую палату, опять послѣ установленнаго для сего срока, и также оставлена безъ дѣйствія. Здѣсь, очевидно, было еще менѣе причинъ извѣщать меня о распоряженіи палаты. Наконецъ, жалоба на палату въ сенатъ опять принесена послѣ срока, и департаментъ сената единогласно заключилъ оставить ее безъ уваженія, но, чрезъ нѣсколько дней, оберъ-прокуроръ этого департамента пред-

ложилъ свое мнѣніе, что установленные закономъ сроки противницею моею не пропущены, и полагаетъ, разсмотрѣвъ дѣло по существу, возстановить ея права. Департаментъ, не смотря на прежнее заключеніе, согласился съ нимъ,—кромѣ кн. Д., который одинъ нашелъ, что если за два дни назадъ онъ убѣдился, что сроки пропущены, и если не доказано, что при первомъ докладѣ числа были выставлены невѣрно, то онъ не видитъ причины перемѣнить данное имъ мнѣніе. Такимъ образомъ, дѣло поступило въ общее собраніе сената совершенно безъ моего вѣдома.

Пересмотрѣвъ печатную записку, приготовленную къ докладу, я нашелъ, что въ ней была пропущена одна весьма важная и существенная справка. Оберъ-секретарь сознался, что это сдѣлано по упущенію канцеляріи, обѣщалъ ее пополнить; но это было только обѣщаніе, а гдѣ же ручательство, что обѣщаніе будетъ приведено въ исполненіе?—Положеніе мое было безвыходно. Съ одной стороны мнѣ угрожало, если не разореніе, потому что я твердо былъ увѣренъ въ святости моихъ правъ, то, по крайней мѣрѣ, продолжительная тяжба съ издержками, конца которой нельзя было предвидѣть; съ другой, дѣло должно слушаться завтра. По закону, общее собраніе формальныхъ просьбъ не принимаетъ, и мнѣ оставался только одинъ способъ— довести до свѣдѣнія сенаторовъ о недостаткѣ въ изложеніи доклада — посредствомъ частной записки, врученной каждому сенатору отдѣльно. Но такихъ записокъ потребовалось бы до 30, которыя если бы я успѣлъ составить, переписать и даже развести ихъ по цѣлой Москвѣ, то сомнительно, чтобы сенаторы успѣли прочесть ихъ съ надлежащимъ вниманіемъ. Повторяю,—я былъ въ безвыходномъ положеніи!

Возложивъ все упованіе мое на Господа Бога, я рѣшился покориться своей участи, и ждать рѣшенія общаго собранія. Вечеромъ того же дня, я встрѣтился съ однимъ изъ вліятельныхъ сенаторовъ общаго собранія, и разсказалъ ему о неполнотѣ приготовленнаго доклада. Онъ обѣщалъ обратить на это вниманіе, и сдержалъ слово.

«Не буду утомлять вниманіе читателей дальнѣйшимъ разсказомъ объ этомъ дѣлѣ: скажу только, что, на основаніи этой справки, пропущенной канцеляріею, и возстановленной сенаторомъ, я дѣло выигралъ, и избавился отъ безконечной тяжбы, которая неминуемо отравила бы послѣдніе дни моей жизни.

Что же это такое? Простой, или *необъяснимый* случай? Неоспоримо, что могла *случиться* эксцентрическая мысль ѣхать изъ Петербурга въ Москву, чтобы работать по дѣлу, данному мнѣ изъ центральнаго управленія; могло *случиться*, что я пріѣхалъ въ Москву въ среду,— т. е. въ одинъ изъ двухъ дней въ недѣлѣ, когда бываютъ обѣды въ Англійскомъ клубѣ, гдѣ я могъ узнать о моемъ дѣлѣ; могло *случиться*, что я встрѣтился тамъ съ кн. Д. Но все это могло *случиться отдѣльно*, и не представило бы ничего необыкновеннаго, ничего удивительнаго;—случившееся же въ совокупности, это представляетъ уже рядъ событій въ разумной цѣлесообразной связи, и конечно не можетъ быть признано слѣпымъ случаемъ — даже потому, что слѣпое не видитъ, тогда какъ здѣсь эти событія ясно и разумно руководили мною. Не должно также упускать изъ вида, что, пріѣзжай я въ Москву днемъ позже,—не узнать бы мнѣ даже о существованіи этого дѣла.

И какъ странно! — Во все это время я самъ какъ бы уклонялся отъ руководящей меня силы,—напримѣръ, не поѣхалъ обѣдать въ клубъ, не только не спѣшилъ на объясненіе съ кн. Д., но даже забылъ о немъ и т. п.

Соображая все это, нельзя не убѣдиться, что все происшедшее со мною совершилось не только внѣ моего разума и воли, но даже и во. преки этой послѣдней, — а такое убѣжденіе необходимо приведетъ къ другому: что событіе это, нося въ себѣ всѣ условія такого явленія, кот орое вѣрующіе называютъ «чудомъ,» никакъ не можетъ быть отнесен не только къ простому, но даже и необыкновенному случаю.“

12 Марта 1860 г.
Село Т.....

Изъ записокъ Н.А Величкова.

«Въ 1872 году, въ чистый четвергъ страстной седмицы, сидѣлъ я въ конторѣ села Новаго и тутъ-же былъ экономъ Г. — Вдругъ влетаетъ, жужжа, какое-то насѣкомое съ длиннымъ туловищемъ и крыльями. Увидя его, я махнулъ платкомъ,—и оно упало на полъ. Экономъ хотѣлъ его задавить ногою, но я не велѣлъ, и, взявъ за крылья ножницами, понесъ вонъ. Едва мы переступили порогъ въ переднюю, какъ за нами рухнулъ потолокъ—на то самое мѣсто, гдѣ мы за минуту стояли, и захватило даже столъ, за которымъ я сидѣлъ: упалъ слой алебастра, толщиною въ вершокъ, величиною въ $1^1/_2$ квадратныхъ аршина.»

„Въ питейномъ заведеніи на Калужской улицѣ г. Гжатска торговала женщина; часто она ночевала одна, но часто приглашала другихъ. Особенно часто ночевала у ней дѣвушка сосѣдняго двора. Однажды она пришла къ сидѣлицѣ ночевать и поужинала уже, но вдругъ на нее напала тоска, — захотѣлось домой, —и она ушла, не смотря на усилія хозяйки, не понимая сама, что съ нею сдѣлалось.

На утро сидѣлица оказалась убитою: останься тамъ дѣвушка, — и ей бы не миновать того, но видно—„не судьба.“

«Въ Гжатскѣ шли съ полдень, гдѣ доили коровъ, нѣсколько дѣвушекъ. Шедши мимо рѣчки, одна остановилась и на вопросъ: «что стала? отвѣчала: «я хочу купаться.» На всѣ отговорки подругъ, что жарко,—молоко прокиспетъ, дома ждутъ, послѣ, пойдемъ,—одинъ былъ отвѣтъ: «хочу, хочу, теперь хочу.» Тѣ пошли: она стала купаться—и утонула.

Что за сила, откуда она, заставила ее купаться? Недаромъ говоритъ видно пословица: кому быть повѣшеннымъ, тотъ не утонетъ, а кому утонуть, тотъ утонетъ и въ избѣ.»

«Мать моя, Наталья Ѳедоровна Чубаторева была урожденная фонъ-Вендрихъ, лютеранскаго исповѣданія. Ей слѣдовало получать имѣніе послѣ втораго мужа по завѣщанію, которое было представлено въ свое время въ Орловскую Гражданскую Палату для утвержденія, и тамъ, неутвержденное, завалялось между прочими такими же дѣлами! Прошло такимъ образомъ до 20 лѣтъ, какъ открылась надобность въ этомъ завѣщаніи для выдачи части сестрамъ. Мать обратилась къ бывшему повѣренному по нашимъ дѣламъ, губернскому секретарю, Дементію Михайловичу Спасскому, и просила его по секрету, чтобы онъ поискалъ его въ архивѣ Палаты. Какія ни употребляль усилія повѣренный, однакожъ, при тогдашней путаницѣ дѣлъ въ архивахъ Палаты все оказалось напраснымъ. Дѣло это сильно огорчало мать мою, женщину пожилую, съ кучею дѣтей. Она плакала и терялась въ средствахъ открыть доказательства своей собственности. Случилось такъ, что пріѣхали къ намъ родная сестра, моя Александра съ мужемъ своимъ Александромъ Ивановичемъ Селиверстовымъ, служившимъ тогда въ Казенной Палатѣ. Видя мать огорченною и въ постоянныхъ слезахъ, однакоже скрывающею отъ всѣхъ причину своего горя, они неотступными просьбами убѣдили наконецъ разсказать дѣло, какъ есть. Послѣ разсказа сестра замѣтила: «Эхъ, маменька, чему быть, тому не миновать, а ваше не пропадетъ; Александръ Ивановичъ похлопочетъ.» Потолковали такимъ образомъ и разошлись спать, не придумавши однакожъ на этотъ разъ ничего. На другой день зять встаетъ и говоритъ матери: «мамаша, я видѣлъ сонъ; ко мнѣ явился какой-то старикъ и сказалъ, чтобы я ѣхалъ въ городъ и отыскалъ вамъ принадлежащее духовное завѣщаніе; оно находится въ архивной комнатѣ Палаты на правой сторонѣ, въ такой-то стопѣ третье или четвертое.» Мать обрадовалась хоть сну; подумавши, она отправилась съ зятемъ въ Архивъ, и тамъ, ко всеобщему удивленію и особенно къ удивленію и радости ихъ самихъ, завѣщаніе было найдено именно натомъ мѣстѣ, какъ указалъ явившійся во снѣ старикъ Нужно замѣ-

тить, что зять, до разсказа въ предшествовавшій день, не зналъ даже о существованіи этого завѣщанія, а у повѣреннаго Спасскаго, во время его розысковъ, книга, въ которой оно нашлось, была въ рукахъ, можетъ быть, до 10 разъ. (Изъ записокъ Г. Чубаторова, равно, какъ и слѣдующій разсказъ.)

«Домъ жены моей былъ заложенъ въ Строительной Коммиссіи, и, при наступленіи срока платежей, я заблаговременно старался отыскать деньги. Два раза мнѣ удавалось занимать даже безъ всякихъ документовъ, но въ третій-Орловское купечество должно быть узнало, что у меня нѣтъ наличныхъ денегъ, и потому всѣ отказали мнѣ на отрѣзъ, къ кому ни обращался, такъ что домъ былъ назначенъ къ продажѣ съ аукціоннаго торга. Приближался и самый день продажи. Тоска беретъ, а помочь горю нѣтъ средствъ. Наканунѣ самаго аукціона, я, послѣ долгаго безъисходнаго раздумья, вдругъ говорю своей женѣ: «знаешь ли, что дѣлать намъ въ своемъ горѣ, давай молиться Богу; Господь укажетъ намъ средства выдти изъ нашей бѣды.» Она согласилась, тѣмъ болѣе, что еще прежде сама обѣщалась съѣздить во Мценскъ отслужить молебенъ Святителю Николаю Чудотворцу. Вмѣстѣ съ нею отправилась сестра моя. Отправляя ихъ, я имъ сказалъ, чтобы они скорѣе возвращались, да привозили деньги. Онѣ обѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что деньги будутъ, и это съ такою самоувѣренностію въ голосѣ и лицѣ, какъ будто-бы деньги были у нихъ въ карманѣ. Самъ же я остался дома, помолился предъ тоюже иконою Ѳедоровской Божіей Матери и успокоился. На другой день утромъ возвратились жена и сестра; я встрѣтилъ ихъ словами: «чтоже, привезли денегъ? Онѣ опять съ тою же самоувѣренностію говорятъ мнѣ, что деньги будутъ. Неуспѣли онѣ войти въ комнаты, какъ пріѣзжаетъ управляющій сосѣднимъ имѣніемъ Кирѣевскаго, Ив. Никан. Латышевъ, привозитъ деньги и повѣряетъ ихъ мнѣ безъ всякаго документа. А между тѣмъ этотъ же Латышевъ за нѣсколько дней предъ симъ

не соглашался дать мнѣ взаймы ни подъ какимъ условіемъ, хотя кромѣ меня просилъ его о томъ, съ ручательствомъ за меня, мѣстный священникъ О. Θеодоръ.

«Въ Охотномъ ряду, въ Москвѣ, жили въ старинномъ боярскомъ домѣ три брата Юрьевы. Зумблатъ, (близко извѣстный Г. Лубянскому человѣкъ очень благочестивый, и принадлежавшій къ масонству), былъ врачъ и другъ ихъ. Въ 11-ть часовъ вечера онъ оставилъ ихъ всѣхъ въ добромъ здоровьѣ; въ третьемъ часу ночи прислали сказать, что одинъ изъ нихъ при смерти. Нашелъ онъ его дѣйствительно въ безнадежномъ положеніи: заснулъ, во снѣ что-то видѣлъ; отъ боли въ груди проснулся, повторялъ, что дурно ему, спрашивалъ икону, которая представилась ему въ сновидѣніи. Приносили ему всѣ, сколько ни было образовъ въ старинномъ домѣ: все не тотъ онъ видѣлъ во снѣ. Вспомнили, что на чердакѣ былъ еще сундукъ съ образами. Между этими онъ узналъ представившійся во снѣ ему образъ, облилъ его слезами и съ горячею молитвою скончался.»

(Изъ записокъ Θ. П. Лубяновскаго.)

ОБРАЩЕНІЯ.

«Молодой человѣкъ, единственный сынъ богатыхъ родителей, возвратясь изъ Парижа въ Москву, вскружилъ голову многимъ, и прежде всѣхъ отцу и матери; зимою простудился и занемогъ, а какъ оправился, то Зумблатъ, врачъ его, совѣтывалъ ему больше беречь себя, да Вольтера и Гельвеція бросить. Не прошло года, онъ вновь занемогъ, не сильнѣе прежняго; вновь однакоже оправился, а врачъ выпустилъ его изъ рукъ своихъ съ тѣмъ же совѣтомъ. Не долго онъ [illegible] отъ заботы къ заботѣ, слегъ, и опасная болѣзнь развилась [illegible] сильно и быстро; до того ослабѣлъ, что самъ не могъ [illegible]. Въ одинъ день Зумблатъ замѣтилъ, что больной хотѣлъ

поговорить съ нимъ наединѣ: такъ и устроилъ. «Вы учили меня добру, да я не послушалъ васъ. Нельзя-ли позвать ко мнѣ священника, только такъ, чтобы не знали про то ни мать, ни отецъ?» Священникъ пришелъ въ 5 часовъ утра. По исповѣди, больнаго съ трудомъ приподняли на простыняхъ пріобщаться. Священникъ уходилъ. Зумблатъ провожалъ его, и неожиданно увидѣлъ за собою больнаго: самъ онъ всталъ съ кровати, проводилъ Св. Дары до третьей двери, былъ неописанно доволенъ, воротился, легъ, а черезъ полчаса заснулъ вѣчнымъ сномъ.»

(Изъ записокъ Ѳ. П. Лубяновскаго.)

«Іюня 17-го 1843 года скончался въ Москвѣ Князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій на 87 г. отъ рожденія. Онъ былъ нареченъ при святомъ крещеніи Прокопіемъ, (Іюля 8), но постоянно назывался и подписывался Владиміромъ. Родители его были: князь Михаилъ Петровичъ и княгиня Марія Михайловна, рожденная Римская-Корсакова. Владиміръ Михайловичъ служилъ въ гвардіи, и, вышедши въ отставку съ чиномъ ротмистра, въ царствованіе Императора Павла, отправился путешествовать въ чужіе края. Въ то время сильно еще свирѣпствовали на Западѣ вредныя ученія такъ называемыхъ энциклопедистовъ: Вольтера, д' Аламберта, Дидерота и проч., и, къ сожалѣнію, молодой Волконскій не миновалъ этой нравственой заразы: онъ возвратился въ свое отечество, ни во что не вѣруя. Прошло около тридцати лѣтъ, или болѣе, князь жилъ въ Москвѣ, въ своемъ Казанскомъ имѣніи,—много читалъ, посѣщалъ клубы, и какъ богатый человѣкъ, не отказывалъ себѣ въ тѣхъ жизненныхъ удовольствіяхъ, которыя доступны хотя воздержному по природѣ человѣку, но ни во что не вѣровавшему по убѣжденію, Храма Божія, разумѣется, князь не посѣщалъ, постовъ не соблюдалъ, и въ продолженіи не одного десятка лѣтъ не былъ на исповѣди, и добровольно лишалъ себя сообщенія Христовыхъ Таинъ. Въ 1833 или 34 году, князь поселился въ нижнемъ

этажѣ дома своего двоюроднаго племянника В. М. Римскаго-Корсакова, рядомъ съ Земледѣльческою школою, на Сѣнномъ бульварѣ, близь Смоленскаго рынка. Не подалеку жила двоюродная сестра князя, Елизавета Петровна Янькова, урожденная Римская-Корсакова, вдова подпоручика, весьма почтенная, благочестивая и умная старушка, имѣвшая свой собственный домъ въ Штатномъ переулкѣ, у Троицы въ Зубовѣ, (нынѣ Вепрейскаго). Елизавета Петровна, не будучи ни весьма богата, ни чиновна, безъ особыхъ связей, была въ свое время очень уважаема въ Москвѣ, потому что была умная женщина, умѣвшая каждаго принять и обласкать, и всегда готовая помочь и словомъ и дѣломъ.—Князь очень былъ друженъ съ своею двоюродною сестрою, и, не смотря на ихъ совершенно различныя убѣжденія относительно вѣры, они часто видѣлись, и почти черезъ день или черезъ два князь весь вечеръ просиживалъ въ гостинной у своей двоюродной сестры. Елизавета Петровна не разъ пыталась обратить князя на путь истины, видя безуспѣшность попытокъ поколебать невѣріе князя, мало по малу перестала касаться того предмета, въ которомъ они не сходились въ убѣжденіяхъ.»

«Князь любилъ много ходить пѣшкомъ, и обыкновенно, проходя по Смоленскому рынку, останавливался у лавокъ, спрашивалъ о цѣнѣ муки, ржи, овса, крупы и проч. Однажды, въ осенній воскресный день проходя черезъ Сѣнную площадь, онъ увидалъ, что стоитъ одинъ возъ сѣна, и при немъ старикъ мужичекъ. Торгъ окончился, всѣ продавцы разъѣхались, только этотъ старикъ стоялъ съ своимъ возомъ и ожидалъ покупателя на свой непродававшійся товаръ. Это было въ 1836 или 1837 году.—«Чего-же ты ждешь, старикъ?» спросилъ князь, проходя мимо крестьянина,—«Вѣстимо чего, родимый, покупателя; купи, баринъ, мое сѣно!» Князь велѣлъ было взвѣсить сѣно; вдругъ ему пришла мысль узнать, сколько въ немъ самомъ вѣса.—«А вотъ что, любезный,» сказалъ онъ,— «сперва взвѣсь-ка ты меня!» сказалъ онъ старику. Старикъ насмѣшливо посмотрѣлъ на стараго князя, покачалъ

головою и сказалъ ему: «Не на этихъ вѣсахъ намъ съ тобою слѣдуетъ вѣшаться, баринъ.»—А на какихъ-же? весело спросилъ князь?— «А вотъ на какихъ, отвѣчалъ крестьянинъ,—на тѣхъ, которые есть тамъ», и указалъ рукою на небо; — «тамъ насъ будутъ съ тобою взвѣшивать.»—Да развѣ тамъ есть вѣсы, опять спросилъ князь,—я думаю что тамъ нѣтъ ничего.—«Ну какъ бы тебѣ, баринъ, не прогадать.»—Да вѣдь тамъ ничего нѣтъ, повторилъ князь. «А ну, какъ есть, баринъ», возвразилъ крестьянинъ,—«вѣдь ты прогадаешь!»

«Князя поразили эти слова, онъ сильно задумался, купилъ возъ сѣна у старика, и велѣлъ отвезти къ себѣ на дворъ, а самъ пошелъ къ двоюродной своей сестрѣ Яньковой, и все ей разсказалъ. Елизавета Петровна, съ искреннимъ прискорбіемъ видѣвшая невѣріе князя, душевно обрадовалась этому случаю, и стала совѣтовать брату, чтобы онъ съѣздилъ къ Владыкѣ Московскому, покойному Митрополиту Филарету, побесѣдовалъ съ нимъ и попросилъ у него духовника. Князь поѣхалъ ко Владыкѣ, долго и подробно говорилъ ему о всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ, и вышелъ отъ него, ежели не вполнѣ убѣжденный въ истинахъ вѣры, то по крайней мѣрѣ съ желаніемъ въ нихъ убѣдиться. По совѣту Владыки онъ обратился къ бывшему тогда священнику у Троицы на Арбатѣ, Сергѣю Ивановичу, который мало по малу доказалъ ему, какъ онъ заблуждался, и уговорилъ князя принести покаяніе и говѣть.

«Съ тѣхъ поръ князь сдѣлался ревностнымъ исполнителемъ устава церковнаго, посѣщалъ храмъ Божій, соблюдалъ посты и скончался напутствуемый всѣми таинствами церкви Православной. Простое замѣчаніе крестьянина послужило толчкомъ къ обращенію его на путь истинный.»

[Разсказано и записано для меня племянникомъ Г-жи Яньковой Г-мъ Благово.]

[Изъ письма ко мнѣ графа М. Д. Бутурлина.]

Графъ Д. Н. Толстой можетъ разсказать вамъ чудесное событіе, совершившееся съ однимъ его сосѣдомъ по уѣзду. Сосѣдъ

сѣдъ этотъ, человѣкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ и нѣжный мужъ, относился къ религіи болѣе чѣмъ свободно, а жена его, женщина религіозная, особенно почитала Св. Великомученника Пантелеймона. Приключилась съ нимъ болѣзнь, по мнѣнію всѣхъ медиковъ, неизлѣчимая, и онъ видимо таялъ, такъ что дни его жизни, казалось, были сочтены. Но вотъ онъ видитъ во снѣ Св. Великомученника Пантелеймона, и, проснувшись на другой день, съ благоговѣніемъ осѣняетъ себя цѣлительнымъ елеемъ, взятымъ отъ чудотворной иконы и читаетъ ему акаѳистъ. Съ той минуты больной началъ поправляться не по днямъ, а, какъ говорится, по часамъ; вскорѣ совсѣмъ выздоровѣлъ и сдѣлался вѣрующимъ. Объ этомъ случаѣ знаетъ все Д—ское дворянство, и замѣчательно еще, что Гр. Д. Н. неоднократно пророчилъ своему сосѣду, что въ немъ столько мірскихъ добродѣтелей, что Всеблагій Господь непремѣнно призоветъ его къ Себѣ и наставитъ на путь истины.

ЯВЛЕНІЯ ПОКОЙНИКОВЪ.

Князь Василій Владимировичъ Долгорукій (1738—1784) былъ очень дружемъ съ Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ. Сей послѣдній неутѣшно плакалъ на похоронахъ своего друга. Въ туже ночь покойникъ явился ему, и обѣщалъ явиться вторично за три дня до его кончины. Протекло 43 года, и весною 1828 года Князь Долгорукій дѣйствительно явился Апраксину, который чрезъ три дня скончался (Изъ Сказаній о родѣ князей Долгорукихъ, с. 183),

Желательно имѣть болѣе обстоятельное извѣстіе объ этихъ явленіяхъ.

По поводу этого замѣчанія Графъ М. Д. Бутурлинъ пишетъ мнѣ слѣдующее: Сообщаю вамъ, что мнѣ лично извѣстно, и въ достовѣрности чего смѣю ручаться. Но надобно начать издалека. Въ 1819 году,

когда мнѣ было 12 лѣтъ, жили мы вмѣстѣ съ семействомъ С. И Мальцова въ окрестностяхъ Ливорно. Здѣсь однажды, во время гулянья, старшая дочь Мальцова, Ладыженская, разсказала намъ случайно, что въ Москвѣ живетъ старый вельможа Апраксинъ, который въ молодости былъ очень друженъ съ княземъ Долгорукимъ, что Апраксинъ былъ вольнодумецъ, и, пріятель его, умирая, далъ ему обѣщаніе явиться къ нему предъ его кончиною. Разсказъ этотъ еще тогда сильно поразилъ мое дѣтское воображеніе. Затѣмъ въ 1828 году, будучи уже юнкеромъ, я пріѣхалъ въ отпускъ въ Москву, остановился у тетки моей Графини Чернышевой. Московское общество въ то время не мало было занято вѣстію о болѣзни Ст. Степ. Апраксина, какъ одного изъ знаменитыхъ Московскихъ аристократовъ-старожиловъ. И вотъ однажды пріѣзжаетъ изъ Англійскаго клуба близкій человѣкъ къ семейству Чернышевыхъ Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ, сосѣдъ ихъ по деревнѣ, и между прочими разказываетъ, что въ клубѣ говорили о явленіи Апраксину его пріятеля, давно умершаго, который, обѣщалъ ему предупредить его о близкой кончинѣ. И дѣйствительно, спустя два, три дня, а можетъ быть и меньше, Апраксинъ скончался.

«Два штабъ-офицера, раненые въ Финляндскую войну, привезены въ столицу лѣчиться; одинъ изъ нихъ выздоровѣлъ, возвращался въ армію, и пришелъ проститься съ товарищемъ, съ которымъ былъ очень друженъ; этотъ въ шутку сказалъ: если пуля невзначай угодитъ ему прямо въ сердце, то навѣстилъ бы его съ того свѣта, сказалъ бы, что и каково тамъ. Обѣщано, хотя и неравнодушно:—разстались. Прошелъ мѣсяцъ, другой и третій; больной тихо оправлялся. Въ одну ночь видитъ товарища, во снѣ. «Вотъ я сдержалъ свое слово,» тотъ говоритъ ему, «я убитъ сегодня въ сраженіи; здѣсь хорошо, но я еще неосмотрѣлся. Ты сходи къ В. С. Тамарѣ. и попроси у него себѣ книжку, что у него въ коробу подъ фаянсовымъ сервизомъ: въ ней все, что тебѣ нужно знать.» Больной

записалъ число и сновидѣніе, а по приказамъ узналъ, что товарищъ дѣйствительно убитъ того числа въ сраженіи. Сколько скоро смогъ, бросился къ Василію Степановичу. Этотъ по своему обычаю руками и ногами отбивался отъ новаго знакомства съ человѣкомъ совсѣмъ ему неизвѣстнымъ; уступилъ наконецъ убѣдительной просьбѣ. Незванный гость объяснилъ ему причину посѣщенія, разсказалъ все, какъ было, прочиталъ записку о сновидѣніи, и просилъ приказать отыскать въ коробѣ съ фаянсовымъ сервизомъ завѣтную книжку. Тамара въ первый разъ въ жизни слышалъ отъ него имя покойника, а о коробѣ съ сервизомъ не зналъ и не вѣдалъ. Призванъ дворецкій, и тотъ не помнилъ въ домѣ короба съ фаянсовымъ сервизомъ. Хозяинъ потомъ самъ не хотѣлъ отступить отъ себя гостя безъ осмотра всѣхъ угловъ въ своемъ домѣ. Дворецкій повелъ его въ кладовую, оттуда въ подвалъ. Тамъ, въ темномъ углу, подъ разнымъ хламомъ стоялъ ящикъ съ фаянсовымъ сервизомъ: изъ Англіи въ Константинополь, а оттуда, обогнувъ Европу, на кораблѣ привезенъ въ Петербургъ съ другими вещами, и оставался въ забытьѣ по ненадобности. Что-же? Подъ сервизомъ, между листовъ оберточной бумаги, нашлось, въ листахъ, прекрасное изданіе «Подражаніе Іисусу Христу, Ѳомы Кемпійскаго на французскомъ языкѣ. Василій Степановичъ обѣими руками отдалъ его гостю.

Я смѣло могу прибавить къ этому его разсказу только то, что Тамара не умѣлъ и въ шутку сказать неправду или назвать вещь не своимъ именемъ.»

(Изъ записокъ Ѳ. П. Лубяновскаго).

Считаемъ долгомъ замѣтить, что В. С. Тамара былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ мистиковъ своего времени.

«Однажды, сидя въ кельѣ съ нашимъ духовникомъ», разсказывалъ мнѣ Соловецкій игуменъ Досиѳей жившій на покоѣ въ Симоновомъ монастырѣ въ 40 годахъ «мы разговаривали о смерти.» «Какъ пожи ваетъ теперь на томъ свѣтѣ нашъ отецъ Іона?» (не задолго предъ

тѣмъ скончавшійся),—сказалъ старикъ. «Вотъ еслибъ онъ пришолъ къ намъ оттуда и разсказалъ.«—«Хорошобы, отвѣчалъ я, да оттуда не скоро придешь! До самой близкой звѣзды много тысячъ верстъ отъ земли.» — «Отъ чего же бы не придти,» продолжалъ онъ.»—«Ну да приди ты ко мнѣ, если такъ, я приказываю тебѣ, какъ архимандритъ.» Старикъ задумался и началъ было отнѣкиваться, а я настаивалъ. Черезъ полгода мы разговорились опять о смерти, и я повторилъ ему свое предсказаніе. Случилось такъ, что старикъ черезъ годъ дѣйствительно занемогъ, и чувствуя приближеніе смерти, изъявилъ желаніе посхимиться. Онъ прислалъ меня тогда спросить объ имени, которое онъ желалъ прежде принять, а теперь позабылъ, я велѣлъ исполнить его желаніе, и нарекъ его Виссаріономъ. Посхимленный вскорѣ скончался. Не помню черезъ сколько дней, ложусь я спать и вдругъ вижу во снѣ, что иду въ комнату покойника, и нахожу ее не прибранною, между тѣмъ какъ на яву я приказалъ убрать ее для вновь назначеннаго духовника. Сержусь на сторожей, а они отвѣчаютъ мнѣ, что старецъ живъ. «Какъ живъ,» закричалъ я на нихъ, «зачѣмъ же вы хоронили его? Что скажутъ теперь о нашемъ монастырѣ, узнавъ, что мы живыхъ хоронимъ?» Въ эту минуту вижу, отворяется дверь изъ сосѣдняго покоя, покойникъ выходитъ оттуда, и говоритъ мнѣ; «Силенъ-бо есть Богъ поставить (умершаго) въ живыхъ.» Я проснулся. Вотъ какимъ образомъ монахъ исполнилъ мое приказаніе, и приходилъ ко мнѣ съ того свѣта!»

Въ 30 годахъ въ Севастополѣ служили два офицера, отличные моряки, Патиніотти и Тригони, очень дружные между собою. Послѣдній, отправляясь въ какую-то экспедицію, приходитъ къ своему другу и говоритъ ему. «Послушай, я отправляюсь въ море. Мало-ли что можетъ случиться. Дай мнѣ слово исполнить, о чемъ я попрошу тебя.»— «Можешь-ли ты сомнѣваться во мнѣ,» отвѣчаетъ Патиніотти,— «скажи чего ты хочешь?»—«Въ случаѣ моей смерти, женись на моей вдовѣ, и будь отцемъ моему сыну.» «Помилуй, что ты бредишь! экспедиція

твоя небольшая. Ты воротишься, да ты-же и мастеръ плавать.» — «Толковать объ этомъ нечего—я прошу тебя, и ты долженъ дать мнѣ слово.»—Пожалуй если тебѣ это нужно для твоего успокоенія.» Друзья разстались. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Вдругъ Патиніотти видитъ во снѣ Тригони, который говоритъ ему: «ты долженъ исполнить свое обѣщаніе и жениться,» Проснувшись, онъ счелъ этотъ сонъ дѣйствіемъ воображенія. Между тѣмъ объ экспедиціи ничего не было слышно. Вскорѣ онъ увидѣлъ во снѣ Тригони въ другой разъ съ тѣмъ-же напоминаніемъ,—и тогда-же получено было въ адмиралтействѣ извѣстіе, что другъ его дѣйствительно утонулъ.

Обѣщаніе было исполнено.

(Разсказъ Сенатора А. П. Казначеева, который зналъ лично въ Крыму обоихъ друзей.)

«Поэтъ Дельвигъ, не задолго до смерти сидѣлъ вечеромъ у своихъ хорошихъ знакомыхъ — какого-то богатаго помѣщика, охотника до цвѣтовъ, и его жены. Разговорились о видѣніяхъ, о явленіяхъ съ того свѣта. «Хотите, я къ вамъ приду?» сказалъ Дельвигъ... «Придите!»— отвѣчали ему...

Разговоръ этотъ былъ забытъ. Ему не придали никакого значенія. Когда умеръ Дельвигъ, спустя нѣкоторое время, помѣщикъ, пріятель поэта, сидѣлъ съ женою вечеромъ, и разговаривалъ о томъ, какъ недавно чуть-ли не на томъ-же стулѣ бесѣдовалъ съ ними Дельвигъ. Говоря объ этомъ, помѣщикъ вставалъ, прохаживался по комнатѣ и заглядывалъ въ залу, гдѣ былъ балконъ, куда въ извѣстное время выставлялись цвѣты. Ему показалось, что передъ дверьми стоитъ большой кустъ розъ какъ-бы забытый. Была темная пора вечера, когда еще не зажигаютъ огня, и предмета, который стоялъ предъ дверьми балкона, разобрать хорошо было нельзя. Когда разговоръ нѣсколько умолкъ, помѣщикъ пошелъ къ воображаемому кусту цвѣтовъ, дабы его осмотрѣть; и увидалъ передъ собою фигуру Дельвига въ сюртукѣ, съ сложенными на груди руками. Онъ бросился къ женѣ, проговоривъ

быстро: «воды! воды!» — Она замѣтила его блѣдность, заглянула въ залу и также увидѣла Дельвига. Потомъ призракъ пропалъ.»

«Слышано», пишетъ мнѣ Н. В. Бергъ», въ началѣ пятидесятыхъ годовъ отъ М. А. Дмитріева, у него въ домѣ. Многіе изъ присутствовавшихъ были знакомы съ упоминаемымъ лицемъ.»

Этотъ случай, съ нѣкоторыми варіантами, но въ главномъ сходно, описанъ въ Воспоминаніяхъ прошедшаго, И. В. Селиванова, слышавшаго объ немъ отъ самой К. Г. Левашовой, жены А. Н. Левашова, лица, слишкомъ извѣстнаго въ Москвѣ.

Княгиня N, N., похоронивъ своего мужа, питала желаніе увидѣть его во снѣ. На девятый день, легши спать, она вдругъ почувствовала, что надъ нею кто-то какъ будто носится, и ей понималось внутренно, что это былъ духъ покойнаго.

(Разсказано мнѣ ею самою).

У Александры Николаевны Левашовой, близкой моей знакомой скончался мужъ, Никита Ѳедоровичъ Левашовъ, страстно ее любившій. Онъ командовалъ Иркутскимъ гусарскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Царствѣ Польскомъ. Она отправилась туда, и приближаясь къ городу или селенію, гдѣ онъ скончался, вышла изъ кареты, и пошла пѣшкомъ по придорожной аллеѣ, вмѣстѣ съ своей спутницей, кажется, дочерью. Вдругъ ей послышалось, что передъ нею что-то пронеслось, какъ будто вихремъ, и прошепталось имя «Alexandrine!» Ей могло почудиться, но она увѣряла меня, что спутница ея слышала тотъ-же звукъ.

«Что касается до явленій изъ того міра,» пишетъ ко мнѣ М. М. Евреиновъ, сообщая нижеслѣдующее письмо къ нему «то покойный Митрополитъ Филаретъ не отвергалъ ихъ. Какъ-то, разговорясь со мною о подобныхъ явленіяхъ, онъ разсказалъ мнѣ слышанное имъ отъ одного съ весьма хорошей стороны извѣстнаго ему офицера, который, по службѣ своей, часто принужденъ бывалъ ѣздить изъ одной мѣстности въ другую, и имѣлъ обыкновеніе на половинѣ дороги останавливаться ночевать у знакомыхъ ему хозяевъ. Однажды, по прошествіи ночи, хозяинъ съ женою вошли къ нему, чтобы спросить его, покойно ли онъ почивалъ; онъ отвѣчалъ имъ, что всю ночь не могъ заснуть: видѣлъ, какъ ихъ невѣстка приходила, и какъ кормила своего ребенка. Хозяева смутились и принуждены были ему разсказать, что ее нѣсколько уже времени нѣтъ въ живыхъ, и что они ее также видали приходящею. Не помню настоящихъ словъ Митрополита въ объясненіе таковаго явленія, помню только, что онъ сказалъ: видно она очень горячо любила свое дитя, что не могла такъ скоро отторгнуться отъ сего міра, и возвращалася къ нему.»

«Подобное явленіе было съ принадлежавшею намъ женщиною, очень хорошею и не лживою. Она лишилась своего мужа, котораго горячо любила, и въ продолженіи довольно долгаго времени мужъ, послѣ кончины своей, являлся къ ней. Стоитъ передо мною, разсказывала она, и все глядитъ на меня, а я на него.»

(Изъ письма Графа М. В. Толстаго къ М. М. Евреинову.)

Вы такъ много любили нашего милаго Володю при жизни его, и сохранили эту любовь къ нему послѣ ранней его кончины; вы были

---

* Въ Душеполезномъ Чтеніи

свидѣтелемъ и участникомъ нашей общей скорби при погребеніи нен а глядная нашего отрока въ обители преп. чудотворца Сергія. Теперь вамъ прежде всѣхъ спѣшу сообщить замѣчательный сонъ, который послужилъ для меня и вѣроятно послужилъ для васъ большимъ утѣшеніемъ.

Въ прошедшую ночь (съ 28 на 29 сентября) снилось мнѣ, будто я стою у себя въ залѣ, близь двери въ гостиную. Слышу изъ гостиной голоса дѣтей; они проходятъ мимо меня въ залу и между ними Володя. Я съ радостію кинулся къ нему; онъ улыбается мнѣ своей прежней, ангельской улыбкой. Я протянулъ къ нему руки: Володя, это ты? Онъ кинулся мнѣ на шею, и крѣпко, крѣпко обнялъ меня.—Гдѣ ты моя радость, ты у Бога?—Нѣтъ, я еще не у Бога; я скоро буду у Бога.—Хорошо ли тебѣ?—Хорошо, лучше чѣмъ у васъ. А у васъ я часто, около васъ. Я все почти одинъ, только Марія Магдалина со мною бываетъ. Иногда мнѣ скучно.—Когда тебѣ скучно?—Особенно, когда плачутъ обо мнѣ. А меня утѣшаетъ, когда обо мнѣ молятся, когда даютъ бѣднымъ за меня. Я все молюсь, молюсь за мамашу, за васъ, за братьевъ, за Пашу (сестру), за всѣхъ, кто меня любитъ. Вотъ Сережѣ спасибо за пріятеля. Милую мою мамашу обнимите за меня, вотъ такъ, крѣпко...—Ты бы съ ней повидался, моя радость.—И повидаюсь, и повидаюсь.—Когда-же?—Когда плакать перестанетъ. Тутъ послышался мнѣ голосъ жены моей изъ корридора; я оберпулся туда къ ней, потомъ взглянулъ назадъ, на то мѣсто, гдѣ стоялъ Володя: его уже нѣтъ...

Я проснулся съ усиленнымъ біеніемъ сердца, въ такомъ волненіи, что не могъ удержать громкихъ рыданій, которыми разбудилъ жену мою. Въ ту же минуту я набросалъ на бумагу видѣнное во снѣ, слово въ слово такъ, какъ теперь пишу для васъ.»

ЯВЛЕНІЯ УМИРАЮЩИХЪ ВЪ МИНУТУ СМЕРТИ.

(Изъ записокъ Николая Ивановича Греча.)

....«Вскорѣ по выпускѣ въ офицеры, дядя мой Логинъ Ивановичъ Гречъ, отправился къ арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ, былъ въ сраженіяхъ при Ларгѣ и Кагулѣ, и въ 1772 году умеръ отъ моровой язвы въ Яссахъ. Онъ былъ любимцемъ своей матери, и, какъ говоритъ семейное преданіе, явился ей въ минуту своей смерти. Бабушка однажды, послѣ обѣда, легла отдохнуть; вскорѣ выбѣжала она изъ своей спальни, встревоженная, и спрашивала у домашнихъ: Гдѣ жъ онъ? Что-жъ онъ не вошелъ ко мнѣ? Я еще не спала.» — Кто? «Какъ кто? Сынъ мой, Логинъ Ивановичъ. Я начала было засыпать, вдругъ услышала шорохъ, открыла глаза, и вижу что онъ проходилъ бережно, съ остановкой, мимо дверей спальни, чтобъ не разбудить меня! Гдѣ онъ? Не прячьте его.» Ее увѣрили, что Л. И. не пріѣзжалъ, что это ей такъ пригрезилось, и она со слезами убѣдилась въ своей ошибкѣ. Въ это время вошелъ въ комнату зять ея Безакъ. Узнавъ о случившемся, онъ призадумался, вынулъ изъ кармана записную книжку, и записалъ день и часъ этого случая. Чрезъ двѣ недѣли получено было письмо, что въ этотъ самый часъ Логинъ Ивановичъ скончался.»

У Авдотьи Петровны Елагиной занемогъ сынъ Рафаилъ. Мальчику, горячо ею любимому, было около двухъ лѣтъ. Онъ сильно страдалъ, сидя въ своей кроваткѣ, и мать, подлѣ него, не сводила съ него глазъ, Нечаянно взглядываетъ она на дверь, и въ это мгновеніе видитъ такъ живо входящую Марью Андреевну Мойеръ, (урожденную Протасову) подругу своего дѣтства, (любимицу Жуковскаго, на которой онъ желалъ нѣкогда жениться), что вскакиваетъ вдругъ со стула, и бѣжитъ къ ней, на встрѣчу съ восклицаніемъ: «Маша!» — Но въ дверяхъ уже никого не было. Съ Авдотьей Петровной сдѣлалось дурно.

Въ эту самую ночь и въ этотъ самый часъ Марья Андреевна скончалась въ Дерптѣ, какъ послѣ было получено извѣстіе.

(Разсказано мнѣ самою А. П. Елагиной.)

Вице-директоръ Почтоваго департамента, Александръ Павловичъ Яковлевъ, былъ однажды въ одномъ изъ Петербургскихъ театровъ съ женою своею, урожденною Карпенко. Во время представленія піэсы, на которое было обращено все ея вниманіе, она увидѣла вдругъ, что передъ нею промелькнула тѣнь ея сестры, Прокоповичъ-Антонской, жившей въ Москвѣ. Прежде было извѣстіе объ ея болѣзни, но опаснаго ничего не придвидѣлось. Вскорѣ было узнано, что въ то самое время, какъ Г-жа Яковлева увидѣла передъ собою тѣнь сестры, Г-жа Прокоповичъ-Антонская скончалась.

(Разсказано и записано для меня Н. В. Калачевымъ.)

Я слышалъ объ одномъ странномъ происшествіи отъ профессора Перевощикова, человѣка совершенно положительнаго, врага всякихъ фантазій. Онъ передавалъ мнѣ происшествіе мимоходомъ, въ разговорѣ, какъ слышалъ объ немъ отъ Казанскаго Профессора Астрономіи Симонова. Заѣхавши въ Казань, въ 1845 году, по открытіи памятника Карамзину въ Симбирскѣ, я увидѣлся съ И. М. Симоновымъ и спросилъ его, точно ли происшествіе было такъ, какъ мнѣ разсказалъ съ его словъ Дмитрій Матвѣевичъ. «Совершенно такъ,» отвѣчалъ Симоновъ (см. ниже). «Но почему оно васъ занимаетъ?» Вслѣдствіе недавняго несчастія, (за годъ предъ тѣмъ скончалась моя жена), я люблю уноситься въ другой міръ, отвѣчалъ я, и всѣ случаи, которые даютъ намъ поводъ думать о немъ, возбуждаютъ мое любопытство. «Такъ вотъ я могу разсказать случай, если хотите, который и подтвержу сейчасъ твердыми доказательствами.»

«Видите этотъ портретъ,» при этомъ словѣ онъ указалъ на висѣвшій

---

*Объ этомъ случаѣ разсказываетъ и Жуковскій, слышавшій, разумѣется, также отъ А. П. Е. (См. его Сочиненія, т. VI, с. 607.)

надъ его письменнымъ столомъ, портретъ Литтрова, бывшаго до него профессоромъ Астрономіи въ Казанскомъ Университетѣ, его учителя, благодѣтеля, представившаго его къ путешествію вокругъ свѣта, и назначившаго своимъ преемникомъ по каѳедрѣ, когда самъ отправился директоромъ обсерваторіи въ Вѣну. «Я получилъ письмо отъ него изъ Вѣны, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня объ устройствѣ своихъ дѣлъ, о своихъ занятіяхъ, о своемъ семействѣ, и потребовалъ отъ меня, чтобъ я доставилъ ему немедленно точно такія-же свѣденія, до меня относящіяся. Нынче-завтра я сбирался отвѣчать Литтрову, не все какъ-то не удавалось.»

«Однажды, вхожу я въ свой кабинетъ, и вижу, что портретъ Литтрова упалъ со стѣны и лежитъ на письменномъ столѣ.»

При этихъ словахъ Симоновъ встаетъ, снимаетъ портретъ со стѣны, и показываетъ мнѣ сшитый ремешекъ, который тогда оборвался, вслѣдствіе чего портретъ и упалъ со стѣны.»

«Это напомнило мнѣ о давно-уже полученномъ письмѣ. Ахъ, не отвѣчалъ я до сихъ поръ Литтрову, подумалъ я, сѣлъ за столъ и тотчасъ написалъ къ нему длинное письмо со всѣми свѣдѣніями, какъ онъ отъ меня требовалъ. Черезъ мѣсяцъ, или около того, я получилъ письмо отъ Литтрова сына, въ которомъ тотъ увѣдомилъ меня, что отецъ его умеръ, и судя по числу, выставленному на моемъ письмѣ, именно въ тотъ день, когда я писалъ его.»

(Записавъ этотъ разсказъ, я просилъ И. М. Симонова, по возвращеніи своемъ въ Москву, чтобъ онъ прислалъ мнѣ копіи съ писемъ Литтровыхъ, отца и сына, и повторилъ разсказъ съ приложеніемъ своей печати, что онъ и исполнилъ. Копіи съ писемъ хранятся у меня до сихъ поръ.»

Графиня Елизавета Ивановна, супруга Гр. Владиміра Григорьевича Орлова, до замужества своего была фрейлиною Императрицы Екатерины II. Въ бытность Высочайшаго двора въ Царскомъ Селѣ, (1767 года), имѣя пребываніе въ оном, занима-

лась своимъ туалетомъ въ присутствіи нѣсколькихъ молодыхъ подругъ, въ томъ числѣ Графини Елизаветы Кирилловны Разумовской. Веселые разговоры и смѣхъ оживляли ихъ бесѣду, между тѣмъ, среди полнаго разсѣянія, Елизавета Ивановна устремила взоръ свой на окно съ примѣтнымъ движеніемъ въ лицѣ, еще взглянула съ большимъ удивленіемъ, и, посмотрѣвъ въ третій разъ, вдругъ вскочила съ креселъ, вскрикнула: *Батюшка пріѣхалъ! Онъ подходилъ къ окну!* Побѣжали въ садъ, но тщетно искали вездѣ Стакельберга, его не было ни въ домѣ, ни въ саду. Глубокая печаль замѣнила радость на челѣ нѣжной дочери; напрасно подруги старались разувѣрить ее, утверждая, что видѣніе было слѣдствіемъ думы, игра воображенія! Молодая Стакельбергъ повторяла, что она три раза видѣла отца своего, что сначала сама не хотѣла вѣрить глазамъ своимъ,—и продолжала тосковать. За обѣденнымъ столомъ у Императрицы фрейлины забавлялись между собою на счетъ легковѣрной; Государыня желала знать предметъ ихъ разговора, и Князь Иванъ Сергѣевичъ Бориятинскій исполнилъ ея волю. Успокойся, сказала Екатерина—*отца твоего нѣтъ въ Петербургѣ. Онъ не могъ бы пріѣхать сюда безъ моего позволенія. Тебѣ такъ показалось. Совѣтую, однакожъ, для любопытства, записать сіе видѣніе.*

Черезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе изъ Риги о кончинѣ Стакельберга, въ тотъ самый день и часъ, когда явился онъ дочери.

(Изъ письма ко мнѣ М. М. Евреинова.)

Изъ записокъ В. О. Енгельгардта.

Въ 1858 году, находясь на службѣ въ Москвѣ, я, къ началѣ февраля былъ командированъ въ Архангельскъ по дѣламъ службы. Февраля 5, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, я написалъ письмо поздравительное матушкѣ моей жившей въ Петербургѣ; ей 8 Февраля должно было исполниться 80 лѣтъ. Кромѣ пожеланія ей Господней благодати, я убѣдительнѣйше просилъ матушку о родительскомъ ея

благословенія, безъ котораго—писалъ я—не совершить мнѣ благополучно этаго дальняго пути. Отправивъ письмо на почту, я сѣлъ въ повозку и поѣхалъ. До Ярославля дорога была сносная; пробывъ въ этомъ городѣ сутки, я отправился дальше. Отъ Ярославля до Вологды дорога была невообразимо дурна: подобныхъ страстныхъ ухабовъ я не воображалъ возможными, точно волны морскія внезапно окаменѣвшія отъ сильнаго мороза! Разбитый до крайности отъ подобной ужасной качки, я на ночь остановился на одной станціи, чтобы до разсвѣта перевести духъ и расправить мои сильно помятые и усталые члены. Одѣтый какъ былъ, только безъ шубы, я растянулся на диванѣ, и не имѣя счастливой способности скоро засыпать, занялся чтеніемъ; но чтеніе шло плохо и разсѣянно; я всталъ съ дивана и погасилъ свѣчу, — въ надеждѣ, что въ темнотѣ скорѣе засну, — но неуспѣлъ я снова лечь на диванъ, какъ вдругъ,—къ крайнему моему удивленію,—вижу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня матушку мою въ сопровожденіи сестры моей, скончавшейся еще въ 1846 году. Пораженный этимъ непостижимымъ видѣніемъ, я не могъ ни шевельнутся, ни тронуться съ мѣста, но пристально, и, признаюсь, съ какимъ-то не понятнымъ страхомъ смотрѣлъ на явившихся мнѣ дорогихъ лицъ. Матушка, совершенно какъ живая во плоти, заботливо и нѣжно глядя—крестнымъ знаменіемъ благословила меня; а сестра,—хотя ее вполнѣ узнать можно было, - имѣла видъ болѣе, такъ сказать, эфирный, спокойный, просвѣтленный. Я внезапно взялъ тутъ лежащую спичку и зажегъ свѣчу, и въ свѣтлой комнатѣ не стало уже видѣнія!...

Это событіе произошло ночью между 12 и 13 февраля 1858 года, въ третьемъ часу утра.

Пробывъ въ Архангельскѣ недѣлю, я получилъ письмо отъ зятя, которымъ онъ меня извѣщалъ, что въ эту самую ночь матушка моя въ Петербургѣ скончалась!.. И я твердо вѣрую, что Всемилосердый Отецъ Небесный дозволилъ чадолюбивой матери *видимо, лично* благословить сына, который такъ настоятельно умолялъ ее о томъ передъ ея кончиною.

У Петра Ивановича Бартенева, издателя Русскаго Архива, былъ въ университетѣ товарищъ, студентъ Казановичъ, который, по окончаніи курса, опредѣлился на службу въ Могилевъ, и прислалъ ему оттуда на память чайную чашку: «пей изъ нея и меня вспоминай.» Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ случилось Петру Ивановичу пить чай изъ этой чашки, которая стояла передъ нимъ на его письменномъ столѣ. Надъ письменнымъ-же столомъ висѣла лампа съ повѣшаннымъ на ней магнитомъ, къ которому приложена была чугунная печатка; вдругъ печатка отрывается отъ магнита безъ всякой видимой причины, падаетъ на чашку и ее разбиваетъ.

Вскорѣ отецъ Казановича увѣдомляетъ Бартенева о смерти своего сына, и оказалось, что онъ умеръ именно въ то время, когда разбилась чашка.

(Разсказано и записано для меня П. И. Бартеневымъ).

«Матушка моя скончалась въ Твери, 1870 года, 11 Декабря, въ пятницу, въ $^3/_4$ седьмаго часа, вечеромъ,» (записалъ для меня П. А. Лавровскій, ректоръ Варшавскаго Университета). «Отъ брата моего, профессора въ Харьковѣ, получилъ я письмо отъ 13 Декабря. Въ письмѣ братъ между прочимъ увѣдомляетъ, что хотя онъ и не суевѣрный человѣкъ, но былъ пораженъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ пятницу вечеромъ онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и занимался при свѣтѣ лампы; вдругъ *около* 7 часовъ услышалъ сильный трескъ въ печи; сначала не обратилъ никакого вниманія, но трескъ повторился съ большею силою, и онъ зажегъ свѣчу, чтобы осмотрѣть печь и узнать причину: все было въ обыкновенномъ видѣ. «Уже тогда я подумалъ,» пишетъ братъ, «что съ матушкой что-нибудь нехорошо.» (По телеграммѣ, полученной 6 Декабря, онъ зналъ объ усилившейся ея болѣзни). Въ этотъ именно день и часъ, она скончалась..,

«Въ ночь съ 11 на 12-е Декабря, съ женой брата моего случилось также нѣчто необыкновенное: лишь только легла она спать, какъ уви-

дѣла на столько поразительный *сонъ*, что съ испугомъ вскочила съ постели, и въ безпамятствѣ бросилась зажигать лампаду, чего прежде никогда не случалось.»

(Изъ записокъ графини А. Д. Блудовой.)

«Королева Ульрика умерла въ замкѣ Гринсгольмѣ. На другой день кончины ея, какъ только успѣли положить ее подъ катафалкъ, на такъ называемой *парадной кровати умершихъ* къ дверямъ замка подъѣхала вся обитая черпымъ сукномъ, траурная карета, шестерикомъ, съ траурною упряжью, съ кучерами и лакеями въ траурныхъ ливреяхъ. Изъ кареты вышла дама въ глубокомъ траурѣ, и въ ней узнали графиню-Стейнбокъ, друга королевы Ульрики, которая почему-то была удалена отъ двора и жила далеко въ деревнѣ. Тогда не было телеграфовъ, и присутствующіе удивились, какъ она успѣла узнать о смерти Королевы такъ скоро, что ужъ явилась въ полномъ траурѣ; однако ее впустили, она вошла съ тихимъ достоинствомъ, поклонилась царедворцамъ, которые, вѣроятно, и разлучили ее съ Королевой, взошла на ступени къ кровати и наклонилась надъ умершею, чтобъ проститься съ нею; умершая привстала, открыла ей объятія, и долго и крѣпко обнимались давно разлученныя пріятельницы. Потомъ королева опустилась на свои подушки въ недвижномъ оцѣпенѣніи смерти, а графиня Стейнбокъ опять тихо поклонилась, прошла мимо изумленныхъ, испуганныхъ придворныхъ, сѣла въ свою карету и уѣхала. Черезъ нѣсколько дней узнали что графиня Стейнбокъ скончалась въ своей деревнѣ на другое утро послѣ смерти Королевы. Не она живая, а ея тѣнь приходила помириться съ другомъ своимъ—Королевой, когда въ ясномъ видѣніи загробномъ обѣ поняли, что сердца ихъ не измѣняли другъ другу, а только ловкіе люди умѣли ихъ разлучить.»

«Старожилы разсказывали это за несомнѣнное происшествіе. Что же касается до извѣстнаго разсказа о видѣніи какого-то сверхъ-естественнаго верховнаго суда и приговора, батюшка собиралъ свѣдѣнія

и справки, и оказалось, что мнимые документы поддѣланы, и даже какая-то неточность въ подписи Короля доказываетъ невѣрность всего разсказа.»

«Вотъ другое, изъ такихъ же достовѣрныхъ источниковъ почерпнутое то есть, разсказанное очевидцами, передавалъ намъ батюшка. Королева не помню, жена ли Густава III или Карла XIII, провела часть лѣта въ замкѣ Грипсгольмѣ, тоже не много лѣтъ до пріѣзда батюшки въ Стокгольмъ. Погода стояла ясная, теплая; однажды, послѣ обѣда, на который было приглашено нѣсколько постороннихъ лицъ, Королева предложила гостямъ прогулку со всею свитою по саду. Вечеръ былъ такой теплый, что, отдохнувъ въ одной бесѣдкѣ, Королева оставила въ ней красную шаль, которую было надѣла, но въ которой показалось ей слишкомъ жарко, и пошла дальше. Общество было отборное, разговоръ оживленный, Королева весела; время шло незамѣтно, катались въ лодкѣ по озеру, прогулка длилась, и на возвратномъ пути Королевѣ показалось что-то сыро; сдѣлалась у нея легкая дрожь, и она приказала своему маленькому пажу опередить ее и поскорѣе принести ей шаль. Мальчикъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ, но хотя гуляющіе шли тихо, онъ не возвращался. «Пойдемте же сами къ бесѣдкѣ», сказала Королева и повернула туда. Когда они подошли, пажъ стоялъ у двери, блѣдный, смущенный; Королева, шутя, погрозила ему пальцемъ, говоря: «Ну что же? Принеси мнѣ хоть теперь мою шаль.» Но пажъ стоялъ, какъ вкопаный. «Хотѣлъ... нельзя... не могу... не смѣю...» «Что это значитъ?» спросила Королева и пошла къ двери. «Не ходите, не ходите!» вскричалъ пажъ, «я былъ тамъ, я хотѣлъ взять красную шаль, которая лежала на диванѣ, но какая-то незнакомая женщина въ бѣломъ, блѣдная, страшная, очутилась у самаго дивана, положила одну руку на шаль, а другой подала мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ!» Королева слегка измѣнилась въ лицѣ, однако твердымъ голо-

сомъ сказала пажу: «пусти!» и, обращаясь къ гостямъ, прибавила: «Пойдемте въ бесѣдку; не бойтесь, это до меня одной касается; бѣлая дама только съ моимъ родомъ имѣетъ дѣло». Всѣ съ нею вошли въ бесѣдку, тамъ лежала шаль на диванѣ, никого въ бесѣдкѣ не было; но Королева въ этотъ годъ и умерла.

Изъ записокъ Баронессы Оберкирхъ.*

Разсказъ В. К. Павла Петровича объ его видѣніи. Статья Г. Андреева
(Русскій Архивъ, 18 69 г. № 3, с. 517—526.)

«Трудно найдти для психолога и физіолога другую натуру, заслуживающую болѣе обстоятельнаго и внимательнаго изученія, чѣмъ Императоръ Павелъ I. Воображеніе въ немъ было такъ сильно, что онъ представленные предметы, принималъ какъ за дѣйствительно существующіе. Въ немъ, еще десятилѣтнемъ мальчикѣ, особенность эта была уже замѣчена воспитателемъ его Порошинымъ. Онъ остался тѣмъ же до конца жизни. Онъ вѣрилъ въ сны и предзнаменованія. Вспомнимъ сонъ его предъ днемъ вступленія на престолъ, переданный въ запискѣ Гр. Растопчина: тутъ ему спилось, что его три раза поднимаетъ къ верху невѣдомая сила».

«Армфельдъ передаетъ слова Павла о снѣ, который ему привидѣлся на канунѣ его смерти: ему спилось, что ему на спину натягивали узкій парчевой кафтанъ, и съ такимъ усиліемъ, что онъ готовъ былъ вспрыгнуть отъ боли »

«Постройка Михайловскаго инженернаго замка, въ которомъ послѣдніе мѣсяцы жилъ и умеръ Императоръ, находится также въ прямой связи съ этой вѣрой въ видѣнія и предзнаменованія. Иначе солдату, объявившему о видѣніи ему Архангела Михаила на мѣстѣ нынѣшняго замка, конечно бы не повѣрили.»

«Въ настоящее время медицинская наука въ напряженномъ воображеніи, въ видѣніи призраковъ и т. д. видитъ результатъ разстройства

* Объ этомъ разсказѣ упоминаетъ и Ѳ. П. Лубяновскій въ своихъ запискахъ. Русскій Архивъ 1872 г. № 1. с. 152.

пищеварительной системы, и, перечитывая напримѣръ« Записки Порошина,» врачъ найдетъ въ нихъ прямое подтвержденіе этой теоріи. Десятилѣтній Павелъ, сила воображенія котораго изумляла наставниковъ, постоянно страдалъ плохимъ пищевареніемъ. Рвота и головная боль были въ немъ постояннымъ недугомъ. Порошинъ, не зная чѣмъ объяснить это явленіе, приписываетъ его тому, что, обыкновенно не любивши долго сидѣть за столомъ, Великій Князь глоталъ большіе куски, не совсѣмъ разжевывая ихъ».

„Приводимый здѣсь разсказъ Великаго Князя о видѣніи ему Петра I, въ связи съ другими данными въ томъ же родѣ, ближе раскрываетъ намъ психическія особенности этой замѣчательной личности.»

«Въ 1782 году Павелъ Петровичъ, вмѣстѣ съ молодой супругой своей, Маріей Ѳедоровной, путешествовалъ за границей. Не мало подробностей объ этой поѣздкѣ находимъ мы въ Запискахъ баронессы Оберкирхъ *). Баронесса Оберкирхъ, подруга дѣтства принцессы Доротеи Виртембергской, (послѣ Императрицы Маріи Ѳедоровны), путешествовала вмѣстѣ съ Русскою великокняжескою четою по Франціи, Бельгіи и Германіи. Павелъ Петровичъ очень уважалъ баронессу, къ которой Великая Княгиня, его супруга, сохраняла прежнія чувства теплой дѣвической привязанности. Подаренные разъ баронессѣ Великимъ Княземъ фрукты бросили даже мимолетный колоритъ легкой ревности на отношенія между супругами; но это былъ порывъ тойже почти шуточной ревности, которою напримѣръ встрѣтила Великая Княгиня разсказы супруга о королевѣ Маріи Антуанетѣ, очаровавшей его въ Парижѣ“

„10 іюля, 1782, въ Брюсселѣ, Павелъ Петровичъ, путешествовавшій подъ именемъ графа Du Nord, ужиналъ въ обществѣ. Великая Княгиня, утомившись путешествіемъ и театромъ, который путешественники тотчасъ посѣтили по пріѣздѣ въ Брюссель, не была за столомъ.

*) Memoirs of the baroness Oberkirch, London. 1852. 3 v.

Ужинъ ли, жаркій ли вечеръ, далъ особенное направленіе разговору, только бесѣда скоро обратилась къ чудесному, къ явленію призраковъ и т. д. Каждый разсказалъ, что нибудь чудесное изъ собственнаго опыта; лишь одинъ Великій Князь хранилъ молчаніе. Слѣдующее заимствуемъ мы буквально изъ записокъ Оберкирхъ (II, 94—100). Запискамъ баронессы смѣло можно довѣриться; все интересное, слышанное ею, она тотчасъ же передавала бумагѣ. Такъ, незадолго передъ тѣмъ, она записала разсказъ принца Де Линя, тотчасъ послѣ того, какъ слышала его. Великая Княгиня Марія Ѳедоровна сдѣлала тогда тоже самое, хотя въ сущности разсказъ принца о томъ, какъ онъ въ платьѣ монашенки и подъ вуалью присутствовалъ при постриженіи дѣвушки, оставившей въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, не представлялъ ничего особенно интереснаго.“

— А что же вы, Ваше Высочество? обратился принцъ Де-Линь къ Павлу. Или Вамъ нечего разсказать? Развѣ въ Россіи нѣтъ чудеснаго? Или злымъ духамъ и колдунамъ не удалось разставить Вамъ чары?

Великій Князь поднялъ голову.

— Куракинъ знаетъ — сказалъ онъ — что и мнѣ было бы кой о чемъ поразсказать, какъ и другимъ. Но есть воспоминанія, которыя я стараюсь удалить изъ памяти. Я и такъ уже вынесъ отъ нихъ не мало.

Въ комнатѣ господствовало молчаніе. Великій Князь посмотрѣлъ на Куракина, и во взорѣ его выразилось грустно тяжелое чувство.

— Неправда ли, Куракинъ, что со мною приключилось кое-что очень странное? — спросилъ онъ.

— Столь странное, Ваше Высочество, что, при всемъ довѣріи моемъ къ вамъ, я могу лишь приписать оное порыву вашего воображенія.

— Нѣтъ, это была правда, сущая правда, и если Оберкирхъ дастъ слово, что не скажетъ ничего моей женѣ, я передамъ вамъ, въ чемъ

было дѣло. Но позвольте, господа, и всѣхъ васъ просить держать мой разсказъ въ тайнѣ, прибавилъ Великій Князь, смѣясь, потому что очень непріятно было бы, если бы по всей Европѣ разошлась исторія о привидѣніи, въ которой я играю роль.

«Мы всѣ дали обѣщаніе, и по крайней мѣрѣ что касается меня, — говоритъ басонесса Оберкирхъ, — я сдержала свое слово. Если эти мемуары будутъ когда нибудь обнародованы, то не прежде, какъ нынѣшнее поколѣніе сойдетъ со сцены, и не останется въ живыхъ никого, кто могъ бы интересовать этотъ разсказъ. Передаю его отъ слова до слова, какъ слышала отъ самого Великаго Князя.

„Разъ вечеромъ, или, пожалуй, уже ночью, я, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по Петербурскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ вмѣстѣ *) у меня во дворцѣ, за разговорами и табакомъ, и вздумали для освѣженія сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Погода была не холодна; это было въ лучшую пору нашей весны, конечно впрочемъ весны не южныхъ климатовъ. Разговоръ нашъ шелъ ни о религіи, и ни о чемъ либо серьезномъ, а напротивъ былъ веселаго свойства, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками насчетъ встрѣчныхъ прохожихъ. Нѣсколько впереди меня шелъ слуга, другой шелъ сзади Куракина, а Куракинъ слѣдовалъ за мною въ нѣсколькихъ шагахъ позади. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ, что при немъ можно было читать письмо, и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, вдругъ вижу я въ глубинѣ подъѣзда высокую, худую фигуру, завернутую, въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза, шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ, и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось, что ноги его, ступая на плиты тротуара, производятъ странный звукъ, точно какъ будто камень ударялся о камень. Я былъ изумленъ, и

*) Т. е. съ Куракинымъ.

охватившее меня чувство стало еще сильнѣе, когда я почувствовалъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомца. Я вздрогнулъ, и, обратясь къ Куракину. сказалъ:

— Судьба намъ послала страннаго спутника.

— Какого спутника? спросилъ Куракинъ.

— Господина, идущаго у меня слѣва, котораго, кажется, можно замѣтить уже по шуму, производимому имъ.

Куракинъ раскрылъ глаза въ изумленіи, и замѣтилъ, что никого нѣтъ у меня съ лѣвой стороны.

— Какъ? ты не видишь этого человѣка между мною и домовою стѣною?

— Ваше Высочество идете возлѣ самой стѣны, и физически не возможно, чтобы кто нибудь былъ между вами и ею.

Я протянулъ руку и точно ощупалъ камень. Но все таки незнакомецъ былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки шаговъ его, какъ удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, надъ шляпой его блеснули глаза столь блестящіе, что такихъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня, и производили на меня какое-то околдовывающее дѣйствіе.

— Ахъ!—сказалъ я Куракину—я не могу передать тебѣ, что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное.

Я дрожалъ но отъ страха, но отъ холода. Я чувствовалъ, какъ что-то особенное проникало всѣ мои члены, и мнѣ казалось, что кровь замерзаетъ въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго спутника, раздался глухой и грустный голосъ:

— Павелъ!

Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и механически отвѣчалъ.

— Что вамъ нужно?

— Павелъ! сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще большимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать тоже.

— Павелъ! Бѣдный Павелъ! Бѣдный Князь!

Я обратился къ Куракину, который также остановился.

— Слышишь? спросилъ я его.

— Ничего,—отвѣчалъ тотъ,—рѣшительно ничего.

Что касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнакомца: кто онъ и что ему нужно?

— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ, кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ, и кто хочетъ, чтобы ты особенно не привязывался къ этому міру, потому что ты долго не останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и конецъ твой будетъ спокоенъ. Бойся укора совѣсти: для благородной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же проницательнымъ взоромъ. И какъ я остановился, когда остановился онъ, такъ и теперь я почувствовалъ необходимымъ пойтди за нимъ. Онъ не говорилъ, и я нечувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь шелъ впереди. Это продолжалось болѣе часу. Гдѣ мы шли, я не зналъ. Куракинъ и хочетъ вѣрить ничему. Посмотрите, онъ смѣется. Онъ думаетъ, что все это было не болѣе, какъ сонъ.

Наконецъ пришли мы къ большой площади, между мостомъ чрезъ Неву и зданіемъ Сената. Онъ прямо пошелъ къ одному, какъ бы заранѣе отмѣченному, мѣсту площади; я конечно слѣдовалъ за нимъ и затѣмъ остановился.

— Прощай, Павелъ!—сказалъ онъ. Ты еще увидишь меня опять здѣсь и кой-гдѣ еще.

При этомъ шляпа его поднялась какъ бы сама собою, и глазамъ моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда, Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было передо мною.

На этомъ самомъ мѣстѣ Императрица возводитъ монументъ, который скоро будетъ удивленіемъ всей Европы. Это—конная статуя изъ гранита, представляющая Царя Петра, и помѣщенная на скалѣ. Не я совѣтовалъ моей матери избирать это мѣсто, выбранное, или скорѣе-угаданное призракомъ. И я не знаю какъ описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидалъ эту статую. *Я боюсь мысли, что могу бояться*, что бы ни говорилъ кн. Куракинъ, увѣряющій, что все это было не болѣе какъ сонъ, видѣнный мною во время прогулки по улицамъ. Малѣйшая подробность этого видѣнія памятна мнѣ, и я по прежнему утверждаю, что это было видѣніе, и все связанное съ нимъ представляется мнѣ также ясно, какъ бы это случилось вчера. Придя домой, я нашелъ, что мой лѣвый бокъ положительно окаменѣлъ отъ холода, и я почувствовалъ нѣкоторую теплоту лишь нѣсколько часовъ спустя, хотя тотчасъ же легъ въ теплую постель и закрылся какъ можно теплѣе.

Надѣюсь, что вамъ понравилась моя исторія, и что, если я васъ заставилъ подождать, то было изъ за чего.

— Знаете, что это значитъ, Ваше высочество? спросилъ принцъ де Линь.

— Это значитъ, что я умру въ молодыхъ лѣтахъ,

— Извините, если я не сойдусь съ вами во мнѣніи. Я полагаю, что это доказываетъ неоспоримо двѣ вещи. Во первыхъ, что не надобно выходить ночью, когда клонитъ ко сну, и во вторыхъ, что не слѣдуетъ ходить слишкомъ близко къ домовымъ стѣнамъ, промерзшимъ, въ такомъ климатѣ, какъ у Васъ. Другаго заключенія изъ этого я не могу вывести. Призракъ Вашего знаменитаго прадѣда

существовалъ лишь въ Вашемъ воображеніи, и я не сомнѣваюсь, что на верхней одеждѣ Вашей осталась пыль отъ домовыхъ стѣнъ.

Этотъ разсказъ, (говоритъ баронесса Оберкирхъ), произвелъ, вы можете быть увѣрены, сильное впечатлѣніе на всѣхъ насъ. Мало кто слышалъ его, потому что Великій Князь никогда не желалъ придавать ему огласки. Великая Княгиня не слыхала его по сей день *; онъ бы перепугалъ ее. Удалясь къ себѣ, я подробно записала его, какъ всегда дѣлала съ тѣмъ, что находила особенно важнымъ, ограничиваясь относительно предметовъ меньшей важности однѣми замѣтками, которыя бы помогали моей памяти.»

Читая далѣе мемуары баронессы, мы видимъ, что Павелъ послѣ какъ бы раскаявался, что сдѣлалъ повѣреннымъ своей тайны друга своей жены. Онъ старается убѣдить ее, что все разсказанное имъ было выдумано, съ цѣлью разсказать что нибудь страшное въ свою очередь (II. 119—120). Но баронесса была тонкая наблюдательница, и ее не такъ легко было увѣрить и разувѣрить. $^{28}/_{7}$ Августа того же года Павелъ Петровичъ и его супруга были въ Монбельярѣ, у родителей Маріи Ѳеодоровны. Когда тамъ получено было письмо изъ Петербурга, что 18 числа того же мѣсяца памятникъ Петру I былъ торжественно открытъ въ присутствіи Императрицы; когда читали письмо, Павелъ приложилъ палецъ къ губамъ, дѣлая этимъ знакъ баронессѣ. Баронесса наблюдала внимательно, и видѣла, какъ Великій Князь старался улыбаться, хотя мертвенная блѣдность покрыла лицо его (II, 146—147). Это объяснило ей окончательно, шутилъ или не шутилъ Павелъ въ памятную ночь въ Брюсселѣ. Мемуары оканчиваются 1789 годомъ.

СНОВИДЕНІЯ.

Баконъ въ своемъ сочиненіи sylva sylvarum разсказываетъ, что за три или четыре дни до смерти своего отца, онъ видѣлъ сонъ, будто отцовская вилла объялась чернымъ покрываломъ. По этому поводу тамъ же онъ помѣстилъ научныя разсужденія о видѣніяхъ.

Изъ жизни принца Евгенія, вице-короля Италійскаго.

«Въ 1839 году, при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, были большіе маневры на Бородинскомъ полѣ, въ память знаменитой битвы на этомъ полѣ въ 1812 году 26 Августа. П. П. Новосильцевъ состоялъ тогда адъютантомъ у Московскаго военнаго генералъ губернатора, князя Д. В. Голицына. Во время движенія войскъ и разныхъ революцій, которыя должны были представлять великую Бородинскую битву, памятную въ то время для многихъ участвовавшихъ въ оной, Новосильцевъ случайно встрѣтилъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, сына героя этого сраженія, принца Евгенія, бывшаго вице-короля Италіянскаго. Герцогъ ласково раскланялся съ Новосильцевымъ и предложилъ ему ѣхать съ собою вмѣстѣ. Разговаривая о Бородинской битвѣ и вообще о компаніи 1812 г., бывшей столь гибельною для французскаго войска, герцогъ спросилъ Новосильцева, не можетъ ли онъ сказать, гдѣ находится монастырь св. Саввы, и далеко ли отъ Москвы? Такой вопросъ отъ человѣка, не бывшаго никогда въ Россіи, удивилъ Новосильцева; и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ могъ слышать герцогъ о такомъ пустынномъ мѣстѣ, находящемся близъ небольшаго уѣзднаго города Звенигорода, Московской губерніи? Онъ сказалъ герцогу, что въ монастырѣ этомъ ничего такого нѣтъ, что бы интересно было видѣть Его Высочеству, а не угодно ли ему будетъ побывать въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, гдѣ много замѣчательныхъ вещей и историческихъ воспоминаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ герцога дозволить ему быть его путеводителемъ. Герцогъ, улыбнувшись, поблагодарилъ за любезность и сказалъ: «Васъ вѣроятно удивляетъ, что

---

* Разсказъ этотъ, сообщенный г. Ильинымъ въ Русскій архивъ, переданъ Н. Д. Хвощинской покойнымъ Н. Н. Новосильцевымъ, въ бытность его Рязанскимъ губернаторомъ.

я знаю о монастырѣ св. Саввы, не смотря на то, что тамъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Вы еще болѣе удивитесь, если я вамъ скажу, что я, католикъ, хочу поклониться вашему св. Саввѣ: я въ этомъ далъ обѣтъ умирающему человѣку, а именно отцу моему. Онъ взялъ съ меня честное слово, если когда нибудь судьба приведетъ меня въ Россію, непремѣнно отыскать мѣсто, гдѣ погребенъ св. Савва, и поклониться ему. Хотите знать, отчего онъ этого отъ меня требовалъ, Слушайте. Отецъ мой, принцъ Евгеній, какъ вѣроятно вамъ извѣстно, при нашествіи императора Наполеона на Россію, находился въ его арміи, и командовалъ корпусомъ, состоявшимъ изъ Французовъ и Италіянцевъ. По вступленіи арміи въ Москву, ему поручено было отъ Наполеона наблюдать дороги, ведущія въ Москву и защищать ихъ отъ партизановъ, образовавшихся тогда въ Русской арміи, и дѣлавшихъ большой вредъ своими неожиданными появленіями на разныхъ пунктахъ. Въ одно утро дали знать моему отцу, что около Звенигорода показался Русскій отрядъ. (Какъ онъ послѣ узналъ, это была кавалерія генерала Винценгероде). Онъ сейчасъ же приказалъ авангарду своего корпуса съ достаточнымъ количествомъ артиллеріи выступить къ тому мѣсту, гдѣ показался непріятель. Съ этимъ отрядомъ войскъ онъ выступилъ и самъ, желая подробно изучить мѣстность окрестностей Москвы, и если удастся, захватить непріятеля врасплохъ. Но сдѣлавши переходъ болѣе 10 миль, и посылая во всѣ стороны разъѣзды, они никого не видѣли; вѣроятно Русскіе партизаны, узнавъ, черезъ своихъ лазутчиковъ, о выступленіи противъ нихъ значительнаго числа войскъ, удалились и спрятались въ лѣсахъ Такъ какъ войска отца моего отъ большаго перехода были очень утомлены, то онъ рѣшился оставить дальнѣйшіе поиски, и, размѣстивъ отрядъ на бивакахъ близъ одного монастыря, который былъ у нихъ въ виду, самъ съ своимъ конвоемъ и нѣкоторыми генералами отправился въ монастырь, гдѣ они и заняли комнаты въ кельяхъ. Въ монастырѣ нашли они нѣсколько спрятавшихся монаховъ, которымъ

они не сдѣлали никакого зла, а попросили только принести хлѣба и какую-нибудь пищу, что они и исполнили. На ночь разставили кругомъ монастыря часовыхъ, и въ лагерѣ также, чтобы быть готовыми при малѣйшей тревогѣ. Было уже около 10-ти часовъ вечера. Отецъ мой, утомленный отъ большаго перехода верхомъ, отправился въ особую комнату, гдѣ ему приготовили кровать, на которую онъ, не раздѣваясь, легъ, и скоро заснулъ сномъ праведника. Здѣсь онъ не можетъ припомнить, во снѣ, или на яву, но онъ видитъ, что отворяется дверь въ его комнату, входитъ тихими шагами человѣкъ въ черной длинной одеждѣ, подходитъ къ нему такъ близко, что онъ могъ при лунномъ свѣтѣ разсмотрѣть черты лица его. Онъ казался старымъ, съ сѣдой бородой. Около минуты стоялъ онъ, какъ бы разсматривая принца, наконецъ тихимъ голосомъ сказалъ: «не вели войску своему расхищать монастырь и особенно уносить что-нибудь изъ церкви. Если ты исполнишь мою просьбу, то Богъ тебя помилуетъ и ты возвратишься въ свое отечество цѣлымъ и невредимымъ.» Сказавъ это, старецъ тихо вышелъ изъ комнаты. Принцъ, проснувшись на разсвѣтѣ, сейчасъ вспомнилъ это видѣніе, которое представлялось ему такъ живо, какъ бы на яву. Онъ немедленно позвалъ адъютанта, и велѣлъ ему отдать приказъ, чтобъ отрядъ готовился къ выступленію обратно къ Москвѣ, съ строгимъ запрещеніемъ входить въ монастырь. Отпустивъ адъютанта, принцъ пошелъ посмотрѣть церковь, у входа которой стояли часовые. Войдя въ храмъ, онъ увидѣлъ гробницу и образъ, который поразилъ его сходствомъ своимъ съ человѣкомъ, представившимся ему ночью. На вопросъ его: чей это портретъ, одинъ изъ бывшихъ тутъ монаховъ отвѣчалъ, что это образъ св. Саввы, основателя монастыря, котораго тѣло лежитъ въ этой гробницѣ. Услышавъ это, принцъ съ благоговѣніемъ поклонился мощамъ святаго и записалъ его имя въ своей памятной книжкѣ *.

---

* Любопытно бы знать, сохранилась ли эта памятная книжка, замѣчаетъ издатель Р. Архива.

Послѣ этого событія ему приходилось быть почти во всѣхъ сраженіяхъ, начиная отъ Малоярославца, во время отступленія Французской арміи изъ Россіи, и въ компаніи 1813 г. въ Германіи. Ни въ одномъ сраженіи принцъ не былъ раненъ; слова старца сбылись. Онъ возвратился благополучно въ отечество, и даже послѣ паденія Наполеона остался всѣми любимъ и уважаемъ».

Замѣчательно, что почти всѣ маршалы, бывшіе съ Наполеономъ погибли или въ сраженіяхъ, или насильственною смертью. Мортье, взрывавшій во время выступленія Французовъ изъ Москвы нашъ Кремль, самъ былъ взорванъ адскою машиною, которая направлена была на короля Людовика Филиппа, когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ своимъ въ Парижѣ, Жюно умеръ въ сумасшествіи, Ней и Мюратъ разстрѣляны, Бертье сбросился съ балкона своего замка въ Бамбергѣ, маршалъ Бессьеръ убитъ подъ Люценомъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ; маршалы Дюрокъ и Понятовскій также убиты въсраженіяхъ.

Герцогъ Лейхтенбергскій, исполняя волю отца, не преминулъ быть въ монастырѣ преподобнаго Саввы и поклонился мощамъ его.

Письмо М. М. Евреинова къ издателю.

«Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ разсказывалъ мнѣ, пишетъ М. М. Евреиновъ, о своемъ снѣ: Въ молодости своей жилъ онъ въ Москвѣ, и съ братомъ своимъ часто ѣзжалъ на балы къ Михайлу Васильевичу Волынскому. Послѣ переселился на житье въ Петербургъ, и вовсе забылъ о Волынскомъ, потому что тому прошло долгое время. Однажды видитъ во снѣ, что стоитъ гробъ, и спрашиваетъ, что это за гробъ? Ему отвѣчаютъ, что это гробъ для Михайла Васильевича Волынскаго. Черезъ нѣсколько дней получаетъ онъ письмо изъ Москвы отъ брата своего Князя Александра Михайловича, что Волынскій скончался.»

«Сонъ Графа Михаила Владимировича Толстаго послѣ смерти его сына Владимира также очень замѣчателенъ. Вмѣсто того, чтобы вамъ оный описывать, препровождаю его напечатанный *. Всего удивительнѣе то, что мальчикъ благодарилъ брата своего за оказанное имъ благодѣяніе своему товарищу, тогда какъ оно было сдѣлано послѣ его уже смерти.»

Письмо Е. В. У.....вой къ издателю.

«Почтенная настоятельница А — скаго монастыря позволила мнѣ сообщить вамъ удивительный сонъ, рѣшившій ея участь. На 18 году своего возраста она пристрастилась къ чтенію мистическихъ книгъ, стала задумываться о назначеніи человѣка, о пустотѣ свѣтской жизни и стремиться къ чему-то неопредѣленному, высшему, считая всѣ обыкновенныя занятія людей недостойными христіанина. Гдѣ найти такую жизнь, о какой она мечтала, — было невозможно узнать, потому что отецъ ея, предубѣжденный противъ всѣхъ духовныхъ, особенно противъ монаховъ, отдалялъ тщательно дочерей своихъ отъ всякой встрѣчи и бесѣды съ людьми духовной жизни. О монастыряхъ она ничего не знала, никогда не видала вблизи ни одной монахини, и думала, что единственное средство спасти свою душу было идти въ видѣ нищей странницы и питаться именемъ Христовымъ. Что бы развлечь ея постоянную задумчивость, отецъ переѣхалъ на дачу Студенецъ, гдѣ окружилъ ее всѣми возможными удовольствіями, но не достигъ своей цѣли. Въ одну ночь представилось ей во снѣ, что подъѣхала карета, изъ которой вышла высокая женщина, величественнаго вида, въ монашескомъ платьѣ, какъ будто игуменія, съ бриліантовымъ крестомъ на груди и съ посохомъ въ рукѣ, поддерживаемая двумя монахинями. Дверь спальни отворилась, и величественная игуменія подошла къ ея постели и надѣла ей на руку кольцо, сказавъ: «это посылаетъ тебѣ Св. великомученица Варвара.»

* См. выше, с. 90.

Черты лица игуменіи врѣзались въ ея память, и поутру она разсказала роднымъ всѣ подробности своего сна. Отецъ опечалился, думая, что это предвѣстіе смерти любимой дочери; замужняя сестра увѣрила, что кольцо означаетъ близкую свадьбу—и всѣ, потолковавъ о снѣ и сдѣлавши свои замѣчанія, забыли о немъ. Прошло около трехъ мѣсяцевъ; кто-то изъ знакомыхъ сталъ разсказывать о великолѣпной и трогательной церемоніи, происходящей 26 Августа на Бородинскомъ полѣ. Молодой дѣвушкѣ захотѣлось быть свидѣтельницей этой процессіи; отецъ, противникъ монастырей, не соглашался, но врачъ утвердительно сказалъ, что зрѣлище Бородинскаго праздника должно оказать благодѣтельное вліяніе на его паціентку, и развлечь ея задумчивость. Отецъ изъявилъ согласіе и отправился вдвоемъ съ дочерью. Пріѣхали, на канунѣ праздника, поздно вечеромъ, остановились въ гостинницѣ, куда, не смотря на поздній часъ, явилась посланная отъ игуменіи Маріи, съ предложеніемъ ужина и различныхъ удобствъ. Отецъ былъ удивленъ и тронутъ такою предупредительностію, и на другой день, за обѣдней, подошелъ къ игуменіи, благодарилъ ее и представилъ дочь свою. Мать Марія посовѣтала ему идти въ алтарь и обѣщала сохранить дочь его. Что, какія были въ это время чувства дочери: въ лицѣ игуменіи она узнала знакомыя, глубоко замѣчательныя въ сердцѣ, черты той величественной женщины которую она видѣла во снѣ,—икрестъ и посохъ были тутъ же.

Пораженная дивнымъ сходствомъ, она увидѣла въ этомъ необыкновенномъ происшествіи руку Божію, волновалась различными чувствами, и едва началась панихида о воинахъ за вѣру и отечество на брани убіенныхъ, она упала въ обморокъ. Настоятельница послѣдовала за ней въ свои келіи, помогала приводить ее въ чувство, и только что она пришла въ себя, какъ бросилась къ ногамъ игуменіи, умоляя ее принять въ число сестеръ монастырскихъ. Игуменія не согласилась исполнить такого внезапнаго желанія, и предложила остаться погостить въ монастырѣ недѣли на двѣ..... и вотъ съ того дня

прошло болѣе тридцати лѣтъ, какъ она живетъ въ стѣнахъ монастырскихъ, то какъ монахиня Антонія, то какъ Игуменія Антонія, украшая своими добродѣтелями санъ иноческій.»

Указаніе въ сновидѣніи. Въ „Кіевлянинѣ“ сообщаютъ о слѣдующемъ странномъ случаѣ. Козелецкаго уѣзда, Быковской волости, въ селѣ Петровкѣ, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, неизвѣстно куда дѣвалась собственница Фотина Костенкова. Розыски мѣстныхъ властей о неизвѣстной отлучкѣ изъ дома Фотины Костенковой не дали никакого результата. Съ 14 на 15 Ноября дѣвочкѣ лѣтъ 12, совершенно въ противоположной сторонѣ тогоже села, спится, что Фотина Костенкова пришла къ ней и просить кусокъ хлѣба, на что дѣвочка отвѣтила; „у меня самой мало хлѣба, а ты гораздо богаче меня, да еще и хлѣба просишь,“ потомъ спросила: „Фомина гдѣ ты теперь живешь?“ Фомина отвѣчала: „я живу въ пустой хатѣ, въ тѣсномъ мѣстѣ, подъ лавкою; сходи и скажи моему сыну, пусть меня ищетъ.“ Дѣвочка проснувшись, разсказала сонъ сначала матери, потому отцу, которые и не замедлили передать объ этомъ сыну Костенковой. Взявши жену и свидѣтелей, пошолъ съ заступомъ въ пустую хату и началъ копать подъ лавкою; увидѣвъ ноги матери своей, спросилъ жену: „А се що?“ Жена, въ испугѣ, вставъ на колѣна, сказала: „еще на третьей недѣли великаго поста, когда говѣли, а я съ свекровью оставалась дома, мы повздорили; свекровь ударили меня два раза по лицу, за что я толкнула свекровь въ грудь такъ, что она упала, и ударилась затылкомъ о прилавокъ. Замѣтивъ, что свекровь не поднимается, я ушла было въ церковь, но, раздумавъ на дорогѣ, воротилось домой, и тогда, увидѣвъ, что свекровь уже умерла, сначала спрятала ее подъ печь и прикрыла соломою. На другой день, когда снова ушли всѣ изъ дома, я выкопала въ пустой хатѣ подъ лавкою яму, и убитую свекровь перенесла черезъ сѣни и схоронила.“

Письмо Графа М. Д. Бутурлина къ издателю.

Бывшій въ 30-хъ годахъ Московскій Комендантъ, Генералъ Лейтенантъ К. Г. Сталь фонъ Голштейнъ (человѣкъ, пользовавшійся всеобщею любовью и уваженіемъ), разсказывалъ своему свату, Орловскому помѣщику, Сергѣю Васильевичу Цуринову,* слѣдующій удивительный случай во время истребленія рядомъ пожаровъ (длившихся нѣсколько дней) всей почти Рогожской и Таганской частей, лѣтомъ 1834 года, въ каковое время, баронъ Сталь исправлялъ должность Московскаго Военнаго Генералъ Губернатора Князя Голицына, бывшаго за границей **. Всѣ каменные дома, окружавшіе церковь Св. Митрополота Алексѣя, стоявшую на отдѣльной площадкѣ, были объяты пламенемъ, и народъ бросился было выносить изъ храма иконы и прочія церковныя принадлежности, но священникъ не дозволилъ никому прикасаться къ нимъ, и самъ сталъ въ полномъ облаченіи передъ престоломъ при открытыхъ царскихъ вратахъ. Испуганные этими дѣйствіями, жена его и дѣти, прибѣгли къ Генералу Сталю, умоляя его уговорить этого священника выйти изъ церкви и дозволить спасать изъ нея все возможное. «Сходи-ка, братъ Никита,» сказалъ добрѣйшій баронъ Сталь находившемуся вмѣстѣ съ нимъ на пожарѣ одному изъ полицеймейсторовъ, полковнику Никитѣ Петровичу Брянчаниновъ, «и уговори этого упрямца быть поблагоразумнѣе.» Вскорѣ однакоже изъ церкви возвратился полковникъ Брянчаниновъ и отрапортовалъ своему начальнику, что «неугодно-ли Вашему Превосходительству самому попытаться уговорить священника, а я, молъ, ничего не могу подѣлать съ нимъ,»—и вслѣдъ за тѣмъ, туда отправился нашъ почтенный Комендантъ. «Что это вы, батюшка, дѣлаете» сказалъ онъ, — «вѣдь вы и себя и храмъ губите на вѣрнякъ»?—

---

* Сынъ С. Цуринова, Александръ Сергѣевичъ (недавно умершій) женился въ началѣ 40-хъ годовъ на одной изъ дочерей барона Сталь, Шарлотѣ Карловнѣ.

** С. В. Цуриновъ передалъ мнѣ въ 1844 г. этотъ разсказъ, только что имъ слышанный отъ барона Сталя,—лютеранина,—обстоятельство весьма знаменательное.

«Генералъ,» отвѣтилъ неустрашимый священно-служитель, — «въ несчастной годинѣ 1812 года, когда не такой, какъ нынѣ, пожаръ опустошалъ столицу съ ея святынею, предмѣстникъ мой не дозволилъ вынести ничего изъ этого храма, и самъ, облачившись не выходилъ изъ него. Онъ и храмъ остались Божіею милостію невредимы, и я неуклонно слѣдую его примѣру.»—«Оглянитесь»,—продолжалъ генералъ Сталь. — «на несчастное ваше семейство, вами подвергаемое безъ всякой пользы горчайшему сиротству, и покоритесь благоразумію». (Семейство священника взошло въ церковь вслѣдъ за Комендантомъ, и, стоя, на колѣнахъ, упрашивало его пантомимою продолжать ходатайствовать о немъ): «Все знаю, все вижу, но не измѣню своего рѣшенія», была отвѣтъ. Тогда сердобольный Комендантъ, немного погорячившись, сдѣлалъ было знакъ одному или двухъ, находившимся при немъ, жандармамъ подойти къ нему въ алтарь, (гдѣ сцена происходила), и указалъ было имъ схватить священника и насильственно вывести его изъ церкви. «Воздержитесь, генералъ,» съ достоинствомъ произнесъ священникъ.—«хозяинъ здѣсь я, а не вы, и потому прошу васъ выйти отсюда». Нечего было дѣлать старому войну; онъ пожалъ плечами и вышелъ на улицу.

Всѣ дома площадки, въ центрѣ коей была церковь, сгорѣли до тла, чему способствовалъ сильнѣйшій вѣтеръ, а храмъ остался неприкосновеннымъ. Ужели оба эти примѣра, повторяемые на одномъ и томъ-же мѣстѣ, ничего болѣе, какъ случайности?»

Письмо Ѳ. Н. Глинки къ издателю.

«1831 годъ привелъ въ Россію гостью еще небывалую. Страшно шла она отъ береговъ Гангеса къ берегамъ нашей Волги. Ни моря, ни рѣки не останавливали ея хода скораго, какъ полетъ птицы—Большіе города, большія дороги и судоходныя рѣки чувствовали въ особенности присутствіе невидимаго непріятеля съ его орудіемъ также невидимымъ но, къ несчастію, всегда мѣткимъ и гибельнымъ. Кто

неузнаетъ въ этомъ непріятелѣ, холеры?—Распространивъ гибель въ провинціяхъ близъ Каспійскаго моря, она шла грозно и неудержимо въ кореную Россію и овладѣла Москвою.—Въ это время я служилъ въ Твери. Карантинъ, на границѣ вуберніи по рѣкѣ *Соше* былъ уже снятъ, и зараза, изъ Москвы, стала засылать свои передовые отряды въ Тверь.—Достойный Архипастырь Амвросій, извѣстный глубокою ученостію и могучимъ краснорѣчіемъ, сталъ первою жертвою эпидеміи, скоро весь городъ заболѣлъ и смутился. Страхъ, недоумѣніе и трепетное ожиданіе какой-то неопредѣленной будущности овладѣли всѣми. Въ такомъ положеніи общественныя дѣла шли томно, несвязно, урывками: всѣ прижались по своимъ угламъ; у многихъ домовъ стояли карантинные караулы, пищу подавали въ окно, умершихъ хоронили тайкомъ, по ночамъ, но слухи о нихъ немогли схоронить.— Шесть недѣль господствовала холера въ Твери, а конца бѣдствію еще никто непредвидѣлъ.

Въ это время (3-го августа) ѣхалъ я на дрожкахъ изъ Затматскаго домика (нашъ былъ оцѣпленъ) въ Губернаторскую канцелярію, куда призывала меня обязанность: «члена холернаго комитета.»

Подъѣзжая къ Собору, я велѣлъ остановиться, сошелъ съ дрожекъ, прошелъ немного и увидѣлъ *нѣчто* заставившее меня самаго пріостановиться.—Человѣкъ, очень высокаго роста, въ черной одеждѣ (повиду странникъ) съ тѣсно сжатою ремнемъ таліею и распущенными волосами, стоялъ предъ Соборомъ на колѣнахъ съ воздѣтыми руками и глазами возведенными къ небу.— Этотъ человѣкъ, какъ бы приросшій колѣнами къ землѣ, стоялъ тутъ съ неподвижностію мраморнаго изваянія и молился,—но какъ молился!! Каждая фибра его, казалась, погружена была въ молитву.—День вечерѣлъ, вѣтеръ раскидывалъ волосы и складки одежды странника, но волосы и одежда его какъ будто ему непринадлежали... Сосредоточный въ самомъ себѣ, онъ оставался въ совершенномъ оцѣпененіи и молился, или, лучше сказать, онъ не существовалъ по тѣлесному, а *что-то* въ немъ молилось.—Такъ и оставилъ я его на молитвѣ.

Подойдя, къ разтвореному окну (въ нижнемъ этажѣ) Губернаторской канцеляріи я увидѣлъ правителя дѣлъ Рубцова и чрезъ окно сталъ съ нимъ говорить: не знаете ли что́ это за человѣкъ: вонъ тамъ у собора, стоитъ, какъ вкопаный колѣнями на камняхъ и молится на соборъ?

— А!... Это тотъ *странникъ*!... Онъ и у насъ былъ, начудесилъ и всю канцелярію все положилъ. Вотъ, продолжалъ Рубцевъ—вотъ лежитъ *три креста*—это его подарокъ. На окнѣ точно лежали рядомъ *три креста* чернаго полированнаго дерева.

— Онъ, видите-ли, подошелъ къ намъ и твердымъ голосомъ проговорилъ:» Скажите Губернатору, что я положилъ здѣсь *три* черныхъ *креста*», а самъ повернулся и былъ таковъ!.

Тревожныя обстоятельства эпохи недозволяли долго заниматься прохожимъ, хотя и *загадочнымъ* человѣкомъ и его *тремя крестами*.

Шестаго Августа (въ день *СПАСА*) воздухъ, до того острый, чрезвычайно смягчился, брызнулъ дождикъ, сверкнула молнія и послышался громъ котораго давно неслыхали, легче стало дышать!!

— На слѣдующее утро(ровно чрезъ *три* дня)звонили и трезвонили колокола всѣхъ Тверскихъ церквей и вездѣ пѣли *благодарственные* молебны: «*за прекращеніе*, въ г. «Твери:» *холерной эпидеміи.*»

Предзнаменованіе.

Вотъ что разсказывалъ мнѣ одинъ инокъ, бывшій раскольничій архіерей: „Среди моихъ странствій съ разными цѣлями, я былъ въ Парижѣ. Тамъ встрѣтился съ однимъ Русскимъ, который, узнавъ, что я принадлежу къ такъ называемымъ старообрядцамъ, сказалъ мнѣ: «охота вамъ водится съ этими свиньями.» Грубое это выраженіе запало мнѣ въ память. Когда воротился я изъ путешествія, мои единомышленники рѣшились посвятить меня въ архіереи. При посвященіи, по ихъ обряду, посвящающимъ читается надъ головою посвящаемаго то Евангеліе, какое случайно встрѣтится при открытіи книги. Каково было мое изумленіе, и вмѣстѣ какой обнялъ меня страхъ, когда надъ головой

моей раздались слова: „и шедъ, прилѣпися единому отъ житель тоя страны, и посла его на села свои пасти свинія.

По окончаніи богослуженія, инокъ отказывался отъ архіерейства, послѣ усиленныхъ убѣжденій получилъ время на размышленіе, и впослѣдствіи обратился къ единовѣрію.

Онъ-же разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ во снѣ одного пропагандиста съ связкою книгъ на спинѣ, и, проснувшись, узналъ, что дѣйствительно этотъ его заграничный знакомецъ (Кельсіевъ) пріѣхалъ тогда въ Москву, приходилъ къ нему и хотѣлъ его видѣть.

Историческія замѣтки.

На мѣстѣ Бородинскаго сраженія встрѣчаются собственныя имена, искони принадлежавшія этой мѣстности, которыя именно относятся къ войнѣ: рѣчка *Колоча*: на которой стоитъ и монастырь, получившій отъ нея названіе Колоцкаго, ручей *Стонецъ*, ручей *Огникъ*, ручей *Война*. Это примѣчательное совпаденіе замѣчено было давно.

Но вотъ что узналъ я недавно отъ Архимандрита Ново Іерусалимскаго Леонида: Крайній предѣлъ похода Французскаго въ Калужской губерніи, отъ которой поворотили они назадъ къ Смоленску, называется Спасъ-*Прогнань*. (Дней черезъ пять, какъ я услышалъ это, прочелъ я нечаянно въ газетахъ извѣстіе о продажѣ сельца Акатова—Спасъ что на Прогнани, Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи),

---

2 Сентября, 1854 года, союзники высадились въ Крымъ, и 2 Сентября, 1812 года, вступили Французы въ Москву. Въ нашей реляціи сказано было глухо, что они показались у береговъ 1 Сентября, и вскорѣ начали высадку, а въ иностранныхъ телеграфическихъ извѣстіяхъ вездѣ сказано, что они высадились 14 Сентября по новому стилю, то есть втораго по нашему.

P. S. По послѣднимъ извѣстіямъ иностраннымъ видно, что 1 Сентября вышли на берегъ три полка, а общая высадка совершилась 2 Сентября.

---

26 Августа есть примѣчательный день въ Русской Исторіи:

26 Августа, 1381 года, взятіе Москвы Тохтамышемъ.

26 Августа, 1395 года, Тамерланъ, шедшій на Москву, внезапно поворотилъ назадъ съ своей дороги домой, а въ Москвѣ въ то самое время Великій Князь Василій Дмитріевичъ встрѣчалъ образъ Владимирской Божіей Матери на Кучковѣ полѣ. (Въ память событія построенъ былъ на полѣ монастырь Срѣтенскій и учрежденъ крестный ходъ, совершаемый донынѣ).

26 Августа, 1612 года, войско Гетмана Хоткевича, приходившее на помощь къ осажденнымъ Полякамъ, въ Кремль, и разбитое Княземъ Пожарскимъ и Мининымъ, принуждено было бѣжать, и освобожденіе Москвы отъ Поляковъ было обезпечено.

26 Августа, 1812 года,—сраженіе Бородинское,

26 Августа, 1831, взятіе Варшавы Паскевичемъ въ заключеніе Польскаго возстанія.

26 Августа, 1855 года, палъ Севастополь.

Въ извѣстной залѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Römer, по стѣнамъ, писались портреты Нѣмецкихъ Императоровъ, немедленно по ихъ коронаціи. Они заняли два ряда по всѣмъ стѣнамъ, и оставалось въ послѣднее время только одно мѣсто, которое занялъ Императоръ Францъ II. Онъ дѣйствительно былъ послѣднимъ Императоромъ Германіи, принужденный Наполеономъ I принять титулъ Императора Австрійскаго.

(Прусскій Король долженъ начать новый рядъ, если хочетъ сохранить старый обычай).

Наполеонъ I читалъ Оссіана. Въ это время у товарища его Маршала Бернадотта родился сынъ, котораго окрестить и просилъ отецъ Генерала Бонапарте. Занятый Оссіаномъ, тотъ далъ имя Оскара, и этому Оскару судьба привела сдѣлаться Королемъ Шведскимъ.

«Неразъ были распускаемы толки,» говоритъ Hamburgischer Correspondent отъ 6 Сентября» о какихъ то опасеніяхъ, будтобы безпрестанно тревожившихъ, нѣсколько лѣтъ сряду, умъ Наполеона III подъ вліяніемъ воспоминанія о случайно найденномъ имъ предсказаніи. Дѣйствительно при настоящей роковой обстановкѣ его судебъ, получаютъ особенное значеніе слѣдующіе стихи изъ Ronces et chardons par le chevalier de Chatelain, c. 181.

Quand le second empire en Lutèce reviendra,
(Ceci n'est pas, las, une facétie),
Dix-huit ans, moins un quart, pas plus ne vivra.
Ainsi le dit dans son grimoire
En termes clairs le grand Nostradamus.
«Dix-huit ans moins un quart—et pas un jour de plus».»
Vive Nostradamus! vive son répertoire! *

И такъ, по предсказанію Нострадамуса, вторая Имперія должна была жить безъ трехъ мѣсяцевъ 18 лѣтъ, и вотъ почему Наполеонъ опасался быть сверженнымъ съ престола 2 Сентября 1870. Дѣйствительно, провозглашенъ онъ Императоромъ 2 Декабря 1852 года, ровно годъ послѣ приготовившаго это событіе государственнаго переворота, а сдался онъ въ плѣнъ 2 Сент. 1870 г. т. е. ровно черезъ 18 лѣтъ, *безъ трехъ мѣсяцевъ*, ни однимъ днемъ болѣе!»

Римъ основанъ Ромуломъ, имперія началась съ Августомъ, послѣдній Римскій Императоръ—Ромулъ Августулъ.

Изъ моихъ записокъ.

Въ 1840 году, Ноября 7, отобѣдавъ у Аксаковыхъ, жившихъ на Смоленскомъ бульварѣ, въ домѣ Требинова, пошелъ я пѣшкомъ домой. На дворѣ уже очень стемнѣло. Лишь только поворотилъ я въ Оружейный переулокъ, соединяющій бульварную улицу съ Плющихой,

* Московскія вѣдомости, 1870 сент. 3 № 189.

какъ увидѣлъ вдали передъ собою женщину, бѣгущую ко мнѣ на встрѣчу съ крикомъ: «Михаилъ Петровичъ! Михаилъ Петровичъ!» Я удивился, кому знать меня въ этомъ переулкѣ? Она кричитъ: «Идите скорѣе, священники пришли, въ гробъ кладутъ». Между тѣмъ мы сходимся. «Извините,» сказала она, приблизясь ко мнѣ и всмотрѣвшись: «я ошиблась.»—Но я тоже Михаилъ Петровичъ. «Да не нашъ,» отвѣчала она и пробѣжала мимо.

Я имѣю обыкновеніе, со студенчества, вести поденную записку своихъ занятій, разговоровъ, встрѣчъ и т. п. Иногда въ то время записывалъ самъ, иногда диктовалъ женѣ. Этотъ день, 7 Ноября, записанъ ею, и послѣ словъ: «священники пришли, въ гробъ кладутъ,» прибавлено ея-же рукою: «не предзнаменованіе-ли это?» Министръ Уваровъ, съ которымъ находился я въ близкихъ отношеніяхъ, лежалъ тогда больной въ Кіевѣ. Мы подумали, не онъ-ли тамъ умираетъ.

Но черезъ четыре года, именно въ этотъ день и часъ, 7 Ноября, 1844 года, сама она, писавшая, была положена во гробъ.

Я совершенно забылъ о бывшей встрѣчѣ, и уже нѣсколько лѣтъ послѣ кончины, перебирая зачѣмъ-то свой журналъ, нечаянно увидѣлъ предсказаніе, которое исполнилось роковымъ для меня образомъ.

Скажутъ—это былъ случай, но нельзя не согласиться, что это былъ случай примѣчательный: онъ произвелъ на меня впечатлѣніе, такъ какъ производилъ и на другихъ, которымъ я разсказывалъ его послѣ и показывалъ строки, написанныя покойною женою.

Лишившись жены, я остался съ четырьмя малолѣтными дѣтьми: младшей дочери не было года, младшему сыну меньше трехъ лѣтъ. Года черезъ два я рѣшился жениться. Выборъ палъ на одну знакомую вдову. Было, по моему мнѣнію, нѣсколько препятствій съ обѣихъ сторонъ. Долго я думалъ о томъ, не говоря ни съ кѣмъ, и наконецъ рѣшился посовѣтоваться съ нею самою, не будетъ ли ей противно мое предложеніе. О намѣреніи моемъ никто, разумѣется, не зналъ. Объясниться я рѣшился 11 Января, такъ какъ 10 Января, (день рожденія

моего брата, когда у меня обыкновенно бывалъ семейный обѣдъ,) оканчивались послѣ святокъ, разные домашніе хлопоты. Наступило это число. Я думаю все о своемъ намѣреніи, которое должно исполниться завтра. Кончился обѣдъ. Послѣ обѣда я сплю обыкновенно съ полчаса въ моемъ кабинетѣ, который былъ вмѣстѣ и спальнею, за ширмами. Надъ кроватью висѣлъ портретъ покойной жены. Ложась спать, я обратился къ ней мысленно и подумалъ: другъ мой, подай мнѣ совѣтъ, хорошо ли я дѣлаю. Уснулъ, проснулся, и сѣлъ, по обыкновенію, за свой письменный столъ, думая свою думу. Наступилъ вечеръ. Дѣти пришли прощаться. Старшій сынъ, лѣтъ десяти, спалъ вмѣстѣ со мною, также за ширмами, на кровати, которая отдѣлялась отъ моей маленькимъ столикомъ. Получивъ благословеніе, онъ легъ въ свою постель, и вдругъ я слышу, что онъ съ какимъ-то безпокойствомъ ворочается. Не чуетъ-ли его сердце, мелькнула у меня въ головѣ мысль, о чемъ я теперь думаю. Я взялъ свѣчку и пошелъ посмотрѣть на него; вижу, что онъ лежитъ, оборотясь лицемъ къ спинкѣ кровати, снялъ съ него лишнее одѣяло, и воротился на свое мѣсто. Слышу—онъ опять ворочается.—Митя, ты не спишь? спрашиваю его. «Не сплю,» отвѣчаетъ онъ, и въ отвѣтѣ его слышатся слезы. — Да ты плачешь? «Плачу.»—Объ чемъ? «Когда я ложился спать, взглянулъ на мамашу,—и мнѣ стало ея жалко!»—Развѣ ты говорилъ нынче о мамашѣ съ Сашей (сестрою)? «Нѣтъ не говорилъ.»—Такъ, можетъ быть, говорилъ вчера или прежде? «Нѣтъ не говорилъ.» Меня такъ и ударило въ голову, при этомъ удивительномъ совпаденіи его слезъ съ моими мыслями, и всѣ замышленія исчезли, какъ небывалыя.

На другой день я поѣхалъ не туда, куда намѣревался, а къ Митрополиту Филарету, съ которымъ разговоръ касался у меня иногда до другаго міра. «Что вы объ этомъ думаете,» сказалъ онъ? «Я пріѣхалъ спросить мнѣнія Вашего Высоко преосвященства.» «По моему это—указаніе: можетъ быть, особа, о которой вы думаете, вамъ неподходящая, можетъ быть, время не то: ожидайте другихъ указаній.»

Приведу здѣсь кстати случай, уже совершенно ничтожный, но который можетъ служить примѣромъ, пожалуй, счастливаго стеченія обстоятельствъ.

Въ собраніи Славянскаго благотворительнаго комитета въ Петербургѣ. Декабря 30 дня 1869 г., кромѣ занятій по текущимъ дѣламъ, опредѣлено было—въ день Новаго Года, въ 3 часу, поднесть Князю Черногорскому, только что пріѣхавшему въ Петербургъ, хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ. Молча нельзя было представлять приношенія: я, случившійся тогда въ Петербургѣ, предложилъ присоединить краткое привѣтствіе Сочиненное мною было тогдаже единогласно одобрено. Надо было переписать его, но это трудно было сдѣлать тутъ же съ моего неразборчиваго подлинника. «Я перепишу,» сказалъ я секретарю, «у себя дома, а вы пришлите ко мнѣ, когда понадобится.»

На томъ всѣ мы и разстались.

Проходитъ день засѣданія, другой, наступаетъ первое число. Мнѣ не даютъ знать ничего и за спискомъ не шлютъ; и я, разсудивъ, что вѣрно по какимъ-нибудь причинамъ отложено поднесеніе хлѣба-соли Черногорскому Князю, собрался преспокойно идти со двора, а черновой свой адресъ велѣлъ отдать писарю, жившему въ томъ же домѣ, чтобъ тотъ переписалъ его хорошенько. Меня задерживаютъ посѣтители не два часа, и я выхожу уже въ третьемъ. Повернулъ въ первый переулокъ съ Англійской набережной, отъ дома графа Литке, гдѣ я жилъ,—долго не попадается извощика,—и я выхожу на кавалергардскій бульваръ. Съ Утинскаго тротуара пересѣкаю улицу, чтобъ перейдти на бульваръ,—въ эту самую минуту проѣзжаютъ мимо меня сани; молодой человѣкъ, сидѣвшій въ нихъ, вдругъ останавливается, выскакиваетъ изъ саней, и, обращаясь ко мнѣ, прямо спрашиваетъ: «вы Михаилъ Петровичъ?—Къ вашимъ услугамъ. «Я васъ узналъ, видѣвъ третьяго дня. Куда-же вы идете?» Удивленный такимъ вопросомъ незнакомаго человѣка, я отвѣчалъ сквозь зубы: куда мнѣ нужно — къ моимъ знакомымъ. «Но вѣдь сейчасъ должно быть представленіе

Славянскаго комитета Черногорскому Князю?»—Не можетъ быть: у меня не спрашивали адреса. «Я васъ увѣряю, что представленіе не отмѣнено. Члены должны быть теперь уже въ сборѣ; и васъ ожидаютъ. Поѣдемте со мною.»—Благодарю васъ, но я одѣтъ не парадно. «Такъ переодѣньтесь. Гдѣ вы живете?»—Здѣсь близко. «Заѣдемте на вашу квартиру. Но нужно спѣшить».—Послушайте—я отпустилъ своего служителя, да, и оставаясь дома, онъ сидитъ обыкновенно за пять комнатъ, такъ что посѣтитель часто уходитъ отъ моей двери не дозвонившись. Видно не судьба быть мнѣ на представленіи. «Попробуемъ: безъ васъ, повторяю, поднесеніе разстроится.» Мы поѣхали, и дорогою мнѣ пришло еще въ голову, что оставленный служителю адресъ могъ быть уже отданъ писцу, и что произойдетъ другое затрудненіе идти за нимъ, не застать писца дома, и проч.

Пріѣхали. Звонимъ. Служитель очутился у двери, которую въ туже секунду и отперъ.—Отнесъ ты бумагу, что я далъ тебѣ? «Нѣтъ еще, вотъ она.» Я повязалъ на скоро бѣлый галстукъ, и отправился съ ниспосланнымъ ко мнѣ незнакомымъ путеводителемъ. Въ пріемной Князя всѣ члены были уже собраны, и съ нетерпѣніемъ меня дожидались. Кто снялъ съ себя звѣзду, кто крестъ, кто ленту—снарядили меня кое-какъ, и Князю возвѣщено было наше прибытіе.

Князь вышелъ къ намъ съ своею свитою.

А. Б. Иваницкій и И. И. Золотаревъ поднесли блюдо, и я прочелъ адресъ по своему черновому листику.

Князь былъ очень благодаренъ, сказалъ нѣсколько пріятныхъ словъ въ отвѣтъ о важности старыхъ обычаевъ и о значеніи ихъ въ исторіи народовъ, а потомъ пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ выразилъ между прочимъ желаніе познакомиться съ членами комитета. Они были представлены А. Б. Иваницкимъ. Г-да Кирѣевы поднесли Князю саблю, принятую съ особеннымъ удовольствіемъ. Князь раскланялся. Депутація отвѣтила восклицаніями: живіо.

огда мы собирались уже расходиться, секретарь Князя вынесъ мнѣ граммату слѣдующаго содержанія:

«Божіомъ милости, мы, Николай I, Князь Црногорскій и Брдскій. Заслужоному профессору, академику, Михаилу Петровичу Погодину. За осо̀бите услуге ваше, указане Црногорскому народу у Нама, нашли емо се побучени одликовати Вас орденомъ 1 степена Князя Данила 1.; установлѣнимъ за независимость Цене Горе коега Вамъ знакове овимъ проводимо. На Цетиню, 1 Јануаріа 1869»

Разумѣется, мнѣ было пріятно получить отъ единственнаго на западѣ Славянскаго государя почетный знакъ признанія моей усердной и многолѣтней службы, съ молодости, Славянскому дѣлу,—знакъ, окоторомъ я не думалъ, не зналъ даже объ его существованіи, а въ данномъ случаѣ какъ будто насильно былъ привлеченъ къ участію даже въ представленіи Петербургскаго комитета Черногорскому Князю.

Въ самомъ дѣлѣ, надо-же было *случиться*, чтобъ я, выходя изъ дома обыкновенно въ одинадцатомъ часу, былъ задержанъ въ этотъ день до двухъ часовъ; надо же было *случиться*, чтобъ я долго не встрѣтилъ извощика, между тѣмъ какъ обыкновенно извощики встрѣчаются на всякомъ шагу; надо-же было *случиться*, чтобъ я пересѣкалъ улицу съ тротуара на бульваръ въ ту минуту, когда молодой человѣкъ проѣзжалъ мимо; надо же было *случиться*, чтобъ онъ, видѣвши меня одинъ разъ въ жизни, узналъ укутаннаго въ шубѣ; надобно было *случиться*, чтобы ему пришло въ голову остановиться и спросить незнакомаго человѣка, куда онъ идетъ... надобно было *случиться*, чтобы даже и служитель очутился у двери, неуспѣвшій передать адреса для переписанія.

Вотъ сколько благопріятныхъ *случаевъ*, стекшихся для успѣха, а какъ часто бываетъ, что въ задуманномъ, ожиданномъ, подготовленномъ дѣлѣ, куда ни кинь, такъ клинъ!

Пусть читатель сравнитъ подобныя случайности, разсказанныя Гр. Д. Н. Толстымъ, с. 72, и моимъ пріятелемъ, с. 64.

Я думаю, что всякій человѣкъ, еслибъ онъ внимательно слѣдилъ за собою, могъ бы увидѣть въ своей жизни много такого, что долженъ бы приписать особой силѣ, принимающей участіе, имѣющей вліяніе на его дѣла.

Пріѣхалъ ко мнѣ Гоголь изъ за границы, и поселился въ моемъ домѣ, вверху надъ кабинетомъ. Въ домѣ находилось у меня тогда Древлехранилище, а я только что предъ тѣмъ услышалъ, что нашъ чудакъ, вмѣстѣ съ Николаемъ Боткинымъ, чуть было не сожгли по неосторожности гостинницу, кажется, во Флоренціи, позабывъ потушить свѣчу, или поставивъ ее куда-то близь занавѣсокъ. Я боялся, чтобъ онъ съ такою-же неосторожностью и здѣсь не сталъ обращаться съ огнемъ, — какая опасность грозила моимъ сокровищамъ! Надо было предупредить Гоголя и напомнить, чтобъ онъ думалъ объ этомъ. Но какъ напомнить, не оскорбляя, не огорчая его, а онъ человѣкъ, зналъ я, щекотливый, раздражительный, обидчивый. Два дня прінскивалъ я оборотъ въ головѣ своей, чтобъ повести съ нимъ рѣчь объ осторожности и опасности,—и что-же? На третій день выхожу я изъ спальни въ свой кабинетъ, и вижу, что самъ позабылъ свѣчку на конторкѣ, свѣчка безъ меня упала какъ-то изъ подсвѣчника, прожгла листъ бумаги, лежавшей на конторкѣ, и самую кожу, коею была оклеена верхняя доска, но на ней погасла. Мнѣ какъ будто послышалось внутри: ты хочешь учить другихъ осторожности, но прежде поучися самъ,—и въ эту минуту изъ противоположной двери показывается идущій ко мнѣ Гоголь. «Ну, вотъ два дня я думаю о томъ,» сказалъ я ему на встрѣчу, «какъ бы напомнить тебѣ объ осторожномъ обращеніи съ огнемъ, и вотъ что случилось со мною самимъ; посмотри сюда. Я позабылъ здѣсь свѣчку, и произвелъ было пожаръ.» Это былъ лучшій оборотъ для напоминанія ему объ огнѣ... Гоголь началъ, разумѣется, приводить доказательства своей осторожности, а я радъ былъ про себя, что случилось удачно ему напомнить.

Имя Гоголя напоминаетъ мнѣ теперь отца Матвѣя, Ржевскаго священника, очень близкаго къ Гоголю. Я познакомился съ нимъ во время одного пріѣзда его въ Москву, видѣлъ и говорилъ съ нимъ раза два, и долженъ здѣсь кстати упомянуть, что онъ въ особенности поразилъ меня образомъ своей рѣчи о Промыслѣ. Никого въ жизни моей не встрѣчалъ я съ такимъ осязательнымъ, такъ сказать, убѣжденіемъ объ участіи, дѣйствіи Промысла въ человѣческой жизни, какое онъ обнаруживалъ. Онъ говорилъ о Промыслѣ, какъ-бы о близкомъ себѣ человѣкѣ, котораго онъ видитъ, слышитъ, ощущаетъ ежеминутно его присутствіе. Во всякомъ словѣ его звучало это убѣжденіе.

Точно такое-же убѣжденіе слышалось въ словахъ А. М. Бухарева, (бывшаго отца архимандрита Ѳеодора), въ истинахъ Христіанства. Нечего говорить, что многіе имѣютъ убѣжденія въ томъ или другомъ, что убѣжденіе слышится въ нихъ болѣе или менѣе, но чтобъ такъ проникло оно въ каждый звукъ рѣчи, и чтобъ такъ было можно ощущать его, — это могу я сказать только, изъ извѣстныхъ мнѣ, объ двухъ людяхъ: объ о. Матвѣѣ относительно Промысла, объ о. Ѳеодорѣ относительно истинъ Христіанства.

(Изъ письма Граф. М. Д. Бутурлина). "

«Въ какомъ-то старинномъ домѣ фамиліи Ганъ въ Лифляндіи есть висящая цѣпь, отъ которой одно звено отпадаетъ будтобы при смерти, или передъ смертью всякаго мужскаго члена той фамиліи. И двое изъ этой фамиліи (одинъ-баронъ, а другой—просто Ганъ) сами разсказывали при мнѣ объ этомъ, и въ разныя времена. Да, скажемъ словами Шекспира, много еще есть такого, чего мы не знаемъ, другъ Горацio.»

[illegible] ст. 115.

(Изъ записокъ графини А. Д. Блудовой). "

Хиромантикъ. «Дядя графа Д. Н. Блудова изучалъ хиромантію, и иногда довольно вѣрно угадывалъ по сгибамъ руки или чертамъ лица судьбу человѣка: онъ какъ-то познакомился съ другимъ, свѣдущимъ по этой части; единство предмета занятій и любовь къ нему сблизили ихъ; послѣ нѣкотораго времени, новый знакомецъ сказалъ ему, конечно, не безъ оговорокъ, что его ожидаетъ смертная казнь. «Знаю», отвѣчалъ дядя, «но знаю тоже, что я никогда этой казни не заслужу, и погибну безвинно; для моего спокойствія мнѣ больше и не нужно». Онъ погибъ, въ слѣдующемъ году, отъ Пугачева.

Сельская лекарка. «По случаю сельскаго праздника Казанской, въ имѣніи графа Блудова, во время благодарственнаго молебствія, вздумано стрѣлять изъ двухъ пушченокъ, какъ-то туда попавшихъ. Отставной солдатъ, исправлявшій должность артиллериста, неосторожно передалъ молодому парню, котораго онъ взялъ себѣ въ прислугу, полупотухшій фитиль, и тотъ, стоя подлѣ пушки съ мѣшкомъ на шеѣ, полнымъ патроновъ, положилъ курящійся фитиль въ мѣшокъ. Послѣдовалъ ужасный взрывъ. Парень былъ страшнымъ образомъ раненъ; лице все опалено, глаза, или по крайней мѣрѣ вѣки, повреждены, а главное, — вся грудь растерзана, такъ сказать, вспахана порохомъ, кожа содрана, мясо въ клочкахъ, кость обнажена. Сорокъ лѣтъ спустя, батюшка не могъ говорить объ этомъ безъ содроганія: такъ ужасно было положеніе бѣднаго мужика, такъ раздирательны были его крики и стоны. Что дѣлать? Казалось, онъ долженъ умереть въ мученіяхъ. Батюшка сейчасъ же послалъ за докторомъ, а между тѣмъ обступили его крестьяне: «Позволь, баринъ, позвать бабъ-знахарокъ; у насъ есть двѣ: они вылѣчатъ, у нихъ есть заговоръ отъ всякой боли.» Нечего было препираться о разумности или неразуміи такого леченія въ эту минуту. Несчастнаго страдальца отнесли въ сарай по близости, положили на сѣно, и пришли двѣ бабы. Онѣ

" См. выше ст. 1, 34, 38, 98.

требовали, чтобы всѣ вышли вонъ, въ томъ числѣ и батюшка; что тамъ дѣлалось въ сараѣ, онъ, слѣдовательно, не видалъ, но не прошло двухъ минутъ, какъ крики и стоны прекратились, боль унялась и раненый заснулъ. Когда докторъ прискакалъ, больной былъ совершенно спокоенъ, не было ни боли, ни жару, и, послѣ перевязки и другихъ медицинскихъ пособій, онъ выздоровѣлъ. Мгновенно совершенное утоленіе боли и жара осталось несомнѣннымъ, но необъяснимымъ фактомъ.»

(Изъ письма Г. Чубаторова.)

Получилъ я за женою въ приданое шесть домовъ; въ одномъ изъ нихъ жилъ самъ, а прочіе были заняты разнымъ хозяйствомъ. Въ 1861 году каменный домъ съ деревянною пристройкою, въ которомъ находилась гостинница, попался въ пожаръ; загорѣлся примыкавшій къ деревянной пристройкѣ домъ бывшей Старой Полиціи, и пламя послѣ того перекинуло на сосѣдній съ другой стороны деревянный домъ. Губернаторомъ въ Орлѣ въ то время былъ графъ Левашевъ. Онъ особенно предъ другими былъ скоръ на помощь къ несчастнымъ, которымъ угрожала опасность пожара; такъ что при немъ ни одного пожара не происходило, на который бы онъ не прискакалъ первый и не принялъ самъ личнаго и дѣятельнаго участія къ прекращенію его. И въ настоящемъ случаѣ, едва доложили Графу о происшедшемъ пожарѣ, какъ онъ поспѣшилъ туда. Пріѣхавъ, онъ вскочилъ на крышу дома Полиціи, и какъ пламя, по замѣченному выше, уже перекинуло чрезъ мой домъ на сосѣдній съ нимъ, то онъ закричалъ пожарной командѣ: «пусть эти горятъ, а тотъ,» онъ указалъ на домъ жены моей, «непремѣнно отстоять.» Самъ я тѣмъ временемъ спалъ въ другомъ домѣ, въ которомъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Меня разбудили и извѣстили о пожарѣ. Я только спросилъ: тамъ ли гр. Левашевъ, и узнавъ, что онъ тамъ, съ благоговѣніемъ перекрестился на икону Ѳедоровской Божіей Матери, и, предавшись въ волю Божію, преспокойно заснулъ въ полной увѣренности, что ничего не случится,

такъ что всѣ даже посторонніе изумились моему видимому хладнокровію. На другой день встаю, и жена извѣщаетъ меня, что и домъ, и вся пристройка наши цѣлы. Оставалось только снова возблагодарить Заступницу нашу, Царицу Небесную. Замѣчательно здѣсь съ одной стороны, то, что Графъ Левашевъ, которому естественнѣе бы было тушить и отстаивать домъ Полиціи, сосредоточилъ заботу на одномъ домѣ жены моей, а съ другой стороны—мое хладнокровіе, съ какимъ я отнесся къ своему собственному несчастію, тогда какъ прежде, при одномъ слухѣ о пожарѣ у людей сторонникъ, я всегда старался попасть туда съ помощію первый, предупреждая самую пожарную команду.

Засѣданіе у Г. Юма.

Мнѣ случилось, вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ, быть у Г. Юма въ Петербургѣ въ Январѣ 1872 года. Осьмеро насъ сѣло за большой круглый столъ, покрытый толстымъ зеленымъ сукномъ. Мы всѣ положили руки на столъ. Я сидѣлъ рядомъ съ Г. Юмомъ. Лице Г. Юма простое и открытое, внушающее довѣренность. Начался разговоръ между присутствующими о посторонніхъ предметахъ. Мнѣ это было непріятно, и я замѣтилъ, что въ ожиданіи чего бы то ни было, особеннаго, развлекать вниманіе мелочами неприлично. Мнѣ отвѣчали, что напротивъ это содѣйствуетъ успѣху. Чрезъ нѣсколько минутъ столъ началъ двигаться, приподниматься съ одной стороны, со стоявшею на немъ свѣчею, послышались на разныхъ точкахъ какъ бы удары чѣмъ-то твердымъ. Карандашъ, колокольчикъ, изъ рукъ, которыя держалъ кто нибудь послѣ подъ столомъ, вынимался кѣмъ-то или чѣмъ-то ощутительно, и передавался другому лицу на противной сторонѣ. Я почувствовалъ при этомъ какъ будто прикосновеніе чьей-то руки. Послѣ Г. Юмъ посадилъ меня за особый столъ съ мраморной доской, и я чувствовалъ, что мраморъ подъ моей рукою чрезъ нѣсколько минутъ дрожалъ.

Вотъ все, что происходило въ этомъ и другомъ послѣдовавшемъ засѣданіи. Фальши никакой предполагать было нельзя. Засѣданія происходили

на квартирѣ Академика по части Химіи Бутлерова, съ участіемъ извѣстнаго ревнителя спиритизма А. Н. Аксакова, котораго я знаю съ дѣтства, и въ добросовѣстности котораго совершенно увѣренъ.

Всѣ происходившія явленія — выпуть колокочикъ изъ рукъ одного и отдать другому, постучать, пошевелить столомъ, — кажутся какъ будто дѣтскія шалости: *а есть что-то!* Если есть что-то, то и это уже важно, и вызываетъ на размышленіе.

Письмо А. Н. Аксакова.

Въ вашей «Простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ» есть рѣчь и о «засѣданіи у Юма» Узнаю изъ газетъ, что все изданіе этой книги разошлось, и печатается второе. Считаю долгомъ обратить ваше вниманіе на многія подробности этого засѣданія вами, вѣроятно запамятованныя; иначе трудно понять, какъ именно вы, которые обращаете такое вниманіе на «мудреныя вещи»—съ такимъ усердіемъ собираете надежныя о нихъ указанія,—такъ поверхностно описали то мудреное, чему сами были свидѣтелемъ. *

Вы присутствовали на двухъ сеансахъ, 7 и 12 Февраля, 1872 г., на дому у академика Бутлерова; на второмъ сеансѣ явленія были сильнѣе, опредѣленнѣе, и потому я буду говорить о немъ. Какъ вы могли видѣть, все происходившее записывалось мною въ ту же минуту, на томъ же столѣ, за которымъ мы сидѣли; при помощи этихъ-то замѣтокъ я могу возстановить всѣ подробности случившагося. Сидѣли мы не «за круглымъ», а за обыкновеннымъ ломбернымъ, раскинутымъ столомъ, покрытымъ обыкновенною цвѣтною шерстяною скатертью; съ одной стороны сидѣлъ Юмъ, противъ него г. Бутлеровъ; слѣва отъ Юма сидѣли вы, потомъ я; справа отъ него баронесса М. А. Л., потомъ жена Юма; должно замѣтить, что столъ былъ поставленъ такъ, что къ Юму приходилась свободная отъ ножекъ сторона; одною парою ножекъ онъ былъ обращенъ къ вамъ и ко мнѣ, а другою къ

* Я записалъ черезъ два года главное, то, что удержалось у меня въ памяти. *М. П.*

двумъ дамамъ. Всѣ руки присутствующихъ лежали свободно на столѣ, на которомъ находились также двѣ свѣчи, два колокольчика, гармоника, бумага и карандашъ. Вскорѣ столъ довольно сильно задрожалъ, сталъ двигаться и за тѣмъ наклоняться во всѣ четыре стороны, а не «съ одной стороны,» какъ вы пишете; замѣтить это обстоятельство необходимо, потому что наклонить столъ къ себѣ было бы для Юма весьма легко, но наклонить его вправо и влѣво, т. е. поднять и опустить его подъ *нашими* руками, было для него невозможно; послѣ того поднялся весь столъ, всѣми четырьмя ножками заразъ, совершенно горизонтально, вершка на два или на три отъ полу, и плавно опустился на мѣсто. Тутъ Юмъ предложилъ присутствующимъ испробовать вѣсъ стола, и всѣ могли убѣдиться, что столъ дѣлался, при подъемѣ его съ одного боку, то чрезвычайно тяжелымъ, то чрезвычайно легкимъ; если допустить, что Юмъ сильно напиралъ руками своими, — хотя всѣ видѣли, что онъ едва касался ими стола, — то какимъ же образомъ онъ дѣлалъ, чтобъ столъ становился легче своего нормальнаго вѣса? Послышались, какъ вы говорите, на разныхъ точкахъ стола какъ бы удары чѣмъ-то твердымъ: удары эти раздались, сперва весьма сильные въ полу, потомъ перешли на столъ; вы подымаете скатерть и смотрите, что дѣлается подъ столомъ; я стучу пальцемъ сверху и такіе же стуки раздаются возлѣ васъ; а когда, потомъ, вы положили руки свои на столъ, то эти стуки, съ еще большею силою, раздались подъ самыми вашими руками; тогда Юмъ, чтобъ убѣдить васъ въ неподдѣльности этого явленія, сѣлъ съ вами на нѣсколько минутъ за особый круглый съ мраморной доскою столикъ, такъ что вы могли свободно наблюдать за всѣми движеніями Юма; болѣе легкіе удары послышались и въ столикѣ; вы мысленно пожелали шесть ударовъ, и было сдѣлано шесть ударовъ. Затѣмъ вы оба пересѣли къ общему столу и сидѣніе продолжалось.

Тутъ начались вещи другаго рода. Юмъ взялъ гармонику, опрокинулъ ее клавіатурой внизъ, и, держа ее пальцами за донышко опус-

тилъ къ полу возлѣ своего стула; другая рука его оставалась на столѣ; гармоника заиграла, и продолжала играть предъ вашими глазами. Въ это время пола скатерти подъ руками вашими приподнялась, коснулась до запястья правой руки вашей, и обняла его, какъ бы пальцами изъ подъ скатерти; профессоръ Бутлеровъ смотритъ подъ столомъ на играющую гармонику и заявляетъ, что видитъ ясный контуръ темныхъ пальцевъ на клавишахъ ея; вы заявляете, что по колѣну вашему «перебираютъ»; что рукавъ правой руки вашей отдернутъ, затѣмъ притянутъ плотно къ рукѣ и «держутъ»; тоже самое повторилось еще разъ; потомъ рукавъ вашъ сильно «задергали,» и вы заявляете, что голый палецъ тронулъ руку вашу между рукавомъ и столомъ. Едва успѣвая записывать раздающіяся съ разныхъ сторонъ заявленія, я переспросилъ; голый палецъ?—Три сильные удара въ столъ отвѣтили въ знакъ утвержденія. Игра гармоники прекращается; Юмъ кладетъ обѣ руки свои на столъ; вы берете колокольчикъ со стола и держите его подъ столомъ; заявляете, что до пальцевъ вашихъ касаются, и что колокольчикъ у васъ взятъ; что рука ложится на вашу руку, и что колокольчикъ вашъ возвращенъ Въ это время большое мягкое кресло на каточкахъ, стоявшее у большаго письменнаго стола, на разстояніи двухъ или трехъ аршинъ отъ сидѣвшихъ, стало приближаться къ нимъ, по направленію между вами и Юмомъ; два раза оно приподнималось на заднія ножки и опять двигалось впередъ, пока не придвинулось вплоть къ столу, или вѣрнѣе къ ногѣ вашей. Вы продолжаете держать колокольчикъ, подъ столомъ и заявляете, что чувствуете прикосновенія къ рукѣ вашей со всѣхъ сторонъ. Юмъ беретъ со стола другой колокольчикъ, держитъ его за ручку нѣсколько ниже края стола, на виду, съ вашей стороны, выпускаетъ его изъ пальцевъ и кладетъ свою руку опять на столъ; колокольчикъ остается нѣсколько секундъ на воздухѣ и опускается на подошедшее пустое кресло. Вы видѣли это хорошо и подтвердили, отвѣчая на распросы г. Бутлерова и мои. Вслѣдъ за тѣмъ, колокольчикъ, который вы держали подъ столомъ, былъ взятъ у васъ и при-

соединенъ къ первому колокольчику, лежавшему на креслѣ. Черезъ нѣсколько минутъ одинъ изъ колокольчиковъ былъ взятъ подъ столъ, высунутъ изъ подъ скатерти, положенъ на рукавъ Юма и опять взятъ; остававшійся на креслѣ колокольчикъ движется въ вашихъ глазахъ и моихъ, и поставленъ на кресло стоймя; между тѣмъ другой колокольчикъ сильно и долго звонитъ подъ столомъ, касается присутствующихъ, и наконецъ поданъ вамъ въ руку. Всѣ руки были въ это время на столѣ, покуда вы не опустили своей на выходъ прикосновеніемъ колокольчика къ ногѣ вашей. Тутъ Юмъ впалъ въ забытье и сидѣніе кончилось. *

Обобщая все происшедшее, мы получаемъ въ результатѣ:

1.) Движеніе неодушевленныхъ предметовъ подъ руками, не производящими сихъ движеній.

2) Измѣненіе тяжести предмета, безъ видимой тому причины.

3.) Стуки или удары, ничѣмъ, по видимому, не производимые, и отвѣчающіе на мысль вашу.

4.) Мелодическую игру на инструментѣ, при держаніи его одной рукой, не касающейся до клавишъ.

5.) Движенія неодушевленныхъ предметовъ — кресла, скатерти, рукава, колокольчика —безъ видимаго прикосновенія къ нимъ.

и 6.) Образованіе временнаго, посторонняго, орудующаго, тѣла, — какъ бы пальца или руки,—которое вы только ощущали, но другіе и видѣли неоднократно.

Теперь я могу сказать вашими словами: «вотъ все, что происходило на этомъ и другомъ засѣданіи.» Вотъ тѣ «какъ будто дѣтскія шалости», которыхъ вы были свидѣтелемъ **. Человѣкъ науки, наблюдатель, памятуя жолудь, павшій на носъ Ньютоновъ, видитъ въ этихъ шалостяхъ указаніе на нѣчто новое въ природѣ, требующее дальнѣйшаго изслѣдованія; Лондонское Діалектическое Общество назна-

* Противъ всѣхъ сихъ подробностей я ничего не имѣю, память моя не предлагаетъ никакихъ возраженій. Во всякомъ случаѣ можно отнестись за справкою къ И. С. Аксакову и Д. С. Нагловскому.

** Напрасно А. Н. Аксаковъ недоволенъ моимъ выраженіемъ „какъ будто дѣтскія шалости.“ Вынуть карандашъ изъ однѣхъ рукъ и передать въ другія, заставить въ колокольчикъ, приносимый въ рукѣ, подвинуть столъ—эти дѣйствія, сами по себѣ, безъ всякихъ отношеній, какъ же назвать иначе, какъ не дѣтскими шалостями? *М. П.*

чило, четыре года тому назадъ, особую для этой цѣли, комиссію, которая въ обнародованномъ отчетѣ своемъ заявила, что всѣ эти мнимыя шалости суть дѣйствительныя, реальныя, но не объяснимыя по нынѣшней наукѣ явленія; Лондонскому Королевскому Обществу было доложено о нихъ членомъ его, извѣстнымъ химикомъ Круксомъ; другой извѣстный химикъ, нашъ академикъ Бутлеровъ, счелъ также долгомъ печатно заявить о подлинности сихъ явленій; статью его объ этомъ вы найдете въ нѣмецкомъ журналѣ «Psychische Studien», тетрадь котораго вамъ посылается; вы увидите, что авторъ, изъ числа многихъ необыкновенныхъ явленій, имъ засвидѣтельствованныхъ, выбралъ два описанія, тѣ самые два факта, которыхъ и вы были свидѣтелемъ, и не далѣе, какъ въ январѣ сего года, г. Круксъ обнародовалъ другую статью, въ которой заявляетъ ученому міру о подлинности того необыкновеннаго явленія, которое вамъ также отчасти извѣстно: онъ видѣлъ эти временно образующіяся тѣла, или просто руки, при полномъ свѣтѣ, бралъ ихъ въ свои руки, и онѣ таяли въ его рукахъ. Переводъ этой статьи вы найдете въ слѣдующихъ тетрадяхъ того же нѣмецкаго журнала.

Спиритизмъ не видитъ въ этихъ явленіяхъ ничего *сверхъ-естественнаго*; онъ стремится отыскать и опредѣлить тѣ условія, при которыхъ онѣ происходятъ, тѣ законы, которыми онѣ управляются, и, въ силу которыхъ, онѣ становятся явленіями *естественными*, такимъ путемъ область психологіи расширяется, и чудесное, таинственное сводится на почву точнаго, положительнаго знанія.

Прошу васъ во имя истины, во имя той цѣли, которую преслѣдуетъ ваша «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ,» дать мѣсто этому письму во второмъ изданіи вашей книги. *

Александръ Аксаковъ..

---

* Исполняю желаніе почтеннаго А. Н. но долженъ замѣтить, что моя „Простая рѣчь“ не имѣетъ никакого отношенія къ спиритизму, о которомъ я не позволяю еще себѣ судить никакимъ образомъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

КЪ ЗЛОБѢ ДНЯ.

Нигилистамъ.

(Статья изъ газеты Русскій, 1868, № 68).

1868 года, іюня 5-го дня, Петербургская Судебная Палата, по уголовному департаменту, слушала дѣло о нарушеніи законовъ печати. Цензурный Комитетъ представлялъ:

«Въ статьѣ «Русскій Донъ Кихотъ...» авторъ, говоря о литературной дѣятельности Кирѣевскаго, осмѣиваетъ Православно-Христіанскія вѣрованія этого писателя, составляющія, какъ извѣстно, основаніе всѣхъ его философскихъ разсужденій, и проводитъ мысль, что вѣрованія эти были плодомъ предразсудковъ и наивно-ребяческихъ понятій, навѣянныхъ маменьками и нянюшками; называетъ ихъ Московскою сентиментальностію, непогрѣшимыми убѣжденіями убогихъ старушекъ Бѣлокаменной, мистическими инстинктами, зародышемъ того разложенія, которое погубило и извратило умственныя силы Кирѣевскаго; авторъ глумится, какъ надъ невѣжествомъ и московскою мудростію, — надъ мыслями Кирѣевскаго о недостаточности чистаго разума, о необходимости искать другихъ источниковъ познанія и очистить дорогу къ храму живой мудрости; надъ его убѣжденіемъ, что философія, исторія и политика нуждаются, для своего оживленія, въ религіозныхъ основахъ. Выписавъ изъ сочиненій Кирѣевскаго то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ, что просвѣщеніе въ Россіи должно быть основано на истинахъ Святой Православной вѣры, и что образованный классъ нашъ долженъ обратиться къ чистымъ источникамъ этой вѣры, и къ разуму Св. Отцевъ церкви, авторъ сопровождаетъ эту выписку словами: «мнѣ нечего прибавлять къ этимъ словамъ; онѣ сами говорятъ за себя...»

Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи, по поводу этого отношенія Цензурнаго Комитета, говоритъ:

«Объясненіе въ статьѣ» «Русскій Дон-Кихотъ,» личности Кирѣевскаго, какъ замѣчательнаго психологическаго факта, само по себѣ не могло быть противозаконно: хотя авторъ причисляетъ Кирѣевскаго къ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ, стремится доказать, что отъ него покоробитъ самаго невзыскательнаго читателя, и что онъ былъ плохой мыслитель, — но за одно это онъ не могъ-бы отвѣчать передъ закономъ, ибо Писаревъ имѣлъ право написать и напечатать статью о сочиненіяхъ Кирѣевскаго, какъ и всякій можетъ сдѣлать тоже самое о сочиненіяхъ Писарева. Но разсматривая дѣятельность Кирѣевскаго, критикъ дополняетъ его своими разсужденіями, въ которыхъ идетъ дальше закономъ дозволенныхъ границъ... Такимъ образомъ онъ дѣлаетъ изъ него слѣдующую цитату:»

«Корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ, и, что «всего важнѣе, онъ живетъ въ его Святой Православной церкви. Потому «на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воз«двигнуто зданіе просвѣщенія Россіи... Построеніе же этого зданія мо«жетъ совершиться только тогда, когда тотъ классъ народа нашего, ко«торый неисключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ «жизни, и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ пре«имущественно предоставлено значеніе — вырабатывать мысленно обще«ственное самосознаніе — когда этотъ классъ, говорю я, до сихъ поръ «проникнутый западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдится въ од«носторонности Европейскаго просвѣщенія; когда онъ живѣе почув«ствуетъ потребность новыхъ умственныхъ началъ; когда съ разумною «жаждой полной правды онъ обратится къ чистымъ источникамъ древ«ней Православной вѣры своего народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ «прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой Святой вѣры оте«чества въ прежней родимой жизни Россіи».

«Вслѣдъ за этой выпиской», продолжаетъ Прокуроръ, «Писаревъ замѣчаетъ, что, послѣ такихъ мнѣній, Кирѣевскаго нужно считать глубоко падшимъ; такой результатъ, по его мнѣнію, настолько ясенъ, что къ выписаннымъ имъ словамъ онъ, говоря его подлинными выраженіями, не находитъ нужнымъ ничего прибавлять; «слова эти» заключаетъ авторъ, «сами говорятъ за себя».

«Подобнымъ же образомъ относится Писаревъ къ религіознымъ убѣжденіямъ Кирѣевскаго и на страницѣ 3-й, гдѣ онъ называетъ ихъ «густымъ осадкомъ допотопныхъ идей».

Издатель сочиненій г. Писарева, опровергая это обвиненіе, въ защитительной своей рѣчи, приводитъ самое мѣсто изъ статьи, которое подало поводъ къ обвиненію, не заключая, де, въ себѣ, по его мнѣнію, ничего предосудительнаго. Вотъ оно:

«Еслибъ подойти къ сочиненіямъ И. В. Кирѣевскаго такъ, какъ подошелъ къ нимъ критикъ Современника», говоритъ Писаревъ, «то съ нимъ порѣшить было-бы очень не трудно. Причислить его къ самымъ мрачнымъ и вреднымъ обскурантамъ вовсе не мудрено; за цитатами дѣло не станетъ; изъ его сочиненій можно выписать десятки такихъ страницъ, отъ которыхъ покоробитъ самаго невзыскательнаго читателя; ну, стало быть, и толковать нечего; привелъ полдюжины самыхъ пахучихъ выписокъ, поглумился надъ всѣми въ совокупности, поспорилъ для виду съ авторомъ, давая ему чувствовать превосходство своей логики и своихъ воззрѣній, завершилъ рецензію общимъ прогрессивнымъ заключеніемъ, и дѣло готово — статья идетъ въ типографію».

«Всѣ эти перечисленія» «убогихъ старушекъ Бѣлокаменной», «допотопныхъ идей», «мистическихъ инстинктовъ», «зародышей разложенія», и прочихъ, пугающихъ господина Прокурора выраженій, суть ни что иное, говоритъ издатель далѣе, «какъ варіаціи на одинъ и тотъ же мотивъ»,— что-же, де, есть тутъ непозволительнаго? и проч.

Читая не вѣришь глазамъ своимъ: Кирѣевскій мрачный обскурантъ! Кирѣевскій вредный обскурантъ! Человѣкъ, глубоко павшій, онъ представляетъ явленіе психологическое, заключающее зародыши разложенія! Его идеи допотопныя, его ребяческія убѣжденія, натолкованныя нянюшкой и маменькой, раздѣляются всѣми старухами Московскими! Въ его сочиненіяхъ можно найдти десятки пахучихъ страницъ, отъ которыхъ покоробитъ всякаго невзыскательнаго читателя!

Гдѣ это говорится? Кто это говоритъ? Какіе это судьи, обвинители, защитники?

Знаютъ-ли всѣ эти господа, о комъ они судятъ и рядятъ?

Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій — это былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей нашего времени, перешедшій чрезъ высокія степени развитія, знакомый коротко со всѣми произведеніями человѣческой мысли, на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, и ихъ представителями, дружный со всѣми передовыми людьми своего времени, однимъ словомъ — украшеніе Русскаго общества, близкій родственникъ Жуковскаго, другъ Баратынскаго, товарищъ Веневитинова, Хомякова, Шевырева.

Кирѣевскій былъ воспитанъ на Нѣмецкой литературѣ. Шиллеръ и Гете были идеалами его молодости. Къ нимъ присоединился Шекспиръ, который и сдѣлался предметомъ его всесторонняго изученія. Въ 1830 году онъ отправился путешествовать, и жилъ долго въ Мюнхенѣ и Берлинѣ, гдѣ познакомился коротко съ Шеллингомъ и Гегелемъ, бывъ прежде знакомъ съ ихъ ученіями. Возвратившись во время первой холеры въ Россію, чтобъ раздѣлять опасности съ своимъ семействомъ, онъ былъ преданъ западной цивиллизаціи, и въ 1832 году началъ издавать Европейца, который подвергся запрещенію на третьей книжкѣ. *)

*) Въ запретительной бумагѣ было сказано: «хотя сочинитель и говоритъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ, но разумѣетъ совсѣмъ иное: подъ словомъ просвѣщеніе онъ разумѣетъ свободу; дѣятельность разума означаетъ у него революцію; а искусно отысканная середина — ничто иное, какъ конституція. Статья сія не должествовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ какомъ запрещается помѣщать что либо о политикѣ, и вся статья, *не взирая на ея нельпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ.*»

Вскорѣ онъ женился,—и образъ мыслей его съ тѣхъ поръ началъ измѣняться, или, лучше, принимать другое направленіе. Онъ обратился къ духовной словесности, принялся за ученіе Отцевъ церкви, и пришелъ къ другимъ убѣжденіямъ, которыя только что началъ излагать, какъ смерть остановила его на полдорогѣ. Вся жизнь его была посвящена размышленію и наукѣ. Въ тридцатыхъ еще годахъ критики его заслужили горячее одобреніе Пушкина и Жуковскаго. О характерѣ его говорить нечего: благородство въ высшей степени, особенная, ему принадлежавшая, деликатность, (нѣжность, тонкость чувствованій), оцѣнены были давно всѣми его знакомыми.

Хомяковъ изобразилъ его вѣрно въ извѣстномъ посланіи;

Ты сказалъ намъ: за волною
Вашихъ мысленныхъ морей—
Есть земля—надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новый мысли Эмпирей.

Распусти въ свой парусъ бѣлый,
Лебединое крыло,—
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый,
Солнце новое взошло.

И съ богатствомъ многоцѣннымъ,
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость волямъ утомленнымъ,
Пищу алчущимъ сердцамъ.

И этого примѣчательнаго, необыкновеннаго у насъ, по своему образо-

---

Въ сороковыхъ годахъ въ Московскомъ Университетѣ открылась вакансія на каѳедру философіи. Кирѣевскій искалъ этой каѳедры; по этому случаю имъ написана записка о преподаваніи логики, и представлена Графу С. Г. Строгонову, но желаніе его не исполнилось.

Въ 1862 году Кирѣевскій написалъ свое знаменитое письмо къ Графу Комаровскому, и напечаталъ въ «Московскомъ Сборникѣ» И. С. Аксакова.

Второй томъ Сборника постигла участь Европейца. Кирѣевскій пересталъ вовсе писать для печати.

ванію, человѣка, какія то неизвѣстные люди осмѣливаются поносить публично, другіе въ судѣ принимаютъ подъ свое покровительство, и относятся съ снисхожденіемъ, третьи произносятъ оскорбительный приговоръ!!

Кому принадлежатъ разсужденія объ немъ, которыя представлены нами выше изъ заявленій Цензурнаго комитета, Прокурора палаты и издателя-отвѣтчика?

Эти разсужденія принадлежатъ молодому писателю, котораго имя у насъ въ Москвѣ, въ кругу людей, занимающихся наукою и словесностію, было неизвѣстно. Помнится только, что, лѣтъ пять тому назадъ, были выписаны въ современной нашей журналистикѣ нѣсколько его выходокъ о поэзіи и Пушкинѣ, которыя насъ достаточно съ нимъ ознакомили, и мы оставляли съ тѣхъ поръ его словонеистовства безъ вниманія.

Теперь мы должны, для ясности, напомнить ихъ читателямъ:

«Въ такъ-называемомъ великомъ поэтѣ я показалъ» говоритъ этотъ несчастный авторъ «моимъ читателямъ легкомысленнаго версификатора, опутаннаго мелкими предразсудками, погруженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній, и совершенно неспособнаго анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка.» (!!)

А вотъ какъ разбиралъ этотъ авторъ стихотвореніе Пушкина: «Мой памятникъ.»

—«Я буду безсмертенъ, говоритъ Пушкинъ, потому что я пробуждалъ лирой добрыя чувства. — Позвольте, господинъ Пушкинъ, спрашиваютъ мыслящіе реалисты, какія же добрыя чувства вы пробуждали? Привязанность къ друзьямъ и товарищамъ дѣтства? Но развѣ же эти чувства нуждаются въ пробужденіи? Развѣ есть на свѣтѣ такіе люди, которые неспособны любить своихъ друзей? И развѣ эти каменные люди, — если только они существуютъ, — при звукахъ вашей лиры сдѣлаются нѣжными и любвеобильными?—Любовь къ красивымъ женщинамъ? Любовь

къ хорошему шампанскому? Презрѣніе къ полезному труду? Уваженіе къ благородной праздности? Равнодушіе къ общественнымъ интересамъ? Робость и неподвижность мысли во всѣхъ основныхъ вопросахъ міросозерцанія? Лучше изъ всѣхъ этихъ *добрыхъ чувствъ*, пробуждавшихся при звукахъ вашей лиры, есть, разумѣется, любовь къ красивымъ женщинамъ. Въ этомъ чувствѣ, дѣйствительно, нѣтъ ничего предосудительнаго, но во-первыхъ, можно замѣтить, что оно достаточно сильно само по себѣ, безъ всякихъ искусственныхъ возбужденій; а во-вторыхъ, должно сознаться, что учредители новѣйшихъ Петербургскихъ танцклассовъ умѣютъ пробуждать и воспитывать это чувство несравненно успѣшнѣе, чѣмъ звуки вашей лиры. Что же касается до всѣхъ остальныхъ *добрыхъ чувствъ*, то было бы несравненно лучше, если бы вы ихъ совсѣмъ не пробуждали. — Я буду безсмертенъ, говоритъ далѣе Пушкинъ, потому что я былъ полезенъ. — Чѣмъ? спросятъ реалисты, и на этотъ вопросъ не воспослѣдуетъ ниоткуда никакого отвѣта.—Я буду безсмертенъ, говоритъ, наконецъ, Пушкинъ, потому что я призывалъ милость къ падшимъ. Господинъ Пушкинъ! скажутъ реалисты, мы совѣтуемъ вамъ обратиться съ этимъ аргументомъ къ Тунгусамъ и Калмыкамъ. Эти дѣти природы и друзья степей, быть можетъ, повѣрятъ вамъ на слово, и поймутъ именно въ этомъ филантропическомъ смыслѣ ваши воинственныя стихотворенія, писанныя не во время войны, а послѣ побѣды. Что же касается до гордаго внука Славянъ и до Финна, то эти люди уже слишкомъ испорчены европейскою цивиллизаціею, чтобы принимать воинственныя восклицанія за проявленіе кротости и человѣколюбія.»

Кажется, этому же автору принаддежатъ и слѣдующія слова о философіи, приведенныя прежде въ Русскомъ:

«Философія потеряла свой кредитъ въ глазахъ каждаго здравомыслящаго человѣка: никто уже теперь не вѣритъ въ ея шарлатанскія обѣщанія, никто не предается ей съ тѣмъ страстнымъ увлеченіемъ, съ какимъ это дѣлалось прежде, и съ какимъ еще и теперь сотни тружениковъ

посвящаютъ себя этой ученой эквилибристикѣ. Если здравомыслящіе люди и обращаютъ на философію свое вниманіе. то это дѣлается единственно только для того, чтобъ или посмѣяться надъ нею, или кольнуть людей за ихъ упорную глупость и ихъ удивительное легковѣріе, Серьезно заниматься философіею можетъ теперь или человѣкъ полупомѣшанный, или дурно развитой, или крайне невѣжественный.»

Вотъ кто разбиралъ и поносилъ сочиненія Кирѣевскаго! Довольно ли для его характеристики?

Какой же судъ произнесенъ въ Петербургской Судебной Палатѣ о мрачномъ и вредномъ обскурантѣ, о допотопныхъ идеяхъ, о толкахъ Московскихъ старухъ, о зародышахъ разложенія и проч.?

«Эти выраженія, вызванныя у автора чтеніемъ сочиненій Кирѣевскаго, не составляютъ, «по мнѣнію Палаты,» ничего противузаконнаго. Они касаются единственно Кирѣевскаго и его личнаго направленія; нельзя придавать выраженіямъ этимъ смысла болѣе обширнаго, чѣмъ придавалъ имъ самъ авторъ, и потому затронуть, а тѣмъ менѣе оскорбить чувства всякаго православно вѣрующаго онѣ не могутъ; наконецъ—по формѣ своей эти выраженія не переходятъ границъ благопристойности,!!»

Судьи сочли себя въ правѣ разбирать, что такія-то выраженія касаются единственно Кирѣевскаго и его личнаго направленія, и потому затронуть, а тѣмъ менѣе оскорбить чувства всякаго православно-вѣрующаго онѣ не могутъ.

Но отдѣлили ль они, осмѣливаемся спросить господъ членовъ Палаты, субѣжденія личныя отъ общихъ, рѣшили ль они, что въ поносимыхъ ужденіяхъ Кирѣевскаго принадлежитъ собственно ему, и что принадлежитъ ученію, которое же сами они называютъ православнымъ?

Распространяться болѣе считаю неумѣстнымъ и соблазнительнымъ, равно какъ и приводить другія диковинки изъ этого страннаго суда!

Прочитавъ извѣстіе о судѣ, со всѣми этими возмутительными подробностями, я въ тотъ же часъ написалъ записку къ лицамъ, знавшимъ Кирѣевскаго, и звалъ ихъ въ крестовый походъ на невѣрныхъ.

До сихъ поръ не послышалось въ печати никакого отвѣта.

Это молчаніе принадлежитъ также къ знаменіямъ времени. У насъ больше всего боятся мысли: я стану на сторонѣ обвинителей, на сторонѣ власти,—что скажутъ обо мнѣ! Заподозрятъ мою независимость, причислятъ къ агентамъ правительства!

Я отвѣчаю: мы всѣ публичные дѣятели — агенты добра, науки, просвѣщенія, слуги отечества, мы должны поступать, писать и говорить по своей совѣсти, а тамъ пусть, какъ хочетъ, смотритъ на насъ публика, правительство, оппозиція.

Впрочемъ, можетъ быть, я обвиняю рано; очень радъ буду просить прощенія за поспѣшное и несправедливое обвиненіе. Но на прежнее возвратимся.

Разославъ записки, я вытребовалъ у своего книгопродавца сочиненія Писарева, подавшія поводъ къ соблазнительному суду. Въ четвергъ и пятницу, 4 и 5 іюля, въ напрасномъ ожиданіи корректуръ своей газеты, имѣя свободное время, за полночь, я принялся читать новаго нашего мыслителя. Прежде всего, въ четвергъ, мнѣ попалась статья о характерѣ Базарова, которая мнѣ понравилась, — кромѣ ребяческаго хвастовства, съ коимъ авторъ причисляетъ себя къ поколѣнію и разряду Базаровыхъ. Въ пятницу была прочтена статья о Дарвинѣ и знаменитой его теоріи размноженія видовъ. Я остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ Писаревъ восхищается изслѣдованіями Дарвина о голубяхъ; 25 лѣтъ сидѣлъ англійскій мыслитель надъ изслѣдованіями, собралъ всѣ возможные виды голубей въ натурѣ и чучелахъ, наблюдалъ, дѣлалъ опыты, и наконецъ заключилъ, что всѣ виды голубя — columba tabellaria, gyratrix, gutturosa, cucullata, laticauda, происходятъ отъ одного дикаго голубя, columba livia...

А откуда же прилетѣлъ этотъ «одинъ», первый голубь, и откуда до-

сталъ себѣ самку, хотѣлъ я спросить г. Писарева, — и вздумалъ тутъ же написать къ нему письмо, увидя въ немъ по этимъ двумъ прочтеннымъ статьямъ молодаго человѣка, искренняго, ревностнаго, талантливаго, но неопытнаго, безпокойнаго, заносчиваго.

У меня случился день междудѣйствія, (антрактъ), между работами, и я цѣлое утро ходилъ у себя въ саду по моей липовой аллеѣ, и пересматривалъ старыя свои тетради о предметахъ духовныхъ, дѣлалъ выписки, обдумывалъ письмо. Мысли мои обращались преимущественно около двухъ понятій: бытіе и небытіе. Онѣ обстанавливались въ головѣ разными образами, вопросами. — Можемъ ли мы представить себѣ небытіе? Какъ же началось бытіе? Можно ли вообразить намъ безначальность, или понять вѣчность? Вѣдь все это только слова, которыми тѣшимъ себя, и какъ будто удовлетворяемся, а между тѣмъ удовлетворенія они никакого не представляютъ. Мы все остаемся въ той-же темнотѣ. А новые мудрецы придумали еще нѣсколько *силъ* и ихъ столкновеніе, которое производитъ вселенную. Нѣсколько силъ! Сколько же? Почему пять, девять, а не семь или четырнадцать? Какія же это силы? Одинакія или различныя? Вещественныя, или не вещественныя? Силы огня или воды выбрасываютъ островъ, извергаютъ пламя, дѣлаютъ провалъ, а какія силы могутъ создать или сочинить все разнообразіе природы — липу, розу, соловья, верблюда, кита, глазъ, ухо, языкъ, нервы, мускулы, жилы, кровь, желчь, сердце, легкое, пищевареніе, дыханіе, половое раздѣленіе? Какія безсмысленныя силы могутъ произвести умъ, обнимающій въ себѣ весь міръ, землю и небо, прошедшее, настоящее и будущее, творящій въ себѣ самомъ новые міры? Какія безсмысленныя силы могутъ произвесть совѣсть съ ея угрызеніями и удовольствіями? Какія безсмысленныя силы могли, однимъ словомъ, произвесть человѣка?

Я царь, я рабъ, я червь, я богъ.
Но, будучи я столь чудесенъ,
Отколь произошелъ, безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Непостижимость — но мы окружены непостижимостями, и должны сознаться, судя по опытамъ семи тысячъ извѣстныхъ лѣтъ, что нѣтъ возможности, въ нашихъ условіяхъ, постичь первую, главную, высшую причину, — Бога!

Какая наука можетъ похвалиться рѣшеніемъ своихъ главныхъ задачъ, даже убѣжденіемъ въ возможности надеждою основательною—рѣшить эти задачи? Онѣ всѣ останавливаются предъ главными своими вопросами въ недоумѣніи. Что вамъ скажетъ Исторія, Физіологія, Анатомія, Химія, Зоологія, Антропологія, наука объ языкѣ? Всѣ ихъ высшіе, главные вопросы безотвѣтны.

Вотъ почему мы и должны заключать, что здѣсь на землѣ, видно, намъ назначено другое дѣло, а постиженіе индѣ. Вотъ почему люди смиренномудрые стремятся мыслію туда, туда, за гробъ, на небо, гдѣ должно когда нибудь получиться рѣшеніе.

Объ этой-то непостижимости Сократъ говорилъ: я знаю, что ничего не знаю. Гуссъ: я узнаю безпрестанно, что гораздо больше того есть, чего я не знаю, чѣмъ того, что я знаю. Кантъ созпавался въ недостаточности разума. Предъ этою непостижимостію Ньютонъ, созерцая движеніе міровъ по законамъ, имъ открытымъ, снималъ шляпу, а вы, безумцы, ее надѣваете, не умѣя считать дальше трехъ!

Все утро обдумывалъ я свое письмо къ Писареву, намѣреваясь сосредоточить его, какъ сказалъ выше на двухъ понятіяхъ: бытіе и небытіе, а вечеромъ долженъ былъ поѣхать къ князю Одоевскому для свиданія съ проѣзжавшимъ нашимъ старымъ товарищемъ В. П. Титовымъ. Тамъ только что поздоровался я съ хозяевами, какъ услышалъ: Писаревъ утонулъ вчера въ Дуппельнѣ — получена телеграмма!

Я былъ ошеломленъ!

Несчастный, — блеснуло у меня въ головѣ, онъ понимаетъ теперь лучше нашего бытіе и небытіе....

Скажи. Дай намъ знать, научи!

Увы, голосъ оттуда до насъ не доносится, или.... или мы не умѣемъ разслушивать тамошніе звуки.

Погибель Писарева, совпавшая съ размышленіями моими объ его нравственномъ состояніи, поразила меня. Не смотря на свои недосуги, я продолжалъ просматривать и читать его сочиненія. Прежде всего прочелъ я его студенческую жизнь; тогда же получилъ извѣстія объ его дѣтствѣ, доставленныя «Русскому» г. Даниловымъ, потомъ другія, объ его университетской жизни, и мнѣ легко представился его образъ тѣмъ болѣе, что передъ моими глазами прошли толпы подобныхъ юношей, и я слѣдилъ за ихъ скитаніемъ по мытарствамъ жизни и литературы.

P. S. Въ одной статьѣ Писарева мнѣ попалось слѣдующее мѣсто «Мы всѣ сильно заражены наклонностью къ натуръ-философіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка, и прочей дребедени, (!) которая смущаетъ даже многихъ спеціалистовъ, и мѣшаетъ имъ обращаться, какъ слѣдуетъ, съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножемъ... Какъ въ самомъ дѣлѣ иначе объяснить появленіе на нашихъ глазахъ противорѣчивыхъ системъ леченія гомеопатіи, гидропатіи, магнитическаго, электрическаго, гальваническаго леченія? Если все это не одно чистое шарлатанство, что предположить какъ то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи — остатокъ средневѣковой методы восходить къ началу всѣхъ началъ, когда знаешь факты изъ пятаго въ десятое, и когда почва еще колышется подъ ногами.»

Вотъ этими словами Писаревъ произнесъ приговоръ себѣ и всѣмъ своимъ товарищамъ-нигилистамъ, матеріалистамъ, реалистамъ, и проч.

Если бы они исполняли то, чего требуютъ этими словами отъ другихъ, то мы были бы совершенно довольны ими, и не произнесли бы объ нихъ ни одного худаго слова.

Вы занимаетесь наблюденіями надъ голубями: разводите ихъ, утѣшайтесь ими и представляйте намъ свои заключенія—о голубяхъ, но не болѣе.

Вы занимаетесь съ Базаровымъ изслѣдованіями о лягушкахъ,—рѣжьте, жарьте и даже кушайте ихъ, подъ какимъ угодно соусомъ, себѣ на здоровье, но не ходите дальше вашего любезнаго болота, благо тамъ такъ любо вамъ.

Въ томъ-то и дѣло, что вы, проведя въ болотѣ, или подобномъ мѣстѣ, всю жизнь, между лягушекъ, ящерицъ, жабъ и разныхъ инфузорій, беретесь рѣшать вопросы о началѣ всѣхъ началъ, о конечной цѣли природы и человѣка, хотите очистить небо, и осмѣливаетесь отвергать все, кромѣ своего болота, въ которомъ вамъ такъ пріятно купаться!

Этого мало: и лягушками-то вы не занимаетесь сами, а квакаете съ голоса, что услышите иногда изъ пятыхъ устъ, о томъ, что гдѣ-то пишется о лягушкахъ. Вы велите заниматься естественными науками, а сами то не занимаетесь ими, не имѣете объ нихъ никакого понятія, ни малѣйшаго приготовленія. Вы прельщаетесь только результатами, найденными случайно въ попавшихся вамъ книжкахъ! Такъ ли вы понимаете эти результаты, какъ понимаютъ ихъ виновники, творцы,—то ли впечатлѣніе, настроеніе, произвели эти результаты въ своихъ творцахъ, какое производятъ въ васъ,—вы этого ничего не знаете, и, принимая въ чужомъ пиру похмѣлье, подставляете намъ горькую чашу. Да мимо насъ идетъ она! Пейте ее сами, если она по вкусу; не дойдя ни до чего своего, подобно Ляпкину-Тяпкину, не имѣя никакихъ собственныхъ мыслей, не смѣйте думать о томъ, какъ переучить насъ, общество, народъ, «своею дребеденью».

Иже аще соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выѣ его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.

Съ нигилистами повторяется исторія Бѣлинскаго, который, не зная аза въ глаза по-нѣмецки, не умѣя читать, вздумалъ толковать о Геге-

левой философіи, по слухамъ отъ своихъ знакомыхъ, учить другихъ, напримѣръ несчастнаго Кольцова *), а знакомые-то сами тогда изъ 20 томовъ едва ли прочли двадцать страницъ! И находится безсмысленное стадо для каждаго такого борзописца, для всякаго круглаго невѣжи?

Это все только доказательства нашего общаго невѣжества.

«Сейчасъ вернулись мы съ похоронъ Писарева», пишетъ некрологъ Отечественныхъ записокъ. «Тѣло его было привезено изъ Риги 26-го іюля и поставлено въ церкви Маріинской больницы. Выносъ на Волковское кладбище происходилъ въ часъ по полудни, 29-го іюля. Черный гробъ его былъ украшенъ множествомъ цвѣтовъ. Не смотря на тяжесть его, провожавшіе его друзья, (и между ними также и дѣвушки), несли далеко на рукахъ. За гробомъ шли человѣкъ около двухъ сотъ (почему такъ мало, это трудно даже и понять) **). Друзья покойнаго сказали нѣсколько словъ».

Похороны, церковь, кладбище, — это провожаніе, эти слезы, эти рѣчи, эти цвѣты, — что это значитъ, спрошу я горячихъ друзей и послѣдователей Писарева, къ кому относятся?

Къ гніющему, смердящему трупу? Можетъ ли быть, чтобъ съ такими напряженными, восторженными чувствами, живые люди относились къ тлѣнію?

Еще нелѣпѣе было бы обращеніе къ ничтожеству! Кто лишается, въ продолженіи своей жизни, дорогихъ себѣ существъ, близкихъ, присныхъ, родныхъ по духу или крови, тотъ засвидѣтельствуетъ, что въ минуту ихъ потери, противуестественная мысль о ничтожествѣ дѣлается совершенно неспосною, немыслимою!

---

*) Мнѣ разсказывалъ Ѳ. П. Г., въ какомъ положеніи Кольцовъ проѣзжалъ чрезъ Москву изъ Петербурга, послѣ уроковъ Бѣлинскаго, какъ тотъ несчастный поднималъ глаза вверху, какъ махалъ руками! Бѣлинскій просто свелъ его съ ума для компаніи!

**) Каково признаніе!

Неужели же друзья Писарева разыгрывали комедію? Оборони Боже! Они горевали и плакали искренно, добросовѣстно.

Такъ что же это значитъ? Что доказываютъ они своими воплями и стонами?

Они доказываютъ, сами того не сознавая, безсмертіе души! Чувство, сердце, умнѣе ума; оно чуетъ, до чего не можетъ додуматься умъ. Волею-неволею, инстинктивно, дѣлаете вы то, что отвергаете дерзкимъ умомъ, или вѣрнѣе сказать, пошлымъ безуміемъ.

Никакъ нельзя-бъ было объяснить этой священной связи, этихъ сильныхъ, таинственныхъ стремленій, которыя существуютъ между живыми и покойниками, если бы они совсѣмъ были мертвы.

Живъ Богъ, жива душа моя, восклицалъ вѣрно вдохновенный поэтъ. Аминь!

Я написалъ, что чувствовалъ, не сочинялъ, ибо для сочиненій и не о такихъ предметахъ нужно больше и времени и размышленія. Мнѣ казалось долгомъ издателя газеты сказать свое искреннее мнѣніе объ явленіи, которое онъ считаетъ слишкомъ важнымъ, и между-тѣмъ обращающимъ на себя мало вниманія. Пусть читатели простятъ мою ревность, если она гдѣ и не по разуму. Читая только теперь статьи покойнаго, я искренно сожалѣлъ о немъ, о гибели его таланта, о томъ пути, на который попалъ онъ, и сожалѣлъ о той несчастной молодежи, которая, какъ муха на огонь, стремится вмѣстѣ съ нимъ къ отрицанію,— и къ гибели.

(Я разумѣю здѣсь искреннихъ, добросовѣстныхъ нигилистовъ, которые, ища истины, остановились на точкѣ сомнѣнія или отрицанія,— такихъ молодыхъ нигилистовъ, какимъ представился мнѣ покойный Писаревъ, подавшій поводъ къ первой моей статьѣ. До прочихъ мнѣ дѣла нѣтъ).

Два слова о Петербургскомъ нигилизмѣ.

Въ распространеніи нигилизма въ Петербургѣ принимали много участія семинаристы, вслѣдъ за письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю, о которомъ я поговорю когда-нибудь по подробнѣе.

Недостатокъ стараго семинарскаго образованія состоялъ именно въ томъ, что тамъ преобладала форма мышленія надъ его сущностію; къ самому предмету иные дѣлались совершенно равнодушными, какъ будто-бъ его и не было. Доказывай ты бытіе Бога, а я буду отвергать. А потомъ диспутанты перемѣнялись ролями: доказывавшій начиналъ отвергать, а отвергавшій доказывать — и префектъ, потирая руки, не нарадовался на ловкіе пріемы своихъ любезныхъ единоборцевъ!

Семинаристы, искусные въ такомъ фехтованьѣ, равнодушные къ понятіямъ о Богѣ и Христѣ, какъ медики къ болѣзнямъ, явились въ Петербургъ, и тамъ попались въ руки имъ, воспитаннымъ на утомительной схоластикѣ Бургія и Баумейстера, книжки, которыми они были ошоломлены, написанныя живо, изящно, увлекательно, системы какого нибудь Фурье или Сенсимона, а съ другой стороны остроумныя Европейскія оппозиціи Христіанству, или такъ называемыя популярныя, одностороннія изслѣдованія нѣкоторыхъ дюжинныхъ близорукихъ натуралистовъ. Пришельцы покорились этимъ книжкамъ, вмѣстѣ съ письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю, тѣмъ болѣе, что прежде они не имѣли *никакого* понятія, ни объ жизни, ни объ естественной исторіи, ни о политическихъ наукахъ, не только объ ихъ исторіи.

(Такъ молодые люди, посланные со студенческихъ скамѣекъ въ профессорскій институтъ, въ 20 и 30-хъ годахъ, покорились Нѣмецкимъ

тетрадкамъ, и воротясь, вмѣсто нужныхъ улучшеній, исковеркались, незванными меценатами, наше прежнее университетское житье-бытье).

Надо обращать вниманіе и на законъ нравственной упругости, которая сильнѣе вещественной: Сорвись съ цѣпи семинаристъ, и ему чортъ не братъ, говаривалъ нашъ старый Профессоръ Перевощиковъ. Замѣтимъ, что курсъ на всякое отрицаніе въ Петербургѣ стоялъ высоко, и статьи оплачивались тѣмъ дороже, чѣмъ онѣ были азартнѣе, а молодцамъ все равно, доказывать бытіе Бога или отрицать,—и пошла писать!

Прибавьте способности, кому ихъ Богъ далъ, и всѣ кадеты, юнкера, гимназисты, студенты, молодые офицеры, подготовленные Бѣлинскимъ, заслушивались лже-миссіонеровъ, которые возвысили голосъ, принеся изъ семинаріи еще зародыши ученаго высокомѣрія *), особое качество, принадлежавшее по преимуществу въ старину этимъ заведеніямъ. Они сочли себя преобразователями, вожаками, учителями, (такъ представляю я себя происхожденіе Петербургскаго семинарскаго нигилизма), и завладѣли всѣми Петербургскими журналами и газетами, а присмотрѣть было некому, или присматривавшіе имѣли свой особый взглядъ на вещи, вслѣдствіе котораго Молешотъ, Фохтъ, Бюхнеръ. Штирнеръ, печатались безвозбранно, а сочиненія высокаго христіанина и православнаго богослова, Хомякова, нельзя было издать дома, и онъ писалъ по французски, и печаталъ свои сочиненія за границею; рѣчи, подобныя отзыву о слѣдствіяхъ отъ неудачи Шакловитаго, проходили цензуру, а записка праведнаго Карамзина о древней и новой Россіи лежитъ до сихъ поръ подъ спудомъ **.

Мнѣ хотѣлось узнать подробнѣе объ ихъ пропагандѣ и я, къ удивленію моему, услыхалъ, что однимъ изъ ихъ родоначальниковъ былъ Иринархъ Введенскій, котораго я слишкомъ хорошо зналъ, ибо онъ жилъ

*) Потому же прежній семинаристъ-попъ и презиралъ крестьянина. Теперь, слава Богу, все это измѣняется и исправляется!

**) Теперь она напечатана, хоть съ пропусками.

долго у меня, по просьбѣ Лаврскаго профессора философіи Ѳ. А. Голубинскаго, по исключеніи своемъ изъ Троицкой Академіи *).

Услыхалъ я еще объ одномъ академистѣ, который работалъ у меня въ древлехранилищѣ, и, занявъ въ губерніи каѳедру, присылалъ мнѣ свои труды, самые благочестивые, а послѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ Петербургѣ ударился въ крайность противуположную! Мнѣ представилось ихъ умственная, духовная генеалогія, и отношеніе къ ученію Герцена и Бѣлинскаго **).

Для борьбы съ нигилистами, изъ семинаристовъ отщепенцевъ, мастеромъ былъ бы покойный Надеждинъ: въ его рукахъ это діалектическое оружіе, управлять которымъ (manier les armes) такъ нашколиваются семинаристы, сдѣлалось бы для нихъ, я вполнѣ увѣренъ, смертоноснымъ.

Мы не понимаемъ, почему издатель Современныхъ извѣстій не обра-

---

*) Онъ сдѣлался послѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ у Ростовцева, какимъ то высшимъ инспекторомъ, и развелъ нигилистовъ по всѣмъ корпусамъ, а Ростовцевъ думалъ, что тамъ вездѣ царствуетъ его знаменитая программа, по которой въ лицѣ Іисуса Христа указывалось преимущественно на послушаніе Его Отцу! Крайности, теоретическая и практическая, сошлись. Такія то лица стояли у насъ часто во главѣ образованія народнаго, вмѣстѣ съ другими, хотя благонамѣренными, но недостаточно просвѣщенными,—какихъ же можно ожидать успѣховъ? О программѣ Ростовцева, точно какъ и о подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ, никто не смѣлъ произнести въ его время ни одного слова. Вотъ и плоды! Такіе же плоды, благодаря прежнимъ запрещеніямъ говорить, произросли и въ духовныхъ заведеніяхъ, откуда явились, по закону нравственной упругости, передовые наши нигилисты.

Это замѣчаніе о Введенскомъ, напечатанное въ газетѣ Русскій, было опровергаемо г. Чумиковымъ. Желательно имѣть обстоятельное извѣстіе pro или contra. Происхожденіе самой программы Ростовцева указано иное. Прибавлю теперь кстати: надо чтобъ кто нибудь взялся написать pendant къ сочиненію г. Пыпина и разъяснилъ исторію дѣйствій отрицательной партіи, отдѣляя пшеницу отъ плевелъ.

**) См. ниже матеріалы для ихъ портретовъ свидѣтели къ нимъ пристрастнаго, а именно Герцена, изъ статей его, по смерти изданныхъ.

тить въ эту сторону своихъ нападеній, а онѣ были бы полезнѣе тѣхъ вопросовъ, которыя онъ разбираетъ иногда въ своей газетѣ.

Надѣюсь, что изъ словъ моихъ никто не сдѣлаетъ замѣчанія о моемъ неуваженіи вообще къ семинаріи или семинаристамъ. И семинаріи, и семинаристовъ, я уважаю: а говорилъ только объ отщепенцахъ, исключеніяхъ, сынахъ погибели. Я очень хорошо знаю, что семинаріи дали и даютъ многихъ и премногихъ достойныхъ людей, хотя въ основаніи своемъ имѣютъ много обветшавшаго, и что идетъ въ сломку или къ исправленію, которое и начинается. Дай только Богъ, чтобъ эти исправленія касались худа, а все добро оставили бы въ цѣлости, еще увеличенное и усиленное, соотвѣтственно требованіямъ времени.

А засвидѣтельствована ли, спросимъ кстати, общественная, глубокая благодарность тому почтенному лицу, которое, первое, возвысило голосъ о состояніи духовныхъ училищъ, голосъ, раздавшійся также за границею, какъ теперь раздались голоса Хомякова и Самарина? Нѣтъ, онъ, говорятъ, прозябаетъ въ своемъ захолустьѣ, стѣсняемый, огорчаемый, обижаемый, не только что невознаграждаемый,—а по его слѣдамъ идутъ толпы, а по его указаніямъ предпринимаются исправленія!

Что же вообще дѣлать съ этою школою нигилистовъ, которая, какъ моль, разводится у насъ теперь, особенно въ Петербургѣ?

Разумѣется—ни суды, подобные описанному, ни взысканія, въ родѣ требованныхъ Прокуроромъ, ни преслѣдованія и наказанія, болѣе тяжкія, не принесутъ никакой пользы. Нужно убѣжденіе, нужно образованіе. —Вотъ объ *этомъ* убѣжденіи, объ *этомъ* образованіи, у насъ мало думаютъ.

Что же должно дѣлать?

Я пишу здѣсь не законодательный трактатъ, а журнальную статью, и не считаю себя обязаннымъ распространяться болѣе. Sapienti sat.

Эманципація женщины.

I.

Что значитъ слово: эманципація? По буквальному переводу съ латинскаго: отпущеніе на волю. Другіе переводятъ это слово освобожденіемъ,—но изъ-подъ какого же ига? По смыслу, въ которомъ у насъ это слово употребляется, оно значитъ: допущеніе до равноправности, предоставленіе одинакихъ правъ.

Какихъ же?

Женщины должны имѣть право быть судьями, командирами полковъ, профессорами, медиками, депутатами? Такъ ли?

А кто же будетъ родить дѣтей?

Знаменитая мадамъ Сталь спросила однажды Наполеона, среди какого то блистательнаго собранія въ Парижѣ, еще во время республики, какую женщину считаетъ онъ самою великою или славною? Celle, madame, qui a fait plus d'enfants, (ту, которая нарожала больше дѣтей), отвѣчалъ молодой консулъ. Этотъ неожиданный отвѣтъ не понравился автору Коринны, и я воображаю, съ какимъ кислымъ видомъ, прикусивъ языкъ, она отвернулась отъ военнаго грубіяна; но выходка Наполеонова заключаетъ глубокую мысль, напоминая первое и главное предназначеніе женщины, которой Богомъ, природою, поручено продолженіе, храненіе человѣческаго рода.

Родить дѣтей должны женщины,—но вѣдь дѣти, по закону многоуважаемой нашими эманципаторами природы, носятся девять мѣсяцевъ;—но вѣдь это ношеніе и рожденіе сопровождается, по законамъ той же многоуважаемой природы, многими болѣзнями и даже муками, требующими помощи и ухода;—но вѣдь рожденныхъ дѣтей надо выкормить?

Не правда ли, что женщина-судья, женщина-профессоръ, депутатъ. будетъ имѣть нужду въ продолжительныхъ домовыхъ отпускахъ, а о пенсіи ей нечего уже думать: не дослужится... Будетъ ли это удобно для судопроизводства, для профессуры? Женщинѣ медику придется часто лечиться больше, чѣмъ лечить. Подумали ли обо всемъ этомъ ея новые благодѣтели, наши ревностные прогрессисты?

Не имѣютъ ли впрочемъ они въ виду какого нибудь замысловатаго процесса, хоть по вновь узнанной ими теоріи размноженія видовъ, процесса, которымъ дѣти будутъ рождаться какъ нибудь иначе, и не станутъ развлекать матерей столько, какъ теперь? Чего добраго! Можетъ быть по слѣдамъ своего прототипа, Гоголева Судьи, они дойдутъ до системы устроить дѣло по своему, экономическимъ, цѣлесообразнымъ образомъ.

Не осталось ли еще, напримѣръ, какой нибудь *силы* на днѣ заповѣднаго болота, любимаго ихъ мѣстопребыванія и rendez-vous, которая имъ въ этомъ важномъ случаѣ поможетъ?

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать, чтобъ всѣ ихъ силы, произведшія вселенную, умерли, исчезли, пропали,—ну, какъ онѣ, откуда ни возьмись, отдохнувъ, выкинутъ еще такую штуку! Разодолжатъ онѣ редакціи нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ и журналовъ. Вотъ ужъ обрадуются онѣ, и съ гордостію воскликнутъ: «Что! мы говорили!» И вѣрно не обойдется здѣсь даже безъ спора: Петръ Ивановичъ Добчинскій скажетъ: «я говорилъ тогда то, тамъ то, въ такой то газетѣ» Петръ Ивановичъ Бобчинскій опровергнетъ, и скажетъ: «нѣтъ, я говорилъ еще прежде, вотъ гдѣ, въ такомъ то журналѣ». Говорили, господа, говорили оба, мы вѣримъ вашимъ глубокомысленнымъ редакціямъ, воздаемъ каждому свое, и допускаемъ такое чудо,—но на что же будетъ тогда раздѣленіе половъ? Мущины и женщины совершенно уравняются, и, воля ваша, они и онѣ соскучатся, и вѣрно пожелаютъ возвратиться въ первобытное состояніе, то-есть состояніе противуположныхъ половъ. Но оставимъ шутки....

Сотвори Богъ человѣка: мужа и жену сотвори ихъ.

Раздѣленіе на полы, естественная связь мужчины съ женщиною, взаимное влеченіе, обоюдная нужда, сочувствіе, — все это предназначаетъ, условливаетъ, опредѣляетъ *бракъ*, которымъ создалось и держится гражданское общество въ Европѣ.... И та святая Книга, книга книгъ, которой наши безумцы не читаютъ, не знаютъ, не понимаютъ, мечтая въ дѣтскомъ буйствѣ своемъ, мухи, или, лучше, шмели-богатыри, перевернуть вверхъ дномъ божественное, премудрое домостроительство природы, та святая книга возвѣщаетъ: тайна сія велика есть!

Вы требуете новыхъ правъ для женщины, вліянія на дѣла. Да развѣ мало имъ дѣла при исполненіи обязанностей супружескихъ и материнскихъ? А воспитаніе? Какое право выше этого? Какое занятіе важнѣе? Какое участіе въ жизни всякаго государства, всего человѣческаго рода, въ Исторіи, въ будущности, больше, сильнѣе, могущественнѣе? Не равняется ли оно, не возвышается ли, по своимъ плодамъ и слѣдствіямъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, надъ всею совокупностью мужской дѣятельности? Женщина сѣетъ добро, пропитываетъ, освящаетъ, животворитъ все своею любовію. Это ея отличіе, преимущество, собственность.

Далѣе—не въ семьѣ ли корень, основаніе общества, государства, человѣческаго благосостоянія? Въ фаланстеріяхъ опытъ вѣдь не удался, у мормоновъ тоже. А царица въ семьѣ—женщина. Пособіе мужу и его настроеніе, успокоеніе, утѣшеніе, все зависитъ отъ женщины. Она можетъ вдохновлять и государственнаго дѣятеля, и простаго гражданина, и ученаго, и поэта, и чрезъ нихъ дѣйствовать на ходъ всѣхъ дѣлъ. Словомъ сказать: ея дѣйствіе можетъ проявляться, имѣть значеніе вездѣ. Чего же ей больше?

Одобреніе женщины, ея удовольствіе, къ какимъ подвигамъ возбудить не можетъ мущину! И все это дѣлаетъ она, употребляя только дарованныя ей природою способности, отнюдь не выходя изъ своего собственнаго, предназначеннаго ей круга, сообразно съ своимъ естествомъ.

Въ новыхъ системахъ представляется раздѣленіе труда. Но раздѣленіе труда между мущиною и женщиною есть верхъ цѣлесообразности, идеалъ всѣхъ политическихъ экономій.

Управленіе семействомъ, домомъ, имѣніемъ, кромѣ воспитанія дѣтей, кромѣ содѣйствія мужу—сколько времени для этого нужно?

Наши непрошенные эмансипаторы не имѣютъ настоящихъ понятій о кругѣ дѣйствій женщины, и потому только навязываютъ ей на шею такія, къ которымъ она по натурѣ своей не способна, и которыя отвлекутъ ее отъ исполненія ближайшихъ ея обязанностей, такъ что она сдѣлается ни павой, ни вороной, ни ворономъ. Разорвавшись на два поприща, не успѣетъ ни на одномъ, и будетъ производить вездѣ одно замѣшательство.

Вы хотите доставить женщинамъ участіе въ выборахъ, право засѣдать въ законодательныхъ собраніяхъ. Можетъ быть западныя общества развились до такой степени, но что касается до любезнаго отечества, то у насъ и мущинъ-то надо загонять искусственными способами въ законодательныя собранія всякаго рода. Много-ли бываетъ охотниковъ въ Думу, въ Земское собраніе, то или другое общество? Отъ старыхъ то-есть древнихъ выборовъ мы отстали. и къ новымъ еще не привыкли. Послушайте, сколько членовъ принимаетъ участіе въ нашихъ засѣданіяхъ, и сколько членовъ при разсужденіяхъ должны бываютъ лѣзть въ карманы за мыслями, а карманы-то съ прорѣхами, и приходится или молчать, или пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Ну, а если еще женщины попадутъ туда, такъ уже и святыхъ вонъ понеси. Нѣтъ, господа, погодите и поучитесь прежде сами, приготовьтесь дѣйствовать въ выборныхъ собраніяхъ.

Между тѣмъ кругъ дѣятельности женщины распространяется самъ собою, и въ низшихъ слояхъ, по естественному порядку: онѣ служатъ въ конторахъ, гостинницахъ, при театрахъ, при желѣзныхъ дорогахъ, телеграфахъ.

Мы говорили о дѣйствіяхъ женщины внутри семьи: но кто мѣшаетъ ей быть писательницей, художницей, учить общество, быть душею его— и такихъ женщинъ представляетъ намъ исторія во всѣхъ образованныхъ странахъ?

Кто мѣшаетъ ей заниматься науками, взбираться на Монбланъ и летать по воздуху съ Годарами?

Какихъ же правъ больше женщинамъ?

«Распустныхъ книгъ».

Вотъ что скрывается большею частію подъ громкими фразами объ эманципаціи.

Но съ этими «книгами» что дѣлается изъ женщины? Изъ существа прелестнаго, которое считается по праву вѣнцомъ творенія, — она дѣлается, чрезъ нѣсколько лѣтъ, существомъ... тяжело и вообразить, выговорить, приличное ей прилагательное. О, да будетъ проклято скотское, мерзское ученіе!

II.

Зашла рѣчь у насъ о высшемъ образованіи для женщины.

Желаніе получить высшее образованіе есть желаніе прекрасное, благородное и всякой похвалы достойное.

Но что разумѣютъ женщины подъ этимъ, выраженнымъ ими желаніемъ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Калишѣ, Смоленскѣ, еще гдѣ-то? Нѣтъ ли здѣсь какихъ недоразумѣній? Поведу рѣчь издалека.

Женскіе институты наши доживаютъ уже до многолѣтныхъ юбилеевъ: сколько вышло и ежегодно выходитъ институтокъ, а нынѣ еще воспитанницъ изъ гимназій и разныхъ пріютовъ, пансіоновъ? Вѣдь вотъ

кому должно бы, кажется, выражать потребность высшаго образованія, самымъ разумнымъ и основательнымъ образомъ. А мы не слышимъ ни одного голоса. Мы не слышимъ даже ничего о недостаткахъ образованія, получаемаго въ институтахъ и прочихъ женскихъ заведеніяхъ, даже ничего о недостаткахъ преподаванія. Недостатки же эти есть, и очень важные, существенные.

Нынѣшнимъ лѣтомъ случилось мнѣ быть на одномъ экзаменѣ. Уши вянутъ при слушаніи историческихъ отвѣтовъ. Я выразилъ свое удивленіе передъ сосѣдомъ, приведшимъ меня на экзаменъ, и знакомымъ хорошо съ женскими учебными заведеніями. «Неужели преподаваніе Исторіи вездѣ похоже на это?»—Кажется, такъ вездѣ, по крайней мѣрѣ въ одномъ родѣ.—Я набросалъ въ тотъ же день свои мысли объ этомъ предметѣ, но до сихъ поръ за недосугами не успѣлъ устроить начатой статьи.

Чему учатся у насъ въ женскихъ училищахъ? Закону Божію, Грамматикѣ, Ариѳметикѣ, Географіи, Исторіи, Словесности, языкамъ, танцамъ, музыкѣ. Какъ? По большей части механически. Каждая наука заключается въ книжкѣ или тетрадкѣ, которая заучивается наизусть, и передается блистательно на экзаменѣ своими словами, по нынѣшнему прогрессу, или чужими, по старому обычаю, и потомъ забывается, пропадаетъ, въ плоть и кровь не перешедшее; въ головѣ и сердцѣ не остается ничего благопріобрѣтеннаго, а развѣ только врожденное, чему уцѣлѣть посчастливится. Что же сдѣлало воспитаніе? Много-много, что заняло время.

Намъ слѣдуетъ, кажется, позаботиться прежде всего о надлежащемъ устройствѣ женскихъ гимназическихъ заведеній, и сдѣлать тамъ то, что можно, удобно, легко, чему научаетъ опытъ, чего требуетъ время, и о чемъ у насъ въ помнѣ еще нѣтъ.

Женщины развиваются, созрѣваютъ, умнѣютъ, раньше мущинъ: въ 16—18 лѣтъ онѣ могутъ понять, обнять, выразумѣть многое; умѣйте только сообщить это;—въ продолженіи своего гимназическаго курса онѣ успѣли бы такимъ образомъ получить прекрасное образованіе, вмѣсто нынѣшняго схоластическаго.

Увидите успѣхъ,—прибавьте къ вашему курсу по классу, по два, дополнительныхъ, для высшихъ сторонъ въ пройденныхъ предметахъ, для новыхъ знаній.

Въ эти классы, кромѣ казенныхъ, можно приглашать такъ называемыхъ и своекоштныхъ воспитанницъ, благонадежныхъ, по экзамену, желающихъ искренно и способныхъ получать высшее образованіе.

Главное— будетъ развита любознательность, возбуждено любопытство, не пошлое, обыкновенное, а умное, благородное, которое стало бы женщинѣ на всю жизнь, въ исполненіе пословицы: вѣкъ живи, вѣкъ учись,—которое сдѣлалось бы для нея пособіемъ, источникомъ высшаго образованія. Тогда съ жаждою, съ голодомъ, съ чувствуемой сильно потребностію, умная женщина найдетъ средства и безъ университета для ея удовлетворенія.

Выходя замужъ, по окончаніи своего гимназическаго курса, она получитъ въ мужѣ дароваго, усерднаго профессора, который обязанъ продолжать ея образованіе, открывать и указывать средства, какъ заниматься любимыми предметами, посвящая ее въ таинства великихъ предметовъ знанія, пріобщая ее къ жизни общественной, питая любовь къ отечеству.

(Можетъ-ли всегда дѣлать это нынѣшній мужъ, даже изъ университетскихъ воспитанниковъ)?

Публичные курсы, безплатные, на счетъ правительства, о нѣкоторыхъ наукахъ, подходящихъ подъ женскія условія, полезны и желательны, напримѣръ, о Ботаникѣ, Химіи, отчасти Анатоміи, Физіологіи, Сельскомъ хозяйствѣ. Не говоримъ уже о Словесности, Исторіи, — пожалуй Философіи.

Женская Медицинская школа для опыта — я не скажу ничего и противъ нея.

Итого: лучшее устройство нынѣшнихъ женскихъ заведеній, распространеніе, пожалуй, ихъ классовъ, допущеніе, даже вызовъ, охотницъ

со стороны, публичные курсы нѣкоторыхъ наукъ, или ихъ частей, — вотъ что, кажется, намъ, въ настоящую минуту, нужно, вотъ что говоритъ здравый смыслъ, и это есть путь естественный и раціональный (разумный).

Обратимся теперь къ наличнымъ искательницамъ мудрости.

Что разумѣете вы, милостивыя государыни, подъ высшимъ образованіемъ, которое желаете пріобрѣсти? Объяснили-ль вы себѣ, что̀ собственно хотите узнать въ Университетѣ? Имѣете ли вопросы, которыхъ разрѣшеніе васъ тревожитъ и томитъ?

Мнѣ кажется; пусть извинятъ меня, онѣ имѣютъ понятіе о высшемъ образованіи очень смутное и неопредѣленное, соблазняются именемъ университета, и хотятъ только стать на студенческую ногу.

Я слышалъ даже, что нѣсколько охотницъ собрались вмѣстѣ учиться по-латынѣ у одного священника.

На что же вамъ пуженъ Латинскій языкъ для высшаго образованія, спросилъ бы я этихъ вольныхъ мученицъ? Даже и въ медицинѣ вы можете обойтись безъ Латинскаго языка, и время, на него съ такимъ насиліемъ употребляемое, пригодилось бы вамъ на другія полезнѣйшія занятія.

Признаюсь, что этотъ слухъ и привелъ меня къ заключенію, что, толкуя о высшемъ образованіи, женщины не дали себѣ отчета, чего онѣ хотятъ, и поютъ съ голоса, надѣясь видно узнать въ Университетѣ вообще *все*, точно какъ наши простолюдины предполагаютъ всю мудрость въ книгахъ. Увы! не все узнается въ Университетахъ, не вся премудрость въ книгахъ.

Высшее образованіе и мущинами пріобрѣтается, если пріобрѣтается, не въ Университетахъ, а въ жизни, — Всеучилищѣ съ безпрерывными испытаніями, (экзаменами), какъ для мущинъ, такъ и для женщинъ.

Поговоримъ теперь о высшемъ образованіи: что же разумѣется подъ высшимъ образованіемъ? въ чемъ оно заключается?

Въ понятіяхъ о жизни, смерти, душѣ, безсмертіи, о добрѣ, о злѣ. объ отношеніяхъ человѣка къ природѣ, человѣчеству, Богу..... объ участіи его въ жизни общей и отношеніи къ ней, о правахъ, объ обязанностяхъ, объ усовершенствованіи, первоначальной Причинѣ, однимъ словомъ, обо всей той дребедени, которую такъ рѣшительно и презрительно осуждаютъ наши новые учители-эманципаторы, и которая однакожъ, по старымъ нашимъ понятіямъ, составляетъ цѣль всѣхъ наукъ *).

Имѣется ли въ виду эта цѣль въ нашихъ современныхъ Университетахъ? Увы, положа руку на сердце, должно отвѣчать: нѣтъ! Если мы и допустимъ, что она предполагается, подразумѣвается, то все-таки должны сознаться, что она часто забывается, точно также, какъ при пріобрѣтеніи денегъ забывается вообще, что деньги есть средство, а не цѣль, точно какъ изъ-за деревьевъ не примѣчается иногда лѣсъ. Науки преподаются также, большею частію, механически, низведенныя на степень прикладныхъ знаній, не опасаясь негодованія Платона (Греческаго). Да и приложенія очень скудны. Естественныя науки, имѣющія, напримѣръ, столько слушателей въ физико-математическомъ факультетѣ, выносятся также изъ Университета въ тетрадкахъ, которыя въ продолженіи первыхъ же десяти лѣтъ испаряются на воздухъ. Въ кровь и плоть превращается очень не многое: естествоиспытателей, напримѣръ въ соразмѣрности съ числомъ кончающихъ курсъ по этому отдѣленію, — количество ничтожное. За что же принимаются прочіе? Да, молодые люди, герои нашего времени, учатся преимущественно для того, чтобъ получить какія то пятерки и четверки, и съ ними право на мѣста повыгоднѣе, куда-нибудь хоть по акцизу. О наукѣ для науки, какъ объ искусствѣ для искусства, объ образованіи для образованія, и помину

*) См. ниже рецептъ графа Блудова.

нѣтъ у прогрессистовъ. Едва преданіе держится у нѣкоторыхъ отсталыхъ и запоздалыхъ.

Университеты мужскіе, слѣдовательно, нужно еще приподнять, прежде основанія женскихъ, а то уровень истиннаго просвѣщенія значительно въ нихъ понизился, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ и даже благопріятныхъ обстоятельствъ. Нужно заготовить достойныхъ мужей для будущихъ женъ высшаго образованія, точно какъ заготовляются теперь образованныя жены духовнаго званія для священниковъ.

Высшее образованіе къ женщинамъ даже ближе, чѣмъ къ мущинамъ, въ наше время, но онѣ плаваютъ около своей Итаки, и, не узнавая ея, несутся мимо, увлекаемыя вѣтромъ.

Отъ высшаго образованія, становясь болѣе и болѣе на историческую почву, то есть, смотря на вещи, какъ онѣ въ данную минуту есть, перейдемъ къ отдѣльнымъ наукамъ, которыя, какъ замѣчено выше, имѣются, кажется, наиболѣе въ виду. Для каждой вѣдь необходимо приготовленіе. Нельзя слушать логариѳмы безъ Алгебры, и Тригонометрію безъ Геометріи. Итакъ приготовились ли вы къ слушанію университетскихъ лекцій? Узнали ль вы, Мм. гг. то, что можете узнавать дома, и пришли-ль вы къ убѣжденію, что сдѣлали все для васъ возможное, и что теперь вамъ дѣлать нечего? избрали ль вы предметы своихъ будущихъ занятій?

Еслибъ вы избрали, такъ всего бы лучше, вмѣсто общихъ мѣстъ о желаніи общаго образованія, слишкомъ неопредѣленныхъ, заявить просто, хоть чрезъ газеты: мы такія-то, или даже безъ именъ а счетомъ, желаемъ заняться... Физіологіею; мы такія-то... Ботаникою, Исторіею.

Я увѣренъ, что тотчасъ явились бы профессора, которые снабдили бы васъ сначала совѣтами, а потомъ и прочли бы вамъ, хотя по частному курсу для опыта. По окончаніи такого курса, и слушательницы и преподаватели увидѣли бъ ясно, что дѣлать имъ нужно и полезно. Оказались

бы у кого особенныя способности,—для такой тотчасъ нашлись бы средства ихъ воздѣлывать.

(Если бы наши профессора были подѣятельнѣе и поживѣе, то они сами, не дожидаясь прошеній, предложили бы женщинамъ свои услуги *).

Нѣтъ, мы не любимъ ничего дѣлать потихоньку, исподоволь, постепенно,—а все съ размаху: давай намъ Университетъ!

Ну поговоримъ теперь и объ Университетѣ, отлагая всѣ наши прежнія разсужденія, и становясь на вашу дѣйствительную точку.

Для Университета надо вѣдь набрать прежде всего профессоровъ. Гдѣ же набрать намъ ихъ, когда и мужскіе Университеты въ нихъ нуждаются?

Молодые, холостые, не годятся для женскаго Университета: они естественно будутъ развлекаться прелестными своими слушательницами, самъ господинъ Л., чего добраго, perdra son Latin, и тогда кто останется для обороны классицизма?—Другіе будутъ развлекать ихъ.

Пожилыхъ, женатыхъ, не будутъ жены пускать на такую соблазнительную службу, а если которые и возьмутъ для себя каѳедру въ женскій Университетъ, то все таки для нихъ будетъ страшно искушеніе, и жены ихъ не останутся спокойными, пока не увидятъ ихъ, возвратившихся съ лекціи во время по добру по здорову.

Стариковъ слушать скучно, кромѣ того, что есть еще пословица: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Остаются кандидатами на профессуру нынѣшніе вольнопрактикующіе эманципаторы, недокончившіе курса нигдѣ, **) но вѣдь они сказали уже все, а за душою у нихъ ничего не остается, да и отъ души то онѣ отказываются сами,—и такъ комплектъ профессоровъ набрать не легко.

---

*) Такіе курсы завелись послѣ того какъ написана была эта статья: желательно имѣть обстоятельное свѣдѣнія объ ихъ успѣхахъ.

**) Слышно, что есть уже кое гдѣ и такія лекціи.

Поговоримъ теперь о студентахъ женскаго пола.

Кто будетъ слушать лекціи? Какой возрастъ назначается для слушанія лекцій?

Мужчины получаютъ такъ называемое университетское образованіе отъ 16 и 18 лѣтъ до 20 и 22 лѣтъ. Помилуйте! Вѣдь это именно критическое время въ жизни женщинъ, когда онѣ думаютъ и приготовляются къ замужеству, когда дѣйствительно большею частію выходятъ за мужъ. Отвлечь женщину тогда отъ этой мысли, отъ этой цѣли, едва ли можетъ самая занимательная лекція. Время ли ей, досугъ ли, удобно ли заниматься школьнымъ образомъ? Это было бы насиліемъ всему ея существу. По крайней мѣрѣ, эта мысль, ея осуществленіе, виды на перемѣну въ судьбѣ, могутъ всегда остановить, прервать, прекратить курсъ, и съ этими перерывами соединятся тотчасъ совсѣмъ другія воззрѣнія,— и прощай наука, даже фортепіано.

Развѣ приписать наукамъ свойство фонтанелей, но это не есть условіе ихъ успѣховъ.

Остаются для Университета дѣвушки, не выходящія замужъ, крыловскія невѣсты, которыхъ собственно и не бываетъ, потому что онѣ, по своей природѣ, не отказываются отъ этой мысли до послѣдней возможности, до края могилы.

Итакъ дѣвушкамъ учиться въ Университетѣ не сподручно; женщинамъ замужнимъ нѣкогда слѣдовать постоянно за курсами; а старухамъ, не до высшаго образованія, которое придется имъ же и не по способностямъ тупѣющимъ.

Осчуемъ мы Университетъ, да и будемъ принуждены года черезъ два-три, какъ простынетъ охота или пройдетъ мода, объявлять рекрутскій женскій наборъ, (какъ теперь часто набираются монахи въ иные монастыри),—мудрено и тогда набрать такихъ, которыя не были бъ готовы при первомъ случаѣ дезертировать—подъ вѣнецъ.

Посмотримъ на вопросъ еще съ другой стороны.

Дѣвушки есть бѣдныя и богатыя.

Бѣдныя дѣвушки для пѣшаго хожденія не напасутся башмаковъ, развѣ прогрессисты наши, доказавъ, что Шекспиръ и Пушкинъ уступаютъ въ истинной пользѣ для общества послѣднему башмачнику, оставятъ свое участіе въ редакціяхъ, возьмутъ шилья въ руки и обяжутся снабжать студентокъ обувью, лѣтнею и зимнею, по уменьшеннымъ справочнымъ цѣнамъ.

Да у бѣдныхъ недостанетъ и времени, чтобъ ходить въ Университетъ: имъ надо еще выработать себѣ хлѣбъ.

Потребуются стипендіи, а ихъ мало для мужчинъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ.

Что касается до богатыхъ женщинъ, то онѣ имѣютъ средства заниматься какими угодно науками дома.

Остаются вѣрными кандидатками для слушанія Университетскихъ лекцій — грустно выговорить — только тѣ нигилистки, которыя остригли себѣ волосы, и потеряли, эманципированныя, женскую прелесть, — но вѣдь съ такими сидѣть на одной лавкѣ можетъ быть и не согласятся тѣ, которыя не только желаютъ сохранить свои косы, но еще навязываютъ себѣ на затылокъ цѣлыя копны чужихъ волосъ, въ шиньонахъ. ширятся въ кринолинахъ и волочатъ за собою, подобно кометамъ, длинные хвосты.

Все это было бы смѣшно, еслибъ не было такъ грустно!

Грустно, потому что именно изъ числа такихъ-то вольныхъ слушательницъ, такихъ-то искательницъ мудрости, и являются изъ Россіи Цюрихскіе студентки которыя за дурное, соблазнительное поведеніе, выгоняются даже изъ Швеціаріи; являются подобныя несчастнымъ, описаннымъ въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ *).

*) См. ниже статью, Петербургское самоубійство.

Къ злобѣ дня.

На дняхъ найденъ въ постелѣ мертвымъ сынъ одного изъ достопочтеннѣйшихъ Московскихъ гражданъ, отличный студентъ 4-го курса по медицинскому факультету. Это былъ, говорятъ, молодой человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ, ведшій себя безукоризненно, получившій золотую медаль еще въ гимназіи. Отецъ любилъ его безъ памяти и видѣлъ въ немъ единственное утѣшеніе въ жизни. Ни въ чемъ никогда не слыхалъ онъ отказа, и жилъ, какъ ему было угодно. Сестра, нѣсколько моложе, была его искреннимъ другомъ. Семейство было счастливо, пользуясь всѣми, такъ называемыми, благами жизни.

Причина смерти не извѣстна. Внѣшнихъ побужденій никакихъ. Недѣли за двѣ, такою-же смертью, скоропостижно умеръ его товарищъ, также отличный студентъ, съ которымъ онъ связанъ былъ тѣснѣйшею дружбою, и носилъ всегда при себѣ письмо, полученное отъ него передъ смертью. О содержаніи письма не говорилъ онъ ни съ кѣмъ. Наканунѣ своей смерти былъ онъ мраченъ, и, пришедъ откуда-то, переодѣлся, но позабылъ это письмо изъ скинутаго платья, и спохватившись въ другой комнатѣ, безпокойный, тотчасъ побѣжалъ за нимъ. По смерти, въ платьѣ письма не было найдено.

Какая причина могла побудить того или другаго молодаго человѣка такъ разстаться съ жизнію?

Припоминается мнѣ теперь подобная смерть молодаго человѣка, также отличнаго, бывшаго уже преподавателемъ въ Университетѣ, единственнаго сына у родителей. Она случилась года два назадъ, и приписывалась огорченію, впрочемъ незначительному, причиненному слушателями.

И не всякій ли день читаются въ газетахъ извѣстія о самоубійствахъ убійствахъ покушеніяхъ, преступленіяхъ, совершаемыхъ молодыми людьми изъ за причинъ пустыхъ, ничтожныхъ? Гимназистъ, неполучающій

слѣдующаго ему бала на экзаменѣ, пускаетъ себѣ пулю въ лобъ; другой пыряетъ ножемъ въ бокъ товарищу за маловажную обиду. Двое гдѣ-то объяснили на допросѣ, что они убили своего ямщика, желая испытать ощущеніе быть убійцею! *)

Ядъ закрадывается даже въ сердце дѣвушекъ, которыя также, какъ видно по газетамъ, хватаются иногда за револьверъ, или бѣгутъ изъ родительскихъ домовъ, пускаясь, съ обрѣзанной косой, во вся тяжкая. Судьба этихъ несчастныхъ жертвъ безумнаго ученія или злаго повѣтрія еще ужаснѣе; когда онѣ опомнятся, что имъ дѣлать? Мучиться совѣстію, или погибать окончательно.

Ясно ли для имѣющихъ очи видѣти и уши слышати, что основанія религіозныя колеблются, узы семейства ослабѣваютъ, правила нравственныя извращаются, страстямъ и даже мелкимъ случайнымъ возбужденіямъ, дается воля, вслѣдствіе какого-то новаго взгляда на жизнь и ея отношенія!

Живи, какъ тебѣ хочется; стѣснять себя не для чего; отвѣчать некому, кромѣ себя; удовольствіе, какое бы ни было, удовлетвореніе желанія, — дороже всего. Прочее — вздоръ, выдумки, бабьи сказки, невѣжество, доказанное наукою!!

Мы говорили о трехъ молодыхъ людяхъ съ прекраснымъ поведеніемъ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ жизни, а представьте себѣ негодяевъ, для которыхъ по другимъ причинамъ еще жизнь копейка; представьте себѣ малодушныхъ, удрученныхъ нуждою, или доведенныхъ до отчаянія; представьте себѣ людей, не имѣющихъ никакой связи съ жизнію, мечтателей, мономановъ: на что онѣ могутъ рѣшиться съ такимъ ученіемъ, съ

*) Вотъ въ послѣднихъ газетахъ читается. (Петербургскія вѣдомости, № 83, Марта 24) „въ Москвѣ въ теченіи Января и Февраля этого года было 110 случаевъ насильственной и случайной смерти. Изъ нихъ: случаевъ смертоубійства 7, въ томъ числѣ два дѣтоубійства и три отравленія; случаевъ самоубійства 5, изъ нихъ четыре совершены посредствомъ огнестрѣльнаго оружія; случайныхъ смертей 97.“

Тамъ же. „Въ Кронштатѣ 14 Марта застрѣлился изъ самодѣльнаго оловяннаго пистолета воспитанникъ 3 класса гимназіи, сынъ умершаго инженеръ-подполковника, 15 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ.“

такимъ образомъ мыслей; какія опасности предстоятъ не только семейству, но и обществу, при такомъ направленіи!

Наконецъ вотъ что у насъ поражаетъ еще паблюдателя: добрые, честные, благородные люди, но съ ограниченнымъ умомъ, слабымъ характеромъ или недостаточнымъ образованіемъ, зараженные такимъ ученіемъ, дѣлаются зря, или лучше не зря, способными на всякое преступленіе, разливаютъ ядъ, какъ-бы манну, съ наилучшими намѣреніями, думая имъ приносить пользу, спасать общество, пріуготовлять золотой вѣкъ.

Вотъ нашъ государственный вопросъ, съ которымъ никакой другой не можетъ сравниться, развѣ вопросъ о пьянствѣ.

Отцы отечества — публицисты, журналисты, вотъ на что должны вы обратить усиленное свое вниманіе!

Всѣ духовныя, умственныя и нравственныя силы народа, должны бы собраться, такъ или иначе, и разсудить, какія мѣры должны быть приняты, чтобъ зло не распространялось, а напротивъ ослабѣвало и прекращало свои нравственно-опустошительныя дѣйствія.

О насильственныхъ мѣрахъ, принудительныхъ, запретительныхъ, карательныхъ, думать нечего: ими только увеличивается сила зла по закону упругости. Здѣсь можетъ дѣйствовать только убѣжденіе, сила ума, сила слова, сила науки истинной, не самозванной, а больше всего сила сердца любящаго.

Церковь, университеты и училища, журналистика, литература, семья, всякій порядочный, благонамѣренный, мыслящій человѣкъ, на томъ мѣстѣ, на какомъ поставила его судьба, должны соединить свои усилія, чтобъ укрощать злобу дня.

Марта 21, 1872.

Петербургское самоубійство.

«Молодая женщина, выстрѣлившая вчера въ Господина А. и потомъ лишившая себя жизни, была Б., родная сестра В., скончавшейся въ Сентябрѣ прошлаго года отъ послѣдствій раны, нанесенной ею себѣ 16 Августа, тотчасъ по окончаніи судебнаго разбирательства по дѣлу о дуэли между покойнымъ Г. и А.“ Замѣтимъ, что мужъ этой В. судился за распространеніе политическихъ прокламацій и былъ только что сосланъ; а Г. подозрѣвался въ связи съ ней. „В, какъ говорятъ, выстрѣлила въ А. два раза, но одинъ изъ выстрѣловъ прошелъ мимо, не причинивъ А. никакого вреда; другимъ выстрѣломъ г-ну А опалило лицо, вслѣдствіе чего онъ упалъ въ обморокъ, такъ что его сначала сочли убитымъ, когда вошли въ комнату. Себѣ г-жа Б. выстрѣлила въ правый високъ, и пуля, пройдя на вылетъ, вышла изъ лѣваго виска. Нѣкоторое время у г-жи Б. были еще слабые признаки жизни, но она скончалась спустя четверть часа.»

Жена студента, не кончившаго курсъ—вѣдь ей не могло быть болѣе 20 лѣтъ? Вѣдь замужемъ не могла она быть болѣе двухъ лѣтъ? И въ это время она успѣла завести связь! Намекъ на эту связь возбудилъ негодованіе любовника, и онъ вызвалъ на дуэль намекавшаго, который былъ убитъ. Молодая женщина, при жизни мужа, застрѣлилась, узнавъ о смерти любовника. Ея сестра, дѣвушка, еще моложе ея, чтобъ отомстить смерть сестры, хотѣла убить убійцу ея любовника, застрѣлилась сама. Какія ужасныя явленія!

А можетъ быть у этихъ несчастныхъ были отецъ, и мать...

И все это происходило въ кругу самыхъ честныхъ, благородныхъ людей, по удостовѣренію газеты! Можетъ быть они и въ самомъ дѣлѣ таковы въ своихъ глазахъ, по своимъ правиламъ, но каковы же эти правила!

---

*) «Петерб. Вѣдомости», № 28, марта 30, 1872 г. Тяжело передавать имена: мы замѣнимъ ихъ буквами: А, вызванный на дуэль за неосторожное выраженіе, и убившій вызывателя. Г, вызыватель, оскорбившійся выраженіемъ; В, его любовница, бывшая замужемъ за студентомъ. Б. ея сестра, хотѣвшая отмстить А и убить его за ея смерть. См. ниже Петерб. эпитафію.

Система Дарвина.

Знавъ Дарвина только по выводамъ его изслѣдованій и по нѣкоторымъ отзывамъ, выпискамъ нашихъ журналистовъ, я началъ читать его съ сильнымъ предубѣжденіемъ,—чтобъ не сказать со злобою, съ ненавистью: меня возмутили въ особенности безсовѣстныя объявленія спекулянтовъ-писателей вдругъ о трехъ переводахъ его сочиненія, въ которыхъ для зазыва покупателей читателей провозглашалось съ торжествомъ во всеуслышаніе, что въ этой-де книгѣ доказывается происхожденіе человѣка не отъ обезьяны, а отъ четвероногаго звѣря, покрытаго волосами, съ клыками и хвостомъ и проч.

Сознавшись въ своемъ предубѣжденіи, отдамъ теперь отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ во мнѣ книгою, а потомъ о самой книгѣ.

Дарвинъ представился мнѣ самымъ скромнымъ ученымъ, человѣкомъ, ищущимъ истины искренно.

Многообразныя свѣдѣнія его объ Естественной исторіи изумительны; зоркою наблюдательностію, способностію припоминать, обобщать наблюденія, имѣть всю природу, какъ бы на ладони у себя, едва ли кто изъ натуралистовъ обладалъ въ такой степени! Но онъ — систематикъ, и, подобно всѣмъ систематикамъ, или гораздо болѣе, соразмѣрно массѣ своихъ свѣдѣній, множеству имъ провѣренныхъ, несомнѣнныхъ для него заключеній, онъ натягиваетъ, подбираетъ и привлекаетъ уже все въ свою систему, видитъ вездѣ ея подтвержденіе, и наконецъ нисколько не думаетъ о тѣхъ заключеніяхъ, которыя должна сдѣлать изъ ней неумытная логика, о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя произведутъ ея злоупотребленія.

Я увѣренъ, что Дарвинъ есть самый благочестивый человѣкъ, и лучше многихъ, яснѣе, созерцая премудрость творенія, преклоняется передъ

нею, и передъ ея «превосходнымъ, таинственнымъ повелителемъ,» точно какъ соотечественникъ его Ньютонъ снималъ шляпу, произнося имя Божіе.

Я увѣренъ, что онъ не только благочестивый человѣкъ, но и ревностный протестантъ, соблюдаетъ свято всѣ обряды своего вѣроисповѣданія, чтитъ воскресенья, пріобщается Святыхъ Таинъ вдвоемъ или втроемъ. Его изслѣдованія, его наука, сами по себѣ, а жизнь, а онъ — самъ по себѣ *).

Я увѣренъ, что между внимательными читателями Дарвина найдутся многіе, которыхъ поразятъ не выводы его, не сумма, а посылки, а слагаемыя, и эти читатели, видя въ очію раскрываемые предъ ними законы природы, почувствуютъ живо тотъ страхъ Божій, который почитается началомъ премудрости.

Смѣю даже думать, что еслибъ Дарвинъ измѣнилъ точку, съ которой теперь смотритъ на природу, и взглянулъ бы на нее съ *другой стороны*, то всѣ предметы его изслѣдованій представились бы ему, можетъ быть, иначе, и изъ Птолемея онъ сдѣлался какъ бы Коперникомъ, или Птолемеемъ изъ Коперника. Не оптическому ли обману великій ученый теперь подвергается со многими изъ своихъ послѣдователей?

По Моисею сотворено все Богомъ; по Дарвину произошло все постепенно, внутреннею собственною силою,—а сила-то что такое? Откуда она взялась, и гдѣ пребываетъ?

Замѣняя средній глаголъ «происходить» дѣйствительнымъ «творить,» и не принимая въ расчетъ времени, которымъ Дарвинъ распоряжается ad libitum, изъ его сочиненія можно почерпнуть многое для комментарія на Моисееву книгу Бытія.

---

*) Прибавлю еще—вмѣстѣ съ этимъ, Дарвинъ есть истый Англичанинъ, отъ головы до пятокъ, (вопреки нашимъ легкомысленнымъ невѣжамъ, которые смѣясь надъ квасным патріотизмомъ, съ самодовольствіемъ восклицаютъ, что наука не знаетъ національностей).

Такъ и ученымъ противникамъ своимъ Дарвинъ принесетъ вѣрно много пользы, какъ они приносятъ ему *).

Не говорю о томъ, въ какой степени обогащается наука о природѣ сравнительное естествовѣденіе, обширными разнообразными наблюденіями и открытіями Дарвина.

Почему же, спросятъ, я былъ такъ смущенъ объявленіемъ или распространеніемъ книги Дарвиновой вдругъ въ трехъ переводахъ? Да потому, что большинство русскихъ читателей, особенно праздная, неучащаяся молодежъ, журнальная сволочь, не будетъ читать ее, а удовольствуется только послѣднею страницею, или даже однимъ газетнымъ объявленіемъ, и неищующая быть впереди по пути прогресса, приложитъ ее, пожалуй, къ жизни непосредственно, оправдывая самыя нелѣпыя выходки.

А кто прочтетъ книгу Дарвина съ вниманіемъ и безпристрастіемъ, за того я спокоенъ: наука, тщательно и искренно изучаемая, вреда принести не можетъ, и всякое чистое стремленіе къ ней вознаграждается, рано или поздно, такъ или иначе, и приноситъ благіе плоды.

Обращаясь къ самому сочиненію Дарвина, предупреждаю опять моихъ читателей, что я профанъ, дилетантъ, и, проработавъ во всю свою жизнь совершенно въ другой области, не имѣю уже ни времени, ни силъ, изучать новую систему обстоятельно, а сужу здѣсь съ перваго, такъ сказать, взгляда, руководствуясь только здравымъ смысломъ, поколику онъ здравъ у меня, и слѣдовательно могу легко ошибиться; за то и не требую довѣренности, принадлежащей авторитетамъ.

---

*) О первой его книгѣ (Происхожденіе видовъ) Писаревъ въ своемъ изложеніи говоритъ, напримѣръ, что великій палеонтологъ Овенъ, который смотритъ на Дарвина съ ужасомъ и отвращеніемъ,—Баррандъ, первоклассный ученый и горячій противникъ Дарвиновскаго легкомыслія,—доставляютъ ему въ своихъ сочиненіяхъ много доказательствъ, въ подтвержденіе его мысли, что «вымершія животныя занимаютъ средину между нынѣ живущими группами». Сочиненія Писарева, т. VI, с. 250.

Систему Дарвина можно выразить въ двухъ словахъ:

Постепенность развитія.

«Человѣкъ,» говоритъ онъ въ заключеніи послѣдняго своего сочиненія, «произошелъ отъ четвероногаго, покрытаго волосами, снабженнаго хвостомъ и остроконечными ушами, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, жилъ на деревьяхъ и былъ обитателемъ Стараго свѣта» *).

Чтобы объяснить, какую постепенность происхожденія предполагаетъ Дарвинъ, мы приведемъ слѣдующія слова его: «въ ряду формъ, незамѣтно переходящихъ одна въ другую, отъ какого либо обезьянообразнаго существа до человѣка въ его современномъ состояніи, было бы *невозможно указать, которой* именно изъ этихъ *формъ* слѣдуетъ *впервые* дать наименованіе человѣка» **).

Вотъ какую страшную постепенность между животнымъ и человѣкомъ предполагаетъ Дарвинъ!!

Поведемъ его разсужденіе назадъ: Если совершеннѣйшее существо въ мірѣ, человѣкъ, такъ *непримѣтно* начинается въ царствѣ животныхъ, что трудно отдѣлить, отличить его отъ предыдущихъ существъ, такъ непримѣтно начинается, что невозможно опредѣлить срединное существо, человѣкъ ли *уже* оно или *еще* обезьяна, то вѣдь и родители его должны *такъ же* соединяться съ своими предшественниками, и такъ далѣе, до самаго низшаго существа изъ царства животныхъ? Низшее существо изъ царства животныхъ должно такимъ же непримѣтнымъ образомъ соединяться съ высшимъ произведеніемъ изъ царства прозябаемыхъ, а это въ такомъ же порядкѣ съ царствомъ ископаемыхъ? То есть—всѣ произведенія природы составляютъ одну цѣпь, въ коей всякое кольцо *происходитъ одно отъ другаго*, полнѣе и полнѣе, совершеннѣе и совершеннѣе; нѣтъ нигдѣ переходовъ рѣзкихъ; кольца соединяются между

---

*) Происхожденіе человѣка, Дарвина, Русскій переводъ, подъ редакціею профессора Сѣченова, т. II стр. 434. **) Тамъ же. 1,268.

собою непримѣтнымъ образомъ, и различаются только въ извѣстныхъ разстояніяхъ, одно отъ другаго, по своимъ, такъ сказать, краямъ; нельзя нигдѣ опредѣлить, гдѣ оканчивается одно существо, животное, растеніе, ископаемое, и начинается другое.

Допустить современное происхожденіе всѣхъ царствъ природы система не можетъ: какимъ бы образомъ одно царство могло подогнаться къ другому съ своими законами? Нѣтъ, по системѣ онѣ всѣ должны образовать одно цѣлое, составившееся *во времени* постепеннымъ нарожденіемъ и умноженіемъ составныхъ его частей.

Восходя такимъ образомъ отъ человѣка къ царству животныхъ, оттуда къ царству прозябаемыхъ, и наконецъ ископаемыхъ, къ чему же мы дойдемъ? Къ какому начальному веществу, сѣмени, зерну, ядру, изъ котораго произошло все сущее?

Чуть ли не къ атому, точкѣ, Окенову нулю, къ пустотѣ, все-заключающей, изъ которой, мало по малу, то есть, чрезъ милліоны лѣтъ, происходило будто твореніе, нараждалось одно существо за другимъ, камень, растеніе, животное, и наконецъ дѣдушка звѣрь съ хвостомъ, который чуть ли уже не съ бабой-ягой произвелъ животнаго, дикаго человѣка!

Если должно принимать такое постепенное развитіе для трехъ царствъ, то его непремѣнно слѣдуетъ распространить уже и на всю природу, на всю вселенную!

Остановимся пока на этомъ и скажемъ: мы принимаемъ вашу систему постепеннаго развитія.

Чтобъ одному животному существу произойти отъ другаго, чрезъ рядъ вашихъ микроскопическихъ постепенностей, должны пройдти, по вашей системѣ, вѣка, а чтобъ нынѣшній человѣкъ могъ произойти отъ перваго зародыша природы, для этого нужны милліоны лѣтъ, столѣтій, тѣсячелѣтій. (Ученые смѣялись надъ китайскимъ време-счисленіемъ, а оно не значитъ ничего въ сравненіи съ тѣмъ, которое нужно Дарвину). Но такъ и быть, мы уступаемъ вамъ даже «океанъ тысячелѣтій,» по выраженію

Писарева, — мы допускаемъ вашу безчисленную генеалогію, — мы принимаемъ вообще вашу систему, и спрашиваемъ: откуда же взялось это начальное вещество, сѣмя, зерно, ядро, нѣдро, изъ котораго, по вашему мнѣнію, произошло все? Кто положилъ въ него зародышъ жизни? Какимъ образомъ этотъ зародышъ началъ развиваться? Что произвело въ немъ движеніе? По какимъ законамъ родилось сначала такое существо, а потомъ это?

Въ виду потребованныхъ тысячелѣтій мы не смѣемъ уже произнести: когда? Хотя все таки ваша система исключаетъ понятіе о вѣчности, и вы полагаете ее все-цѣло во времени, и изслѣдуете происхожденіе всѣхъ существъ въ ихъ родословной послѣдовательности до человѣка?

Какъ бы то ни было, всѣ основные вопросы остаются при системѣ Дарвиновой въ тойже силѣ, въ какой онѣ находятся при всѣхъ прежнихъ системахъ.

— —

Дарвинъ, не ставя ихъ себѣ на подобающихъ мѣстахъ, проговаривается однакожъ мимоходомъ: *Какимъ образомъ развились впервые умственныя способности у низшихъ организмовъ? Это такой же безотрадный вопросъ, какъ и тотъ, какимъ образомъ впервые развилась жизнь? Такія задачи принадлежатъ далекому будущему, если только ихъ когда либо суждено рѣшить человѣку* *) То есть, начало жизни, какъ и начало умственныхъ способностей, суть вопросы безотрадные (неразрѣшимые), отъ которыхъ Дарвинъ отказывается. — Его система принимаетъ вселенную, comme un fait accompli, и разбираетъ, изслѣдуетъ только происхожденіе ея явленій, ея историческую, генеалогическую статистику. *Я долженъ замѣтить*, говоритъ онъ, *что я не думаю косаться вопроса о первичномъ происхожденіи умственныхъ способностей, какъ не касаюсь вопроса о происхожденіи [illegible] жизни.*

[illegible] это сознаніе о непостижимости, о тайнѣ, о которой [illegible] нами во всей книгѣ? Не подходитъ ли система Дарвина, и то

*) Дарвинъ, I с. 33.

съ грѣхомъ пополамъ, если не больше, подъ вышеприведенное замѣчаніе о доступности для насъ, для нашихъ изслѣдованій, болѣе или менѣе успѣшныхъ, только статистики явленій, пожалуй, съ ихъ анатоміей, физіологіей, генеологіей,—но не болѣе?

Что же мы выиграли? Мы выиграли новую систему, которою можно будетъ воспользоваться тѣмъ или другимъ образомъ, но которая отнюдь не разрѣшаетъ основныхъ вопросовъ человѣчества: они остаются передъ нами во всемъ своемъ грозномъ величіи. *)

Поблагодаримъ г. Дарвина еще за слѣдующее его сознаніе, пропускаемое безъ вниманія нашими позитивистами. «Этотъ вопросъ (о томъ, имѣютъ ли всѣ дикіе понятіе о Богѣ) не имѣетъ конечно ничего общаго съ великимъ вопросомъ, существуетъ ли Творецъ и Управитель вселенной,—вопросъ, на который отвѣчали утвердительно величайшіе изъ когда либо жившихъ умовъ.» **)

Если Дарвинова система безмолвствуетъ предъ главными вопросами человѣка о бытіи, о жизни, о началѣ, то и въ самомъ своемъ составѣ, организмѣ, представляетъ множество затрудненій и сомнѣній, вызываетъ множество возраженій.

Дарвинъ прослѣдилъ свою систему болѣе или менѣе обстоятельно, хоть не безъ большихъ скачковъ и еще большихъ натяжекъ, по царству животныхъ, а есть еще царство растеній, царство ископаемыхъ, шаръ земный! А есть еще стихіи: огонь, воздухъ, вода. А есть еще солнце, луна, звѣзды,—и млечный путь, міріады міровъ, ихъ движеніе,

---

*) Дарвинъ 1, 68.

**) Соч. Писарева, Т. VI, с. 102. Талантливый излагатель его системы, Писаревъ, говоритъ: «Исходная точка, самое возникновеніе органической жизни, до сихъ поръ остается неразгаданнымъ, потому что до сихъ поръ ни одному натуралисту не удалось приготовить въ своей лабораторіи изъ неорганическихъ или органическихъ веществъ ни одного, даже самаго простѣйшаго живаго организма; но процессъ развитія и перерожденіе органическихъ формъ разъясненъ въ значительной степени англійскимъ натуралистомъ Чарльзомъ Дарвиномъ, издавшимъ въ 1859 году знаменитое сочиненіе On the origin of species (О происхожденіи видовъ).»

частное и общее, вселенское круговращеніе! Развѣ такая система, какъ Дарвинова, можетъ уклониться отъ того, чтобъ не дать своего мнѣнія обо всѣхъ этихъ предметахъ, и не связать его съ собою?

Происхожденію, напримѣръ, царства растеній, животныхъ, нужно солнце. Ниспровергая, какъ вы говорите, догматъ отдѣльныхъ твореній, вы должны бы объяснить происхожденіе этого источника жизни на землѣ, да и всей вселенной.

Иначе съ чего же вы начинаете? *)

Какъ представить себѣ земной шаръ, составившійся изъ чего-то, округлившійся, нашедшій себѣ мѣсто во вселенной, пришедшій въ движеніе, завертѣвшійся около себя и около солнца, которое откуда-то показалось на горизонтѣ; пріобрѣтшій силу притяженія взаимнаго со всею вселенною, и начавшій производить царство ископаемыхъ, растеній, животныхъ одного за другимъ. и наконецъ какого-то звѣря, за которымъ слѣдовалъ человѣкъ дикій, обитатель лѣсовъ, начавшій собою новый періодъ, милліардо-лѣтный, своего развитія?

Неужели понятно, какъ могли всѣ зародыши и типы, (кѣмъ же проэктированные?) составлять одну сплошную массу? Но допускаемъ такую массу, — по какому сигналу она заворочалась, зародыши и типы начали отдѣляться. одинъ отъ другаго, сосредоточиваться, сгущаться, плотнѣть, объособляться? чѣмъ же, кѣмъ произведено было въ массѣ это первое самотвореніе, и по какому плану? Знакомые вопросы! **)

---

*) Система предполагаетъ, по изложенію Писарева, какое-то «далекое прошедшее когда всѣ родоначальники всѣхъ безконечно разнообразныхъ типовъ находились въ общемъ хаотическомъ броженіи, безцвѣтности и безформенности.»

Это вѣдь написано и въ книгѣ Бытія: «земля же была необразована и пуста и тьма надъ бездною»,—съ прибавленіемъ только: «и Духъ Божій носился надъ водами», которого вы не принимаете, замѣняя Его чѣмъ же?

**) Какъ относится къ нимъ Писаревъ, см. ниже.

Да и въ царствѣ животныхъ Дарвинъ представляетъ только отрывочныя замѣчанія, такъ или иначе между собою связанныя, еще чаще сметанныя на живую нитку. Это болѣе матеріалы для системы, собранные въ одномъ духѣ, но не система, которая требуетъ полной картины, или исторіи царства, съ начала или съ конца: то есть,—какъ бы такъ она должна была сказать: вотъ человѣкъ; родитель его такой-то звѣрь; произойти отъ этого звѣря могъ человѣкъ такъ-то, присоединивъ къ его наслѣдству такимъ-то образомъ, по такому-то закону, сперва вотъ что, а потомъ вотъ что! А предшественникъ его произошелъ отъ своего виновника, съ такимъ-то приращеніемъ, такъ-то развившійся,— и такъ далѣе, до перваго, то есть, низшаго существа изъ царства животныхъ, и пр. Такого послѣдовательнаго изслѣдованія у Дарвина и въ поминѣ нѣтъ.

Читая Дарвина, подумаешь, что онъ попалъ въ какой-то обширный, непроходимый, дремучій лѣсъ, гдѣ *ни зги Божіей ни видно,* полный звѣринецъ, въ родѣ Ноева ковчега, пребываніе царства животныхъ. Въ потьмахъ, ощупью, онъ началъ освидѣтельствовать, осматривать, наблюдать встрѣчныхъ объэктовъ одного за другимъ; одаренный превосходною зоркостью, способный на продолжительныя наблюденія, онъ подмѣтилъ что они одинъ другаго полнѣе, совершеннѣе, относительно своихъ составныхъ частей и способностей, какъ будто рослѣе,—читатели поймутъ, что я употребляю это слово не въ смыслѣ настоящаго роста.— На краю померещился ему покрытый шерстью, съ хвостомъ и клыками, звѣрь, а подлѣ него человѣкъ на четверенкахъ. Ему показалось, что всѣ эти существа происходятъ одинъ отъ другаго; онъ какъ бы считалъ: 1, 2, 3, 4, 5... X, и заключилъ что X происходитъ отъ своего ближайшаго нумера, а тотъ отъ.....5, 4, и проч., человѣкъ отъ такого-то звѣря, звѣрь отъ обезьяны, обезьяна отъ... и такъ далѣе, посредствомъ естественнаго или половаго подбора.

Не то бы сказалъ онъ, не то бы почувствовалъ, продолжимъ уподобленіе,

[illegible] тѣла, на [illegible] перетъ [illegible] въ безпре[illegible] [illegible] ему въ [illegible]

[illegible] получилъ [illegible] Въ [illegible] Гдѣ [illegible]

[illegible] ть. [illegible] мог [illegible] Должны бы [illegible] существ [illegible] между [illegible] но теорія выходитъ [illegible] И [illegible]

[illegible] ущества, въ [illegible] время, или въ [illegible]

[illegible] какое же слово очень [illegible] поразить трудно, то есть, [illegible]

*) [illegible] когда [illegible] щемъ [illegible] Это в[illegible] надъ безд[illegible] раго вы н[illegible]

**) Какъ от[illegible]

Далѣе — какимъ образомъ происходитъ развитіе формъ, постепенное ихъ усовершенствованіе?

Посредствомъ половаго подбора и вслѣдствіе борьбы за жизнь, за существованіе, говоритъ Дарвинъ *).

Дарвину для его системы необходимо вмѣстѣ съ естественнымъ подборомъ предложить борьбу за существованіе. Это есть ея необходимое условіе, безъ котораго она быть не можетъ, уничтожается, падаетъ.

«Законъ постоянной борьбы господствуетъ надъ всѣми животными и растеніями во всякую минуту ихъ существованія **)».

Да вѣдь сначала было только по одному животному, роду, по одному растенію, роду? Съ кѣмъ имъ было бороться? Съ кѣмъ брачиться!

И зачѣмъ же имъ было бороться, когда имъ на семъ свѣтѣ жить было очень просторно, — если и теперь, по истеченіи многихъ вашихъ милліоновъ тысящелѣтій, есть еще много порожняго мѣста, и на землѣ, и въ водѣ, — не мало ли въ воздухѣ?

Молюсковъ или асцидій почитаетъ Дарвинъ одними изъ (?) первыхъ жителей земнаго шара. Какую же борьбу можно предположить между ними? *Да и съ кѣмъ имъ брачиться кромѣ своей братьи?* Съ чего произойдетъ новое подготовленіе къ существу втораго высшаго рода?

Изъ первыхъ, грубыхъ существъ, (асцидій, молюсковъ?) должны были, посредствомъ браченья и послѣ побѣдоносной борьбы, произойдти, съ непримѣтною послѣдовательностію, вторыя существа, съ какими-то новыми придатками, повсемѣстно правильными, одинакими.

---

*) Законъ, по которому уничтожаются вредныя особенности и сохраняются полезныя, называется у Дарвина закономъ естественнаго подбора.

**) «Не трудно понять», объясняетъ Писаревъ, «что всего дольше долженъ продолжаться въ борьбѣ тотъ организмъ, который устроенъ всего удобнѣе для борьбы. Это положеніе совершенно очевидно, и *на этомъ* очевидномъ *положеніи основывается* весь прогресъ животныхъ и растеній, и *вся теорія Дарвина* ib c. 141.

Ко вторымъ существамъ, произшедшимъ отъ первыхъ, относится тотъ же вопросъ, какой предложенъ о первыхъ: происходятъ ли онѣ единовременно? Точно также третьи, четвертыя и такъ далѣе — до извѣстнаго, миѳологическаго звѣря?

Метаморфозы должны были начаться въ множайшихъ мѣстахъ изъ зародившихся существъ, и вездѣ онѣ происходили также одинаково, то есть, какъ первыя существа вездѣ одинаково сплотились и образовались, такъ вездѣ одинаково произошли вторыя существа, такъ же начали драку между собой на всѣхъ пунктахъ происхожденія; вездѣ остались, принялись лучшія, за браченье, и произвели существа третьяго рода, съ новыми надбавками, дальше и дальше, выше и выше, наконецъ явились также вездѣ одинакіе вышеупомянутые звѣри, звѣри-обезьяны, звѣри-люди, люди-гермофродиты, люди-мужчины, люди-женщины, борясь, дерясь и воюя между собою безостановочно! Вотъ это Дарвиновъ міръ!

Почему то или другое животное существо необходимо въ природѣ: — наукъ, носорогъ, колибри, саранча? На чемъ основывается необходимость ихъ происхожденій? — Все это вопросы, которые Дарвиномъ пропускаются.

Отъ всякаго животнаго происходятъ какъ будто двойни: такое-то, остающееся на племя, и другое, какъ будто предназначаемое для развитія, для возвеличенія породы.

У со звѣремъ-прародителемъ произошло особенное чудо: онъ родилъ двойни: обезьяну и человѣка, а самъ пропалъ безъ вѣсти, и вотъ теперь возсоздается только ученымъ воображеніемъ Дарвина.

Какъ это случилось, что самое совершенное животное, ближайшее къ человѣку, перевелось, а его сосѣди, по обѣимъ сторонамъ, обезьяны и люди, благоденствуютъ?

Это [illegible] такихъ звѣрей произошло въ разныхъ мѣстахъ на земномъ

шарѣ, и отъ всѣхъ произошли люди, одинакіе или своеобразные! А сами родители какъ нарочно вездѣ пропали!

Почему же слабѣйшіе изъ двойней всѣхъ нумеровъ не могутъ никогда подняться, остаются заколдованные на вѣки вѣковъ in statu quo, и не достигаютъ никакого лучшаго браченья? Вѣдь они живутъ не въ огражденныхъ пространствахъ, не въ клѣткѣ: побѣжденные могутъ отойдти отъ своихъ побѣдителей подальше и начать новую жизнь, вслѣдствіе новой борьбы и новаго подбора.

Почему до происхожденія человѣка должны были произойдти тысячи родовъ животныхъ, милліонъ, X (иксъ), а не двѣ, не три, не У, (игрекъ)?

Отъ первыхъ существъ произошли вторыя, отъ вторыхъ третьи, а между тѣмъ первыя остаются, и этимъ твореніемъ разыгрывается какъ бы фуга *).

Почему же онѣ остаются statu quo, на вѣки вѣковъ? То есть: отъ одного сына происходитъ улучшенный внукъ, правнукъ, праправнукъ, а отецъ все еще продолжаетъ вестись въ первоначальномъ своемъ видѣ, при сынахъ, внукахъ, правнукахъ, при всѣхъ потомкахъ?

Не суть ли это новыя искусственныя непостижимости въ дополненіе къ естественнымъ?

Половой подборъ при всякомъ новомъ браченьѣ производитъ въ плодѣ нѣчто новое, чего самъ не имѣетъ. И это новое является вездѣ самособою одинаково! Отъ чего оно возникаетъ, нарождается, развивается? По какимъ законамъ? Слонъ и бабочка, китъ и апельсинъ, левъ и жаворонокъ, человѣкъ и змѣя, — чтобъ это были братья, сестры, дяди, племянники, внуки и внучки, двоюродныя, троюродныя, одни отъ другихъ происшедшія, — нѣтъ, воля ваша, а это понять и допустить очень трудно!

---

*) О фугѣ въ развитіи человѣчества, вмѣстѣ съ діагональю, смѣялись много во время оно судьи моихъ Историческихъ афоризмовъ въ 1827 году.

Былъ, положимъ, одинъ родъ животныхъ, самцевъ и самокъ, отъ ихъ брака понятно рожденіе сына или дочери, съ лучшими органами, но съ тѣми же, а какъ могло произойдти новое существо, съ совершенно иными особенностями?

Естественный половой подборъ! — Легко намъ теперь съ Берклеемъ и Берджесомъ, построивъ хорошіе хлѣва, заготовивъ вкусное сѣно, и посыпавъ его солью для услажденія вкуса, подбирать барановъ, случать ихъ на досугѣ и производить новые виды; легко было Голландскимъ старымъ цвѣтоводамъ разводить всякіе тюльпаны, или нынѣшнимъ охотникамъ усовершенствовать георгины; легко разнообразить породы голубей, и производить новые виды; но произведеніе новыхъ родовъ, столько не сходныхъ между собою, опять-таки неудобопонятно, хотя Дарвинъ и приводитъ нѣсколько остроумныхъ примѣровъ съ бѣлками, летучими мышами, медвѣдями.

Какія бы смѣшенныя скрѣщеванья и браченья не дѣлали всѣ эти господа, но все таки они произведутъ барановъ, отличающихся между собою шерстью, цвѣтомъ, хвостами, мордами, ростомъ, мясомъ и только! Все таки это бараны. Тоже сказать можно о георгинахъ, о тюльпанахъ: блѣдные, яркіе, пестрые, съ оттѣнками всѣхъ цвѣтовъ, но все таки это тюльпаны, георгины, а не пальмы, нарциссы.

Могутъ происходить отмѣны и въ людяхъ отъ помѣсей: мулаты, смуглые, бѣлые, бронзовыя лица, волосы разныхъ цвѣтовъ, кудрявые, шелковистые, щетинистые, но не существа разныя.

Всѣ органы, благодаря тысячелѣтнимъ подборамъ, положимъ, улучшаются; глазъ, ухо, обоняніе, пять чувствъ но шестаго, седьмаго, чувства не производится. Это почему? Какъ ограничилось ихъ число?

Цѣлесообразность усматривается при многихъ случаяхъ Дарвиномъ, [illegible]къ же онъ объясняетъ вотъ такое совпаденіе: есть медъ на цвѣтахъ, [illegible] и насѣкомое для собиранія меда, и снабдилось всѣми нуж-

ными для того орудіями, и стало мастерицею, съ какой никто сравняться не можетъ *)?

А пока не произошла пчела, медъ оставался и пропадалъ на цвѣтахъ милліоны лѣтъ, и цвѣты не терпѣли никакого вреда отъ излишняго отягощенія, и продолжали скрещиваться и брачиться между собою?!

Вотъ червякъ, гусеница, бабочка, вотъ яйцо и цыпленокъ, вотъ икра и рыба,—какіе здѣсь подборы, какія скрещеванья, какія браченья? Испоконъ вѣка, кажется, такъ происходитъ. Но, положимъ, ваша система развитія постепеннаго вѣрна,—а какъ изъ яйца вылупливается цыпленокъ, какъ изъ гусеницы вылетаетъ бабочка, что происходитъ съ тысячами пкряныхъ зернышекъ, какъ забьется въ нихъ жизнь,—все это тайны, тайны и тайны!

Курица рождается нынѣ изъ яйца, а первое-то яйцо явилось откуда? Человѣкъ рождается изъ сѣмени, а первое-то сѣмя какъ произошло, и какъ ожитворилось, оплодотворилось?

Посредствомъ какого половаго или естественнаго подбора могли пчелы выучиться собирать медъ и воскъ, устроивать ульи, выбирать матку, выгонять трутней, учреждать веселые балы съ танцами? Отъ кого по наслѣдству получили онѣ нужныя орудія, и какія новыя у нихъ прибавились? Какъ узнали о медѣ на цвѣтахъ и вздумали собирать его? и все это произошло въ милліонѣ разныхъ мѣстностей одинаково! Почему никто не перенимаетъ у нихъ ихъ искусство, и не усовершенствуетъ его по своему, а медкомъ полакомиться должны бъ, кажется, найдтиться охотники?

Никакой червякъ, никакой жукъ, не заползетъ къ нимъ въ улей для

*) Я навѣстилъ недавно нашу знаменитую писательницу Н. С. Соханскую (Кохановская) въ ея уединенномъ прелестномъ хуторкѣ, въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи. По утру мы сидѣли за чаемъ. Вдругъ раздалось на дворѣ: рой прилетѣлъ! и всполошилось все народонаселеніе? Мы выбѣжали смотрѣть, и увидѣли висящую на деревѣ темную массу.... Улей! улей! скорѣе! слышался шепотъ вокругъ. Я подумалъ: вотъ какія явленія надо бы наблюдать нашимъ философамъ. Одна жизнь пчелы съ ея медомъ и воскомъ, съ ея конституціей, должна бы заставить ихъ призадуматься, и сдерживаться въ своихъ умничаньяхъ.

браченья, скрещиванія видовъ, и никакая бабочка не залетаетъ искать себѣ жениховъ между многочисленными трутнями, которые также, не смотря на бѣдственное свое положеніе между рабочими пчелами, не ищутъ себѣ однако нигдѣ другихъ невѣстъ.

Муравьи дѣлаютъ свое дѣло, и для этого дѣла имѣютъ всѣ нужныя средства и орудія. Никто другой этого дѣла не дѣлаетъ, не можетъ, не умѣетъ, за неимѣньемъ средствъ и орудій;—никого и выучить, никому и передать своего искусства, муравьи не могутъ: почему же бы это такъ?

Подбора нѣтъ въ природѣ: подборъ только бываетъ въ системахъ, и преимущественно проявился въ системѣ Дарвиновой.

По Дарвину все на свѣтѣ основывается на войнѣ.—Нѣтъ, войною все распалось бы, истребилось, уничтожилось. Не вражда, не война, а миръ, любовь, созидаютъ и сохраняютъ *).

Вся земля есть одно поле сраженія: животныя, растенія, ископаемыя (?), первые люди, (да и послѣдніе на свою руку охулки не кладутъ), боролись и борятся за свое существованіе. Это условіе ихъ жизни, conditio sine qua non! Какія печальныя картины!

Всякая борьба можетъ случиться только въ пространствѣ ограниченномъ, а въ великомъ Божьемъ мірѣ мѣста до сихъ поръ есть еще много порожняго: какая нужда для рода слабѣйшаго подставлять свою шею сильнѣйшему при очевидной невозможности бороться? Кто мѣшаетъ ему отстороняться отъ назойливаго врага и спасаться бѣгствомъ, куда глаза глядятъ? Да и какъ вообразить размѣщеніе единицами сильнѣйшихъ экземпляровъ рядомъ съ слабѣйшими? Какъ вообразить соединеніе единицъ сильнѣйшихъ и единицъ слабѣйшихъ, и потомъ ихъ столкновеніе? Народился родъ одаренный въ одномъ углу и началъ свой истребительный

---

*) Немудрено отчаянныхъ и легкомысленныхъ поклонникамъ такой системы возставать, злобствовать на христіанство, которое проповѣдуетъ о любви!

походъ, ну, а въ другихъ углахъ за тысячи верстъ точно такіе же роды, одаренные, зараждаются съ такими же преимуществами и поступаютъ одинаково? На обѣихъ полушаріяхъ, должны происходить по волшебному жезлу Дарвина однѣ и тѣ же явленія! Предположенія невозможныя, невообразимыя, которыя опровергаются, кажется, наипростѣйшими соображеніями и пріемами, какъ въ баснѣ Крылова: Ларчикъ.

Дарвиновой системѣ нужна борьба, безъ нея она быть не можетъ! Въ Дарвиновомъ мечтаемомъ звѣринцѣ происходитъ вѣчная борьба, а великому Божьему міру нужна не война, а миръ, никому не нужно драться. потому что мѣста для всѣхъ будетъ, просторно до сихъ поръ, а если дерутся Англійскіе пѣтухи, такъ что перья вверхъ лѣтятъ, если бодаются Испанскія быки, такъ что кровь льется изъ боковъ, рѣжутся Наполеонъ съ Бисмаркомъ, Прусаки съ Французами, то на то есть ихъ добрая, или лучше ихъ злая воля, безъ которой человѣчеству было бы даже пріятнѣе и полезнѣе обходиться!

Потвердится, докажется, дополнится, видоизмѣнится, даже преобразуется Дарвинова система, и законъ развитія, который теперь только мерещится, (скажемъ лучше: законъ аналогіи) мы уразумѣемъ вполнѣ, (черезъ сколько еще вѣковъ!), но съ этимъ не объяснится вѣдь намъ ни его происхожденіе, ни его сила, ни его степени, не объяснится происхожденіе вещества, занятіе пространства, явленіе жизни: тѣже тайны, тѣже непостижимости, тѣже вопросы безъ отвѣтовъ!

Но довольно о веществѣ, о тѣлѣ, такъ сказать, природы, и въ особенности царства животныхъ. Перейдемъ теперь къ умственнымъ, нравственнымъ, духовнымъ способностямъ, къ душѣ. Положимъ—вещественная природа сотворилась, произошла изъ какого-то хаоса, изъ какой-то матеріи, откуда-то взявшейся, произошли камни, растенія, животныя, подобрались ихъ виды, и явился косматый Дарвиновъ звѣрь, съ хвостомъ, произведшій двойни: обезьяну и человѣка,—а умъ-то какъ могъ произойти? Отъ чего такое различіе въ близнецахъ? За что такъ обижена

обезьяна, если близнецы были такъ близки между собой? Дарвинъ и душу видитъ въ подобномъ развитіи, отъ низшихъ существъ, по всѣмъ тремъ царства природы, до человѣка, въ полномъ цвѣтѣ его разума.

Здѣсь натяжекъ, неточностей, смѣлостей, скачковъ, разумѣется, несравненно болѣе!

Всѣ человѣческія способности Дарвинъ находитъ въ животныхъ. Читая его панегирики, иногда подумаешь: да почему же киты и тюлени до сихъ поръ не составятъ между собою флота, и никогда не вздумаютъ отразить нападенія Ньюфаундлендскихъ промышленниковъ? Почему обезьяны не воспользуются междоусобіями Южно-Американскихъ республикъ, и не завоюютъ какого нибудь города, гдѣ моглибъ какъ сыръ въ маслѣ себѣ кататься? Я испугался даже за своихъ муравьевъ,—(ихъ мозгъ, не составляющій и четверти булавочной головки, говорятъ Дарвинъ, «есть одинъ изъ самыхъ удивительныхъ вещественныхъ атомовъ на свѣтѣ: можетъ быть удивительнѣе, чѣмъ мозгъ человѣка.») Они насыпали множество кучекъ у меня по саду: какъ бы они не учинили между собою стачки, и не перекопали первой дорожки, чтобъ помѣшать моимъ прогулкамъ, въ знакъ благодарности, какъ водится, за мое гостепріимство.

Нѣтъ! люди могутъ оставаться спокойными: они поднимаются выше и выше, изобрѣтаютъ орудія, одно другаго убійственнѣе, а киты все еще допускаютъ себя бить по одиночкѣ, обезьяны не покидаютъ своихъ лѣсовъ, и въ города забѣгать боятся. Пчелы лѣпять свои соты искусно, но безъ всякихъ новыхъ узоровъ и орнаментовъ, а муравьи копышутся, какъ на другой день по своемъ происхожденіи, лишь бы ихъ не трогали.

Одинъ какой-то звѣрь ухитрился произвесть человѣка съ какою-то ничтожною, повидимому, надбавкою способностей, но не можетъ, ни онъ, ни родственныя обезьяны, ни какое либо существо изъ царства животныхъ, ни всѣ онѣ вмѣстѣ, съ разнообразными якобы зародышами всѣхъ способностей, не могутъ не только обороняться отъ человѣка, но не могутъ сообщить ему какъ нибудь, хоть какими нибудь пантоминами,

или звуками, ни своихъ мыслей, ни желаній. Никакія животныя не могутъ стакнуться между собою или произвесть какое нибудь хоть испанское pronuntiamento.

„Всякое животное“, говоритъ Дарвинъ, „одаренное ясно выраженными общественными инстинктами, должно роковымъ образомъ пріобрѣсти нравственное чувство.“ *)

Но почему же пчелы, муравьи, бобры, не только съ ясно выраженными общественными инстинктами, но даже съ неодолимою потребностью общества, conditio sine qua non, до сихъ поръ, въ продолженіи милліардовъ тысящелѣтій, не пріобрѣли ни малѣйшаго нравственнаго чувства? Между людьми, по крайней мѣрѣ, хоть квакеры поняли, что людямъ не за что драться между собою, и что мѣсто на свѣтѣ будетъ со всѣхъ, а между животными даже геніальные муравьи все таки дерутся безъ зазрѣнія совѣсти!

А въ инстинктѣ общественности Дарвинъ видитъ основаніе духовнаго совершенствованія человѣка! Нельзя не согласиться, что такое основаніе можетъ положить только наука не слишкомъ строгая.

Если у животныхъ мудрено допустить новое физическое пріобрѣтеніе, посредствомъ естественнаго подбора, то кольми паче у людей-животныхъ пріобрѣтенія нравственныя, духовныя.

Умственныя способности, по Дарвину, память, любознательность, воображеніе, разсудокъ, развивались у человѣка также путемъ естественнаго подбора, какъ и у животныхъ.

А почему у животныхъ остановились? Почему у человѣка не идутъ по наслѣдству?

«Такъ могли», (т. е. благодаря естественному подбору), «воспитываться, и дѣйствительно воспитывались, въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій, всѣ органы и всѣ способности всѣхъ организмовъ.»**)

Воспитываться,—пожалуй, а зародиться-то, повторяю, какъ они могли?

---

*) Дарвинъ I, с. 74. **) Дарвинъ II с. 144.

«Основанія материнской любви у женщинъ и самокъ тожественны.» *)

Пожалуй,— но что вы скажите объ ея продолжительности, объ осмысленности?

Такихъ тожествъ можно найдти множество: дитя плачетъ, собака ласкается, щенокъ визжитъ и т. д.

Дарвинъ очень часто повторяетъ: такъ было бы съ тѣмъ или другимъ животнымъ, еслибъ способность его развилася, — но въ томъ-то и дѣло, что она не могла развиться, и что въ этой-то возможности развиваться и заключается одна изъ особенностей человѣка!

Дарвинъ собираетъ дань со всего царства животныхъ, чтобъ показать у него существованіе человѣческихъ способностей... да, онѣ разсыпаны по крошкамъ. что давно уже замѣчено,— но совокупность ихъ, осмысленность, способность совершенствоваться, принадлежитъ человѣку, и только человѣку, или, вѣрнѣе, составляютъ человѣка, въ противоположность всему царству животныхъ.

Самая крошка, кому какая досталась, такъ у него и остается, безъ малѣйшаго улучшенія. Попадутся онѣ къ человѣку, ну, онъ и выучитъ слона, медвѣдя, обезьяну, попугая, скворца дѣлать то или другое, двигаться по тому или другому звуку,—и только! **)

---

*) Дарвинъ I с. 39. **) Вотъ сейчасъ, какъ нарочно, читаю я объявленіе въ газетахъ о бенефисѣ ученой собаки Фриды въ звѣринцѣ г. Гейденрейха. Выпишу это объявленіе, въ дополненіе къ замѣчаніямъ о способностяхъ животныхъ,—но подъ волшебнымъ жезломъ человѣка:

«Бенефисъ ученой собаки Фриды. Почтеннѣйшая публика извѣщается, что находящіяся въ звѣринцѣ М. Гейденрейхъ дрессированныя собаки: Фрида, Шнапсель и Лидія, въ субботу 19 Августа, въ теченіи цѣлаго дня будутъ давать представленія особаго рода, вновь заученныя, такъ напримѣръ, Фрида будетъ читать по русски, угадывать тѣ предметы, которые будутъ у гг. посѣтителей; затѣмъ она будетъ пѣть арію изъ итальянской оперы и сыграетъ на фортепіано увертюру. По случаю бенефиса собачки Фриды, въ этотъ день дрессированный слонъ Боско даетъ представленія совершенно въ новомъ родѣ: слонъ будетъ вытаскивать мелкія монеты изъ воды, и наконецъ какъ паяцъ будетъ стоять на головѣ. Онъ же Боско будетъ давать африканскій обѣдъ, за которымъ ему будетъ прислуживать ученая обезьяна. Бенефиціантка надѣется, что почтеннѣйшая публика не оставитъ ея бенефисъ безъ многочисленнаго посѣщенія!!»

Въ обращикъ, какъ натягиваетъ Дарвинъ единство, тождество, царства животныхъ съ родомъ человѣческимъ, приведемъ въ примѣръ замѣчаніе его о микроцефалическихъ идіотахъ, съ задержаннымъ развитіемъ мозга. «Они постоянно скачутъ, прыгаютъ и дѣлаютъ гримасы. Они часто взлѣзаютъ на лѣстницу на четверенькахъ, и очень любятъ лазать по мебели и деревьямъ. При этомъ невольно приходитъ на память страсть почти всѣхъ мальчиковъ лазать на деревья; а это въ свою очередь напоминаетъ, какъ любятъ овцы и козы, по происхожденію горныя животныя, взлѣзать на холмы, хотя бы и не высокіе.“ *)

Это сближеніе очень остроумно, но нельзя не замѣтить, что если мальчики любятъ лазать по деревьямъ, то любятъ также и кататься съ горъ.

Ужъ гораздо бы лучше и вѣроподобнѣе принять вамъ послѣднія Европейскія войны съ усовершенствованными орудіями за зачаточные остатки звѣриныхъ инстинктовъ вашихъ человѣческихъ прародителей!

Но всего разительнѣе, отвратительнѣе и вмѣстѣ всего поучительнѣе, до чего систематикъ, даже честный и искренній, можетъ заблуждаться, или не видяще—видѣть, выпишу сполна параграфъ Дарвина о религіи, которой задатки онъ видитъ въ животныхъ: „Религіозное поклоненіе чрезвычайно сложное чувство, состоящее изъ любви, полной покорности, страха и уваженія, благодарности, надежды на будущее, и можетъ быть еще изъ другихъ элементовъ. Никакое существо не могло бы испытывать такого сложнаго чувства, пока оно не возвысилось до довольно значительной степени въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Мы видимъ впрочемъ нѣкоторое отдаленное сходство съ этимъ состояніемъ ума въ привязанности собаки къ своему хозяину, этой горячей любви, соединенной съ полной покорностью, нѣкоторой боязнью, и можетъ быть, еще съ другими чувствами. Пріемы собаки, возвращающейся къ хозяину, послѣ долгой разлуки, — и я могу прибавить пріемы обезьяны относительно любимаго ею сторожа,—совершенно отличны отъ пріемовъ этихъ же

*) Дарвинъ 1. с. 133.

животныхъ при встрѣчѣ съ своими товарищами. Въ послѣднемъ с
радость не такъ сильна и чувство равенства выражено въ каждомъ
...вии Профессоръ Браубахъ утверждаетъ даже, что собака смотритъ
...ина, какъ на Бога." **)

Далѣе этого простираться, кажется, не можетъ ослѣпленіе человѣч

Осмѣливаюсь сдѣлать заключеніе:

Система Дарвина есть примѣчательное, важное явленіе въ И
...уки, которой принесетъ она пользу, посредственно и непосредст
...средственно, — вызывая возраженія и содѣйствуя укрѣпленію др
...зрѣнія, непосредственно, — доставляя свои наблюденія и замѣ
...тупающія въ общую сокровищницу.

...рвинъ видитъ въ природѣ постепенность развитія. Другіе вид
...произведеніяхъ единовременный законъ аналогіи. Это бы
...давна, и въ этомъ смыслѣ всегда говорилось, что чел
...творенія, существо совершеннѣйшее. У Шеллинга и
...называемой Натуральной философіи, это понятіе разви
...ной точки зрѣнія, и подтверждено показаніями Естест

...отношеніи самъ Дарвинъ оказалъ, можетъ быть, ве
...о природѣ, подмѣтивъ и подобравъ наибольшее
...аналогій

...систему Натуральной философіи можно ими много доп
...стрировать.

...ли повсюду законъ аналогіи? Галль узнаетъ с
...судя по черепу, Лафатеръ по физіономіи, и хи
...Проф. Антонскій замѣчу кстати любилъ судить о

...можетъ быть, всѣ древнія гаданія по полету пти
...ныхъ, равно какъ и новыя гаданія разныхъ р

Припоминаются мнѣ стихи Хераскова, подписанные подъ какою-то картинкою при Русскомъ переводѣ Эккартсгаузеновыхъ важнѣйшихъ гіероглифовъ для человѣческаго сердца:

И что по смерти людямъ сулятъ небеса,
То видятъ на земли премудрыхъ очеса.

Не мѣшаетъ припомнить и о томъ многомъ, о чемъ не грезится нашей философіи, и что замѣтилъ недюжинный наблюдатель природы и человѣка, Шекспиръ.

Въ нашей книжкѣ сообщено нѣсколько событій особаго рода: какъ объяснитъ ихъ Дарвинова философія?

Если Дарвинъ пролилъ много свѣта для изученія природы своими наблюденіями, то нельзя не сознаться, что онъ для многихъ сгустилъ также и тьму надъ многими важными для человѣка вопросами.

Въ утѣшеніе можно сказать развѣ то, что тьма, разсѣянная, возвыситъ цѣну свѣта!

А какое отношеніе имѣетъ эта система съ милліонами тысячелѣтій ко мнѣ, къ человѣку, къ индивидууму? Для меня всего вѣдь важнѣе я, даже и по ея торжественному заявленію, что «полнѣйшій эгоизмъ составляетъ основный законъ жизни для всего органическаго міра.»*)

Я, говоритъ человѣкъ, хочу быть доволенъ, покоенъ, счастливъ. Доставляетъ ли ваша система ему удовольствіе, спокойствіе, счастіе? Указываетъ ли новые пути къ блаженству?

Такіе вопросы смѣшны въ отношеніи къ системѣ Дарвина.

Она имѣетъ значеніе въ исторіи науки, можетъ содѣйствовать къ объясненію явленій, какъ всякая другая наука, Физика, Филологія, Исторія. Но надо быть такимъ увлекающимся юношей, какъ покойный Писаревъ

---

*) Дарвинъ, 1, с. 147.

и ему подобные, чтобы увидѣть здѣсь крайніе предѣлы человѣческаго вѣдѣнія, и произнести почти проклятіе всѣмъ прочимъ знаніямъ, заняться мухами и лягушками, и пренебречь, напримѣръ, историческими, нравственными дѣятелями человѣчества! Всѣ науки—сестры, и Исторія человѣческаго рода заслуживаетъ вниманіе не менѣе Естественной Исторіи. Лягушками заниматься похвально, но бѣда, если изъ за лягушекъ потеряется способность восхищаться природою, искусствомъ, человѣческими достоинствами, и если весь Божій міръ сосредоточится для созерцанія — въ болотѣ..

Мы замѣтили выше, какую печальную картину, даже и не для Стерна, представляетъ Дарвинова система, которая видитъ на всемъ земномъ шарѣ только поле сраженія, которая для всего органическаго міра условіемъ жизни считаетъ войну, которая силѣ предоставляетъ право *), и побѣдою оправдываетъ всѣ средства.

Положимъ, это относится у насъ собственно къ царству растеній, животныхъ, но вы вѣдь обобщаете свои замѣчанія, говоря, что въ мірѣ человѣческомъ господствуютъ тѣ же отысканные вами законы борьбы, въ чемъ помогаетъ вамъ отчасти и Бокль.

Если образъ борьбы совершенствуется между животными, скажутъ шутники, то кольми паче она должна утончаться и облагораживаться между людьми, что впрочемъ происходитъ и въ самомъ дѣлѣ. Шулеры и жулики явятся прогрессистами и настоящими дѣятелями человѣчества. Отсюда неумолимой логикѣ легко оправдать всѣ преступленія требованіями побѣды, и слѣдствіями борьбы за жизнь.

Странно, что наши родные адвокаты не воспользуются до сихъ поръ такимъ сильнымъ аргументомъ. Но они уже на пути! А въ концѣ концовъ недалеко дойти до такихъ положеній, что по послѣднему слову

---

*) Не могу не припомнить, какъ во время оно, слова Бѣлинскаго, (не имѣвшаго впрочемъ никакихъ ясныхъ и твердыхъ понятій ни о какихъ системахъ), за Туромъ противъ Гизота «гдѣ сила, тамъ и право», или что-то въ этомъ родѣ, возмутили насъ всѣхъ и привели въ негодованіе!

науки не только собственность есть кража, но что добродѣтель вообще есть уклоненіе отъ общихъ мировыхъ законовъ, а порокъ есть достоинство, что любовъ есть безуміе, а ненависть и злоба высшее проявленіе ума или воли!

Это шутки, но и безъ шутокъ изъ системы, подобной системѣ Дарвиновой, невѣжи, негодяи, люди злонамѣренные, могутъ выводить слѣдствія, въ высшей степени вредныя для общества.

Чтобъ пояснить для читателей наши сужденія о системѣ Дарвиновой, и представить ее подлинными словами автора, мы сообщимъ теперь нѣсколько выписокъ изъ его сочиненія, относящихся къ главнымъ положеніямъ, нами выше разобраннымъ. Читатели увидятъ, что мы не приписывали Дарвину ни единой мысли, ни единаго выраженія, безъ достаточнаго основанія.

I. О состояніи первоначальнаго человѣка.

«Древніе родоначальники человѣка были безъ всякаго сомнѣнія покрыты волосами, и оба пола имѣли бороды; ихъ уши были заострены и неподвижны, а тѣло снабжено хвостомъ съ принадлежащими къ нему мышцами; ихъ конечности и туловище были приводимы въ движеніе многими мышцами, которыя появляются лишь случайно у теперешняго человѣка, но составляютъ нормальное явленіе у четырерукихъ. Главная артерія и нервъ плеча проходили черезъ надмыщелковое отверстіе. Въ этотъ, или еще болѣе ранній періодъ кишки образовывали еще большій слѣпой мѣшокъ, coekum, чѣмъ существующій теперь у человѣка. Нога, судя по формѣ большаго пальца у зародыша, была въ это время хватательнымъ орудіемъ; наши предки были безъ всякаго сомнѣнія древесными животными, и населяли какую нибудь теплую лѣсистую страну. Самцы имѣли большіе клыки, которые служили имъ грознымъ оружіемъ.» *)

«Человѣкъ *не имѣетъ* достаточнаго *права* учреждать особый отрядъ

*) Дарвинъ. 1 с. 233.

[illegible]а помѣщенія въ немъ самаго себя,*) но онъ, быть можетъ, имѣетъ [illegible]раво на мѣсто въ особомъ подъотрядѣ или семействѣ.**) Про[illegible]ессоръ Геккель въ своемъ послѣднемъ сочиненіи дѣлитъ приматовъ на [illegible]а подъотряда, именно, anthropidae, въ которомъ стоитъ одинъ чело[illegible], simiadae, заключающемъ обезьянъ всѣхъ видовъ, и lemuridae, [illegible]которомъ соединены различные роды лемуровъ. На сколько вопросъ касается различія въ нѣкоторыхъ важныхъ чертахъ строенія, человѣкъ [illegible] съ полной справедливостью требовать себѣ мѣста въ особомъ [illegible]отрядѣ, но мѣсто окажется даже слишкомъ низкимъ,***) если [illegible]ниманіе будетъ обращено на умственныя способности человѣка. [illegible]генеалогической точки зрѣнія приходится сознаться, что и это [illegible] слишкомъ высоко,****) и что человѣкъ долженъ былъ бы составлять [illegible] семейство, а можетъ быть даже только подсемейство.*****)

[illegible]касается до формы тѣла или силы, то мы не знаемъ, произо[illegible] человѣкъ отъ какого нибудь сравнительно малаго вида обезьянъ, [illegible], или отъ такого мощнаго, какъ горилла [illegible] [illegible]

[illegible]

Ни [illegible]

так[illegible]

цовъ [illegible]

*) Не [illegible] чемъ имъ [illegible] Славянъ [illegible] привели въ [illegible]

«Если же допустить, что прародители человѣка были гораздо болѣе безпомощны и беззащитны, чѣмъ существующіе теперь дикіе, то и тогда они не подвергались особенной опасности, въ случаѣ если бы жили въ какомъ-нибудь тепломъ материкѣ или на большомъ островѣ, *) въ родѣ Австраліи, или Новой Гвинеи, или Борнео (послѣдній островъ населенъ теперь орангами). На пространствѣ, равняющемся поверхности одного изъ этихъ острововъ, соревнованія между племенами было достаточно (!?), чтобы поднять, при благопріятныхъ условіяхъ, человѣка до его настоящаго высокаго положенія въ ряду органическихъ существъ, при посредствѣ начала переживанія наиболѣе приспособленныхъ индивидуумовъ вмѣстѣ съ унаслѣдованнымъ дѣйствіемъ привычки. **)

»Едва-ли можно сомнѣваться, что человѣкъ произошелъ отъ обезьянъ стараго свѣта, и что съ геологической точки зрѣнія онъ долженъ быть отнесенъ къ отдѣлу узконосыхъ. ***)

«Если даже допустить, что человѣкообразныя обезьяны составляютъ естественную подъ-группу, то на основаніи сходствъ между ними и человѣкомъ, не только по признакамъ, которые онъ раздѣляетъ со всей узконосой группой, но и по другимъ, напр. по отсутствію хвоста, сѣдалищныхъ мозолей и по общему виду, мы имѣемъ право предположить, что нашимъ родоначальникомъ былъ какой-нибудь древній членъ человѣкообразной подъ-группы. Мало вѣроятія, чтобы одинъ членъ какой-либо изъ другихъ низшихъ подъ-группъ могъ посредствомъ аналогичныхъ измѣненій дать начало человѣкообразному существу, сходному въ столь многихъ отношеніяхъ съ человѣкообразными обезьянами. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ пережилъ *громадное количество видоизмѣненій,* сравнительно съ большинствомъ своихъ родичей, какъ видно изъ значительнаго

---

*) Что же—въ одномъ только мѣстѣ произошелъ человѣкъ, или въ нѣсколькихъ, и вездѣ произошли одинаковыя явленія!

) Дарвинъ 1, 175. *) Д. 1, 221.

...ложенія. Тѣмъ не менѣе мы должны ... изъ нѣсколькихъ исключи-...

...детьми, проявляющіяся иногда ... представляютъ, можетъ ... котораго мы не уда-... Этотъ взглядъ, повиди-... или такихъ выродковъ ...

... признаковъ, древнія расы ... новѣйшія, заключается ... нисходящей линіи нѣсколько ... прародителей.***) ... называли дѣтей потому, ... такъ извращены, ... своего собствен-... браковъ.*****) ... *******) ... и мы можемъ, я думаю, отчасти ... вертикальнаго положенія. ... наиболѣе рѣзкихъ отличій ... ближайшихъ

... Т. I. с. 158. ****) Т. I. 158

... нравственное преимущество передъ людьми: животныя не ... истребляютъ!

... тамъ отстали отъ ... и въ ... случаѣ

... говорить это, который вмѣстѣ съ другими двумя высоко-... Мальтусомъ и Миллемъ, никакъ не могутъ понять, что ... человѣка нельзя оправдывать никакими нарродонесами, основан-... вырожденіи человѣка его цивилизаціей.

... цивилизація, хороша и наука!

родственниковъ. Человѣкъ не могъ достигнуть своего настоящаго преобладающаго положенія въ свѣтѣ безъ рукъ, которыя такъ удивительно приспособлены къ дѣйствіямъ, по указанію воли. Серъ Ч. Бель говоритъ: «рука замѣняетъ человѣку всѣ инструменты, и, при совмѣстномъдѣйствіи съ разумомъ, *) даетъ ему всемірное господство. «Однако руки едва ли бы могли усовершенствоваться на столько, чтобы выдѣлывать оружіе, или метать камни и копья вѣрно въ цѣль, пока ими пользовались для передвиженій и для поддержанія всего вѣса тѣла, или пока онѣ спеціально были приспособлены къ лазанію по деревьямъ.» **)

«Если человѣку выгодно имѣть руки свободными и стоять твердо на ногахъ, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, при его выдающихся успѣхахъ въ жизненной борьбѣ, то я не вижу причины, почему бы не было выгодно для прародителей человѣка принимать болѣе вертикальное положеніе и дѣлаться двуногими.» ***)

II. О постепенномъ развитіи царства животныхъ, или о генеологіи человѣка.

«При попыткахъ прослѣдить генеалогію млекопитающихъ, а слѣдовательно и человѣка, спускаясь все ниже по ступенямъ животнаго царства, мы погружаемся въ болѣе и болѣе темныя области науки.—Каждый послѣдователь теоріи постепеннаго развитія согласится, что главные пять классовъ позвоночныхъ, именно млекопитающія, птицы, пресмыкающіяся, земноводныя и рыбы — всѣ произошли отъ однаго первоначальнаго типа, такъ какъ у всѣхъ ихъ много общаго, въ особенности въ зародышевомъ состояніи. Такъ какъ классъ рыбъ представляетъ самую низшую степень организаціи, и появился раньше другихъ, то мы можемъ заключить, что всѣ члены позвоночнаго царства произошли отъ какого либо рыбообразнаго животнаго, организованнаго ниже всѣхъ во всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ низкихъ формахъ рыбъ.» ****)

---

*) «При совмѣстномъ дѣйствіи»? Да безъ разума-что она можетъ сдѣлать?

) Д. 1. с. 156. *) Д. 1, с. 158. ****) Д. 1. с. 229.

ра.
по
тел

въ
бы
лен
мом
изъ

«П
приб
въ т
дальш

«На
что ин
чтобы
наго по
и оба п

«Челов
понять,
составляю

---

*) Д. 1, 22

*****) Вотъ и
истребляютъ св

Да отчего же
жизни?

******) Ну не Ан
образованными учен
естественной потреб
ными на неестествен

Хороша съ этой стор

не можетъ сказать въ настоящее время, по какой родословной линіи три высшіе и родственные класса, именно млекопитающіе, птицы и пресмыкающіяся, произошли отъ того или другаго изъ низшихъ позвоночныхъ классовъ, т. е. земноводныхъ и рыбъ. Въ классѣ млекопитающихъ не трудно представить себѣ степени, ведущія отъ древнихъ птицезвѣрей: къ древнимъ сумчатымъ, и отъ этихъ къ древнимъ предкамъ живородящихъ млекопитающихъ. Мы можемъ подняться такимъ образомъ до лемурныхъ , а отъ послѣднихъ уже не великъ промежутокъ до обезьянъ. Обезьяны раздѣлились съ теченіемъ времени на двѣ большія вѣтви обезьянъ Стараго и Новаго свѣта. Отъ послѣднихъ же произошелъ въ отдаленный періодъ времени человѣкъ, чудо и слава міра. *)

III. Объ умственныхъ способностяхъ человѣка.

«Можно ясно доказать, что основной разницы въ общемъ характерѣ умственнаго склада между человѣкомъ и животными не существуетъ. **).

«Для того, чтобы первичные люди, или обезьянообразные родоначальники человѣка сдѣлались общественными, они должны были *пріобрѣсти* тѣ же инстинктивныя чувства, которыя побуждаютъ *другихъ животныхъ* жить, какъ одно цѣлое, и, безъ сомнѣнія, обладать тѣми-же общими наклонностями. Они должны были чувствовать скуку вдали отъ своихъ товарищей, къ которымъ имѣли извѣстную долю любви; должны были предупреждать другъ друга объ опасности, и помогать одинъ другому при нападеніи и оборонѣ. Все это предполагаетъ извѣстную степень сочувствія, вѣрности и храбрости. Такія общественныя качества, громадную важность которыхъ никто не оспариваетъ для низшихъ животныхъ, были безъ сомнѣнія *пріобрѣтены* родоначальниками человѣка аналогичнымъ образомъ, т. е. *путемъ естественнаго подбора*, вмѣстѣ съ наслѣдственной привычкой. ***)

---

*) Д. 1. с. 239. Нельзя не сознаться, что Дарвинова система наноситъ жестокій ударъ понятіямъ объ аристократіи!

) Д. 1. с. 82. *) Д. 1. с. 180.

...ненія проис-
...причинъ, и по
...тныхъ. Человѣкъ
...олженіи своихъ
...образнымъ усло-

...вытѣсняла другую; а
...изъ элементовъ успѣха.
...ренныхъ людей *должны*
...раненію.» ***)
...ловѣкъ такъ выдался.
...прямыя послѣдствія
...амяти, любознанія, во-

...ь Уоллесъ утверждать.
...лишь пріобрѣсти мозгъ
...)

...измѣнчивы, и мы имѣемъ
...наслѣдоваться. Поэтому,
...рвобытнаго человѣка и его
...звивались подъ вліяніемъ
...комъ значеніи умственныхъ
...ѣкъ обязанъ главнѣйшимъ
...въ мірѣ.******)

...дества!
...нравственныя хороши, которыя
...а упраздненныя мѣста, наслаж-
...быть! А къ человѣку-то какъ
...и животныя способности и обя-
...ической природы нельзя прилагать
...****) Д. 1, с. 152. ******) Д. 1, с.
...можности? Не ясенъ ли здѣсь систе-
...ся стороны?

«Современный человѣкъ, даже въ самомъ грубомъ состояніи, все-таки самое могущественное животное, какое когда-либо появлялось на землѣ. Онъ распространился дальше всѣхъ другихъ, высоко-организованныхъ существъ, и всѣ другія отступили передъ нимъ. Очевидно, онъ обязанъ этимъ неизмѣримому превосходству своихъ умственныхъ способностей, физическому строенію и общественнымъ инстинктамъ, которые научили его помогать своимъ товарищамъ и защищать ихъ. *Высокое значеніе этихъ свойствъ высказалось въ окончательномъ результатѣ борьбы за существованіе* *). Благодаря умственнымъ способностямъ, у него развилась членораздѣльная *рѣчь*, **) а отъ нея главнымъ образомъ зависѣло его удивительное развитіе. Онъ изобрѣлъ и умѣетъ употреблять въ дѣло различное оружіе, снаряды, западни и проч., которыми онъ защищаетъ себя, убиваетъ или ловитъ добычу, и вообще добываетъ себѣ пищу. Онъ строитъ себѣ плоты и лодки, чтобы ловить рыбу или переѣзжать на сосѣдніе плодоносные острова. Онъ открылъ искусство добывать огонь, при помощи котораго твердые, деревянистые корни можно сдѣлать удобоваримыми, а ядовитые корни и травы безвредными. Это послѣднее открытіе, вѣроятно, самое великое изъ всѣхъ, за исключеніемъ рѣчи ***). сдѣлано еще до историческихъ временъ.

«М-ръ Уоллесъ доказываетъ, что послѣ того, какъ человѣкъ отчасти усвоилъ себѣ тѣ умственныя и нравственныя способности, которыя отличаютъ его отъ нисшихъ животныхъ, онъ былъ мало способенъ къ измѣненіямъ своего физическаго строенія, посредствомъ естественнаго подбора или другими какими-либо способами, ****) потому что, въ силу

---

*) Вотъ гдѣ окончательное доказательство—не въ Мадоннѣ Рафаэлевой, не въ Софоклевой трагедіи, не въ сочиненіи Ѳомы Кемпійскаго! Это только степени не качества.

**) И членораздѣльной рѣчи зародышемъ должно считать мычаніе коровы, кудахтанье курицы, крикъ индѣйскаго пѣтуха, ну и пѣніе соловья—Боже мой! неужели въ самомъ дѣлѣ это все одно и тоже, различающееся между собою отолько по степенямъ!!

***) Открытіе высѣкать огонь—можно приравнивать къ открытію (!) языка!

****) Вотъ еще примѣръ натяжки! Физическое измѣненіе не нужно для системы, такъ его и по боку; нравственное нужно—ну и подбираются доказательства.

своихъ умственныхъ дарованій, человѣкъ способенъ «поддерживать гармонію между неизмѣняющимся тѣломъ и измѣняющейся вселенною. *)

«Очень вѣроятно, что у людей умственныя способности постепенно совершенствовались путемъ естественнаго подбора; этого заключенія достаточно для нашихъ цѣлей. Безъ сомнѣнія, было бы очень важно прослѣдить развитіе каждой способности въ отдѣльности, начиная отъ состоянія, въ которомъ она находится у низшихъ животныхъ, и кончая состояніемъ ея у человѣка, но у меня не достаетъ ни умѣнья, ни знанія, чтобъ взяться за это. **).

«Если я ошибся, придавая естественному подбору большое значеніе, чего я однако не думаю, или преувеличивъ его значеніе, что въ самомъ дѣлѣ имѣетъ вѣроятность, ***) то по крайней мѣрѣ я оказалъ, надѣюсь, услугу тѣмъ, что способствовалъ ниспроверженію догмата объ отдѣльныхъ твореніяхъ.» ****).

Мы знаемъ (?) теперь, благодаря удивительнымъ трудамъ м-ра Гольтона, что геній, представляющій удивительно сложное сочетаніе высокихъ способностей, имѣетъ наклонность къ наслѣдственности. *****) съ другой стороны, слишкомъ хорошо извѣстно, что помѣшательство и ограниченность умственныхъ способностей подобнымъ же образомъ держатся въ однихъ и тѣхъ же семействахъ.» ******)

Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ огромная разница между умомъ самаго низкаго человѣка и самаго высшаго животнаго. Если-бы человѣкообразная обезьяна могла имѣть безпристрастный взглядъ на счетъ самой себя, она бы допустила, что, хотя она умѣетъ составить планъ грабежа и знаетъ употребленіе камней для драки или разбиванія орѣховъ, но объ устройствѣ изъ камня инструмента далеко выше ея силъ.

---

*) с. 178. **) Д. 1, с. 179. ***) Нельзя не замѣтить этихъ словъ въ доказательство [illegible] Дарвина.

[illegible] с. 170. Судъ объ этихъ доказательствахъ впереди: можетъ быть это только [illegible] пособія, въ уравумѣнію догмата.

[illegible] Исторія представляетъ совершенно противоположныя явленія.

177. [illegible] с. 121.

матики.

Она-бы допустила, что она еще менѣе могла бы слѣдить за ходомъ метафизическихъ разсужденій или разрѣшить математическую задачу, или размышлять о Богѣ, или восхищаться величавой картиной природы. Впрочемъ нѣкоторыя обезьяны вѣроятно объявили бы, что способны восхищаться, и въ самомъ дѣлѣ восхищаются красотой цвѣтной кожи и шерсти своихъ брачныхъ товарищей. Онѣ бы допустили, что, хотя онѣ способны дать другимъ обезьянамъ понять нѣкоторыя изъ своихъ ощущеній и простыхъ нуждъ посредствомъ криковъ, имъ никогда не приходила въ голову мысль о выраженіи опредѣленныхъ понятій опредѣленными словами. Онѣ могли бы утверждать, что готовы помогать другимъ обезьянамъ одного съ ними племени на разные лады, рисковать за нихъ своею жизнью и заботиться объ ихъ сиротахъ, но должны были бы признаться, что безкорыстная любовь ко всѣмъ живымъ существамъ, благороднѣйшее свойство человѣка, далеко вышеихъ понятія.» *)

«Какъ бы ни было велико умственное различіе между человѣкомъ и высшими животными, оно состоитъ только въ степени, а не качествѣ **)».

«Едва ли можно сомнѣваться, что человѣкоподобное животное, владѣвшее настолько искусною рукою, чтобы бросать вѣрно камни или дѣлать изъ кремня грубое оружіе, могло, насколько дѣло состоитъ въ механической ловкости, дѣлать при достаточномъ упражненіи, почти тоже самое, что и цивилизованный человѣкъ. Устройство руки, въ этомъ отношеніи, можно сравнить съ устройствомъ голосовыхъ органовъ, которые у обезьянъ употребляются или для различныхъ сигнальныхъ кри-

---

*) Д. 1, с. 114. Отдаемъ полную справедливость такому безпристрастію мнимой обезьяны но человѣкъ-то, ученый человѣкъ, какъ можетъ съ такимъ презрѣніемъ смотрѣть на свои божественныя способности, и видѣть въ нихъ только случайное слѣдствіе какого-то естественнаго подбора! Не стыдно-ли ему передъ его обезьяною?

**) Ньютонъ, Дарвинъ, отличаются отъ обезьянъ только степенью своихъ умственныхъ способностей, а не качествомъ!! Качество не можетъ измѣниться: сладкое остается сладкимъ, кислое кислымъ, но степень по существу своему можетъ увеличиваться; почему же ни обезьяна, ни муравей, съ своими удивительными мозгами, нисколько не подвигаются впередъ, не умнѣютъ!

ковъ, или, какъ въ одномъ видѣ, для музыкальныхъ кадансовъ; тогда какъ у человѣка очень близкіе по устройству голосовые органы сдѣлались вслѣдствіе унаслѣдованныхъ вліяній, постояннаго упражненія, способными къ членораздѣльной рѣчи *)».

«Всѣмъ извѣстно, какъ силенъ материнскій инстинктъ, заставляющій даже робкихъ птицъ идти на встрѣчу большимъ опасностямъ, — хотя правда съ нѣкоторымъ колебаніемъ и борьбой противъ чувства самосохраненія. Не смотря на это перелетный инстинктъ такъ силенъ, что поздней осенью ласточки и стрижи часто покидаютъ своихъ птенцовъ, оставляя ихъ въ гнѣздахъ на произволъ мучительной смерти **)».

«Слѣдующее положеніе кажется мнѣ въ высокой степени вѣроятнымъ, — именно, что, всякое животное, одаренное ясно выраженными общественными инстинктами, должно роковымъ образомъ пріобрѣсти нравственное чувство или совѣсть, какъ только его умственныя способности достигнутъ такого-же, или почти такого же высокаго развитія, какъ у человѣка ***)».

«Я считаю необходимымъ заявить съ самаго начала, что я далекъ отъ мысли, будто каждое общежительное животное, умственныя способности котораго развиваются до такой дѣятельности и высоты, какъ у человѣка, пріобрѣтаетъ нравственныя понятія, сходныя съ нашими. Подобно тому, какъ всѣмъ животнымъ присуще чувство прекраснаго, хотя онѣ и восхищаются очень разнородными вещами, онѣ могутъ имѣть и понятіе о добрѣ и злѣ, хотя это понятіе и ведетъ ихъ къ поступкамъ совершенно противоположнымъ нашимъ. Если бы напримѣръ, — я намѣренно беру крайній случай, — мы были воспитаны въ совершенно тѣхъ

---

*) Д. 1, с. 154.

**) Д. 1, с. 89. Ну не есть-ли здѣсь доказательство противъ вашего утвержденія, будто человѣческія способности отличаются отъ животныхъ только въ степени, а не въ качествѣ? Неужели и здѣсь видите вы только степень, а не качество?

***) Д. 1, с. 74. Мало чего нѣтъ! Какъ только достигнутъ — да отъ чего же не достигаютъ?

условіяхъ, какъ улейныя пчелы, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наши незамужнія женщины, подобно пчеламъ-работницамъ, считали бы священнымъ долгомъ убивать своихъ братьевъ; матери стремились-бы убивать своихъ плодовитыхъ дочерей, и никто не подумалъ-бы протестовать противъ этого. (!?) Тѣмъ не менѣе пчела (или всякое общежительное животное) имѣла-бы въ приведенномъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, понятіе о добрѣ и злѣ или совѣсть. Въ самомъ дѣлѣ всякое животное должно имѣть внутреннее сознаніе, что одни изъ его инстинктовъ болѣе сильны и долговѣчны, а другіе менѣе; въ каждомъ должна иногда возникать борьба между этими инстинктами, и въ сознаніи должно оставаться удовольствіе или неудовольствіе при сравненіи прошлыхъ впечатлѣній, безпрерывно пробѣгающихъ въ умѣ. Въ этомъ случаѣ внутренній голосъ будетъ говорить животному, что лучше было-бы слѣдовать тому, а не другому инстинкту, должно было поступить такъ, а не иначе; это бы хорошо, а то дурно *).

Считаю не лишнимъ дополнить краткія замѣчанія о системѣ Дарвиновой выписками изъ статьи Писарева: «Прогрессъ въ мірѣ растеній и животныхъ», въ которой онъ мастерски изложилъ содержаніе перваго сочиненія Дарвинова «О происхожденіи видовъ **)»,— также съ своими замѣчаніями.

«Если мы возмемъ три формаціи, лежащія одна на другой, напримѣръ, силурскую, девонскую и каменноугольную, то мы увидимъ, что органическія формы средней эпохи, девонской, составляютъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ первѣйшихъ, силурскихъ формъ, къ болѣе новымъ каменноугольнымъ. — Это обстоятельство также можетъ быть объяснено только по идеямъ Дарвина. — Если всѣ органическія формы медленно и постепенно развивались изъ *общаго начала* ***), если каждая новѣйшая форма оказывается, въ буквальномъ смыслѣ слова, дочерью другой формы

*) Д. 1, с. 76. **) Сочиненія Д. Писарева т. VI, с. 97—279.

***) Общее начало, — ну, вотъ и опять вопросъ безотвѣтный: Что оно такое! Откуда? Когда и проч.

болѣе древней, если таким образомъ каждая геологическая эпоха составляетъ только отдѣльную сцену одной общей, громадной драмы, не перерывавшейся ни разу съ самаго своего начала *), — тогда понятно почему эти сцены находятся въ связи между собою, и почему, напримѣръ, вторая сцена служитъ переходомъ отъ первой къ третьей **)».

«Даже между царствами животнымъ и растительнымъ, которыя должны были отдѣлиться другъ отъ друга еще раньше, существуютъ нѣкоторыя промежуточныя формы, которыя никакъ не могли возникнуть послѣ того, какъ это раздѣленіе уже совершилось. Полипы очень долго считались растеніями, и только въ половинѣ прошлаго столѣтія окончательно перечислены въ категорію животныхъ, не смотря на то, что у большей части полиповъ до сихъ поръ не доказано существованіе нервной системы. — Губки очень недавно включались въ растительное царство, а теперь ихъ также перевели въ разрядъ животныхъ, хотя тутъ и рѣчи не можетъ быть о нервной системѣ. — Любопытно замѣтить, что эти промежуточныя формы, занимающія теперь самое низшее мѣсто въ царствѣ животныхъ, занимали также одно изъ низшихъ мѣстъ въ ряду растеній. — Эти живые остатки того недалекаго прошедшаго, когда органическая жизнь находилась въ зачаточномъ состояніи, и когда всѣ зародыши и всѣ родоначальники теперешнихъ безконечно разнообразныхъ типовъ, были похожи другъ на друга, и сливались между собою въ общемъ хаотическомъ броженіи, безцвѣтности и безформенности, — это выкидыши органической природы, оставшіеся въ живыхъ, не смотря на свою недодѣланность. — Очень понятно, что выкидышъ самаго высшаго животнаго менѣе развитъ въ своей организаціи, чѣмъ вполнѣ сложившееся животное низшаго разряда. — Поэтому и не трудно понять, что такія формы, какъ полипы и губки, всегда будутъ занимать послѣднее

*) А началась-то эта драма когда, какъ? и проч.
**) II. VI, 151.

мѣсто въ цѣпи органическихъ существъ, къ какому бы царству ни относили ихъ классификаторы *)».

«Встрѣчаясь съ разновидностями, намъ пришлось бы или предположить, что онѣ существуютъ отъ начала вѣковъ, или допустить, что онѣ выработались изъ одной *общей формы*, способной измѣняться **)».

«Всѣ разновидности, виды, роды, семейства, порядки и такъ далѣе, развились изъ одной общей формы посредствомъ той самой борьбы и того самаго выбора, которые въ настоящее время кажутся намъ слѣдствіями существующаго разнообразія. *Какая была эта общая, первобытная форма организма, этого никто никогда не узнаетъ* ***), — потому что та эпоха, когда зарождалась на нашей планетѣ органическая жизнь, не оставила, да и не могла оставить намъ рѣшительно никакихъ геологическихъ документовъ. — Въ пластахъ земной коры могли сохраниться только твердыя части организма, кости, раковины, дерево, а такой организмъ, который состоитъ изъ твердыхъ и мягкихъ частей, представляетъ уже очень развитое и сложное явленіе. — Такое явленіе никакъ не можетъ быть принято за исходную точку органической жизни, во первыхъ потому, что всѣ организмы безъ исключенія начинаютъ свое развитіе съ простой ихъ точки, въ которой, разумѣется, нѣтъ ни костей, ни раковинъ, ни дерева, а есть *только слизь, да тоненькая оболочка* ****). Стало быть, о первобытныхъ формахъ и объ исходной точкѣ органической жизни нечего и толковать, потому что гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ не можетъ быть ни научнаго изслѣдованія, ни даже серьезнаго разговора. — Тамъ ужъ пускай дѣйствуютъ поэзія и метафизика *****).

«Летучая рыба намѣкаетъ на возможность перехода отъ рыбы къ птицѣ, и напоминаетъ о тѣхъ страшно далекихъ временахъ, когда вся

---

*) ib c. 195. **) ib. c. 99.

***) Вотъ то-то и есть!

****) Вотъ онъ источникъ жизни, зародышъ природы! *****) Ib. c. 155.

наша планета была покрыта водою, когда главнѣйшими представителями органической жизни были моллюсками и хрящевыя рыбы, и когда эти рыбы, самыя совершенныя изъ тогдашнихъ живыхъ существъ, подъ вліяніемъ борьбы за жизнь *) и естественнаго подбора, стали постепенно перерождаться въ крылатыхъ гадовъ и въ птицеобразныхъ животныхъ, или вѣрнѣе, въ рыбообразныхъ птицъ. **)

«Всѣ приспособленія животныхъ къ ихъ теперешнему образу жизни выработались по немногу, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ видоизмѣненій. Водяное животное могло превратиться въ земное, ходячее— въ летучее, дневное — въ ночное, и такъ далѣе, причемъ, разумѣется, всѣ эти превращенія могли совершиться и на оборотъ.» ***)

«Черви были родоначальники насѣкомыхъ, подобно тому какъ рыбы были родоначальниками пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. ****)

«По словамъ Дарвина, можно было бы наполнить цѣлыя страницы доказательствами, что вымершія животныя занимаютъ середину между нынѣ живущими группами. И особенно интересно то обстоятельство, кто всѣ эти доводы можно цѣликомъ заимствовать изъ сочиненій великаго полеонтолога Оуэна, который на теорію Дарвина смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Другой первокласный ученый, Боррандъ, также горячій противникъ Дарвиновскаго легкомыслія, говоритъ, что безпозвоночныя животныя прошедшихъ геологическихъ періодовъ принадлежатъ къ однимъ порядкамъ, семействамъ и родамъ съ нынѣ живущими, но не были въ тѣ времена разграничены на такія рѣзкія группы, какъ нынѣ.» *****)

«Группы близкихъ между собою видовъ составили въ былое время одну общую форму; а эта общая форма образовала въ прошедшемъ

*) Вотъ было морское сраженіе-то! Надо вѣдь предположить для этой борьбы всемірное пространство наполненнымъ, а еслибъ было не полно, такъ борьбы не могло бы и быть, потому что разгуляться рыбамъ было гдѣ.

) 1. c. 194. *) Ib. c. 175. Тверды же основы системы! ****) Ib. c. 266. *****) Ib. c. 250

одинъ видъ, и связывалась съ другими видами въ родовыя и семейныя группы, которыя всѣ вмѣстѣ въ болѣе отдаленную эпоху имѣли своимъ родоначальникомъ также одну форму, еще болѣе общую; и такимъ образомъ, переходя постоянно отъ частнаго къ общему, къ болѣе общему, и къ еще болѣе общему, мы дойдемъ наконецъ до того предѣла, гдѣ кончаются геологическіе документы, и гдѣ слѣдовательно начинается *темное царство*, поэзіи и метафизики—Туда ужъ мы не пойдемъ. *)

«Дробленіе формъ на новыя формы составляетъ въ жизни природы необходимое явленіе. — Когда дробленіе началось, тогда крайнія формы одерживаютъ перевѣсъ надъ промежуточными, и стремятся сдѣлаться болѣе крайними. — Такимъ образомъ, легкія и индивидуальныя особенности даютъ начало прочнымъ разновидностямъ; разновидности, постоянно удаляясь другъ отъ друга, превращаются въ отдѣльные виды, дробятся и становятся родовыми группами; въ родовой группѣ крайніе виды развиваются обыкновенно лучше среднихъ; средніе уничтожаются; изъ одной родовой группы, вслѣдствіе этого выпаденія среднихъ видовъ, образуются двѣ отдѣльныя группы, которыя вмѣстѣ составляютъ семейство. — И этотъ процессъ развѣтвленія идетъ все дальше и дальше: *проходятъ милліоны лѣтъ*, *милліоны вѣковъ*, *милліоны тысяче-лѣтій*; одни отдѣлы разростаются и дробятся, другіе слабѣютъ и уничтожаются; исчезаютъ независимо цѣлыя семейства, порядки и классы, и наконецъ получаются тѣ безконечно-разнообразныя и рѣзко очерченныя формы, съ которыми въ настоящее время никакъ не умѣютъ справиться классификаторы.» **)

«Во всей органической природѣ нѣтъ ничего неизвѣстнаго, кромѣ тѣхъ общихъ законовъ, ***) которыми управляется вся матерія.» ****)

«Непобѣдимая и роковая сила вещей... вездѣ одна и таже; она дѣйствуетъ и на скотномъ дворѣ англійскаго сквайра, и въ дѣвственномъ

*) Ib. c. 156. **) Ib. c. 164. ***) Кто же далъ эти общіе законы? Откуда же явились никогда зачались? ****) Ib. c. 100.

лѣсу тропической Америки, въ развалившейся клѣткѣ русскаго мужика, и въ холодной глубинѣ полярнаго океана. — Законъ тяготѣнія управляетъ движеніемъ тѣхъ частицъ жира, которыя поднимаются на поверхность вашего супа, и тотъ-же законъ господствуетъ надъ тѣми тысячами міровъ, которые представляются нашимъ сильнѣйшимъ телескопамъ въ видѣ неясныхъ туманныхъ пятенъ. А законъ тяготѣнія отличается отъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается развитіе органической жизни, только тѣмъ, что послѣдніе гораздо сложнѣе перваго, и гораздо менѣе изслѣдованы. Но всѣ *законы природы*, простые и сложные, изслѣдованные и не изслѣдованные, физическіе или психологическіе, одинаково непоколебимы, одинаково не терпятъ исключеній, потому что всѣ они одинаково вытекаютъ изъ необходимыхъ свойствъ *безпредѣльнаго міроваго вещества.*» *)

«Цѣль естественныхъ наукъ никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія, словомъ *все то, что мы называемъ жизнью.* **) Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе. ***) Если вы думаете, что Фохтъ, Молешотъ, и другіе подобные имъ имѣютъ міросозерцаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто настолько сильны умомъ, что откинули всѣ бредни, ****) которыми наслаждались, а подъ-часъ и пугали себя (?) окружающіе ихъ взрослые дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами. Они рѣшились каждую вещь брать въ руки, осматривать, класть ее подъ микроскопъ, опускать въ кислоту,

---

*) Ib, c. 127. Безпредѣльное міровое вещество! — Оно понятно г. Писареву, который на немъ и успокоивается!

**) Пожалуй, такъ, разумѣя подъ этою низшею жизнь тѣлесную, вещественную. — Но есть еще другая жизнь, жизнь духовная, которая имѣетъ свои требованія. Несчастный юноша думалъ, что кромѣ естественныхъ наукъ другихъ не существуетъ, и существовать не должно!

***) Для естествоиспытателя мастероваго, но не для мыслящаго, одушевленнаго человѣка.

****) Какія же бредни?

и потомъ сообщать публикѣ описанія своихъ опытовъ съ рисунками и чертежами; какъ люди, способные работать мозгомъ, они конечно видѣли нѣкоторую связь между наблюдаемыми явленіями, и даже старались находить эту связь, располагая свои наблюденія въ извѣстной послѣдовательности; общихъ результатовъ они не нашли еще, потому-ли, что *ихъ вовсе нѣтъ* (!!), или же потому, что фактическая часть науки еще малоизвѣстна; какъ-бы то ни было, по своей теоріи міра они не построили, и въ этомъ, вообразите себѣ, и *состоитъ величайшая ихъ заслуга* *)

«Мы все еще сильно заражены наклонностью къ натурфилософіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, *основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка, и прочей дребедени*, **) которая смущаетъ даже многихъ спеціалистовъ и мѣшаетъ имъ обращаться, съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножемъ.» ***)

«Если все это не одно чистое шарлатанство, что предположить какъ-то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи—остатокъ средневѣковой методы восходитъ къ *началу всѣхъ началъ*, когда знаешь факты изъ пятаго въ десятое, и когда почва еще колышется подъ ногами.»

«Изучая природу, вы имѣете дѣло съ слѣпыми силами, но съ силами громадными, постоянно дѣйствующими, которыя не подадутся для васъ ни вправо, ни влѣво. — Управлять вы ими можете, но для этого вы должны знать ихъ, а не составлять себѣ объ нихъ произвольныя теоретическія понятія.»

«Каждая естественная наука имѣетъ свои практическія приложенія; отъ степени развитія этихъ практическихъ приложеній зависитъ вся наша жизнь; самохраненіе, удобства жизни, наслажденія — все это воз-

---

*) Ib. c. 3.

**) Вотъ до чего договаривается дерзкое невѣжество!

***) Ib. c. 2.

можно только при знаніи все окружающей природы, тутъ ужъ на теоріи далеко не уѣдешь.» *)

«Въ природѣ совершаются или могутъ совершаться тысячи мельчайшихъ явленій, которыя то здѣсь, то тамъ доставляютъ одной изъ сражающихся сторонъ перевѣсъ надъ другою; многія изъ этихъ явленій, по тѣмъ или другимъ неизвѣстнымъ причинамъ, могутъ остаться первыми звеньями такой цѣпи событій, которая потянется чрезъ длинный рядъ столѣтій, уничтожитъ множество существующихъ породъ, и создастъ на ихъ мѣсто множество видоизмѣненій». **)

Приводя это мнѣніе, Писаревъ замѣчаетъ, «что очень немногіе люди, и притомъ только самые замѣчательные, способны просто и откровенно сказать: «не знаю», и что эта превосходная способность начала развиваться у мыслящихъ людей только въ очень недавнее время.» ***)

Дай Богъ, чтобъ эта способность развилась у насъ какъ можно больше и успѣшнѣе.

Въ странныя противорѣчія можетъ впадать человѣкъ! Писаревъ требуетъ отъ чистаго сердца благоговѣйнаго вниманія къ самымъ мелкимъ явленіямъ въ природѣ, и въ тоже время глумится надъ высочайшими задачами и вопросами человѣка!

Если вы привѣтствуете,—и очень хорошо дѣлаете, съ великимъ почтеніемъ людей, которые говорятъ: «не знаю» о мельчайшихъ явленіяхъ, то какъ въ тоже время вы осмѣливаетесь говорить: «знаю» и утверждать или отрицать высочайшія истины? Съ какимъ духомъ, напримѣръ, вы произносите такого рода нелѣпость: «въ природѣ нѣтъ и никогда не было цѣльныхъ и крупныхъ явленій?» ****)

Ну, да происхожденіе-то природы, начало вашего вещества, возникновеніе жизни,—что-же это? Неужели не цѣльное и не крупное явленіе?

Какое явленіе цѣльнѣе и крупнѣе видите вы изъ вашихъ трущобъ?

---

*) А вы несчастные, куда доѣхали! Все таки это относится къ тѣлу, а не къ душѣ.
) Ib. с. *) Ib. с. 136. ****) Ib. с. 317.

Вы изслѣдуете такія-то мелкія явленія, ну и объявляйте о нихъ свое мнѣніе, объ ихъ отношеніяхъ къ ближайшимъ явленіямъ, а что касается до первыхъ основныхъ вопросовъ, приложите печать молчанія на уста свои.

Вы заставляете человѣка заниматься тщательно изслѣдованіемъ о вліяніи такого-то червячка на сосѣднее растеніе, и запрещаете ему наблюдать, изучать самого себя—есть ли тутъ смыслъ?

Вы глумитесь надъ 23-хъ лѣтнимъ Карамзинымъ, за чѣмъ онъ, приведенный въ восторгъ прекраснымъ видомъ въ Швейцаріи, записалъ у себя въ дневникѣ «прекрасная природа и проч.,» вы не позволяете наслаждаться видами природы (слѣдоват. и пейзажи Пуссеня, Рюисдаля, Айвазовскаго, отдаете въ придачу съ Пушкинымъ къ Шекспиру за пару сапоговъ),—ну есть ли тутъ смыслъ?

На брань слово купится: не учинить-ли намъ такую мѣну съ вами, разумѣется не на систему Дарвина, а на ваши приложенія къ ней, на ваши разсужденія объ ней?

А что касается до ея изложенія по книгѣ «О происхожденіи видовъ», то надо согласиться, что Писаревъ исполнилъ это мастерски: живо и ясно.

Такой легкости въ изложеніи подобныхъ случаевъ встрѣтишь рѣдко и уфранцузовъ. Изложеніе было какъ-бы продолженіемъ его университетскихъ занятій, кои назначались ему профессорами, напр., отчета о системѣ Гумбольта и проч.

Онъ показалъ въ этомъ случаѣ свой талантъ, очень замѣчательный, но, въ самоосклабленіи, *) вздумалъ самъ судить и рядить о высшихъ

---

*) Мнѣ попалось подъ перо это слово, о происхожденіи котораго кстати сдѣлать примѣчаніе.—Въ 30-хъ годахъ выходилъ въ Москвѣ журналъ «Московскій Наблюдатель,» занявшій мѣсто Московскаго Вѣстника.—Редакторомъ былъ В. П. Андросовъ, человѣкъ очень умный и острый, имѣвшій о Статистикѣ понятія, неуступающія нынѣшнимъ.—Журналомъ заниматься ему стало скучно на другой или третій годъ; изъ сотрудниковъ принадлежавшихъ прежде къ Московскому Вѣстнику, одни оставили Москву, другіе при-

человѣческихъ задачахъ, и, разумѣется, дошелъ до нелѣпостей, какъ мы видимъ выше.

Писареву въ образованіи вѣроятно предстояло еще много метаморфозъ если-бъ онъ не погибъ преждевременно.

Надо сожалѣть, что другіе несчастные юноши, не имѣя его таланта, остановились на его парадоксахъ, и начали колобродить не только словомъ, но и дѣломъ.

О разборѣ Дарвиновой системы.

(Письмо естествоиспытателя).

М. Г. М. П. Вы желаете непремѣнно, чтобы я подробно и откровенно высказалъ вамъ, почему мнѣ было такъ прискорбно видѣть ваше рѣшеніе напечатать написанныя вами замѣтки о Дарвинѣ, почему отъ напечатанія ихъ я вижу только вредъ, и не надѣюсь ни на какой полезный результатъ.

Я васъ глубоко уважаю, а по моему уваженіе къ человѣку всего лучше выражается и доказывается тѣмъ, что ему говорятъ правду. Простите же невольную рѣзкость моихъ словъ за то, что мотивомъ ихъ служитъ правда, и уваженіе этой правды въ васъ. Можетъ быть, я ошибаюсь въ нашемъ сложномъ вопросѣ, но ошибаюсь правдиво, т. е. съ полнымъ убѣжденіемъ и не вслѣдствіе минутнаго только увлеченія. Призовите же свое безпристрастіе историка и выслушайте дружелюбно и нелицепріятно мнѣніе, прямо противоположное вашему, хотя бы оно шло только отъ ученика учениковъ вашихъ.

Итакъ начинаю. Въ прошломъ письмѣ я выразилъ слѣдующія мысли:

нялись за свои дѣла, и Андросовъ затруднялся въ изданіи. Явились другіе охотники взять на себя изданіе, и онъ передалъ журналъ молодой редакціи, которую составили Бѣлинскій, Бакунинъ, Кудрявцевъ и проч. Андросовъ говорилъ объ нихъ: прежнихъ своихъ сотрудниковъ я никакъ не могъ привести въ движеніе, а на этихъ удержу нѣтъ! Первая книжка открылась статьею Бакунина о философіи, которой никто не понималъ, начиная съ автора, и которая прославилась тогда въ Москвѣ именно этимъ словомъ, часто въ ней употребленнымъ: самоосклабленіе!

1) что вы стоите на ошибочной, какъ мнѣ кажется, точки зрѣнія относительно Дарвина; во 2) что, желая написать критику на ученіе Дарвина и указать его слабыя стороны, вы написали только каррикатуру на него, и въ 3) что, для отдѣленія доказаннаго и вѣрнаго отъ гипотетическаго и шаткаго въ ученіи Дарвина, нужно быть естественникомъ, нужно спеціально знать ходъ естественно-историческихъ изслѣдованій, нужно быть знакомымъ съ методомъ, задачами и цѣлями естествознанія не по популярнымъ только сочиненіямъ, но по изученію самой науки, самой природы. Въ виду этихъ соображеній я высказалъ желаніе не видѣть вашей статьи въ печати. «Избави Богъ отъ каррикатуры» сказали вы на это; «я лучше разорву свое сочиненіе, чѣмъ подамъ имъ поводъ къ каррикатурѣ въ научныхъ такой важности вопросахъ». Вы захотѣли имѣть болѣе подробныя данныя, на коихъ я основываю свое мнѣніе, и я исполняю вашу волю, хоть съ нѣкоторымъ насиліемъ съ своей стороны: полезно спорить о Дарвинѣ можно только въ спеціальномъ изслѣдованіи, въ сочиненіи, основывающемся на новой разработкѣ массы фактовъ. Въ общихъ же чертахъ исписали столько по поводу Дарвина, и въ особенности противъ него, столько разъ проводили въ сотняхъ сочиненій одни и тѣ же доводы за и противъ, что всѣмъ, слѣдившимъ за Дарвиновскою литературою, всѣ эти споры набили оскомину, подбавлять которую, или возбуждать ее снова въ себѣ, мнѣ всегда крайне не хотѣлось. Кто не писалъ о Дарвинѣ, и чего только не написано, но путнаго, основательнаго и новаго встрѣтишь врядъ ли въ одномъ процентѣ между всею этою грудою печатныхъ листовъ. Неужели же и нашъ дорогой Михаилъ Петровичъ прибавитъ нѣсколько листовъ къ этой печальной исторіи толченія воды, и притомъ по доброй волѣ, а не по журнальному наряду. Эта мысль такъ мнѣ не нравится, что я, никогда не писавшій длиннѣйшихъ писемъ, а тѣмъ болѣе по Дарвиновскому вопросу, рѣшился сдѣлать отступленіе отъ принятаго разъ навсегда правила, и досадить вамъ своею оппозиціею, которая, вѣроятно, я это чувствую, останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Все, написанное вами о Дарвинѣ, идетъ въ разрѣзъ со всею тою задачею, которую вы преслѣдуете: 1) какъ человѣкъ науки, 2) какъ историкъ, 3) какъ философъ, 4) и какъ религіозный вполнѣ человѣкъ. Простите это смѣлое слово, но прочтите нижеслѣдующіе пункты и положите рѣшеніе.

1) Какъ человѣкъ науки, вы даете вашею статьею возможность бросить комомъ въ науку невѣжеству, и это вотъ почему: форма, содержаніе написаннаго вами о Дарвинѣ можетъ дѣйствовать только на малообразованныхъ, на людей, черпающихъ свои убѣжденія относительно естествовѣденія изъ общедоступныхъ книгъ, написанныхъ даже не естествоиспытателями. Всякаго, хотя нѣсколько знакомаго съ критическимъ методомъ порядочныхъ популярныхъ сочиненій по естествознанію, ваша статья не только не убѣдитъ, но и не удовлетворитъ. Остаются слѣдовательно тѣ, которые или никогда ничего путнаго не слыхали объ естествознаніи, или же слышали изъ такихъ источниковъ, по которымъ естествознаніе считается наукою прямо ведущею къ аду, въ которыхъ она отождествляется съ матеріализмомъ и всякими вредными измами, на которыя падко наше время, кричащее такъ много о развитіи науки, но въ дѣйствительности имѣющее сильныя поползновенія заставить говорить науку не то, что она послѣдовательно вырабатываетъ, а то только, что сказать полезно съ точки зрѣнія во все не научной, а иной... Въ это ли, не установившееся, относительно научныхъ вопросовъ и изысканій, время маститому историку правды русской бросать насмѣшкою въ попытку человѣка геніальнаго, добросовѣстнаго, въ дѣйствительности вовсе не матеріалиста? Въ это ли время, заподозрѣвать геніальнаго представителя естествознанія передъ толпою, незнакомою съ наукою вообще и естествознаніемъ въ частности, и давать ей орудіе противъ науки вообще? Ваши доказательства вреда Дарвинизма бьютъ не на мыслительныя способности, а на чувства, и чувства глубоко почтенныя. [illegible] но развѣ исторія не показывала вамъ случаевъ, когда [illegible] чувства, возбужденныя по видимому съ хорошею

цѣлію, въ толпѣ мало подготовленной, мало знающей, возбуждали варварскія проявленія? Развѣ не этими высшими человѣческими чувствами играетъ католицизмъ въ борьбѣ со всякимъ человѣческимъ знаніемъ, со всякою человѣческою правдою? Разбить идолъ предъ толпою бываетъ полезно, еще полезнѣе доказать суевѣріе и обманъ въ почитаніи идола; мнѣ кажется, что, возставая противъ Дарвина и его ученія, вы именно убѣждены, что возстаете противъ такого идола, являющагося со стороны науки въ новомъ матеріалистическомъ ученіи; вы желаете его разбить передъ толпою, показать его ложность, суетность, недостаточность. Это было бы хорошо, если бы то, противъ чего вы возстаете, имѣло дѣйствительно только значеніе идола вреднаго и ложнаго, и если бы кромѣ того молотъ, которымъ вы намѣреваетесь разбить идола, былъ самъ крѣпокъ, и былъ крѣпокъ въ вашихъ рукахъ. И относительно идола врядъ ли достигли бы вы цѣли, если бы для достиженія цѣли ограничились только тѣмъ, что надѣли бы на него смѣшной колпакъ, и привѣсили бы нѣсколько бубенчиковъ. Но пристало ли серьезному ученому передъ толпою одѣвать философскую попытку въ смѣшной костюмъ и давать ей въ руки комъ для бросанія въ нее? Что если нѣсколько человѣкъ отъ вашей статьи засмѣются не надъ шаткими сторонами частной теоріи, а надъ наукою и знаніями вообще: пріятенъ ли вамъ будетъ этотъ результатъ, какъ представителю науки?

2) Какъ историку, теорія Дарвина вамъ не должна бы казаться чѣмъ-то случайнымъ, съ неба свалившеюся, знаменіемъ нашего времени. Нова только форма нѣкоторыхъ формулъ, но не нова суть дѣла. Вамъ какъ и всякому, слѣдившему за холодомъ знанія вообще, даже внѣ сферы собственно естественныхъ наукъ, хорошо извѣстно, что весь быстрый прогрессъ науки, въ нынѣшнемъ столѣтіи, и въ особенности въ послѣднее десятилѣтіе, объясняется тѣмъ, что ученые, отбросивъ предвзятыя идеи относительно результатовъ своихъ изслѣдованій, просто изучаютъ факты, и стремятся найти необходимую послѣдовательность и связь между ними. Порядокъ и законъ найденъ наукою даже въ такихъ явле-

ніяхъ, которыя съ перваго раза кажутся совершенно случайными, произвольными. Облака, вѣтры, температура, для науки не случайныя явленія, но подчинены строгимъ законамъ. Извѣстная правильность, извѣстный законъ замѣчается въ числѣ рожденій, въ числѣ смертности, въ числѣ половъ, даже въ числѣ писемъ, отправленныхъ безъ адреса, и въ числѣ самоубійствъ. При такомъ направленіи всѣхъ наукъ, овладѣть представляющимися имъ фактами на столько, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ изслѣдованій, предметомъ мысли, тоже стремленіе должно было развиться и въ наукахъ органическаго міра. Человѣкъ образованный отъ человѣка необразованнаго отличается тѣмъ, что въ то время, какъ послѣдній только поражается страхомъ или восторгомъ предъ какимъ-нибудь явленіемъ, не стремясь логически, научно связать наблюдаемое явленіе съ другими ему сродными или сопричинными, первый, т. е. образованный, ищетъ смысла явленія, его причину, его законъ. Если [illegible] образованный человѣкъ, то каждая наука тѣмъ болѣе должна [illegible], причинности и законности въ тѣхъ явленіяхъ, ко[illegible] составляютъ ея сущность. И біологія подчиняется этому и ищетъ [illegible] закона въ своихъ явленіяхъ. Наука выработала, что не[illegible] управляются такими строгими законами, что они доступны [illegible] вычисленію, ихъ можно предсказывать. Геологія, въ теоріи [illegible], показала, что ходъ образованія земной коры подчи[illegible] правильнымъ, въ извѣстномъ смыслѣ строго математиче[illegible]. Физика и Химія на нашихъ почти глазахъ подвела [illegible] всѣ свои главнѣйшія явленія, и сдѣлала ихъ вполнѣ [illegible] достояніемъ, т. е. достояніемъ Логики, мысли, а не сердеч[illegible] умиленій. Физіологія, когда обратилась къ ножу, ми[illegible], и позабыла умиляться жизненною силою, стала бы[illegible] могущество и силу дѣйствительнаго знанія, и эта сила [illegible] болѣе по мѣрѣ того, какъ большая и большая часть [illegible] въ область числа, мѣры, вѣсовъ и математической [illegible] Статистика, съ легкой руки Кетле, даетъ доказательство

закона въ соціальныхъ явленіяхъ, въ той сферѣ, которая кажется совсѣмъ случайною, произвольною. Всѣ эти факты вамъ хорошо извѣстны, какъ историку, изучающему ходъ развитія знанія и цивилизаціи. По этому естественно было ожидать, что, основываясь на своемъ глубокомъ знаніи Исторіи, на знакомствѣ съ современнымъ состояніемъ научнаго метода, идущаго все болѣе и болѣе расширяющимся потокомъ чрезъ всѣ науки, касаются ли онѣ природы или человѣка, или общества, вы сдѣлаете такое заключеніе: вездѣ анализъ, математическій методъ, изысканіе естественныхъ законовъ, быстро двинуло знаніе, и только оно одно сдѣлало его истиннымъ знаніемъ. До настоящаго времени только одна наука объ органическихъ формахъ, только Ботаника и Зоологія, стоятъ какимъ-то бѣльмомъ въ стройномъ ряду другихъ наукъ; только въ нихъ — что ни форма, то и отвѣтъ: не знаю. Только у нихъ—что ни явленіе, то загадка; у нихъ даже курица сама по себѣ, а пѣтухъ самъ по себѣ. Міръ, громадныя небесныя тѣла, образуются, движутся, измѣняются по опредѣленнымъ, величественнымъ по своей простотѣ законамъ, доступнымъ не только нашей мысли, но даже нашему вычисленію, а всякій грибъ, всякая водоросль, всякая блоха, въ своей исторіи являются случайностію, необъяснимостію. Очевидно, сказалъ бы историкъ, такое отношеніе науки къ органическимъ тѣламъ не нормально, оно вызывается нашимъ недоразвитіемъ. Но теперь, когда первоначальныя науки, необходимыя для выясненія явленій органической жизни, окрѣпли, заручились несомнѣнными законами, необходимо долженъ явиться въ наукѣ вопросъ и о томъ, по какому естественному закону связаны другъ съ другомъ органическія формы, въ какомъ отношеніи стоятъ нынѣ живущія формы къ ископаемымъ, исчезнувшимъ. Весьма естественно было бы и слѣдующее ваше предсказаніе, какъ историка: такъ какъ на органическія формы можно смотрѣть или какъ на появившіяся раздѣльно другъ отъ друга на землѣ, или же какъ на естественно развившіяся однѣ изъ другихъ; такъ какъ первое начало исключительно до сихъ поръ господствовало въ наукѣ, и такъ какъ Зоологія

и Ботаника его эксплуатировали до дна, и дошли только до ревизской сказки организмовъ, именуемой систематикой, и въ своихъ попыткахъ выше табели о рангахъ въ классификаціи не выработали, то естественныя науки сдѣлаютъ поворотъ: онѣ станутъ разработывать иную возможную точку зрѣнія, и посмотримъ, не будутъ ли съ нею счастливѣе. Такой поворотъ тѣмъ неизбѣжнѣе, что наука и прежде обращалась къ этой точкѣ зрѣнія въ трудахъ Ламарка и др. и предчувствовала въ ней иной путь, но не могла вступить на него потому, что не было средствъ пропитанія на пути, не было достаточнаго числа фактовъ, не было необходимыхъ, подготовительныхъ свѣдѣній. Такою неизбѣжною для науки попыткою и является теорія Дарвина. Для васъ, какъ для историка цивилизаціи и науки, она должна бы являться необходимостью, естественнымъ шагомъ развитія, періодомъ, который *должна* прожить наука, и необходимо переживетъ, и тѣмъ болѣе впадетъ въ крайности, чѣмъ болѣе лицъ будутъ вызывать реакцію статьями и отзывами о Дарвинѣ подобно написаннымъ вами.

3) Какъ отъ человѣка, знакомаго не по слуху только съ Философіею, странно слышать отъ васъ боязнь отъ Дарвиновскаго ученія и отъ обезьяны, имъ опоэтизированной. Боязнь предъ научнымъ изслѣдованіемъ понятна въ Папѣ и его дѣтищахъ, которыя боятся даже Библіи для простонародія. Для нихъ свалить вину на Дарвина, да на обезьяну, дѣло подходящее, потому что не самимъ же признаваться, что антикатолицизмъ выращивается ими, а не біологами. Да, при непогрѣшимости и всевѣдѣніи, дѣйствительно должны казаться странною продерзостью и опаснымъ вредомъ попытки искать объясненій причинъ явленій въ наукѣ, а не въ силлабусѣ. Но вѣдь у насъ, Русскихъ, слава Богу, нѣтъ тѣхъ причинъ пугаться такъ, какъ пугаются католическіе духовные, не пастыри, а полиціймейстеры. Мы можемъ смотрѣть спокойно на изслѣдованіе природы, если, хотя нѣсколько, съ философской точки зрѣнія посмотримъ на то, что дѣлается у другихъ. Во Франціи исторія Дарвина не принялась; даже въ академіи наукъ онъ наслушался за свое

сочиненіе такихъ эпитетовъ, какихъ вы, по мягкосердечію вашему, никогда ему не дадите: нигдѣ у Дарвина нѣтъ столькихъ противниковъ, какъ во Франціи, но гдѣ же матеріализмъ и антирелигіозность въ полномъ смыслѣ слова такъ господствуютъ, какъ во Франціи, въ церквахъ которой вы видите только женщинъ и дѣтей? Посмотрите теперь на Англію, гдѣ Дарвинъ печатаетъ свое сочиненіе, и гдѣ въ нѣсколько дней раскупаются его сочиненія: тамъ вѣдь его ученіе никакого матеріалистическаго движенія не произвело, за исключеніемъ пущенной газетами утки о томъ, что одинъ человѣкъ бросился въ Темзу съ отчаянія, убѣдившись, что онъ происходитъ отъ обезьяны. Посмотрите на Германію: тамъ были и Штраусы и Бюхнеры и переводы Дарвина; Нѣмцы читали и все оставались католиками, пока Папѣ не вздумалось провозгласить себя Богомъ. Припомните изъ недавняго прошлаго: отпѣтые матеріалисты выходили ли изъ медиковъ и изъ естественниковъ, или же изъ семинаристовъ (у насъ), и адвокатовъ и философовъ, т. е. занимающихся утилитарными науками (за границею)? Не забудьте также того факта, что въ духовныхъ академіяхъ на первыхъ семестрахъ, при началѣ философскаго изученія, студенты заражаются временно критицизмомъ, матеріализмомъ, и что это скоро уступаетъ другому настроенію, глубоко религіозному, и тѣмъ болѣе крѣпкому, чѣмъ оно сознательнѣе выработано, послѣ борьбы и размышленій.

Много ли изъ думавшихъ и естественно развивающихся не переживало внутри себя періода религіозныхъ сомнѣній, колебаній, и много ли осталось навсегда матеріалистами? Остались тѣ, повѣрьте, у кого въ организаціи мясо и кровь на столько преобладаютъ, что они были бы матеріалистами и безъ всякихъ Бюхнеровъ и Дарвиновъ. У насъ много напускающихъ на себя религіозный индиферентизмъ, дѣлающихъ себѣ изъ него родъ украшенія; но присмотритесь къ нимъ поближе, и вы разубѣдитесь въ ихъ безучастности къ религіи. Наконецъ припомните, что лучшее средство для распространенія чего либо вреднаго, это кри-

чать объ опасности его и проповѣдывать запрещеніе: тогда на вѣрное вы поспособствуете распространенію.

Ученіе Дарвина, хотя бы объ обезьянѣ, или вѣрно, или же нѣтъ. Если оно вѣрно если оно основано на фактахъ, *и будетъ безспорно доказано фактами*, то, что бы вы ни дѣлали, оно станетъ господствовать. Если же оно увлеченіе, то наука сама вымететъ его, сама найдетъ такія доказательства, противъ которыхъ не устоять ему.

Посмотрите, какъ смотрятъ истинные естествоиспытатели на мысль Дарвина, считаютъ ли они ее на столько же доказанною, какъ вращеніе земли вокругъ солнца? Нѣтъ; они берутъ ее, какъ одну изъ возможныхъ гипотезъ, и всячески изучаютъ ее на фактахъ. Они усиленно отыскиваютъ ее слабыя стороны. Дайте же, какъ философъ, окончиться этому критическому труду; отнеситесь съ уваженіемъ къ необходимой попыткѣ въ естествознаніи Дарвинова ученія, и не передавайте въ легкой формѣ насмѣшливыхъ замѣтокъ на униженіе и посмѣяніе строго научную и философскую попытку человѣческаго ума, и ума геніальнаго, на разтерзаніе тѣмъ, которые не обладаютъ ни достаточнымъ знакомствомъ съ научными изслѣдованіями и требованіями, ни достаточною подготовкою, чтобы быть судьями дѣла.

4) Странно видѣть у васъ именно то раздраженіе, которое высказываете вы противъ сочиненія Дарвина съ религіозной точки зрѣнія: странно также, что вы требуете отъ научнаго сочиненія формы акаѳиста, или богословскаго упражненія. вамъ бы все хотѣлось, чтобы все естествознаніе писалось въ духѣ Бриджватеровскихъ трактатовъ, или по любимому рецепту англійскихъ популярныхъ сочиненій, вездѣ кстати и кстати умиляющихся чудесностями явленій. Такая форма, какъ показываетъ Исторія, всего болѣе способна повести къ реакціи; научныя же изслѣдованія, по тому-же показанію, не вредятъ религіозному чувству. Вспомните, что религія не пошатнулась ни на іоту, ни отъ того, что земля стала по наукѣ обращаться вокругъ солнца, ни отъ того, что весь звѣздный міръ подчинился математической формулѣ въ своихъ

движеніяхъ; ни отъ того, что Геологія показала громадную продолжительность явленій, содѣйствовавшихъ образованію земли. Когда всѣ эти научные результаты появлялись впервые, то казалось, что съ принятіемъ ихъ подрывается авторитетъ священныхъ преданій, а сколько книгъ, не только что замѣтокъ, написано было въ предостереженіе невинныхъ сердецъ отъ принятія этихъ ложныхъ научныхъ ученій, этихъ стремленій наукъ къ возбужденію невѣрія; дѣло не ограничивалось только книгами и брошюрами, а иногда соединялось съ темницею, пыткою и анаѳемою. И не странно ли, не жалко ли намъ смотрѣть теперь на эти опасенія, на эти элегіи? Теперь и въ духовныхъ академіяхъ учатъ объ обращеніи земли вокругъ солнца, теперь о геологическихъ періодахъ спокойно, научно, критически, и безпрестанно пишутъ и читаютъ лекціи и богословскіе авторитеты. Имѣете ли вы основаніе предполагать, что и изъ теоріи Дарвина въ окончательной ея формѣ не выработается такихъ-же простыхъ, ясныхъ данныхъ, относительно біологическихъ формъ, какія выработали Геологія и Астрономія по предметамъ своихъ изслѣдованій, съ которыми вы тоже помирились съ религіозной точки зрѣнія, какъ помирились съ неподвижностью солнца? И это будетъ непремѣнно. Наука имѣетъ идеаломъ истину, религія ее своею основою; если наука окончательно выработала истину, то эта истина непремѣнно окажется какъ результатъ, какъ частное истина религіознаго изученія, но дайте только наукѣ свободу дойти до этого, помогите ей серьезнымъ изслѣдованіемъ, а не насмѣшкою.

Вспомните, какую борьбу выдержали и Библія и Евангелія, какія ученія противуположныя имъ не разбились объ этотъ несокрушимый и неистощимый источникъ мудрости; ихъ ли вліянію можетъ принести вредъ появленіе новой теоріи, когда они пережили ихъ, можетъ быть, болѣе сотни тысячъ? Я знаю, что вы мнѣ на это возразите. Вы скажите, что вы боитесь не за религію, а за тѣхъ малыхъ, которые увлекутся ложнымъ ученіемъ и отклонятся отъ свѣта. Не бойтесь, Михаилъ Петровичъ, и не бойтесь именно по твердой увѣренности въ истинѣ

Прежде всего, замѣчу Вамъ, съ Вашею же искренностью, что Вы увлеклись частностями въ моемъ разборѣ, соблазнились отдѣльными выраженіями, слишкомъ огорчились мнимымъ неуваженіемъ къ любимому писателю, и, читая полемическій конецъ, забыли неутральное начало, отъ чего письмо Ваше и составилось, извините, изъ сплошныхъ недоразумѣній.

Все, написанное мною о Дарвинѣ, пишете Вы ко мнѣ, «идетъ въ разрѣзъ съ тою задачею, которую я преслѣдовалъ, 1, какъ человѣкъ науки, 2, какъ историкъ, 3, какъ философъ, 4, какъ религіозный вполнѣ человѣкъ».

Мнѣ стоитъ только привести къ одному знаменателю мысли, разсѣянныя въ моемъ разборѣ и въ Вашей статьѣ о предметахъ нашей бесѣды, и всѣ тяжелыя обвиненія по четыремъ пунктамъ, смѣшиваемымъ впрочемъ между собою, разсѣются какъ дымъ; филиппика потеряетъ смыслъ и самое имя за неимѣніемъ филиппа, то есть, предмета обороны.

Отвѣчаю по первому пункту. Въ началѣ моего разбора сказано:

«Кто прочтетъ книгу Дарвина, за того я спокоенъ; наука, тщательно и искренно изучаемая, вреда принести не можетъ, и всякое чистое стремленіе къ ней вознаграждается рано или поздно, и приноситъ благіе плоды».

Или: «Система Дарвина есть примѣчательное, важное явленіе въ исторіи науки, которой принесетъ она пользу посредственно и непосредственно; посредственно—вызывая возраженія и содѣйствуя укрѣпленію другихъ воззрѣній; непосредственно — доставляя свои наблюденія и замѣчанія, поступающія въ общую сокровищницу».

Надѣюсь, что послѣ такихъ словъ Вы возьмете назадъ обидное подозрѣніе, возложенное на меня, какъ на служителя науки.

Второе обвиненіе относится ко мнѣ, какъ къ служителю именно Исторіи. Здѣсь позволяю себѣ распространиться болѣе.

Въ этомъ параграфѣ Вы жалуетесь сперва «что до настоящаго времени только одна наука объ органическихъ формахъ, только Ботаника и Зоологія, стоятъ какимъ-то бѣльмомъ въ стройномъ ряду другихъ наукъ; только въ нихъ, что ни форма, то и отвѣтъ: не знаю».

Утѣшьтесь: въ Ботаникѣ и Зоологіи формы поставлены по крайней мѣрѣ рядомъ, по какимъ ни на есть признакамъ, а въ Исторіи, неужели Вы думаете, что найдена связь между Индійскою пагодою, Египетскою пирамидою, Аѳинскимъ партенономъ, Стразбургскимъ соборомъ, храмомъ Св. Петра? Или между Навуходоносоромъ, Киромъ, Александромъ Македонскимъ, Цесаремъ, Карломъ Великимъ, Чингисъ-Ханомъ, Фридрихомъ Великимъ, Наполеономъ? Между ведами, ученіемъ Зороастра и Конфуція, стоической Философіею, закономъ Магометовымъ и міромъ Сѣверной Едды? Зданія, ученія, люди стоятъ рядомъ только въ хронологіи, а органическая связь принадлежитъ по большей части къ pia desideria.

Вы говорите мнѣ: «Весьма естественно было бы (при знакомствѣ съ Дарвиновой системой) слѣдующее ваше предсказаніе, какъ историка: такъ какъ на органическія формы должно смотрѣть или какъ на проявившіяся раздѣльно другъ отъ друга на землѣ, или же какъ на естественно развившіяся одинъ изъ другихъ; такъ какъ первое начало исключительно до сихъ поръ господствовало въ наукѣ, и такъ какъ Зоологія и Ботаника его эксплуатировали до дна, и дошли только до ревизской сказки организмовъ, именуемой систематикой, и въ своихъ попыткахъ выше табели о рангахъ въ классификаціи не выработали, то естественныя науки сдѣлаютъ поворотъ: онѣ станутъ разработывать иную возможную точку зрѣнія, и посмотримъ, не будутъ ли съ нею счастливѣе.... Для васъ, какъ для историка цивилизаціи и науки (теорія Дарвина) должна бы являться необходимостью, естественнымъ шагомъ развитія, періодомъ, который *должна* прожить наука, и необходимо проживетъ, и тѣмъ болѣе впадетъ въ крайности, чѣмъ болѣе лицъ будутъ поддерживать реакцію статьями и отзывами о Дарвинѣ, подобно написаннымъ вами».

Очень радъ, что могъ порадовать Васъ, любезнѣйшій рецензентъ, не только скорымъ, но даже заблаговременнымъ исполненіемъ Вашего лестнаго ожиданія: слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ вотъ что я писалъ въ моихъ афоризмахъ относительно Исторіи:

Въ Исторіи царствовалъ доселѣ эмпиризмъ и необходимо. Только съ

эмпирическими познаніями можно строить системы. Пусть работаютъ эмпирики, собираютъ, очищаютъ, распредѣляютъ событія: тогда изъ самой Исторіи явится и разовьется ея система. Прикладывать Исторію къ готовой теоріи—тоже, что класть ее на Прокрустово ложе. Эта наука даже въ рукахъ эмпириковъ начнетъ теперь перемѣнять лице свое. Она занимается теперь еще разностями, экземплярами,—но ихъ естественно будутъ подводить подъ итоги и уменьшать число собственныхъ именъ. Одни опыты будутъ удачнѣе другихъ».

Не хотите ли послушать еще нѣчто, ближе подходящее къ вашимъ pia desideria?

«(Тогда) откроется положительно то, что теперь предугадывается: *вездѣ царствуетъ одинъ законъ*. Монархическій, республиканскій образъ правленія, торговля, изящныя искуства, развивались и развиваются по тому же закону, по которому развивались и развиваются *царство прозябаемыхъ*, умъ человѣческій, планетная система, языкъ, наука Исторіи и пр. и пр.

«Всѣ (частныя) Исторіи могутъ быть вытянуты параллельными линіями своего рода: всѣ онѣ суть виды одного рода и находятъ себѣ разительное подобіе *въ развитіи царствъ природы*».

Наконецъ вотъ, что было сказано въ заключеніи вступительной лекціи на каѳедрѣ Всеобщей Исторіи, въ 1833 году, (тѣмъ курсамъ, замѣчу кстати, гдѣ были: Станкевичъ, Строевъ, Константинъ Аксаковъ, Бодянскій и проч.):

«Сотвореніе міра физическаго происходило высокимъ порядковъ,—это сказуетъ намъ Моисей, и объясняютъ и доказываютъ Лапласъ, Кювье, Филаретъ. Царство прозябаемыхъ, напримѣръ, возможно прежде животныхъ, а суша устроилась, когда слились воды; свѣтъ сосредоточился по раздѣленіи хаоса, и за вторымъ днемъ не могъ слѣдовать пятый, но третій. Такъ вѣрно происходило и въ Исторіи. Вѣрно духъ человѣческій такъ же постепенно выдѣлывался, *какъ природа*; вѣрно дѣйствія его составляютъ такую же непрерывную *цѣпь, какую составляютъ есте-*

ственныя произведенія, въ которой всякое кольцо необходимо безъ излишку и недостатку, держится всѣми предыдущими и держитъ въ свою очередь всѣ послѣдующія; вѣрно и для сотворенія природы нравственной есть вторые шесть дней творенія, коихъ историкомъ долженъ быть новый Моисей».

Пересмотрите мои Историческіе афоризмы, и вы найдете тамъ, можетъ быть еще, что нибудь въ оправданіе мое по второму пункту. *)

По третьему, философическому, пункту Вы сосредоточиваете смыслъ вашего обвиненія въ совѣтѣ «не передавать въ легкой формѣ насмѣшливыхъ замѣтокъ на униженіе и посмѣяніе строгонаучную и философскую попытку человѣческаго ума, и ума геніальнаго, на растерзаніе тѣмъ, которые не обладаютъ ни достаточнымъ знакомствомъ съ научными изслѣдованіями и требованіями, ни достаточною подготовкой, чтобъ быть судьями дѣла».

Отдаю на Вашъ судъ, нуженъ ли этотъ совѣтъ, можетъ ли онъ быть поданъ сказавшему:

«Ученымъ противникамъ своимъ Дарвинъ принесетъ вѣрно много пользы, какъ они приносятъ ему».

«Дарвинъ оказалъ, можетъ быть, великую пользу наукѣ о природѣ, подмѣтивъ и подобравъ наибольшее количество.... аналогій. Окенову систему натуральной философіи можно много ими дополнить или иллюстрировать».

«Не говорю о томъ, въ какой степени обогащается наука о природѣ, сравнительное естествовѣденіе, обширными, разнообразными наблюденіями и открытіями Дарвина».

По какому же праву спрашиваете Вы меня, имѣли «основаніе

*) Обращаю вниманіе читателей на эти Историческіе афоризмы, писанные въ 20-хъ, и напечатанные въ 30-хъ годахъ: они соотвѣтствуютъ содержанію нынѣшней Простой рѣчи. Обращу вниманіе также въ этомъ смыслѣ на вторую часть моей повѣсти «Невѣста на ярмаркѣ: Счастіе въ несчастіи».

предполагать, что и изъ теоріи Дарвина въ окончательной ея формѣ не выработывается такихъ же простыхъ, ясныхъ данныхъ, относительно біологическихъ формъ, какія выработали Геологія и Астрономія по предметамъ своихъ изслѣдованій, съ которыми вы тоже помиритесь съ религіозной точки зрѣнія, какъ помирились съ неподвижностію солнца».

Помилуйте, не то же ли самое сказалъ я, даже не съ вашею воздержностію и неизвѣстностію, а съ твердымъ убѣжденіемъ еще въ слѣдующихъ словахъ:

«Я увѣренъ, что между внимательными читателями Дарвина найдутся многіе, которыхъ поразятъ не выводы его, не суммы, а посылки, слагаемыя, и эти читатели, видя во очію раскрываемые предъ ними законы природы, почувствуютъ живо тотъ страхъ Божій, который почитается началомъ премудрости».

По четвертому пункту я не знаю, гдѣ вы нашли у меня требованія «отъ научнаго сочиненія формъ акаѳиста или богословскаго упражненія».

«Такія формы», продолжаете Вы, «всего болѣе способны повести къ реакціи, научныя же изслѣдованія, по тому же показанію, не вредятъ религіозному чувству».

Вы просто производите меня въ недоумѣніе, любезнѣйшій рецензентъ, повторяя мои мысли почти моими словами, какъ возраженія, противъ меня обращенныя (см. выше ст. 38 и проч.) Я вижу теперь ясно, что Вы, прочитавъ мой разборъ, начали писать противъ него по памяти, подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ частныхъ замѣчаній. Въ началѣ моего разбора сказано:

«Я увѣренъ, что Дарвинъ есть самый благочестивый человѣкъ, и лучше многихъ, яснѣе созерцая премудрость творенія, преклоняется предъ нею и предъ ея «таинственнымъ Повелителемъ», точно какъ соотечественникъ его Ньютонъ снималъ шляпу, произнося имя Божіе».

«Я увѣренъ, что онъ не только благочестивый человѣкъ, но и ревностный протестантъ, соблюдаетъ свято всѣ обряды своего вѣроисповѣ-

данія. Его изслѣдованія, его наука,—сами по себѣ, а онъ—самъ по себѣ.

«Дарвинъ представляется мнѣ самымъ скромнымъ человѣкомъ, человѣкомъ ищущимъ истины искренно».

«Многообразныя свѣдѣнія его объ естественной Исторіи изумительны; зоркою наблюдательностію способностію припоминать, обобщать наблюденія, имѣть всю природу какъ бы на ладони у себя, едвали кто изъ натуралистовъ обладалъ въ такой степени».

Скажите, спрашиваю кстати, неужели человѣкъ, выражавшійся такъ о Дарвинѣ, можетъ думать объ его осмѣяніи, или предполагать бросаніе грязью въ науку?

И такъ въ опытѣ диллетантскаго разбора моего, смѣю надѣяться, воздана, по мѣрѣ силъ, должная справедливость геніальности Дарвина и показана относительная важность, польза его изслѣдованій,—относительная, а не безусловная, какая приписывается ей у нашихъ философовъ-попугаевъ.

Дарвинова система въ исторіи науки съ ея изученіемъ и Дарвинова система съ ея распространеніемъ среди молодежи, въ толпѣ, безъ изученія,—двѣ вещи, совершенно разныя; первая можетъ идти своимъ путемъ или порядкомъ; второй должно всячески мѣшать и не давать ходу, по моему крайнему разумѣнію.

У насъ появилось вдругъ три перевода Дарвинова сочиненія, и въ объявленіяхъ газетныхъ, для зазыва и приманки читателей, печаталось во всеуслышаніе, что у Дарвина доказывается происхожденіе человѣка не отъ обезьяны, какъ прежде, а отъ какого-то косматаго звѣря.

Въ родственныхъ журналахъ разнеслись тотчасъ клики о послѣднемъ словѣ науки, о наступленіи новой эры, о торжествѣ прогресса, какъ будто рѣшены были всѣ высшія человѣческія задачи. Такъ падки всѣ у насъ на новизну, столько охотниковъ попользоваться даровщиной, прослыть ревнителями науки на шаромыгу.

Явился молодой, талантливый писатель, который взялся быть истолкователемъ, популяризаторомъ системы, и дѣйствительно исполнилъ это съ блескомъ.

Судьбѣ угодно было, чтобъ онъ вскорѣ утонулъ, и вотъ за гробомъ его идутъ двѣсти человѣкъ, между которыми было много дѣвушекъ, а въ газетахъ выражается удивленіе, какъ могло случиться, чтобъ явилось такъ мало провожатыхъ — (во тьму, въ ничтожество!) и собирается капиталъ для основанія стипендіи въ память его журнальной-философской дѣятельности!

Процаганда дѣйствуетъ; переводятся подходящія книги, о которыхъ можно сказать тоже, что и о Дарвинѣ, касательно ихъ употребленія; сочиняются свои книжки для дѣтскаго чтенія, учреждаются учебные сады; устанавливаются, слышно, пени въ семействахъ между неофитами за исполненіе прежнихъ семейныхъ обязанностей; нынѣ слышишь объ одномъ убійствѣ, завтра о такомъ-то покушеніи, о бѣгствѣ изъ родительскаго дома, вотъ и отзывъ Швейцарскаго муниципалета о поведеніи русскихъ дѣвушекъ съ обрѣзанными косами! Въ тоже время легкомысленная, чтобы не сказать болѣе, журналистика подвергаетъ ругательствамъ и насмѣшкамъ всякое замѣчаніе о злѣ, происходящемъ отъ совокупности новыхъ ученій, не выразумленныхъ, перетолкованныхъ, злоупотребленныхъ! Отсталые, невѣжи, друзья тьмы, гасильники, враги прогресса! кричатъ на предостерегателей продажные или ослѣпленные борзописцы, и несмысленная толпа одобряется, а у общества, очень впрочемъ не зрячаго, глаза отводятся въ сторону. Оно увидитъ наконецъ вредъ отъ покровительствуемыхъ канкановъ, да уже можетъ быть, поздно, и получитъ достойное себѣ наказаніе.

Въ виду этихъ печальныхъ обстоятельствъ, я отвлекся отъ своего любимаго дѣла, разсуждая: заниматься отношеніями Мстиславовъ и Ярополковъ любопытно, Сильвестры и Скопины—лица достойныя, но нельзя же оставлять безъ вниманія той Исторіи, которая совершается во очію:

долгъ гражданской совѣсти требуетъ, чтобъ всякій, завидя издали пожаръ, бросалъ занятія и бѣжалъ скорѣе съ своимъ ведромъ на мѣсто опасности. Вотъ въ силу какого соображенія принялся я за Дарвина, и постарался написать свое мнѣніе, какъ можно простѣе,—да впрочемъ я и не умѣю писать иначе,—постарался представить молодежи, стоящей на распутіи, какъ можно яснѣе, положеніе дѣла, сущность системы, или, лучше сказать, гипотезы, и доказать, что напрасно она выставляется невѣжами, какъ послѣднее, конечное слово науки, имѣющее быть путеводною звѣздою для жизни. Руководствуясь здравымъ смысломъ, я старался указать ея слабыя стороны, какъ онѣ мнѣ представились, безконечные и безчисленные пробѣлы, наконецъ ея слѣдствія, выводимыя математически, по правиламъ логики, кои оканчиваются прямо абсурдомъ, нелѣпостію. Чтобы изъ алмаза выродился когда нибудь розанъ, или изъ утробы кита, дельфина, вылетѣлъ соловей, изъ бабочки, змія, выработалась обезьяна, и потомъ человѣкъ съ совѣстью, любовью, фантазіею, такое заключеніе нельзя назвать, кажется, иначе, какъ абсурдомъ, нелѣпостію; точно также какъ и предположеніе, чтобъ изъ всякаго рода животныхъ одна часть, побѣдоносная, служила всегда къ усовершенствованію породы, и продолженію, развитію творенія, а другая оставалась на вѣки вѣковъ in statu quo, и не могла-бъ никакъ возвышаться, въ противоположность родной, счастливой половины. Я старался представить, что взглядъ Дарвиновъ на царство животныхъ многообъемлющій, но заключеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики; что указанія Дарвиновы могутъ подвинуть, и подвинуть, безъ сомнѣнія, науку впередъ, а заключеніе, какъ произвольное, ни на чемъ не основанное, и ни чѣмъ не подтвержденное, непремѣнно отвергнется, какъ и отвергается многими достойными учеными; премудрость творенія представится яснѣе, вслѣдствіе начатыхъ изслѣдованій по указаніямъ Дарвина, но основные вопросы человѣка возстанутъ еще настоятельнѣе. Наконецъ мнѣ хотѣлось напомнить, что самъ Дарвинъ преклоняется предъ вопросомъ о возникновеніи жизни, и считаетъ его для себя, для науки, неразрѣшимымъ; что самъ Дарвинъ ссылается «на

величайшіе изъ когда-либо жившихъ умовъ, которые утверждали бытіе Божіе», а это умалчивается нашими борзописцами.

Отдавая на судъ Вашъ мою статью, я ждалъ отъ Васъ замѣчаній и объясненій, такъ ли я понялъ то или другое мнѣніе Дарвина, правильно ли я вывелъ то или другое заключеніе изъ его мыслей, не пропустилъ ли какого положенія, противорѣчащаго моимъ заключеніямъ. Въ шутливыхъ моихъ выраженіяхъ, обращенныхъ къ обществу, къ толпѣ, а не къ ученымъ, заключается однакожъ слыслъ, имѣющій право, смѣлъ я думать, на вниманіе, но Вы не опровергли ни одного моего замѣчанія научнымъ, такъ называемымъ, образомъ, а вооружились на меня только общими мѣстами о наукѣ, о философіи, о религіи, и абсурдъ, извлекаемый изъ гипотезы, назвали каррикатурою, мною сочиненною, обвинили меня въ доставленіи толпѣ повода бросать грязью въ науку!

Бросать грязью въ религію, вы утверждаете между прочимъ, не принесетъ вреда религіи, а бросать грязью въ науку, наоборотъ, мѣшаетъ ея успѣхамъ. Позвольте остановиться на этихъ положеніяхъ: здѣсь есть двойное противорѣчіе. Бросать грязью въ религію не принесетъ, правда, вреда религіи, въ глазахъ людей образованныхъ, благочестивыхъ ученыхъ, а на молодежь, склонную по своему возрасту къ отрицаніямъ и сомнѣніямъ, а на грубую массу, склонную къ порокамъ, неужели эта грязь, родственная съ необузданностію, не произведетъ соблазнительнаго, пагубнаго дѣйствія?

Бросать грязью въ науку постыдно,—кто можетъ о томъ спорить,—но скромное замѣчаніе, хотя бы и въ шутливой формѣ, о той или другой ошибкѣ, о томъ или другомъ неправильномъ заключеніи, никакъ нельзя приравнивать къ грязи,—и равнодушная толпа, не имѣющая никакого отношенія къ наукѣ, не получитъ въ подобныхъ замѣчаніяхъ никакого новаго для себя, лишняго побужденія къ оскорбленію науки, а еслибъ даже и получила по недоразумѣнію, то наукѣ самой отъ расположенія такой отчаянной толпы вреда произойдти не можетъ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] macaeus inornatus

Позвольте Вамъ замѣтить, что законы Логики принадлежатъ [illegible]
[illegible]ціалистамъ и не спеціалистамъ, и восклицаніемъ procurata
[illegible]етъ казнить неспеціалистовъ, оглашенныхъ, относящихся
[illegible]ымъ почтеніемъ въ вопросамъ той или другой науки.

[illegible]сматривалъ на дняхъ строющійся храмъ Спасителя, и
[illegible]щемъ запрещеніи не архитекторъ, я не могу цѣнить впол[illegible]
[illegible] красоту, или осуждать по правиламъ искусства то [illegible]
[illegible]ораніе, но соразмѣрности частей, отношеніе длины к[illegible]
[illegible]сотъ.—помилуйте, эти явленія подлежатъ общему суду. Та[illegible]
[illegible] имѣетъ стороны, доступныя для всякаго образованнаго

Прочитавъ внимательно Ваше письмо, я осмѣливаюсь стоять на своемъ, и повторить свое мнѣніе съ подтвержденіемъ.

Дарвинова система разсматриваетъ и объясняетъ природу, или, лучше сказать, царство животныхъ, какъ оно есть, и предлагаетъ догадку объ его происхожденіи; другія системы разсматривали и разсматриваютъ его иначе; вотъ третья, на вчерашнемъ почти съѣздѣ естествоиспытателей, въ Лондонѣ, обращаетъ вниманіе, что ,,въ нашей атмосферѣ есть частицы, которыя не поддаются ни микроскопическому, ни химическому анализамъ, которыя не помрачаютъ воздуха, и которыя, тѣмъ менѣе, существуютъ. Должно ясно отдать себѣ отчетъ, что между микроскопическою и истинно молекулярною гранью есть свободное пространство для безконечныхъ видоизмѣненій и комбинацій. Въ этой-то области располагаются полюсы атомовъ, силы получаютъ направленіе, такъ что, когда эти полюсы и силы могутъ свободно дѣйствовать, и встрѣчаютъ подходящій стимулъ въ удобной средѣ, ими опредѣляется сперва зародышъ, а потомъ полный организмъ. Ясно, что за настоящими предѣлами микроскопическаго изслѣдованія, лежитъ неизмѣримое поле для упражненія воображенія. Впрочемъ только привиллегированные умы, знающіе, какъ пользоваться свободою, не злоупотребляя ею, способны работать здѣсь съ какою либо пользою.“

Дарвинъ представилъ не систему, а гипотезу о системѣ, гдѣ по нѣкоторымъ, положимъ, многимъ, открытымъ имъ даннымъ, изъ безчисленой цѣпи колецъ, ниже ни въ какихъ двухъ, не представлено имъ строгой научной связи, какая требуется системою. А вся систета должна бы представить вѣдь полную генеалогію природы по всѣмъ ея царствамъ!

Самъ Дарвинъ говоритъ, что даже, въ вѣнцѣ системы, «между человѣкомъ и низшими формами, отъ которыхъ произошелъ онъ, до сихъ поръ не открыто еще соединительныхъ звеньевъ». *).

Или: «что касается до величины тѣла или силы, то мы не знаемъ,

*) Д. 1, в. 208.

произошелъ ли человѣкъ отъ какого нибудь сравнительно малаго вида обезьянъ, въ родѣ чимпанзе, или отъ такого мощнаго, какъ горилла. Поэтому и не можемъ сказать, сталъ ли человѣкъ больше и сильнѣе, или, наоборотъ, меньше и слабѣе своихъ прародителей». *)

А съ кѣмъ мнимые прародители находились въ ближайшемъ родствѣ,— ни слова, и т. д. Дарвинъ не указываетъ даже на дѣда. **)

Не станемъ останавливаться и затрудняться временемъ, которое потребуется для пополненія, подтвержденія (со всѣми спорами) прамѣченной гипотезы; положимъ, что это, черезъ сколько бы то ни было лѣтъ, будетъ достигнуто: безпристрастный посторонній наблюдатель, пожалуй, профанъ увидитъ, съ благодарностію къ почтеннымъ труженикамъ науки, послѣдователямъ Дарвина, тожество, единство закона, всемірную аналогію, соотвѣтствіе,—которыя напечатлѣваются по какимъ-то таинственнымъ законамъ на всѣхъ, даже случайныхъ, временныхъ явленіяхъ въ жизни, но чѣмъ же докажется *происхожденіе* одной формы отъ другой, спроситъ онъ, какъ спрашиваетъ и теперь? Кто видѣлъ это происхожденіе, кто былъ крестнымъ отцемъ? Дарвинъ показываетъ постепенности творенія, утверждаетъ, что одно произведеніе, существо, растеніе, животное, сложнѣе, совершеннѣе другаго, но по какому праву онъ утверждаетъ, что онѣ произошли одна отъ другой,—это только его догадка!

Догадка, гипотеза постепеннаго происхожденія въ царствѣ животныхъ, станетъ рядомъ съ аксіомой аналогіи, господствующей во всей вселенной, и подтверждаемой безпречтанно всѣми открытіями. Не мудрено предвидѣть, кто кого переспоритъ, на чьей сторонѣ останется побѣда.

Наконецъ и аксіома и гипотеза, за океаномъ тысячелѣтій, должны умолкнуть со страхомъ и трепетомъ предъ роковыми вопросами о началѣ

---

*) I. 1. с. 174. **) Говоря анатомически, предѣлъ организаціи, отдѣляющій самую [illegible] изъ обезьянъ отъ самаго несовершеннаго изъ людей, безконеченъ. Слова [illegible] Катрфажа въ статьѣ. Пр. Лебедева Р. В. 13 Августа, 1873 г. с. 489.

происхожденія, о началѣ аналогическаго закона: откуда первоначальное вещество, какъ возникла въ немъ жизнь и началось именно это развитіе, какъ и чѣмъ оно кончится? То есть наши потомки, чрезъ милліоны тысячелѣтій, найдутся съ тѣми же недоумѣніями, въ томъ же положеніи, въ какомъ находимся мы и теперя, останавливаясь на однѣхъ позитивныхъ наукахъ.

Заключу мой отвѣтъ выпискою изъ рѣчи, произнесенной знаменитымъ Тиндалемъ на послѣднемъ съѣздѣ Британскихъ естествоиспытателей, въ оправданіе предъ любезнымъ рецензентомъ моей дилетантской дерзости судить о системѣ Дарвина, и печатать свое мнѣніе. Читатели увидятъ, что въ рѣчи Тиндалевой говорится тоже, что сказано и въ моемъ разборѣ.

«Дарвинъ рискованнымъ образомъ посягнулъ на матерію въ своей исторіи пангенеза. По этой теоріи микроскопическій зародышъ есть уже цѣлый міръ меньшихъ зародышей. Не только организмъ, какъ цѣлое, заключенъ весь въ зародышѣ, но каждый органъ организма имѣетъ въ немъ свое особенное сѣмя. Наблюденіе, воображеніе и разумъ, совокупными силами, способствовали Дарвину прослѣдить мысленно *съ изумительнымъ остроуміемъ* и *успѣхомъ* извѣстный рядъ біологическихъ послѣдовательностей. Руководясь аналогіей, онъ въ его сочиненіи «о происхожденіи видовъ» поставилъ корнемъ жизни первообразный зародышъ, изъ котораго, по его понятію можетъ быть выведено все изумительное богатство и разнообразіе жизни, нынѣ населяющей земную поверхность. Но если бы его теорія и была справедлива, на этомъ *дѣло не кончилось бы*. Человѣческое воображеніе неизбѣжно заглянуло бы далѣе зародыша, и стало бы вопрошать исторію его происхожденія.»*)

«Въ чѣмъ въ самомъ дѣлѣ заключается вся суть этой гипотезы естественнаго развитія? Разоблачите ее до нага, и предъ вами предстанетъ мысль, будто не только самыя низшія формы животной жизни, не только

*) Русскій Вѣстникъ, 1870 г. Сентябрь с. 332.

болѣе благородныя формы коня и льва, не только изящный и удивительный механизмъ человѣческаго тѣла, но что самый духъ человѣческій,—чувство, умъ, воля и всѣ его проявленія,—все это было нѣкогда скрыто въ огнѣнномъ облакѣ. (?) Конечно простое заявленіе такого понятія есть уже само по себѣ *болѣе, чѣмъ его опроверженіе*. Я не думаю, что бы кто нибудь изъ сторонниковъ эволюціонной гипозеты сказалъ мнѣ, что я преувеличиваю ее.» *)

«Мы желали бы думать, говоритъ еще одинъ Англійскій рецензентъ, что эти (Дарвиновы) предположенія будутъ такъ же безвредны, какъ они не практичны и не научны, но слишкомъ вѣроятно, что они могутъ, если не встрѣтятъ отпора, имѣть весьма вредное вліяніе. Мы воздерживаемся отъ замѣчаній объ ихъ отношеніи къ религіи, хотя трудно понять, какимъ образомъ по теоріи Г. Дарвина можно приписать человѣку другое безсмертіе или другое духовное бытіе, кромѣ того, какимъ одарены скоты... Тяжелую отвѣтственность беретъ на себя человѣкъ, который, съ авторитетомъ заслуженной репутаціи, высказываетъ въ наше время различныя соображенія этой книги.**)

Позвольте и изъ Вашего письма, любезнѣйшій рецензентъ, выписать въ заключеніи моего отвѣта слѣдующее мѣсто, въ которомъ убѣжденіе выражается тверже моего:

«Наука имѣетъ идеаломъ истинну, религія ее своею основою; если наука окончательно выработала истину, то эта истина непремѣнно окажется какъ результатъ, какъ частное истинъ религіознаго изученія.»

Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ почтеніи, М. П.

Іюля 3, 1873 г.

Обращаю вниманіе читателей на двѣ статьи о системѣ Дарвина: Пр. Гусева въ сборникѣ Гражданина (1872), и Пр. Лебедева, въ Русскомъ Вѣстникѣ, (1874. Іюль и Августъ) дѣлающія честь Русской ученой литературѣ. Еще долженъ я назвать двѣ примѣчательныя книги, вышедшія

*) Тамъ же с. 333. **) Тамъ же. Ноябрь, с. 291.

у насъ въ послѣднее время: Библія и наука, Г. Вл. 1870, и Борьба съ лгушей ученостью. Н. П—ва. 1872.

О системѣ Дарвиновой привести кстати здѣсь отрывокъ изъ бесѣдъ отца Гіацинта въ Женевѣ въ 1873 году.

«...Софисты-философы стали раскапывать вопросы, которые новѣйшая наука объявляетъ недоступными для рѣшенія; стали доискиваться въ таинствѣ смерти, и увидѣли въ немъ одну мечту и выдумку; стали углубляться въ происхожденіи человѣчества, и у колыбели его признали, вмѣсто библейскаго Адама, изъ земли созданнаго, какое-то невѣдомое существо, медленно выдѣляющееся изъ животной жизни, выраждающееся сперва въ обезьяну, потомъ въ человѣка. И вотъ, поставивши этого человѣка и у начала его, и у исхода, въ сплошную средину животной жизни, унизивъ его до предѣловъ гніенія, они стали привѣтствовать его величіе: «Какъ ты великъ, человѣкъ, въ атеизмѣ, и въ матеріализмѣ, и въ свободѣ самочинной, ничему не покоряющейся нравственности!» Но посреди всего этого страннаго величія человѣкъ этотъ оказался подавленъ грустью. Онъ утратилъ Бога, но сохранилъ потребность религіи. Такъ ощутительна эта потребность, что возможна, мы видимъ, религія даже безъ Бога: таковъ буддизмъ,—религія, одушевляющая милліоны послѣдователей. И въ самомъ дѣлѣ, хотя бы и правда была, что первый человѣкъ выродился изъ среды животной,—что мнѣ въ томъ? Въ книгѣ Бытія указана еще грубѣе матерія, изъ которой создалъ человѣка—грязь и прахъ, персть земная. Какая бы ни была та матерія—развѣ въ ней, развѣ въ оболочкѣ весь человѣкъ? Онъ пріялъ отъ Создателя своего, если хотите, скажемъ—отъ природы, живую душу, то дыханіе жизни религіозной и нравственной отъ котораго не можетъ, еслибъ и хотѣлъ, отдѣлаться. Вотъ что не допуститъ его никогда отречься отъ Христіанской религіи.» *(Гражданинъ, 1873. № 19).*

А вотъ изображеніе человѣка, въ противоположность Дарвинову, изъ однаго стараго Русскаго стихотворенія.

Ничто онъ въ мірѣ безпредѣльномъ,
Но ты въ сосудѣ семъ скудельномъ
Твое сокровище вмѣстилъ.
Ты въ немъ явилъ Свое искусство,
Сочетавая духъ и прахъ,
Чудиѣйшимъ, чѣмъ во всѣхъ мірахъ;
Души его благое чувство,
Мысль чистая его ума,
Какъ искры отъ Тебя, о Боже,
Въ очахъ твоихъ всего дороже!
Передъ блескомъ ихъ—всѣ звѣзды тьма!

Ты честью, славной несравненной
Его вѣнчалъ и превознесъ,
Царемъ поставилъ надъ вселенной,
И, въ зданіе Твоихъ чудесъ
Введя, какъ въ царскіе чертоги,
Любимца благости Твоей,
Всю землю съ жизнями на ней
Ему ты покорилъ подъ ноги.
Ты далъ всѣмъ тварямъ бытіе,
На всѣхъ излилъ Твои щедроты;
Но въ немъ, зря собственны доброты
Имѣлъ веселіе Твое!

Вотъ наконецъ стихи изъ строфы, гдѣ поэтъ говоритъ о величіи Божіемъ:

Его величію нѣтъ мѣры,
Любовь и миръ—его пути.
Великъ Господь, великъ и хваленъ!
Великъ—не можетъ быть умаленъ!
Великъ—не можетъ возрасти.

О модныхъ у насъ филосовскихъ толкахъ

для нашихъ нигилистовъ и нигилистокъ.

I.

Литре, представитель такъ называемой позитивной философіи, предъ которымъ преклоняется скопище нашихъ обезьянъ, попугаевъ, сорокъ и прочихъ рыцарей петербургской журнальной и газетной свистопляски со всѣми прихвостнями in partibus, (въ уѣздахъ), вотъ къ какимъ приходитъ утвержденіямъ по изложенію, которое предлагаютъ намъ его аденты: *)

«Въ основѣ своей положительная философія отличается отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что, разъ признавъ относительность человѣческаго знанія, она никогда и нигдѣ не забываетъ этого факта и строго сдерживается въ его границахъ. Подъ относительностью человѣческаго знанія слѣдуетъ разумѣть то, что *нашему знанію есть предѣлы*; все, что находится въ предѣлахъ познавательной способности разума,—все это составляетъ положительное знаніе; все другое, въ познаніи чего играетъ главнымъ образомъ фантазія,—все это положительная философія отвергаетъ, какъ знаніе гипотетическое, положительнымъ наблюденіемъ и опытомъ не доказанное. Какъ бы вѣроятными эти гипотезы ни казались, она не принимаетъ ихъ и не выводитъ изъ нихъ никакихъ заключеній, не строитъ на нихъ ни системъ, ни предположеній, ни догадокъ. *Мы никогда не можемъ узнать всего*,—говоритъ позитивизмъ,—*и всѣ наши усилія достичь абсолютнаго, безусловнаго знанія, не могутъ дать положительныхъ результатовъ*; будемъ же скромны и ограничимся въ нашихъ научныхъ стремленіяхъ тѣмъ полемъ, гдѣ открытъ просторъ

*) Вѣстникъ Европы 1873, Іюль, С. 838, 900, 904.

наблюденію и опыту, и станемъ принимать за истину лишь то, что можетъ быть изслѣдовано и провѣрено научнымъ образомъ; только такимъ путемъ мы пріобрѣтемъ дѣйствительныя, положительныя знанія, изъ которыхъ можно выводить вѣрныя заключенія какъ для нашей матеріальной жизни, такъ и для нравственной (?!); все прочее, что сочиняютъ разныя абсолютныя теоріи, всегда вело лишь къ заблужденіямъ и ошибкамъ, продолжаетъ вести къ тому же и теперь. Согласимся разъ навсегда, что и наши концепціи, наши доктрины, наши системы никогда не могутъ стать абсолютными и должны оставаться, и по сущности своей и по необходимости, относительными. Матеріальное пространство есть ничто иное, какъ образъ пространства умственнаго: что ограничиваетъ одно, тѣмъ же ограничено и другое. Наши концепціи, наши доктрины, наши системы могутъ быть вѣрными лишь для человѣчества и среди человѣчества. Тщетною и ребяческою оказалась бы гордость наша, еслибъ мы вздумали достигнуть чего нибудь универсальнаго въ опредѣленномъ и безусловномъ смыслѣ. Но благородно и справедливо можетъ хвалиться человѣкъ тѣмъ, что посредствомъ генія и терпѣнія ему удалось вызвать свѣтъ, постоянно возрастающій, интеллектуальное солнце, которое просвѣщаетъ его въ созерцаніи вещей и ведетъ его по пути коллективной жизни».

«Я никогда не найду лишнимъ повторить», прибавляетъ Литтре, «что все мыслимое или немыслимое имѣетъ приложеніе лишь въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ: таковъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ результатовъ психической физіологіи. Въ этихъ предѣлахъ эти термины обладаютъ истиной, достовѣрностью, вѣрностью, но при первой попыткѣ перенести ихъ на наши предѣлы, мы уже лишаемся увѣренности въ томъ, что они имѣютъ какое-либо значеніе, и они падаютъ на насъ какъ оружіе, неудачно брошенное въ пространство. Извѣстно, что человѣческій разумъ не предугадываетъ міра, а открываетъ его посредствомъ опыта, и извѣстно также, что *опытъ не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала*».

«Ничто не даетъ намъ правъ распространять психическую теорію

нашего сознанія и сознанія животныхъ на *всѣ* вещества, во *всѣ* времена и во *всѣ* пространства».

«Положительная философія имѣетъ въ виду разъяснять лишь то, что подлежитъ *человѣческому опыту и наблюденію;* каждый разъ, когда логика даннаго времени пытается проникнуть за предѣлы опыта и наблюденія, философія позитивистовъ благоразумно останавливается и скромно сознается въ *безсиліи человѣческаго разума.* За этими предѣлами положительная *философія ничего не отрицаетъ и ничего не утверждаетъ*; *она, однимъ словомъ, не знаетъ непознаваемаго, но констатируетъ о существованіи его.* Такова высшая философія; идти еще далѣ *химерично*, но доходить до этого значило бы бѣжать отъ нашаго назначенія»,

«Человѣческій разумъ, въ продолженіи своего развитія, не разъ принималъ вещи, которыя прежде казались ему немыслимыми, и отказался отъ другихъ, которыя считалъ единственно логичными: *эта психическая несостоятельность въ немъ есть*».

Что-же говоритъ Литре? Благоволятъ читатели обратить вниманіе на слова, отмѣченныя курсивомъ.

Человѣческому знанію здѣсь положены предѣлы.

Позитивная философія признаетъ своимъ предметомъ только подлежащее наблюденію и опыту, т. е. подлежащее только нашимъ пяти чувствамъ.

Опытъ не имѣетъ никакого значенія въ вопросахъ сущности и начала, т. е. о сущности и началѣ мы не можемъ знать ничего по опыту, слѣдовательно и толковать о нихъ позитивная философія не имѣетъ права.

За предѣлами опыта и наблюденія философія позитивистовъ благоразумно останавливается и скромно сознается въ безсиліи человѣческаго разума.

За этими предѣлами позитивная философія ничего не отрицаетъ и ничего не утверждаетъ, не знаетъ непознаваемаго, но констатируетъ о существованіи его.

Въ человѣкѣ есть психическая несостоятельность.

Прекрасно! Позитивная философія приняла вселенную, comme un fait accompli, отмежевала себѣ извѣстное пространство и занялась сочиненіемъ его толковой генеалогической статистики.

Никто не имѣетъ права нарушать ея спокойствія и мѣшать ея важнымъ и многополезнымъ изслѣдованіямъ. Почтенное, благородное, необходимое занятіе. Это жизнь естественныхъ наукъ, въ высшемъ ихъ значеніи взятыхъ. Сами святые отцы, проводившіе все свое время въ богомысліи и подвигахъ духовныхъ, сознавали достоинство исканія истины. Марко подвижникъ, напримѣръ, говоритъ: Неразумѣяй истины, ниже истинно вѣровати можетъ. Разумъ бо по естеству предваряетъ вѣру. (Слова его въ книгѣ О добротолюбіи. с. 23. 1) Наконецъ есть великое слово Спасителя, которое можно, кажется, примѣнить къ дѣлу науки: блажени алчущіе и жаждущіе правды, яко тіи насытятся! Матѳ. V, 6.

Должно желать успѣховъ позитивной философіи, радоваться имъ и содѣйствовать всѣми силами, кто сколько можетъ, ея благородной цѣли познанія природы *вещественной*, но благоволитъ же и она относиться, хоть съ такою же скромностію, къ вопросамъ природы *духовной*, лежащимъ, по собственному ея сознанію, внѣ предѣловъ, ей подвѣдомственныхъ.

Откуда это все? Какъ оно произошло? Для чего? На долго ли? Что такое жизнь? Что такое человѣкъ? Зачѣмъ онъ здѣсь? Что ему дѣлать и какъ ему жить? Что такое смерть? Роковые эти вопросы намъ присущи: отъ нихъ нельзя уйдти никуда, нельзя ни запереться, ни застраховаться; они не даютъ покоя мыслящему человѣку и мучатъ его съ первой минуты сознанія; никогда позитивная философія, какія бы открытія ни сдѣлала въ отмежеванныхъ себѣ границахъ, не заглушитъ ихъ, неудовлетворитъ духовной жажды человѣка.

Ученые, отвлекаясь, увлекаясь и завлекаясь, могутъ иногда довольствоваться мнимою положительностію, и даже наслаждаться своими

Можно недоумѣвать, можно сомнѣваться, можно быть неувѣрену, и говорить: не понимаемъ, не знаемъ, но отрицать безусловно непонимаемое есть и дерзость и невѣжество.

А вы развѣ понимаете, спрашиваютъ эти философы своихъ противниковъ? Нѣтъ, не понимаемъ,—тѣ отвѣчаютъ,—и даже болѣе, не смѣемъ сказать, что вѣримъ, потому что часто колеблемся и забываемся, но можемъ сказать, что преклоняемся со страхомъ и трепетомъ предъ вѣчною Премудростію, чьею бы то ни было, говоря вашимъ языкомъ, передъ Богомъ, какъ мы ее называемъ, благоговѣемъ предъ Спасителемъ, великимъ учителемъ рода человѣческаго, Іисусомъ Христомъ, и въ лучшія минуты своего сознанія молимся: вѣруемъ, Господи, помози нашему невѣрію!

Мы не понимаемъ и смиряемся предъ непостижимостію, а вы сквернословите и богохульствуете.

И убѣжденія, конечно, бываютъ различныя, болѣе или менѣе твердыя, болѣе или менѣе слабыя; можно колебаться въ нихъ, если и на святыхъ отцевъ находили минуты сомнѣнія, кои приписывали они искушеніямъ или навѣваніямъ злаго духа, — но отрицанія безусловныя, полныя, нельзя объяснить, развѣ исключительнымъ состояніемъ мозга въ какой нибудь его части.

Съ такими отрицаніями можетъ ли желать жизни мыслящій человѣкъ? Для чего? Единственный отвѣтъ могутъ дать ему такіе философы: pour passer le temps (чтобъ проводить время!) въ точномъ значеніи этихъ словъ.

Мы признаемъ жизнь тайною, а вы чѣмъ считаете ее? Если она для васъ не тайна, что же вы не объясните намъ ее? C'est un fait accompli: этотъ отвѣтъ одинаковый, подъ пару къ pour passer le temps!

Уничтоживъ, какъ имъ кажется, прежнія вѣрованія, они успокоиваются, какъ будто все поняли, все рѣшили, все сдѣлали, а они только дѣлаютъ мракъ гуще.

И какія же другія вѣрованія даютъ они? Чѣмъ замѣняютъ уничтоженное?

Вы отвергаете то и то, и очень довольны своими доказательствами, умными и убѣдительными. Ну, теперь попытайтесь представить ваши положенія, утвержденія, на мѣсто уничтоженныхъ вами, дайте намъ свой катехизисъ, свой символъ вѣры. Вотъ тутъ-то вы увидите всю пустоту и скудельность, и зловредность вашего образа мыслей. Отрицать легко, утверждать мудренѣе.

Вы ничего не скажете, а если ухитритесь, то встрѣтите возраженій гораздо больше, нежели сколько дѣлаете сами своимъ противникамъ.

Сочините чертежъ новой вселенной! Да сочините хоть чертежъ какой нибудь новой мошки, какой нибудь новой былинки!

Что? Силы не хватаетъ, да и воображенія не достаетъ? А эта вселенная произошла сама собою, ни съ того, ни съ сего, изъ ничего, случайно?!

Осмотритесь кругомъ: никакое дѣло, самое пустое, не дѣлается само собою, безъ причины, безъ повода! Какимъ же образомъ вся эта удивительная машина, совокупность машинъ, составляющихъ одно великое, безпредѣльное, цѣлое, могла произойти сама собою? Помощію безсмысленной силы сотворилось чудо?

Всѣ чудеса вы отвергаете, а самое великое чудо, чудо чудесъ, вы допускаете въ вашей системѣ смѣло, безъ малѣйшаго сомнѣнія. Неужели здѣсь нѣтъ вопіющаго противорѣчія?

Кроты роются въ землѣ, разсуждаютъ и спорятъ о солнцѣ, и вотъ находятся между ними умники, которые предлагаютъ доказательства, что солнца нѣтъ, да и быть не можетъ. Невѣжество рукоплещетъ! Несчастные!

Въ природѣ есть сила вездѣсущая, невидимая, потаенная, которая производитъ... вотъ зерно, вотъ капля... Какъ изъ этого зерна выроститъ пальма, розанъ, померанецъ, или изъ этой капли — верблюдъ,

соловей, человѣкъ?... вы не понимаете, философы, а допускаете, ибо видите своими глазами это происхожденіе. А скажи вамъ — Богъ, вы Его отрицаете. Бога нѣтъ? Что же есть? Вы есте. Да откуда же вы? Сами сотворились, произошли сами собою? Можетъ ли быть что нибудь нелѣпѣе такихъ положеній, въ которыя вы упираетесь, идя путемъ логики, ума?

Вы родились случайно, живете какъ нибудь и умрете на авось? И такая философія васъ удовлетворяетъ? Вашъ умъ не предъявляетъ никакого требованія болѣе? Вы можете жить спокойно? И вамъ даже хочется жить?

Человѣкъ произошелъ самъ собою, — такъ и курица сотворила сама себя, сотворилася, произошла сама собою, и начала нести яица. Но откуда же подлетѣлъ къ ней пѣтухъ съ предложеніемъ своихъ услугъ? Курица несетъ яица, но вѣдь она сама вылупается изъ яйца? И такъ яйцо было прежде курицы? Откуда же это первое яйцо? Какъ оно произошло? Къ такимъ простымъ вопросамъ и соображеніямъ снисходитъ ли ваша наука?

Вы приписываете все твореніе какой-то силѣ: ну, вотъ это и есть Богъ. Слово только другое. Или у вашей силы нѣтъ сознанія, то есть, она творитъ чудеса премудрости, бывъ сама без-умною?

Удивительна дерзость или ограниченность тѣхъ философовъ, которые неищуютъ объяснить необъяснимое, и, въ безсиліи объяснить, отрицаютъ все и вся.

Другіе философы признаютъ существованіе вопросовъ, но объявляютъ ихъ не принадлежащими наукѣ, позитивной философіи.

Кому же они принадлежатъ? Куда дѣться отъ нихъ? Что дѣлать съ ними? Подъ красное сукно положить ихъ нельзя.

Вы считаете ихъ непринадлежащими наукѣ, потому что объяснить ихъ не можете, но вы допускаете ихъ существованіе, такъ относитесь по крайней мѣрѣ къ вопросамъ этого рода, не только къ высшимъ тайнамъ религіи, съ бо́льшимъ почтеніемъ и смиреніемъ.

[illegible] первые вопросы, [illegible] основаній, вамъ слѣ- [illegible] и устрашиться [illegible] которые ниже васъ обра- [illegible] вами, зажмуря глаза, [illegible]

[illegible] не природа-то, вселенная есть? [illegible] Странное дѣло! [illegible] голову, а вѣчнаго [illegible] матеріаловъ, съ [illegible] произвести не [illegible] даже и отъ [illegible] изъ тьмы темъ міровъ [illegible] собою. Когда? Безъ [illegible] по—простѣе, [illegible] лучше станемъ считать песчинки, изслѣ- [illegible]

[illegible] со смиреніемъ,—и вы въ каждой былинкѣ [illegible] которая сіяетъ въ совокупности всего міро- [illegible] что бы все міроздаціе произошло изъ этой былинки посредствомъ естественнаго подбора и борьбы за бытіе,—умъ отказывается вѣрить!

Третьи изъ вышеисчисленныхъ философовъ провозглашаютъ торже- ственно, что роковые вопросы не заслуживаютъ никакого вниманія, что это—пустяки. Никто у насъ не отозвался объ нихъ смѣлѣе доморо- щеннаго философа, (много-талантливаго молодаго человѣка, погибшаго [illegible]), который служилъ много лѣтъ, да еще и теперь служитъ ора- [illegible] нашей молодежи: «мы всѣ сильно заражены наклонностію къ [illegible]-философіи», сказалъ Писаревъ въ одной своей статьѣ, «къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной

цѣли природы и человѣка и прочей дребедени (!), которая смущаетъ многихъ даже спеціалистовъ, и мѣшаетъ имъ обращаться, какъ слѣдуетъ, съ микроскопомъ и анатомическимъ ножемъ...»

Прекрасное, вѣрное изображеніе философовъ послѣдняго сорта далъ намъ Тютчевъ.

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода.
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ,
Иль ихъ садовникъ привилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ чудныхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца знать не дышатъ.
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи въ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

И, языками неземными,
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухо-нѣмой!
Увы! души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой!

Штраусъ отыскалъ наконецъ, послѣ долгихъ исканій, предметъ для поклоненія въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: «Древняя и новая вѣра». Этотъ предметъ, по новѣйшему его ученію, есть Universum, вселенная.

Ну, да этотъ Universum, вселенная, все-таки таинственная и для васъ, не внушаетъ ли во всякаго мыслящаго человѣка благоговѣнія, трепета, страха? Не есть ли это тотъ же страхъ Божій, невольное сознаніе бытія Божія?

Послушайте одного изъ боговдохновенныхъ, премудрыхъ людей, когда либо на землѣ бывшихъ, который какъ будто предусмотрѣлъ ваши несчастныя заблужденія:

«Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ, (которыя подавляютъ истину неправдою), зане разумное Божіе, (еже возможно разумѣти о Богѣ), явѣ есть въ нихъ, Богъ бо явилъ есть имъ, (поелику то, что можно знать о Богѣ, явно для нихъ, явлено имъ). Невидимая бо Его отъ созданія міра, твореніи помышляема, видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтнымъ, (такъ что они безотвѣтны). Зане же разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша, но осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголющеся быти мудри объюродѣша. *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногъ, и гадъ.... И почтоша и послужиша твари паче Творца,* иже есть благословенъ во вѣки. Аминь. (Римл. 1, 19—25).

Если бы сатана помогъ этимъ философамъ убѣдить людей въ ихъ системѣ безбожія, то не счастіе принесли бы они въ даръ роду человѣческому, а гибель, даже временную гибель, хотя бъ и не было вѣчной. Въ обществѣ произошелъ бы совершенный хаосъ, и господство физической силы, какая была при его началѣ, господство животныхъ страстей, которое, увы, и обнаруживается въ нѣкоторыхъ явленіяхъ нашего времени, общественныхъ и частныхъ.

IV.

Наши философы, нигилисты и прогрессисты, суть большею частію недоучившіеся студенты и озлобленные семинаристы, или диллетанты самоучки.

Со всѣми науками, искусствами, теоріями, системами, политикою и всякою премудростію, они познакомились какъ будто изъ телеграммъ, и, не дождавшись почты, пустились судить и рядить вкось и вкривь о всѣхъ великихъ задачахъ человѣческой жизни, о всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ государственнаго управленія.

Друзья мои! Подождать бы вамъ почты: можетъ быть принесла бы она вамъ основанія, болѣе твердыя и прочныя!

Студенты, о которыхъ упомянулъ выше, учились чему нибудь и какъ нибудь, но не имѣвъ терпѣнія, не доучились ни до чего, и вышли на свободу.

Семинаристы, стѣсненные по своимъ училищамъ, во всѣхъ движеніяхъ ума, сердца и воли, но съ изощренной діалектикой, съ искусствомъ логическаго фехтованья, кончивъ курсъ—срываются будто съ цѣпи, по выраженію профессора Перевощикова, и пускаются во вся тяжкая. Для нихъ все равно: доказывать бытіе Бога или отвергать, и они начали отвергать тѣ или другія общепринятыя истины, потому что статьи такого рода цѣнились на ту пору выше на журнальной биржѣ. У кого способности были побойчѣе,—ну и пошла писать, парафразируя новыя книжки, французскія и нѣмецкія, какъ Бѣлинскій парафразировалъ Пушкина и Гоголя, а Добролюбовъ—Островскаго, распространяясь на доставляемыя ими темы, съ бо́льшимъ или меньшимъ талантомъ, съ бо́льшей или меньшей горечью и желчью, которыя такъ пришлись по вкусу новому поколѣнію.

Очень радъ представить ихъ вѣрный портретъ, начертанный мастерскою кистію Герцена, законнаго и безпристрастнаго судьи о своемъ частію,—не будь тѣмъ помянутъ,—отродьѣ.

Заносчивые юноши заслуживаютъ изученія, потому что они выражаютъ *временной типъ*, очень опредѣленно вышедшій, очень часто повторявшійся, переходную форму болѣзни нашего развитія изъ прежняго застоя.

Большею частью они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

Снимая все, до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись, какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, во все не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низкихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ и разнаго рода колодокъ и ошейниковъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія.

Съ одной стороны реакція противъ стараго, узкаго, давившаго міра, должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всякое отрицаніе враждебной среды: тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. Вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь не уважая, мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ

одномъ прилигіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ

Но съ другой стороны, эта, отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежительства, личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго «Пѣтуха», и притомъ не сохраняя позы Венеры Медицисской. Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзская рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ не оскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ такъ-же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, строкулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ.

Для полной свободы надобно забыть свое освобожденіе, и то, изъ чего освободились, бросить привычки среды, изъ которой выросли. Пока этого не сдѣлано, мы невольно узнаемъ переднюю, казарму, канцелярію, семинарію, по каждому ихъ движенію и по каждому слову.

Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть С. Миля ракальей, забывая всю службу его,—развѣ это не барская замашка, которая «стараго Гаврилу, за измятое жабо, хлещетъ въ усъ да въ рыло». Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ вы не ясно видите дерзость старинной офицерщины, и въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго дать фельдфебеля въ Волтеры.»

До сихъ поръ Герценъ. Слова его относятся къ учителямъ, а учениковъ, слушателей, прихвостней, попугаевъ, никогда не оберешься, когда проповѣдуешь отрицаніе, сомнѣніе, неудовольствіе, когда становишься въ оппозицію

и предлагаешь протестъ,—и вотъ раздаются безконечные отголоски по журналамъ и газетамъ, разносятся міазмы по губерніямъ и уѣздамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ злокачественнѣе. Пагубное повѣтріе распространяется, и собирается Панургово стадо. Молодежь на распутіяхъ заражается больше и больше нравственною оспой, скорлатиной, и даже холерой. Лѣкарей мало по призванію, или они боятся выступить на сцену, а если находятся какіе незваные, то вгоняютъ болѣзнь внутрь, или увеличиваютъ, усердствуя не по разуму.

А сколько есть опасностей для болѣзней этого рода, съ той и другой стороны, съ правой и лѣвой, опасностей, которыя дѣлаютъ ихъ хроническими изъ острыхъ,—и вотъ происходятъ Базаровы и Волоховы, померзѣе сочиненныхъ Тургеневымъ и Гончаровымъ.

Зараза коснулась и дѣвушекъ: онѣ первымъ шагомъ на пути прогресса считаютъ обрѣзать себѣ косу, и поднять... голосъ съ требованіемъ правъ, да и остаются многія, въ этомъ положеніи, на первомъ шагу, который дѣлается для нихъ послѣднимъ.

Какія нелѣпости не выдаются этою сволочью, и всякая находитъ себѣ читателей и приверженцевъ! «Невольный трудъ есть также проституція», сказалъ изъ нихъ кто-то, называя невольнымъ трудомъ такой, за который человѣкъ принимается не по доброй волѣ своей. А за вольный трудъ, т. е. за трудъ по доброй волѣ своей, приняться ему лѣнь, нѣтъ привычки, да нѣтъ и охоты, а иногда нѣтъ и способностей. Ну что-же ему дѣлать? Онъ и беретъ въ руки ножъ, и при малѣйшемъ искушеніи или возраженіи, препятствіи, неудачѣ, пускаетъ въ бокъ себѣ или досадителю.

Человѣкъ родится безпомощнѣе всѣхъ животныхъ, и принужденъ по неволѣ трудиться, ибо безъ этого труда не могъ бы и жить: съ чѣмъ же сообразно назвать такой трудъ проституціей? О, невѣжество, о, дерзость!

Страшно подумать, что большинство такъ называющей себя нашей интеллигенціи, непщующей стоять впереди и вести другихъ за собою, завладѣвшей по обстоятельствамъ высокими каланчами, смѣется надъ

противоположными ученіями, и увлекаетъ за собою много несчастной молодежи, для которой все дѣлается трынъ травою, и жизнь копейкой.

Такъ объясняются самоубійства, убійства, отравы и всякія преступленія, о которыхъ мы читаемъ всякій день въ газетахъ, и къ которымъ прибѣгаютъ даже несовершеннолѣтніе.

Разумъ выше всего, восклицаютъ наши доморощенные философы, и то съ голоса. (Не вамъ бы говорить о разумѣ!) Наука должна объяснить все! Вотъ назначеніе человѣка!

Да знаете ли вы, что уразумѣлъ разумъ впродолженіи извѣстныхъ пяти-шести тысячъ лѣтъ?

Скажите по совѣсти: можете ли вы выдержать экзаменъ по программѣ полнаго гимназическаго курса? Ну хоть уѣзднаго училища?

Чѣмъ, скажите, занимаете вы свой разумъ, и что онъ производитъ, что произвелъ?

Вы пишете почти такъ, какъ читалъ Гоголевъ Петрушка—куда кривая ни вынесетъ.

«Смертью все оканчивается, послѣ смерти ничего не будетъ». Да почему вы это знаете? Какіе опыты убѣдили васъ въ этомъ! Изъ какихъ посылокъ вы дѣлаете это заключеніе? Кто изъ вашего ничтожества приходилъ повѣстить вамъ это?

Ничтожества въ началѣ, сзади, вообразить вы не хотите, а ничтожество впереди вы утверждаете смѣло, на какомъ же основаніи? Еслибъ ничего и не было, то все таки, по законамъ хоть логики, утверждать это нѣтъ такъ называемой, достаточной причины, нѣтъ никакого права.

Вамъ хочется доказать ничтожество! Ничтожество вы доказываете прекрасно, только—собственное ваше, настоящее, пишучи статьи, издавая газеты и учавствуя въ журналахъ, а доказать будущее ничтожество не удается и тѣмъ, кто поумнѣе и поученѣе васъ.

Никакіе Бокли и Дреперы, Дарвины и Фохты, не смогутъ объяснить пустоты,—даже при помощи нашихъ доморощенныхъ философовъ-само-

учекъ, которые, по примѣру Гоголева Ляпкина-Тяпкина, дошли сами собою до самыхъ выспреннихъ вещей, то есть низменныхъ, да и сами пусты до нельзя.

Наши невѣжи скажутъ: сила,—да и успокоятся, какъ будто поняли и рѣшили все.

Отвергая ту или другую непостижимость, вы какъ будто объясняете себѣ что нибудь больше, чѣмъ понимаютъ другіе, вы какъ будто уразумѣваете что нибудь о жизни или смерти. Дерзость равняется невѣжеству. Страшно становится за васъ и больно. У насъ учреждаются по всѣмъ почти городамъ миссіонерскія общества, для обращенія Тунгусовъ и Алеутовъ, а дома на всѣхъ перекресткахъ шатаются отчаянные идолопоклонники, которые поклоняются, кто золотому тельцу, кто дикой обезьянѣ, кто косматому звѣрю съ хвостомъ, кто Бѣлинскому, кто Писареву, кто самому себѣ. Вотъ о чьемъ обращеніи, вразумленіи слѣдовало бы подумать прежде!

Религіи для нихъ не существуетъ. Небо очищено, мы свели оттуда Бога, восклицаетъ одинъ изъ модныхъ философовъ, и за нимъ повторяютъ несчастные юноши... Грустно, тяжело смотрѣть на нихъ, и омерзительно читать въ газетахъ и журналахъ статьи, которыя пахнутъ тѣмъ-же духомъ и служатъ для нихъ ободреніемъ и оправданіемъ. Въ Германіи эти теоріи не приносятъ такого вреда, какъ у насъ. Тамъ другая организація и тѣла и души. Да и вообще Европейскіе ученые работаютъ, и оглашаютъ плоды своихъ трудовъ, какъ они при добросовѣстныхъ изслѣдованіяхъ имъ достаются, предъявляютъ свои заключенія своимъ братьямъ-ученымъ, которые ихъ разбираютъ, отвергаютъ, исправляютъ. Тамъ до сомнѣній, до отрицаній, доходятъ путемъ строгой науки, и послѣдователи, дилетанты, дойдя до края, до края бездны, потолкаются-потолкаются, да и опомнятся, выберутся на другую дорогу, и съ хорошими запасами, съ прежними трудами, съ пріобрѣтенными

опытами, начнутъ другую жизнь. Тамъ разгульные студенты, откутивъ положенное время, перебѣсившись, дѣлаются строгими лютеранскими пасторами, а наши учители, и кольми паче ученики, хватаютъ вѣдь только вершки. Они вѣдь ничего не знаютъ, ничего съ толкомъ ни читали, кромѣ Бѣлинскаго и Современника, (хороши наставники), ни о чемъ не думали основательно, а только болтали съ голоса, какъ попугаи или сороки, и потому въ минуту отрезвленія, если кому удастся отрезвиться, они оказываются раками на мели; жизнь ихъ повреждена въ самомъ источникѣ, внутренности разъѣдаются полипомъ, и они встрѣчаютъ смерть въ мученіяхъ тѣлесныхъ и нравственныхъ. Напрасно Тургеневъ придалъ своему Базарову любовь къ наукѣ, и уморилъ его въ больницѣ отъ тифозной заразы: настоящій, обыкновенный Базаровъ долженъ, правда, умереть въ больницѣ, но отъ другой заразы. *)

Посмотрите на себя: Кто вы такіе? Что вы? Гдѣ учились? Что читали? Какъ провели жизнь? Что сдѣлали до сихъ поръ? Что испытали? Что имѣете за собою въ нравственномъ, умственномъ слыслѣ? Укажите мнѣ какую нибудь новую мысль о наукѣ, искусствѣ, человѣкѣ, государствѣ, политикѣ, даже у своихъ учителей: Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Писарева,— споры прикровенные съ бутошниками, возраженія квартальнымъ надзирателямъ и негодованіе на частныхъ приставовъ; въ той или въ другой формѣ, вотъ и все. Полевой роди Бѣлинскаго, какъ выразился вѣрно М. А. Дмитріевъ, Бѣлинскій роди Чернышевскаго, воздавшаго ему за то апотеозомъ, Чернышевскій роди Писарева, который дошелъ до нельзя, до нелѣпостей, а вы парафразируете и пересказываете ихъ докучную сказку, прикрываясь новыми общими мѣстами.

---

*) Вотъ почему переводы этихъ писателей вредны, и должны оставаться на своихъ языкахъ для ученыхъ, для образованныхъ читателей, а не для толпы, не для неопытной молодежи. Недавно прочелъ я въ газетахъ выраженіе страшнаго негодованія на какого-то директора, который исключилъ изъ гимназической библіотеки нѣсколько подобныхъ сочиненій. Столичный прогрессистъ воспылалъ гнѣвомъ на это непростительное самоуправство, которому надобъ пожелать только подражателей.

Смотря на солнце, на мѣсяцъ, на всѣ эти безчисленныя звѣзды, воображая міры, кто не чувствуетъ священнаго трепета во всѣхъ жилахъ своихъ? Погружаясь въ размышленіе о жизни и смерти, кто не поникнетъ главою предъ ихъ таинствами,—а вы, несчастные, не только живете смѣло, но колобродите и колобредите еще смѣлѣе, и въ полномъ удовольствіи богохульствуете! Это можно объяснить только дѣтствомъ, которое не знаетъ края, забавляется съ огнемъ и играетъ надъ бездною, — только невѣжествомъ, съ которымъ, говоря стихами Пушкина, толпа плюетъ на алтарь, гдѣ горитъ (священный) огонь, и въ дѣтской рѣзвости колеблетъ (таинственный) треножникъ.

Вы не трогаетесь никакими чудесами природы, вамъ пріятнѣе всякихъ полетовъ за млечный путь, копаться во внутренностяхъ лягушекъ. Вы разпотрошили ихъ до послѣднихъ суставчиковъ: экая сладость, что въ ротъ, то спасибо! Вы превратили въ плоть и кровь драгоцѣнные для васъ результаты послѣднихъ изслѣдованій науки: родство человѣка съ обезьяною доказано для васъ, какъ дважды два четыре! Вы матерія, вещество! Прекрасно, вамъ остается броситься въ болото къ любезнымъ для васъ лягушкамъ, или утекать до лѣсу въ общество разнообразнѣйшихъ, со всякими хвостами, со всякими лапами, со всякими клыками и со всякими рылами, обезьянъ. Что за привольная, разгульная, свободная жизнь! Какая интересная компанія! Съ Богомъ! Но вы обижаетесь такимъ выраженіемъ? Ну такъ съ чортомъ,—этотъ спутникъ для васъ пріятнѣе?— Счастливый путь!

Аще изгониши ны, повели намъ ити въ стадо свиное.... Идите.... и се устремися стадо все по брегу въ море и утонуша въ водахъ. Матѳ. VIII, 31, 32.

Что-же не строите вы храмъ своему косматому прародителю? Несчастные! Нашли себѣ въ великомъ Божіемъ мірѣ достойныхъ субъектовъ и объектовъ, братьевъ и сестеръ, пресловутыхъ предковъ!

Мольеровъ мѣщанинъ въ дворянствѣ очень смѣшонъ: онъ услаждается своимъ новымъ положеніемъ, прикидываясь равнодушнымъ, — задаетъ высшіе тоны, стараясь быть естественнымъ,—но ему неловко, изъ подъ лайковыхъ бѣлыхъ перчатокъ такъ и выказываются немытыя, заскорузлыя руки. Такъ и наши семинаристы, начитавшись французскихъ газетъ и нѣмецкихъ книжекъ, представляютъ себя не только прогрессистами, но и радикалами,—имъ кажется, что чортъ имъ не братъ, или лучше братъ, а внутренно они неключимые рабы и прирожденные деспоты, что явствуетъ изъ ихъ собственныхъ словопреній.

Тютчевъ какъ будто именно для нихъ или съ нихъ написалъ слѣдующіе стихи:

Напрасный трудъ! Нѣтъ ихъ не вразумишь:
Чѣмъ либеральнѣй, тѣмъ они пошлѣе;
Цивилизація для нихъ фетишъ,
Не недоступна имъ ея идея.

Какъ передъ ней ни гнитесь, господа,
Вамъ не снискать признанья отъ Европы:
Въ ея глазахъ вы будете всегда
Не слуги просвѣщенья, а холопы!

Есть критики, которые имѣютъ даръ видѣть только дурное въ высокихъ произведеніяхъ искусства, и, не понимая, не сознавая ихъ красоты, не наслаждаясь ими, они останавливаются на маловажныхъ пятнахъ, ничтожныхъ ошибкахъ, недостаткахъ; Крыловъ сравниваетъ ихъ съ свиньею, которая, роясь въ навозѣ на заднемъ дворѣ у богачей, спрашиваетъ съ досадою: да гдѣ же ихъ бисеръ и жемчугъ! Такъ точно близорукіе и легкомысленные совопросники схватываются за видимыя противорѣчія, или непонятныя, несогласныя съ общими понятіями вещи, напримѣръ, въ книгахъ Священнаго Писанія, и не обращаютъ вниманія на ихъ глубокое, таинственное содержаніе, и глумятся съ дерзостью.

Таково мое убѣжденіе, говоритъ кто нибудь. Но точно ли это есть его убѣжденіе? Не кажется ли только оно ему? Не есть-ли только это его

мнѣніе, даже съ вѣтру принятое? И въ этомъ трудно бываетъ намъ удостовѣриться, а иногда совсѣмъ невозможно. Такова человѣческая слабость, ограниченность вообще въ этомъ отношеніи, но наши смѣльчаки не останавливаются на такихъ опасеніяхъ, а закусивъ удила, бросаются, куда кривая ни вынесетъ, съ своими мнимыми убѣжденіями.

Иногда дѣйствуетъ или заставляетъ говорить только духъ противорѣчія, очень обыкновенный,—отвергаютъ часто не положеніе, само по себѣ, а его утвержденіе. Одинъ скажетъ: да, а другой въ отвѣтъ ему: нѣтъ. Еслибъ первый отрицалъ, то второй сталъ бы утверждать, и лѣвая сторона сдѣлалась бы правою, какъ то случается съ партіями въ конституціонныхъ собраніяхъ. *)

Для чего мы здѣсь живемъ, спрашивали-ль себя когда нибудь молодые витязи? Не можетъ быть, чтобъ мы обречены были на жизнь безъ цѣли! А если должна быть цѣль, то какая же? Въ чемъ слѣдуетъ полагать наслажденіе жизнью? Во вкусной пищѣ, въ хмѣльномъ питьѣ, въ прелестныхъ женщинахъ? Но вѣдь это наслажденія временныя, до извѣстныхъ возрастовъ, имѣющія свои предѣлы, за которыми слѣдуетъ отягченіе и разстройство желудка, головная боль и истощеніе силъ. Это все наслажденія тѣла, которыя въ тоже время, или впослѣдствіи, сопровождаются огорченіями души, угрызеніями совѣсти. Какъ ни стараются доказать ваши учители, что тѣло есть вмѣстѣ и душа, но ежедневный опытъ представляетъ опроверженіе ихъ положеніямъ.

---

*) Сейчасъ прочелъ я, въ примѣръ такого движенія мыслей въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, (№ 225. Августа 28), мѣсто въ рѣчи адвоката, которое какъ разъ подходитъ подъ это замѣчаніе: «Если бы (ему) первому пришло въ голову», говоритъ защитникъ, «то онъ сталъ-бы настаивать на своемъ предложеніи, а такъ какъ это предложеніе его противника, то онъ отъ него отказывается». Читатели понимаютъ, что, приводя этотъ примѣръ, я имѣю въ виду только пріемы состязателей, а отнюдь не предметъ ихъ состязанія, почему и отстраняю собственныя имена.

открытіями въ ея предѣлахъ; иные, погружаясь въ свои изысканія, тонутъ въ ихъ глубинѣ, (а наши въ лужахъ, нѣтъ,—въ помойныхъ ямахъ Запада), до такой степени овладѣваются ими, что лишаются способности поднять голову, посмотрѣть на небо и обозрѣть горизонтъ. Теряясь въ частностяхъ, они не могутъ уже возвыситься до общаго; занимаясь мелкими дробями, тупѣютъ для воображенія милліардныхъ чиселъ и такъ тяжелѣютъ, что не могутъ возвыситься до мысли о великой Единицѣ трехъ-ипостасной.

Впрочемъ я не вѣрю, чтобъ могъ существовать такой охлорофорнемный (обезчувственный) позитивистъ, къ которому бъ никогда не попадали въ голову роковые вопросы. Не вѣрю я, чтобы никогда не обезпокоили они, не смутили самаго выспренняго философа на высотѣ его умозрѣній и въ глубинѣ его изслѣдованій, вдругъ представясь его уму и оставаясь безотвѣтными. Не можетъ быть, чтобы какому нибудь Дарвину, Лапласу или Гегелю, не становилось иногда жутко, и чтобы дрожь не пробѣгала вдругъ по его тѣлу при подобномъ, невольномъ недоумѣніи.

Это недоумѣніе, эта дрожь должны увеличивать его безпокойство и смущеніе гораздо больше, чѣмъ обыкновенныхъ смертныхъ, соразмѣрно съ высотою, глубиною и силою его ума.

Вотъ этими моментами духовныхъ судорогъ, страшныхъ, мучительныхъ ощущеній, способныхъ сводить съ ума, и осуждается сама собою, уличается односторонность, близорукость, гордость той науки, которая нещетъ заключать въ себѣ все искомое, присвоятъ себѣ безсмѣнное диктаторство въ управленіи жизнію, отвергаетъ, осуждаетъ всякое другое исканіе, стремленіе, и между тѣмъ невольно сознается, что кромѣ видимаго, осязаемаго, ощущаемаго, есть еще что-то высшее, объ чемъ разсуждать отказывается, объявляя оное недоступнымъ для ума, превыше его силъ.

Какъ *Литтре* говоритъ, что вопросъ о сущности и началѣ не подлежитъ позитивной философіи, такъ *Спенсеръ* утверждаетъ, что «сила»,

которую проявляетъ намъ вселенная, совершенно неисповѣдима; и самъ основатель позитивной философіи, *Огюстъ Контъ*, заключаетъ, что «законы природы не могутъ дать отвѣта касательно собственнаго своего происхожденія, условія случая безсильны что-либо сдѣлать, слѣдственно вселенная получила начало путемъ сверхъ-естественнымъ». «Какимъ образомъ впервые развилась жизнь, это вопросъ безотрадный», то-есть неразрѣшимый, сознается и *Дарвинъ*.

Религія и церковь принимаютъ человѣка въ свои объятія, отвѣчаютъ на его вопросы, ободряютъ, укрѣпляютъ, утѣшаютъ его на тернистомъ пути сей жизни. Зачѣмъ же вы, философы и естествоиспытатели, позитивисты, хотите мѣшать ихъ благодатному дѣйствію, отъ котораго сами, немощные, отказываетесь? Наслаждайтесь своими отрицаніями, если они вамъ такъ любы, но оставьте «малыхъ сихъ», съ здравымъ разсудкомъ, безъ предвзятыхъ идей, молиться и вѣрить сказавшему:

Кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ; но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную. *Іоан. IV, 14.*

Я хлѣбъ живый, сшедшій съ небесъ; ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ. *VI, 51.*

Вспомните еще страшное слово Спасителя: кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его во глубинѣ морской. *Матѳ. XVIII, 6.*

Въ безсиліи рѣшить для себя роковые вопросы, если кто не можетъ сказать: вѣрую, Господи, помози моему невѣрію,

то молись по крайней мѣрѣ:

Сомнѣваюсь, Господи, разрѣши мои сомнѣнія.

Поэтъ *) такъ выразилъ нравственное состояніе нашего времени:

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни.
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни,
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.

Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ.
Невыносимое онъ днесь выноситъ...
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.

Не скажетъ вѣкъ, съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ передъ замкнутой дверью:
«Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!»
«Приди на помощь моему невѣрью!«

Онъ же, посылая книгу Новаго Завѣта въ подарокъ одной женщинѣ. оборовшейся съ несчастіемъ, говоритъ:

Но скудны всѣ земныя силы;
Разсвирѣпѣетъ жизни зло —
И вамъ, какъ на краю могилы,
Вдругъ станетъ страшно, тяжело.

Вотъ въ эти-то часы, съ любовью
О книгѣ сей ты вспомяни —
И всей душой, какъ къ изголовью,
Къ ней припади—и отдохни.

Вотъ еще четыре трогательныхъ его стиха

Пускай страдальческую грудь
Волнуютъ страсти роковыя, —
Душа готова, какъ Марія,
Къ ногамъ Христа на вѣкъ прильнуть.

---

*) Тютчевъ.

II.

Найдены заведенные часы: нашедшіе принялись разбирать ихъ пружины, колеса и стрѣлки, изслѣдовать, какая пружина приводитъ въ движеніе то или другое колесо, которое прежде, которое послѣ, черезъ какія посредствующія части, какое направленіе принимаютъ вслѣдствіе этого движенія стрѣлки, чьею помощію указываются на циферблатѣ секунды, минуты, часы, числа, мѣсяцы.

Положимъ, что изслѣдователи согласятся между собою, опредѣлятъ назначеніе и свойство составныхъ частей и объяснятъ удовлетворительно весь механизмъ движенія; положимъ, что они дойдутъ наконецъ до заключенія, что долженъ существовать ключикъ, которымъ завелась машинка, и приведены въ движеніе всѣ части, — вообразятъ даже его какъ нибудь... задачу свою исполнятъ они блистательно. Но развѣ тѣмъ дѣло кончится? Откуда взялся ключикъ? Кто заводитъ имъ часы? Откуда взялись матеріалы, изъ которыхъ часы сдѣлать было можно? Кому нужно ихъ движеніе? Для кого они указываютъ время? Вотъ въ чемъ вопросъ (That is the question)!

Сравнимъ еще мозговой аппаратъ (снарядъ) съ фортепіано: клавиши,— предположимъ ихъ безчисленное количество, — пусть соотвѣтствуютъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Руки пробѣгаютъ по клавишамъ, какъ предметы—продолжимъ сравненіе—поражаютъ зрѣніе, слухъ. Клавиши потрясенные будутъ соотвѣтствовать ощущеніямъ: они произведутъ въ корпусѣ инструмента соотвѣтствующіе звуки; точно какъ ощущенія сообщаются мозгу и производятъ тамъ извѣстныя движенія. Но здѣсь и оканчивается сравненіе!

Клавиши потрясены, сообщили движеніе, издали звукъ; глазъ, ухо, вкусъ получили впечатлѣніе, сообщили его мозгу; мозговые рефлексы— это звуки, произведенные движеніемъ клавишей, а дальше что? Звуки себя не слышатъ, а человѣкъ чувствуетъ, сознаетъ, мыслитъ. Откуда же на движенія мозга низлетаетъ сознаніе? Какъ съ такимъ-то его положеніемъ соединяется та или другая мысль? Кому она сообщается во владѣніе и кто ею распоряжается? Какъ она выражается въ свою очередь, по другому таинственному процессу, словомъ, и словомъ тьмочисленнымъ, по количеству языковъ?

Физіологъ покажетъ, разберетъ отношеніе предмета къ чувству, изслѣдуетъ всѣ перемѣны, происходящія въ органѣ и частяхъ, его составляющихъ. Далѣе—опишетъ путешествіе ощущенія по его скоротечнымъ дорогамъ въ головѣ и изслѣдуетъ, что̀ такимъ ощущеніемъ производится въ мозгу, въ какой его части, когда мозгъ разширится, когда стѣснится, растянется, какое дѣйствіе произведетъ на сосѣднія части, на все тѣло и на весь организмъ... Все это можно, все это наука сдѣлаетъ, точно какъ съ Боклями исчислитъ когда нибудь подобныя песчинки во всей этой неизмѣримой, необъятной, безконечной вселенной, сочтетъ пожалуй всѣ лучи, испускаемые миріадами безчисленныхъ звѣздъ, — это жизнь наукъ,—а все-таки мы не узнаемъ какимъ образомъ, откуда, чѣмъ осмысливается ощущеніе, переданное мозгу и произведшее тотъ или другой рефлексъ (впечатлѣніе)! Понятіе не въ этомъ впечатлѣніи, (которое есть только его вещественное выраженіе), а вндѣ, гдѣ должна взяться за него Психологія!

Nihil in intellectu, nisi prius in sensu. (Ничего въ умѣ, чего не было прежде въ чувствѣ). Это сказано давно. Но давно также и ограничено: nisi intellectus ipse, (кромѣ самаго ума). Позитивисты говорятъ, что наукѣ принадлежитъ только все видимое, осязаемое, ощущаемое.

Но чѣмъ же они разсуждаютъ о видимомъ, осязаемомъ, ощущаемомъ? Развѣ это орудіе разсужденія видимо, осязаемо, ощущаемо?

Умъ,—это, говорятъ они, есть слѣдствіе впечатлѣній, получаемыхъ человѣкомъ съ утробы матерней и какъ-то (?) раждающихся изъ нихъ мыслей: наши рѣшенія, дѣйствія, разсужденія суть только естественные плоды, невольныя выраженія, необходимые результаты впечатлѣній, полученныхъ нами въ продолженіи нашей жизни: впечатлѣнія ежемгновенно получаются, дѣйствуютъ взаимно одно на другое, и имѣютъ, какъ умножаемыя числа, свое произведеніе, которое безпрестанно измѣняется, возрастаетъ, умаляется, крѣпнетъ, слабѣетъ. Это произведеніе и заставляетъ человѣка думать или дѣйствовать во всякую минуту такимъ, а не инымъ образомъ. Самъ же человѣкъ тутъ не при чемъ: онъ только свидѣтель того, что происходитъ въ его внутренней лабораторіи безъ его вѣдома, и обнаруживается его мыслями, поступками, всею жизнію.

Какова должна быть эта лабораторія, спросимъ мимоходомъ, кипучая и клокочущая, въ которой впечатлѣнія, самыя разнообразныя, попадаютъ со всѣхъ сторонъ, борятся между собою безпрерывно, перекрещиваются, измѣняются, переработываются, и всякую минуту обнаруживаются въ дѣйствіяхъ, которыя мы, по старымъ, якобы обветшавшимъ, понятіямъ, приписывали уму, сердцу, волѣ?

Неужели такою лабораторіей объясняются дѣйствія ума? Умъ не понятенъ, какъ не понятна воля, сердце, какъ не понятна жизнь, какъ не понятенъ человѣкъ, вселенная; но такою лабораторіею со всѣми ея операціями онъ не объясняется, а развѣ помрачается!

И какъ же смѣетъ позитивная философія, объявляющая, что имѣетъ своимъ предметомъ только видимое, осязаемое, ощущаемое, представлять такую гипотезу, которая своею смѣлостію далеко оставляетъ за собою всякія отвлеченности!

Итакъ нашъ умъ чудный, который мы привыкли было называть творческимъ, есть только продуктъ, процессъ безчисленныхъ впечатлѣній, перебродившихся въ нашемъ мозгу и деспотически, или тираннически, противъ нашей воли, (да ея и нѣтъ), въ насъ дѣйствующихъ. Люди могутъ быть только невольными регистраторами дѣйствій, чрезъ нихъ совершающихся, подвижными циферблатами внутреннихъ постоянныхъ революцій!

Человѣкъ есть автоматъ, машина, заводимая вліяніемъ окружающаго міра. Державинскій Богъ, Рафаелево Преображеніе, рѣчь Мирабо, соображеніе Дарвина, сочинились сами собою, произошли изъ прежнихъ впечатлѣній: Державинъ, Рафаель, Мирабо, Дарвинъ, тутъ не при чемъ! Это только имена собственныя для каталога. Блонденъ пускается по канату надъ Ніагарою: это не онъ прыгаетъ, а его впечатлѣнія, рефлексы, которые пригнали его сюда неволею!

Что такое умный человѣкъ и глупый? У перваго такой-то мозгъ, у втораго иной, какъ у одного человѣка хорошее зрѣніе, у другаго дурной слухъ, вкусъ и проч. Вся разница между людьми, слѣдовательно, по упомянутой системѣ, въ различіи орудій, инструментовъ, случайно ими въ той или въ другой каплѣ зародыша полученныхъ, случайно подвергавшихся тѣмъ или другимъ вліяніямъ; всѣ люди различаются между собою только по количеству и качеству случайно доставшагося имъ мозга, который такъ или иначе впечатлялся впродолженіи ихъ жизни.

Сколько головъ, столько умовъ, столько и мозговъ! Откуда же различіе? Этотъ мозгъ производитъ Ньютона, этотъ Цезаря, Цицерона, Рафаеля, а этотъ—нигилиста Русскаго. Какія границы этихъ мозговъ? До чего могутъ доходить они? Впизъ, мы знаемъ теперь, что они могутъ сойти на нѣтъ, на ничто, на нигилиста, на Русскаго уѣзднаго, замоскворѣцкаго нигилиста, (ниже нельзя), съ его обстриженною подругою, безъ косы, въ синихъ очкахъ,—а вверхъ? Отчего зависятъ эти повышенія и пониженія? Все — отъ получаемыхъ впечатлѣній? Странно, что

наша новая педагогика не займется фабрикаціею впечатлѣній, и не возметъ на себя подрядъ ставить намъ музыкантовъ, поэтовъ, юристовъ *).

Человѣкъ — автоматъ, а родъ человѣческій еще болѣе. Эскимосы. Французы, Англичане, Греки, Готтентоты — это только вокабулы, имена различныя.

Что же такое Исторія? Фантасмагорія, на которую мы радуемся вчужѣ, сами не зная почему, то есть, повинуясь суммѣ своихъ случайныхъ впечатлѣній.

И воли нѣтъ! Это такой же плодъ чуждыхъ сѣмянъ, вѣтромъ въ мозгъ, а не въ душу (отвергаемую) занесенныхъ!

Карамзинъ и Ванька Каинъ, Іоаннъ Грозный и Ѳеодосій Кіевскій, уголовный преступникъ и святой отшельникъ — суммы впечатлѣній, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, полученныхъ, западавшихъ подъ ихъ черепа.

Нельзя не замѣтить, что наши адвокаты пользуются отлично этою теоріею!

Какую роль играетъ человѣкъ на землѣ? Такую же, какъ камень, растеніе, животное. Что же такое сознаніе? Лишнее свойство камня, растенія, животнаго?

Ну, а что же дѣлать еще съ понятіемъ о добрѣ и злѣ, о лжи и правдѣ, о совѣсти? Ихъ нѣтъ въ мозгу. Если бы все въ человѣкѣ зависѣло только отъ впечатлѣній и ихъ суммъ, то изъ чего же бы возникли — понятіе о добрѣ и злѣ, борьба въ выборѣ добра и зла, угрызеніе совѣсти,

---

*) Только что написалъ я эти строки, какъ читаю въ послѣдней книжкѣ Православнаго Обозрѣнія (октябрь, с. 473): «Извѣстный нашъ педагогъ баронъ Корфъ въ недавнее время высказывалъ сожалѣніе, что теорія Дарвина, подтверждаемая, по его мнѣнію, безчисленными доказательствами, и отразившаяся на философіи, политической экономіи, исторіи, даже филологіи, до сихъ поръ не имѣла значительнаго вліянія на педагогику, — науку, спеціально посвященную всестороннему изученію человѣка!!!»

мысль объ усовершенствованіи, какъ бы могли зародиться понятія — о Богѣ, о душѣ, о другомъ мірѣ? Считайте, пожалуй, эти понятія, различенія, условными, производными, но онѣ существуютъ; понятія, различенія, какъ бы ни были, и этого довольно бы кажется для убѣжденія, что есть въ человѣкѣ, кромѣ впечатлѣній внѣшней природы, что-то свое, особое, почему онъ и есть человѣкъ,—что-то не подчиненное впечатлѣніямъ, а управляющее ими, выбирающее, дѣйствующее, — душа!

Камень увеличивается, дерево растетъ,—но человѣкъ что-то дѣлаетъ: вотъ Византійскій храмъ Святой Софіи, вотъ Рафаелева Мадонна, вотъ Генделева ораторія, — неужели все это — только естественныя произведенія? Чѣмъ отличается Аполлонъ Бельведерскій отъ глыбы мрамора? Какъ онъ изъ нея произошелъ? Что нибудь было нужно этой глыбѣ, чтобъ сдѣлаться Аполлономъ.

У камня, у дерева нечего спрашивать отчета. Новые наши философы думаютъ, что и у человѣка нечего спрашивать отчета—прекрасную будущность они готовятъ для своихъ дѣтей, которая, увы, кажется и начинается судя, по газетамъ.

Матеріалисты смѣшиваютъ то дѣйствія, то явленія, то поводы, съ причинами. Сыпь, опухоль, пятна, краснота, суть признаки, явленія болѣзни, но не болѣзнь сама. Страхъ, удивленіе, радость, сопровождаются такими-то движеніями мозга, точно какъ такіе-то предметы производятъ такое-то впечатлѣніе въ глазѣ, въ ухѣ, а чрезъ нихъ въ мозгу, но сознаніе есть факторъ, сила отъ нихъ особая, есть искра, такъ сказать, внѣшняя, воспламеняющая порохъ. Свѣтъ во тьмѣ (мозговыхъ рефлексовъ) свѣтитъ, но тьма его не объятъ.

Никакими рефлексами нельзя объяснить размышленіе, когда человѣкъ приводитъ, такъ сказать, въ волненіе всю свою мозговую систему, летая мыслію по вселенной, поднимая изъ могилъ все прошедшее, или созидая новые, особые міры, и населяя ихъ произведеніями своего во-

ображенія. Никакое море своими волнами не сравняется, въ разнообразіи и быстротѣ представленій, съ его фантазіею, которой мозгъ безпрекословно повинуется!

Хотятъ доказать, что Психологія должна быть и не можетъ иначе быть, какъ продолженіемъ Физіологіи, другими словами, что вся наша умственная, нравственная, духовная дѣятельность, находится въ исключительной зависимости отъ первоначальныхъ впечатлѣній, и ихъ, такъ сказать, суммъ, плодовъ.

Нѣтъ, Физіологія такъ соединяется съ Психологіей, какъ душа съ тѣломъ, мысль съ словомъ, законъ необходимости съ закономъ свободы, или предопредѣленіе съ случаемъ. Такъ соединяется артерія съ веною. Но артерія не есть вена, мысль не есть слово, свобода не есть необходимость, душа не есть тѣло, и Психологія не есть Физіологія.

Соединеніе, совпаденіе противоположностей, крайностей или полюсовъ, соединеніе, совпаденіе законовъ необходимости съ законами свободы въ Исторіи, при которыхъ случай дѣлается рабомъ судьбы, есть таинство, которое, развѣ можно чувствовать, чаять, а не понимать—пока, на землѣ!

III.

Я началъ читать Бокля, и послѣ первыхъ страницъ мнѣ вспали на умъ стихи Державина:

Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ,
Хотя и могъ бы умъ высокій...

Умъ высокій Бокля счелъ нѣсколько песчинокъ, счелъ нѣсколько лучей, а сколько ихъ осталось?

Другіе умы высокіе, и еще высшіе, сочтутъ еще нѣсколько песчинокъ и лучей, даже больше, приложатъ къ его суммамъ еще нѣкоторыя количества, а все-таки должны будутъ сознаться, что

Ему числа и мѣры нѣтъ!

Бокль очень остроуменъ, очень проницателенъ, въ томъ или другомъ уголку знанія, но изъ-за кустовъ не видитъ онъ, кажется, лѣса, изъ-за травокъ не обозрѣваетъ луга.

Какъ самоучка, онъ считаетъ впрочемъ открытіемъ то, что за долго до него было перезвѣстно, но не попадалось ему подъ руку; за новость предъявляетъ онъ нѣкоторыя свои требованія отъ Исторіи, а они даже на Русскомъ языкѣ были оглашены прежде, чѣмъ онъ родился, или выучился грамотѣ.

А наши-то невѣжи каковы, разѣвая ротъ на мнимыя Боклевы открытія безъ исключенія!...

Не говорю уже объ его нелѣпостяхъ. Нравственныя истины неподвижны, говоритъ онъ, *) и слѣдовательно нѣтъ нравственнаго прогресса; онѣ не могутъ имѣть вліянія на развитіе цивилизаціи.

*) См. Русскій Вѣстникъ 1874, октябрь.

Да развѣ истины ограничиваются только собою, и заключаются только въ книгахъ и системахъ?

Нравственныя истины неподвижны, какъ и всѣ прочія истины, какъ дважды два четыре, какъ законы обращенія свѣтилъ небесныхъ. Но истина въ природѣ, въ книгахъ, въ системахъ, и истина въ отраженіи, въ сознаніи, въ исполненіи — не одно и тоже. Жизнь человѣка и состоитъ въ приближеніи его къ идеалу нравственныхъ истинъ, (данному въ Евангеліи), точно какъ жизнь науки — въ приближеніи ея къ полному познанію, отраженію природы въ умѣ, къ истинѣ.

Зако́ны даны; они неизмѣняемы. Такъ, по Боклю, отъ нихъ и пользы нѣтъ? Въ томъ-то и дѣло, что они должны войти въ жизнь, приводиться въ исполненіе, — и общество, и государство тогда процвѣтаетъ, когда законы его исполняются. Законы даются для людей, по людямъ и судите объ ихъ вліяніи, дѣйствіи, пользѣ.

Въ этомъ отношеніи удивительно затмѣніе въ свѣтломъ умѣ Бокля.

Частныя его замѣчанія, исчисленія песчинокъ и лучей имѣютъ, разумѣется, полное право на уваженіе.

Такъ точно нѣкоторые и изъ другихъ философовъ досчитываются до десяти, до ста, до тысячи, а тамъ многое еще остается считать! *) Они уразумѣваютъ, угадываютъ, описываютъ частички, единицы, дроби, десятичныя, милліонныя дроби мірозданія, а между тѣмъ изъ этихъ гомеопатическихъ уразумѣній, угадокъ и догадокъ, дѣлаютъ посылки ко Всему. Въ томъ-то и бѣда! Не только *Все* имъ недоступно, но они не обращаютъ вниманія даже на то, какую связь со *Всѣмъ* имѣютъ ихъ собственныя открытія.

Иные останавливаются на полдорогѣ, предъ тѣмъ или другимъ поло-

*) Хорошо еще, кто достигаетъ до такихъ почтенныхъ цифръ, а вѣдь у насъ есть такіе удальцы, которые двухъ перечесть не умѣютъ, а кричатъ, какъ будто бы милліоны имъ были ни почемъ, и хвастливаго съ богатымъ не узнаетъ толпа!

женіемъ науки, предъ собственнымъ открытіемъ, и отвергаютъ прочее, какъ будто-бы его и не бывало.

А если бы они имѣли силу ступить еще шагъ-другой, подняться повыше, то они сами увидѣли бы, можетъ быть, другое,—и стали бы судить иначе.

Идучи по горѣ, встрѣчая повсюду преграды и заборы, бугры и ямы, устаешь по неволѣ, останавливаешься, но смѣшно вѣдь судить и толковать о видахъ, имѣя горизонтъ со всѣхъ сторонъ стѣсненный и закрытый, о томъ, что представляется на открытой со всѣхъ сторонъ вершинѣ. Взойдите на верхъ горы, очистите чувствія и узрите!

Ограниченны и односторонни эти философы со всею ихъ начитанностію, остроуміемъ, глубокомысліемъ. Они гоняются за частностями, которыхъ есть милліарды, тьмы темъ, и дорожатъ ими, а великое цѣлое для нихъ, для нѣкоторыхъ, какъ будто не существуетъ! Ко всѣмъ имъ можно примѣнить басню Крылова: Любопытный.

Они трудятся усердно, находятъ иногда удачныя объясненія, а потомъ все-таки приходятъ ко тьмѣ, гдѣ ни зги Божіей для нихъ не видно, (это выраженіе здѣсь кстати), но не сознаются, а оборачиваются спиною, начинаютъ умничать и несутъ дичь, то есть непостижимость замѣняютъ дичью, не только непонятною, но и безсмысленною, и должны бываютъ умолкнуть, если не имѣютъ добросовѣстности повторить стихи вдохновеннаго поэта:

Я царь, я рабъ, я червь, я богъ,
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколь я произошелъ? безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.

Родъ человѣческій трудится, ломаетъ себѣ голову, напрягаетъ всѣ способности, проливаетъ потъ и кровь: ну что же онъ понялъ? По всѣмъ даннымъ и по всѣмъ опытамъ видишь, дальше чего не можетъ идти

наука или разумъ: онъ можетъ описать явленія, найти связь между ними, аналогію, опредѣлить взаимное вліяніе, облегчить обозрѣніе—и только! Но и до этого еще далеко!

Сравните, сколько узнано, съ тѣмъ, что узнавать остается. Да и узнанное не безпрестанно ли перемѣняется? Не то, не такъ, ошиблись! Вотъ чего не было на виду! Вотъ что не принято было въ соображеніе! и проч.

Всѣ науки даютъ отвѣтъ неудовлетворительный о предметахъ своихъ изслѣдованій, что касается до ихъ *сущности*. Этого мало: судя по тому, что мы узнали, должно принять, что мы и узна́емъ о высшихъ вопросахъ,—немного больше, говоря вообще, на этомъ пути, сколько бы ни бились, сколько бы ни изрѣзали лягушекъ, и какую бы аналогію ни нашли въ человѣческомъ тѣлѣ съ тѣломъ двурогихъ, четвероногихъ или такихъ-сякихъ животныхъ.

Да не обвинитъ меня никто, на основаніи этихъ словъ, въ недостаточномъ уваженіи къ наукѣ, къ философіи: я говорю здѣсь о несостоятельности науки въ отношеніи къ основнымъ, первымъ вопросамъ бытія и жизни, природы и человѣка, а никакъ не въ отношеніи къ ихъ явленіямъ во времени и пространствѣ. Изслѣдованіе о сихъ предметахъ, связи, взаимномъ вліяніи, дѣйствіяхъ и явленіяхъ—вотъ законная принадлежность науки, ея высокая задача и цѣль. Такъ точно и Философія, какъ исканіе мудрости, любовь къ мудрости, стремленіе къ разрѣшенію главныхъ человѣческихъ вопросовъ, — Философія, представляя собою, своими усиліями, развитіе ума, высшей человѣческой способности, есть самое высокое, самое благородное, самое почтенное, обязательное, такъ сказать, для человѣка занятіе.

Честь, слава и благодарность благодѣтелямъ человѣчества, служителямъ науки, которые напрягаютъ свои силы, не щадятъ трудовъ, для

изученія природы и человѣка, для представленія людямъ, какъ «невидимое Его, Его вѣчная сила и Божество, отъ сотворенія міра видима чрезъ разсматриваніе тварей.»

Искреннее, добросовѣстное занятіе наукою, какою-бы-то ни было, возбуждаетъ благоговѣніе, и если половинное знаніе приводитъ къ невѣрію,—то полное внушаетъ вѣру.

Величайшій философъ древности, Сократъ, кончилъ, свою жизнь, посвященную исканію мудрости, торжественнымъ признаніемъ: я знаю, что ничего не знаю,

Такое признаніе есть вѣнецъ человѣческой естественной мудрости. Но сдѣлать его могъ Сократъ, знавшій все, что въ его время узнать было можно, и неудовлетворявшійся этимъ, всѣмъ; только такое всеобъемлющее знаніе даетъ цѣну признанію въ незнаніи, въ неудовлетворительности знанія, возбуждаетъ благоговѣніе, (страхъ Божій), предъ тѣмъ «ничего», которое скрывается подъ узнаннымъ всѣмъ, предъ тѣмъ «ничего», которое выражаетъ съ одной стороны неудовольствіе, а съ другой безъ сомнѣнія желаніе, жажду.

Невѣжа ничего не знаетъ; мудрецъ Сократъ ничего не знаетъ. Эти два незнанія отстоятъ одно отъ другаго, какъ небо отъ земли.

Философъ нашего времени, становясь даже па степень Сократа, долженъ бы повторить его признаніе, потому что знанія его времени увеличились только въ количествѣ, но такихъ философовъ еще нѣтъ. (Не мудрено, если и въ древности нашелся только одинъ.

Нынѣшніе философы, зная многое, узнавая многое, то есть, дѣлая собственныя открытія, дѣйствительно драгоцѣнныя въ извѣстномъ отношеніи, довольствуются по большой части своими знаніями, и въ упоеніи гордости, только отчасти законной, зажмуриваютъ глаза на Сократовское ничего и его значеніе, какъ будто-бъ его и не было, а есть и такіе, которые относятся къ нему съ презрѣніемъ, или даже отвергаютъ его существованіе.

Наука, какъ грамота, какъ религія, какъ все, можетъ быть употребляема во зло. Вотъ ея злоупотребленія, увлеченія незванныхъ ея поклонниковъ, дерзость возгордившихся ея жрецовъ, возмущаютъ всякаго благочестиваго, скромнаго искателя истины *).

Если бъ мы поняли что нибудь совершенно, если-бъ могли имѣть надежду, по вѣрнымъ даннымъ, что можемъ понять и узнать все, хоть мало по малу, то наше невѣріе моглобъ сколько нибудь оправдываться. Но вѣдь мы остаемся во мракѣ среди своихъ усиленныхъ, напряженныхъ наслѣдованій, и не должны имѣть никакой надежды выдти на свѣтъ по одному этому пути, подъ руководствомъ разума.

Неужели весь родъ человѣческій осужденъ на Сизифову работу—вставскивать съ усиліемъ на гору камень, который скатывается оттуда внизъ? или на занятія Данаидъ, которыя должны были накачивать бездонныя кадки? Можетъ ли быть такъ? Неужели такъ должно быть, и этому не будетъ конца? Умъ отказывается вѣрить такому ученію. Что нибудь да не такъ. По одному пути науки, разумѣется, въ своей степени необходимому, сколько видно найдти истины, получить здѣсь полное удовлетвореніе.

Откуда все взялось, какъ произошло, кто далъ намъ жизнь, что она такое, для чего мы живемъ, что такое смерть, безконечность, безпредѣльность, вѣчность, пустота? Одни изъ модныхъ философовъ ищутъ отвѣтовъ на эти и подобные существенные вопросы, не находятъ, сердятся съ противорѣчіями и отвергаютъ: другіе, позитивисты, не признаютъ существованія вопросовъ, объявляютъ ихъ непринадлежащими къ наукѣ, третьи говоритъ, что искать отвѣтовъ нечего, что вопросы эти не должны занимать, а должно думать только о томъ, изслѣдовать только то, что подлежитъ нашимъ чувствамъ.

---

*) Такихъ, или, лучше сказать, нашихъ попугаевъ, имѣлъ я въ виду, говоря [illegible] на высшіе вопросы человѣческіе.

Матеріалистамъ можно напомнить глубокую мысль покойнаго Иннокентія въ пользу мнѣнія о безсмертіи души: если бы душа была одно съ тѣломъ, то болѣзни тѣла должны были бы отзываться на всѣхъ такъ называемыхъ душевныхъ способностяхъ, а мы видимъ часто, что при совершенномъ изнеможеніи тѣла, въ крайнихъ страданіяхъ, сохраняется нѣкоторыми людьми совершенно ясное сознаніе, и совершенно полное владычество надъ всѣми муками тѣлесными. Какъ вы объясните это, матеріалисты? (Я пишу на память; можетъ быть ошибаюсь въ выраженіи но не ошибаюсь въ сущности мысли).

Въ чемъ же считать наслажденіе души? Въ искусствѣ, но вѣдь одно изъ вашихъ свѣтилъ—Писаревъ отдавалъ всѣ сочиненія Шекспира съ Пушкинымъ въ придачу за пару сапоговъ? Въ наукѣ — но вѣдь эти наслажденія даются въ удѣлъ немногимъ, и корень ученія признанъ единогласно горькимъ, а только плоды его сладки, да скоро ли ихъ вамъ дождаться, и дождетесь ли? Въ исполненіи долга—а долгъ-то какъ вы докажете, и въ чемъ его назначите? Гдѣ же счастіе, гдѣ довольство?

Есть люди, которые говорятъ, гдѣ можно найдти его, но вы отъ нихъ отворачиваетесь и называете ихъ отсталыми или фанатиками. Очистите чувствія, говорятъ они вамъ, и узрите, а у васъ въ глазахъ туманъ и въ головѣ чадъ, угаръ, который никогда не проходитъ. Ибо, если вино затемняетъ разсудокъ, то неужели страсти оказываютъ меньше такого вліянія? Разумѣется не меньше, а больше. Вздоръ, неправда, восклицаютъ нигилисты. Ну да попробуйте пожить, какъ живутъ святые люди, а говорить съ плеча, что это вздоръ, не сдѣлавъ опыта, есть только дѣтское безразсудство и дерзость.

Какъ живутъ и умираютъ истинные христіане, о которыхъ дошло вѣрное преданіе, которые, слава Богу, не перевелись еще и въ наше время? (Нынѣшніе примѣры рѣже, или остаются дольше подъ спудомъ). Какъ живутъ и умираютъ прогрессисты или нигилисты? Припомните хоть исторію вашихъ, несчастной памяти, предшественниковъ!

Отрѣшимся отъ всего настоящаго и перенесемся въ область отвлеченностей. Вы живете,—какую цѣль имѣетъ жизнь по вашему предположенію? Счастіе. Вы считаете свою систему, свое ученіе, путемъ къ этому счастію; отъ вашей системы и отъ вашего ученія зависитъ будущее блаженство человѣческаго рода. Вы желаете снабдить имъ своихъ соотечественниковъ. Такъ-ли? Ну да счастливы-ли вы сами? Пропитавшись своимъ ученіемъ, навязывая его съ такимъ усердіемъ всякому встрѣчному, вы сами должны, разумѣется, исполнять строго его правила, и вслѣдствіе того утопать въ блаженствѣ. А такъ-ли это въ самомъ дѣлѣ? Что-же тому за причина? Кто и что вамъ мѣшаетъ?

Вы осуждаете толпу, большинство, вы отвергаете всякое преданіе, вы считаете себя передовыми людьми, стоя на высотѣ, запѣвалами прогресса. Вы хотите проповѣдывать новый уставъ жизни, вы хотите учить, какъ люди должны жить и вести себя; вы хотите распространять новые нравственные законы, преподать истинную науку жизни. Признайтесь однакожъ по совѣсти, что принимая на себя эту обязанность, вы невольно краснѣете, если обращаетесь на себя, и разсматриваете безпристрастно, какова ваша настоящая жизнь и нравственность. Положите руку на сердце и отвѣчайте: ваше ученіе имѣетъ ли вліяніе на вашу жизнь, на вашъ образъ дѣйствій, на спокойствіе вашего духа? Вы, отвергающіе, отрицающіе, живете лучше ли другихъ принимающихъ, утверждающихъ? Не много ли дѣла должна имѣть съ вами управа благочинія, не говоря уже о высшей инстанціи абсолютнаго суда и естественной справедливости? Надѣетесь ли вы успѣть далѣе, работая надъ собою въ продолженіи жизни? Едва ли, да и незамѣтно, чтобъ вы о томъ думали. Учители ваши или предшественники кусаютъ локоть—тѣ, которые остались въ живыхъ послѣ несчастныхъ своихъ опытовъ, но не достанутъ его. Разочарованные, развинченные, одряхлѣвшіе, шатаются они, какъ тѣни, а покойники, живъ не людьми, по пословицѣ, умерли не родителями, и жестоко поплатились за свои заблужденія. Герценъ, который былъ умнѣе, даровитѣе всѣхъ, гигантъ между вами, какъ окончилъ жизнь свою? Слава Богу, что онъ успѣлъ

еще сознаться въ нѣкоторыхъ своихъ заблужденіяхъ. А вы-то что? Слѣдовательно ученіе ваше не только не приноситъ никому пользы, ни въ какомъ смыслѣ, на практикѣ, въ дѣйствительности, въ жизни, наперекоръ теоріи, а губитъ людей, начиная съ васъ самихъ. Вы только что пишете, пустомеле:е, или пустозвоните, а люди ниже васъ, ограниченнѣе васъ, толпа, неопытная молодежь, въ уѣздахъ, по гимназіямъ, читаютъ и рукоплещутъ, пока не постигнетъ ихъ таже участь, и они заплачутъ горько о потраченныхъ силахъ, объ испорченной жизни, и страшной судьбѣ.

Да и долгъ-то, какъ вы докажете потомкамъ Дарвинова звѣря?

Если съ нынѣшними понятіями и вѣрованіями, въ нынѣшней уздѣ, человѣкъ, говоря вообще, такъ мало подвинулся впередъ по пути добра и нравственности, то разнузданный, гдѣ-бъ онъ очутился?

Что значатъ слова умирающаго: не помяните меня лихомъ? Не все ли то равно для него, будутъ-ли проклинать или благословлять его; къ чему забота о доброй славѣ? Вѣдь это было-бы пустословіемъ.

Нѣтъ, здравый смыслъ отказывается принимать такое ученіе, какъ-бы ни силились вы его доказывать!

И кто-же будетъ исполнять приказываемое вашимъ долгомъ, начиная съ васъ самихъ, учителей? Вашему товарищу понравилась ваша жена, а вамъ его сестра. Должно вѣдь тотчасъ сдѣлаться, какъ хотимъ, а чуть не по насъ, взводится курокъ! Украсть, обмануть, солгать, обольстить, вѣдь это все возможно, позволительно, для удовлетворенія своихъ желаній, которыя одни имѣютъ законное право на землѣ и не терпятъ никакого возраженія, по той же системѣ!

Попытайтесь составить программу изъ вашихъ положеній: вы сами удивитесь безобразію этого цѣлаго, безобразію, которое для васъ непримѣтно въ благовидной формѣ возраженій на настоящія вѣрованія.

Что дѣлать съ вашею программою? Преподавать ее въ училищахъ? Ученики, какъ подростутъ, прибьютъ учителей. Вы образумите ихъ развѣ съ трудомъ, и то немногихъ чрезъ долгое время.

А сколько времени пройдетъ, пока можно устроить вамъ, оборони Боже, такія училища?

Вы думаете переучить взрослыхъ? Переученные съ половины дороги поставятъ все вверхъ дномъ. Чѣмъ можно остановить ихъ?

Прежде, чѣмъ лучшая часть системы будетъ выразумлена, т. е. понятіе о долгѣ, невѣжественная толпа ухватится за худшую, и, отрицая Бога, Промыслъ, безсмертіе, пустится во вся тяжкая. Каково положеніе общества! *)

При вашей посредственности и бездарности, авось, Богъ дастъ, обратить вамъ не удастся многихъ, кромѣ той обреченной сволочи, которая и теперь около васъ трется, думая составлять съ вами авангардъ прогресса,— но вѣдь и ея жалко! **)

---

*) «Для атеизма, справедливо замѣчаютъ, единственный шансъ (видъ впереди) заключается въ его естественномъ союзѣ съ грубыми страстями и похотями человѣчества. Ибо если нѣтъ Бога и нѣтъ будущей жизни, нѣтъ искупленія и нѣтъ грѣха, безразсудно говорить и дѣйствовать такъ, какъ будто бы это все было. Сей міръ есть все. Нѣтъ высшаго разума, нѣтъ высшей воли кромѣ нашихъ. Мы можемъ дѣлать, что по этому намъ захочется. И ничего лучшаго не можемъ мы дѣлать, какъ извлекать возможно большее наслажденіе изъ сей единственной и при томъ столь быстролетной жизни, выпавшей намъ на долю. «Будемъ ѣсть и пить, ибо завтра помремъ.»

Sapias! Vina liques! Et spatio brevi
Spem longam reseces! Cum loquimur, fugerit invida
Aetas. Carpe diem, qua minimum credula postero!

**) Намъ пишутъ изъ Петербурга, говорятъ «Русскія Вѣдомости», въ нынѣшнемъ февралѣ, что эпидемія самоубійствъ, въ тамошней столицѣ начинаетъ распространяться на образованные классы, и, что всего замѣчательнѣе, эти элементы столичной интеллигенціи возводятъ убійство въ какой-то принципъ, которому иные считаютъ себя какъ бы обязанными слѣдовать. Такъ не далѣе какъ на текущей недѣлѣ застрѣлился въ Петербургѣ молодой ученый, подававшій большія надежды, кандидатъ физико-математическаго факультета, А. А. Рединъ, 24-хъ лѣтъ, оставивъ слѣдующую поучительную записку: «Въ моей смерти, если я только умру, никто въ отдѣльности не виноватъ. Благоразумнѣе спросить: зачѣмъ люди живутъ, нежели спрашивать, зачѣмъ они умираютъ?»

Друзья мои! Бросьте пустыя, душевредныя для православныхъ вашихъ соотечественниковъ, умничанья! Примитесь за дѣло, поучитесь хорошенько естественной исторіи, посидите побольше надъ человѣческою, походите въ классы физики, посмотрите на опыты химіи, послушайте лекцій астрономическихъ, поучитесь вообще, вникните въ Евангеліе—и вы, по-крайней мѣрѣ, добросовѣстные изъ васъ, иже къ просвѣщенію, вы почувствуете вѣрно новое въ сердцѣ своемъ, и вспомните діаконскій возгласъ, если въ дѣтствѣ бывали когда въ церкви: Премудрость, прости! А я совѣтую вамъ воскликнуть: Премудрость, прости! и сѣсть за указку, начавъ: азъ, буки, вѣди, а потомъ приняться и за псалтырь: «*Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде. Но въ законѣ Господни воля его и въ законѣ его поучится день и нощь.*»

V.

Всѣ представители Русской словесности, всѣ наши замѣчательные умы, наши передовые люди, мыслящіе, образованные, честные, благородные, даровитые,—нѣкоторыхъ можно признать даже геніальными,—всѣ отличались религіозностію, и если нѣкоторымъ случалось отдать дань молодости, подвергнуться искушеніямъ, то въ зрѣлыхъ годахъ, въ лучшія свои минуты, вслѣдствіе размышленій, опытовъ, знакомства съ жизнію, они обратились на прямой путь тѣмъ съ бо́льшею твердостію, и заявили свои искреннія и глубокія убѣжденія.

Вспомнимъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Фонъ-Визина, Дмитріева, Карамзина, Жуковскаго, Мерзлякова, Пушкина, Гоголя, Кирѣевскаго, Хомякова, Тютчева...

Начнемъ съ *Ломоносова*. Прочтите его утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, по случаю великаго сѣвернаго сіянія. Я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ обоихъ стихотвореній, оставляемыхъ безъ вниманія, забываемыхъ новыми учителями словесности; онѣ покажутся новостью для многихъ въ настоящей нашей литературной мятели.

I.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи...
. . . . . .

II.

Лице свое сирываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Вошла на горы черна тѣнь:
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вѣтрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мысльми утомленъ!....

Но гдѣ-жь, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря;
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ нощь на землю день вступилъ!

. . . . . .

О вы, которыхъ быстрой зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ!
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ,
Скажите.....

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажите-жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?

Державинъ. Китайцы восхищаются его одой «Богъ». Отъ многихъ стиховъ, вылившихся въ минуту вдохновенія, не откажется никакая философія.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,

Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ — Богъ!

Херасковъ. Размышленія о таинствахъ религіи были любимымъ его занятіемъ въ жизни.

Фонъ-Визинъ. Безсмертный авторъ Недоросля и Бригадира, остроумнѣйшій человѣкъ своего времени, въ молодости отличался своимъ кощунствомъ. Приведу отрывокъ изъ его исповѣди....

. . . . . «Вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о коемъ я до нынѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль: ибо всего лучше шутить надъ святыней и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтенно. Въ сіе время сочинилъ я посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ».

Замѣчу, что это посланіе Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ, въ мое уже время, то есть, въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ было еще на зубу, какъ тогда говорилось, въ гимназіи и университетѣ.

«Скажи, Шумиловъ, мнѣ, на что сей созданъ свѣтъ?
И какъ мнѣ въ оном жить, подай ты мнѣ совѣтъ?
Любезный дядька мой, наставникъ и учитель,
И денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель!
Боишься Бога ты, боишься сатаны:
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медвѣдь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ, мнѣ?
На то ли, что-бъ свой вѣкъ провелъ ты въ крѣпкомъ снѣ»? и проч.

Петрушка отвѣчаетъ именно такъ, какъ учитъ насъ модная Петербургская философія.

«Я мысль мою скажу, вѣщаетъ мнѣ Петрушка:
Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребячески игрушка;
Лишь только надобно потверже то узнать,
Какъ лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потомъ и возьмутъ душу черти,
Лишь только-бъ удалось получше жить до смерти!
На что молиться намъ, чтобъ далъ Богъ видѣть рай?
Жить весело и здѣсь, лишь ближними играй,
Играй, хоть отъ игры и плакать ближній будетъ;
Щечи его казну, твоя казна прибудетъ,
А чтобъ пріятнѣе еще казался свѣтъ,
Бери, лови, хватай все, что ни попадетъ.
Всякъ долженъ своему послѣдовать разсудку:
Что ставишь въ дѣло ты, другой то ставитъ въ шутку.
Не часто-ль отъ того родится всѣмъ бѣда,
Что тѣшиться хотятъ большіе господа,
Которы нашими играютъ господами
Такъ точно, какъ они играть изволятъ нами?
Создатель твари всей Себѣ на похвалу
По свѣту насъ пустилъ, какъ куколъ по столу.
Иные рѣзвятся, хохочутъ, пляшутъ, скачутъ,
Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
Не вѣдаетъ того ни умный, ни дуракъ», и проч.

Фонъ-Визинъ встрѣтился послѣ съ этимъ своимъ знакомцемъ въ Петербургѣ.

«Онъ разсказалъ мнѣ, что весь Петербургъ наполненъ моею комедіею, изъ которой многія острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ. «Мнѣ поручилъ», сказалъ князь, «звать тебя обѣдать графъ ***. Поѣдемъ къ нему завтра». Сей графъ былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ.... Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ, и все дозволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Вышняго Существа. Я поѣхалъ къ нему съ княземъ, надѣясь найти въ немъ по крайней мѣрѣ разсуждающаго человѣка; но поведеніе его иное мнѣ показало. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой

образъ мыслей, или, лучше сказать, свое безбожіе, при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное, но совсѣмъ тѣмъ поколебали душу мою. Послѣ обѣда поѣхалъ я съ княземъ домой. «Что», спросилъ онъ меня, «нравится ли тебѣ это общество?» «Прошу меня отъ него уволить», отвѣчалъ я, «ибо не хочу слушать такихъ умствованій, кои не просвѣщаютъ, но помрачаютъ человѣка». Тутъ казалось мнѣ, что пришло въ мою голову наитіе здраваго разсудка»...

Фонъ-Визинъ рѣшилъ заняться религіозными вопросами. Въ это время ему съ начальникомъ своимъ слѣдовало переселиться въ Царское село. Послушаемъ его самого:

«Первое утро открылъ я Библію, и мнѣ какъ нарочно встрѣтилось мѣсто, которое весьма приличествовало моему намѣренію, а именно: глава 17 второзаконія: *и да будутъ тебѣ словеса сія, яже азъ заповѣдаю тебѣ днесь, въ сердцы твоемъ, и въ душѣ твоей; и да накажеши ими сыны твоя, и да глаголеши о нихъ сѣдяй въ дому, и идый путемъ, и лежа, и возстая (ст. 7)*».

«Сіе встрѣтившееся мнѣ толь кстати мѣсто изъ Священнаго Писанія наложило на меня долгъ всякую досужную минуту посвятить испытанію о Высшемъ Существѣ. Время было прекрасное, и я положилъ каждое утро ходить въ садъ и размышлять. Однажды въ саду встрѣтилъ я въ уединеніи гуляющаго Григорія Николаевича Теплова,*) съ коимъ я уже познакомился въ домѣ начальника моего. Григорій Николаевичъ пригласилъ меня ходить съ собою. Онъ достойно имѣлъ славу умнаго человѣка. Разумъ его былъ ученіемъ просвѣщенный; словомъ, я съ великимъ удовольствіемъ пошелъ гулять съ нимъ по саду, и онъ говорилъ мнѣ, что желаетъ слышать комедію мою въ своемъ домѣ читанную мною. Я обѣщалъ сдѣлать ему сію услугу. Онъ спрашивалъ меня, кому я ее читалъ? Я перечелъ ему всѣхъ поименно, и не скрылъ отъ него, сколько смущаетъ душу мою посѣщеніе Графа*.

*) Извѣстный сановникъ временъ И. Екатерины II-й.

«Я намѣренъ сію бесѣду описать здѣсь, сколько могу припомнить.

Я. Я вижу, что безбожники раздѣляются на нѣсколько классовъ: одни суть невѣжды и глупые люди. Они никогда ничего внимательно не разсматриваютъ, а прочитавъ Вольтера, (а нынѣ Дарвина), и не понявъ его, отвергаютъ бытіе Божіе для того, что полагаютъ себѣ славою почитаться выше всѣхъ предразсудковъ; ибо они считаютъ предразсудкомъ то, чего слабый ихъ разсудокъ понять не можетъ.

Гр. Ник. Сіи людишки, (слышите, фельетонисты, какъ называли васъ, сто лѣтъ назадъ, умные люди!) не невѣруютъ, а желаютъ, чтобы ихъ считали невѣрующими; ибо вмѣняютъ себѣ въ стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія. Я знаю, что Вольтеръ развратилъ множество молодыхъ людей въ Европѣ; однако, вѣрьте мнѣ, что для возвращенія нѣтъ нужды *ни въ Вольтеровомъ умѣ, ни въ его дарованіяхъ*. Графъ, у котораго вы обѣдали, сдѣлалъ въ Россіи разврату не меньше Вольтерова, имѣвъ *голову довольно ограниченную*. Я знаю, что молодаго, слабенькаго человѣка можетъ развратить такой, кто *еще ограниченнѣе* Графа: примѣръ сему видѣлъ я на сихъ дняхъ моими глазами

Я. Позвольте спросить, Ваше Превосходительство, какъ это было?

Гр. Ник. На сихъ дняхъ случилось мнѣ быть у одного пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: «нечего пустяки молоть; а Бога нѣтъ». Я вступился и спросилъ его: «Да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?» «Петръ Петровичъ Чебышевъ вчера на гостинномъ дворѣ», отвѣчалъ онъ. «Нашелъ и мѣсто», сказалъ я.

Я. Странно мнѣ кажется, что Чебышевъ на старости вздумалъ на гостинномъ дворѣ проповѣдывать безбожіе».

Остановимся здѣсь и спросимъ: не точно ли тѣже проповѣди, только еще въ бо́льшихъ размѣрахъ, повторяются ежедневно въ наше время, если не въ гостинномъ дворѣ, то въ кабакѣ инаго журнала, или въ

распивочной и *на вынос* иной газеты, и развѣ не такія же доказательства приводятся нашими уѣздными и замоскворѣцкими нигилистами?.... Бѣлинскій сказалъ, Писаревъ такъ думаетъ.

Фонъ-Визенъ- говоритъ въ началѣ своей исповѣди: «да не будетъ въ признаніяхъ моихъ никакого другаго подвига, кромѣ раскаянія Христіанскаго: чистосердечно открою тайны сердца моего, и беззаконія мои азъ возвѣщу. Нѣтъ намѣренія моего ни оправдывать себя, ниже лукавыми словами прикрывать развращеніе свое..! Почитаю за долгъ не открывать имени тѣхъ, кои были орудіемъ грѣха порока моего, ниже именъ тѣхъ, кои приводили меня въ развращеніе: напротивъ того со слезами благодарности вспомяну имена тѣхъ, кои мнѣ благодѣтельствовали, кои хранили ко мнѣ долговременное дружество, кои имѣли въ болѣзнь мою о мнѣ состраданіе, и кои наконецъ наставленіемъ и совѣтомъ своимъ совращали меня съ пути грѣшника и ставили на путь праведенъ».

Мерзляковъ. Цари, силоните слухъ? Силоните слухъ, народы?
Разлейтесь огненны слова:
Іегова, Іегова!
Ему пою! Ему хвала—земля и воды!

Дмитріевъ, Довольно вспомнить одинъ его стихъ:

Гремитъ... благоговѣй, сынъ персти!

Карамзинъ. Вотъ слова его, сказанныя не задолго предъ смертію, и напечатанныя въ послѣднемъ нумерѣ Русской Старины: «Бытіе божества для меня очевиднѣе собственнаго моего бытія. Скорѣе могъ бы я усомниться въ послѣднемъ. Хотя бы мое бытіе было одною мечтою, но и этого не могло бы быть безъ причины, а верховная причина всякаго бытія есть Богъ».

Жуковскій. Вся жизнь его была, кажется, одинъ безпрерывный гимнъ Богу.

Не задолго передъ смертью написалъ онъ нѣсколько прозаическихъ отрывковъ о высшихъ предметахъ знанія. Они были напечатаны недавно въ Петербургѣ и пройдены молчаніемъ отъ журналистики. Въ нихъ много высокаго и глубокаго, и вмѣстѣ искренняго, умилительнаго.

Пушкинъ. Послѣднее стихотвореніе его было переводъ великолѣпной молитвы Ефрема Сирина.

Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да врагъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнья и любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи!

Гоголь. Онъ въ жару своей ревности по Богѣ, впалъ уже въ крайность, и, умирая, принесъ самую тяжелую жертву для человѣческаго самолюбія.

Хомяковъ. Этотъ знаменитый богословъ, сочиненія котораго такъ высоко ставятся не только православными учеными, но протестантами и католиками, который съ такою силою и съ такимъ достоинствомъ указалъ имъ ихъ уклоненія, — Хомяковъ, обладавшій многостороннимъ образованіемъ, философъ, историкъ, филологъ, оставившій по всѣмъ частямъ слѣды своего великаго ума, былъ не только человѣкомъ вѣрующимъ, но и строжайшимъ исполнителемъ всѣхъ постановленій церковныхъ.

Приведу здѣсь его стихотвореніе, *звѣзды*, которое у насъ прошло безъ вниманія, которому цѣну самъ я уразумѣлъ недавно, и скажу смѣло, что подобнаго по высотѣ, глубинѣ и разительности сравненія, не можетъ представить ни одна Европейская литература.

Въ часъ полночный, близь потока,
Ты взгляни на небеса.
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

Въ часъ полночнаго молчанья
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь—звѣды мыслей ведутъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли,
Вновь вглядись—другія всходятъ,
Вновь вглядись—и тамъ вдали,
Звѣзды мыслей, тьма за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

Кирѣевскій. «Европеецъ» высокообразованный, много думавшій на своемъ вѣку, коротко знакомый со всѣми системами, видѣлъ въ православіи основаніе всякаго успѣха, умственнаго, нравственнаго, гражданскаго, и представилъ блистательные опыты тому доказательствъ.

Тютчевъ. Приведу два стихотворенія его, въ которыхъ мысль о Русскомъ народѣ, объ его отличительномъ свойствѣ, объ его исторической судьбѣ, соединяется съ мыслею о христіанствѣ:

I.

Надъ этой темной толпой
Не пробужденнаго народа,
Взойдешь ли ты когда свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
И сонъ разгонитъ и туманы!...
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ постъ....
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?
Ты, риза чистая Христа....

II.

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты Русскаго народа!

Не поймет и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ, царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Нашъ списокъ могъ бы быть увеличенъ многими почтенными именами—Новикова, М. Н. Муравьева, Князя С. А. Шихматова, Стурдзы, Голубинскаго, Капниста, Шаховскаго, Шатрова, Козлова, Норова, Ал. Н. , Ан. Н. Муравьевыхъ, Плетнева, Давыдова, Шевырева, К. С. Аксаковаи М. А. Дмитріева, Даля, Рихтера...

Обратиться ли намъ къ дѣятельности въ другихъ областяхъ? Слушайте:

Суворовъ. Религіозность была отличительнымъ его свойствомъ. «Помилуй Богъ»—вотъ съ какимъ кликомъ велъ онъ къ побѣдамъ Русское войско.

Сперанскій. Прочтите письма его къ друзьямъ, къ дочери: благочестіе слышится во всякой строкѣ. Переводъ Ѳомы Кемпійскаго «о подраженіи І. Христу» былъ для Сперанскаго сладкимъ отдохновеніемъ послѣ тяжкихъ трудовъ государственныхъ.

Графъ Блудовъ. Я не знаю, много ли можно указать людей въ Европѣ, которые не уступали бы ему въ блескѣ ума, въ живости рѣчи, въ разнообразіи свѣденій, въ знакомствѣ съ литературою всѣхъ Европейскихъ народовъ. Нечего говорить объ его честности, благородствѣ любви къ отечеству.

Приведу нѣсколько его мыслей изъ собранія, малоизвѣстнаго въ публикѣ:

«Минуты сладостныя, когда мы, такъ сказать, согрѣваемся благодарностію къ Творцу и доброжелательствомъ къ ближнему, вы даете понятіе о раѣ! Тогда сердце забываетъ оскорбленія, воображеніе—страхъ, и умъ, отбросивъ бремя сомнѣній, вдругъ по какому-то мгновенному откровенію, постигаетъ тайный порядокъ всего, также какъ по струѣ свѣта, прокравшейся сквозь ставень, мы узнаемъ о ясномъ днѣ и солнцѣ. Тогда всѣ предметы, не измѣнялись, принимаютъ для насъ видъ новый, и на каждое впечатлѣніе въ насъ что-то отвѣчаетъ съ любовію, что Божій міръ прекрасенъ и человѣческій лишь *кажется* дурнымъ».

«Не будучи ученымъ богословомъ, я люблю въ преданіяхъ Ветхаго Завѣта искать пророческихъ изображеній Христа. Повѣсть прекраснаго Іосифа, трогая мое сердце, оживляетъ его неизъяснимою новою надеждою. Іосифъ, проданный враждебными братьями, изъ рабства восходитъ на ступени престола фараоновъ, и братья гонители у ногъ его, и между одиннадцати только одинъ невинный. Но вмѣсто укоризнъ и угрозъ, Іосифъ плачетъ, сначала скрывая свои слезы; первыя слова его: *я братъ вашъ*, и послѣ, сквозь рыданія, онъ едва прибавляетъ: *проданный вами*. О Ты, изображенный въ патріархахъ! Ты, чрезъ жертву крови усыновившій насъ Отцу Твоему! и Тебя мы, неблагодарные, продаемъ ежечасно, за обманы сего міра, за блага, кои презираетъ пашъ собственный разумъ. Когда настанетъ роковая минута, когда мы явимся предъ Твоей славой, простертые, безъ правъ на прощеніе, приговоръ ли судьи поразитъ насъ, или мы услышимъ слова утѣшительныя: *Я братъ вашъ Іосифъ*.

Присоединяю слѣдующій рецептъ земнаго счастія, прописанный гр. Блудовымъ для старшей его дочери, въ 1831 году.

«Какъ я молю Бога, чтобъ ты была счастлива, счастлива тѣмъ не мечтательнымъ, не обманчивымъ счастьемъ, которое мы всѣ больше или меньше можемъ находить, ибо оно не во внѣшнемъ мірѣ, а въ душѣ

нашей, въ исполненіи долга, во внутреннихъ, независимыхъ отъ рока наслажденіяхъ, въ добродѣтели, въ постепенномъ, но непрестанномъ совершенствованіи нашего нравственнаго существа и въ данныхъ намъ для того средствахъ, въ драгоцѣнной способности постигать истину и высокія мысли отличныхъ умовъ ею вдохновенныхъ, и въ другой, еще драгоцѣннѣйшей — чувствовать въ сердцѣ своемъ тѣ чистые, чудные всякаго своекорыстія порывы къ добру и конечному его источнику, которые, хотя мгновенно, но заставляютъ насъ забывать, что мы на землѣ, и слабы. Прибавимъ къ сему и непритворную, но умѣренную, благоразумную любовь ко всему прекрасному въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства, ее повторяющихъ: вотъ элементы блаженства, сколько оно возможно для насъ, пока мы въ этой бренной формѣ.»

Вотъ нашъ славный, благочестивый Русской полкъ, которымъ, кромѣ церковныхъ учителей—Платона, Филарета, Иннокентія,—воспитывались наши поколѣнія, который доставляетъ наслажденіе всѣмъ мыслящимъ современникамъ, который служитъ лучшимъ украшеніемъ нашей исторіи.

Вотъ кто подаетъ вамъ примѣръ, молодые люди! Вотъ кто долженъ служить вамъ образцемъ, кто указываетъ вамъ путь на право!

А вы кого слушаетесь?

Правила скромности не позволяютъ распространяться о современникахъ, но если я укажу на князя Вяземскаго, на Ѳ. Н. Глинку, если я скажу, что лучшія страницы Графа Л. Н. Толстаго, Ѳ. М. Достоевскаго, А. Н. Майкова, принадлежатъ религіозному вдохновенію, то, надѣюсь, никто не поспоритъ со мною.

Кн. Вяземскій, нашъ славный свидѣтель временъ лучшихъ, какъ будто молодѣетъ талантомъ, старѣя годами, и не давно далъ намъ случай слышать священные звуки: вотъ прекрасное его стихотвореніе, которое назвалъ онъ *Одно сокровище*.

Одно сокровище, одну святыню,
Съ благоговѣніемъ я берегу;
За этимъ кладомъ я ходилъ въ пустыню
И кочевалъ на дальнемъ берегу.

Весь этотъ кладъ—одно воспоминанье;
Но жизнь мою, жизнь мелочныхъ заботъ,
Оно искупитъ, дастъ ей смыслъ, благоуханье,
Которое меня переживетъ.

Я помню край опустошенья полный,
Минувшаго величья прахъ и тлѣнъ;
Пожаромъ тамъ прошли столѣтій волны
И вымгли почву, жизнь и слѣдъ племенъ.

Природа смотритъ дико и несчастно;
Тамъ на землѣ, какъ будто казнь лежитъ,
И только небо, скорбямъ непричастно,
Лазурью чудной радостно горитъ.

Тамъ дерево томится тѣнью скудной,
Потокъ безъ волнъ тамъ замеръ и заглохъ,
И, словно, слышенъ въ тишинѣ безлюдной
Великой скорби безконечный вздохъ.

Но этотъ край—святая Іудея,
Но лѣтопись опальной сей земли—
Евангеліе: свято, не старѣя,
Сіи мѣста преданья сберегли.

Передаютъ днямъ бѣглымъ камней груды
Глаголы вѣчности и Божій судъ;
Живые тамъ—порожніе сосуды,
Но мертвецы хранятъ живой сосудъ.

Текущій день мрачнѣе мертвой ночи,
Но жизнью дышетъ вѣчное вчера:
Здѣсь предъ тобой слѣпцу отверсты очи,
Здѣсь недвижимый возстаетъ съ одра.

Изъ каменнаго гроба Іисусомъ
Здѣсь вызванъ Лазарь; страшный, грозный видъ!
Его лице обвязано убрусомъ
Отъ плечъ до ногъ онъ пеленой обвитъ.

Но онъ возсталъ, мертвецъ четвородневный;
Забилось сердце, жизнью вспыхнулъ взоръ:
Услышаны молитва, плачь душевный
О миломъ братѣ плачущихъ сестеръ!

Священныхъ книгъ и лица и событья
Живой картиной радуютъ глаза,
И на душѣ, подъ таинствомъ напѣтья,—
Любовь и страхъ, улыбка и слеза.

И нѣтъ страны на всей землѣ обширной,
Гдѣ бы душа какъ дома запила,
Гдѣ бъ жизнь текла такой струею мирной,
Гдѣбъ смерть сама желаннѣе была.

И помню я, паломникъ недостойный,
Святыхъ чудесъ завѣтныя мѣста:
Тотъ сводъ небесъ, безоблачный и знойный,
Тотъ вѣчный градъ безсмертнаго креста.

И память эта не умретъ со мною:
Мой біографъ....
Меня, давно забытою молвою,
Напомнитъ вновь названью земляковъ.

Въ итогѣ дней ничтожныхъ пилигрима
Отмѣтитъ онъ одинъ великій день;
Тотъ день, когда со стѣнъ Іерусалима
И на меня легла святая тѣнь.

И скажетъ онъ, что средь живаго храма
На гробъ Господень я главу склонилъ,
Что тихою струею Силоама
Я грѣшные глаза свои умылъ;

Что въ этотъ край, отчизну всѣхъ скорбящихъ,
Я страждущей души носилъ печаль,
За упокой въ землѣ сырой лежащихъ
Внесъ имена на вѣчную скрижаль;

Что проклятымъ за стѣнами града,
Сидящимъ одаль, какъ въ евангельскіе дни,
Мнѣ лепту подавать была отрада,
Чтобъ обо мнѣ молились и они;

Что я любилъ на берегу Кедрона
Іосафатовой долины свѣжій миръ,
Что съ высоты божественной Сіона
Внималъ я духомъ пѣснямъ горнихъ лиръ;

Что долго рабъ житейскаго обмана,
Послышалъ разъ я неземной призывъ,—
Когда въ водахъ священныхъ Іордана
Омылся я, молитву сотворивъ.

Θ. Н. Глинка. Его «Духовныя стихотворенія» блистаютъ красотами. тѣми бисерами, которыхъ такъ отвращаются Петербургскіе фельетонисты. Вотъ одно изъ его стихотвореній, какъ будто списанное съ нашего времени. Опо передаетъ слова пророка Давида: Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога, Господь съ небесе приниче на сыны человѣческія видѣти....

«Нѣтъ Бога! говоритъ безумный!
«Нѣмы и глухи небеса!
Пустыя сказки—чудеса!
Мнѣ милъ сей міръ въ забавахъ шумный!

Скучна мнѣ жизни тѣснота!
Въ душѣ несносна пустота!
Пойдемъ, страстямъ развяжемъ волю!
Не будь отказу намъ ни въ чемъ!
Мы сами силой и умомъ
Свою себѣ устроимъ долю....
Нашъ вѣкъ есть скоролетный день:
Пожнемъ молву и знаменитость,
Напьемся шумной жизни въ сытость.
Пока мелькнетъ заката тѣнь»!

Сказалъ,—ему безъ гнѣва внемлютъ!
Гніетъ безвѣріемъ земля,
Увитые зміями дремлютъ,
И всякъ свое лелѣетъ—я!—

А Богъ принялъ; а Богъ незримо
Съ небесъ на кругъ земной глядитъ,
Какъ суетой неудержимой
Наземный міръ Его кипитъ!...

Проснитесь, братья-человѣки!
Уже лице Его на васъ!
Прошли грѣховъ растлѣнны вѣки,
И новый вѣкъ грядетъ для насъ....

Ликуйте, радуйтесь, Онъ съ нами!
Откройте праздныя сердца,
Да благодатными волнами
Польются милости Отца!

Но вы оглохли для воззванья!
Ослѣпли вы для простоты,
Осуетили васъ желанья,
И блескъ и пышности мечты!

«Нѣтъ Бога», говоритъ безумный,
И всякій вѣтренно летитъ
На праздникъ беззаконья шумный,

А Богъ на васъ глядитъ.... глядитъ!!!...

Въ романѣ «Война и Миръ» *Гр. Л. Н. Толстаго* кто не восхищался сценами смерти князя Андрея, портретомъ солдата Каратаева....

Достоевскій выстрадалъ вѣру въ глубинѣ сибирскихъ рудниковъ.

Майковъ. Довольно напомнить объ его поэмѣ: Два міра..

—

Оборотитесь же теперь на эту петербургскую посредственность, бездарность, тлю, которая проповѣдуетъ вамъ свое ученіе, тащитъ васъ за собою на гибель. Кто они такіе?

Еслибъ собрать ихъ характеристики, сдѣланныя ими самими другъ о другѣ, ихъ собственныя слова, какъ они честятъ другъ друга, или, вѣрнѣе, отдаютъ другъ другу справедливость, то можно только диву даться: кто же можетъ слушать такихъ проповѣдниковъ.

Вотъ какъ описываетъ ихъ г. Страховъ (авторъ книги: «Міръ, какъ цѣлое)», знакомый коротко со всѣми ихъ подвигами и отношеніями.

«Литературу нашу нужно признать глубоко развращенною... наиболѣе значительная часть ея живетъ одною фальшею, сознательно и постоянно кривитъ душой. Пишущіе самымъ позорнымъ образомъ отказываются отъ руководства собственной совѣсти и собственнаго ума, и жертвуютъ ими нѣкоторымъ идеаламъ — направленію, общепринятому мнѣнію, журналу или какому-нибудь журнальному дѣятелю. Въ этой части литературы не раздается ни одного искренняго голоса: все лукавитъ, іезуитствуетъ, прислуживается, покорно гнетъ предъ кѣмъ-нибудь свою совѣсть и свои помыслы... Что бы ни говорилось, какіе бы разумные доводы (противъ фальшивой литературы) ни приводились, они продолжали твердить своимъ противникамъ — вы доносчики... Эти люди внушали читателямъ самое высокое о себѣ мнѣніе, рисовались передъ публикой, это были такіе гонители всякаго зла, обличители всякой неправды, какихъ свѣтъ не производилъ.... Каждый отъ первой до послѣдней строчки то и дѣлаетъ, что либеральничаетъ, да либеральничаетъ. Вмѣсто своихъ мыслей, если онѣ и имѣются, онъ пережевываетъ чужія мнѣнія.... Прибавьте къ этому прямую ложь, то есть сознательное утаиваніе и искаженіе истины, — правило это уже извѣстно: своихъ нужно хвалить, чужихъ бранить, употребляя для этого всяческія средства и пріемы... противниковъ тотчасъ объявя врагами прогресса, свободы и просвѣщенія, и доносчиками».

А вотъ изображеніе ихъ прототиповъ по Карлейлю:

«Жизнь этихъ людей посвящена поруганію истины и религіи. Взоръ ихъ только скользитъ по поверхности природы. Вся ея красота, съ безконечнымъ тайнымъ величіемъ, никогда, ни на одно мгновеніе, ими не была понята,... Разлагая матерію, роясь во внутренности человѣческихъ труповъ, и не находя въ нихъ ничего, кромѣ того, что можно взвѣсить и ощупать, они рѣшили, что нѣтъ души, нѣтъ Провидѣнія, есть однѣ прирожденныя матеріи силы.... Ихъ теорія міра, картина человѣка и человѣческой жизни — мелочны и жалки».

Что же сказать объ ихъ читателяхъ, слушателяхъ. приверженцахъ, послѣдователяхъ, уѣздныхъ пустозвонахъ, между подъячими, разгульными купчиками, между лѣнивыми учениками, между запоздалыми юнкерами? Никакое ничтожество не можетъ съ ними сравниться. Это что-то такое безобразное, отвратительное, мерзкое, и вмѣстѣ жалкое, которому нигдѣ ничего подобнаго не бывало.

Одна паршивая овца все стадо портитъ, говоритъ старая Русская пословица. У насъ, къ прискорбію, развелось нынѣ множество паршивыхъ овецъ, которыя забрели не только въ газеты и журналы, но и въ учебныя заведенія, въ судебныя учрежденія, — и портятъ вездѣ, соблазняютъ неопытную молодежь.

Несчастные, иные изъ нихъ думаютъ, что распространеніемъ своихъ фантастическихъ теорій, они служатъ отечеству, устанавливаютъ его прогрессъ, приготовляютъ царство истины, и приносятъ себя ему въ жертву.

Мѣрами административными, полицейскими, карательными, ничего съ ними не подѣлаешь, эти поколѣнія не исправимы. Нужно застрахованіе хоть слѣдующихъ поколѣній. Нужны мѣры другія — образованіе, воспитаніе съ молодыхъ ногтей, на иныхъ началахъ, но это вопросъ такой, о которомъ въ случайной статьѣ говорить невозможно.

Я заключу ее баснею нашего славнаго учителя, Ивана Андреевича *Крылова:* Сочинитель и разбойникъ.

Хотя среди нашихъ несчастныхъ пропагандистовъ нѣтъ сочинителей, а есть только плохіе переводчики, компиляторы, сократители, извлекатели, перепищики, безъ единой собственной мысли, съ перевранными чужими, регистраторы, да не 14, а 15, 16 класса, но эту басню не мѣшаетъ напомнить какъ сочинителямъ такъ и переводчикамъ и читателямъ ихъ рода.

Въ жилище мрачное тѣней,
На судъ предстали предъ судей,
Въ одинъ и тотъ же часъ, Грабитель,
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ
И въ петлю наконецъ попалъ);
Другой былъ славою покрытый Сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ.
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ Сирена, сладкогласенъ,
И какъ Сирена, былъ опасенъ,
Въ аду обрядъ судебный скоръ:
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ.
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла:
Въ нихъ виноватыхъ разсадили,
Дровъ подъ Разбойника большой костеръ взвалили:
Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.

Судъ къ Сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ;
Но тамъ, чѣмъ долѣе, тѣмъ болѣ разгорался.
Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Умъ подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ.
Подъ Сочинителемъ онъ злѣй съ часу на часъ.

Не видя облегченья,
Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ нимало нѣтъ;
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;
Что онъ не думалъ быть Разбойника грѣшнѣй.

Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
«Несчастный!» говоритъ она:
«Ты-ль Провидѣнію пенаешь?
И ты-ль съ Разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.

По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А ты... уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ-отъ-вѣку лютѣетъ.
Смотри, (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла,
И на несчастія, которыхъ ты виною!

Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? Тобою.
Кто осмѣялъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнутъ? Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти, и порокъ?
И вотъ опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови—ты виной,
И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра!»

Сказала гнѣвная Мегера—
И крышкою захлопнула котелъ.

PS. Мы дали понятіе о мнѣніяхъ, чувствахъ, совѣтахъ лучшихъ людей Русскихъ. Вотъ предсмертный назидательный голосъ одного изъ великихъ людей Франціи. Гизо — Гизо, который управлялъ нѣсколько лѣтъ государствомъ, который произвелъ преобразованіе въ наукѣ Исторіи и считался знаменитѣйшимъ профессоромъ и ораторомъ своего времени.

Гизо начинаетъ свое завѣщаніе слѣдующею исповѣдью:

Я умираю въ лонѣ реформатской христіанской церкви во Франціи, въ которой я къ счастію моему родился. Находясь всегда въ общеніи съ нею, я пользовался свободой совѣсти, предоставляемою ею своимъ членамъ въ ихъ отношеніяхъ къ Богу, и предъявленною ею самой для своего учрежденія.

Я изслѣдовалъ, я сомнѣвался, я вѣрилъ въ силу человѣческаго ума, достаточную для разрѣшенія проблемъ, представляемыхъ вселенною и человѣкомъ; я вѣрилъ въ силу человѣческой воли, достаточную для правильнаго устройства его жизни, согласно съ ея закономъ и нравственною цѣлью.

По долговременной жизни и дѣятельности, размышлявъ много, я пришелъ къ убѣжденію, что ни вселенной, ни человѣка, недостаточно для того, чтобъ объяснить и устроить себя, самимъ собою, по естественному порядку, посредствомъ однихъ только постоянныхъ законовъ, которые дѣйствуютъ во вселенной, и человѣческихъ волей, которыя въ ней исполняются. Я глубоко вѣрую, что Богъ, сотворившій вселенную и человѣка править ими, соблюдаетъ ихъ, или измѣняетъ, вслѣдствіе-ли тѣхъ общихъ законовъ, называемыхъ нами естественными, вслѣдствіе ли законовъ, особливыхъ, называемыхъ нами сверхъестественными, проистекающихъ равно какъ и законы общіе, изъ Его всесовершенной воли и изъ Его безпредѣльнаго всемогущества,—которые далъ Онъ намъ усматривать въ ихъ слѣдствіяхъ и не дозволилъ познавать въ ихъ сущности и цѣляхъ конечныхъ.

Такимъ образомъ возвратился я снова къ своей колыбели, всегда преданный съ твердостію разуму и свободѣ, которыя получилъ я отъ Бога, и которыя составляютъ мое достоинство и право на землѣ; такимъ образомъ возвратился я къ чувствованію себя младенцемъ подъ десницею Божіей, искренно сознавая все свое невѣжество и слабость.

Вѣрую въ Бога и поклоняюсь Ему, не пытаясь постигнуть Его. Вижу Его присутствіе и дѣйствіе, не только въ постоянномъ правленіи все

ленною и во внутренней жизни душъ человѣческихъ, но и въ исторіи человѣческихъ обществъ, преимущественно же въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ—этихъ памятникахъ Божественнаго Откровенія и промысла, посредничествомъ и жертвою Господа нашего Іисуса Христа, принесенной для спасенія рода человѣческаго.

Преклоняюсь предъ тайнами Библіи и Св. Евангелія, отстраняя отъ себя ученыя пренія и рѣшенія, которыми люди покушались объяснить ихъ.

Уповаю, что Богъ дозволитъ мнѣ называться христіаниномъ, и увѣренъ, что въ свѣтѣ той области, куда я готовлюся вступить, мы вполнѣ распознаемъ чисто-человѣческое начало и тщету большей части нашихъ здѣшнихъ разсужденій о предметахъ божественныхъ.

Не успѣлъ я кончить изданіе статьи, какъ прочелъ въ газетахъ извѣстіе о томъ, что *Гладстонъ*, недавній правитель славнѣйшаго государства въ мірѣ, великій финансистъ, великій ораторъ, ученый—оставляетъ почти кормило правленія, сгимаетъ съ себя почти царскій вѣнецъ, хоть и временной, чтобъ остатокъ своей жизни посвятить изслѣдованіямъ о вопросахъ религіозныхъ, которые наша журнальная и газетная погань, дерзаетъ называть пустыми!

Мысли о матеріализмѣ.

(Изъ Полтавскихъ епархіальныхъ вѣдомостей).

Понятно, когда человѣкъ дѣлается мистикомъ, онъ конечно заблуждается, но и въ этомъ направленіи видно еще стремленіе ума къ духовному міру, естественное человѣку; но непостижимо, если человѣкъ желаетъ уничтожить въ себѣ чувство духовности, и силится низвести себя въ среду безсловесныхъ животныхъ; — если онъ добровольно убиваетъ въ себѣ чувство своего духовнаго начала, и какъ бы не чувствуетъ ничего, кромѣ грубаго вещества, составляющаго его внѣшнюю оболочку. Такая слѣпота еще болѣе удивительна въ людяхъ, пріобрѣтшихъ познанія въ наукахъ, изслѣдующихъ законы вещественнаго міра, который своимъ мудрымъ устроеніемъ весь глаголетъ о величіи и премудрости Творца своего. Эти науки, раскрывающія предъ нами тайны природы, убѣждаютъ насъ, что всѣ виды существа заключаются только временно въ своихъ видимыхъ формахъ, стремящихся безпрестанно къ разложенію, къ утонченію до элементовъ, неподлежащихъ уже осязанію нашими чувствами, ни разложенію извѣстными намъ средствами. Эти науки раскрываютъ предъ нами элементы и силы природы, утонченные до такой степени, что они кажутся намъ какъ будто и не вещественными; однакожъ мы видимъ, что они управляются непреложнымъ закономъ и покоряются ему съ непоколебимою точностію. И за всѣмъ симъ, когда все твореніе стремится къ единенію съ своимъ началомъ, потому что „*вся отъ Него, Имъ и къ Нему*," говоритъ Св. Апостолъ Павелъ,—безсмысленный, въ ослѣпленіи своемъ, человѣкъ, котораго Создатель, по любви Своей, „*малымъ чимъ умалилъ отъ ангеловъ*," усиливается, противно своей природѣ, противъ внутренняго сознанія совѣсти, низвести себя на низшую степень вещественныхъ созданій.

Какъ видно, это жалкое заблужденіе уже существовало и въ самой древности, потому что Царь Пророкъ упоминаетъ объ этомъ, говоря: „*приложились къ скотамъ безсмысленнымъ и уподобились имъ*“.

Въ чемъ же искать причины такого противуестественнаго состоянія ума? Конечно, не въ познаніяхъ, въ естествовѣденіи открываемыхъ намъ Создателемъ, потому что чѣмъ глубже проникаемъ въ сокровенныя таинства вещественной природы, тѣмъ болѣе познаемъ непрерывное попеченіе Промысла Божія о Его твореніи, и тѣмъ болѣе убѣждаемся, что за предѣлами видимаго существуетъ міръ невидимый, котораго нашъ вещественный міръ есть какъ бы отраженіе въ осязаемыхъ для нашихъ чувствъ формахъ. Сознаніе высокихъ умовъ служитъ этому доказательствомъ: знаменитый Ньютонъ съ величайшимъ благоговѣніемъ и благодарностію произносилъ имя Божіе; съ самой глубокой древности и до нашего времени, люди, одаренные высокимъ умомъ, посвятившіе всю жизнь свою наукамъ, возносились всею силою духа къ познанію Творца въ его необъятномъ твореніи.

Послѣ этого, чтожъ такое матеріалистъ, какое его міросозерцаніе?—

Это существо не мыслящее и потому не понимающее ничего, кромѣ соприкосновенія своего съ вещественнымъ міромъ или *матеріальною природою;* существо, для котораго внѣ матеріи ничто не существуетъ, котораго понятія ограничиваются сферою природы вещественной, въ той формѣ, къ которой онъ можетъ прикасаться своими тѣлесными органами; онъ не можетъ мыслить и понимать далѣе очевидности. Это существо, такъ сказать, ползающее по землѣ; оно роется въ ней, не поднимая умственнаго взора на высоту, не углубляется мыслію въ безпредѣльность неба, не созерцаетъ съ размышленіемъ безчисленныхъ міровъ, и не имѣетъ объ нихъ никакого понятія, единственно по той причинѣ, что чрезмѣрно удаленные лучи ихъ свѣта не ослѣпляютъ глазъ его, подобно солнцу, сильнымъ отраженіемъ на земной поверхности.

Какой взглядъ имѣетъ матеріалистъ на жизнь вообще? — Для него существуетъ только очевидное—настоящее; прошедшее забывается, будущее не существуетъ. — Потребности его жизни: пища, сонъ и теплота; для удовлетворенія этимъ потребностямъ, онъ готовъ употребить все, что попадетъ ему подъ руку: словомъ, — по его образу мыслей, все, что составляетъ вселенную, все это ничто иное, какъ матеріалы, которые одинъ для другаго служатъ средствомъ продолженія ихъ земнаго бытія безъ всякой цѣли, и потому нравственныя, взаимныя отношенія живыхъ и разумныхъ существъ для матеріалиста не существуютъ: *одно должно страдать, чтобы доставить другому удовлетвореніе его жизненнымъ потребностямъ*,—вотъ основное разрушительное правило матеріализма!

Какое умственное состояніе матеріалиста? Будучи ограниченъ до слѣпоты въ своемъ міросозерцаніи, онъ принимаетъ вещественныя свойства малѣйшей частицы созданій, доступной его очевидности, за всеобщій законъ творенія, вмѣсто вѣчнаго закона отношеній Создателя ко всему, произведенному Его творческою силою; этого закона онъ не знаетъ и не имѣетъ даже понятія о его существованіи.—Для каждаго размышляющаго человѣка очевидно, что человѣкъ состоитъ изъ разумнаго невещественнаго существа или духа, и изъ вещественнаго, премудро устроеннаго, живаго организма; — но въ матеріалистѣ дѣйствіе разумнаго духа не замѣтно; въ немъ видно одно животное; онъ человѣкъ не по разуму, а только по внѣшнему виду.

Какія нравственныя отношенія матеріалиста къ обществу? Не понимая, и потому не признавая ничего, внѣ видимаго вещества, онъ не признаетъ будущности, внѣ матеріальной жизни; отсюда совершенное отсутствіе необходимости нравственныхъ началъ или *закона нравственнаго и непреложнаго*, который умѣряетъ противоборство плоти противъ духа или разума; онъ готовъ жертвовать всѣмъ для удовлетворенія побужденій плоти; поэтому добро и зло, добродѣтель и порокъ, честность и злодѣяніе, у матеріалиста—это только идеи относительныя, а не истины неизмѣняемыя, непреложныя, положенныя въ основаніе нравственнаго закона,

который долженъ быть краеугольнымъ камнемъ въ общественной жизни разумныхъ существъ; и потому въ добродѣтели и честности матеріалиста столько же можно быть увѣреннымъ, какъ въ неизмѣнности направленія флюгера, дѣйствующаго по дуновенію вѣтра.

Какой взглядъ матеріалиста на природу? — Онъ никогда не выходитъ изъ круга подражанія, и потому, мечтая, что нашелъ что либо новое, онъ слѣпо повторяетъ давнія заблужденія другихъ; онъ не выходитъ взоромъ своимъ за предѣлы вещественности, духъ его спитъ: онъ не можетъ парить въ безпредѣльную область міра духовнаго; онъ не зритъ духовной стороны созданія, въ немъ нѣтъ эстетическаго чувства, нѣтъ идеала красоты; слѣдовательно, онъ не знаетъ поэтическаго значенія природы, въ которой все существо становится орудіемъ премудрости Творца къ произведенію вѣчной гармоніи во вселенной.

Какое внутреннее, душевное сознаніе матеріалиста? — Такъ какъ для него нѣтъ будущности внѣ матеріальнаго міра, а потому — нѣтъ вѣры; онъ не имѣетъ, чему вѣрить и во что вѣровать; нравственное духовное блаженство на землѣ и страхъ вѣчнаго отдаленія и лишенія этого блаженства за гробомъ—для него не существуютъ, слѣдовательно, онъ не имѣетъ внутренняго духовнаго чувства, которое утѣшало бы его при дѣлѣ добромъ, и укоряло бы за злое;—нѣтъ побужденія къ добру, нѣтъ совѣсти;—одинъ страхъ матеріальной, очевидной опасности, или отвѣтственности можетъ только удерживать его въ границахъ общественнаго порядка, и потому онъ готовъ дѣлать все противное закону нравственному, коль скоро можетъ укрыться отъ преслѣдованія;—для него необходимы законы, грозящіе страхомъ отвѣтственности и наказанія.

Матеріалисты бываютъ двухъ родовъ: одни по причинѣ малоумія и совершеннаго невѣжества до скотства,—другіе отъ гордости или сомнѣнія и увѣренности въ своихъ мнимыхъ познаніяхъ, которая омрачаетъ ихъ до слѣпоты и того же невѣжества, но какъ первые, такъ и послѣдніе, необходимо должны быть равно удерживаемы страхомъ законовъ, безъ

чего первые могутъ сдѣлаться преступными по увлеченію ихъ невѣжества, послѣдніе же могутъ быть готовы на всякаго рода злодѣяніе по необузданности ихъ гордости, и надежды на безнаказанность.—Однако же какъ тѣ, такъ и другіе, достойны сожалѣнія въ глазахъ человѣка съ высшими христіанскими чувствами.—Можно ли безъ глубокаго душевнаго сожалѣнія видѣть человѣка, омраченнаго совершеннымъ невѣжествомъ, лишеннаго свѣта истинной вѣры, — человѣка, котораго душа не можетъ ощутить блаженства неземнаго, исполняющаго ее чувствомъ небесной радости?

Матеріалистъ въ благополучіи гордъ до смѣшнаго, а низокъ до жалости, когда счастье отвернется отъ него.—Въ несчастіяхъ просвѣщенный христіанинъ, въ своемъ смиреніи, дѣлается истинно великимъ, становясь выше всего земнаго; матеріалистъ же напротивъ дѣлается низокъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому что вещественныя основанія его надеждъ рушились безвозвратно, а возвыситься духомъ ему некогда, и то, что для смиренно-мудраго христіанина бываетъ отвлеченіемъ отъ всего тлѣннаго и преходящаго, путемъ къ возвышенію,—то для жалкаго, безумнаго горделивца становится причиною отчаянія, путемъ къ погибели.

Бѣдные матеріалисты! Они въ ослѣпленіи своемъ не видятъ, что они не изобрѣли какой либо новой мысли или новаго взгляда на міръ, но что они повторяютъ тѣ заблужденія древнихъ, которыя тогда были еще извинительны, какъ потому, что познанія естествовѣдѣнія были чрезвычайно ограничены, не имѣли тѣхъ научныхъ средствъ, какія мы имѣемъ въ наше время, такъ и потому, что въ то время люди, не вѣдая высочайшихъ истинъ, стремились къ познанію ихъ силами собственнаго разума, не имѣя яснаго откровенія міра духовнаго, — и заблуждались; но при всемъ томъ никогда не доходили до такого невѣжественнаго [illegible] какъ нынѣшніе матеріалисты, отвергающіе откровенныя, уже [illegible] оправданныя, истины. Они искажаютъ науки, лгутъ на нихъ, [illegible] значеніе самыхъ событій, и подводя ихъ къ своему образу воззрѣнія.

[illegible] скажетъ матеріалистъ о законахъ количествъ, о законѣ гармоніи [illegible] совершенно не принадлежащихъ міру вещественному, равно и

о пониманіи этихъ законовъ? Конечно, онъ долженъ остаться безотвѣтнымъ, потому что не можетъ постигать ихъ матеріальнымъ образомъ.

На чемъ же матеріалисты основываютъ свое самомнѣніе и свои системы міросозерцанія, и какія доказательства основательныхъ познаній видимъ мы отъ этихъ горделивцевъ, холодныхъ ко всему высокому и прекрасному въ Божьемъ мірѣ? Какія доказательства представляютъ они въ утвержденіе своихъ мыслей?—До сего времени мы видимъ только одинъ туманный, напыщенный бредъ въ несвязныхъ, неопредѣленныхъ, лишенныхъ всякой логики фразахъ, какъ напримѣръ, *о началѣ бытія вселенной* они говорятъ:

«Сущность появленія вещей есть произведеніе различныхъ и разнообразныхъ, случайныхъ или необходимыхъ, комбинацій между собою и движеній матеріи (Бюхнеръ)».

«Кажущаяся цѣлесообразность природы есть ничто иное, какъ необходимое послѣдствіе встрѣчи натуральныхъ веществъ и силъ (Фохтъ)».

«Движеніе соединенія, поглощенія и выдѣленіе основной матеріи, есть содержаніе всякой дѣятельности на землѣ (Молешотъ)».

«Природа воспроизвела все сама изъ себя (Бюхнеръ)».

«Природа возникла изъ физическихъ и химическихъ силъ, безъ органической субстанціи, безъ какой либо руководящей идеи (Фохтъ)».

«Вселенная не создана, но въ теченіи невообразимаго количества тысящелѣтій возникла изъ саморазвитія вѣчныхъ, безсознательныхъ атомовъ матеріи, частію посредствомъ вѣчной необходимости природы, частію случайно (Молешотъ)».

«Вся вселенная есть вѣчная матерія, форма и движеніе; ничто существенное не можетъ ни возникнуть, ни уничтожиться (Чольбе)».

«Нашъ размышляющій разсудокъ есть единственная причина кажущейся цѣлесообразности природы, которая есть только необходимое слѣдствіе встрѣчи силъ и матеріи (Бюхнеръ)».

«Ходъ природы есть только игра и управленіе природныхъ силъ (Молешотъ)».

«Закономъ природы служатъ суровыя, непреклонныя силы, незнающія ни нравственности, ни снисхожденія (Фохтъ)».

«Матерія устрояетъ міръ посредствомъ взаимодѣйствія своихъ атомовъ, безъ плана и безъ намѣренія (Молешотъ)».

Посмотримъ, какое понятіе имѣютъ матеріалисты о причинѣ всего бытія—о Творцѣ вселенной?

«Богъ есть внѣ и высшее человѣческое я, раздвинувшее свои предѣлы, и надъ объективнымъ существомъ поставившее субъективное существо—человѣка (Фейербахъ)».

«Еслибы существовалъ творецъ міровъ, то онъ прежде или послѣ акта творенія явилъ бы себя существующимъ, а какъ этого никогда не было, слѣдовательно творца нѣтъ; а все сдѣлалось силами природы и матеріи».

«Движеніе матеріи повинуется только тѣмъ законамъ, которые дѣйствуютъ въ ней самой (Бюхнеръ)».

Высшая идея есть круговое теченіе жизни, или вѣчное круговращеніе матеріи, проходящее чрезъ всѣ виды природы отъ земли до человѣка и отъ человѣка до земли (Молешотъ)».

«Ничто не существуетъ, кромѣ того, что можетъ быть постигаемо тѣлесными чувствами (Молешотъ).»

«Органическія существа одолжены своимъ бытіемъ совокупности дѣйствій естественныхъ силъ и матерій; по образованіи и охлажденіи земли, зародыши всего живущаго спустились изъ міроваго пространства, и достигли своего развитія тамъ, гдѣ сродство и общность условій благопріятствовали имъ (Бюхнеръ).»

Изъ первобытной тины вѣчныхъ атомовъ матеріи, частью случайно, частью по необходимости, чрезъ скучиваніе матеріи, развилась первая органическая ячейка; изъ нее возникли сперва растительныя, а потомъ

животныя формы, которыя посредствомъ безконечныхъ метаморфозъ, развились наконецъ въ обезьянъ; а отъ нихъ произошелъ первый человѣкъ (?) (Бюхнеръ).»

Какое основаніе взаимныхъ отношеній между человѣками?

«Каждый человѣкъ есть ближній только самаго себя (Фохтъ и Штирнеръ).»

«Общій итогъ разумнаго права слѣдующій: выше всего люби себя (Гоббесъ и Штирнеръ).»

«Служеніе нашему Я есть единственная разумная и честная религія (Максъ-Штирнеръ).»

Послѣ всей изложенной здѣсь премудрости матеріалистовъ, спрашиваю: можетъ ли не только ученый, но просто здравомыслящій человѣкъ, хотя нѣсколько образованный и ознакомленный съ пріемами философскихъ разсужденій, можетъ ли хотя на минуту остановить свое вниманіе на подобныхъ дефиниціяхъ, въ которыхъ нѣтъ ни одного слова, опредѣляющаго значеніе вещи или идеи? Такіе философы подобны мальчику, который, не имѣя понятія о математическихъ вычисленіяхъ, набралъ бы кусочковъ бумаги съ написанными на нихъ цифрами, и увѣрялъ бы своихъ товарищей, что если перемѣщать эти бумажки, и потомъ разомъ бросить ихъ на полъ, то онѣ дадутъ точно такой результатъ того вычисленія, котораго они не понимаютъ въ школѣ. Читая эти дефиниціи матеріалистовъ, невольно приходимъ къ заключенію, что эти псевдофилософы должны быть, или въ высшей степени самолюбивые лѣнивцы, нехотѣвшіе учиться основательно, а только лишь нахватавшіе научныхъ терминовъ, и играющіе ими, чтобы удивлять невѣждъ своею ученостью; или это стачка шалуновъ, которые сами помираютъ со смѣху, видя, какъ глупцы съ восторгомъ и удивленіемъ повторяютъ сказанную ими безсмыслицу, или наконецъ это стачка,—но не шалуновъ, а отъявленныхъ злодѣевъ, которые сами знаютъ, что говорятъ вздоръ, но проповѣдуютъ его, желая убить въ людяхъ всякое нравственное чувство, всѣ правила взаимныхъ отношеній, чувство совѣсти, попирая все, что есть

священнаго для человѣчества;—уничтожить всякій законный порядокъ, развить необузданность страстей, и по головамъ погибающихъ жертвами ихъ разрушительнаго ученія достигнуть, хотя кратковременно, удовлетвореній своихъ корыстныхъ цѣлей.—Иначе не возможно думать, потому что нельзя повѣрить, чтобы люди, не потерявшіе разсудка, и даже занимающіеся науками, говорили такія безсмысленныя положенія. Предоставимъ имъ предполагать, что все, что составляетъ вселенную, составилось какимъ бы то ни было порядкомъ, и въ продолженіи неопредѣленнаго времени изъ первобытныхъ элементовъ матеріи и силъ, но все же какъ ученый, такъ и самый простой, но мыслящій и не потерявшій разсудка человѣкъ прійдетъ къ неотразимому вопросу, откуда же возникли тѣ первобытные элементы, атомы и силы? И если матеріалистъ и на этотъ вопросъ отвѣтитъ, что они возникли сами собою, и что они всегда были вѣчны,—тогда уже нечего болѣе у него спрашивать, а изъ состраданія отвести ему покойный теплый номеръ въ извѣстномъ заведеніи профессоровъ новѣйшей философіи.

Несомнѣннымъ доказательствомъ того, что нынѣшніе философы матеріалисты или вовсе не знаютъ новѣйшихъ основательныхъ выводовъ наукъ естественныхъ, или съ злымъ умысломъ искажаютъ ихъ, служитъ взглядъ на тѣ же науки извѣстнѣйшихъ ученыхъ нашего времени; такъ ученый геогностъ Марсель де Серрезъ говоритъ: «Съ какою недобросовѣстностію и невѣжествомъ, называвшіеся философами прошедшаго столѣтія, судили о книгѣ, которую не понимали, да и не могли понять тогда, когда науки еще не были достаточно усовершенствованы! Только въ наше время изслѣдованія, произведенныя естественными науками, показали намъ, что сказанія Моисея о сотвореніи міра согласуются съ достовѣрнѣйшими геогностическими фактами, гораздо болѣе, чѣмъ всѣ системы, *придуманныя* самыми геніальными людьми.»

Такимъ же образомъ выражались объ этомъ предметѣ знаменитѣйшіе естествоиспытатели, физики, химики, математики и философы, начиная съ Коперника, Кеплеръ, Ньютонъ, Гауссъ, Эйлеръ, Гуфландъ, Гейнротъ,

Фареде, Кювье, Фихте, Шеллингъ, Стефенсъ и Гумбольдъ. Такъ равно и о ученіи христіанскомъ, отдавая ему всю силу Божественнаго его начала и силу истины, говорятъ Мюллеръ, Шейтлинъ, Вагнеръ, Гумбольдтъ и Гейне, извѣстный прежде своимъ вольнодумствомъ, искренно признается, что обратился къ истинѣ чтеніемъ Библіи, т. е. Ветхаго и Новаго Завѣта.

Въ заключеніе можно привести слова Гете, (Aus meinem Leben). Онъ говоритъ: «Пусть естественныя науки распространяютъ область своихъ изслѣдованій въ ширину и глубину, пусть умъ человѣческій совершенствуется, какъ только можетъ, онъ никогда не достигнетъ того величія и той нравственной христіанской образованности, которая открыта намъ въ Новомъ Завѣтѣ.»

Довольно, кажется, доказательствъ тому, что основательное изученіе природы и всѣхъ физико-математическихъ наукъ ведетъ къ глубокому познанію истинной вѣры и Священнаго Писанія, которое отрицать могутъ только люди съ самыми поверхностными понятіями объ этихъ наукахъ, и что ихъ взгляды и выводы недостойны вниманія истинно ученаго человѣка.

По системѣ мірозданія матеріалистовъ всѣ животные организмы произошли изъ перерожденія одного рода и вида въ другой, въ продолженіи *невообразимаго* количества тысячелѣтій. Такимъ же образомъ и человѣкъ, произойдя изъ какой нибудь инфузоріи, наконецъ дошелъ и до рода обезьянъ, и потомъ переродился въ человѣческій образъ.—Слѣдуя этой системѣ, можно предполагать, что и сами матеріалисты въ продолженіи многихъ вѣковъ могли бы переродиться въ людей разумныхъ, что впрочемъ весьма сомнительно: скорѣе можно ожидать обратнаго хода метаморфозы. Бѣдныя жалкія существа! Они не вѣдаютъ всей неизмѣримости милосердія своего Создателя; они не знаютъ того, что для возрожденія человѣка нужны не тысячелѣтія, и что одна минута полнаго, искренняго раскаянія и обращенія къ Богу съ любовію можетъ просвѣтить ихъ, переродить и доставить имъ вѣчное блаженство. Г. Р.

Еще для нигилистовъ.

Нигилисты наши не выходятъ у меня изъ головы. Познакомясь съ ними по нѣкоторымъ статьямъ, я вижу, что это, по большой части, народъ искрѣнній, можетъ быть, и добрый, никакъ не отчаянный, что они могутъ выбраться на истинный путь. Жаль только, если это случится слишкомъ поздно. Нужно, чтобъ они читали не только то, что подходитъ подъ ихъ настоящее направленіе, но и то, что можетъ служить къ ихъ опроверженію.

На первый случай предлагаю имъ отрывокъ изъ Іова, по переводу-подражанію Ѳ. Н. Глинки, вновь вышедшему.

. . . . . .
О чудодѣенъ человѣкъ!—
Упорно подрывая горы,
Онъ подсѣкаетъ корни скалъ,—
И съ громомъ рушатся громады.
И тайны горъ обнажены!—
Изъ камней онъ выводитъ рѣки
И запинаетъ бѣгъ рѣчной;
И много, многое онъ знаетъ!!.
Откуда жъ мудрость?—Онъ молчитъ!
Откуда *вѣдѣнье и разумъ*?—
Объ этомъ онъ не говоритъ!
Вотще и горы подкопалъ,
Вотще и землю вопрошаетъ:
Богатства мудрости не въ ней!
«И я въ себѣ *ее* не вижу!»
Сѣдая бездна говоритъ....
Достань хоть золото *Офира*,
Анфраксъ и онихсъ дорогой,
Стань обладателемъ *сапфира*,
Сбери хоть всѣ богатства міра,—
Не купишь мудрости за нихъ!
Ни многочестный камень *Рамы*,
Сей многодивный *самосвѣтъ*,
Что свѣтится и въ мракѣ ночи, —
Ни свѣтлый сынъ пещеръ *кристаллъ*,

Ни дорогой топазъ Ефійскій,
Не замѣняютъ незамѣнной...
Ни чашъ завѣтныхъ, дорогихъ,
Ни златокованныхъ сосудовъ,
Въ промѣнъ за мудрость не берутъ!..
А если ты *ее* добудешь,
Забудешь розовой *кораллъ*,
И миловидные *берилы*,
И крупный жемчугъ дорогой:
Премудрость выше всѣхъ сокровищъ!—
И почвы Эѳіопскій сынъ,
Смарагдъ, ничто предъ ней!—Отнуда-жъ
Премудрость сходитъ къ намъ? и гдѣ,
Гдѣ *разумѣнія источникъ*—
Святый премудрости родникъ?..
Не отъ земли премудрость, нѣтъ!
Въ земномъ ее напрасно ищутъ:
Она сокрыта отъ людей!
Пошли орла въ разливъ лазурный,—
Онъ встрѣтитъ взоромъ солнца лучь,
Крыломъ прорѣжетъ область тучь,
И стерпитъ натискъ вихрей бурный:
Но мудрости не выше тучь,
Ни въ царствѣ воздуха, не встрѣтитъ!
И говоритъ и *Аввадонъ*
И *смерть*: «мы слышали ушами
Своими, что славна премудрость,
Но не видали мы ее!»
Никто не знаетъ волей Бога;
Таинственны Его пути;
Сокрытъ чертежъ міроправленья;
Въ глубокой тайнѣ сокрытъ раздѣлъ
Людскаго счастья и несчастья:
Никто не знаетъ: *что*, *кому?*
Но все то вѣдаетъ премудрость,
Все ясно ей, что намъ темно...
Гдѣ-жъ путь и ключь къ ея чертогу?
Гдѣ неизходную найти?
Спроси у звѣздъ—онѣ молчатъ;
Спроси у безднъ—не отвѣчаютъ!..
Одинъ, одинъ лишь знаетъ Богъ,—
Куда изъ премудрости дорога,
И *гдѣ* и *какъ* она живетъ!
Онъ вѣдаетъ, зане объемлетъ

И землю взорами кругомъ,
И всю безбрежность поднебесья:
Онъ вѣдаетъ, зане Онъ Самъ
И вѣтеръ взвѣшивалъ, и воды
Размѣривалъ и разливалъ.
Онъ предписалъ дождю законы.
Онъ молніямъ назначилъ путь,
И путь провелъ стрѣлѣ громовой...
Тогда—Всезиждущій позналъ
Чудотворящую премудрость;
Ее Онъ обнялъ, осязалъ—
И Самъ Господь, неизслѣдимый,
Изслѣдовалъ ее, и Самъ
Изрекъ завѣтно человѣку
Въ урокъ народамъ и вѣкамъ:
«*Премудрость*, (вѣдайте народы)!
Воистину *есть Божій страхъ*,
И *удаленіе отъ зла*,
Есть *вѣдѣніе* и вмѣстѣ *разумъ*!...»

. . . . . .

Ты-ль строилъ съ Богомъ небеса
И слилъ ихъ въ зерцало литое?
Твоя-ль заставила руна
Летать безъ крыльцевъ облака? —
Пересчиталъ-ли купы звѣзды?
Леталъ ли внизъ въ бездонны бездны?
И повѣрялъ ли солнца ходъ?
Міроправленія науки
Постигнулъ-ли ты глубину?
Твои-ли, слабый смертный, руки
Ломаютъ льды, ведутъ весну
Съ ея чудесной лѣпотою—
Весну, мать жизни и забавъ,
И мертвенный земли составъ
Ты-ль грѣешь дивной теплотою?
Ступай и переставь луну,
Или созови къ себѣ свѣтила!
Не ты-ль устроилъ вышину?
Твоя-ль окупола сила
И озвѣздила небеса?...
Почтошь пустыя словеса
Дерзаешь говорить на Бога?
Онъ мудръ и благъ, могущъ, великъ!

Таинственна къ Нему дорога...
Незримаго кто видитъ ликъ?.
А Онъ, Богъ мира и Богъ рати.
Вездѣ слѣдитъ, и зритъ *своихъ*,
И *знакомъ* тайныя печати
Ладони печатлѣетъ ихъ.
Зачѣмъ же противъ силы прати?—
Опутай крылья словъ твоихъ!
Зачѣмъ твой духъ роптать дерзаетъ?
Богъ никого не обижаетъ!...
«Что-жъ дѣлать?» спросишь ты. Молчать,
Любить, терпѣть и уповать!...
Земли мятежныхъ населенцевъ
Не любитъ освѣщать Отецъ;
Любаетъ часто онъ младенцевъ,
Но не узритъ Его мудрецъ!»

. . . . . .

Не видѣть Бога... это страшно!
Когда-бъ исчезла вышина
Въ непроницаемомъ туманѣ,
И вѣчной ночи въ океанѣ
Погибли солнце и луна,—
Намъ легче было-бъ и отрадѣй
Ни звѣздъ, ни солнца не видать,
Чѣмъ не видать Творца въ твореньи,
Въ дому хозяина не зрѣть!...
Стократъ сноснѣе умереть,
Чѣмъ, всюду Богомъ окружаясь,
Въ Немъ плавая Его не зрѣть!...
Но доброе, простое сердце,
Въ своей невинной чистотѣ,
Предчувствуетъ, провидитъ Бога
И тонетъ все въ Его любви!
Пади-жъ предъ Нимъ... Его зови!
Онъ видѣнъ кротнимъ и смиреннымъ...
Блаженъ кто кротокъ и смиренъ:
Незримое онъ *часто видитъ*
Очами сердца, и въ тиши,
Ночной порою, въ слухъ души,
Къ нему слетаютъ пѣсни неба:
Онъ ловитъ ихъ отрадный звукъ
И забываетъ горе мукъ!

Онъ видитъ: *тихій свѣтъ*, прелестный,
Съ высотъ невѣдомыхъ бѣжитъ,
Бѣжитъ посланникъ тотъ чудесный,
И душу нѣжитъ и свѣтлитъ —
И вотъ несчастный сталъ счастливцемъ!...
Однимъ лишь гордымъ нечестивцамъ
Не отвѣчаетъ Богъ.

. . . . . .

Кто звалъ Меня на состязанье,
И, въ дѣтской дерзости своей,
Предвѣчное предначертанье
До вѣчной мудрости Моей
Темнилъ безсмыслiемъ рѣчей?!...
Встань, выступи сюда, борецъ!
Будь мужъ, препоясись, мудрецъ!—
И стану спрашивать—отвѣтствуй
И покажи свой умъ въ словахъ!
Скажи Мнѣ, старецъ-малолѣтокъ,
Скажи, Мой недоросль земной:
Ты много-ль царствъ и поколѣній
И древнихъ пережилъ вѣковъ?
Какихъ перемѣнъ и возрожденій
Ты былъ свидѣтелемъ въ свой вѣкъ?...
Скажи, вчерашній человѣкъ:
Который годъ тебѣ?—Давно-ли,
Зачѣмъ и *какъ* пришелъ на свѣтъ!—
Ты былъ-ли при созданьи міра,
И предлагалъ-ли свой совѣтъ,
Какъ Мнѣ вселенную устроить?...
Ты знаешь-ли, когда и какъ
Я словомъ свѣтъ дневной составилъ,
И прогналъ довременный мракъ,
Осводилъ высь и сводъ уставилъ
Неизчислимостью свѣтилъ,
И яркій блескъ ихъ заслонилъ
Прозрачной тканію лазури.
Одной рукой—Я мракъ и бури,
Другою мощно оттѣснилъ
Боровшійся съ вѣками пламень...
Не ты-ль *краеугольный камень*
Землѣ въ подпору подкатилъ,
И ту разсыпчатую землю

Спалъ на четырехъ углахъ?
Ты-ль далъ ей видъ и очертанье? —
Ты-ль утвердилъ ея столпы?..
Отвѣтствуй, и свое всезнанье
Въ отвѣтѣ мудромъ покажи!
И если вѣдаешь, скажи:
Чей шнуръ ея всѣ линьи смѣрилъ?
Не ты-ль держалъ надъ ней отвѣсъ?..
Твоя-ль рука за мной носила
И наугольникъ и мѣрила?
Кто далъ землѣ объемъ и вѣсъ?
Кто ходъ младой земли размѣрилъ,
И кто ее, младенца, ввѣрилъ
Любви заботливой небесъ?...
Ты помнишь-ли, какъ рядъ чудесъ
Узря, всѣ звѣзды заиграли,
Зардѣлися, заликовали,
И издали хвалебный гласъ?—
И былъ тотъ гласъ, тотъ гимнъ священный—
Привѣтъ землѣ *новорожденной*...
Въ тотъ памятный на небѣ часъ,
Отринувъ мрачные покровы,
Вошелъ *въ семью свѣтилъ Мой міръ*,
Невинепъ, свѣжъ, блестящъ, какъ радость,
Свѣтлѣющій, какъ брачный паръ!..
И закипѣли неба чада
Средь выспренныхъ своихъ круговъ:
Ихъ повлекла ко Мнѣ любовь,
И понеслась сія громада
Со всѣхъ высотъ, со всѣхъ небесъ,
По звѣзднымъ царствамъ, по лазури,
По златозарной вышинѣ,
И стала предъ Владычнымъ троном,
Лики стройно и поя...
И рать несмѣтная сія
Мнѣ славу воздала *поклономъ*.

. . . . . .

Перемѣни часовъ порядокъ:
Вели разсвѣту раньше быть!...
А звѣзды можешь-ли гасить
И сокращать предѣлы ночи?—
Твоя-ли творческая сила

Такъ пышно небо освѣтила,
И ты-ль съ востока на закатъ
Двенадцать солнцевыхъ палатъ
На горнемъ поясѣ поставилъ,
И царскій путь на нихъ направилъ?—
Не ты-ль, взявъ бреніе земли,
Создалъ *глаголемаго*? *) Ты ли
Облекъ его въ высокій санъ
И посадилъ царемъ... Не ты-ли,
Схвативши землю за края,
Тряхнулъ трещавщую такъ сильно,
Что нечестивыхъ родъ долой
Слетѣлъ съ нея въ бездонье *ада*?
Сходилъ-ли ты во глубину
И въ *неосновенныя* бездны?
Позналъ ли тайны дна морей?
И видѣлъ-ли Мой міръ *надводный*—
Водоворотовъ и пещеръ?

. . . . . .
Кто во всемірномъ домоводствѣ
Все слышитъ, видитъ, бережетъ?
Кто, надъ гнѣздомъ приникнувъ врана,
Въ его отсутствіи, птенцовъ,
Кричащихъ къ Богу, грѣетъ, кормитъ,
Кто ихъ, *малютокъ*, стережетъ?...

Заключимъ наши записки послѣдними стихами эпилога:

И жилъ нашъ патріархъ счастливецъ долго.
И внучатамъ твердили дѣды: «*Онъ*
Испытанъ Богомъ былъ—испытанъ строго:
Пустыни вся, страдальца слыша стонъ,
Дивилась, *какъ* онъ могъ стерпѣть такъ много!!
Но Богъ возрѣлъ, и—все былое сонъ!—
Темнитъ насъ грѣхъ, но чиститъ огнь страданій,
И сладокъ плодъ отъ горькихъ испытаній!...

---

*) Выраженіе Славянскаго подлинника.

Примѣчательная эпитафія,

(Къ с. 36. Письмо въ редактору Московскихъ Вѣдомостей, 1873 г. № 103).

«На днях случилось мнѣ быть въ Петербургѣ по одному печальному для меня обстоятельству: требовалось заказать памятникъ на могилу близкаго,—очень близкаго для меня существа. Указали мнѣ на однаго монументальнаго мастера Баранова, живущаго на Васильевскомъ островѣ, по Камской улицѣ, въ домѣ № 7. У этого мастера, другимъ, какъ и я, осиротѣлымъ отцомъ, заказанъ памятникъ съ надписью, которая, не сомнѣваюсь, потрясетъ глубоко сердце каждаго, какъ потрясла она меня.... Памятникъ,—простой камень—заказанъ Псковскимъ помѣщикомъ, Семеномъ Егоровичемъ Лавровымъ, для общей могилы погибшихъ отъ самоубійства дочерей его: Прасковьи Семеновны Гончаровой, не перенесшей смерти любимаго ею Жохова, убитаго на дуэли господиномъ Утинымъ, и Александры Семеновны Лавровой, лишившей себя жизни вслѣдъ за неудавшеюся попыткой отмстить Утину за смерть любимой сестры. *) А надпись привожу въ точности:

Прасковья Гончарова 22 лѣтъ.
Александра Лаврова 19 лѣтъ.
Окончили свое существованіе въ 1872 и 1873 гг.
Двѣ жертвы
Безобразной школы нигилизма.
Самъ отецъ
Въ невѣдѣніи своемъ предалъ ихъ
Этой школѣ.
Боже милосердый!
Прости и возлюби ихъ!
Не поставь имъ въ вину
Грѣхъ предавшаго ихъ!
Боже, прости несчастному
Безпечность его!
Великій Боже, прости
Вовлекшихъ ихъ въ преступленіе
И заблужденіе!»

Прекрасная, христіанская молитва, къ которой отъ души приеоединится всякій благомыслящій Русскій человѣкъ!

*) См. примѣчаніе на с. 36.

Письмо городскаго священника къ издателю.

Мы живемъ въ такое время, когда нигилизмъ, матеріализмъ и разныя другія заблужденія начали глубоко пускать свои корни въ сердца молодыхъ, еще неопытныхъ юношей, прельщающихся всякою новизною мнѣній, какъ-бы модою платья. Зло начинаетъ нынѣ стремительнымъ потокомъ врываться даже въ средніе и низшіе слои провинціальнаго общества, благодаря болѣе всего той подпольной литературѣ, которая проповѣдуетъ мнимо-новыя идеи и стремится къ подрыву главныхъ основъ государства и семейной жизни, и тому, что щегольство нигилизмомъ нынѣ вошло въ провинціяхъ въ моду, и, по мнѣнію молодежи, есть будто бы признакъ современности и образованности. Встрѣтить вольнодумца въ той или другой семьѣ нынѣ стало дѣломъ очень обыкновеннымъ: не только университанты и ученики высшихъ классовъ гимназіи, но даже ученики III, IV и V классовъ гимназіи, бредятъ новомодными идеями, схваченными ими съ лету, и самоувѣренно высказываютъ ихъ своимъ сверстникамъ, во время каникулъ, видясь съ ними. Родители не знаютъ, что дѣлать съ своими дѣтьми, при видѣ ихъ вольнодумства; начинаютъ ихъ вразумлять, какъ умѣютъ, но слышатъ отъ нихъ всегда одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «ты, батюшка, судишь обо всемъ по своему, по старинному; а наука говоритъ совсѣмъ не то, что натолковали тебѣ попы... ты—человѣкъ отсталый и не знаешь того, до чего дошелъ прогрессъ. что открыла наука... возми-ка вотъ почитай эту книгу и увидишь тогда, что все произошло само собою, при дѣйствіи силъ природы, что человѣкъ-то вовсе не сотворенъ изъ земли, а произошелъ отъ обезьяны, что души-то у него вовсе никакой нѣтъ, а есть лишь мозгъ и нервы... Это все *положительно дознано и доказано наукою.*» Что тутъ дѣлать отцу, который часто самъ учился на мѣдные гроши! Читать книгу или продолжать свое вразумленіе? Но вразумленій сынъ и слышать не хочетъ,

и все твердитъ о своей книжкѣ и наукѣ. Остается читать книгу. Отецъ читаетъ ее, не понимаетъ и задумывается: въ книгѣ дѣйствительно обо всемъ говорится не такъ, какъ онъ доселѣ думалъ о Богѣ, человѣкѣ и природѣ—главныхъ предметахъ человѣческаго знанія, и все по видимому подтверждается ссылкою на авторитеты науки. Онъ чувствуетъ, что это несогласно съ ученіемъ Вѣры, но не въ силахъ спорить съ сыномъ и разубѣдить его въ томъ, что въ этой книгѣ много неправды. Что послѣ этого остается дѣлать?—молчать и скорбѣть? Да. И отецъ точно молчитъ, избѣгаетъ споровъ съ сыномъ, и лишь изрѣдка ему замѣчаетъ, что не всякой-то книжкѣ должно вѣрить смѣло; а сынъ между тѣмъ думаетъ, что онъ доказалъ отцу его отсталость и свое предъ нимъ превосходство, и начинаетъ еще смѣлѣе высказывать въ семьѣ свои новомодныя идеи, взятыя напрокатъ, чтобы показать себя человѣкомъ современнымъ. И зло своимъ чередомъ ростетъ и ростетъ въ семьѣ: отъ брата и сестра начинаетъ *кружиться*, заражается его идеями, начинаетъ толковать о свободномъ трудѣ и своемъ собственномъ кускѣ хлѣба, свободѣ чувствъ и т. д. Отъ сестры заражается другая, отъ этой другой ея подруга и т. д. Молодежь, служащая въ разныхъ провинціяльныхъ присутственныхъ мѣстахъ, состоящая преимущественно изъ недоучекъ, исключенныхъ изъ низшихъ учебныхъ заведеній, и всегда старающаяся казаться современною, если не передовою, съ жадностью бросается на всѣ новомодныя идеи, хватая ихъ слету, съ слуха, и разсѣваетъ ихъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ принимаютъ молодежь и ухаживаютъ за нею, если въ семьѣ есть дѣвушки-невѣсты.... А г. г. юнкера и молоденькіе офицеры идутъ въ этомъ отношеніи еще далѣе приказныхъ: они готовы подъ часъ на все, лишь бы увлечь бѣдную дѣвушку....

Таково у насъ, въ провинціяхъ, положеніе дѣла! Такъ легко здѣсь распространяются пагубныя идеи нигилизма; стоитъ только появиться одному нигилисту, и около него какъ разъ соберется цѣлое стадо. И гдѣ то средство, которое могло бы остановить дальнѣйшее распространеніе пагубныхъ идей среди безсмысленной, недоучившейся и своевольной

толпы? Чѣмъ можно помочь горю?—Скажутъ, церковною проповѣдью? Конечно, проповѣдь церковная всегда была и доселѣ есть первая обличительница нравственныхъ недуговъ общества; но кто ее слушаетъ и кто ей внемлетъ, и въ силахъ ли проповѣдникъ въ провинціи громить невѣрующихъ и вольнодумцевъ съ церковной каѳедры? Его слушаютъ въ церкви старые да малые, которымъ нужно говорить объ истинахъ вѣры самымъ простымъ языкомъ, приспособительно къ ихъ понятіямъ и ихъ нравственнымъ нуждамъ; молодежь же, щеголяющая новомодными идеями, вовсе не ходитъ въ церковь, или же является въ нее только за тѣмъ, чтобы себя показать и другихъ посмотрѣть, и вы никогда не заставите ее выслушать проповѣдь. Конечно, за пастыремъ церкви и послѣ этого еще остается возможность обличить заблуждающаго наединѣ или въ домѣ его родителей; но прежде всего приходскій священникъ не въ силахъ спорить въ домѣ съ людьми, которые не хотятъ ни слушать, ни говорить спокойно, и всегда лишь твердятъ одно: «ты, батюшка—попъ, человѣкъ отсталый, не знаешь современнаго состоянія наукъ естественныхъ, проповѣдуешь старину, гниль и суевѣріе... ты тутъ преслѣдуешь свои собственные интересы, потому что религія кормитъ тебя, какъ своего жреца: ты питаешься на счетъ тѣхъ грошей, которые собираешь съ людей суевѣрныхъ, съ невѣжественной толпы, погибающей-во мракѣ старинныхъ предразсудковъ... Поди ты отъ меня!.. Я не глупѣе тебя: тебя еще поучу»... и т. д. Можно ли послѣ этого приходскому священнику успѣшно бороться съ распространеніемъ нравственной заразы въ семьяхъ его прихожанъ, когда молодежь, зараженная пагубными идеями, смотритъ на него, какъ на обскуранта, врага прогресса и гроше собирателя, который будто бы изъ личныхъ своихъ интересовъ поддерживаетъ преданія старины глубокой и морочитъ глупую толпу? Ему остается только смотрѣть и скорбѣть, молчать и ждать того случая, когда вольнодумецъ заболѣетъ и предъ смертію вздумаетъ покаяться; но этого не скоро можно дождаться, и не легко видѣть, какъ зло все болѣе и болѣе распространяется между его пасомыми, и онъ не можетъ пресѣчь его.—

За проповѣдью слѣдуетъ школа, какъ мѣсто воспитанія дѣтей и развитія ихъ смысла и нравственности; но здѣсь-то именно юноши и набираются новомодныхъ идей, частію потому, что нѣкоторые наставники не стыдятся и не боятся Бога высказывать дѣтямъ свои собственныя заблужденія, выдавая ихъ за чистую истину, за послѣднее слово науки, и болѣе всего потому, что тутъ-то юноши находятъ себѣ благопріятелей, снабжающихъ ихъ книгами Фейербаха, Бюхнера, Циммермана, Молешотта, и ихъ послѣдователей изъ нашихъ писателей, кружащихъ головы молодежи, тутъ-то они тайкомъ читаютъ эту подпольную литературу, оставаясь внѣ возможности провѣрить прочитанное со взглядами благонамѣренныхъ людей, и все слѣпо принимаютъ за истину. — Остается еще наша литература; но духовной литературы дѣти не читаютъ частію потому, что ея нѣтъ въ библіотекахъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, низшихъ и среднихъ, частію по предубѣжденію, а частію и по незнанію въ томъ потребности, если бы и могли добывать книги духовнаго содержанія гдѣ либо; а свѣтская литература въ разсказахъ толкуетъ больше о кошечкахъ, собачкахъ, охотѣ и т. п. мелочахъ, въ повѣстяхъ и романахъ толкуетъ о житейскихъ дрязгахъ и подъ часъ о новомодныхъ идеяхъ, будто бы благодѣтельныхъ для человѣчества, но всего болѣе и всего усерднѣе занимается описаніемъ любовныхъ похожденій волокитъ и кокетокъ,—а въ библіографическомъ отдѣлѣ больше занимается руганью и насмѣшками надъ людьми религіозными, чѣмъ дѣльными разборами литературныхъ произведеній. А эти-то разсказы, повѣсти, романы и критическіе обзоры Писарева и др. молодежь и читаетъ всего болѣе и отсюда-то она еще болѣе набирается новомодныхъ идей!..

Итакъ, дѣло плохо, зло усиливается, а остановить его распространеніе некому и нечѣмъ. Какъ-же быть? Неужели сидѣть всѣмъ сложа руки и ждать нехорошей развязки распространенія ложныхъ идей, какъ этого дождалась Франція съ своими коммунами? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ, весьма великой важности, вы, М. П. дали Россіи своею книгою: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ». Я уже не разъ задумывался надъ тѣмъ,

какъ помочь этому общественному горю. и всегда приходилъ къ тому заключенію, что, при настоящемъ положеніи вещей, простое задушевное слово свѣтскаго человѣка, и всего болѣе слово заслуженнаго ученаго, можетъ скорѣе подѣйствовать на нашу молодежь, чѣмъ тысяча сказанныхъ съ каѳедры проповѣдей. если бы онѣ и были ею выслушаны, и что вслѣдствіе этого долгъ человѣколюбія и гражданственности нынѣ призываетъ всякаго честнаго и полезнаго дѣятеля науки протянуть руку помощи служителямъ церкви, разъясняя молодымъ людямъ истинное значеніе естественныхъ наукъ, и опровергая ложныя идеи нигилизма, матеріализма и другихъ заблужденій. И вотъ теперь раздалось это задушевное простое слово свѣтскаго человѣка въ вашей «Простой рѣчи о мудрепыхъ вещахъ». Съ какимъ удовольствіемъ я долженъ былъ прочесть это задушевное слово! Мнѣ казалось, будто гг. Кирѣевскій и Хомяковъ снова выступили на поприще проповѣдниковъ истины, и я тысячу разъ сказалъ вамъ русское задушевное спасибо за ваше истинно-христіанское дѣло: не смотря на то, что книга ваша есть только сборникъ сыраго матеріала, ждущаго спеціальной разработки опытнаго пера, она весьма благодѣтельно подѣйствуетъ на молодыхъ людей; нужно только, чтобы они прочли ее съ толкомъ. Но мнѣ кажется, что на этомъ еще нельзя остановиться, но слѣдуетъ идти далѣе въ дѣлѣ служенія истинѣ и добру.

Ваша «Простая рѣчь» будетъ прочтена учеными и взрослыми; а что же для дѣтей-то, не могущихъ питаться твердою пищею и нуждающихся въ молокѣ? Какъ помочь молодежи, учащейся и недоучившейся?

Я полагаю, что тутъ должна явиться на помощь литература, всегда имѣющая большое вліяніе на образованіе нашего ума и сердца. Было бы, кажется, весьма полезно основать общедоступный свѣтскій журналъ съ цѣлію противоборствовать распространенію ложныхъ идей, распространять между дѣтьми истинно полезныя знанія, вкоренять въ нихъ добрыя начала нравственности. Вѣдь Жюль Верпъ въ своихъ книгахъ для дѣтей «Дѣти капитана Гранта», «80,000 верстъ подъ водою», «Приключенія капитана Гатраса»

съумѣлъ же сообщить дѣтямъ полезныя знанія изъ географіи и естественной исторіи и заинтересовать дѣтей такъ, что они съ увлеченіемъ читаютъ эти книги, а капитанъ Марріэтъ въ своемъ «Маломъ дикарѣ» съумѣлъ даже провести высоконравственныя идеи: отчего же у насъ въ Россіи нѣтъ подобныхъ сочиненій?

Отъ чего у насъ въ журналѣ для дѣтей старшаго возраста неоткрыть такой беллетрическій отдѣлъ, гдѣ бы въ разсказахъ и повѣстяхъ описывались не любовныя похожденія, но полезная дѣятельность героевъ, проводились не лживыя идеи, а истинно-христіанскія правила нравственности, и указывалось истинное значеніе изслѣдованій Дарвина, Циммермана и многихъ другихъ, нынѣ кружащихъ головы молодежи, и гдѣ бы съ важностію содержанія соединялась занимательность разсказа? Повѣсть подобнаго содержанія дѣйствовала бы на юношей лучше всякой проповѣди съ каѳедры; а писателей въ этомъ родѣ нашлось бы не мало между наставниками учебныхъ заведеній и даже между священниками.

Прошу васъ обратить свое просвѣщенное вниманіе на эту мысль, и если она покажется вамъ здравою, сообщить ее ревнующимъ о благѣ общественномъ.

Священникъ Михаилъ Бурцевъ.

Бѣловъ.
Февраля 12

Письмо отъ неизвѣстной.

1874, Апрѣля 23.

Высокоуважаемый М. П. Получивъ письмо это вы конечно зададитесь вопросомъ, съ какою цѣлью оно написано: цѣль моя—выразить вамъ мою горячую и искреннюю благодарность за то что сдѣлали вы для меня, не зная меня. Въ одномъ мѣстѣ вашей книги: „*Простая бесѣда о мудреныхъ вещахъ*“ вы высказываете желаніе, чтобъ плоды вашей долголѣтной опытности и честно выработанныхъ убѣжденій, принесли хоть долю правды, поддержали кого либо и направили-бы на путь истинный.

Спасибо вамъ за это желаніе, и за то, что было его результатомъ. бы скромны вы не были, вы не можете не сознаться, что принеся

пользу, вы сдѣлали это сознательно и намѣренно, что удвоиваетъ мою благодарность, а вашу заслугу, какъ проповѣдника чистѣйшихъ идеаловъ человѣчества.

Чтобъ говорить яснѣе, скажу вамъ, искренно и откровенно, что я была и что стала. Принадлежа по возрасту къ молодому поколѣнію, я много-много успѣла передумать и перечитать, пользуясь въ этомъ отношеніи полной свободой, живя въ почтенной и образованной семьѣ, имѣя на это время, средства и охоту. Все, пережитое за послѣднее десятилѣтіе нашей молодежью, отзывалось живо во мнѣ въ нашемъ мирномъ и тупомъ захолустьи. И горе и радость и очарованіе и разочарованіе дѣлила я съ нашимъ поколѣніемъ, хотя далеко не во всемъ вѣрила ему.

Неистовствамъ и оргіямъ соціализма и нигилизма—я не сочувствовала, какъ ни дороги мнѣ были идеи равенства, братства, свободы... (и пр. великихъ, но жестоко опошляемыхъ словъ). За то чтеніе и опытъ доказали мнѣ, что въ обществѣ людей, все и вся, уклонилось отъ истины, что все мелко, грязно, гадко, что все борется за жалкое существованіе, гибнетъ незаслуженно, и еще менѣе заслуженно торжествуетъ. Словомъ, чего не сдѣлали надо мной Писаревъ, хватившій чрезъ край въ честномъ увлеченіи, его жалкіе подражатели, то сдѣлалъ Дарвинъ со своей суровой логикой и Гартманъ съ унылымъ пессимизмомъ.— Я, правда, не отвергла существованія Бога, благодаря здравой мысли, что твореніе немыслимо безъ творца, но *вѣры* у меня не стало; я хотѣла осязательныхъ грубо-матеріальныхъ доказательствъ, — чудесное я сочла басней для младенчествующихъ умовъ,— молиться я разучилась, не чувствуя больше близости Божества душею. Тяжелое сердечное горе отчасти обратило меня, дало мнѣ желаніе вѣры, но не вѣру. Вообще убѣжденія мои поколебались, чувства огрубѣли, худшее-же было, что все это я сознавала. Тяжелѣе нравственной пытки я не знаю. Единственное что было мнѣ еще дорого—это мое исконное желаніе, моя цѣль всей жизни—желаніе принести ближнему пользу—и

оно спасло меня отъ унынія, хотя я была близка къ нему. И вотъ въ Великую субботу, въ ожиданіи заутрени, утомленные члены семейства нашего унялись отъ хлопотъ, заснули, утихли. Настроеніе мое было равнодушное и вялое. Скуки ради взялась я за чтеніе вашей книги, пожертвованной вами на нашу библіотеку въ память Жуковскаго. О васъ, вашихъ сочиненіяхъ, я, признаюсь къ стыду моему мало знала, больше урывками съ чужихъ словъ. Дѣятелей вашего времени мы, съ чужихъ словъ, привыкли почитать за честныхъ, отсталыхъ «старенькихъ романтиковъ» по слову Базарова, и мало интересовались вами. Простите насъ за это....

Сперва чтеніе просто заняло меня, потомъ увлекло, потомъ все прожитое и продуманное встало передо мной. Мысли мои нашли отголосокъ въ вашихъ, на сомнѣнія были отвѣты. Ваша вѣра сообщилась мнѣ, и я устыдилась своего маловѣрія, своего узколобаго сомнѣнія, своего деизма, своего отступничества отъ христіанства, когда оно въ опасности отъ враговъ, устыдилась, что я разсуждаю о вѣрѣ, какъ о будничныхъ вещахъ, что я прощала себѣ много слабостей, принявъ легко-растяжимую мораль модной философіи—прощающей все—но не по любви, а по распущенности и по отсутствію критеріума въ сужденіяхъ. За раскаяньемъ послѣдовало желаніе спастись, а потомъ я повѣрила вдругъ—и не умомъ, не выкладками и доводами, а душой. Такого умиленія, такой близости Божества, такого блаженства, какъ въ тѣ минуты, я не запомню во вѣкъ.

Это была та вѣра, о которой я мечтала: младенческая, первобытная, покойная, стоящая выше сомнѣній, страха, выше земныхъ желаній и земныхъ радостей, та, предъ которой молчитъ жалкій умишка человѣка. Во всѣ 20 лѣтъ моей жизни, я не подозрѣвала того, что можетъ дать заутреня подъ великій праздникъ возрожденія и воскресенія. Эту ночь я не жила на землѣ: «Блаженны не видѣвшіе, но повѣрившіе». Вамъ, и только вамъ, почтенный дѣятель, обязана я всѣмъ этимъ. Вы сказали мнѣ: «вѣрь и смирись!» я повѣрила и смирилась по примѣру вашему.

Вы выпустили меня изъ душнаго круга плотскихъ мыслей и цѣлей, на вольный свѣтъ идеаловъ, жизни души и покоя, который я знала въ переходѣ изъ дѣтства къ молодости, но который на долго бросила. Какъ не благодарить мнѣ васъ еще и еще, когда вы указали мнѣ, что есть душа, а не выдѣленіе мозга подобное поту или желчи, когда теперь, ни жизнь, ни смерть, не страшатъ меня, какъ прежде.

Желаю всей душой, чтобъ книга ваша произвела свое благодѣтельное дѣйствіе не на одну меня, и надѣюсь, что такъ и будетъ, потому что состояніе колебанія въ вѣрѣ и желанія вѣрить, которое я испытала, слишкомъ тяжело, чтобъ не желать отъ него избавиться, а никакой трактатъ, никакая полемика не можетъ дѣйствовать такъ сильно, какъ отрывочное собраніе 30 лѣтныхъ опытовъ и замѣтокъ, имѣющихъ цѣлью истину и желаніе добра ближняго. Такимъ образомъ мнѣ кажется, что именно то, что вы называете недостатками вашего труда — т. е. отрывочность и недостатокъ системы, составляютъ ея обаяніе. Въ ней нѣтъ кабинетной работы: она не книга,—а вы и ваши мысли.

. . . . . .

Если вамъ заблагоразсудится не держать въ тайнѣ моего письма—я буду счастлива, чтобъ великое чудо, совершенное надо мной милосердымъ Отцомъ, послужило въ назиданіе моимъ братьямъ и сестрамъ.

Желаю вамъ еще долгихъ, счастливыхъ лѣтъ жизни, на пользу отечества и вѣры, и прошу принять мое глубокое уваженіе, полную благодарность, съ которыми имѣю честь быть. О.

Послѣсловіе перваго изданія.

Не стану распространяться о цѣли предлагаемаго изданія. Кто прочтетъ внимательно всю книжку, тотъ увидитъ ясно, для чего издана она, и для чего издана именно теперь. Я повторю только просьбу: не смотрѣть на нее, какъ на литературное произведеніе, еще менѣе — какъ на сочиненіе, принадлежащее къ такъ называемой наукѣ, имѣющее какія бы то ни были ученыя притязанія.

Это—собраніе замѣтокъ, въ разныя времена, при разныхъ случаяхъ, среди чтенія и размышленія, внушенныхъ простымъ здравымъ смысломъ, до какой степени онъ достигъ въ авторѣ своего развитія. Это—мысли, проблески, выходки, вспышки, вопли. — Записывая, я не помышлялъ, что когда-нибудь буду печатать ихъ въ первоначальномъ видѣ, пущу въ свѣтъ, такъ сказать, «какъ мать родила», и только въ виду пагубнаго повѣтрія, заражающаго, часъ отъ часу болѣе, нашу злополучную молодежь, — въ надеждѣ принести ей пользу, рѣшился я передать читателямъ свои замѣтки, оставляя на нихъ, въ доказательство ихъ совершенной независимости и свободы отъ всякаго внѣшняго предназначенія, печать ихъ разнообразнаго происхожденія.

Смотря съ этой точки на книжку, читатель пойметъ, почему иногда многія стороны, прикосновенныя къ тому или другому вопросу, оставлены какъ будто безъ вниманія; почему нѣтъ иногда нужной послѣдовательности между мыслями и ихъ группами; почему встрѣчаются по мѣстамъ пробѣлы; почему, при разсужденіи о томъ или другомъ предметѣ, не указаны извѣстныя подтвержденія или возраженія, гораздо болѣе значительныя, лучшія доказательства или опроверженія: почему примѣчаются многія неровности въ языкѣ и въ тонѣ.

Замѣтки принадлежатъ къ сорока слишкомъ годамъ: не мудрено оказаться въ нихъ различіямъ всякаго рода! Каждая замѣтка есть особое цѣлое, хотя очень малое, въ родѣ атома: одна заключаетъ утвержденіе, другая вопросъ, третья сомнѣніе, недоумѣніе, отвѣтъ. Одна записана въ спокойномъ расположеніи духа, другая въ сердцахъ, третья была слѣдствіемъ негодованія. Въ однѣхъ замѣткахъ заключаются мысли автора, въ другихъ предполагаются возраженія противниковъ. Порознь могутъ иныя подвергаться всякимъ толкованіямъ, но въ совокупности передаютъ, надѣюсь, ясно образъ мыслей автора, который отстранитъ всякое недоразумѣніе, и опредѣлитъ смыслъ, въ какомъ должна быть принимаема та или другая двусмысленность, или неясность, исправитъ неправильность.

Касательно общихъ замѣчаній, полученныхъ мною отъ моихъ почтенныхъ рецензентовъ, кромѣ частныхъ, выше изложенныхъ въ дополненіяхъ, долженъ я объяснить слѣдующее:

Мои рецензенты, богословы, философы, ученые и неученые, стоятъ каждый на своей точкѣ, и предъявляютъ требованія иногда совершенно противуположныя.

Начинаю съ духовныхъ.

Духовные рецензенты, привыкшіе къ строгому догматизму, къ юридической отчетности, къ формѣ силлогистической, со всегдашнимъ опасеніемъ отвѣтственности, никакъ не могутъ имѣть постоянно въ виду, съ одной стороны происхожденіе моей книжки, съ другой цѣль ея, и потому предъявляютъ иногда требованія, отъ исполненія которыхъ я отказался въ самомъ вступленіи, — нѣкоторыя мысли отвергаютъ, какъ не вполнѣ доказанныя, или неясно выраженныя, — или требуютъ немедленныхъ отвѣтовъ на тотъ или другой вопросъ, разрѣшенный только впослѣдствіи.

(Это произошло впрочемъ отчасти потому, что книга доставлялась имъ по листамъ).

Постараюсь здѣсь объяснить ихъ недоразумѣнія, предполагая, что таковыя могутъ встрѣтиться и у читателей.

«Что касается размышленій о религіозныхъ предметахъ,» говоритъ одинъ рецензентъ, «то въ нихъ есть много неточнаго, сбивчиваго, непослѣдовательнаго, даже невѣрнаго».

«Нѣкоторые вопросы вмѣсто успокоенія,» говоритъ другой рецензентъ, «могутъ наводить сомнѣніе и производить противоположное цѣли дѣйствіе».

«Со с. 27 начинается», говоритъ третій, «самая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ трактатъ о бытіи. Жаль, что въ присланныхъ листахъ не доведенъ до конца. Вѣроятно въ концѣ его будутъ выводы, какіе должны слѣдовать изъ набросанныхъ мыслей и выраженій. Но если они не предполагаются, (чего однакожъ я не думаю), то набросанныя мысли и выраженія произведутъ какое-то скептическое настроеніе. Положимъ, человѣкъ умомъ своимъ понять и объяснить не можетъ, какъ онъ существуетъ, какъ произошелъ, какъ произошли и существуютъ міры, цѣлая вселенная; положимъ, всѣ гипотезы и теоріи, придуманныя человѣческимъ умомъ, не разрѣшаютъ вопроса о *бытіи*, и только рождаютъ вопросы, но для человѣка долженъ быть поданъ откуда нибудь свѣтъ, при помощи коего онъ получаетъ возможное познаніе о вещахъ. Вѣроятно дальше будетъ это сказано».

Одинъ изъ моихъ старинныхъ друзей, многоуважаемый С. А. М., отнесся къ этимъ вопросамъ даже еще строже, и требовалъ ихъ исключенія.

О первомъ общемъ осужденіи позволяю себѣ думать: такъ, можетъ быть, имѣетъ право сказать наука? богословіи, но въ моей книжкѣ излагаются мысли свѣтскаго человѣка, которыя представляются уму въ естественномъ его положеніи. Наукѣ богословской онѣ могутъ служить примѣромъ возникновенія мыслей у мірянъ,—даже полезнымъ указаніемъ, что она должна имѣть въ виду для вразумленія несвѣдущихъ и назиданія оглашенныхъ, ниже къ просвѣщенію.

На послѣднія же обвиненія могу отвѣчать вообще словами Архимандрита Михаила въ его предисловіи къ разсужденію о Евангеліяхъ и Евангельской исторіи, по поводу книги Ренана, которыми онъ хотѣлъ предупредить подобное обвиненіе:

«Да не оскорбится религіозно-нравственное чувство читателей, когда, въ изложеніи этихъ изслѣдованій, а равно и основаній ихъ—философскихъ воззрѣній школъ, встрѣтится могущее оскорбить религіозно-нравственное чувство Что же дѣлать? Умалчивать о нихъ нельзя, когда самыя популяризаціи ихъ обнаруживаютъ, и, придавая имъ еще болѣе внѣшней плѣнительности, увлекаютъ».

Подобаетъ и ересемъ быти, учитъ Апостолъ Павелъ. Впрочемъ у меня идетъ рѣчь даже и не объ ересяхъ, а о вопросахъ простыхъ, которые, представляются естественному уму, и не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; представляются же авторомъ эти вопросы, не имѣющіе отвѣтовъ въ естественномъ умѣ, какъ доказательство его ограниченности и необходимости въ вѣрѣ. См. с. 82.

Книга получила характеръ полемическій, противъ нигилистовъ и позитивистовъ: какъ же можно было обойтись безъ представленія ихъ ложныхъ основаній, парадоксовъ, кривотолкованій? Напротивъ, надо было собрать какъ можно болѣе главныхъ ихъ выходокъ, хоть in extenso, (вкратцѣ). придумать всѣ возможныя, чтобъ предупредить нападеніе, и показать слабость и ничтожность ихъ оружія предъ высшими соображеніями объ ограниченности разума, о необходимости вѣры, о божественности Евангелія.

Съ другой стороны, еслибъ исключить естественные неизбѣжные вопросы, какъ того хочетъ многоуважаемый С. А., то противная сторона получила бы благовидный предлогъ къ обвиненію въ умолчаніи возраженій, въ утаеніи трудностей, въ недобросовѣстности полемики, и проч.

Исключенія дали бъ только поводъ къ объявленію недоумѣній въ выгоднѣйшей для нихъ формѣ, и дѣло ничего бъ не выиграло, а развѣ проиграло бъ въ глазахъ легкомысленной толпы.

«Чтобы въ афоризмахъ рѣчь была яснѣе, кажется, нужно,» замѣчаетъ одинъ рецензентъ, «при нѣкоторыхъ положеніяхъ прибавлять слово — говорятъ: тогда тезисы и антитезисы будутъ выпуклѣе для читающаго».

По смыслу и ходу рѣчи внимательный читатель долженъ увидѣть самъ, что говорится отъ имени автора, и что приписывается его противникамъ. Впрочемъ всѣ вопросы, сомнѣнія, недоумѣнія, если кому встрѣтятся или покажутся какія, относительно автора, разрѣшаются для него духомъ всей книжки, которая на всякой страницѣ указываетъ, гдѣ, по ея мнѣнію, всякій мыслящій, безпристрастный человѣкъ долженъ искать и можетъ найдти для себя путь, *истину* и животъ.

«Богословы могутъ сказать, что хотя Божія никто же вѣсть, только Духъ Божій, но человѣку, по свойству естественнаго богоподобія, дано нѣчто разумѣвать изъ дѣйствій Ума Божественнаго; за тѣмъ Откровеніе не только сообщило, но и объяснило многія тайны высочайшей премудрости Божественной. Богъ не оставилъ человѣка въ совершенномъ невѣдѣніи о Себѣ и открылъ многое, сколько нужно и возможно знать человѣку даже о существѣ Своемъ. Если открылъ, то, значитъ, предоставилъ и самому человѣку право и возможность собственнымъ размышленіемъ проникать въ тайну открытаго. Спаситель открываетъ Ѳомѣ ребро и язвы гвоздиныя, и хотя отдаетъ превосходство вѣрѣ, но въ тоже время снисходитъ и къ невѣрію, и показываетъ, что требуется для нагляднаго убѣжденія. По этому любознаніе и въ предметахъ вѣры нельзя порицать, можно только напоминать ему о предѣлѣ, далѣе котораго простираться оно не можетъ».

Для отвѣта см. с. 84.

«На множество вопросовъ дается у васъ отвѣтъ одинъ — это тайна, не размышляй, а вѣрь. Область таинъ слишкомъ уже расширена: человѣку при такомъ представленіи становится безотрадно; онъ является слѣпымъ орудіемъ какой-то судьбы, какъ въ греческихъ трагедіяхъ или индѣйскомъ вѣроученіи. Евангеліе очень достаточно прояснило намъ наше земное

положеніе, и если въ Новомъ Завѣтѣ встрѣчаются мѣста, говорящія о предопредѣленіи, то онѣ понимаются условно: человѣкъ безъ Бога ничего не можетъ сдѣлать для своего спасенія; но и Богъ безъ самаго человѣка не можетъ спасти его».

Разсужденія и заключенія, соотвѣтственныя предложеннымъ замѣчаніямъ, см. 88—93 и проч.

Обращаюсь къ требованіямъ другаго рода.

Одинъ рецензентъ ищетъ полноты, на примѣръ къ с. 48 онъ замѣчаетъ: «все, что говорится объ ограниченности человѣческаго ума, и непостижимости основъ жизни, признаетъ новѣйшая позитивная философія, только не дѣлаетъ отсюда такой выводъ, что слѣдовательно и думать объ этомъ вздоръ. Слѣдовало бы разобрать этотъ выводъ».

Или с. 38, «Вопросъ, почему являются отрицатели, рѣшенъ неудовлетворительно.»

Отвѣчаю: никакого вопроса авторъ не брался рѣшать, также и не думалъ разбирать никакого вывода, а передаетъ только то, что ему самому вспало на умъ объ томъ или другомъ вопросѣ.

Тотъ же отвѣтъ относится къ замѣчанію, что на с. 40 «мысли высказываются слишкомъ отрывочно», и къ словамъ на 57 с. «сказанное объ Евреяхъ не для всѣхъ можетъ быть убѣдительно,» с. 58: «относительно пророчествъ, могутъ возбуждаться возраженія, разъясненіе и опроверженіе которыхъ потребовало бы спеціальныхъ богословскихъ изслѣдованій.»

Другой рецензентъ, прочитавъ страницу о католичествѣ, говоритъ: «вообще вся рѣчь о папѣ и католичествѣ мало вяжется съ общимъ содержаніемъ и само по себѣ неудовлетворительно. Лучше бы ее опустить».

Изъ этихъ словъ читатель видитъ, что рецензентъ ожидалъ также полнаго трактата о католичествѣ, и хочетъ, чтобъ онъ имѣлъ связь съ другими. На трактата я не думалъ писать, ни привязывать этого вопроса

къ другимъ не хотѣлъ: мнѣ представился однажды текстъ, который, показалось мнѣ, говоритъ прямо противъ папской власти, другой о равенствѣ апостоловъ, ну, я и отмѣтилъ ихъ. Вотъ, де, какъ мирянину, внѣ церковной полемики, представляется тотъ или другой текстъ. А кто хочетъ узнать подробно и обстоятельно, тотъ читай спеціальныя сочиненія. Я впрочемъ оговорился даже объ этомъ, и заключилъ сказанное о папѣ въ скобкахъ. Здѣсь же привожу это возраженіе, чтобъ показать примѣръ, какъ не можетъ самый снисходительный рецензентъ отдѣлиться отъ требованій школы.

По такому же недоразумѣнію онъ говоритъ: «если авторъ желаетъ говорить о Еврейскихъ школахъ, современныхъ Іисусу Христу, едва ли можно миновать вопросъ объ ессействѣ. Но всего этого вопроса нельзя, кажется, раскрыть обстоятельно безъ спеціальнаго изслѣдованія».

Опять тотъ же отвѣтъ съ моей стороны: не думалъ я толковать о школахъ, а сказалъ объ нихъ по тѣмъ понятіямъ, которыя находятся въ оборотѣ.

Можетъ быть, прибавлю здѣсь кстати, у ессеевъ, какъ у стоиковъ, найдутся нѣкоторыя нравственныя правила, соотвѣтствующія Христіанству, но любви Евангельской не найдено, кажется, нигдѣ, а любовь есть главное.

Всѣ полученныя замѣчанія я приложилъ. Приложу также съ благодарностію и всѣ тѣ, кои впередъ получать буду. *)

Дочитавъ послѣдніе листы, рецензентъ, которому принадлежитъ большая часть вышеприведенныхъ частныхъ замѣчаній, сдѣлалъ такое заключеніе, къ которому я могу только съ благодарностію примолвить: аминь.

«Теперь, по прочтеніи послѣднихъ листовъ, я понимаю ясно мысль, какую желали вы высказать въ своемъ сочиненіи, понимаю и самый строй сочиненія. Конецъ сочиненія привелъ меня къ этому»:

*) Я хотѣлъ было, въ знаменіе журнальнаго времени, собрать и приложить къ этому изданію всѣ ругательныя рецензіи, но не успѣлъ. Приложу ихъ къ другому изданію.

«И въ области естественной много для насъ тайнъ, тѣмъ больше въ области сверхъ-естественной все для насъ непостижимо. Безразсудно со стороны человѣка претендовать на постиженіе непостижимаго, на знаніе того, что сокрыто отъ его ограниченнаго и поврежденнаго разума. Человѣкъ долженъ безусловно вѣрить тому, что открылъ Богъ, и самою высшею мудростію со стороны его будетъ — предаться безусловно волѣ Божіей, и жить такъ, какъ училъ и показалъ въ собственномъ примѣрѣ Христосъ. Въ этомъ не только мудрость, но и счастіе, блаженство человѣка. А внѣ этого или безъ этого тьма тьмущая въ мірѣ, бѣдствія безвыходныя въ жизни человѣка и человѣчества. Вотъ мысль, какую проводите вы въ своемъ сочиненіи, — мысль глубокая и въ высшей степени назидательная. Конецъ сочиненія весьма поучителенъ. Надъ нимъ задумаются и тѣ, которые не имѣютъ обычая ни о чемъ думать, и тѣ, которые ужъ слишкомъ много думаютъ о всемъ».

Выражу и я для ясности еще другими словами содержаніе сочиненія, основныя мысли.

Всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину.

Твореніе заставляетъ предполагать Творца, Бога.

Влеченіемъ къ злу доказывается грѣхопаденіе.

Видимая, непостижимая премудрость заставляетъ предполагать Премудрость невидимую, еще высшую.

Слѣды ея слышатся, чуются, усматриваются имѣющими очи видѣти и уши слышати.

Очистимъ чувствія и узримъ...

Для нашихъ вопросовъ, здѣсь не разрѣшимыхъ, должны непремѣнно получиться гдѣ нибудь отвѣты.

Душа наша имѣетъ способности, которыхъ мы не знаемъ, но которыя могутъ обнаруживаться при усовершенствованіи.

Никакой жертвы на землѣ разумъ человѣческій не можетъ принести болѣе вѣры.

Къ вѣрѣ ведутъ и всѣ прочія безпристрастныя его наслѣдованія надъ собою и природою.

Ничего на землѣ не было сказано, не было совершенно выше, чище, святѣе, сказаннаго и совершеннаго Спасителемъ рода человѣческаго, Іисусомъ Христомъ. Его и надо слушаться, (вотъ и въ двухъ словахъ смыслъ, цѣль книжки), Ему вѣрить, молиться, и стараться о жизни по заповѣди Евангельской, о нравственномъ и умственномъ совершенствованіи, которое и должно считать единственною цѣлію человѣка на землѣ,—главною задачею правительствъ, замѣтимъ кстати, а она теряется ими изъ виду.

Философамъ и ученымъ предложенъ отвѣтъ въ самомъ текстѣ этого изданія, см. въ 3 отдѣленіи: о модныхъ философскихъ у насъ толкахъ.

Здѣсь прибавлю только: опытныя науки должны сознаться, что на первые вопросы отвѣчать онѣ не могутъ.

Не бывъ же очевидно въ силахъ отвѣчать на эти вопросы, утверждать, что и отвѣчать нечего, что за часами, употреблю выше приведенный примѣръ, с. 41, ни спереди, ни сзади нѣтъ ничего, что часы явились и завелись сами-собою, и составляютъ perpetuum mobile, есть дерзость и невѣжество, которое оказываетъ пагубное вліяніе на современное молодое большинство.

Положительная философія не допускаетъ созданія чего бы то ни было изъ ничего.

А нашла-ль она что-нибудь происшедшее само собою?

О второмъ отдѣленіи книжки, замѣчаетъ одинъ рецензентъ: «Выписки, относящіяся до случаевъ, въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательныхъ, не будучи освѣщены руководительнымъ объясненіемъ, направлены къ опредѣленнымъ положительнымъ цѣлямъ, могутъ давать пищу суевѣрію и обрисовать личность автора, какъ типъ суевѣра».

Объяснять, направлять — это было совершенно несогласно съ заявленною цѣлію. Напротивъ, необъяснимостію своею эти случаи соотвѣтствуютъ ей гораздо болѣе, принуждая предполагать что-то въ дѣлахъ міра сего, не подлежащее нашимъ чувствамъ, — опытамъ и наблюденіямъ.

Всякое объясненіе подало-бъ только поводъ къ словопреніямъ, изъ-за коихъ позабылась бы ихъ сущность.

Нигилистамъ и позитивистамъ при этихъ случаяхъ можно только сказать: вы наблюдаете въ разныхъ областяхъ природы явленія, которыя съ перваго знакомства съ ними кажутся непонятными, и бережете ихъ впредь до объясненія, которое послѣ иногда и находится. Почему же и хотите наблюдать явленія этого рода и беречь также впредь до объясненія?

Одно засвидѣтельствованное, принятое, существованіе такихъ явленій, много значитъ, даже безъ объясненій.

Наконецъ одинъ изъ моихъ благопріятелей остерегаетъ меня въ личномъ отношеніи.

«Особенно, мнѣ кажется», пишетъ онъ «внимательно, нужно просмотрѣть все, что вы разсказываете о собственной жизни. Лучше здѣсь опустить все не такъ значительное, и все, что можетъ подавать поводъ къ какому нибудь соблазну или глумленію. Къ откровенной общественной исповѣди у насъ мало привыкли, и исповѣдь въ автобіографіи живаго человѣка принимается совсѣмъ иначе, чѣмъ исповѣдь, напримѣръ, въ посмертныхъ запискахъ. На людей серьезныхъ и искреннихъ ваши признанія конечно подѣйствуютъ назидательно, но на большинство читателей какъ бы онѣ не произвели другаго впечатлѣнія! Нельзя не принять во вниманіе того, что у васъ есть не мало литературныхъ и общественныхъ неблагопріятелей, а еще болѣе у насъ есть много людей, готовыхъ поглумиться при всякомъ удобномъ случаѣ, хотя бы надъ самымъ искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ сердца. Не нужно конечно смущаться людскими толками и глумленіями, но нужно и съ своей стороны предотвращать

все, что можетъ подать поводъ къ соблазну, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о самыхъ глубокихъ основахъ и самыхъ высокихъ чаяніяхъ жизни».

«Случаи и наблюденія надъ собою», пишетъ другой рецензентъ, «могутъ подать поводъ къ великимъ глумленіямъ со стороны фельетонныхъ борзописцевъ и тому подобной братіи, а это было бы крайне прискорбно и больно для всѣхъ друзей вашихъ и для всѣхъ людей, уважающихъ вашу личность, для всѣхъ друзей всякаго честнаго дѣла, для каждаго, кто дорожитъ интересами религіозными, общественными, народными».

Принимая совѣты, я сдѣлалъ нѣсколько исключеній въ этомъ отдѣленіи книжки, но скажу вообще, что будущія глумленія нисколько меня не смущаютъ, какъ не смущали прошедшія. Онѣ посыплются, я увѣренъ, въ обиліи, и доставятъ мнѣ удовольствіе, послужа для меня доказательствомъ, что въ книжкѣ ощутителенъ ладонъ.

Мнѣ остается объясниться еще съ нашими нигилистами. Пишучи это послѣсловіе въ спокойномъ расположеніи духа, я готовъ извиниться предъ ними въ нѣкоторыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, и привести имъ въ оправданіе старинную нашу пословицу, что на брань слово купится. Я впрочемъ готовъ даже признать ихъ хорошую сторону; они безпокоятся о чемъ-то, чего-то желаютъ, о чемъ-то заботятся, въ противоположность равнодушію, безпечности, застою большинства. Вооружаясь противъ нихъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ искренно жалѣю объ нихъ, и, допуская ихъ ревность, благонамѣренность, огорчаюсь, что они способности свои употребляютъ не на пользу, а во вредъ себѣ и другимъ, вредъ, который они могутъ осязать, кажется, ежедневно, въ извѣстіяхъ газетъ, приносимыхъ со всѣхъ сторонъ Россіи.

Во всякомъ случаѣ мнѣ очень жаль, что, переписывая и разбирая мои лоскутки подъ впечатлѣніями минуты, я вставлялъ шутливыя, а иногда бранныя выходки противъ нигилистовъ, чѣмъ вѣроятно и повредилъ основному тексту, развлекая читателя. При второмъ изданіи я очищу

первую часть отъ этихъ выходокъ, и составлю изъ нихъ особенное цѣлое, посвященное злобѣ дня, (что теперь и исполняется).

Въ приложеніяхъ я намѣренъ былъ сначала помѣстить разборъ, написанный мною, системы Дарвиновой, которая сводитъ съ ума часть нашей интеллигентной (?) толпы, но получилъ отъ одного почтеннаго естествоиспытателя, которому отдавалъ его на разсмотрѣніе, возраженія, требующія отъ меня отвѣта. Не имѣя ни времени, ни расположенія, написать его теперь, я отлагаю печатаніе моего разбора вмѣстѣ съ возраженіями и объясненіями до другаго изданія *).

Заключу молитвою, которую воспѣваетъ въ нынѣшній день Святая церковь:

Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины, иже вездѣ сый и вся исполняяй, сокровище благихъ и жизни подателю, пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наша.

Духовъ день.
28 Мая, 1873 г.

М. Погодинъ.

---

*) Все это было впрочемъ напечатано и въ первомъ изданіи, такъ какъ оказалась возможность написать отвѣтъ естествоиспытателю предъ выходомъ книжки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Нравственно-духовные афоризмы.

	стр.
Предметъ сочиненія	3
Происхожденіе	4
Опыты вступленій и случаи	7
Непостижимости	21
Объ ограниченности разума	32
О бытіи Божіемъ	35
Недостатки модной философіи	38
О душѣ	43
Продолженіе творенія	45
О другомъ мірѣ	47
Что намъ дѣлать	51
О жизни по смерти	53
Іисусъ Христосъ и Его ученіе	55
О подлинности Евангелій	59
Дѣйствія апостольскія	65
О католичествѣ	71
Сомнѣнія и недоумѣнія	74
О наукѣ богословіи	83
Состояніе человѣка	84
Необходимость вѣры	91
Вообще о современномъ положеніи государствъ	93
Современныхъ обществъ	95
Современнаго человѣка	101

Прибавленія

къ первому отдѣленію.

	стр.
I. Сознанія и подтвержденія изъ сочиненій: Ренана, Литре, Кине, В. Гюго, Конта, Льюиса, Миля, Конта, Спенсера, Штрауса и проч.	105
Изъ бесѣды Іоанна, Ек. Смоленскаго, о судѣ надъ Христомъ	113
II. Замѣчанія	130

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Философамъ для объясненія.

Вступленіе къ описанію случаевъ, такъ называемыхъ сверхъ-естественныхъ	3
Предчувствія	5
Предвѣстія	14
Предсказанія	17
Предвидѣнія	29
Способность видѣть впередъ	30
Способность видѣть далекое настоящее	37
Случаи самосебявидѣній	44
Внутренній голосъ	46
Чье-то участіе въ нашей жизни	55

	стр.
Обращенія	50
Явленія покойниковъ	84
Явленія умирающихъ въ минуту смерти	92
Сновиденія	107
Изъ жизни принца Евгенія	108
Письмо М. М. Евреинова	111
« Е. В. У—ой	112
Указаніе въ сновиденіи	114
Письмо графа Бутурлина	115
» Ѳ. Н. Глинки	116
Предзнаменованіе	118
Историческія замѣтки	119
Изъ моихъ записокъ	121
Изъ письма графа Бутурлина	128
Хиромантикъ	129
Сельская лекарка	—
Изъ письма Г. Чубаторова	130
Засѣданіе у Г. Юма	131
Письмо А. Н. Аксакова	132

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Къ злобѣ дня.

	стр.
Нигилистамъ по поводу дѣла объ изданіи сочиненій Писарева 269, 288.	1
Два слова о Петербургскомъ нигилизмѣ	16
Эмансипація женщины	20
Къ злобѣ дня	33
Петербургское самоубійство	35
Разборъ системы Дарвиной	37
Мысли о матеріализмѣ	43
Возраженіе Естествоиспытателя	82
Отвѣтъ автора	92
Изъ бесѣдъ о. Гіацинта	107
Человѣкъ, изъ стихотворенія князя Шихматова	108
О модныхъ философскихъ толкахъ	109
Мысли о матеріализмѣ	172
Отрывки изъ Іова	183
Примѣчательная эпитафія	189
Письмо священника	190
Письмо неизвѣстной	195
Послѣсловіе	199

ЗАМѢЧАННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

С. 58, ст. 3 пропущено имя города Назаретъ.

С. 80, ст. 3 снизу, надо читать: мы отчасти знаемъ и отчасти пророчествуемъ и проч.

С. 103, въ концѣ послѣ слова «нѣтъ» пропущены слова: нѣтъ дѣлающаго добро, нѣтъ ни одного.

На 99 с. въ 3 отдѣленіи, пропущено заглавіе Предзнаменованія.

Сборникъ, служащій приложеніемъ къ Простой Рѣчи о мудреныхъ вещахъ, поступаетъ въ печать и выйдетъ въ серединѣ поста.

Stanford University Libraries
3 6105 002 384 878

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

SEP 02 1991
AUG 14 1997